Александр Больных

ТАНКОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ!

ТАНКОВЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Больных

ТАНКОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2010

УДК 355/359
ББК 68
Б 79

Оформление серии *П. Волкова*

На переплете рисунок художника *В. Петелина*

Больных А. Г.

Б 79 Танковые войны XX века / Александр Больных. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 640 с. — (Танковый бестселлер).

ISBN 978-5-699-43130-4

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Полное издание обеих книг ведущего военного историка, посвященных танковым войнам XX века, в том числе и легендарному блицкригу.

Минувшее столетие по праву считается **«Веком танков»** — ни один другой род войск не оказал такого влияния на ход боевых действий: танки играли решающую роль в большинстве вооруженных конфликтов, совершив настоящую революцию в военном деле, навсегда изменив характер современной войны. Однако полноценные, по-настоящему эффективные танковые войска удалось создать лишь трем государствам — гитлеровской Германии, Советскому Союзу и Израилю, — только эти страны, пройдя долгий путь кровавых проб и ошибок, смогли разработать и успешно применить на практике теорию танковой войны, вершиной которой стал немецкий **БЛИЦКРИГ**, впоследствии взятый на вооружение советскими и израильскими танкистами. Анализу стратегии и тактики «молниеносной войны» посвящена вся вторая часть книги. Кроме того, особый интерес представляет глава, в которой автор моделирует несостоявшийся конфликт между СССР и НАТО, наглядно демонстрируя, что вопреки американским прогнозам на Европейском театре военных действий у Запада фактически не было шансов устоять против советской танковой мощи.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-43130-4

© Больных А. Г., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

XX ВЕК ТАНКОВ

ЕСЛИ ТАНКИ БУДУТ ИМЕТЬ УСПЕХ, ПОСЛЕДУЕТ ПОБЕДА

Что такое танковая война? На этот наивный вопрос без малейших затруднений отвечают военные энциклопедии. СВЭ, например, дает такое определение: «Танковая война (иностр.) — понятие, выражающее главенствующую роль танковых (мех.) войск в военных действиях и их преувеличенную способность самостоятельно решать исход войны. Теория танковой войны является одной из разновидностей теории «малых профессиональных армий». Но при этом уже через пару страниц та же самая СВЭ категорически утверждает: «Танковые войска составляют основную ударную силу сухопутных войск».

Имеется и другой вариант: «Танковая война — это использование бронированных боевых машин в современной войне. Преимущества танковой войны заключаются в способности войск прорывать оборонительные позиции обычной пехоты, используя маневренность боевых машин и защиту от пехотного оружия, а также возможность уничтожать артиллерию обороняющихся собственным оружием, обычно скорострельными пушками и пулеметами».

Причем далее следует убийственный ярлык: «Доктрина танковой войны знаменовала разрыв со статической окопной войной периода Первой мировой и возврат к военной школе XIX века, которая отстаивала постулаты маневренной войны и решающего сражения, как вершины военной стратегии».

Честно говоря, оба варианта представляются мне не лишенными недостатков и определенного лукавства, так как их авторы сознательно кое-что искажают. Если почитать Фуллера и Лиддел-Гарта, то действительно можно увидеть рассуждения на тему профессиональных армий. К тому же идея чисто танковых частей граничит с бредом, как всякая идея, доведенная до абсолютного во-

площения. Ну а вторая представляет собой точное описание тактики действий мотопехоты на БТР или БМП.

Но работы Гудериана и труды советских теоретиков крест-накрест зачеркивают измышления британской школы, хотя и они не лишены определенных недостатков. Мы дадим свое определение танковой войны, ни в коем случае не претендуя на то, чтобы оно стало истиной в последней инстанции. Спорить с сонмом многозвездных генералов и военных академиков было бы откровенной дерзостью с нашей стороны. Итак, танковая война — это вид современной маневренной войны, в которой роль главной ударной силы исполняют танковые войска. Они являются осью, вокруг которой строятся все операции, как наступательные, так и оборонительные. Массированный удар танковых частей решает исход операции, Гудериан даже изрек нечто вроде афоризма: «Если танки будут иметь успех, последует победа». При этом в состав танковых войск входят не одни только танковые части, но также мотопехота, артиллерия, саперы, разведывательные и зенитные подразделения, тыловые службы. Исходя именно из этого определения, мы и будем рассматривать военные операции армий XX века. Кстати, такое определение позволяет провести четкое разграничение между использованием танков и танковой войной, достаточно лишь взглянуть, основную или вспомогательную роль играли танки в соответствующей операции. Наглядным примером является Франция в 1940 году, которая имела много танков, но не имела танковых войск. Это подчеркивал историк Артур Хейгль, когда писал в 1938 году: «Расхождение во мнениях относительно значения танков сегодня велики, как никогда. Воспоминания о боях Первой мировой войны потускнели. А самые последние бои в Испании проходили на ограниченной территории и в слишком малых масштабах, чтобы можно было сделать твердые выводы». Самым ярким видом танковой войны является тактика блицкрига, которая предусматривает прорыв вражеского фронта, окружение и уничтожение сил противника, однако она не исчерпывает всех возможных вариантов использования танковых войск. Ведь танки могут использоваться для нанесения глубоких рассекающих ударов, для обеспечения эластичной обороны и других целей.

Очень многие авторы с нескрываемым восторгом рассказывают историю о «танках древности» — боевых слонах. Самое любо-

пытное, что они совершенно правы. Первые в истории «танки» по способам своего тактического применения полностью совпадали с первыми в истории «танками» (слонами). Слоны были самым опасным противопехотным оружием древности, и точно так же в 1916 году первые английские танки стали самым опасным противопехотным оружием. Все эти Mk.I или Mk.V предназначались для одной-единственной цели — уничтожения вражеской пехоты в траншеях и **ничего более**. Впрочем, ни на что большее они и не были способны. Создалась несколько странная ситуация — танки уже существовали, а вот до появления танковой войны оставалось еще четверть века.

Однако и в дальнейшем к пониманию концепции танковой войны пришли далеко не все ведущие военные державы. Например, во французской армии танк так и остался вспомогательным пехотным оружием. Англичане уселись между двух стульев, превратив часть танков в то же самое пехотное оружие, а часть — в странное подобие рыцарской кавалерии. Япония и Италия по причине слабости промышленности и технической отсталости вообще ни о чем подобном не могли даже мечтать. Про Соединенные Штаты, которые до Второй мировой войны не имели настоящих вооруженных сил, и говорить смешно. Но зато Германия и Советский Союз создали более или менее стройные теории использования танковых войск, хотя к 1939 году этих самых войск фактически не имели, но по разным причинам. Германии мешало отсутствие по-настоящему боеспособных танков, а советские мехкорпуса все-таки слишком напоминали английскую мечту: танки, танки и снова танки. При этом советские генералы больше говорили, чем делали. Можно, например, вспомнить знаменитые маневры Киевского округа в начале 1930-х годов, названные «большой показухой».

Начало войны показало, что даже лучшие немецкие генералы не слишком уверенно представляли себе, что такое танковые войска и как их следует правильно использовать. Во всяком случае, в Польской кампании немецкие танки являлись скорее статистами, чем главными действующими лицами. Во время боев во Франции немцы показали, что постепенно нащупывают правильный путь, а летом 1941 года они продемонстрировали танковую войну в полном блеске, правда, при явном пристрастии к блицкригу, иногда в

ущерб общему успеху операции. Одновременно продолжалось совершенствование структуры танковых соединений, совершенствование техники. Летом 1942 года Панцерваффе могли стать подлинным Вундерваффе, если бы не одно маленькое «но». В ходе зимней кампании 1941 года силы Вермахта были подорваны окончательно и безнадежно. А к 1944 году, когда производство самоходных противотанковых орудий в Германии превысило производство самих танков, стало понятно: Панцерваффе окончательно перестали быть главной ударной силой Вермахта, превратившись в основу его обороны.

Эстафету подхватили советские танковые войска. Прошло два с лишним года кровавых боев, прежде чем советские командиры научились правильно использовать находящиеся в их распоряжении танки. И к весне 1945 года Советский Союз остался единственным обладателем этого волшебного меча-кладенца модели «танковые войска». С легкой руки немцев танковая война превратилась в синоним блицкрига, хотя на самом деле это понятие гораздо шире и богаче, чем наступательная операция на окружение. Например, Висло-Одерская операция, в ходе которой советские танковые армии стальным катком прошлись по позициям немецких войск, ничуть не менее показательна. Или глубокий рассекающий удар, приводящий к захвату и уничтожению стратегически важной цели. Помните, что осталось от немецких аэродромов под Сталинградом после рейда советских танковых корпусов?

Знаете, я позволю себе высказать крамольную мысль. Если бы Красной Армией командовали несколько иные генералы, не Жуков, Тимошенко, Ротмистров и им подобные, а настоящие полководцы, бросок «вперед до Ла-Манша и Гибралтара» был бы вполне реален. Западные союзники просто не представляли себе, какая махина им противостоит. Они воевали только с надломленными и уставшими Панцерваффе, а с танковыми войсками периода расцвета не сталкивались. Недаром ведь Соединенные Штаты так и не создали их у себя, отдельные танковые дивизии, конечно же, не в счет. Кстати, причины этого совершенно очевидны. Соединенные Штаты не готовились и не собирались участвовать в больших войнах, и размах операций на Европейском театре не снился американским генералам даже в кошмарных снах. Поэтому они просто **не успели**. Ошибки англичан выглядят гораздо более странны-

ми. Я могу лишь предположить упорное следование традициям, в том числе и пагубным традициям.

После войны продолжалось развитие и совершенствование танков, но не теории и практики танковой войны. И слава богу, потому что развивать эту теорию можно было только в ходе Третьей мировой войны. Да, танки продолжали использоваться в различных войнах и конфликтах, причем иногда в различных операциях участвовали сотни и тысячи бронированных машин. Но все они были локальными и довольно специфичными, поэтому механически переносить опыт таких боев, хотя бы арабо-израильских войн, на общую теорию использования танков не следует. Кстати, если мы посмотрим на послевоенную историю танка, то увидим не менее причудливые и странные идеи и конструкции, чем те, что возникали до войны. Одни только шведские безбашенные танки типа S чего стоят, ничуть не хуже пятибашенного Т-35. А если внимательнее присмотреться к истории израильской армии, которую иногда называют самой боеспособной и самой подготовленной в мире, то выяснится, что израильское командование до идеи сбалансированных танковых войск дошло далеко не сразу. Ему понадобились те же самые 25 лет, что и нам с немцами. Но что самое удивительное — израильтяне, имея перед глазами опыт Второй мировой войны, старательно повторили все ошибки, которые допускали ее участники.

Танк не раз хоронили, но очень скоро выяснялось, что могильщики поторопились. Появлялись новые средства борьбы с танками, но появлялись и новые модели танкового оружия и брони. Поэтому даже сегодня танковые войска остаются главной опорой сухопутных войск и их главной ударной силой. И в истории танковой войны последняя страница еще не написана.

Глава 1

ТАНК, КОТОРЫЙ НЕ ТАНК

Новый, 1916 год по обе стороны линии фронта встречали в мрачном настроении. Стало уже совершенно ясно, что военное руководство окончательно потеряло контроль над ходом военных действий. Война стала некой вещью в себе, не обращающей вни-

мания на жалкие усилия каких-то там людишек, пусть даже их мундиры украшены золотыми петлицами и россыпью разнокалиберных звезд. Сплошные линии окопов и колючей проволоки протянулись на тысячи километров, и все попытки прорвать эти оборонительные позиции прежними средствами были бессмысленны. Продолжительность операций увеличивается. Если раньше двухнедельное Мукденское сражение казалось чем-то уникальным, то сейчас бои за Верден шли с февраля по декабрь 1916 года. Новые системы вооружения, в первую очередь пулеметы, отправили на свалку старые тактические приемы, однако генералы оказались просто не в состоянии понять это и упрямо гнали солдат на смерть. Неудивительно, что цифры потерь начали стремительно расти, и сто тысяч из потерь в целом сражении практически сразу после начала войны превратились в счетную единицу, а суммарные потери начали приближаться к миллиону — и все это при почти полном отсутствии результатов. Ни о чем подобном военные раньше даже не думали. Сражения получают характерные названия — «Верденская мясорубка», «Бойня Нивеля». Раньше таких эпитетов не употребляли. Рекорд поставили, похоже, англичане, которые 1 июля 1916 года в первый день летнего наступления на Сомме в 1916 году потеряли 57 000 человек, в том числе 20 000 убитыми, отвоевав клочок земли 1,5 на 3 километра. В результате не приходится удивляться тому, что англичане так не любят фельдмаршала Дугласа Хейга и предпочитают помалкивать о своем достижении.

Впрочем, не стоит особо винить генералов за то, что они не сумели предугадать характер новой войны, хотя первые звоночки раздались еще 10 лет назад во время Русско-японской войны. Бессмысленные кровопролитные атаки и колоссальные потери японцев при штурмах Порт-Артура оправдывали тем, что это, мол, крепость и ее нельзя брать лобовым штурмом. А растянувшиеся на десятки километров полевые позиции всегда можно будет обойти, если уж не удастся прорвать. Представить, что укрепленные позиции будут тянуться не десятки, а тысячи километров и обходить их будет просто негде, не мог никто. И генералы в этом отношении не были исключением. Однако им всем следует предъявить иное обвинение. Когда война приняла совершенно новый, непривычный характер, они с ослиным упрямством пытались ре-

шить все проблемы старыми методами, истребляя собственных солдат десятками и сотнями тысяч. Английский историк Роберт Ниланс даже написал книгу «Генералы Великой войны», чтобы опровергнуть образ британского генерала — бездушного и чванливого аристократа-кавалериста, отсиживающегося в старинном французском замке и посылающего солдат на смерть. Особенно ему не понравился австралийский фильм «Галлиполи», который рассказывает о трагической судьбе солдат австралийского корпуса, высаженного в Дарданеллах. Кстати, очень рекомендую посмотреть этот фильм, фактически запрещенный к показу в Англии. Нет, разумеется, в этой стране нет цензурных запретов, фильм просто не показывают... Так вот, в очередной раз книга оказалась сильнее автора. Он доказал именно то, что хотел опровергнуть. Чего стоит одна только дневниковая запись фельдмаршала Хейга, сделанная после первого дня упомянутого наступления: «Учитывая число участников сражения и его масштабы, потери не могут считаться слишком тяжелыми».

Апогеем этих бессмысленных гекатомб стала битва за Верден. Замысел этой операции жирным крестом перечеркивает все басни о гениальности германского Генерального штаба и его руководителей. Начальник Генштаба генерал Фалькенгайн выдвинул очень простую идею. Нужно выбрать такой пункт, отдать который французы просто не посмеют по военным и политическим соображениям и «для защиты которого французское командование будет вынуждено пожертвовать последним человеком». После этого следует проводить штурм, «и пусть они убивают друг друга как можно дольше». Фалькенгайн рассуждал как настоящий людоед — людские резервы Германии больше французских, поэтому, когда будет убит последний французский солдат, Германия потеряет всего лишь предпоследнего. И тогда последний германский гренадер торжественно войдет в Париж по горам трупов и поднимет императорский штандарт над Эйфелевой башней. Нет, разумеется, Фалькенгайн пытается назвать свой замысел «сражением на истощение», но ведь суть от этого не меняется. Он предложил лобовой штурм крепости Верден и без размышлений отверг все иные предложения. Единственным результатом этой «операции» стали потери, достигшие миллиона человек. Фалькенгайну удалось-таки

сказать новое слово в военном искусстве, хотя явно не то, на которое он рассчитывал.

Это был тупик, и, чтобы выйти из него, требовались какие-то новые средства. Первыми это поняли немцы, однако вывод они сделали более чем своеобразный, впрочем, вполне согласующийся с «отсутствием такта и здравого смысла, присущего только этой нации». Дело в том, что выражение «зверства немецкой военщины» родилось не вчера и не позавчера. С самого начала Первой мировой войны немецкие солдаты показали себя достойными наследниками гуннов Аттилы, как того и требовал император Вильгельм. Расстрелы заложников, уничтожение культурных ценностей — не было упущено ничего, так что гитлеровские вояки не изобрели велосипед. У них имелся достойный пример.

Впрочем, будем скрупулезно точны. Об этом мало кто знает, но впервые химическое оружие было применено немцами уже 27 октября 1914 года при штурме Невшателя, то есть практически сразу после начала войны. В тени этот эпизод остался, вероятно, по двум причинам. Во-первых, масштабы применения химических снарядов были невелики. Во-вторых, немцы использовали так называемый «снаряд № 2» для 105-мм гаубицы, начиненный раздражающим, а не удушающим или каким-то подобным смертельным ОВ. Впрочем, останавливали немецких генералов отнюдь не моральные соображения, просто в их распоряжении пока еще не было более действенных ОВ. Как только они появились, кайзеровские генералы не задумываясь пустили в ход химическое оружие, растоптав все международные договоры. 22 апреля 1915 года под Ипром была открыта новая страница в истории войны. Постепенно химическое оружие совершенствовалось и становилось все более смертоносным — появлялись всяческие «синие кресты», «желтые кресты», однако общий итог оказался неутешительным. Немцы поставили себе на лоб еще одно Каиново клеймо, но сумели добиться в лучшем случае незначительных оперативных успехов. Правда, ценой тысяч жизней они обогатили словарь еще одним неологизмом — «иприт». Таков оказался самый крупный результат применения ОВ в годы Первой мировой войны.

Англичане пошли иным путем. Что есть самая лучшая защита от снаряда? Броня. Значит, она прекрасно сможет защитить нас и от пуль. Тем более что бронеавтомобили уже имелись и даже понемногу использовались на фронтах, хотя по причине низкой про-

ходимости их нельзя было использовать на поле боя. Оставалось сделать следующий шаг и создать машину повышенной проходимости. Поскольку имелась потребность, предложения посыпались со всех сторон. Капитан 1 ранга Мюррей Сьютер предложил Уинстону Черчиллю, тогда Первому лорду Адмиралтейства, создать гусеничную боевую машину на основе трактора «Диплок». Офицер морской авиации флайт-коммандер Хетерингтон предложил аналогичную машину. Однако в движение ее приводили 3 чудовищных колеса диаметром 40 футов, а не гусеницы. Сухопутные линкоры *Pedrail* и *Big Wheel* тоже были инициативой флота. Самыми прогрессивными были предложения подполковника корпуса Королевских Инженеров Эрнеста Данлопа Суинтона. Он предложил использовать бронированный американский сельскохозяйственный трактор «Холт» как средство передвижения по пересеченной местности. Его предложение в конце концов также попало на стол Уинстону Черчиллю, и тот 5 января 1915 года написал премьер-министру меморандум, предупредив, что немцы могут первыми создать бронированные машины. Однако армейское командование во главе с министром обороны лордом Китченером ожесточенно сопротивлялось.

Тогда Черчилль решил сделать все сам, тем более что подобное развитие событий вполне отвечало его бурному нраву. В феврале 1915 года он создает «Комитет по сухопутным кораблям», который приступил к работе, получив 70 000 фунтов из фондов Адмиралтейства. Основой работы стал меморандум «Потребность в уничтожителе пулеметов», который Суинтон передал в Ставку Верховного командования во Франции. Он дал примерное описание новой машины:

«Эти машины должны быть бензиновыми тракторами на гусеницах. Машины этого типа могут двигаться со скоростью 4 миль в час по гладкой местности, преодолевать канавы шириной до 4 футов, спускаться и взбираться по откосам более широких рвов, переползать через баррикады. Построить такие трактора возможно. Они должны быть забронированы пластинами закаленной стали, способными противостоять германским бронебойным пулям с сердечником. Их следует вооружить по крайней мере 2 пулеметами «Максим» и 2-фн скорострельным орудием».

После рассмотрения нескольких проектов и серии экспериментов был построен первый танк, который назвали «Большим Вилли». Его также называли Сухопутным Кораблем Его Величества «Семиножка» (в конце концов, разработал и построил его именно флот!) или, более чувственно, «Мать». Танк был вооружен двумя 6-фн орудиями и стал прототипом танка Mark I, появившегося на поле боя в 1916 году.

Танк тайно доставили по железной дороге в поместье маркиза Солсбери для испытаний. Здесь Суинтон и флайт-коммандер Хетерингтон строили полосу препятствий, которая должна была помочь новорожденному показать, на что он способен. Испытания прошли 2 февраля 1916 года в присутствии представителей кабинета министров, Адмиралтейства и Ставки Верховного командования. Суинтон вспоминал:

«Среда, 2 февраля. Великий день официальных испытаний. Было сделано все, что в человеческих силах, чтобы гарантировать машину от поломок. Это меня особенно беспокоило, так как ставка была слишком велика... На демонстрации присутствовали лорд Китченер, мистер Бальфур, мистер Ллойд-Джордж, мистер Маккенна, члены совета Адмиралтейства, генерал Робертсон и несколько старших офицеров из Военного министерства, которые помогали в постройке «Матери». И последние по счету, но не по важности, — представители Генерального штаба».

Испытания завершились огромным успехом. «Мать» показала себя во всем блеске. На большую часть наблюдателей это произвело впечатление, особенно на представителей Ставки, которых Суинтон считал потенциальными покупателями. Они согласились с рекомендациями главнокомандующего фельдмаршала графа Хейга, что следует построить несколько машин. Следующей важной персоной, которая посетила демонстрацию «Матери», стал король Георг V. Эти испытания прошли 8 февраля. Король был настолько потрясен, что даже лично поздравил водителя. 12 февраля первоначальный заказ на 100 танков был увеличен до 150 машин.

Теперь немного о самом названии новой боевой машины. Сначала Адмиралтейство называло ее «сухопутным кораблем».

Однако вскоре решили, что подобное название может выдать противнику намерения англичан, и начались поиски нового названия. Как ни странно, оно родилось само собой. Заводские рабочие, собиравшие новые машины, были убеждены, что готовят «подвижные водяные цистерны» для Месопотамии. Сначала решили было назвать новые машины WC — Water Container, с легким намеком на Winston Churchill, но эти буквы уже использовались как аббревиатура другого слова — ватерклозет. Отказались. И в декабре 1915 года было решено назвать новую машину «танк», поскольку по-английски «цистерна» это «tank». Слово прижилось.

С первыми танками связана любопытная легенда. Говорят, что их доставляли во Францию в огромных деревянных ящиках, на которых красовались надписи на **русском языке**, утверждающие, что груз направляется в Петроград. Увы... Ни в какие ящики танки не паковали, однако, когда их отправляли с завода на учебный полигон в Тетфорде, на корпусах действительно делали какие-то надписи по-русски.

13 августа 1916 года первое подразделение британских танков отправилось во Францию. Экипажи отплыли из Саутгемптона, а сами танки — из Эйвонмута, так как в Саутгемптоне не оказалось кранов, способных погрузить их на транспорт. По железной дороге танки были доставлены на фронт. С целью той же маскировки подразделение называлось «Тяжелая секция пулеметного корпуса».

Мы не собираемся давать пространное описание истории танкостроения. Впрочем, краткого описания мы тоже не дадим, это тема совсем иной книги. Но пару слов сказать все-таки придется, ведь иначе могут возникнуть вопросы: а о чем, собственно, идет речь?

Действительно, о чем? Как-то неожиданно появляется довольно странный вопрос: а что такое танк? Если обратиться к Советской военной энциклопедии, ответ окажется на удивление расплывчатым и неопределенным: «Гусеничная боевая машина высокой проходимости, полностью бронированная, с вооружением для поражения различных целей на поле боя». Сами видите, что под такое определение можно подтянуть все, что заблагорассудится. Например, любая самоходка или ракетная установка идеально

отвечает данному определению. Например, 15 cm Pan-zerwerfer 42 auf Sf (Sd.Kdz. 4/1). Хотя нет, этот реактивный миномет установлен на **полу**гусеничном транспортере, а потому заслуживает названия **полу**танк. Это, конечно, не более чем шутка, но даже она показывает неудовлетворительный характер определения. «Википедия» уточняет: «С орудием, расположенным во вращающейся башне». Это достаточно серьезное уточнение, особенно если вспомнить ехидное старое выражение: «Самоходка — это испорченный танк». Но как быть с современными САУ, у которых орудие тоже расположено во вращающейся башне? Конечно, тянет уточнить «сильно бронированная боевая машина», но подобные качественные определения при составлении справочников неуместны. Поэтому нам придется ограничиться тем, что мы имеем.

Немцы, издавна славящиеся своей тягой к определенности, ударились в другую крайность. В годы Второй мировой войны их классификация радовала глаз пестротой названий и незаурядной фантазией при изобретении всяческих терминов. Мы видим Panzerjager и Jagdpanzer, Sturmgeschutz мирно соседствует со Sturmpanzer и Sturmhaubitze. А тут еще мелькают всяческие Panzerhaubitze, Panzermorser, Flakpanzer, тот же Panzerwerfer, не говоря уже о Selbstfahrlafette. И хотя все это относится к самоходкам, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Так вот, если вернуться к танкам Первой мировой войны, то окажется, что подавляющее большинство из них не является танками в современном смысле этого слова. На них нет башни. Да и задачи, которые они выполняли на поле боя, в следующей войне решали именно штурмовые орудия, а не танки. Все семейство английских танков с их жуткими спонсонами, французский «Сен-Шамон», даже внешне напоминающий самоходку Второй мировой, выступали именно в этой роли. Я уже не говорю об ужасных немецких A7V, больше всего напоминающих деревенскую избу на гусеницах. Конечно, уже появился знаменитый французский Рено FT-17, который стал первым танком современной компоновки, однако первая ласточка не делает весны, да вдобавок он имел свои серьезные недостатки.

Достаточно странный вид британских танков имел вполне логичное и прозаическое объяснение. Они должны были преодолевать широкие рвы — большая длина корпуса, взбираться на эскар-

пы — задранная вверх передняя часть гусениц, подавлять многочисленные огневые точки противника — большое количество стволов, ведущих огонь во всех направлениях. Вариант установки башен рассматривался, однако от него отказались, чтобы не повышать и без того большую высоту машины и не снижать ее остойчивость верхним весом. Пушки установили в спонсонах. Сухопутному кораблю — корабельное расположение артиллерии. Впрочем, к 1915 году на флоте спонсоны считались архаичным признаком, на новых кораблях ставились башни...

Но самое главное, все без исключения танки Первой мировой войны имели один органический порок, который, впрочем, в то время пороком не считался. Они имели слишком малую скорость — не более 10 км/ч, которая исключала даже саму мысль об использовании танков вне поля боя. Пока танки считались машиной для сопровождения пехоты, это было слишком страшно. Танк решал только тактические задачи, не дерзая подниматься до оперативного уровня. Блестящего будущего этой боевой машине не мог предсказать никто.

Итак, как же все начиналось?

Библия мудро, хотя и с оттенком горечи, замечает: «Не введи нас во искушение». Однако слишком часто люди забывают это наставление, и генералы здесь совсем не исключение. Получив в свои руки какое-то новое оружие, они сразу видят в нем средство решения всех проблем и незамедлительно пускают в ход, хотя есть множество причин подождать чуть-чуть. Получше подготовить солдат, выпустить побольше единиц, выждать более благоприятной обстановки... Нет, здесь и сейчас! Так что, наверное, дьявол стоял за плечом фельдмаршала Хейга, когда он решил бросить в бой первую же горстку танков, появившуюся в его распоряжении.

Впрочем, выбор у него был небогатый. Как началось наступление на Сомме, мы уже писали, и Хейг, обеспокоенный растущей критикой, отчаянно искал решение и рискнул использовать танки, чтобы преодолеть свои трудности. Суинтон утверждал, что танков было слишком мало, а экипажи не имеют боевого опыта. Дело в том, что танк по-прежнему рассматривали как любопытную новую игрушку, и несчастная Тяжелая Секция увязла в бесконечной

серии демонстраций. Ежедневно кавалькады машин с английскими и французскими офицерами прибывали к лагерю танкистов, приводя толпы зевак. Это полностью сорвало подготовку к бою, у экипажей не оставалось времени на сон и еду. Они с трудом приводили в порядок свои танки.

Заметьте, Суинтон сказал то, о чем потом писали историки! Но Хейг не стал слушать его аргументы. «19 августа я побывал с коротким визитом в передовой Ставке в Бокене. Сэр Дуглас встретил меня и отметил на карте сектор, где предложил атаковать танками. Он даже не стал вдаваться в обсуждение причин использования их в такое время». При этом кавалерист Хейг совершенно не понимал, что такое танк. Уже в 1925 году он заявлял: «Некоторые энтузиасты прогнозируют, что самолет, танк и автомобиль заменят лошадь в будущих войнах. Я целиком за танки и самолеты, но они — только приложение к человеку и лошади». Стоит ли после этого так яростно нападать на Ворошилова?

Утро 15 сентября 1916 года было прекрасным, хотя над землей стелился тонкий слой тумана. Именно в это утро в районе французских деревушек Флер и Курселет состоялась историческая атака, изменившая характер войны. Интересно, что до сих пор нет единого мнения относительно количества танков, участвовавших в ней. Разные источники дают совершенно разные цифры.

Атака была назначена на 06.20, но танкам пришлось начать движение задолго до этого, чтобы выйти на исходный рубеж к назначенному времени. Предполагалось использовать их в качестве «оружия поддержки пехоты», и это решение также имело далеко идущие последствия, по крайней мере, для британской армии.

Артподготовка началась, как это делалось в то время, еще 12 сентября. За первые два дня было выпущено около 100 000 снарядов, а за последние сутки — 288 787. А затем в атаку двинулись танки. Мы уже упоминали о расхождении в данных, но в целом картина выглядит примерно так. К линии фронта было доставлено 49 танков. Из-за поломок и аварий в атаку двинулись только 32. Даже это небольшое количество могло оказать серьезное влияние на ход операции, но командование буквально распылило эти крошечные силы, разбросав танки по разным дивизиям, чтобы они могли подавить как можно больше немецких пулеметных гнезд. Например, 6-я пехотная дивизия получила целых

3 танка, а 56-я дивизия — вообще **один**. Больше всего повезло гвардейской дивизии, которой выделили 10 танков.

Из 32 машин лишь 9 сработали так, как предполагалось, наладив кое-какое взаимодействие с пехотой. Еще 9 ползли столь медленно, что пехотинцы обогнали их. А что вы хотите, если парадная скорость танка Mk I не превышала 5 км/ч? Еще 9 танков из-за различных поломок остановились на поле боя, а последние 5 провалились в различные воронки и траншеи.

Так как танки были распределены по всему фронту, наступали они фактически поодиночке. Однако их воздействие на ход боя было колоссальным. Возможно, наибольшую известность приобрели действия танка D17 (Диннакен) 3-го взвода роты D, которым командовал лейтенант Хэсти. Британская пресса восторженно расписывала «прогулку по центральной улице Флера, которую британская пехота приветствовала криками радости». А вот как видели это немцы:

«Утром 15 сентября немецкие дозоры, укрывшиеся в своих окопах, напряженно вглядывались в туман и вытягивали шеи. Но кровь застыла у них в жилах. Два таинственных монстра ползли к ним через воронки. Оцепеневшие, словно ударило землетрясение, солдаты терли глаза, пораженные появлением странных созданий... они испуганно таращились, не в силах шевельнуться. Монстры медленно приближались, грохоча и раскачиваясь. Медленно, но приближались. Ничто не могло их остановить. Казалось, ими движут сверхъестественные силы. Кто-то в окопах сказал: «Дьявол идет», — и эта фраза с быстротой молнии разлетелась по окопам».

Однако, несмотря на неожиданность, немцы оправились и обстреляли танки. 17 машин получили попадания, но 7 сумели приползти обратно. Остальные 10 так и остались ржаветь на месте.

Говорить о танковой атаке было бы совершенно неправильно по причинам, которые изложены выше. Первая в истории **пехотная** атака, **поддержанная** танками, принесла довольно скромные результаты. Во второй половине дня наступление англичан за-

хлебнулось на тыловых оборонительных позициях немцев, а позднее немцы оттеснили англичан обратно.

Британская пресса заходилась в экстазе, называя танки «механическими монстрами» и всячески расхваливая их. Но точка зрения военных на происшедшее была несколько иной, и оценки были неоднозначными. Некоторые старшие офицеры, которым следовало бы лучше знать предмет, облили танки презрением и говорили только об их недостатках. К счастью, Хейг высоко оценил то, что они сделали, и тепло поблагодарил Суинтона, когда тот 17 сентября посетил его штаб. Утверждают, что Хейг сказал: «Где наступают танки, мы захватываем намеченные цели, а где их нет — мы не двигаемся и ничего не захватываем». Но мы видели и прямо противоположное мнение этого же человека, поэтому есть основания предполагать, что он не был искренним в данном случае.

Следующее крупное наступление с использованием танков состоялось в апреле 1917 года под Аррасом. Английское командование старательно, я бы даже сказал скрупулезно, повторило все допущенные ранее ошибки, не упустив ни одной. Снова для операции было выделено слишком мало танков, снова они были раздроблены между пехотными дивизиями, снова продвижение было слишком медленным и снова не удалось развить первоначальный успех, снова была выбрана «противотанковая» болотистая местность.

А вот операцию под Камбрэ в ноябре 1917 года западные историки пышно окрестили «рождением танковой войны». Более того, кое-кто даже провозгласил «зарю новой эры». Вот мы и постараемся разобраться, так ли это на самом деле.

В июне 1917 года Тяжелая Секция отделения пулеметного корпуса была переименована в Танковый корпус, в составе которого числилось 18 батальонов. Однако кавалеристы, засевшие в Военном министерстве, упрямо продолжали третировать его. Подполковник Эллис был назначен его командиром, однако его произвели в бригадные генералы только в мае 1917 года, хотя к этому времени он командовал двумя полными танковыми бригадами и формировал штаб третьей, так как готовился получить из Англии свежие батальоны. Долгое время его командиры бригад имели звания полковника и уступали любому пехотному бригад-

ному генералу, с которым им приходилось работать. «Кроме пятна на Корпусе и его офицерах, это намеренное пренебрежение приводило к серьезным неудобствам. В первые дни существования Танковому корпусу требовалась власть, чтобы преодолевать неизбежные трудности». Автор этой цитаты, капитан Д.Г. Браун, в своей книге «Танки в бою» приводит характерное описание отношения Военного министерства к расширению нового корпуса:

«К несчастью, отношение чиновников к расширению корпуса было отмечено духом неудовольствия и зависти. Это характерно для любых действий педантов из правительства, когда им приходится принимать новинку против своей воли. Казалось, что в Уайтхолле царила негласная уверенность, что любое обещающее предприятие следует держать в узде, не позволяя ему взрослеть и развиваться».

Планы и задачи нового наступления долгое время оставались неясными даже тем, кто его затевал. Сначала Эллис задумал провести небольшой рейд, чтобы показать, на что способны танки при использовании фактора внезапности и подходящей местности. Затем мелькнула светлая мысль провести крупное наступление, чтобы облегчить положение итальянцев, только что потерпевших неслыханное в истории поражение при Капоретто. Потом решили просто попытаться прорвать немецкую оборонительную позицию, уже получившую звонкое название Линии Гинденбурга, с помощью нового оружия — танков. Но в любом случае наступление **не планировалось** как генеральное. После долгой ругани в штабах, которая тянулась с июня по октябрь, фельдмаршал Хейг неохотно согласился и поручил разработку операции генералу Бингу, командующему 3-й армией, которой и предстояло наступать. Однако при этом Хейг заявил, что, если в первые двое суток не будут достигнуты заметные результаты, операция будет прекращена. В своих наступлениях — как на Сомме — он сам месяцами гнал сотни тысяч солдат на верную смерть.

Предполагалось, что пехота III и IV корпусов с помощью танков прорвет Линию Гинденбурга, а потом в прорыв будет введена кавалерия. На большее фантазии у британских генералов не хва-

тило. В плане операции прорыв немецких позиций из первой фазы наступления превращался в самоцель, ни о каком развитии успеха британское командование даже не помышляло. Хотя в прорыв намеревались бросить пять кавалерийских дивизий, задачи этой несчастной кавалерии так и не были поставлены. Впрочем, можно предположить, что Хейг не верил в успех прорыва, а потому просто не думал, что делать дальше.

К этому наступлению штаб Танкового корпуса разработал совершенно новый способ атаки: без предварительной артиллерийской подготовки, но с использованием элемента внезапности. На рассвете первая волна танков должна была пройти через проволочные заграждения и начать утюжить траншеи, подавляя вражеские пулеметы. В это время авиация должна бомбардировать неприятельскую артиллерию. За первой волной следуют вторая и третья волны танков, сея повсюду в неприятельских рядах панику и деморализацию.

Здесь придется напомнить, что англичане в то время делили свои танки на мужеские и женские. Впрочем, кто-то захотел перевести на русский «male» и «female» как «самцов» и «самок». Эти названия и укоренились. Первые имели пушечное вооружение, а вторые — исключительно пулеметное. Но тут возникает вопрос: а какова роль «самок» в такой операции? Что они смогут сделать своими пулеметами? Впрочем, вооружению всех танков 6-фн орудиями мешала элементарная нехватка этих самых орудий.

Новым в этой операции стало хорошо забытое старое, а именно — использование фашин, о которых вроде бы напрочь забыли со средневековых времен. А что, самое милое дело вражеские траншеи заваливать. И вот для обеспечения как бы танковой операции 24 октября в центральных ремонтных мастерских начали изготовлять 110 танковых прицепов для перевозки разных боеприпасов и 400 фашин. Каждая фашина состояла из 75 связок хвороста, скрепленных цепями и образовавших большой цилиндр диаметром около 4,5 фута и длиной в 10 футов. Фашину укрепляли над рубкой в носовой части корпуса танка. Крепления фашины отдавались изнутри танка в окоп, что давало танку возможность его преодолеть. Вязкой фашин были заняты экипажи 18 танков, но основные работы производила рабочая рота китайцев числен-

ностью в 1000 человек (куда же без них?!), приданная центральным мастерским.

Было очень важно, чтобы пехота верила в боевые возможности танков. Для этой цели были организованы совместные учения танковых батальонов и пехоты, которые, однако, превратились в мероприятия для галочки. Каждая дивизия получила по 10 дней, то есть каждый батальон имел всего **два** дня на совместные учения с танками. Чему можно научиться за это время? И все-таки англичане честно попытались. Полковник Фуллер (мы еще услышим о нем) разработал специальную тактику.

Каждый пехотный батальон получал в качестве поддержки танковую роту из 12 машин. Кстати, уже отсюда видна безосновательность претензий на рождение так называемой «танковой войны». Первая ласточка не делает весны, а первый танк не делает войны. Танки двигались клином, а пехотинцы повзводно следовали «змейками» за концевой парой, прикрываясь их броней. Головной танк проходил через проволочные заграждения и, дойдя до окопа, поворачивал налево, обстреливая окоп. Второй танк сбрасывал фашину в окоп, форсировал его и тоже поворачивал налево. Третий танк переходил через передний окоп по фашине, сброшенной туда вторым танком, и, задерживаясь, направлялся ко второму окопу, через который и переходил, сбросив в него свою собственную фашину. Перейдя окоп, он также поворачивал налево и двигался вдоль окопа. В это время первый танк переходил через передний и второй окоп по тем же фашинам и направлялся к третьему окопу, сохранив свою фашину в целости.

Пехота, следовавшая за танками цепочкой, также разделялась на три группы, причем первая — «чистильщики окопов» — шла непосредственно за танками и имела своей задачей зачищать окопы и убежища. Первая волна танков обозначала красными флажками проделанные танками проходы в проволочных заграждениях. «Блокирующая группа» имела своей задачей блокировать окопы в разных пунктах. «Группа поддержки» являлась попросту резервом, который двигался вторым эшелоном и по ситуации либо закреплялся на захваченных позициях, либо развивал наступление.

Каждый батальон выделял 4 танка специально для уничтожения проволочных заграждений. После того как штурмовые ба-

тальоны форсировали прорванные головными танками заграждения, эти танки особыми кошками растаскивали разорванную проволоку в сторону, расчищая путь резервам и особенно кавалерии. Еще два невооруженных танка использовались для доставки снабжения. При этом англичане применили одну действительно ценную новинку. Один специальный танк оснащался рацией и поддерживал связь со штабом дивизии и авиацией. Кстати, была предпринята попытка организовать поддержку наступления авиацией. Для этого была выделена 3-я бригада Королевского летного корпуса — 14 эскадрилий, 270 самолетов, 6 аэростатов.

Мы так подробно рассказываем об этом, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие тактики танков в Первой мировой войне от последующего периода. При таких действиях танки не использовали один из своих главных козырей — мобильность. Впрочем, тогдашние танки ею в полной мере не обладали. Интереснее другое: если мы внимательно рассмотрим предписанные танкистам действия, то увидим, что фактически танк превращался в бронированное батальонное орудие, намертво привязанное к пехоте. И что подобные задачи в следующей войне решали боевые машины, специально созданные для этого. Какие? Вы правильно подумали: штурмовые орудия. Вот поэтому мы и задаемся вопросом: а были ли танками эти самые танки?

Предложенная тактика была простой и понятной, но если захочется, то можно **не понять** все, что угодно. В этом плане отличился командир 51-й пехотной дивизии генерал-майор Харпер, который, судя по всему, имел какой-то пунктик касательно танков. Во время предыдущих операций он уже успел отказаться от поддержки танками своей дивизии. На этот раз отвертеться не удалось, но Харпер нашел выход. Поскольку солдатам «было стыдно прилипать к танкам», он запретил своей пехоте приближаться к ним менее чем на 100 метров. Результат предсказать было несложно. Несколько батальонов 51-й дивизии были выкошены огнем немецких пулеметов. Вот это «было не стыдно». И уж совершенно не стыдно было генералу сидеть в штабном домике вдалеке от поля боя. Так кто был прав: Ниланс или те, кого он взялся опровергать?

Для наступления были выделены все танки, какие только имелись, и даже немного больше. 36 поездов доставили к линии фронта 476 танков, в том числе 378 боевых, а также специальные

машины, о которых мы говорили, причем это было сделано всего за двое суток до начала наступления. Смешно, но, по официальным данным, на этот момент британская армия имела всего 386 танков... Полевая железная дорога 3-й армии проделала колоссальную работу по созданию временных складов. В течение двух недель она перевезла не менее 750 тысяч литров бензина, около 23 тонн смазочных материалов, 5 миллионов пулеметных патронов и 500 тысяч 6-фн снарядов. Впрочем, не была забыта и артиллерия. Для поддержки атаки было сосредоточено 1003 орудия калибром от 76 до 381 мм. Только для своей основной пушки — 18-фн полевой — англичане завезли почти 600 тысяч снарядов.

Были приняты всевозможные меры для обеспечения скрытности операции. Всякие разговоры по телефону по поводу предстоявшего боя были запрещены. На передовых линиях ничего не было изменено. Боевая деятельность шла обычным путем. Для создания впечатления, что сосредоточенные дивизии направляются в Италию, было издано распоряжение собрать сведения об офицерах и рядовых, говорящих по-итальянски. Кстати, может, отсюда и выскочила байка про помощь итальянцам, разбитым при Капоретто, которую столь охотно повторил авторский коллектив «Истории Первой мировой войны»?

Появление танков объясняли намерением устроить танкодромы, а штаб танкового корпуса в Альберте был назван Управлением боевой подготовки танкового корпуса. В 1-й танковой бригаде в Аррасе был применен более тонкий метод: хорошо разработанные, но дезинформирующие карты и «секретные» планы были собраны в одном помещении, на дверях которого большими буквами была надпись «Вход воспрещается» — в надежде, что неприятельские шпионы и любопытные устремятся именно туда. Вдоль дорог англичане расставили шесты, натянув на них маскировочные сети. При всем безумии такой меры она помогла от находившейся в зачаточном состоянии авиаразведки. 16 ноября 1917 года, за 4 дня до начала наступления, командующий немецкой 2-й армией генерал фон дер Марвитц сообщил командующему группой армий кронпринцу баварскому Руппрехту, что не ожидает в ближайшее время крупного наступления на фронте своей армии.

Все было готово. Накануне наступления, которому предстояло решить судьбу Танкового корпуса, бригадный генерал Эллис выпускает «Специальный приказ № 6». Он гласит:

1. Завтра Танковый корпус получит шанс, которого ожидал несколько месяцев, — действовать на хорошей местности в авангарде.

2. В ходе подготовки было сделано все, что позволили наша изобретательность и тяжелая работа.

3. Командирам подразделений и танковым экипажам остается завершить работу, проявив в бою смелость и хладнокровие.

4. В свете последнего опыта я с полной уверенностью передаю доброе имя Корпуса в их руки.

5. Я намерен лично возглавить атаку центральной дивизии.

Красиво написано! Вот только все лирические рулады ничуть не походят на боевой приказ.

20 ноября в 03.00 танки были на исходных позициях, экипажам выдали чай и ром. Были запущены моторы, а потом 2 часа танки катались взад и вперед, чтобы траки не примерзли к земле. Да, в годы Второй мировой немцы проявили больше изобретательности. В подобных случаях они ставили свои «грозные» машины на бревна. Чтобы не примерзали.

В 06.00 загрохотали орудия, операция «GY» началась. Танки двинулись вперед в 06.10 исполинской шеренгой длиной 10 км. Фридрих Великий, который довел линейную тактику до совершенства, был бы очень рад увидеть такое. Под прикрытием утреннего тумана танки вплотную подошли к линии немецких аванпостов, которая была захвачена без малейшей задержки. Несчастные немцы не успели опомниться, как на них накатилась лязгающая и грохочущая лавина. Впрочем, не следует преувеличивать ужас, который внушали немцам танки. Они уже не были новинкой, и никаких криков о «дьяволе» быть не могло в принципе. Гораздо больший эффект имела внезапность атаки. Английские летчики поддержали атаку ударом с бреющего полета, так что им пришлось буквально перепрыгивать через свои же танки. Они бомбили артиллерийские позиции, места расположения резервов, штабы и походные колонны. Но такие сверхсмелые действия привели к заметным потерям.

Местами англичане добились заметных успехов, но так было далеко не везде. Если в полосе III корпуса 6-я дивизия просто

смяла немцев, не заметив этого, то 20-й дивизии пришлось гораздо сложнее. Происходившее там подтверждает, что говорить о растерянности и панике немцев не приходилось: 11 танков батальона А, поддерживавшего прорыв, были уничтожены огнем дивизионной артиллерии, стрелявшей прямой наводкой. 12-я дивизия сумела выполнить задачу, несмотря на упорное сопротивление противника. Однако танки здесь были совершенно ни при чем. Главная заслуга принадлежит огромным 381-мм гаубицам, чьи чудовищные снаряды, весящие 650 кг, просто превратили в порошок укрепления немцев. Но в целом III корпус прорвал и первую, и вторую полосы Линии Гинденбурга.

Здесь имело место несколько драматических эпизодов. У леса Лато произошел бой между 150-мм гаубицей и танком. Обойдя угол здания, танк наткнулся на гаубицу, открывшую огонь с близкого расстояния. Снаряд попал в спонсон и разбил его, но мотор не был поврежден и продолжал работать. Водитель также остался невредим. Он без колебаний направил танк на орудие и раздавил его, прежде чем того успели перезарядить.

Некоторые танки направились в Маньер, где находилась переправа через канал. Немцы успели частично повредить мост. Командирский танк направился через мост, который провалился, когда танк достиг его середины. Экипаж успел спастись. У Маркуан танкам посчастливилось. Мост там был спасен вовремя: танк подошел к мосту в тот момент, когда подрывная команда намеревалась произвести взрыв. Танк заставил ее убежать. К счастью, все ограничилось этим.

Гораздо хуже обстояли дела у IV корпуса, и в первую очередь у 51-й дивизии. По иронии судьбы, именно солдатам генерала Харпера предстояло наносить главный удар. Как мы уже говорили, Харпер воспринимал танки как навязанную ему обузу, поэтому его пехота начала наступать с большим отрывом. Танки прорвали позиции немцев гораздо быстрее, чем ожидал Харпер, и двинулись дальше. Однако генерал с тупым упрямством решил придерживаться ранее намеченного графика и остановился на целый час. За это время немцы успели подтянуть резервы, и 11 танков были подбиты раньше, чем пехота двинулась с места. Когда несчастная дивизия двинулась-таки дальше, она была встречена ураганным огнем. Сначала вспыхнули 27 танков, а после этого настала оче-

редь пехоты, которая попала под огонь немецких пулеметов. Но у Харпера был приказ, и он словно маньяк бросал свои батальоны в бессмысленные атаки. Примерно такой эпизод и был показан в уже упоминавшемся фильме «Галлиполи». Бой продолжался целый день, однако результат был нулевым. Немецкий батальон и несколько орудий остановили целую британскую дивизию, поддержанную танковой бригадой. И заслуга в этом целиком и полностью принадлежит генерал-майору Харперу. Правда, для спасения лица англичанам пришлось придумать легенду об отважном немецком офицере, который продолжал стрелять из орудия после того, как весь расчет был перебит. Повторю: эту легенду придумали **англичане**.

62-я и 36-я дивизии IV корпуса кое-как двигались вперед и в целом с поставленными задачами справились. А дальше следует интересный вывод одного из английских историков, который заявляет, что к 16.30 бой, с точки зрения командира Танкового корпуса, был завершен. На фронте в 13 км пехоте была дана возможность продвинуться вперед на 10 км в течение 10 часов. Было взято в плен 8000 человек, захвачено 100 орудий и много разного имущества. Потери англичан не превышали 1500 человек. Подобное же продвижение во время третьего сражения на Ипре стоило жизни 400 тысячам человекам и потребовало три месяца.

Он завершил этот панегирик патетической фразой: «Танковый корпус, насчитывавший около 4000 человек, изменил в этот день лицо войны». Так это или нет — можете судить сами. О дальнейших событиях англичане предпочитают помалкивать, и понятно почему.

Английские генералы снова показали себя в полном «блеске». Для начала они так и не сумели ввести в прорыв Кавалерийский корпус. Впереди лежала еще линия обороны, но лихая атака могла принести успех, потому что войск там немцы не имели. Увы, командир Кавалерийского корпуса безнадежно опоздал с приказом. Он устроил свой штаб подальше от линии фронта и, естественно, не мог контролировать события. Пока генерал раскачался подготовить приказ, этот приказ был разослан по дивизиям, было уже слишком поздно. Один эскадрон канадской конницы подошел к Камбрэ, но был разогнан немецкой пехотой. Все успехи так и ограничились продвижением к 13.00 первого дня наступления. По-

пытки возобновить его на следующий день ничего, кроме новых потерь, не дали.

А далее дела пошли и совсем скверно. Немцы подтянули резервы и нанесли контрудар, выбив англичан с занятой территории и даже захватив у них часть исходных позиций. Лишь с огромным трудом, использовав последние уцелевшие танки, англичанам удалось задержать противника. То есть конечный итог наступления под Камбрэ оказался даже не нулевым, а отрицательным.

«Я жду ответа на поставленный мною вопрос», — сказал один киногерой. Давайте ответим. Могли ли события 20 ноября считаться эпохальным событием? Вряд ли. Да, это был первый в истории пример массового применения танков. Но заметьте: **массового**, но не **массированного**. Англичане собрали достаточное количество танков, однако при этом равномерно размазали по линии фронта, вместо того чтобы создать ударный кулак. Впрочем, иначе и быть не могло — главный удар наносила пехота, а танки ее только поддерживали. Так о какой, с позволения сказать, «танковой войне» могла идти речь? Организовать взаимодействие пехоты и танков в достаточной степени британские генералы не сумели, а один из них вообще не пожелал даже заниматься этим. И это было достаточно странно, ведь фактически английские танки выступали в роли вспомогательного **пехотного** оружия, что-то вроде самоходных батальонных пушек, засунутых в огромные щиты. До самостоятельного рода войск им еще было слишком далеко.

Атаку поддерживала авиация, но действовала она в отрыве от наземных войск. Впрочем, здесь винить некого. Уровень развития средств связи в то время просто не позволял наладить оперативное управления авиацией. Так что внешне все было вроде бы похоже, но, по сути, к танковой операции англичане пока еще даже близко не подошли.

И последняя злая усмешка судьбы. В ходе этого наступления по крайней мере, 64 британских танка были сожжены немецкими зенитками. Но самое худшее ждало англичан впереди, когда в следующей войне в бою начали участвовать знаменитые 8,8 cm Flak 18. Тогда счет уничтоженных танков пошел уже на сотни.

А 24 апреля 1918 года произошло еще одно событие, которое вряд ли было историческим по причине уж совсем ничтожных масштабов. Неподалеку от французской деревушки Виллер-Бретонне произошел первый в истории танковый бой. Причем по странному стечению обстоятельств он оказался злой пародией на то, что происходило в годы Второй мировой войны.

Эта стычка стала результатом начавшегося немецкого наступления под Амьеном. Для помощи своей пехоте немцы выделили 14 тяжелых танков A7V, а больше у них и не было. В этом же районе оказались и 10 британских танков, в том числе 7 «Уиппетов», 2 «самки» и лишь один «самец» с пушечным вооружением. Напомним, что немецкие танки имели 57-мм пушку. Группа из 3 немецких танков неожиданно натолкнулась на англичан. Результат был вполне предсказуемым, хотя у английского командования он почему-то вызвал шок. Сначала немцы спокойно расстреляли всех трех «самок», не обращая никакого внимания на бессмысленную трескотню пулеметов. Но тут появился «самец», которым командовал лейтенант Ф. Митчелл. Он вступил в бой и добился пяти попаданий из своих 6-фн пушек, подбив A7V. В это время другие немецкие танки беспрепятственно, как на полигоне, сожгли четыре «Уиппета». Митчелл сделал по ним несколько выстрелов, после чего обе стороны, полностью удовлетворенные результатами, вернулись на исходные позиции. В начале Второй мировой войны немцы будут так же беспомощно палить по британским «Матильдам»...

Глава 2

ЧТО ПОЛУЧИТСЯ, ЕСЛИ ДВОЕ БУДУТ ДЕЛАТЬ ОДНО И ТО ЖЕ...

11-го числа 11-го месяца в 11.00 в городе Компьене прогремел артиллерийский салют, знаменовавший окончание «войны за окончание всех войн». По крайней мере так полагали устроители торжества, питавшие явное пристрастие к красивым цифрам. После этого наконец-то разошлись пороховые тучи, затягивавшие небо над Европой долгих четыре года. Политиканы, по вине которых началась эта бессмысленная бойня, собрались в Версале и

принялись с азартом обсуждать основы мирного договора с Германией. Им мерещилось, что мировая история вновь вернулась на мирные рельсы «чугунки» XIX века и поползет далее все так же неспешно, останавливаясь у каждого придорожного столба. Увы, однажды они уже ошиблись, и ценой этой ошибки стали десятки миллионов трупов. Мы говорим о событиях августа 1914 года, когда попытка разрешить проблемы XX века методами дипломатии XIX века привела к началу мировой войны. А теперь попытка разрешить проблемы первой серьезной войны XX века методами все той же дипломатии века XIX заложила колоссальную пороховую бочку под здание человеческой цивилизации. Однако все эти самовлюбленные ничтожества, эти клемансы, ллойд-георги, орланды и прочие не отдавали себе отчета в собственной глупости. Политические карлики с упоением играли в Венский конгресс 1815 года, занимавшийся трепологией более полугода. Напомню основные даты, чтобы вы могли более ясно представить себе происходящее: перемирие подписано 11.11.1918, мирный договор подписан 29.07.1919, он вступил в силу 10.01.1920 года. Сравните это с Потсдамской конференцией, которая подвела итоги Второй мировой войны в Европе, но продолжалась всего лишь две недели.

Если бы только количество затраченного времени перешло в качество дипломатических соглашений! Увы, мир изменился после иприта, «Большой Берты», «Лузитании» и прочих прелестей минувшей войны. Но политиканы либо не видели этих изменений, либо видели, но упрямо не желали признавать их, и ценой их новой ошибки стала бойня еще более чудовищная, масштабы которой превзошли даже казавшиеся ранее немыслимыми ужасы так называемой Великой войны. Мы должны целиком и полностью согласиться с мнением В.И. Ленина, что грабительский и несправедливый Версальский мир сделал новую мировую войну **неизбежной**.

Впрочем, пока еще гремели трескучие речи про мир без войны, «10 лет без перевооружений» и тому подобные благоглупости. Мы вынуждены напомнить об этом потому, что именно действия этой горстки лилипутов, возомнивших себя вершителями мировой истории, во многом определили пути развития вооруженных сил крупнейших держав, в том числе и танков. Именно этот парадокс — генералы были вынуждены готовиться к будущей войне при

том, что эта война считалась невозможной, — следует учитывать при анализе происходившего далее. Однако и сами генералы были не без греха, в чем мы вскоре убедимся.

Для начала постараемся проанализировать состояние танковых частей после окончания Первой мировой войны, определим, так сказать, стартовую линию, с которой начался забег в будущее. Впрочем, этот забег проходил более чем странно. Половина участников постоянно оглядывалась назад через плечо, а кое-кто так и вообще пытался бежать задом наперед. И в первую очередь это относится к изобретателям танков — англичанам.

Танки, с которыми страны-участницы завершили войну, представляли собой поистине удивительный набор самых разнообразных конструкций, главным признаком которых было одно — почти ни один из них даже отдаленно не напоминал танк в современном смысле этого слова. Это и неудивительно. В предыдущей главе мы привели примеры использования первых танков, из которых совершенно ясно видно, что фактически перед нами штурмовые орудия. Кстати, французы свои первые танки так прямо и называли штурмовыми орудиями. И добро бы это были орудия! В какую графу втиснуть столь многочисленные пулеметные танки, к созданию которых особое пристрастие питали англичане?! Между прочим, более чем сомнительная полезность всех этих «Уиппетов» и «Женщин» была доказана уже в годы войны. Особенно показательным был первый в истории танковый бой, состоявшийся 24 апреля 1918 года под Виллер-Бретонне. Немецкие A7V совершенно безнаказанно расстреливали британские пулеметные танки, однако на британских конструкторов и генералов это не произвело совершенно никакого впечатления.

Развитие танков в межвоенные годы целиком и полностью определялось тактическими воззрениями господ генералов. Они получили полную свободу действий и могли заказывать именно то, что считали нужным, что может пригодиться в будущей войне. При этом им не мешали никакие пошлые возражения типа «а боевой опыт подсказывает иное». Не было никакого иного боевого опыта, кроме полученного в годы прошедшей войны с использованием крайне несовершенных машин. Технический прогресс, как

это обычно бывает, затронул все области жизни человечества, оставив в неприкосновенности только генеральские мозги. Причем это относится даже к так называемым «реформаторам».

Как-то незаметно сложилось обыкновение бездумно повторять фамилии Фуллера, Лиддел-Гарта, Эймансбергера, Тухачевского, едва заходит речь о создании теории танковой войны. Еще бы! Названия их книг смотрятся просто восхитительно: «Танковая война», «Операции механизированных сил» и так далее. Но сразу возникает вопрос: а кто-нибудь удосужился хотя бы просто полистать эти книги, продвинувшись чуть дальше аннотации? Увы, при чтении этих книг сразу становится понятным, что ни о какой танковой войне все упомянутые авторы даже не мечтали. Как раз они и пытались пятиться задом наперед, не в силах оторвать взгляд от сражений Первой мировой. Все их произведения прекрасно укладываются в одну большую корзину, на которой красуется надпись «Использование танков в условиях позиционной войны». Главный исходный постулат — танки будут применяться в условиях существования сплошного фронта с глубоко эшелонированной обороной. Допустить, что противник элементарно не даст времени на создание такой полосы обороны «от моря до моря», они просто не могли.

Возьмем хотя бы Эймансбергера. Он с уверенностью предсказывает, что танки будущего станут монстрами длиной около 8 метров, чтобы преодолевать еще более широкие рвы. Его идеал — британский танк MkV, а еще лучше — MkVIII, длина корпуса которого вообще зашкалила за 10 метров. Даже «Королевский тигр» достиг этой цифры исключительно за счет длиннейшей пушки. И прорыв фронта в гипотетическом новом сражении под Амьеном кажется срисованным с натуры 1918 года, а не 193..., в котором якобы происходит дело. Вспомнить хотя бы затяжную артподготовку, с которой начинается операция. Хотя в одном Эймансбергер все-таки оказался провидцем. Он четко написал, что впредь танковые и механизированные части должны полагаться на свой собственный автотранспорт, причем его основу должны составить автомобили повышенной проходимости. В этом он оказался далеко впереди творцов теории так называемой глубокой операции, которые не мыслили себе снабжение прорвавшихся частей иначе как по железной дороге, и скорость продвижения войск у Триан-

дафилова, Свечина и других определялась исключительно скоростью восстановления железнодорожного полотна.

Но, как мы указали в заголовке, если двое будут делать одно и то же, получится у них далеко не одно и то же. Это в полной мере относится к развитию танков во Франции и Англии. Обе страны готовились к новому туру позиционной войны, однако результаты подготовки различались настолько, насколько это возможно в принципе.

При первом же взгляде на французские танки, спроектированные в 1930-х годах, становится очевидным, что создавались они для неспешного прогрызания полуподавленной обороны. Должен признаться в собственном заблуждении: почему-то я долгое время, находясь под впечатлением реального опыта Второй мировой войны, полагал калибр пушек английских и французских танков слишком мелким. Действительно, для надежного подавления огневых точек противника 37-мм и 47-мм пушки явно не подходят. Но в том-то и дело, что бороться с дотами и дзотами эти танки, похоже, не собирались. Эта задача по-прежнему возлагалась на тяжелую артиллерию. Главной задачей так называемых пехотных танков становилось прикрытие собственной броней наступающей пехоты и помощь ей в борьбе с вражеской **пехотой**. Именно и только с пехотой! Поэтому все французские танки того времени имели относительно надежное бронирование (около 40 мм) и небольшую скорость. Действительно, а зачем танку высокая скорость, если он не собирается отрываться от пехоты? И зачем нужна более мощная пушка, если самой опасной целью представляется какой-нибудь одиночный пулемет в окопе? А то и вообще группа вражеских пехотинцев. Недаром ведь в какой-то момент даже английская «шестифунтовка», она же 57-мм пушка, была сочтена слишком мощной для задач, стоящих перед танком, а уж 75-мм пушка, воткнутая в корпус французского «Сен-Шамона», выглядела откровенной роскошью. Поэтому решение снизить калибр пушки, одновременно увеличив боезапас, было вполне логичным и последовательным. А относительно правильности такого решения можно было только рассуждать, ведь практической проверки оно не прошло. Точно так же не представлялось ошибочным и сокращение экипажа до двух человек, по той же самой причине. Предполагалось неспешное и постепенное продвижение в глубь враже-

ской полосы обороны, где все цели были статичными, и разобраться с ними вполне мог один командир-наводчик.

Исходя из всего этого, можно сделать вполне логичный вывод: французские танки отвечали техзаданиям, но изначально не отвечали требованиям современной войны, потому что они были лишены нескольких важнейших качеств. Они не обладали достаточной мобильностью. Их средства связи не позволяли координировать действия больших групп танков. Малочисленность экипажа не обеспечивала оперативной реакции на изменения боевой обстановки, поэтому их попытки сформировать танковые дивизии не имели особого смысла. Невозможно было использовать все эти R35, H35 и S35 группами более батальона, ну, или эскадрона, если вам так угодно. Реальная боевая ценность легких механизированных и танковых (или кирасирских, если не забывать об эскадронах?) дивизий совершенно не соответствовала численности собранных в них танков. Если мы чуть забежим вперед, то увидим, что французским танкистам удалось сыграть заметную роль только в двух операциях, причем даже эта заметная роль не принесла французам особых выгод, так как обе операции были с треском проиграны. Мы говорим о попытках нейтрализации прорыва танков Гудериана под Седаном и контрударе дивизии де Голля по прорвавшемуся корпусу все того же Гудериана. Зато в этих боях весьма отчетливо проявились все конструктивные недостатки французских танков.

Давайте проведем небольшой мысленный эксперимент. На минуту представим, что весной 1940 года противники обменялись своими танками. И тогда, по моему мнению, операция «Гельб» провалится с оглушительным треском, потому что с французскими танками на руках немцы не сумеют сделать совершенно ничего, несмотря на свою совершенную организацию танковых частей и отработанную систему снабжения. Недаром же, заполучив довольно много французских танков, они так и не нашли им применения, хотя, по бумажным характеристикам, они заметно превосходили 35(t) и 38(t). Но чешские танки воевали в составе Вермахта, а вот французские — нет. Или вы всерьез будете ссылаться на батальон S35, загнанный куда-то в карельские болота? А может быть, два батальона B1, переделанных в огнеметные танки? Французские машины совершенно не соответствовали немецкой

доктрине блицкрига или маневренной войны в целом, и никакие модернизации и переделки не могли исправить эти принципиальные недостатки. Французы создавали свои танки в качестве **вспомогательного оружия** пехоты для действия на линии фронта и не далее, что и предопределило их плачевную судьбу. Никак не сумеет батальонная пушка вести танковую войну, даже если ей приделать моторчик с пропеллером.

Англичане также исходили из предположения, что будущая война будет статичной и медленной пехотной войной, хотя вести ее и придется с применением моторов. Подтверждением этому может служить, как ни странно, ставка на стратегические бомбардировщики, которые предполагалось сделать основной ударной силой Королевских ВВС. Предполагалось, что на континенте армии закопаются глубоко в землю и линия фронта снова надолго останется неподвижной, а в это время тяжелые бомбардировщики в полном соответствии с доктриной Дуэ выбомбят Германию из войны. А танки в это время будут, как и раньше, обслуживать нужды пехоты.

И все-таки англичане пошли чуть дальше французов. Они решили, что действия пехоты должны поддерживать так называемые армейские танковые бригады — Army tank brigades. Это, разумеется, лучше, чем французские танковые батальоны, расписанные по пехотным дивизиям. Но! Но это лишь **относительно** лучше. Как говорится, утверждение, что дважды два — пять, это относительно лучше и даже, в каком-то смысле, научный прорыв по отношению к утверждению, что дважды два — семь. Но, разумеется, для тех, кто не знает, что дважды два — все-таки четыре.

При этом англичане в области создания пехотных танков проявили потрясающую косность. Уважая принципы политкорректности, мы не станем употреблять термин «тупость». Они тоже смотрели на танк как на идеальное средство борьбы с пехотой противника. А в таком случае наиболее оптимальным решением видится следующее: напихать как можно больше пулеметов и смотреть на пушки как на неизбежное зло, которое лучше всего ликвидировать вообще, а если не получается, то свести вред к минимуму, до минимума же снизив калибр этих самых мерзких пушек.

А каков минимальный калибр пушки? Правильно, легкий пулемет. Ведь слово «gun» в английском языке имеет много значений, даже, например, «пистолет»... Вот так и появился бред сумасшедшего по имени «Матильда I». Скажу откровенно: я совершенно не представляю, каким образом английские генералы намеревались использовать этот танк, точнее сказать, самоползающую пулеметную точку. Один из моих друзей на вполне резонный вопрос: «А каким местом они думали?» тоже вполне резонно ответил: «А с чего ты взял, что они вообще думали?»

Но «Матильда-первая» была только первым шагом в пропасть. Когда зашел разговор о создании нового пехотного танка, было немедленно сделано предложение возродить пресловутый Mk.V с двумя спонсонами по бортам, разумеется, уменьшив калибр пушек с 6 фунтов (57 мм) до 2 фунтов (40 мм). Не знаю, что сделали с человеком, который зарубил это предложение (опасаюсь, ничего хорошего), но все-таки оно было отвергнуто. В результате появился все тот же танк Mk.V минус спонсоны, но плюс башенка наверху. Назвать эту нашлепку башней не поворачивается язык. Созданную британским конструкторским гением химеру назвали «Черчиллем». Не знаю, в честь кого именно, но Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль представляется наименее вероятным, в Англии не в ходу были Сталинграды и проспекты имени Туркменбаши, так что, скорее всего, это был Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, хотя мы не исключаем персоналии барона Черчилля оф Аймута или барона Черчилля оф Сэндбриджа. Сэр Уинстон решил-таки, что в его честь, и даже заметил, что у танка, носящего его имя, недостатков больше, чем у него самого, но ведь никто другой такого про себя не скажет?!

Впрочем, английские конструкторы проявили настойчивость и известную фантазию, а потому появилась «Матильда II» и даже «Валентайн». Кое-кто называет его лучшим легким пехотным танком Второй мировой войны. Мы ни в коем случае не намерены оспаривать этот титул, но зададим вопрос: а является ли он похвалой или совсем наоборот? Тем более что, как выяснилось достаточно быстро, британские пехотные танки вооружены, как бы это сказать помягче, неадекватно. Качество фугасных снарядов 2-фн пушки было таково, что сами танкисты просто выбрасывали их, оставляя только бронебойные. А что представлял собой бронебой-

ный снаряд того времени? Литую болванку каленой стали, которая могла убить человека, только оторвав ему голову прямым попаданием. Помните идейное обоснование проектирования пехотных танков? Вот и оцените сами ценность этих «боевых» машин.

Впрочем, англичане всегда отличались большим своеобразием мышления, недаром они до сих пор ездят по левой стороне улиц. Поэтому не следует удивляться тому, что британская армия нашла-таки возможность усесться аккуратно между двух стульев, начав строить так называемые крейсерские танки.

Что вдохновило их на этот подвиг — сказать сложно. Во всяком случае, в ряде источников на данный вопрос дается прямой ответ: Советский Союз. Кто же еще может быть виноват во всех бедах? Дескать, британская военная делегация, побывав в СССР, была настолько очарована танками БТ, что по возвращении немедленно потребовала таких же, причем здесь и сейчас. Бирмингемская фирма лорда Наффилда охотно откликнулась на предложение Генерального штаба, и появился танк А13.

Впрочем, имелась и другая точка зрения. Крейсерские танки, работа над которыми началась в начале 1930-х, являлись материальным воплощением идей знаменитого теоретика Джона Фуллера. Однако я полагаю, что своей известностью он обязан тому, что никто не читал его основной работы — курса лекций, прочитанного в начале 1930-х годов. Вот что пишет американский автор Джордж Форти:

«Фуллер и Лиддел-Гарт были прекрасными примерами мыслителей, которые выдавали постоянный поток книг и статей по теории и практике танковой войны. Оба смотрели в будущее и отстаивали создание мощных бронетанковых соединений, в которые будут входить все рода войск (танки, артиллерия, инженеры, пехоты) и которые будут действовать в тесном взаимодействии с авиацией. Впервые Фуллер изложил эту концепцию в своих лекциях в 1932-м, но Англия осталась глуха, зато в Германии и России его слова упали на благодатную почву. Однако позднее Фуллер начал склоняться к мнению, что танки должны действовать самостоятельно, не связываясь с другими войсками, которые неизбежно будут снижать скорость их передвижения. Лиддел-Гарт

стал признанным экспертом по танкам в 20-х и 30-х годах. Его работы изучались во всем мире. Однако в конце 30-х, непонятно почему, он начал сомневаться в собственных взглядах и пересмотрел свои же теории. Тем не менее его первые работы были распространены очень широко, особенно в Германии».

Формально все выглядит благопристойно. То самое взаимодействие разнородных сил, которое принесло позднее неоспоримое превосходство немцам, но об этом пишет Форти. А что же писал сам Фуллер? А ведь писал он то, что иначе как бредом сумасшедшего назвать нельзя.

Во многих книгах можно встретить утверждение, будто британские танкисты рассматривали себя как прямых наследников кавалерии. Наверное, такое утверждение имеет под собой основания. Вспомним провальные действия кавалерийских корпусов на Сомме. Может, тогда и родилась мысль заменить конницу быстроходными танками, а Фуллер только озвучил ее. Однако он же довел идею до полного абсурда, кавалерия ведь тоже бывает разной. Так вот, Фуллер попытался отбросить военную мысль назад не на 5 лет и даже не на 25, а сразу на все 500! Описанная им в своих лекциях тактика действий механизированных соединений до изумления напоминает тактику рыцарской кавалерии периода Столетней войны: мелкие отряды закованных в броню танкистов, — тьфу, рыцарей! — слоняются по стране, изредка и неохотно занимаясь осадой замков. Точно так же, по мнению Фуллера, будет выглядеть будущая война. Мелкие механизированные подразделения слоняются по стране, старательно избегая так называемых «противотанковых опорных пунктов».

Впрочем, Фуллер успел понаписать еще много интересного. Пушки, крупнее 3-фн, танкам не нужны в принципе. Со всякими там дотами будет бороться тяжелая артиллерия огнем издали. Как это связать с его собственными идеями глубоких рейдов — непонятно. Броня танку практически не нужна, ее компенсирует подвижность, достаточно защититься от пуль. И так далее и тому подобное... Что же получается в результате? Тот самый крейсерский танк с броней 14 мм, пушкой калибра 2 фунта и скоростью 50 км/ч. Это вам не 12 км/ч у несчастной «Матильды I». Дополнительные пулеметные башенки придавали британским «крейсе-

рам» уже совсем экзотический вид. На наших БТ конструкторы до такого все-таки не додумались.

В общем, к 1939 году англичане полностью реализовали в металле свои теории. Только эти теории не имели совершенно никакого отношения к действительности, и ни о какой танковой войне англичане даже помышлять не могли. Более того, непонятно, как они намеревались увязать между собой действия пехотных и крейсерских танков, ведь из приведенных описаний ясно видно, что взаимодействия между ними не предполагалось **в принципе**.

Интересно отметить, что даже после Второй мировой войны английские теоретики так ничего и не поняли. Тот же Лиддел-Гарт упрямо сводил все успехи немецкого блицкрига к примитивной формуле «панцер, плюс «Штука», в упор не видя того, что немецкие танковые дивизии были сбалансированными соединениями разных родов войск, и часто саперы и разведчики играли гораздо более заметную роль, чем даже сами танки. Во всяком случае, именно этим магическим сплавом он объяснял крах Франции в книге «The fall of France», вышедшей в 1949 году.

А теперь посмотрим, что за это время успели натворить немцы. Идейным вдохновителем и отцом теории танковых действий стал генерал Гейнц Гудериан. В его работе «Внимание, танки!» имелось несколько постулатов, которых не было в работах других теоретиков.

«Ударная мощь, выраженная в силе огня, достигла в мировую войну гигантских размеров, измерять ли ее количеством боеприпасов, калибром артиллерии или продолжительностью бомбардировок. И все же общей закономерностью являлась неспособность сломить сопротивление противника достаточно быстро или достаточно полно, чтобы добиться большего, чем глубокое вклинение в оборонительную систему; по крайней мере, так было на Западном фронте, который являлся решающим театром войны. Наоборот, длительная артиллерийская подготовка, которая считалась необходимой для достижения победы, давала обороняющимся время для принятия контрмер — подтягивания резервов или при необходимости для отступления.

Мировая война показала, что ударную мощь составляет не только огневая мощь, каким бы яростным и продолжительным ни было ее воздействие. Нет смысла превращать твердую землю в лунный ландшафт неприцельной бомбардировкой по площадям; мы должны направить огонь на врага, подойдя на близкую дистанцию, определяя цели, составляющие наибольшую помеху для атаки, и уничтожая их прямой наводкой.

Танковые войска — самый молодой род войск, и вместе с тем они обладают ударной мощью в наивысшей степени. Поэтому они должны заявить свои права, поскольку ни в одной стране мира другие войска не уступят их по собственной воле».

Вы можете перелопатить труды Фуллера, Лиддел-Гарта, Триандафилова, Свечина, де Голля вдоль и поперек, но не найдете там ничего подобного. Гудериан первым употребил термин «танковые войска», а не «танки» или какие-то там батальоны и даже бригады. Именно потому немцы и вырвались так далеко вперед, что они сразу начали строить Панцерваффе, а не комплектовать отдельные случайные подразделения и части. Однако и здесь дела шли далеко не так гладко, как может показаться на первый взгляд. Правильно думать совсем не означает правильно делать. В справедливости этого каждый из нас убеждался на собственном опыте.

Анализ развития танков Панцерваффе следует начинать, конечно же, с T-III и T-IV, оставив за кадром T-I и T-II. Самая главная и страшная тайна Панцерваффе это то, почему и как несчастная танкетка и легкий танк, предназначавшийся для учебных целей, вдруг превратились в боевые машины. Хотя по результатам войны в Испании сами же немцы сделали совершенно однозначный вывод: пулеметные танки не пригодны вообще ни для чего серьезного, а танки с 20-мм пушкой способны бороться в лучшем случае с броневиками, но никак не с танками. И если я еще способен понять, почему немцы оставили эти карикатуры в составе танковых дивизий — ведь не на картонных же макетах ездить?! — то почему продолжалось их производство, сказать уже решительно невозможно. Напомню только, что меморандум Департамента вооружений, являвшийся, по сути дела, смертным приговором T-I

и Т-II, был подписан в октябре 1935 года. Производство Т-I продолжалось до 1938 года, а Т-II клепали аж до 1941 года.

Однако вернемся к нашим баранам, в смысле Т-III и Т-IV. Как мы видим, немцы тоже развернули производство двух принципиально различных танков, но в этом случае утверждение «если двое будут делать одно и то же, то получится совсем не одно и то же», еще более разительно, чем при рассмотрении англо-французских разногласий. Для начала давайте все-таки выясним, как его надлежит называть. Везде он проходит как Zugfuhrerwagen, то есть машина командира взвода. В этой связи не очень понятно, почему столь серьезный автор, как М. Барятинский, иногда называет его «машиной командира роты», ведь это совершенно неправильно. Более замаскированной неточностью является попытка назвать Т-III линейным танком. Он действительно таким являлся, но это название употреблялось только как противоположность Befehlwagen — командному танку.

И все-таки было в Т-III нечто, сразу отличавшее его даже от английских крейсерских танков, с которыми его роднит очень многое. Танк проектировался под **противотанковую** 37-мм пушку с возможностью последующей замены ее на 50-мм. Собственно, танкисты сразу просили установить 50-мм пушку, однако заказ на создание танка был выдан в 1934 году, а пресловутая пушка была разработана только в 1938 году, а принятие на вооружение задержалось еще на 2 года. Позволить себе задержать производство основного танка на целых 4 года немцы не могли, поэтому пришлось обходиться тем, что имелось на руках. То есть в конструкции этого танка сразу был предусмотрен резерв модернизации, чего не имел ни один другой современный танк. В то же время немцы допустили крупную ошибку, слишком долго затянув с разработкой новой противотанковой пушки. А ведь ценность 37-мм «колотушки» уже в то время можно было поставить под большое сомнение, так как существовали французские танки с 40-мм бронированием. Появления «Матильд» немцы почему-то не предвидели. Однако имелось еще одно принципиальное преимущество немецких танков этого поколения над всеми остальными. Как ни странно, всему остальному миру потребовалось 10 лет, чтобы осознать необходимость разделить функции командира танки и наводчика.

И еще один маленький нюанс. Средним этот танк назвали, на-

верное, потому, что невидимая граница между средними и легкими проходила по отметке 15 тонн. Но вот T-IV с его весом 17 тонн назвали тяжелым почти наверняка с единственной целью — **напужать** противников. Примерно так же развивалась история с мифическим истребителем Ме-209.

Кстати, с танком T-IV связана еще одна маленькая загадка. Совершенно непонятно упорство, с которым многие авторы называют его Batallionsfuhrerwagen — «машиной батальонного командира». Дело в том, что наиболее серьезные из доступных и наиболее доступные из серьезных авторов — Томас Йенц и Вальтер Шпильбергер — дружно утверждают, что танк назывался Begleitwagen — «машина сопровождения». Так что аббревиатура BW, которая приклеена к этому танку, имеет совершенно другую расшифровку.

Так не вполне понятным остается выбор толщины брони для этого танка. Как мы знаем, на первых моделях T-IV лобовая броня имела толщину всего 30 мм. При этом танк, в отличие от T-III, априори должен был подвергать себя риску, ведя артиллерийские дуэли с различным укреплениями и противотанковыми орудиями, то есть ему полагалось бы иметь более серьезное бронирование. Если мы вспомним многочисленные документы германского военного ведомства и Генерального штаба, то увидим, что критической считалась толщина брони 40 мм, которая на тот период гарантированно защищала танк от любых попаданий. Французские танки этого времени уже имели 40-мм броню, так почему немцы от нее отказались? Тем более что техническим заданием было предусмотрено проектирование танка массой 22 тонны, а первый вариант T-IV потянул всего на 17 тонн с небольшим. В общем, это остается еще одним мутным пятном в истории танка.

Если же начать придираться, то можно сказать, что немцы совершили ту же самую ошибку, что и наши конструкторы при создании КВ-2, только в заметно меньших масштабах. Для решения большей части задач, возлагавшихся на T-IV, лучше подходило штурмовое орудие. Оно дешевле, проще в изготовлении, на нем можно установить более тяжелую пушку. И ведь имелась у немцев такая возможность! В меморандуме Генеральному штабу от 8 июня 1936 года, подписанном не кем иным, как Манштейном, говорится о необходимости создания штурмовых орудий. Однако в нем четко указано: штурмовая артиллерия есть вспомогательное ору-

жие (Hilfwaffe) **пехотных** дивизий и должна входить в их состав. То есть для Манштейна не существует категории «пехотный танк», это задача самоходной бронированной артиллерии. Но на вооружение StuG III начали поступать только в 1940 году.

T-IV являлся машиной более широкого назначения, чем простое сопровождение пехоты. Он также должен был взаимодействовать с T-III и помогать ему. Именно во взаимодействии этих достаточно разных танков видели немецкие генералы ключ к успеху действий будущих танковых дивизий. То есть в некотором смысле немцы угадали направление развития танков — к основному боевому танку, но сделали не шаг, а только полшага.

Но так или иначе эта ошибка оказалась удачной. Не в том смысле, что уж такими удачными были T-IVA или T-IVD, а в том, что Панцерваффе получили основу, на которой был создан самый массовый и самый удачный их танк периода Второй мировой войны.

Самое же главное — немцам удалось разработать структуру и сформировать **настоящие** танковые дивизии. Это позволяло даже на убогих T-I брать верх над гораздо более основательными французскими и английскими танками, причем именно за счет налаженного взаимодействия всех родов войск — танков, мотопехоты, артиллерии, саперов и так далее. Но танковая дивизия была лишь первым шагом на пути к созданию танковых войск и, соответственно, к настоящей танковой войне. Пока еще ни танковых корпусов, ни тем более танковых армий немцы не имели.

С советскими доктринами и танками разобраться сложнее всего, потому что и то и другое представляет собой причудливую смесь вещей и понятий зачастую не только различных, но даже взаимоисключающих. Рассматривать всяческие пулеметные танкетки мы не станем по уже указанным причинам и уделим внимание только сочетанию пушечных танков и предвоенных теорий.

Прежде всего хочется сделать одну оговорку. В своих книгах М. Свирин привел несколько документов, показывающих, насколько скверным было положение с качеством продукции даже во времена всевластия ужасного НКВД. Ничто не мешало заводам гнать низкосортную и некомплектную продукцию, даже если это были военные заводы, а продукцией являлись танки. Он мимоходом

упоминает о треснувшей в цехе броне, глохнущих прямо на стенде моторах, но это воспринимается как некие единичные случаи, не отражающие истинного масштаба провалов.

Так насколько тяжелым было положение с браком, а точнее — с **массовым** или даже **тотальным** браком? К сожалению, я не работал в архивах, и есть серьезные опасения, что большинство подобных документов и актов запрятано слишком глубоко, если вообще не уничтожено. Поэтому нам придется прибегнуть к методу аналогий и сослаться на бумаги наркомата Судостроения, благо военный корабль — штука гораздо более громоздкая, и спрятать ее, в отличие от бракованного танка, просто невозможно.

Итак, докладная военинженера 2 ранга А.А. Яковлева от 20 марта 1938 года: «Путем перегрузки цехов, неправильного технологического процесса и зарплаты литейное дело на заводах судостроительной промышленности доведено до полного развала и по технике выполнения отброшено на 30—50 лет назад. Чугунные цилиндры для поршневых насосов лидеров отливались по 15—20 раз. Клапанная коробка свежего пара для вспомогательного механизма лидера «Минск» отливалась 46 раз, и только 47-я отливка с большими исправлениями сквозных трещин и раковин заваркой была допущена в работу». Докладная замнаркома ВМФ П.И. Смирнова: «Средний срок службы наших аккумуляторов в мирное время не превышает двух — двух с половиной лет при минимальной норме три-четыре года. В условиях военного времени срок службы уменьшится до полутора лет».

Мне могут возразить, что это не относится к производству танков. Ой ли?! Желающим я рекомендую обратиться к книгам М. Барятинского. Он пишет о боевом применении танков, но не обходит стороной и производственные вопросы. Так вот, при производстве Т-26 брак по некоторым позициям колебался от 65 до 80 процентов. Вы будете утверждать, что с Т-34 дело обстояло иначе? Но ведь заводы-то остались теми же самыми! Может, именно это объясняет массовый танковый падеж 1941 года, когда марш в 100 километров по тыловой дороге становился смертным приговором для танковой дивизии. Вспомните события так называемого «Освободительного похода в Польшу в 1939 году», когда на 40 танков, которые каким-то чудом ухитрились подбить поляки, пришлось **более 400** вышедших из строя по причине поломок.

И разве можно было наштамповать 20 с лишним тысяч танков, иначе как «путем перегрузки цехов, неправильного технологического процесса»?! Словом, я призываю с большой осторожностью относиться к бумажным характеристикам советских танков того времени.

Можно также вспомнить историю, описанную в мемуарах авиаконструктора А. Яковлева. Когда в разгар войны, уже в 1943 году, внезапно начала отслаиваться обшивка крыльев яковлевских истребителей, выяснилось, что народные умельцы для ускорения процесса сборки самолетов попросту заколачивали шурупы молотками. Так у вас есть основания утверждать, что на танковых заводах дела обстояли иначе, чем на кораблестроительных и авиационных?

Наши танки можно условно разделить на те же самые две группы, на которые делились английские: тихоходные танки сопровождения пехоты и быстроходные крейсерские, хотя таких названий они, разумеется, не получили. Основой для быстроходных танков БТ, как и у англичан для их «крейсеров», стала знаменитая машина Уолтера Кристи. Правда, наши танки отличались от английских одной существенной деталью. Англичане, сохранив подвеску Кристи, сразу отказались от колесного хода, заметно упростив конструкцию и снизив вес ходовой части. Наши танки все это сохранили.

Принято ругать танки БТ за слабое бронирование. Да, 15—20 мм выглядят неубедительно в эпоху противотанковых пушек. Но чем лучше 14 мм какого-нибудь английского крейсерского «Ковенантира»?! Тот же карась, только в сметане, но зато с теоретическим обоснованием полковника Фуллера: скорость и маневренность — лучшая броня. Зато тонкая броня Т-28 и Т-35, безусловно, заслуживает порицания. Пехотный танк следовало бронировать надежнее **изначально**. Попытка нарастить толщину брони на старых танках была обречена на провал. Возьмем тот же Т-26. К чему могла привести попытка увеличить толщину брони, поставить более мощный двигатель? Да ни к чему хорошему. Девичья фамилия этого танка была «Виккерс 6-тонный», а Т-26М перепрыгнул уже 10 тонн, то есть вес повысился на 60 с лишним процентов. Могла это выдержать ходовая часть танка? Конечно же нет. Вон кое-кто критикует немцев за то, что они повысили

массу Т-III с 15 до 20 тонн, или на 33 процента. О чем тогда говорить в данном случае?

И здесь следует отдать должное и командованию Красной Армии, и нашим конструкторам. В то время как англичане не находили в себе сил отказаться от картонных «крейсеров», в то время как немцы лихорадочно приклепывали дополнительные броневые листы к своим панцерам, Красная Армия решительно перешла к танкам с противоснарядным бронированием. Но, к величайшему сожалению, это оказалось полшагом, да еще и не по прямой, а куда-то слегка в сторону.

Проще разобраться с танком КВ. В данном случае мы имеем дело с классическим примером диалектики, когда достоинства плавно перетекают в недостатки, а если на них накладываются еще и дефекты, которые уже ни при каких обстоятельствах не превратятся в достоинства, то все сразу становится ясным. Этот танк появился не ко времени и не к месту, причем сразу обе его модели. Недаром же его производство закончилось уже в 1943 году, а после войны он на вооружении не задержался, хотя его ровесник Т-34 прослужил еще очень и очень долго.

В чем же дело? Как ни странно, в слишком надежном для своего времени бронировании. Оно было просто излишним, как, впрочем, и такое же бронирование английской «Матильды». Ни одна танковая и противотанковая пушка 1939 года эти 75 мм брони пробить не могла. Помните магическую цифру 40 мм?! Так что здесь за глаза хватило бы миллиметров 60 или около того. Недаром ведь в модели КВ-1с толщина брони была уменьшена. Зато когда появились пушки следующего поколения, увы, этого стало уже мало. Кстати, «Матильда» исчезла с полей сражений примерно в одно время с КВ.

Имелся еще один нюанс, на который не всегда обращают внимание. КВ-1 был вооружен той же самой 76-мм пушкой Л-11, что и Т-34. Но стоило ли ради этого увеличивать массу танка на 20 тонн?! Если уж делаешь непробиваемый супертанк, так и оружие должно быть соответствующим. 107-мм пушка на нем смотрелась бы более естественно, тем более что такая пушка разрабатывалась конструктором Грабиным. Конечно, 152-мм гаубица танка КВ-2 смотрелась еще более внушительно, но громоздкая башня слишком легко заклинивалась при малейшем крене и была

«ограниченно пригодной». Вот если бы вместо КВ-2 сразу появилась СУ-152 — это был бы идеальный вариант, тем более что ее пушка была заметно мощнее танковой гаубицы. Здесь мы видим ту же самую историю, что и у немцев с Т-IV, только в гипертрофированном варианте. И если немцы сумели улучшить и модернизировать свой танк, то нашим конструкторам этого не удалось. Сыграл свою роль и органический порок конструкции КВ — ненадежная подвеска. В общем, мало-помалу, но набрался целый комплект очень серьезных претензий к этому танку, который и завершил его карьеру.

Зато Т-34 оказался почти идеальным танком для своего времени. Он не выделялся какой-то одной особенной чертой, нет. Это была почти идеально сбалансированная машина. Если бы не слишком зауженные обводы, которые физически не позволяли втиснуть в башню еще одного человека, эпитет «почти» можно было бы убрать. Впрочем, имелись еще кое-какие недостатки, но это не было обусловлено конструкцией танка. Если наши рации могли надежно держать связь на расстоянии не более 3 метров, да и они ставились на один танк из пятидесяти, то при чем тут Т-34?!

Кстати, не следует обвинять наших конструкторов в том, что сначала на Т-34 была поставлена не слишком мощная пушка Л-11. В момент появления танка она гарантированно убивала любого противника, будь он на колесах или гусеницах. Другое дело, что в конструкции Т-34 не имелось достаточного резерва для модернизации, и для создания Т-34-85 пришлось работать долго и упорно. У немцев перевооружение Т-III с 37-мм на 50-мм прошло легче и быстрее. И совсем не факт, что был выбран правильный путь модернизации «тридцатьчетверки». Может, стоило попытаться переделать башню под какую-нибудь длинноствольную пушку калибра 76 мм? Немцы в целом не жаловались на бронебойность своих KwK 40 и StuK 40, не говоря уже о KwK 42. А уж трофейные Ф-22 долгое время вообще оставались лучшим противотанковым орудием Вермахта.

Главным недостатком Т-34, опять-таки не зависевшим от самого танка, было то самое качество изготовления. Если качество было нормальным — получался знаменитый испытательный пробег. А если все шло как обычно — танковая бригада при выдвижении из района сосредоточения к линии фронта теряла до 20 про-

центов машин. В общем, если бы наши заводы работали не постахановки, а как следует, немецкие танки были бы растерты в порошок прямо на границе, несмотря на все недостатки организации танковых частей РККА.

И вот здесь мы потихоньку добрались до самого парадоксального утверждения: 20 000 танков — это еще не танковые войска. Увы, Красная Армия продемонстрировала это самым наглядным образом. Были созданы совершенно неуправляемые танковые корпуса, имевшие до 1000 танков и более, но не имевшие почти никаких средств связи. О каких танковых операциях можно разглагольствовать, если в наставлениях по-прежнему подробно расписывались методы флажковой сигнализации: высунул флажок в дырочку на крыше башни и помахал надлежащим образом. Сия процедура называлась «Управление танковым батальоном в бою».

Впрочем, это не сильно повлияло на перспективы танковой войны в исполнении РККА. Конечно, комкоры и командармы всех рангов охотно рассуждали на указанную тему, но вот представляли ли они себе, что это такое «танковая война», остается загадкой. Во всяком случае, творцы теории «глубокой операции» совершенно серьезно приравнивали темп наступления армий к скорости перешивки европейских железных дорог на широкую колею «для обеспечения снабжения».

Совершенно особняком стоят американцы. Они долгое время пребывали в блаженной спячке, не имея ни вооруженных сил вообще, ни танков в частности. А уж о доктринах использования танков даже и не задумывались. Но в результате именно эта младенческая наивность сослужила им добрую службу. В то время как все остальные страны пытались создать множество различных танков для решения множества мелких конкретных задач, американцы ухитрились построить «танк вообще». Говорить о различных легких машинах мы не будем, им сразу отводилась вспомогательная роль. Американцы же сразу создали то, что можно было бы назвать основным боевым танком, если бы он не имел... несколько причудливые формы, скажем так. Чудовище вида ужасного «М3 средний» должен был решать все задачи, какие только предусматривались для танка. А после пластической операции и липосакции получился вполне нормальный «М4 средний», он же «Шерман».

Вопросы с мощностью пушки возникли и перед ними, причем сами американцы эти вопросы решить не сумели. Только англо-американский гибрид «Шерман-Файрфлай» имел приличное вооружение. Гораздо хуже было другое. Наштамповав почти 50 000 «Шерманов», американцы так и не сумели создать танковые войска, точнее, даже не думали их создавать, а до осознания значения танков и сути понятия «танковая война» им предстояло развиваться еще лет этак 50.

В общем, к началу Второй мировой войны сложилось несколько странное положение. У немцев имелась отработанная теория танковой войны и ее частного случая — блицкрига, имелись даже танковые дивизии (пока еще не армии), но не было танков для реализации собственных теорий. У СССР имелись хорошие по задумке танки, «безнадежно испорченные исполнением», и примитивная теория их использования, граничащая с анекдотическим «против лома нет приема». Англичане и французы не имели нормальных танков, зато у них наличествовало множество бредовых измышлений, которые ловко выдавались за военные теории. У американцев не было ничего, кроме денег, но, как потом выяснилось, им этого хватило.

Глава 3

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

Итак, к 1939 году хотя бы одна страна, а именно Германия, сумела создать танковые войска и, что самое главное, прямо-таки жаждала испробовать их в настоящем деле. Мирные походы аншлюса и присоединения Чехословакии уже не устраивали ни германских генералов, ни Адольфа Гитлера. Германии требовались так называемый Польский коридор и Данциг. Можно было затеять новый раунд переговоров, и есть все основания полагать, что трусливо-лакейские позиции Чемберлена и Даладье снова взяли бы верх и у Польши постарались бы оттяпать упомянутые территории. Но Гитлер желал совсем иного. Он с ефрейторской прямотой заявлял, что больше всего он опасается, что какая-нибудь сви-

нья опять вмешается и предложит посреднические услуги. Интересно, намекал ли при этом фюрер на своего лучшего друга Муссолини? Ведь формально Мюнхенская конференция была созвана по инициативе Италии, и в основу договора легли итальянские предложения. «Мне не нужен коридор, мне нужна война!» — заявлял Гитлер.

И 1 сентября 1939 года Германия второй раз в XX веке прыгнула в пропасть. Удивительно не это. В конце концов, каждый выбирает свой личный способ самоубийства. Удивительно, что Германия дважды разбившись, казалось бы, в лепешку, тем не менее дважды сумела возродиться. Война началась, и сразу же едва не сбылись самые черные опасения фюрера. Министр иностранных дел Франции Бонне заявил, что без согласия парламента ничего сделать нельзя (в смысле, объявить войну), но парламент соберется лишь 2 сентября. Французское правительство судорожно ухватилось за предложение Муссолини созвать мирную конференцию, которая, как телеграфировал Бонне в Рим, позволит «достигнуть всеобщего умиротворения». Из Варшавы в Париж полетела телеграмма: «Речь больше не идет о конференции, а о том, чтобы союзники дали совместный отпор и сопротивлялись наступлению». И тут же начались разногласия между союзниками, так как английский посол в Берлине вручил Риббентропу ноту: английское правительство без колебаний выполнит свои обязательства перед Польшей, если Германия не отведет с польской территории свои войска.

Наконец французский парламент собрался. Речь премьер-министра Даладье разочаровала Варшаву — он говорил только о французской обороне и о том, что «ни один француз не поднялся бы, чтобы вступить на чужую землю». Через несколько часов Англия и Франция передали в Рим о своем стремлении к немедленной подготовке мирной конференции. Боннэ сообщил министру иностранных дел Великобритании Галифаксу, что Франция не готова вступить в войну: эвакуация городов не начата, железные дороги забиты туристами, в случае воздушных атак могут быть большие потери. И тем не менее союзники все-таки были вынуждены вступить в войну. Мечта Гитлера сбылась — он получил войну. Однако фюрер оказался плохим провидцем: он не сумел угадать, что закончится все в подвале рейхсканцелярии пулей в голову. Как говорится: бойтесь сбывания мечты!

Теперь перед немцами встала задача как можно быстрее разделаться с Польшей, чтобы перебросить войска на запад и не опасаться наступления англо-французской коалиции. Они планировали разгромить польскую армию в течение двух недель, и главная роль в этом отводилась именно танковым войскам. По крайней мере, так об этом пишут **сегодня**. Но мы попытаемся разобраться в данном вопросе более детально, ничего не принимая на веру.

Для действий против Польши немцы развернули 37 пехотных, 4 моторизованные, 4 легкие, 6 танковых и 3 горно-стрелковых дивизии, а также кавалерийскую бригаду. Им противостояли 23 пехотные и 3 резервные пехотные дивизии, 8 кавалерийских, 3 горно-стрелковые, 1 моторизованная бригады поляков. Таким образом, немцы имели заметное преимущество буквально по всем позициям. Их главное превосходство заключалось в том, что Вермахт имел более 2500 танков против 600 польских, причем на направлении главных ударов это превосходство возрастало до 8:1. Но именно здесь следует остановиться и подумать: а так ли велико было это превосходство? Ведь основную массу немецких танков составляли танкетки T-I, ничем не превосходившие польские легкие танки. Реальную боевую ценность имели только танки T-III и T-IV, которых насчитывалось около 300 штук. Поляки могли противопоставить им около 200 танков 7-TP собственного производства и французских Рено R-35. То есть соотношение сил было далеко не столь безнадежно, как кажется на первый взгляд. Другое дело, что по организации танковых частей и соединений, по их подготовленности сравнивать немецкую и польскую армии просто бессмысленно. Например, те же самые R-35 так и не вступили в бой, а благополучно удрали на румынскую территорию, когда капитуляция Польши стала неизбежной.

Однако продолжим наш анализ. Во всех источниках пишут, что ключевой идеей плана «Вайсс» было окружение и уничтожение польских армий к западу от Вислы. Для этого, мол, были созданы две мощные группировки, которые должны были претворить в жизнь столь любимые немецкими генералами очередные Канны, а большинство танковых, моторизованных и легких дивизий были сведены вместе для облегчения действий. Но опять-таки, давайте посмотрим на организацию немецких армий, участвовавших в операции «Вайсс», и мы увидим интересную вещь. Пять из имев-

шихся танковых дивизий были разбросаны по 4 различным корпусам, еще одна вообще находилась в резерве Группы армий «Север». Моторизованные и легкие дивизии были раскиданы совершенно аналогичным образом. В результате для ведения мобильных операций был пригоден только XIX корпус, в состав которого вошли 1 танковая и 2 моторизованные дивизии, а также XIV корпус, состоявший из 2 моторизованных дивизий. Наиболее внушительно выглядела 10-я армия, в состав которой были включены 2 танковые, 3 легкие и 2 моторизованные дивизии. Уточним, что так называемые «легкие» дивизии можно было считать недоукомплектованными танковыми, поскольку они имели примерно в два раза меньше танков. То есть ключевой принцип блицкрига — массирование танковых сил — во время своей первой кампании Вермахт выполнил более чем относительно. Вдобавок силы были распределены крайне неравномерно. На юге были собраны почти все танковые и легкие дивизии, в основном, в составе 8-й армии, тогда как наступавшая на севере 4-я армия имела лишь тот самый XIX корпус. И если бы немцы действительно попытались окружить поляков к западу от Вислы, северная половина клещей была бы опасно слабой.

Список странностей плана «Вайсс» можно продолжать до бесконечности. Еще один пример. В составе самой южной из немецких армий — 14-й — числился XVIII корпус, в который были включены 2-я танковая и 4-я легкая дивизии. И этот корпус был поставлен на самый южный фланг армии, на территорию Словакии, в результате чего ему пришлось с огромным трудом пробираться по горным дорогам через Карпаты. Возникает подозрение, что панцер-генералы с самого начала страдали пристрастием к танконедоступным районам.

Кстати, уже на стадии планирования стала заметна характерная особенность германской стратегии, которая сыграла свою роковую роль в Первой мировой войне и от которой германские генералы так и не сумели излечиться. Мы говорим о ярко выраженной гигантомании. Как и несчастный план Шлиффена, так и план «Вайсс» предусматривал ни много ни мало окружение чуть ли не всей польской армии в ходе операции, которая захватывала половину территории страны. Для этого создавались огромные войсковые группировки, управлять которыми было крайне сложно. Вдо-

бавок ослаблялись другие направления, что могло привести к большим неприятностям, если бы противник сумел этим воспользоваться. В первые годы войны это сходило немцам с рук, но позднее они были за это не раз наказаны.

Вот одна, самая большая, по крайней мере для меня, странность плана «Вайсс», на которую никто не обращает внимание. Посмотрите на карту, где изображено развертывание немецких дивизий перед началом военных действий. Вам сразу бросится в глаза огромный разрыв между 4-й армией в Померании и 8-й армией в Силезии, разрыв шириной около 150 километров. Я не утверждаю, что там не было никаких немецких сил **вообще**, наверняка были, но только пограничные и жандармские части, не более. Что помешало полякам нанести удар именно там, где открывалась прямая дорога на Берлин? Тем более что в 1945 году в ходе Висло-Одерской наступательной операции именно по этому направлению — от Познани на Франкфурт и Кюстрин — наступали советские войска. То есть местность это позволяла. Так что, может быть, Гитлер рисковал гораздо крупнее, чем подставляя свои западные границы под сомнительный удар неразвернутых англо-французских армий. Однако армия «Познань» генерала Кутшебы не сделала ни единого шага вперед, зато очень быстро покатилась назад, когда ситуация начала ухудшаться.

Итак, немцы сформировали мощнейшую ударную группу на своем южном фланге, и мы посмотрим, что они сумели извлечь из такого развертывания. В конце концов, танковая война — это несколько больше, чем просто блицоперация на окружение. Главные качества танковых соединений — мобильность и ударную мощь — можно использовать и другими способами, нужно только четко представлять, чего именно ты желаешь добиться. А вот с этим у хваленого германского Генерального штаба дела обстояли далеко не лучшим образом. Танковая группа могла стать стержнем, вокруг которого строились бы действия пехотных частей. Увы...

Вторую мировую войну начал участник предыдущей мировой войны старый броненосец «Шлезвиг-Гольштейн». Наверное, в этом можно усмотреть некий мрачный символ, преемственность агрессивной политики Германии. 1 сентября 1939 года в 04.45 он

открыл огонь по польскому таможенному пункту Вестерплатте. Немецкие войска пересекли польскую границу лишь в 06.00. Предполагалось, что в авангарде вторжения будут двигаться танковые дивизии.

На севере наступление 4-й армии действительно возглавлял XIX корпус генерала танковых войск Гейнца Гудериана. Здесь сразу хочется поправить многочисленных авторов, которые пишут о том, что это был **танковый** корпус. К сожалению, они ошибаются, вольно или невольно вводя читателей в заблуждение. На тот момент он числился обычным Armeekorps, то есть армейским корпусом. Термин «танковый корпус» появился в Вермахте только в 1942 году, когда началось переименование моторизованных корпусов — Armeekorps (mot) с сохранением прежних номеров. Как пример такого заблуждения можно привести хотя бы книгу Florian K. Rothbrust «*Guderian's XIX Panzer Corps and the Battle of France: Breakthrough in the Ardennes May 1940*». Более того, весьма сложно уловить момент, когда к номеру конкретного корпуса добавляется определение «моторизованный». Но во время Польской кампании в Вермахте не имелось ни моторизованных, ни тем более танковых корпусов.

Что же должны были делать дивизии «Стремительного Гейнца»? В приказе по корпусу об этом говорится совершенно однозначно: наступать практически прямо на восток к нижнему течению Вислы и выйти к реке в районе Свеце, чтобы таким образом перерезать Польский коридор. Как мы видим, ни о каких грандиозных планах окружения пока не идет речь. Немцам в этом районе противостояла только 9-я пехотная дивизия, фронт которой был растянут на 70 километров. Оказать серьезное сопротивление по всему фронту она, разумеется, не могла. Поэтому наступавшая на левом фланге корпуса 3-я танковая дивизия катила вперед практически беспрепятственно. Она сумела беспрепятственно захватить мост через реку Брда, обеспечив себе выход на оперативный простор. Однако не все шло гладко. 2-я моторизованная дивизия, наступавшая в центре боевых порядков корпуса, столкнулась с ожесточенным сопротивлением поляков и заметно отстала от танкистов. Командующий польской армией «Поможе» решил попытаться остановить немцев, нанеся им удар во фланг, хотя, су-

дя по всему, он просто не представлял, какими силами располагает противник. Против XIX и II корпусов он решил бросить 2 пехотные дивизии, которым еще требовалось сосредоточиться. Но Гудериан не собирался предоставлять полякам время для этого. Он приказал авангарду 3-й танковой дивизии не задерживаясь наступать далее, через Тухольские леса прямо к Висле, как и предусматривалось ранее. Одновременно, совершенно неожиданно для поляков, в наступление из Восточной Пруссии перешел XXI корпус. Произошло то, чего следовало ожидать: Польский коридор был перерезан и части армии «Поможе» оказались в окружении. Впрочем, особой заслуги немцев в этом не было, за них сработала география. Попытки поляков вырваться из окружения успеха не имели, так как управление войсками было полностью утрачено, полки и батальоны действовали по отдельности. И если части сил 27-й дивизии удалось-таки просочиться сквозь кольцо окружения, то главная заслуга в этом принадлежит Гудериану, который всегда мчался вперед сломя голову и не задумывался о том, как уничтожить окруженного противника. 3 сентября состоялся и знаменитый бой кавалерийской бригады «Поможе» с частями 3-й танковой дивизии, родившей легенду о польских уланах, саблями рубивших немецкие танки.

После этого корпус занялся уничтожением отрезанных польских частей, и к 5 сентября «коридор» был очищен. Гудериан двинулся дальше. После прибытия в Восточную Пруссию его корпус был переподчинен непосредственно штабу Группы армий «Север» и получил приказ наступать на юго-восток в общем направлении на Брест-Литовск. Для этого Гудериану передали 10-ю танковую дивизию, но отобрали 2-ю моторизованную. 9 сентября части корпуса с боем форсировали реку Нарев и двинулись дальше. Преодолевая сопротивление поляков, авангард 10-й танковой дивизии 14 сентября вышел к оборонительному периметру Бреста. После упорных боев 17 сентября немцам удалось занять Брест.

Так какой же вывод можно сделать из всего этого? Главная ударная сила Группы армий «Север» — XIX корпус Гудериана — **не участвовала** в реализации плана «Вайсс». Северная половина бронированных клещей решала свои собственные задачи. Район «к западу от Вислы» корпус обошел по большой дуге, в блокаде и

взятии Варшавы он также не участвовал. Гудериан продемонстрировал, что танковые войска способны наносить глубокие рассекающие удары. Опережая отступление неповоротливых пехотных дивизий, танки выходят в глубокий тыл противника, сея хаос и замешательство. Единственные серьезные бои Гудериану пришлось вести за Брест-Литовск, который все-таки считался крепостью, пусть даже и устаревшей. Однако уже в ходе первых операций «Стремительный Гейнц» продемонстрировал не только свои достоинства, но и серьезные недостатки. В Польше это сошло с рук, но осенью 1941 года под Тулой привело его к крупному поражению. И уж совсем странно выглядит то, что творец теории блицкрига не участвовал в единственной операции Вермахта, проведенной согласно канонам этой теории. Битву на Бзуре провела Группа армий «Юг», вот мы и посмотрим, чем занимался мощный ударный кулак генерал-оберста Герда фон Рундштедта.

Дело в том, что в полосе наступления группы армий Рундштедта события развивались тоже довольно странно, хотя историки, зачарованные волшебным словом «блицкриг», этого не замечали. Разумеется, польские источники дружно трезвонят о героическом сопротивлении и тяжелых боях, которые родились в воспаленном воображении гонористых шляхтичей, но странности заключались не в этом. Очень часто немецкие генералы с сожалением причитали, что такой пехоты, как в 1914 году, у них уже не было. Однако посмотрим на этот вопрос с другой стороны: а как действовали сами генералы? И выяснится, что если не пехота, то подавляющее большинство немецких генералов вполне соответствовали критериям 1914 года. Просто, на их счастье, польские генералы уже вообще ничему не соответствовали.

Итак, в состав Группы армий «Юг» вошли почти все танковые и механизированные дивизии Вермахта, существовавшие осенью 1939 года. Они должны были сокрушить польские армии «Лодзь» и «Краков», форсировать реку Варта, окружить польские части, а потом двигаться на Варшаву. Однако, как мы уже отмечали, это сосредоточение было в значительной степени чисто формальным и на характере последующих боевых действий сказалось мало.

14-я армия генерала фон Листа должна была разгромить противостоящую ей польскую армию «Краков», положение которой было особенно опасным еще и потому, что над ее тылом нависала словацкая армия. Конечно, ей предстояло форсировать Карпаты, являвшиеся неплохим естественным оборонительным рубежом, однако сил на то, чтобы прикрыть еще и южную границу, у поляков просто не было. И тем не менее остается неразрешимой загадкой: зачем Лист загнал в Карпаты свою главную ударную силу — 18-й корпус. Кстати, состав корпуса тоже выглядит довольно интересно — танковая, дивизия, легкая и... горно-стрелковая. Так что, как доказал генерал-оберст, в одну телегу впрячь несложно коня и трепетную лань. Хотя в результате эта запряжка в первых боях не участвовала.

Кстати, прелестную ошибку допустил наивеличайший историк всех времен и народов Д.А. Тарас. Переводя с польского книгу издательства «Wydawnictwo Militaria», он, не разобравшись в карте, лихо записал 2-ю танковую и 4-ю легкую дивизии в состав действовавшего рядом 22-го корпуса. Действительно, еще прикажете с лупой карты разглядывать?!

На всякий случай приведем маленькую справку касательно состава этих корпусов. Полагаю, читателю не составит труда разобраться, куда входили упомянутые дивизии.

XXII (22) Armeekorps: (in HGrp.Reserve):
Arko.-30
s.Art.Abt.-422 (gem.)
s.Art.Abt.-445 (gem.)
62 Inf.Div.
213 Inf.Div.
221 Inf.Div.
XVIII (18) Armeekorps:
Stab Art.Regt.-110
III./s.Art.Regt.-109
3 Geb.Div.
4 Lei.Div. + lei.Flak-Abt.-94
2 Pz.Div. + lei.Flak-Abt.-92

Так или иначе, но главный удар немецкая 14-я армия наносила в направлении Кракова, что также плохо согласуется с идеей плана «Вайсс». Именно здесь танки впервые показали свою силу, потому что польскую оборону удалось прорвать только ударом 5-й танковой дивизии, все атаки немецкой пехоты были отражены. После дневных боев польская 6-я пехотная дивизия «совершила форсированный марш-бросок, преодолев за ночь 38 километров, и к утру заняла новые оборонительные позиции». А по-моему, так дивизия просто бежала в панике.

Наступавший с юга 18-й корпус, вырвавшись из горных дефиле, оказался в тылу армии «Краков». Командующий польской армией генерал Шиллинг был вынужден бросить им навстречу свой единственный подвижной резерв — 10-ю механизированную бригаду, и немцев удалось кое-как остановить. Словацким дивизиям приходилось наступать по еще более сложной местности, поэтому их продвижение было совсем незначительным.

Но в целом ситуация на юге для поляков складывалась ничуть не лучше, чем на севере. 10-я армия генерала Рейхенау тоже сумела прорвать польскую оборону и отрезать армию «Краков» от армии «Лодзь». К 3 сентября поляки начали отступление по всему фронту. У генерала Листа появилась возможность провести блицоперацию — окружить и уничтожить оказавшуюся изолированной армию «Краков», тем более что он имел почти двойное превосходство в силах. Но Лист вместо этого предпринял фронтальный нажим и даже не попытался использовать удачное положение 18-го корпуса, хотя поляки очень опасались удара по ослабленному северному флангу.

Чтобы избежать окружения, армия «Краков» начала стремительное отступление на восток, разваливаясь на бегу, как всегда бывает в подобных случаях. Польское командование лихорадочно формировало одну армию за другой — «Карпаты», «Малопольска», отдельные боевые группы, но единственным результатом этого был окончательный развал системы командования.

Мы просто обязаны лишний раз указать на один из принципиальных пороков польской системы командования. Если мы обратим внимание на состав сил обоих противников, то увидим, что немцы имели 5 армий, объединенных в 2 группы, то есть четко

построенную иерархическую лестницу. Зато поляки имели 7 отдельных армий плюс еще 2 независимые оперативные группы. По ходу дела формировались новые временные соединения, генералы уже не понимали, какими частями они командуют. И все их действия должен был контролировать единый центр в лице маршала Рыдз-Смиглы, который потерял связь практически со всеми армиями. В общем, воцарился полный бардак, который усугублялся откровенной трусостью некоторых высших командиров, которые бросили своих солдат и «эвакуировались в Румынию». Хотя формально бои на юге продолжались еще около двух недель, примерно с 6 или 7 сентября они превратились в серию беспорядочных столкновений, и единственное, что поляки могут поставить себе в заслугу, — это два дня **относительно** упорных боев (16—18 сентября) в районе Перемышля.

Все это тянулось так долго по одной-единственной причине — генерал Лист плохо понимал, как распорядиться имеющимися в его распоряжении танковыми дивизиями. Он использовал их только для прорыва польских позиций в приграничных районах, но далее ударная мощь и мобильность этих соединений остались невостребованными.

Севернее 14-й армии Листа наступала самая крупная из немецких армий — 10-я армия генерала Рейхенау. Именно она должна была отрезать польские армии от Варшавы и обеспечить их окружение. Формально Рейхенау добился больших успехов, но фактически и он показал себя далеко не с лучшей стороны. Ему противостояла польская армия «Лодзь», оборонительные позиции которой располагались примерно в 75 километрах от границы. Все тот же Тарас довольно легкомысленно пишет: «Немецкие танковые и моторизованные части могли преодолеть этот путь за 3—4 часа и уже в первый день приступить к их прорыву». Интересно, а сегодня какая-нибудь армия рискнет вот прямо так, после затяжного марша, с ходу «приступить к прорыву» заранее подготовленных позиций, вдобавок опирающихся на реку Варта?

Однако немцам помог командующий польской армией генерал Руммель, который по неизвестной причине выдвинул свои диви-

зии прямо к границе. В результате состоялась стычка возле деревни Мокры, которую поляки гордо называют «сражением». Немецкая 4-я танковая дивизия, атаковавшая довольно беспорядочно, понесла некоторые потери. Поляки утверждают, что потери немцев оказались просто ужасными, до 100 единиц бронетехники, в том числе 50 танков. Немцы утверждают, что это поляки понесли ужасные потери. Они признают, что дивизия потеряла даже не 50, а целых 80 танков, но за все время Польской кампании, то есть до 25 сентября. Так или иначе, но вечером того же дня отступать начали поляки, а не немцы. Впрочем, командир 4-й танковой дивизии генерал Рейнхардт охотно признал, что поляки доставили ему много хлопот, причем главным противником танков оказалась артиллерия. Первый настоящий бой дал немцам ценный опыт по организации взаимодействия разнородных сил, и они не замедлили им воспользоваться.

Зато атаковавшая южнее 1-я танковая дивизия сумела прорвать фронт между кавбригадой и 7-й пехотной дивизией. Именно так и должны действовать танковые части — наносить удар по слабому участку фронта. Вдобавок несчастная польская дивизия была атакована еще 2 немецкими. Она была разгромлена и покатилась назад. Именно так образовался разрыв между польскими армиями «Краков» и «Лодзь». Кстати, обе армии последовали ее примеру. Причем поляки отступали столь стремительно, что немцам не удалось окружить ни одну из армий. Впрочем, ни Рейхенау, ни Лист особых усилий к этому не прилагали. Более того, они старательно следили, чтобы танковые соединения ни в коем случае не отрывались от пехоты.

В результате пограничных сражений уже к 3 сентября польская армия отступала по всему фронту, при этом часть ее соединений была разгромлена или вообще уничтожена. Поляки еще не сложили оружия, более того, они попытались нанести удар во фланг наступающей с севера на Варшаву 3-й армии. Однако немцы сами задумали обходной маневр, и 3-я армия начала движение на восток, чтобы выйти в тыл польским войскам в районе Варшавы. В ходе встречных боев 5 и 6 сентября польские 41-я и 33-я дивизии были разгромлены. В это же самое время немецкая 8-я армия не без проблем, но сломила сопротивление поляков на

рубеже Варты. Большой блицкриг немцам удался, а вот с малым — операциями на окружение — пока не получалось ничего.

Интересно отметить, что Польская кампания оказалась полной противоположностью боям Первой мировой войны. Не существовало единой линии фронта, она распалась на несколько отдельных участков. Во времени тоже не наблюдается непрерывной цепи событий, бои носят фрагментарный характер, рассыпаются на отдельные эпизоды, слабо связанные между собой. Сначала идут приграничные сражения, которые длились не более 4 или 5 дней и завершились фактическим разгромом польской армии. Это позволяет с полным основанием назвать Польскую кампанию молниеносной. Затем последовала фаза преследования, но вдруг совершенно неожиданно вспыхивают бои на Бзуре, причем эта операция выглядела достаточно случайной и совсем не была обусловлена предыдущим развитием событий. И, наконец, третий эпизод — оборона Варшавы. Она делает честь польским солдатам, но эти бои уже не имели никакого военного и политического значения, потому что война уже была проиграна.

Причины, подтолкнувшие маршала Рыдз-Смиглы принять предложение командующего армией «Познань» генерала Кутшебы и нанести контрудар по северному флангу немецкой 8-й армии, остаются сокрытыми во мраке. С самого первого дня войны эта армия занимала крайне выгодное положение — перед ней находились только немецкие дозоры, главные бои шли севернее и южнее. Она вполне могла начать наступление на Берлин. Другой вопрос: удалось бы это наступление или нет, но армия не двинулась с места. Потом генерал Кутшеба мог нанести удар во фланг немецким войскам, действовавшим в Польском коридоре, однако снова не сделал ничего. Чуть позднее немецкая 8-я армия просто нарочно подставила Кутшебе свой фланг, и опять генерал предпочел переложить ответственность на главнокомандующего. Однако маршал Рыдз-Смиглы спохватился, лишь когда положение стало отчаянным. Кстати, немцы видели эту опасность, Рундштедт предупреждал командующего 8-й армией генерала Бласковица о возможных контрвыпадах поляков, но все опасения развеяла немецкая разведка. Абвер сообщил, что армия «Познань» по железной дороге переброшена в Варшаву! В войне против Польши подобные

ошибки сходили немцам с рук. В войне против Советского Союза они очень дорого заплатили за неспособность абвера получать хотя бы мало-мальски достоверные сведения о противнике.

Это польское наступление можно даже рассматривать как жест отчаяния, так как армии «Познань» и «Поможе», оказавшиеся в изоляции, попытались вырваться на оперативный простор. Вечером 9 сентября поляки силами 3 пехотных дивизий и 2 кавалерийских бригад обрушились на левофланговые пехотные дивизии Бласковица — 24-ю и 30-ю, которые растянулись по дорогам, изо всех сил стараясь догнать ушедшие вперед танковые дивизии. К вечеру 10 сентября немцы начали отступать, поляки даже захватили 1500 пленных из состава 30-й дивизии. Однако своей цели поляки не добились, наоборот, польские дивизии все глубже втягивались в мешок, который немцы даже не пытались организовать. Как всякая сиюминутная импровизация, польское наступление было плохо подготовлено и плохо проведено. Сначала наступление велось на юг, но уже на третий день заглохло.

«В неувязках и колебаниях поляки потеряли трое суток (11—13 сентября). За это время танковые части немецкой 10-й армии, отброшенные 8 и 9 сентября от Варшавы, были повернуты фронтом на запад. 13 сентября при поддержке до 200 самолетов они перешли в наступление против армий «Познань» и «Поморже», нанося удар теперь уже с востока от Варшавы и отрезав польским войскам пути отхода. Отвергая неоднократные требования врага о сдаче, польские воины вновь и вновь шли в атаку с надеждой прорваться из кольца. Однако численное и техническое превосходство немцев было подавляющим. Их самолеты непрерывно бомбили и обстреливали на бреющем полете польские позиции и районы сосредоточения войск. Пылали леса и деревни. Мужество польских солдат в бою поражало немцев, приводило их в замешательство. Польская кавалерия, вооруженная пиками и саблями, неоднократно бросалась в отчаянные атаки, а пехота с песнями шла вперед и попадала под удары артиллерии и авиации. 8-я армия, неся тяжелейшие потери, шаг за шагом пятилась к югу. Немецко-фашистское командование было вынуждено срочно перебросить из-

под Радома в район Кутно дополнительно 15-й моторизованный корпус и другие части. Польская группировка пробилась в Кампиносские леса восточнее Варшавы, но здесь была полностью окружена и расчленена. Лишь незначительная ее часть прорвалась в Варшаву и Модлин. К 18 сентября немцы захватили около 100 тыс. пленных».

Командующий Группой армий «Юг» Рундштедт решил воспользоваться любезно предоставленной ему возможностью. По его приказу уже вышедшие к окраинам Варшавы 1-я и 4-я танковые дивизии повернули обратно на запад. Одновременно, пользуясь высокой мобильностью своих войск, немцы подтянули резервы, и превосходство в силах перешло уже к ним. Против 9 пехотных дивизий и 2 кавалерийских бригад Рундштедт бросил 19 дивизий, в том числе 5 танковых и механизированных.

Операцию по окружению и уничтожению польских сил поручили генералу Бласковицу, которому для этой цели временно передали два корпуса из состава 10-й армии. Кольцо должны были замкнуть 1-я танковая дивизия с востока и 3-я легкая дивизия с запада. Но **при поддержке** пехотных дивизий! То есть блицкриг получился какой-то странный, хотя в котлеок азались 12 польских дивизий и 2 кавалерийские бригады.

Вероятно, именно из-за того, что и здесь танковые дивизии оказались привязаны к пехоте, немцы действовали недостаточно быстро, хотя именно в битве на Бзуре впервые в полной мере была продемонстрирована важность поддержки авиации. 16 сентября 820 самолетов Люфтваффе нанесли мощный удар по дивизиям Кутшебы. Однако польский генерал сумел нащупать слабое место в кольце окружения — наступавшая с севера 228-я пехотная дивизия из группы армий фон Бока не слишком спешила. К тому же Бласковиц немедленно начал сжимать кольцо и фактически сам выдавливал поляков в нужном им направлении. В результате остатки польских кавалерийских бригад, а также 2 пехотные дивизии сумели ускользнуть. Поляки сражались еще 2 дня, а потом еще трое суток немцы провозились с ликвидацией отдельных очагов сопротивления. В плен попали 120 000 солдат. Первая операция

малого блицкрига состоялась и завершилась частичным успехом, хотя заслуги немцев в этом почти не было.

Битва на Бзуре показала, что немецкие генералы еще не в полной мере осознали потенциал танковых войск. Собственно, танковых войск у них пока что еще и не было, хотя именно в Польше был сделан первый шаг в нужном направлении. И опять-таки сделать его вынудил противник. Как мы уже говорили, поляки попытались вырваться из котла в направлении на северо-восток. Командующий XVI корпусом генерал Эрих Геппнер приказал 4-й танковой дивизии быстро выдвинуться к деревне Сохачев и остановить поляков. Для этого была спешно сформирована импровизированная боевая группа. Позднее такие группы стали привычным явлением, но пока это была настоящая диковина. В состав боевой группы были включены танковый полк, разведывательный батальон и артиллерийский полк. Это маленькое, но сильное соединение, налетев на отходящих поляков, рассеяло их, хотя и не сумело нанести противнику заметных потерь. В полной мере тактика использования боевых групп была отработана во Франции, однако первый шаг в этом направлении немцы уже сделали. Вообще-то интересно, как могла развернуться та же битва на Бзуре, если бы немецкими войсками командовал не Бласковиц, а Геппнер.

Контрнаступление на Бзуре дало полякам временную передышку, которая, впрочем, надолго не затянулась. И все-таки армии «Варшава» и «Люблин» успели подготовиться к защите столицы. И вот мы плавно подошли к одному из самых громких эпизодов Второй мировой войны — героической обороне Варшавы, причем именно здесь родился самый громкий из мифов этой войны.

Первым немецким соединением, вышедшим к Варшаве, была уже известная нам 4-я танковая дивизия, насмерть разгромленная поляками в боях у Мокры. 8 сентября немецкие танки появились на южных окраинах Варшавы. Попытка взять город стремительным наскоком привела лишь к ненужным потерям. Немецкие танки и бронемашины атаковали польские позиции в кварталах Охота и Чисто, но встретили упорное сопротивление и

с потерями отошли. Несмотря на неудачу, берлинское радио поспешило заявить на весь мир о падении Варшавы. Ложная информация должна была подтолкнуть Сталина к активным действиям на восточных границах Польши, а для западных стран стать предупреждением.

Немецкое командование не спешило подтвердить радиосообщение. На следующий день 4-я танковая дивизия снова перешла в наступление, но сразу подтвердилась прописная истина: танк не приспособлен к уличным боям. Защитники Варшавы отразили все атаки противника. Особенно отличились в бою 75-мм полевые орудия, стрелявшие по танкам прямой наводкой. Некоторые расчеты записали в этот день на свой боевой счет несколько уничтоженных вражеских машин. Когда танки и автомашины противника въехали на территорию, заранее обильно политую керосином и скипидаром, поляки открыли огонь зажигательными пулями. Возник сильный пожар. Немецкая колонна, лишенная на узких улицах возможности маневрировать, понесла тяжелые потери. Большой урон нанесла врагу польская тяжелая артиллерия — от огня дальнобойных гаубиц погибли три офицера из штаба генерала Рейнхардта. Несчастная 4-я танковая дивизия была как бы уничтожена уже во второй раз. Непонятно только, кто же потом участвовал в битве на Бзуре? Призраки немецких танков?

13 сентября немцы предприняли вторую попытку захватить Варшаву. На сей раз город был атакован с севера дивизиями 3-й армии генерала Кюхлера. Эта атака тоже была отбита. После этого немцы опомнились и приступили к методичным обстрелам и бомбардировкам с воздуха. 19 сентября их армии полностью замкнули кольцо окружения вокруг польской столицы: с северо-запада Варшаву блокировал XI корпус генерала Леeба, с юго-запада находился XIII корпус генерала Вейхса, на севере расположился II корпус генерала Штраусса, с запада кольцо окружения замыкал I корпус генерала Петцеля. 25 сентября Варшава пережила самый страшный день во время осады. Вражеская артиллерия и авиация обрушили на город море огня и стали. 22 сентября части 3-й армии посетил сам Гитлер, который наблюдал за обстрелом Варшавы. Кстати, в этот же день погиб снятый с большим скандалом с поста командующего сухопутными силами генерал

фон Фрич. Бравому отставнику не сиделось дома, и он сопровождал 12-й артиллерийский полк, почетным шефом которого все еще числился.

Первый массированный воздушный налет был произведен 23 сентября, а самый сильный последовал 25 сентября. В нем участвовало 1300 немецких самолетов. Пользуясь тем, что польская авиация была полностью уничтожена, немцы привлекли к бомбардировкам даже транспортные самолеты Ju-52. 28 сентября гарнизон Варшавы капитулировал, немцы взяли в плен еще 140 000 польских солдат. 26 сентября немцы предприняли довольно вялую попытку штурма, которая была отражена, но 28 сентября гарнизон Варшавы капитулировал с учетом общей безнадежной обстановки. Наверное, именно эти не слишком удачные действия германской армии подтолкнули Гитлера запретить своим генералам в будущем заниматься штурмом крупных городов. Блокада, обстрелы, бомбежки — вот что должно было решать исход битвы. Так что немцы совсем не собирались штурмовать Москву и Ленинград... Крепость Модлин продержалась аж до 29 сентября, но это уже никого не интересовало и ничего не меняло.

25 сентября появилась знаменитая статья в нью-йоркском журнале «Тайм», судя по всему, во многом под впечатлением массированных бомбардировок Варшавы:

«После разрывов бомб раздаются крики умирающих. Госпитали переполнены. Раненых приходится растаскивать по уцелевшим частным домам. Все жители Варшавы сражались на баррикадах, невзирая на пол и возраст. Когда немецкие танки ворвались в пригороды, защитники забросали их бутылками с бензином, пытаясь поджечь их.

Но полонез все еще звучал по радио, и варшавяне думали, что им удалось отбросить немцев...

Линия фронта исчезла, рассеялась даже иллюзия, что фронт существует. Это была не война за захват территории, а война на быстрые прорывы и уничтожение — блицкриг, молниеносная вой-

на. Даже не встречая сопротивления, еще никогда ранее армии не двигались так быстро. Теоретики всегда утверждали, что только пехота может захватить и удержать позиции. Но эти армии не дожидались пехоты. Стремительные колонны танков и бронетранспортеров рвались в глубь Польши, а сыплющиеся с неба бомбы предвещали их приход. Они нарушали связь, уничтожали склады, разгоняли гражданское население, сеяли ужас. Вырываясь временами на 30 миль вперед пехоты, они прорывали польскую оборону до того, как ее успевали организовать. Затем, когда подтягивалась пехота, они мчались дальше, чтобы нанести удар далеко от того, что можно было назвать фронтом. К концу недели не оставалось уже никаких сомнений относительно того, устоит Варшава или падет».

Красиво написано! Впрочем, чего еще следует ждать от американского журналиста?! Однако не только журналисты использовали красочные эпитеты, но даже официальные советские историки грешили этим:

«19 сентября командующий 8-й армией отдал приказ о подготовке генерального штурма, который предполагалось завершить к 25 сентября. В ночь на 22 сентября немцы приступили к артиллерийской и авиационной подготовке окончательного штурма. Шквал снарядов и бомб обрушился на Жолибож, Марымонт, Старо Място. Уже через два дня оказались полностью выведенными из строя электростанции и телефонная сеть, замолкло радио. Город погрузился во мрак. Следующий день был для варшавян наиболее трудным — авиационные и артиллерийские удары достигли наивысшей силы. Волна за волной налетали немецкие бомбардировщики на жилые кварталы; не встречая почти никакого противодействия, они методически разрушали город. Сотни людей, засыпанных обломками, взывали о помощи. Госпитали, больницы были переполнены ранеными. Убитых хоронили в городских скверах, на огородах. Отсутствие воды делало невозможной борьбу с пожарами. Варшава представляла собой море пламени».

Согласитесь, назвать это сухой историографической работой сложно, на анализ тактических действий германских войск такое описание похоже еще меньше. А вот мы постараемся заняться именно таким анализом.

Если присмотреться повнимательнее к действиям немецких войск, то становится понятным, что пока еще они находились в пути к освоению всех тонкостей танковой войны. Генералы (не журналисты!) использовали танки как ударную силу лишь в пределах тактической полосы обороны противника. Ни о каких действиях в оперативной глубине пока речи не шло. То есть Польская кампания Вермахта не есть блицкриг в строгом понимании этого термина, да и к танковой войне в целом отношение имеет более чем косвенное.

Рейд Гудериана и прорыв 4-й танковой дивизии к Варшаве так и остались случайными явлениями, не имевшими серьезных последствий. Впрочем, нет. Корпус Гудериана за 10 дней прошел около 350 километров, что произвело большое впечатление на Гитлера. Наверное поэтому весеннее наступление во Франции развивалось совсем по иному образцу, хотя до полного совершенства технику и тактику немцам удалось довести лишь много позднее. Пехотные генералы вряд ли согласились бы на радикальные перемены. Как мы увидим, они упирались до последнего, но с фюрером особо не поспоришь, и французам пришлось много хуже.

Глава 4

ШЛИФОВКА МАСТЕРСТВА

Операция «Гельб» заслуживает более внимательного рассмотрения даже не в силу своих результатов, хотя столь скоротечный разгром одной из мировых держав любопытен уже сам по себе. Его объясняют волшебным оружием марки «блицкриг», попавшим в руки немцев, а также «иерихонскими трубами», приклепанными к «штанам» «лаптежников». Но давайте не будем лукавить: поражение Франции определило не превосходство немцев в танках и авиации, тем более что оно было не столь уж велико. Армия и страна не желали воевать, они и не стали воевать. Вспомните, как в прошлую мировую войну французские солдаты насмерть

стояли на руинах фортов Вердена и как в эту войну целые дивизии и корпуса разбегались после первого же налета немецких пикировщиков. У меня имеется сильнейшее подозрение, что весной 1940 года немцы могли разгромить Францию, даже не имея ни одного танка. А танки у немцев были, хотя по-прежнему не те, с которыми стоило затевать мировую войну. Как и раньше, основу танкового парка Вермахта составляли небоеспособные Т-I и Т-II.

Вот поэтому ничуть не менее важными следует считать события, происходившие в тихом и спокойном немецком тылу в тихий и спокойный период с октября 1939-го по май 1940 года. Дело в том, что именно в это время произошли революционные изменения в структуре Вермахта. Мы не говорим о простом механическом увеличении количества танковых дивизий, это достигалось чаще всего простым уменьшением количества танков в дивизий. Этот процесс нельзя оценивать однозначно, как всякое явление, он имеет две стороны. Сокращение числа танков делало дивизию более управляемой и маневренной, но в то же время оно снижало ее ударную силу. Любой механизм имеет оптимальный режим работы, который никогда не совпадает с минимумом и максимумом. Вот и здесь немцам еще предстояло нащупать оптимальное количество танков в дивизии. 300 и более единиц, как это практиковалось в начале войны, были явно излишними. Но в конце войны немцы докатились до 60—70 танков в дивизии, что было уже другой крайностью, дивизии превратились в батальоны.

Итак, к началу наступления во Франции после переформирования в Вермахте числилось 10 танковых дивизий, 7 из которых были сосредоточены в Группе армий «А». На сей раз не было такого разнобоя, как во время операции «Вайсс». Выбранная немцами диспозиция танковых дивизий имела четкое обоснование в отличие от расплывчатых пожеланий, как было в Польше. Наглядным примером этой неопределенности был великолепный бросок корпуса Гудериана в никуда и низачем. А сейчас три корпуса образовали ударный кулак, задачей которого был прорыв обороны французов, еще один корпус в составе 6-й армии должен был обеспечивать устойчивость правого фланга наступающих армий. Совершенно отдельную задачу имела 9-я танковая дивизия, которая должна была помочь 18-й армии быстро и без проблем оккупировать Голландию.

Серьезным изменениям несколько раз подвергался план вторжения во Францию. Мы достаточно подробно рассказали о схватке между пехотными генералами Первой мировой и «танковым лобби» в книге «Молниеносная война», обо всех изменениях и коррективах плана «Гельб», поэтому повторять здесь этот рассказ не имеет смысла. Напомним только, что спор завершился компромиссом, который далеко не всегда является наилучшим решением. Далее началась та же самая катавасия, которую мы видели перед вторжением в Польшу. Немцы спешно сформировали танковую группу под командованием старого кавалериста генерала Эвальда фон Клейста, причем сделано это было буквально накануне начала наступления — 5 марта. Главного идеолога блицкрига Гудериана оставили командовать его старым XIX корпусом, а Манштейна, который был автором плана вторжения, вообще убрали подальше командовать корпусом где-то в Польше. Так что автор фундаментального труда «История Второй мировой войны» Курт фон Типпельскирх, описывая блестящие планы германского командования и идеальную четкость их выполнения, мягко говоря, лукавит. Слишком много решений принималось в последнюю секунду и слишком многое делалось на «авось». Но противники Германии в первые годы войны действовали вообще по-дилетантски, и немцам все сходило с рук. Зато когда Вермахт столкнулся с продуманными и подготовленными действиями противника, получился Сталинград. Или операция «Багратион». Или Висло-Одерская. Уж кому что больше нравится.

Однако вернемся во Францию. Наступление на Западном фронте началось утром 10 мая 1940 года, и развивалось оно не совсем так, как планировали немцы, и не совсем так, как сегодня пишут историки.

Сначала мы расскажем о действиях той самой 9-й танковой дивизии, которая была предоставлена самой себе. Битвы в Голландии не получилось. Немецкие войска практически без сопротивления прошли всю страну и уже 15 мая были в Гааге. Честно говоря, не слишком высокий темп наступления, хотя он вполне объясним. 18-я армия состояла из пехотных дивизий, а голландское направление вообще считалось второстепенным. Если позво-

лить себе некоторый вульгаризм, Гитлер решил захватить эту страну «до кучи», чтобы не оставлять у себя в тылу инородное включение. Все равно никакой пользы от нейтральных голландских портов в Первую мировую войну Германия не получила, и резонно было на всякий случай поставить их под свой контроль. Незначительности операции соответствовали и незначительные силы, выделенные для нее. 9-я танковая дивизия была чуть ли не самой слабой в Вермахте — всего 158 танков. Сравните хотя бы с 10-й танковой дивизией, переданной Гудериану, в ее составе числилось более 260 танков. Но именно в Голландии сработала формула «самолет плюс танк равняется блицкриг», хотя в данном случае речь идет не об авиации поля боя, да и танки использовались не совсем по назначению. Кстати, даже эта слабая дивизия по ходу дела сумела отшвырнуть в сторону 7-ю армию генерала Жиро, даже не заметив этого, хотя Жиро имел несколько механизированных дивизий и достаточное количество танков.

Немцы не сумели с ходу взять Амстердам, поэтому генерал Штудент, командовавший операцией, придумал новаторский план. 9-ю танковую дивизию, которой предстояло штурмовать город, должны были поддерживать не пикировщики, хотя они имелись, а горизонтальные бомбардировщики Не-111 из состава KG 54. Бомбить им предстояло не голландские позиции, а жилые кварталы. Сказано — сделано. 14 мая утром Роттердам подвергся ожесточенному налету, было сожжено около 25 000 домов, и уже к вечеру 9-я танковая дивизия торжественно вступила в город. Как мы видим, блицкриг временами принимал довольно причудливые формы. Однако немцы не сумели просчитать даже самых ближайших последствий своих действий. Если до сих пор британская авиация по-джентльменски бомбила только военные объекты на территории Германии, то теперь она начала сыпать бомбы на все, что только видела. И завершилось это для немцев налетами на Гамбург и Дрезден...

В тот же самый день, 10 мая, начали наступление и главные силы Вермахта. Группа армий «А» начала свое движение через Арденны и к 12 мая дошла до Мааса. Это стало неожиданностью как для французского командования, так и для немецкого. Пехот-

ные генералы по обе стороны фронта убедили себя, что это будет возможно не ранее чем на девятый день войны. Но ведь шла уже война моторов, а не война людей! Причем германские генералы, оценивая эти события, допустили серьезную ошибку, которая аукнулась им много позднее — в 1944 году. Они убедили себя в том, что прорывались через Арденны с боем, хотя тот же Гудериан в своих воспоминаниях описывает лишь пару незначительных стычек с пограничными постами.

Здесь нам придется сделать небольшое отступление. К сожалению, история танковой войны в период с 1939 по 1945 год фактически выглядит суммой биографий Эрвина Роммеля и Гейнца Гудериана. Ну, говорить о вкладе английских или американских генералов мы не будем, не стоит курей смешить. Однако даже наши историки свои работы пишут так хитро, что операции Катукова представлены победами местного значения, а для немецких историков Герман Гот кажется не более чем танцовщиком кордебалета.

Основные силы союзников сразу начали выдвигаться в Бельгию, загоняя самих себя в капкан. Вспомните, что первый крупный котел на Бзуре тоже был результатом попытки поляков наступать, а вовсе не каких-то изощренных маневров немецких танковых дивизий. Но этот грандиозный котел пока еще был в будущем. А реальность была такова, что впервые танковые войска — мы подчеркиваем, именно **танковые войска** — показали себя реальной силой. Французская 9-я армия генерала Корапа, попав под удар немецкого танкового молота, просто рассыпалась. Он действовал по канонам прошлой войны. Пехота неспешно маршировала к Маасу, прикрываясь кавалерийской завесой. Правда, ему были не чужды влияния времени. Корап выслал вперед целых два батальона на грузовиках!

Вот они первыми и попали на зуб немецким танкам. XV корпус генерала Гота испытывал определенные сложности при форсировании Арденн. 5-я танковая дивизия завязла на узких лесных дорогах, но 7-я дивизия первой вышла к Маасу в районе Динана. Впрочем, это неудивительно, ведь командовал не кто иной, как Эрвин Роммель. Наступавшие южнее корпуса Рейнхардта и Гудериана никак не могли поделить дороги, и потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, что Гудериан наступает на Седан, а Рейнхардт выдвигается к Живэ. Опять же повторю: к 1944 году немцы

обо всем этом хаосе забыли. Или слишком успешная операция осталась в памяти как цепь сплошных побед?

Дальнейшие события известны в основном по описаниям стремительного рейда Гудериана к побережью, завершившегося окружением целой группы армий союзников. Действительно, корпус Гудериана сыграл видную роль, но не меньшее значение имели также действия корпусов Рейнхардта, Гота и Геппнера. Кстати, во многом именно благодаря им Гудериан мог позволить себе такие вольности, ведь фактически ему приходилось беспокоиться только о своем южном фланге. Северный был надежно прикрыт.

Правда, если присмотреться повнимательней, то эта задача оказывается далеко не простой. Ведь корпусу Гудериана в составе трех дивизий пришлось отбивать атаки целой армии генерала Хюнтцигера. Конечно, эти атаки были разрозненными и неорганизованными, но ведь целая армия! Да и позднее Гудериану пришлось иметь дело со спешно формируемыми резервными армиями — сначала 6-й, а потом еще и 7-й. И все-таки главные события разыгрались чуть севернее, в полосу действий XV корпуса Гота.

Итак, именно корпус Гота первым вышел к Маасу уже 11 мая, но историки, разумеется, написали, что сделала это 7-я танковая дивизия Роммеля. Впрочем, красиво расписанный план «Гельб» хорошо выглядел только на бумаге. Реальность несколько отличалась от задуманного, и немцы могли бы столкнуться с серьезными проблемами, если бы только им на помощь опять не пришел противник. Корпус генерала Рейнхардта завяз на узких лесных дорогах и оказался позади 2-й танковой дивизии Гудериана. То есть даже простой проход через Арденны оказался не столь уж простым. Но к 1944 году эти события выветрились из памяти немецких генералов. Командующий французскими ВВС генерал д'Астье докладывал: «Крупные моторизованные и танковые силы замечены у Мааса вокруг Динана, Живе и Бульона». Но, похоже, французское Верховное командование просто растерялось, потому что д'Астье получил приказ атаковать немецкие силы только в полосе 2-й армии Хютцигера.

А тем временем на рассвете 12 мая Роммель форсировал Маас, отогнав французские кавалерийские дозоры. Причем генерал проявил свойственную ему предприимчивость, использовав под-

вернувшийся под руку 31-й танковый полк из состава 5-й танковой дивизии. Ему отчасти повезло, потому что совершенно случайно переправа была организована на стыке между II и XI французскими корпусами, и их командиры узнали об этом с большим запозданием.

Положение в секторе корпуса Рейнхардта было более запутанным, потому что он никак не мог протащить свой корпус сквозь лесной массив. Но все-таки 6-я танковая дивизия сумела вырваться к Маасу и форсировать его, также отогнав кавалерию французов. И напомним, что в этот день корпус Гудериана только вышел к реке в районе Седана, а форсировать Маас он собирался лишь 13 мая. Если мы посмотрим на карту, то теперь увидим значительно более согласованные действия германских танковых корпусов. (Помню-помню, сам писал, что они пока еще не танковые. Но будем, как советовал Козьма Прутков, зрить в корень.) Если в Польше танковые дивизии сразу разбрелись в разные стороны, то сейчас они двигались как единое целое. Даже не подчиненный Клейсту корпус Гота координировал свои маневры с соседним корпусом Рейнхардта.

Рассмотрим ситуацию на утро 13 мая. Немцы вышли к Маасу на достаточно широком фронте, причем корпуса Рейнхардта и Гота уже успели переправиться через реку. Гудериан готовился штурмовать укрепления Седана, хотя не слишком ясно, зачем это было делать, ведь такое решение противоречило его собственной доктрине блицкрига, которая требовала бить по слабому участку фронта. А такой обозначился уже довольно явственно — французская 9-я армия. 1-я и 7-я французские армии вместе с Британским экспедиционным корпусом продвинулись глубоко на территорию Бельгии и в результате оказались в подвешенном состоянии.

Утром Роммель попытался переправить на другой берег Мааса дополнительные силы. Огонь французов сначала этому помешал, но Роммель вернулся обратно на восточный берег реки, связался с Готом, выпросил у него дополнительные танки и возобновил переправу. Французы подтянули было к месту переправы свои танки, но контратаковали настолько нерешительно, что немцы успели перебросить через реку противотанковые орудия и без особого труда отбили эту попытку. Вообще, действия командира французской 5-й моторизованной дивизии являются полной противоположностью

действиям Роммеля. Он не столько командовал войсками, сколько искал их, что красочно характеризует состояние связи у французов. Мало того, что называется по ходу дела, Роммель успел разгромить французскую 18-ю пехотную дивизию, в результате чего прямо в центре фронта 2-й армии образовалась широкая брешь, но эти успешные действия остались в тени громкого штурма Седана, который предпринял Гудериан.

Вообще, Танковая группа «Клейст» пока действовала не слишком успешно. Гудериан сковал 2-ю армию генерала Хюнтцигера и отбил атаки на южном фасе наметившегося прорыва, но сам пока вперед не мог продвинуться. Рейнхардт вообще застрял на два дня под Монтарме. Через реку он переправиться сумел, но был остановлен линией бункеров и пока вперед не двигался. Причина была простой — всю наличную авиацию бросили на поддержку дивизий Гудериана.

Зато Роммель 14 мая продолжал двигаться вперед, успешно громя выдвигаемые навстречу французские дивизии. Следующей под раздачу попала 14-я механизированная, разделившая участь предыдущих. Затем наступила очередь 4-й североафриканской. Конечно, французские историки с нескрываемой тоской пишут: а вот если бы 1-я танковая дивизия успела... Однако она собиралась так долго, что атаку пришлось отложить на 15 мая. Вдобавок одна из немецких пехотных дивизий переправилась через Маас чуть севернее Динана, но французы уже были настолько напуганы, что прикрывавшая этот участок реки пехотная дивизия в панике бросилась назад.

А тем временем еще севернее, на территории Бельгии, состоялось первое крупное танковое сражение Второй мировой войны. Как мы помним, XVI корпус генерала Геппнера наступал на северном фланге германского фронта. Он должен был обеспечить фланг армий, наносящих главный удар, и в результате столкнулся с самой сильной из французских армий. 12 мая произошло первое столкновение немецких и французских танков в районе городка Ханнут. Немецкая 4-я танковая дивизия атаковала позиции французской 3-й легкой механизированной дивизии (DLM) в районе этой деревни.

«Сначала произошли столкновения легких сил. Машины DLM столкнулись с сильной завесой немецкой танковой дивизии. Начались схватки между бронеавтомобилями, мотоциклистами и отдельными французскими 25-мм противотанковыми орудиями. Наши командиры сообщали по радио, что ведут огонь по крупным силам немцев, как только те появляются».

Но французы слишком оптимистично смотрели на вещи. Командир 4-й танковой дивизии генерал Радльмейер подтянул свой второй полк и даже сумел окружить французский 2-й кирасирский полк, но у немцев не хватало горючего, и Радльмейер потребовал организовать доставку его на самолетах. Только это позволило французам выскочить из кольца. Помогло и то, что подавляющее большинство немецких танков было никчемными T-I и T-II, а им противостояли «Сомуа» S-35 и «Гочкисс» H-35. Столкновения с французскими танками они не могли выдержать, а снаряды даже 25-мм пушек прошивали тонкую немецкую броню, как иголка лист бумаги, немецкие же пушки ничего не могли сделать с 40-мм броней. Поэтому, когда Геппнер приказал 3-й дивизии атаковать противника и помочь Радльмейеру, это ничего не дало, кроме напрасных потерь.

Однако именно под Ханнутом впервые была продемонстрирована разница между **танками** и **танковыми войсками**. 13 мая состоялся встречный бой, в котором немецкие танки, артиллерия и авиация без особого труда отразили попытку контрудара французских танков 2-й и 3-й легких механизированных дивизий. После этого в атаку перешли немцы, но Геппнер одновременно с танками ввел в бой и свою мотопехоту, в результате чего французский фронт был прорван. Его задачу облегчило еще и то, что командир французского корпуса генерал Приу равномерно распределил свои танки вдоль линии фронта, и они не сумели оказать серьезного сопротивления немцам.

Позднее французы утверждали, что подбили около 160 немецких танков, потеряв 120 своих. Однако поле боя осталось за немцами, которые впоследствии смогли отремонтировать многие из поврежденных машин. Их безвозвратные потери составили всего 50 танков.

Теперь мы должны снова вернуться на юг, к месту главных событий. Генерал Корап окончательно потерял голову. Может, он и был неплохим пехотным генералом Первой мировой войны, но как противостоять массированным танковым ударам он не представлял. В результате он принял решение отойти назад к французской границе, окончательно теряя связь с 1-й армией Бланшара. Как мы видим, французский фронт развалился не в том месте, где по нему бил Гудериан.

15 мая Роммель приказал своей дивизии наступать дальше. По дороге он налетел на расположение отдыхающей французской 1-й танковой дивизии, обстрелял ее и двинулся дальше. Прежде чем французы успели опомниться, их атаковала двигавшаяся следом 5-я танковая дивизия, и к вечеру в составе французской дивизии осталось ровно 6 танков Char «B». Вот с такой скоростью испарялись французские дивизии, оказавшиеся на пути немецких корпусов. Можно без преувеличения сказать, что 15 мая французская 9-я армия прекратила существование, всего через 3 дня после начала серьезных боев.

Тем временем разобрался со своими проблемами и Рейнхардт. 15 мая **стрелки и саперы** 6-й танковой дивизии сумели прорвать линию бункеров. Обратите внимание, **кто** это сделал. И лишь после того, как был наведен мост, в бой вступили танки. Выбитая со своих позиций французская 102-я крепостная дивизия была в буквальном смысле раздавлена их гусеницами. Тут же был наведен мост для 8-й танковой дивизии, и уже весь корпус Рейнхардта ринулся вперед, развив скорость ничуть не меньше, чем корпуса Гота или Гудериана. Степень паники, охватившей французов, можно легко представить себе из такого мелкого факта. Четыре немецких танка натолкнулись на мотоколонну, перевозившую 61-ю пехотную дивизию французов. Еще раз специально повторю: **четыре** танка. Итог скоротечного боя — немцы захватили 500 пленных и несколько сот автомобилей, дивизия прекратила существовать. Заметим, что лишь в этот день Гудериан повернул на запад свои 1-ю и 2-ю танковые дивизии для знаменитого броска к морю.

Французское командование принимало спешные меры, чтобы заткнуть зияющую брешь в своем фронте. 16 мая генерал из дивизий генерального резерва и некоторых других частей была спешно сформирована 6-я армия генерала Тушона, а следом за ней и 7-я

армия генерала Фрере. Генерала Андре Корапа на должности командующего 9-й армии сменил генерал Анри Жиро, попытавшийся перегруппировать свои войска. Однако командовать ему было уже нечем, и беспорядочные толпы солдат, оказавшиеся зажатыми между корпусами Гота и Рейнхардта, массами сдавались в плен. Кстати, это еще не было котлом, путь для отступления на запад был открыт. Но у французов уже не осталось ни воли, ни сил даже для бегства.

И все-таки даже немецкими генералами на линии фронта время от времени овладевала некоторая робость. Например, утром 16 мая корпус Гота, вышедший к французской границе, начал готовиться к прорыву линии Мажино, хотя ему было известно, что укрепления на франко-бельгийской границе начали строиться в последний момент, когда в 1936 году Бельгия разорвала союзный договор с Францией. Эти укрепления намного уступали возведенным на франко-германской границе. И тем не менее дивизия Роммеля подготовила атаку в классическом стиле. Сначала разведывательный батальон на широком фронте должен был прощупать оборону французов, потом начинал наступление танковый полк под прикрытием артогня, и, наконец, стрелковая бригада, прикрываясь танковой броней, должна была взять укрепления.

Роммель, по своей привычке, следовал с головными танками, и то, что он увидел, сильно удивило генерала: «Внезапно, примерно в 100 метрах впереди, мы увидели угловатые очертания французского дота. Рядом с ним стояли вооруженные солдаты, словно они намеревались сдаваться. Лишь когда где-то рядом началась стрельба, они спрятались в дот». Вообще, Роммелю пришлось сражаться в основном со стальными «ежами», преграждавшими дорогу танкам. Поэтому, плюнув на доты, которые ему не очень-то и мешали, Роммель решил двигаться дальше, как только стемнеет. Ночной марш прошел спокойно, даже дивизионная артиллерия беспрепятственно проскользнула сквозь линию французских укреплений. Но на рассвете 7-я танковая дивизия налетела на колонну беженцев, перемешанную с удиравшими солдатами. В эту колонну затесалось даже несколько французских танков, и Роммелю пришлось специально вызывать свои немногочисленные T-IV, чтобы ликвидировать эту угрозу. Маразм и разложение французов дошли до предела. Когда Роммель во главе мотоциклетного ба-

тальона влетел в Мондреси, намного опередив собственные танки, находившийся в городке французский полк выстроился на плацу, чтобы организованно сдаться в плен. Всего же за два дня 7-я танковая дивизия прошла около 80 километров и захватила более 10 000 пленных.

В это время у Гудериана возникли некоторые проблемы на южном фланге в связи с так называемым «контрударом» де Голля. Почему так называемым? Большинство источников пишет, что де Голль с 17 по 19 мая наносил удары во фланг немцам и даже добился каких-то успехов. Странно, что этих ударов не заметил сам Гудериан. Его гораздо больше волновало другое. В очередной раз его корпус столкнулся с танкистами Рейнхардта, и теперь приходилось решать головоломку: каким частям и в каком порядке следовать дальше?

«На рыночной площади Монкорне я встретил генерала Кемпффа, командира 6-й танковой дивизии корпуса Рейнхардта, войска которого, форсировав Маас, вышли к городу одновременно с моими частями. Пришлось территорию города распределить между тремя танковыми дивизиями — 6, 2 и 1-й, которые в своем непреодолимом натиске на запад наводнили его улицы. У нас не было приказа группы относительно разграничительной линии между корпусами, поэтому мы сразу же на месте объединили все дивизии и начали продолжать наступление до последней капли бензина. Мои передовые части достигли Марля и Дерси».

В том же городке немцы наловили достаточно много пленных, которые прятались по домам. Танковую роту из дивизии де Голля захватили в плен, что называется, в горячке охоты. Перипетии скандала между Гудерианом и командующим танковой группой мы уже описывали и снова останавливаться на них не будем, рассмотрим лучше более детально действия де Голля. На рассвете 17 мая французы начали наступление на Монкорне, а вечером спокойно повернули обратно. С галльской хвастливостью де Голль заявил, что уничтожил великое множество немцев. Однако он тут же, не переводя дыхания, рассказывал, какие силы находились в его распоряжении, и этого уже достаточно, чтобы закралось со-

мнение: а не обычные ли охотничьи рассказы перед нами? Неужели его собранные с бору по сосенке подразделения необученных солдат сумели добиться серьезного успеха?! В такое слабо верится. 19 мая де Голль нанес повторный удар, но теперь добился еще меньшего.

«19 мая на рассвете — в бой! Танки дивизии, преодолевая ряд последовательных рубежей, двинулись к Креси, Мортье и Пуйи. Они должны были овладеть мостами и преградить противнику путь на Ла-Фер. Танки сопровождала артиллерия. Разведывательный полк и пехотный батальон обеспечивали прикрытие правого фланга со стороны реки, у Барантона. В направлении Марль была выслана разведка. Утро прошло благополучно. Мы вышли к реке Сер, обратив в бегство различные вражеские подразделения, которые просочились в этот район. Но на северном берегу реки противник занимал оборону. Он прочно удерживал переправы и уничтожал наши танки, которые пытались к ним приблизиться. В бой вступила тяжелая артиллерия противника. Мы вошли в соприкосновение с крупными соединениями немцев, двигавшихся к Сен-Кантену. Чтобы форсировать водную преграду и выдвинуть вперед танки, нам не хватало пехоты и мощной артиллерии. В эти минуты я не мог не думать, на что была бы способна механизированная армия, о которой я так долго мечтал. Если бы я располагал сейчас такой армией, чтобы внезапно вырваться к Гюизу, сразу было бы остановлено продвижение немецких танковых дивизий, их тылы оказались бы охвачены смятением, Северная группа армий смогла бы вновь соединиться с армиями Центрального и Восточного фронтов».

У Гудериана иная точка зрения на происходившее:

«19 мая мы прошли поля сражений Первой мировой войны на Сомме. Во время наступления севернее р. Эн, Сер и Соммы обеспечение открытого левого фланга первоначально возлагалось на фланговое прикрытие, состоявшее из подразделений разведчиков, истребителей танков и саперов. Угроза с фланга была незначи-

тельной; еще 16 мая мы знали о наличии французской бронетанковой дивизии, новом соединении генерала де Голля, которое, как уже упоминалось, впервые вступило в бой под Монкорне. Де Голль подтвердил наши данные через несколько дней. 18 мая несколько танков из его дивизии подошли на 2 км к моему передовому командному пункту в Ольнонском лесу, охраняемому лишь несколькими 20-мм зенитными пушками. Я пережил пару часов в томительной неизвестности, пока эти грозные гости не повернули обратно. Было известно также о французской резервной армии силой около восьми пехотных дивизий, которая формировалась в районе Парижа. Мы не предполагали, что генерал Фрере выступит против нас, пока мы сами продолжаем движение. По французским принципам ведения боя, он должен был ждать точных сведений о местонахождении противника. Значит, речь шла о том, чтобы держать его в неведении; это лучше всего достигалось непрерывным наступлением».

Ключевыми в этом абзаце являются слова «незначительная угроза». Советую обратить внимание на то, какими силами Гудериан намеревался отражать удар французов — пехота и противотанковые средства. Танки не должны были отвлекаться от решения главной задачи — стремительного продвижения вперед, и сбалансированность состава немецких танковых дивизий и корпусов обеспечивала эту возможность. Кстати, очень интересно: это 20-мм зенитки де Голль принял за тяжелую артиллерию или еще что-то?

А там временем продолжались чудеса в решете. Утром 17 мая Роммель как-то вдруг выяснил, что он наступает сам по себе, а его дивизия — сама по себе. И тогда генерал отправился на поиски собственных танков. Танков он не нашел, зато вместе со своим штабом налетел на французский батальон, который тут же сдался в плен. Чем дальше, тем все больше это напоминало пошлый анекдот:

— Вас же двадцать человек было, а их только двое!

— А что мы сделать могли?! Один за руки держит, второй морду бьет.

Примерно так воевала доблестная французская армия. В общем, уже к 15 мая Франция морально и физически была готова к

капитуляции. Премьер-министр Франции Поль Рейно позвонил премьер-министру Англии Уинстону Черчиллю и в истерике прокричал: «Мы разбиты. Мы разгромлены. Мы проиграли битву!» После этого, разумеется, у Франции не было совершенно никаких шансов. Насколько это позорище отличалось от речи того же Черчилля: «Мы будем сражаться на берегу, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться в холмах. Мы никогда не сдадимся!» Впрочем, можно было сказать короче: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Но на всю Францию не нашлось ни одного человека, способного на такое, и если дело затянулось, то не по вине немцев. Двигаться быстрее они просто были не в состоянии, тогдашний уровень техники этого не позволял.

Следующие несколько дней немецкие танки беспрепятственно катили вперед. Корпуса Гудериана и Рейнхардта бок о бок мчались к побережью Ла-Манша, корпус Гота начал постепенно поворачивать на север, создавая угрозу окружения французской 1-й армии. Вообще, сложилось парадоксальное положение. Немецкие танковые корпуса вступали в бой, только если были вынуждены остановиться для дозаправки топливом.

К вечеру 19 мая все 4 немецких танковых корпуса выстроились в одну линию, так как корпус Геппнера к этому времени догнал корпус Гота, проскочив впереди пехотных корпусов 6-й армии. Немцы не на сто, а на все двести процентов использовали такой козырь танковых соединений как невиданную ранее мобильность. Если перед Готом и Геппнером какие-то французские части еще маячили, то корпус Рейнхардта выходил в тыл всей группировке союзников, находящейся в Бельгии. А Гудериан же поставил себе целью как можно быстрее выйти к берегу моря.

20 мая немцы впервые столкнулись с Британским экспедиционным корпусом, причем сразу в нескольких местах. В частности, началась так называемая «Битва под Аррасом», которой гордятся англичане, хотя вполне могли бы и помолчать о ней. Просто остальные эпизоды выглядят уже совершенно неприглядно, но рассказывать о том, как в Амьене немецкие танки проехались по батальону Суссекского полка, даже не успев разобраться, кто там пищит под гусеницами, все-таки неловко. Впрочем, точно так же дивизии Рейнхардта проскочили сквозь британские позиции в Мондикуре. Короче, за один день две британские пехотные диви-

зии отбыли туда, где нет печалей и забот, а также немецких панцеров.

Вдобавок союзные командиры нашли самый подходящий момент, чтобы переругаться между собой. Для начала сцепились генерал Айронсайд, начальник Имперского Генерального штаба, прибывший во Францию, чтобы немножко порулить, и лорд Горт, командир Британского экспедиционного корпуса, которому за этот рулеж предстояло отвечать. А отвечать не хотелось. Айронсайд желал, чтобы английский корпус нанес удар на юг, в направлении Амьена, Горт отбивался, утверждая, что все его дивизии и так уже ведут бой, а свободных резервов у него нет. Встреча с командующим французской Группой армий «Север» Билло и командующим 1-й армией Бланшаром произвела на англичан удручающее впечатление. Французские генералы были буквально разбиты параличом и были не способны ни к каким осмысленным действиям.

Однако совершенно неожиданно сомнения англичан разрешил Роммель, дивизия которого буквально налетела на английские войска. Но уже одно только соотношение сил в этом бою ясно показывает, что союзники уже не могли решительно ничего. В контрударе приняли участие британские 5-я и 50-я пехотные дивизии, 1-я армейская танковая бригада (74 танка) и ошметки корпуса генерала Приу (еще около 60 танков). И вот все это натолкнулось на безмятежно движущийся вперед 7-й стрелковый полк дивизии Роммеля. Немцы к этому времени окончательно обнаглели и не пытались соблюдать даже видимость порядка. У того же Роммеля дивизия наступала чуть ли не побатальонно.

Генерал-майор Франклин, командовавший сводным отрядом, разработал излишне сложный план, решив наступать тремя колоннами, которые в результате просто перемешались между собой. Пехота вообще отстала от танков и в бою не участвовала, французы предусмотрительно сохраняли нейтралитет, помня о жестокой трепке, которую им задали немцы совсем недавно. В результате грозное контрнаступление выродилось в неловкий тычок 2 танковых и 2 пехотных батальонов, которые вдобавок не сумели согласовать свои действия. Правда, английским танкам даже удалось смять походную колонну полка «Тотенкопф», но когда они натолкнулись на колонну опытных солдат Роммеля, то быстро об этом пожалели. Английские историки гордо пишут о том, что

«Роммель в отчаянии приказал дивизионной артиллерии образовать последнюю линию обороны». Немцы же утверждают, что 78-й артиллерийский полк и оказавшаяся тут же батарея 88-мм зениток спокойно развернули свои орудия и отразили вялую атаку англичан, уничтожив большое число танков. А Роммель, находившийся далеко впереди вместе с 25-м танковым полком, узнал обо всем этом, лишь когда атака уже была отбита. Кому поверим?

Впрочем, это лирика. А теперь сухие факты. Роммель узнал об английской атаке только в 16.00 и сразу приказал 25-му танковому полку поворачивать назад, хотя танки явно не успевали к району боя. Точно так же мифической оказалась и атака грозных пикировщиков. Они действительно прибыли по вызову пехоты около 18.00 и нанесли удар по **отходящим** английским танкам. Примерно в 19.00 примчались немецкие танки и атаковали французов, державшихся сзади. Как видим, не всегда осторожность избавляет от неприятностей. А когда подошла чуть отставшая 5-я танковая дивизия, союзникам стало по-настоящему плохо.

Правда, англичане утверждают, что одних пленных взяли более 400 человек, тогда как немцы признают потерю 378 человек **в общей сложности**. Немцы потеряли около 49 танков. Они претендовали на уничтожение 43 английских танков, но вот сами англичане признают, что из боя вышло всего 28 машин. Желающие могут поупражняться в арифметическом действии «вычитание». И после того риторический вопрос: могло ли это ничтожное столкновение «нагнать панический страх на германское командование», как утверждает Лиддел-Гарт?

После этого союзники уже не пытались предпринимать каких-либо активных действий и только отступали. Зато воодушевленный успехами своих подчиненных Гот нанес новый удар и организовал французам первый настоящий котел за время кампании. Напомню, что ранее французская 9-я армия просто развалилась и сдалась, ее никто специально не окружал. Зато когда корпус Гота 28 мая нанес удар от Арраса на Лилль, ему удалось отсечь два корпуса французской 1-й армии, которые через пару дней сдались. Одновременно немецкая пехота 6-й армии нанесла удар на стыке между британским корпусом и бельгийской армией, и северная группировка союзников развалилась на части. Дальше были капитуляции, Дюнкерк, эвакуация. Но все это уже не относится к теме танковой войны.

Какие же выводы можно сделать из первой скоротечной кампании во Франции? Судя по всему, немецкое командование тщательно проанализировало уроки боев в Польше, когда, имея подавляющее превосходство в количестве танков, оно его не сумело использовать. К весеннему наступлению во Франции танковые дивизии были объединены в корпуса. Более того, был сделан еще один шаг вперед, когда два таких корпуса были объединены в составе танковой группы — аналога танковой армии. Правда, есть нюанс — именно аналог. Танковые группы подчинены соответствующей **армии**, а не **группе армий**. Из разрозненных танковых полков и дивизий вместе с частями усиления и обеспечения рождались танковые войска, главная ударная сила сухопутных войск Германии. Именно поэтому не имело никакого значения, объединят французы свои танки в дивизии или нет. Мы видели, с какой легкостью сбалансированное соединение всех родов войск, построенное на основе танковых полков, сметало в сторону чисто танковые подразделения союзников. Именно для того, чтобы показать разницу в теории и практике использования танков, мы совершенно сознательно рассмотрели все три случая танковых боев весны 1940 года, хотя стычка под Аррасом не выходит за рамки «боев местного значения».

Отметим, что в период боев во Франции сначала явочным порядком, а потом и официально немецкие танковые дивизии начали переходить на бригадную структуру, формируя гибкие боевые группы, способные решать самые различные задачи. Именно это позволило немцам компенсировать и количественное, и качественное отставание от союзников. В ходе боев были продемонстрированы практически все возможности современных танковых войск. Они прорывали статичную оборону, построенную на принципах прошлой войны. Во встречном маневренном бою опрокидывали практически любого противника. Наносили глубокие рассекающие удары, парализуя тыловые структуры союзников. Ну и, разумеется, блицкриг — стремительная операция на окружение и уничтожение группировки противника.

Еще до завершения боев под Дюнкерком немцы начали готовиться к наступлению на юг Франции, чтобы окончательно разгромить французов. Вполне логичным шагом стало формирование

второй танковой группы под командованием Гудериана. Теперь уже не было необходимости отвлекать танковые корпуса на решение вспомогательных задач, им предстояло решить судьбу новой молниеносной кампании. Танковая группа «Клейст» теперь состояла из XVI и XIV корпусов. XIX корпус Гудериана был преобразован в Танковую группу «Гудериан». Наиболее отличившиеся дивизии его корпуса (1-я и 2-я танковые) были переданы новому XXXIX корпусу, плюс Гудериан получил XLI корпус. Все было готово к последнему акту трагедии. Проявлю капельку занудства и напомню, что термин «танковый корпус» пока еще не существовал, да и моторизованный немцы обозначали скромненько, в скобочках (mot), что довольно часто приводит к изрядной путанице.

Новое немецкое наступление началось 5 июня. На прибрежном участке фронта в районе Абвиля удар нанес корпус генерала Гота. Он глубоко вклинился в оборону французской 10-й армии, но французам на какое-то время удалось остановить вражеские танки. Командир батальона капитан Юнгенфельд, который потерял 9 танков за 10 минут, писал:

«Перед нами каждая деревня и роща, даже, можно сказать, каждая кучка деревьев буквально нашпигованы укреплениями и оружием. Даже мелкокалиберная артиллерия ведет по нам огонь прямо наводкой. Позади нас полыхает жестокая битва, где бой идет не только за каждую деревню, но даже за каждый дом. Поэтому мы не удивились, когда обнаружили, что по нам ведут огонь со всех сторон. Можно было сказать, что никто не представляет, где здесь фронт, а где тыл».

Однако поводов для особого пессимизма у немцев не было. Уже 6 июня танки Гота прорвали оборону французов под Хангестом. Еще два дня боев — и французские войска покатились назад. Операция снова перешла в стадию преследования.

Мелкая, но трагичная деталь. Во время эвакуации британских войск из Сен-Назера 17 июня немецкие пикировщики Ju-88 потопили транспорт «Ланкастрия». Корабль, переполненный солдатами и беженцами, получил 3 попадания бомбами, перевернулся и затонул в течение 20 минут, погибло примерно 5800 человек. Это была одна из крупнейших катастроф на море.

На востоке Группа армий «А» начала наступление 9 июня. 12-я армия после упорных боев форсировала Сомму, и на образовавшийся плацдарм в районе Ретеля начали переправляться танки Гудериана. Свежеиспеченный командир группы получил нагоняй от командующего армией генерал-оберста Листа за ненадлежащую форму одежды танкистов и, вероятно, чтобы избавиться от опеки начальства, 10 июня ринулся вперед.

«Наступающие войска быстрым темпом прошли через Авансон и Таньон и двинулись к Нефлизу на р. Ретурн. На открытой местности танки почти не встречали сопротивления, так как новая французская тактика основное значение придавала обороне населенных пунктов и лесных массивов, отказываясь от обороны открытой местности. В деревнях наша пехота, встречая упорное сопротивление противника, должна была вести бои за отдельные дома и брать баррикады. В то же время танки, которых беспокоил лишь малоэффективный огонь французской тяжелой артиллерии, расположенной в тылу, за продолжавшим еще держаться фронтом у Ретеля, прорвались к р. Ретурн и форсировали эту заболоченную реку у Нефлиза. 1-я танковая дивизия продолжала наступление по обоим берегам р. Ретурн. Южнее реки наступала 1-я танковая бригада, севернее действовала пехота Балка. Примерно в середине дня, когда мы подошли к Жюнивилю, крупные танковые силы противника начали контратаку. Южнее Жюнивиля завязался танковый бой, закончившийся примерно через два часа нашей победой. Во второй половине дня мы овладели Жюнивилем. Во время боя Балк лично захватил французское полковое знамя. Противник отошел на Ла-Невиль. Во время танкового боя я тщетно пытался подбить огнем французской трофейной 47-мм противотанковой пушки французский танк «Б»; все снаряды отскакивали от толстых броневых стенок, не причиняя танку никакого вреда. Наши 37- и 20-мм пушки также не были эффективными против этой машины. Поэтому мы вынуждены были нести потери».

Тем не менее темп наступления немцев не замедлился. В этот момент в очередной раз танковые войска продемонстрировали свою исключительную мобильность. В район прорыва была пере-

брошена Танковая группа «Клейст», которая начала наступать прямо на юг. Танки Гудериана начали постепенно склоняться на восток, выходя в тыл французским армиям на линии Мажино. 17 июня войска Гудериана вышли к Понтарлье на швейцарской границе. В новом гигантском котле оказалась вся французская 2-я Группа армий генерала Претела. Но это уже не имело особого значения. Ведь еще 14 июня немецкие войска вошли в Париж. В ночь с 16 на 17 июня французы запросили перемирия, и 22 июня оно было подписано. Интересное совпадение, правда?

Глава 5

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 41-го ГОДА

После разгрома Франции немцы оказались на распутье. Позор Версаля был стерт новым договором с остатками Французской республики, подписанным в том же самом Компьене в том же самом вагоне, и теперь следовало решать, что же делать дальше. С одной стороны, все желания исполнились, однако упрямая Англия и исчадье рода человеческого Уинстон Черчилль совсем не собирались подписывать мирный договор. С другой стороны, немецкие генералы впервые получили волшебное мегаоружие под названием Панцерваффе, и, как это обычно бывает, у генералов просто зудели руки этим оружием помахать. Если мы бегло просмотрим записи в дневниках командующих корпусами и армиями, сделанные во время Французской кампании, то сразу бросятся в глаза откровенные сомнения в своих силах и в исходе начавшихся боев. Зато теперь они преисполнились чрезвычайной уверенности и даже самоуверенности. Однако с возможностью опробовать только что созданные Панцерваффе было не очень хорошо. Переправить их через Ла-Манш не имелось никакой возможности. Все разработки плана «Морской лев» не стоили и расходованной на это бумаги. Адмирал Редер, когда его спросили о возможности вторжения в Англию, с солдатской прямотой рубанул: «Я хочу высадить армию на берег Англии, а не на морское дно».

Здесь следует сделать одно небольшое отступление. Суворов-Резун, расписывая коварные планы кровожадного Сталина по нападению на беззащитную Германию, пишет, что ни одно государ-

ство не в состоянии содержать отмобилизованную многомиллионную армию. Совершенно справедливое замечание. Лично мне непонятно, почему все это относится только к Советскому Союзу, ведь о Германии можно сказать то же самое с одной небольшой поправкой: она свою армию отмобилизовала гораздо раньше и сокращать отнюдь не собиралась. А ведь возможность для этого имелась. Если бы Гитлер рассматривал возможность войны против одной только Англии, он совершенно безболезненно мог демобилизовать половину своих дивизий. Оставшихся за глаза хватило бы для войны против англичан на всех мыслимых и немыслимых театрах. Однако этого не происходит. Наоборот, начинается формирование следующих 10 танковых дивизий. Желающие могут посмотреть на карту Европы в августе 1940 года и прикинуть, для войны с кем они могли потребоваться. Наверное, для оккупации Андорры...

Так что давайте не будем заблуждаться. Если пресловутый «*Unternehmen Barbarossa*» был подписан только в декабре 1940 года, подготовка к нему началась гораздо раньше, практически сразу, как только окончились бои во Франции. И ссылка немцев на провал переговоров в ноябре 1940 года — не более чем пустая отговорка. Интересное временное совпадение: именно в ноябре 1940 года были созданы первые три номерные танковые группы. Во время боев во Франции танковые группы «Гудериан» и «Клейст» рассматривались как временные формирования, нечто вроде корпусных боевых групп. Теперь же соединения Панцерваффе были переведены в новый статус и встали наравне с полевыми армиями Вермахта.

Но тут еще очень некстати вмешался Бенито Муссолини. Он втравил Италию в войну, которая не была нужна совершенно никому, и меньше всего она нужна была самой Италии. Очень быстро Гитлер убедился, что, когда имеются такие союзники, уже никакие враги не нужны. Ему пришлось спасать незадачливого вояку, причем сразу на всех фронтах, которые Муссолини открыл. Сначала в феврале 1940 года пришлось начать отправку немецких войск в Африку, причем практически сразу незначительный «заградительный отряд» пришлось увеличить до целого корпуса. Об увлекательной игре в пятнашки между Роммелем и английскими генералами мы подробно писали в предыдущей книге, а о том, что

происходило под Эль-Аламейном и далее, мы еще поговорим. Но в любом случае в Африку была отправлена всего пара дивизий, так что это не особенно сказалось на подготовке «Барбароссы».

Немного позднее резко осложнилась обстановка на Балканах, где перед итальянцами тоже замаячил призрак полной катастрофы. В результате весной 1941 года Гитлер против своей воли был вынужден затеять маленькую войну на Балканах. И здесь германское командование приняло решение, смысл которого остается довольно загадочным. Если усиление танковыми корпусами 12-й армии, наступавшей на Грецию, и 2-й армии, находившейся на северной границе Югославии, вполне естественно, то сосредоточение всей 1-й Танковой группы генерала Клейста для удара на Белград с юга выглядит загадочным. Балканский театр далеко не самый подходящий для танков. Многочисленные горные хребты, узкие и плохие дороги, временами превращающиеся в козьи тропы, стремительные горные реки — все это напрочь лишало танковые соединения их главного козыря — мобильности. Ни о каких обходах и ударах с тыла нельзя было даже мечтать. Так, может, немецким генералам просто **очень** хотелось похвастать новой игрушкой? Но за удовольствие надо платить. И дело даже не в том, что в ходе операции «Марита» было потеряно около 60 танков, это совсем немного. Гораздо более серьезное значение имела усталость личного состава и износ техники. Например, командир 9-й танковой дивизии докладывал, что после переходов по горным кручам **всем** танкам его дивизии требуется замена изношенных тормозов.

Но так или иначе, к лету 1941 года германская армия изготовилась к нападению на Советский Союз. Опять же, политическая подоплека этого события нас не касается. Мы имеем в сухом остатке пару фактов. Кто бы что бы ни думал и не собирался делать, но напала именно Германия. И пусть даже посол Шуленбург и министр иностранных дел Риббентроп вручили соответствующие ноты, но военные действия начались еще до этого. А все остальное — от лукавого.

К участию в операции «Барбаросса» немцы привлекли 17 танковых дивизий, разделенных между 4 танковыми группами. Качественный состав Панцерваффе изменялся, но все-таки слишком медленно, немцы до сих пор имели около 40 процентов ни на что не годных T-I и T-II довольно сомнительной боевой ценности.

Так что, если рассматривать влияние характеристик немецких танков на их тактику, мы обнаружим, что немецкие командиры прилагали самые серьезные усилия к тому, чтобы уклониться от боя с новыми русскими танками. Т-34 был защищен не хуже, чем французские танки, уже доставившие массу неприятностей Гудериану и Готу, а КВ так и заметно лучше. Но при этом их 76-мм пушки, несмотря на все недостатки, не оставляли немецким легким танкам никаких шансов на выживание.

Встреча с советскими танками оказалась неприятной неожиданностью для немцев, но не для тех немцев, которые об этом писали. Ведь мы знакомы с ужасным впечатлением, которое произвели Т-34 и КВ на Вермахт, в основном по генеральским мемуарам. А стоит ли им верить так безоговорочно? В конце концов, еще Декарт превратил в четкую формулу высказывания древнегреческой школы скептиков: «De omnibus dubitandum». («Все подвергай сомнению»). Давайте и мы кое в чем позволим себе усомниться.

Прежде всего мы имеем дело не с оригиналами немецких мемуаров, а с русскими переводами, причем с переводами, сделанными приснопамятным «Воениздатом». Относительно недавно мне привелось готовить к переизданию пару книг, выпускавшимся некогда этой конторой, и выяснилось, что проще сделать новый перевод, чем отредактировать старый. То, что они потеряли в объеме около 30 процентов, это еще далеко не самое страшное. Как мне показалось, все эти издания рассматривались под совершенно определенным углом зрения: из предположения о неизбежности Третьей мировой войны и сражений с бывшими противниками. Поэтому мемуары германских генералов рассматривались как учебники стратегии и тактики, руководство по особенностям структуры и действий потенциального противника. А все, что не укладывалось в заданные рамки, безжалостно вырезалось за полной бесполезностью. Так пропадали целые главы и разделы, но не нужно видеть здесь злой умысел. Далее в дело вступали редакторские ножницы, подгонявшие книгу под заданный объем и выстригавшие абзацы, предложения, строки. Между прочим, выстригавшие совершенно бессистемно и необъяснимо.

Однако имеются и более серьезные опасения. Иногда мне начинает казаться, что перевод выполнялся, как это сейчас говорит-

ся, «политически обоснованно». Может, в выходных данных этих мемуаров нужно ставить пометку «Издание исправленное и дополненное»?

Самым хорошим примером является книга Меллентина «Танковые сражения 1939—1945 гг.», которую смоленский «Русич» за что-то переименовал в «Бронированный кулак вермахта», хотя воениздатовское название полностью соответствует оригиналу. Интересный нюанс: почему Меллентин (или не Меллентин?) все свои дифирамбы в адрес Т-34 поет с чужого голоса? Я не утверждаю категорически, что это вставленные цитаты, потому что не видел ни немецкого оригинала, ни хотя бы английского перевода. Я просто сомневаюсь. Русский перевод немецкой книги с английскими вставками вызывает определенные сомнения. Самое интересное, что при этом Меллентин (ли?) ссылается на книгу Лиддел Гарта «На другой стороне холма», которая является сборником опросов пленных немецких генералов. Еще один шаг вглубь?.. Но ведь Меллентин сам видел Т-34 под Сталинградом и Курском, зачем ему столь глубокие библиографические изыскания?

Или возьмем так называемые воспоминания генерала Рейнхардта, который в 1941 году командовал XLI корпусом. Дело в том, что на самом деле имеется книга «Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42», изданная в Штутгарте в 1972 году. Автором ее тоже является генерал Рейнхардт, но совершенно иной — генерал-майор бундесвера доктор Клаус Рейнхардт. Может, он и сын генерал-оберста Ханса-Георга Рейнхардта, но явно воспоминаний о битве под Москвой не писал, потому что родился в том самом 1941 году.

Однако даже если воспоминания написаны действительными участниками событий, все равно они вызывают сомнения. Начнем со страшного изумления, якобы охватившего немецких генералов при встрече с новыми русскими танками. Но если мы откроем мемуары генерала Рауса, то увидим упоминание о приказе командира 6-й танковой дивизии генерала Ландграфа, отданном еще в начале июня 1941 года. В этом приказе содержался прямой запрет вступать в бой с русскими танками. Дело в том, что 6-я дивизия имела на вооружении пресловутые «35-тонные» танки, для которых встреча с Т-34 была очень болезненным способом самоубий-

ства. Так это что, на одного Ландграфа озарение снизошло или остальные панцер-генералы тоже кое о чем догадывались?

Далее, посмотрим повнимательнее дневниковые записи генерала Гальдера. В них тоже не раз упоминаются новые русские танки, но... только 50-тонные. Знаменитую «тридцатьчетверку» Гальдер в упор не замечает. Он высказывает сомнение: а может ли танк быть вооружен 150-мм орудием? Подразумевается, конечно, танк КВ-2. Что же это такое, начальник германского Генштаба не в курсе, чем вооружена его собственная армия? Дело в том, что уже во время боев во Франции Вермахт использовал самоходки «15 cm sIG 33 auf Pz.Kpfw. I Ausf. B». Это не я, это немцы их так длинно назвали. Не ахти машина получилась, но тем не менее это была 150-мм гаубица на шасси танка Т-I общим весом около 8,5 тонны. В производстве и разработке находились Sturmpanzer II и самоходка «Бизон», вооруженные все той же гаубицей. И они почему-то у Гальдера никакого удивления не вызывают.

Вообще, некоторые историки подметили любопытную особенность. Во всех бедах немецких генералов виноваты: погода (мороз или жара, дождь или снег, подставить по желанию), глупый Гитлер и танк Т-34. Эти факторы оправдывают любые провалы и неудачи, но проявляются они отнюдь не каждый день. Самым наглядным примером является расхожая цитата из воспоминаний Гудериана:

«11 октября русские войска предприняли попытку вырваться из «трубчевского котла», наступая вдоль обоих берегов р. Навля. Противник устремился в брешь, образовавшуюся между 29-й и 25-й мотодивизиями и занимаемую лишь 5-м пулеметным батальоном. Одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска северо-восточнее Орла развернулись ожесточенные бои местного значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия, однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об

этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с нашим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущем».

Только давайте мы ему не поверим. Обратите внимание на дату — 11 октября. Это ожесточенные бои под Мценском, которые завершились не слишком удачно для «Стремительного Гейнца». Он дошел чуть ли не до самой Москвы, не замечая Т-34, и вдруг скоропостижно прозрел. А может, просто до сих пор ему не требовались оправдания своих неудач, так как не было самих неудач? Но начались провалы, и объяснения очень кстати подвернулись.

Ну да ладно, хватит об этом. Летняя кампания 1941 года имеет одну важную особенность, на которую почему-то не указывает ни один из историков, хотя она прямо-таки бросается в глаза. Мы уже писали, что во время Польской и Французской кампаний танки сыграли определенную роль, а во втором случае она даже была решающей, но все равно использование танковых групп было сиюминутной импровизацией. Как мы уже отмечали, Французскую кампанию, судя по всему, Вермахт мог выиграть даже без использования танков, но в Советском Союзе все было иначе. План «Барбаросса» с самого начала делал основной упор на действия танковых групп, без них он был просто нереален. Группы «Клейст» и «Гудериан» по немецкой терминологии относились к армейским боевым группам, которые возникают по мере надобности и исчезают без следа, зато теперь создаются штатные структуры, просуществовавшие до самого конца войны. Одновременно постоянной практикой становится нештатная структура — полковая боевая группа. Во время Французской кампании такие группы возникали спонтанно, под давлением обстоятельств, зато теперь они создаются в рамках каждой дивизии заранее. Все эти детали приводят нас к выводу, что 16 ноября 1940 года можно считать официальным днем рождения танковых войск, а июнь 1941 года — первым в истории примером танковой войны.

Почему немцы одерживали столь легкие и быстрые победы? Причин тому много, имя им легион. Но хочется отметить кое-ка-

кие моменты, на которые наши историки даже самой последней формации не обращают внимание.

Возьмем, например, усиленно муссируемый вопрос об укреплениях на линии Сталина. Сколько копий сломано вокруг этих дотов и дзотов! Ах, старую линию разоружили, а новую так и не начали строить! Ах, старую линию гарнизонами не укомплектовали! Ах, ах, ах и ах... Почему же никто не задает самый простой вопрос: а нужна была **вообще** эта линия Сталина? Можно исписать пуды бумаги, проповедуя идеи танковой войны и глубокой операции, но на деле пытаться построить советскую линию Мажино. И что получится в результате? К какой войне готовилась Красная Армия? К современной мобильной или к устаревшей позиционной пехотной? Разумеется, тут же будет вытащено на свет оправдание в виде боев на линии Маннергейма. Но мы еще не раз столкнемся с подобным примером, когда опыт военных действий на отдельном очень специфическом театре механически и бездумно распространяется на все остальные. Надолго ли задержали немцев укрепления той же линии Мажино? Ведь им понадобились всего сутки, чтобы прорвать французскую оборону под Седаном, форсировав вдобавок широкую реку. А во время операции «Рот» они взломали и саму линию Мажино, потратив на это ничуть не больше времени.

Спора нет, в Первую мировую войну такой оборонительной линии цены бы не было. Она наверняка остановила бы германскую армию, но вот беда, на дворе стоял 1941 год, а не 1914-й! Статичная позиционная оборона к этому времени уже практически полностью потеряла свое значение. Поэтому мое личное мнение, которое я никому не навязываю: ликвидация линии Сталина была прогрессивной мерой, шагом в совершенно правильном направлении, первым этапом по превращению Красной Армии в новую, современную и мобильную армию.

Другим примером полного непонимания не только историками, но и советскими генералами образца 1941 года характера современной войны является рытье многих тысяч километров противотанковых рвов и эскарпов, которые к этому времени уже совершенно потеряли всякую ценность. Вспомните, а под Курском пытались наши войска заниматься этой ерундой?! Или там оборона строилась уже на совершенно иных принципах?

Да, разумеется, Брестская крепость сопротивлялась еще доста-

точно долго, и гарнизон стоял до последнего. Но это задержало хоть на пять минут наступление танковой группы Гудериана, в полосе которой находилась крепость? Нет! Вот это и есть самое страшное: за глупость и упрямство генералов своими жизнями расплачиваются тысячи рядовых солдат. Конечно, некоторые доты на линии Сталина держались еще чуть ли не месяц, и как это повлияло на действия Вермахта? Никак! Оставлять эти занозы у себя в спине немцы не могли, но поручили их ликвидацию тыловым и вспомогательным частям, в то время как танковые группы стремительно мчались вперед.

История кампании 1941 года — это описание отчаянных попыток немцев с помощью тактики блицкрига добиться конечной победы. Попытки эти были изначально обречены на провал, как мы писали в книге «Молниеносная война», хотя бы просто по причине элементарной нехватки сил. На центральном участке фронта, где взаимодействовали 2-я и 3-я танковые группы, немцам удался ряд операций на окружение крупных группировок советских войск, зато на севере, где 4-я группа Геппнера действовала в одиночку, успехи были заметно скромнее. На юге 1-я Танковая группа Клейста вообще ничего серьезного не добилась, и немцам пришлось поворачивать туда группу Гудериана. Лишь после этого им удалось сломить сопротивление советских армий на южном участке фронта.

Разумеется, мы не сможем полностью умолчать о всех блицоперациях Панцерваффе, так как в этом случае рассказ получится совершенно неполным, но ограничимся лишь кратким их упоминанием.

Начнем мы с Группы армий «Север» фельдмаршала фон Лееба, которая была самой слабой из всех. В нее входили две армии и одна танковая группа. Действия фон Лееба интересны тем, что он практически не взаимодействовал с соседней Группой армий «Центр», а 4-я Танковая группа Геппнера вообще оказалась некоей «вещью в себе». Фон Лееб позднее честно признался, что он практически ничего не понимал в действиях крупных танковых соединений, что выразилось в более чем странных приказах. Он постоянно одергивал Геппнера, не понимая, что блицкриг неизбеж-

но связан с долей риска. В результате этого XLI корпус Рейнхардта и LVI корпус Манштейна действовали каждый сам по себе. Результат был очевидным — Северо-Западный фронт избежал таких крупных катастроф, как Минский и Киевский котлы. Но легче от этого генералу Ф.И. Кузнецову не стало. Если фон Лееб действовал неудачно, то Кузнецов и сменивший его Ворошилов — вообще отвратительно.

Группа армий «Север» просто и бесхитростно наступала на Ленинград по кратчайшему пути. Если мы вспомним Африканские кампании Роммеля, то сразу возникнет вопрос: а нельзя ли было попытаться ударом танковых корпусов на Ригу отрезать и окружить Северо-Западный фронт? Наверное, можно было, но для этого нужен был Роммель, а не фон Лееб. Его танковые корпуса тоже двигались по прямой, хотя их влияние на общий ход кампании нельзя недооценивать. Прежде всего они избавили немецкую пехоту от серьезных проблем, когда 23 июня корпус Рейнхардта отразил удар советских 3-го и 12-го мехкорпусов, в которых было около 1400 танков. Их встретил XLI корпус Рейнхардта, имевший впятеро меньше танков, при этом более половины из них были ужасными 35(t). Но произошло то, что потом повторялось не раз, не два и не двадцать два. Советские танковые полки и батальоны наносили нескоординированные удары и гибли один за другим под огнем немецкой артиллерии. После 3 дней боев советские механизированные корпуса перестали существовать, и Рейнхардт спокойно направился к Двине.

Туда же рванулся и корпус Манштейна. Ему не пришлось вести бои, поэтому он 26 июня сумел беспрепятственно захватить важнейший мост в Даугавпилсе. Мобильность танковых частей в этой операции была использована по максимуму, за четверо суток LVI корпус прошел около 350 километров, и заметьте, в отличие от советских корпусов, к цели пришли не единичные танки, а все дивизии практически в полном составе. После этого Манштейну пришлось в течение 3 суток сражаться в одиночку, удерживая стратегически важный пункт.

16-я армия Буша изо всех сил старалась не отстать от Манштейна, но это ей плохо удавалось. К тому же ей следовало удерживать связь с Группой армий «Центр», что не удалось вообще. Разрыв в немецком фронте в районе Великих Лук постепенно

принимал угрожающие размеры, но Красная Армия была не в том состоянии, чтобы им воспользоваться. Хотя корпус Рейнхардта отстал от Манштейна, ему тоже удалось захватить мосты через Двину в районе Екабпилса. Однако в этот момент фон Лееб на несколько дней задерживает свои танки на рубеже Двины. Он намерен подтянуть отставшие пехотные дивизии и выровнять линию фронта.

После передышки танковые корпуса Геппнера двинулись дальше, на Остров и Опочку. В очередной раз 1-я танковая дивизия спокойно захватывает важный мост через реку Великая в Острове. Спохватившись, советские генералы пытаются его отбить, но это приводит лишь к большим потерям, хотя некоторое время исход сражения висит на волоске. 6 июля корпус Манштейна, неожиданно для себя, влетел в болота вокруг Опочки. Выяснилось, что немцы плохо представляли себе местность, по которой им предстояло двигаться. Возникает вопрос: а что делать дальше? Идти на помощь Рейнхардту или наступать самостоятельно через Старую Руссу? После жарких споров было решено остановиться на втором варианте. На совещании 9 июля с участием фон Браухича, фон Лееба и Геппнера было решено, что 4-я Танковая группа начинает наступление на Ленинград по двум направлениям. Корпус Рейнхардта пойдет через Псков и Нижнюю Лугу, а корпус Манштейна — через Новгород. Эти два маршрута разделяют непроходимые болота, и появляется возможность разбить эти корпуса поодиночке, тем более что они уже понесли ощутимые потери, но советские армии ограничиваются пассивной обороной. Геппнер, Манштейн и Рейнхардт стояли за то, чтобы объединить танковые корпуса, однако фон Лееб решил по-своему.

XLI корпус продолжает наступление на Псков и далее, в очередной раз без боя захватываются важнейшие мосты, и танки Рейнхардта оказываются уже в 100 километрах от Ленинграда. Советское командование спешно перебрасывает на Лужский рубеж часть сил Северного фронта генерала Попова, в Ленинграде мобилизуется гражданское население для строительства укреплений. Но Рейнхардт уже выдохся, к тому же он слишком оторвался от своих тылов. До 19 августа его корпус вынужден полагаться исключительно на снабжение, доставляемое по воздуху. Фон Лееб не сумел обеспечить работу тыла, соответствующую темпу современ-

ных операций, он не сумел скоординировать действия своих сил, и, как с нескрываемым раздражением писал Рейнхардт, благоприятнейшая возможность захватить Ленинград была упущена.

Корпус Манштейна в это время продирался сквозь леса и болота от Опочки на Новгород в полном одиночестве. Воспользовавшись его уязвимым положением, 11-я армия генерала Ватутина нанесла Манштейну встречный удар под Сольцами. И этот немецкий корпус оказался в крайне опасном положении, но удержался, хотя в боях 14—18 июля понес большие потери. В результате Группа армий «Север» выполнила все поставленные на первый период наступления задачи, хотя при этом полностью выдохлась и ей требовались отдых и пополнения. Танковые корпуса доказали, что могут наносить глубокие рассекающие удары, однако эти удары не приносили дивидендов, потому фон Лееб разъединил их, а вдобавок продемонстрировал, что совершенно не умеет закреплять их успехи действиями пехоты. Это сыграло свою роль, так как корпуса понесли потери в вынужденных оборонительных боях, к которым были не слишком приспособлены, ведь танк всегда являлся наступательным оружием.

Только 8 августа войска фон Лееба сумели перейти в наступление, но теперь бои носили уже иной характер. Хотя корпус Рейнхардта был усилен, ему потребовалось 4 дня, чтобы пробить оборону на Лужском рубеже. К 8 сентября немцы добрались до станции Мга и захватили Шлиссельбург, отрезав Ленинград с суши, но на этом их наступление в очередной раз затормозилось. Попытка штурма Ленинграда, предпринятая в сентябре, была уже делом безнадежным, так как численность большинства немецких дивизий сократилась втрое. После войны, оправдываясь, фон Лееб заявил, что он вообще не рассчитывал дойти до ворот Ленинграда, не то что взять город. В общем, как ни странно, танки фон Лееба действительно сыграли довольно заметную роль в действиях Группы армий «Север», обеспечив свободное продвижение пехоты, но не принесли ей победы. Без танков фон Лееб, наверное, не прошел бы и половины расстояния от границы до Ленинграда. И эта несколько странная танковая война доказала в очередной раз сомнительность постулатов теории глубокой операции. Прорывы у Геппнера получались, но этим все заканчивалось, так как реальной пользы они не приносили.

Как нетрудно догадаться, в первый период войны главные события разыгрались в полосе германской Группы армий «Центр», которая имела в своем составе две танковые группы. 3-я Танковая группа уже 24 июня вышла в район Вильнюса, а 2-я Танковая группа, которая наступала южнее, — в район Слонима. Оборона Западного фронта была рассечена в нескольких местах, контрудары, которые генерал Павлов пытался наносить во исполнение Директивы № 3, провалились. Самым наглядным примером беспомощности советского командования стал так называемый контрудар группы Болдина под Гродно, в ходе которого просто растаял мощнейший 6-й мехкорпус, превосходивший по количеству танков любую из немецких танковых групп. Танки Гудериана и Гота неслись вперед к Минску, а тем временем в районе Белостокского выступа постепенно создавался один из первых котлов. Мы бы могли поставить это в заслугу Панцерваффе, но странность ситуации заключается в том, что котел формировался усилиями немецкой пехоты. С юго-запада наступали VII и IX корпуса, а с севера — XX и VIII.

Бои 24 июня, в которых участвовали немецкие механизированные корпуса, привели к разгрому второго эшелона Западного фронта и сумели затормозить немецкое наступление очень ненадолго. 28 июня танки Гота и Гудериана встретились в Минске, а на следующий день пехота 4-й и 9-й армий замкнула кольцо окружения вокруг советских войск, пытавшихся уйти с Белостокского выступа. В этом двойном кольце оказались 23 советские дивизии. Бои в Белостокском котле завершились 1 июля, а Минский котел был ликвидирован к 9 июля. К сожалению, наше командование не сумело воспользоваться все более ясно проявляющейся в действиях немецких генералов пагубной тенденцией. Если вы обратите внимание, котлы приобретали все более и более грандиозные размеры и, соответственно, фронт окружения не мог быть плотным. Собственно, есть подозрение, что его и не существовало как такового, особенно на южном фасе, где действовала танковая группа Гудериана. Два его механизированных корпуса умчались к Минску, XII армейский корпус возился с Брестской крепостью, а войска 4-й армии решали свои собственные задачи в районе Белостока — Волковыска. Однако наши генералы не сумели воспользоваться этим шансом.

6 июля советское командование попыталось нанести еще один крупный контрудар под Лепелем, в котором участвовали два механизированных корпуса — 5-й и 7-й. В сумме они имели около 1700 танков. Вся эта армада столкнулась всего лишь с двумя немецкими танковыми дивизиями — 7-й и 17-й. Бой занял ровно один день, после чего выяснилось, что 7-й мехкорпус генерала Виноградова потерял более половины танков и отступает. 5-му мехкорпусу пришлось еще хуже. Мало того, что 17-я танковая дивизия отразила все его атаки, так она еще ухитрилась нанести ему удар в тыл и загнать в котел. Остатки корпуса поспешно откатились к Орше, а немцам достался совершенно пустой Витебск, оборонять который было некому. Командующий 3-й Танковой группой генерал Гот, описывая это сражение, ограничивается тремя строчками:

«Но между Бешенковичами и Витебском наступавшая впереди 7-я танковая дивизия натолкнулась на сильное сопротивление противника, которое не могла преодолеть до 5 июля. Противник силами примерно трех дивизий, две из которых (танковые) прибыли из Москвы, нанес сильный контрудар, который 7-я танковая дивизия успешно отразила, нанеся противнику большие потери».

В результате советские войска отошли к Смоленску, где уже начал формироваться очередной котел. Вообще, фон Бок использовал предоставленные ему танки на все 100 процентов. Если посмотреть на карту, то мы увидим, что Группа армий «Центр» двигалась от одного котла к следующему, поэтому история наступления фон Бока будет фактически историей классического блицкрига. Ну, или почти классического, потому что окружения Гудериану и Готу удавались хорошо, но вот с уничтожением окруженных советских войск иногда возникали проблемы. Причина была простой, мы ее уже упоминали. Тяга к гигантомании приводила к тому, что кольцо окружения получалось слабым, а в некоторых местах просто символическим. И если бы советские генералы не теряли голову и не поддавались панике в критический момент, то немцы могли пожалеть о своих опрометчивых действиях. Причем львиная доля этих ошибок была сделана прославленным Гудерианом.

Итак, в июле совместными усилиями 2-й и 3-й Танковых групп под Смоленском были окружены части советских 16-й и 20-й армий. Однако немцы тут же обнаружили, что перед ними выросла очередная стена, которой буквально вчера еще не было, причем новые советские армии не только преградили путь немецким танкам, но и попытались нанести несколько контрударов с целью деблокирования окруженной группировки.

К сожалению, эти контрудары опять оказались неудачными. Почему так происходило? В очередной раз выяснилось, что много танков — это совсем еще не танковые войска. Можно позволить себе такую историческую аналогию: разница между Панцерваффе-41 и советскими танковыми частями того же года примерно такая же, как между конницей и кавалерией. И то и другое вроде бы люди на лошадях, но... С одной стороны, мы имеем беспорядочную толпу всадников, галдящих и размахивающих саблями, с другой — регулярные кавалерийские дивизии, правильно организованные и управляемые. Они, конечно, могут победить, но при очень удачном стечении обстоятельств и при колоссальном численном перевесе. Просто большого численного перевеса здесь будет совершенно недостаточно. Приведем цитату из... Вы думаете, Меллентина? Подождите, будет вам и Меллентин, а пока мы приведем выдержку из дневников прославленного генерала и человека отчаянного мужества — Дениса Давыдова:

«Наконец подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов!

Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отставшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми.

Я как теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейб-гвардии казацкого полка. Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки бросались к самому фронту, но все было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вокруг них безуспешным рыцарством».

Давыдов с горечью пишет, что «наши атаки азиатские оказались бессильны против строя европейского». Вот об этом и идет речь. Кирасирская дивизия с приданной ей дивизией гусарской, имеющая положенную батарею конных штурмгешютцев, разгонит любую конницу. То же самое происходило и с танками.

«В 1941 и 1942 годах тактическое использование танков русскими не отличалось гибкостью, а подразделения танковых войск были разбросаны по всему огромному фронту. Летом 1942 года русское командование, учтя опыт проведенных боев, начало создавать целые танковые армии, имеющие в своем составе танковые и механизированные корпуса. Задача танковых корпусов, в которых было относительно немного мотопехоты и артиллерии, состояла в оказании помощи стрелковым дивизиям, осуществлявшим прорыв. Механизированные корпуса должны были развить прорыв в глубину и преследовать противника. Исходя из характера выполняемых задач, механизированные корпуса имели равное с танковыми корпусами количество танков, но машин тяжелых типов в них не было. Помимо этого, по своей штатной организации они располагали большим количеством мотопехоты, артиллерии и инженерных войск. Успех бронетанковых войск русских связан с этой реорганизацией; к 1944 году они стали самым грозным наступательным оружием Второй мировой войны.

Сперва русским танковым армиям приходилось дорого расплачиваться за недостаток боевого опыта. Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное умение проявляли младшие и средние командиры. Им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения. Первые операции танковых армий заканчивались пол-

ным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовались неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали продвижение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех. В эти дни отдельные немецкие противотанковые пушки и 88-мм орудия действовали наиболее эффективно: иногда одно орудие повреждало и выводило из строя свыше 30 танков за один час. Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть, однако уже зимой 1942/43 года в их тактике появились первые признаки улучшения».

М. Барятинский, описывая боевое применение советских танков в начале войны, приводит выдержки из воспоминаний наших танковых командиров низшего звена. Тут и там мелькает фраза: «Я подал сигнал «Делай, как я». То есть командир батальона высунул в лючок на крыше башни сигнальный флажок и помахал им. Все это происходит в разгар боя, учтите. И батальон, увидев флажок, послушно исполнил команду. Вы в такое верите? Я ни секунды.

В конце июля перед немцами встал вопрос: а что делать дальше? Формально директива «Барбаросса» была исполнена, но в результате Вермахт находился на том же расстоянии от победы, что и 22 июня. Советские войска понесли колоссальные потери. Действительно, довоенная Красная Армия была разгромлена и уничтожена западнее рубежа Двина — Днепр, однако немцы не то что недооценили мобилизационный ресурс Советского Союза. Они просто не имели никакого представления о нем, и перед ними снова возникла точно такая же огромная армия.

И в этот момент Гитлер заметался. Следовало переходить ко второй фазе операции, но о ней никто раньше даже не думал. Панцер-генералам представлялось, что они просто покатят дальше к намеченному рубежу Архангельск — Астрахань, примерно как это происходило во время операции «Рот», а их вынуждали сражаться снова и снова. Разгорелись споры. Генералы хотели наступать на Москву, Гитлер желал выправить положение на флангах, ведь на севере образовалась зияющая дыра между войсками

фон Лееба и фон Бока, на юге фон Рундштедт хоть и добился сначала некоторых успехов, но теперь просто топтался на месте. На какое-то время немецкие войска на Восточном фронте потеряли управление, и каждый из командиров действовал сам по себе.

Наконец Гитлер решил приостановить наступление на Москву и переключил внимание на фланги. Успехи на Украине и под Ленинградом могли привести к вступлению в войну Турции и подтолкнуть финнов действовать более решительно. Принимаются важнейшие решения о переразвертывании **танковых соединений** на другие направления, то есть еще раз подчеркивается решающая роль Панцерваффе в этой кампании, о пехотных армиях никто даже не вспоминает. При этом первое же решение вызывает, мягко говоря, изумление. У Гота отбирают XXXIX корпус Шмидта и отправляют на помощь Геппнеру. Далее он действует совместно с XLI корпусом Рейнхардта. Но позвольте, не проще ли было сделать то, что не раз предлагал сам Геппнер и его корпусные командиры, — объединить XLI и LVI корпуса? Второе решение имело самые серьезные последствия.

2-я Танковая группа Гудериана поворачивает на юг. Результатом этого стал знаменитый Киевский котел.

Полагаю, что сейчас самое время обратиться к действиям на южном фланге Восточного фронта. Формально Группа армий «Юг» была второй по силе, хотя возникает вопрос: помощью или обузой были румынские армии? К тому же немецкое командование допустило одну серьезную политическую ошибку. Оно привлекло Венгрию к подготовке «Барбароссы», поэтому целый участок границы выпал из планов Вермахта, а когда 27 июня Венгрия таки объявила войну Советскому Союзу, ее армии пришлось действовать, что называется, с чистого листа.

Первым крупным столкновением на юге стало так называемое танковое сражение в районе Ровно, Дубно, Броды. В предыдущей книге мы уже упоминали, что большей частью советские механизированные корпуса сражались с немецкой пехотой, дорогами и неисправностями механизмов. Борьба оказалась неравной, 8, 9, 15, 19-й и 22-й мехкорпуса практически перестали существовать. По бездарности и бессмысленности уничтожения собственных

танковых соединений у советских генералов образца 1941 года имеется лишь один соперник — египетские генералы 1967 года. Там было еще хуже: они не просто погубили свои полки и дивизии, но сдали технику противнику в исправном состоянии, разом увеличив танковый парк Израиля примерно на 20 процентов. Так что **относительно** советские генералы не так уж и плохи, бывают хуже.

Однако этот погром был лишь началом. Фон Клейст показал себя не лучшим из командиров танковых групп, наверное, он даже был самым худшим из них. Но и его дарований и умения среднего германского пехотного генерала вполне хватало, чтобы переиграть генерала Кирпоноса. Но сначала фон Клейсту пришлось отбить совершенно неожиданную атаку с тыла. Гитлер вознамерился разделить его группу на отдельные корпуса и погнать по трем разным направлениям. В данном случае победителем оказался генерал, а не фюрер. А жаль! Глядишь, тогда не получился бы Уманский котел, потому что после окончания боев в прифронтовой полосе XIV и XLVIII корпуса нанесли удар в направлении Житомира и Бердичева. И вот здесь генерал Кирпонос допустил первую из крупных ошибок. Он почему-то решил, что фон Клейст повернет на север и начнет наступление в направлении Москвы. Вместо этого XLVIII корпус генерала Кемпфа круто повернул на юг, на Умань. Наверное, немцы сами не ожидали, что получится котел, в который попадут части 6-й и 12-й армий, ведь вторую половину клещей образовала неспешно продвигавшаяся вперед 17-я армия генерала Штюльпнагеля. Но, как выяснилось, наши пехотные дивизии двигались гораздо медленнее немецких. Кстати, как любопытный исторический анекдот можно упомянуть утверждения о том, что и Штюльпнагель имел в составе своей армии механизированные подразделения. Но вы ни за что не угадаете, какие именно. Это был венгерский мехкорпус.

А после этого начался знаменитый бросок группы Гудериана на юг, который вместе с наступлением группы фон Клейста прямо на восток привел к образованию самого крупного в истории войны котла — Киевского. Однако это была типичная блицоперация, и мы описали ее в предыдущей книге. Вообще-то на войне радуются трофеям, но в данном случае количество захваченных танков и орудий привело немецких генералов в ужас. Они впервые начали понимать, с какой махиной столкнулись. Именно в это время Гит-

лер произнес свою знаменитую фразу: «Если бы я знал, сколько у русских танков, я бы хорошо подумал, прежде чем нападать на них».

Отметим также, что маневры немецких танковых соединений иногда производили странное впечатление. Сначала Гудериан идет прямо на юг, а после завершения операции поворачивает обратно на север. Корпуса фон Клейста, которые уже вышли к Никополю и Днепропетровску, чтобы встретиться с Гудерианом под Лохвицей, направляются на **северо-запад**, но потом возвращаются по собственным следам к Днепропетровску и начинают наступать далее, к берегу Азовского моря на Бердянск. Разумеется, это имело свое логичное обоснование, но логика выглядит какой-то странной. В Германии уже не хватало нефти, и Гитлер начал размышлять о захвате нефтяных полей Кавказа. Именно поэтому перед поредевший и потрепанной 1-й танковой группой была поставлена задача захватить Ростов, но при этом у фон Рундштедта отобрали несколько дивизий для участия в планируемой операции «Тайфун». Фон Клейст потерял XLVIII танковый корпус, взамен которого ему дали XLIX горно-стрелковый, опять дальний прицел на Кавказские горы. Но теперь несчастная танковая группа двигалась с той же скоростью, что и соседние 6-я и 7-я армии. Танковая война на южном участке Восточного фронта временно прекратилась. Центр тяжести усилий Панцерваффе перемещается в полосу группы армий фон Бока, который готовится к решающему броску на Москву. Надвигается «Тайфун».

Кстати, учитывая все изложенное выше, можно предложить интересный вариант военной реализации плана «Барбаросса», а именно — передать 4-ю танковую группу Группе армий «Юг». Обоснование довольно простое. Перед фон Леебом грандиозных задач никто не ставил, и его участок фронта была самым маловажным, двигался бы себе потихоньку вдоль берега Балтийского моря. Зато если бы Рундштедт с самого начала имел две танковые группы, он мог бы действовать в стиле блицкрига, как это делал фон Бок, не дожидаясь переброски на юг группы Гудериана. Тогда и Киевский котел мог получиться заметно раньше, а то и не дошло бы до него вообще. Может быть, в этом случае большинство

советских армий погибло бы под Уманью. Прямая польза была и Гудериану, от него не потребовался бы бросок на юг, отнявший время и моторесурс. Глядишь, и наступление на Москву могло начаться раньше, правда, в этом случае в нем участвовали бы только 2 танковые группы. Хотя, как правильно отмечают, история сослагательного наклонения не имеет.

Глава 6

КРАХ

Операция «Тайфун» должна была достойно увенчать кампанию Панцерваффе на Восточном фронте очередной блестящей победой. Однако путь к «Тайфуну» был далеко не таким простым, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в середине августа вспыхнул спор между Гитлером и командованием Группы армий «Центр». Гитлер намеревался временно перейти к обороне на этом участке фронта, чтобы разгромить группировку советских войск в районе Киева, одновременно передав Группе армий «Север» дополнительные танковые соединения для полного окружения Ленинграда. Причем хочется отметить, что **ни в одной** из директив Гитлера или его же памятных записок не говорится ни единого слова о штурме Ленинграда или Москвы. Везде старательно подчеркивается, что эти мегаполисы следует окружить и удушить в кольце блокады. Кстати, хочется напомнить, что Минск и Киев немцы тоже не штурмовали, а просто заняли после отхода советских войск. Поэтому один из знаменитых подвигов маршала Жукова, якобы спасшего Ленинград, на самом деле является не более чем мыльным пузырем. Легко отражать несуществующую угрозу! Если план «Барбаросса» лег на стол Сталина за три часа до того, как его подписал Гитлер, то почему наши славные рыцари кнута и лопаты... тьфу! В смысле, плаща и кинжала... Опять запутался... доблестные защитники прогрессивных негров Занзибара не положили туда же ни одну из последующих директив Гитлера?

Против этого предложения выступили фон Бок и Гудериан, несколько неожиданно их поддержал Браухич. Фюрер потерял терпение и огрызнулся: «Предложения армии относительно даль-

нейшего ведения операций на Востоке, сделанные 18 августа, не соответствуют моим намерениям». В результате он отдает свой приказ, то есть Гитлер начинает активно вмешиваться в руководство ходом военных действий задолго до того, как объявил себя главнокомандующим вооруженных сил. При этом он совершенно справедливо указывает на один из главных недостатков образа действий опьяненных колоссальными успехами панцер-генералов: «К сожалению, в результате постановки танковым соединениям слишком удаленных целей разрыв между ними и следующим позади пехотными соединениями был настолько значительным, что потребовались многие драгоценные недели, чтобы с трудом продвигающаяся пехота догнала вырвавшиеся слишком далеко вперед танковые соединения. Именно благодаря этому обстоятельству русским удалось спасти часть соединений, которые, получив пополнение, вновь стоят сегодня перед фронтом группы армий». В своей памятной записке Гитлер прямо указывает: «Самыми главными задачами, которые следует решить до наступления зимы, является не захват Москвы, а занятие Крыма, индустриального и угольного Донецкого района и перекрытие путей поступления нефти с Кавказа».

И все-таки 16 сентября ОКХ отдает приказ о подготовке дальнейшего наступления на Москву. Для этого предполагается вернуть Группе армий «Центр» Танковую группу Гудериана, а также передать Танковую группу Геппнера, до сих пор подчинявшуюся Группе армий «Север». 16 сентября штаб фон Бока отдает приказ на операцию «Тайфун». На первой ее стадии планируется окружение и разгром «армий Тимошенко» в районе Вязьмы и Брянска. Здесь мне очень хочется швырнуть пару камней в сторону хваленых разведок обоих противников. Почему-то во всех немецких приказах и директивах фигурируют только «армии Тимошенко», «армии Еременко» и так далее. Немцы не сумели определить точные названия противостоящих им фронтов? Не лучше показало себя и ГРУ. Наше командование потратило массу усилий на предотвращение штурмов Москвы и Ленинграда, которые немцы даже и не думали начинать.

Все наши историки дружно пишут, что немцы сосредоточили для захвата Москвы все наличные силы, что является, мягко говоря, преувеличением. Да, фон Бок действительно заполучил в свое

распоряжение 4-ю танковую группу — но и только. Более того, немцы предприняли довольно странный шаг, однозначно оценить который невозможно. Вообще-то шаг этот был в рамках общей стратегии фон Бока, который еще во время приграничных сражений вполне логично сдваивал танковые и обычные армии. Но сейчас в состав **всех** танковых групп были введены армейские корпуса, состоящие из обычных пехотных дивизий, поэтому их мобильность заметно снизилась. В рамках подготовки к наступлению на Москву панцер-генералы получили одну-единственную дополнительную танковую дивизию.

Вдобавок в немецком командовании вспыхнули новые споры. Фон Бок желал устроить глубокий обход под Вязьмой, тогда как ОКХ желало ограничиться окружением города. Гальдер намеревался отправить моторизованные части прямо на Москву, а Гитлер был категорически против уличных боев. (В скобках заметим — совершенно справедливо!) Вдобавок родилась безумная идея сочетать наступление на Москву с ударом фон Лееба в районе озера Ильмень, а также с действиями Группы армий «Юг» в районе Харькова. В общем, немцы попытались свести воедино столько разнородных факторов, что следует удивляться не тому, что «Тайфун» провалился, а тому, что у них вообще хоть что-то получилось.

Их положение осложнялось состоянием танковых дивизий. Бросок на юг больно ударил по группе Гудериана, ее дивизии сейчас имели не более 50 процентов исправных танков. У Гота этот процент достигал отметки 70, а дивизии Геппнера были укомплектованы полностью, однако там имелась другая проблема. Состав 4-й танковой группы с 22 июня поменялся полностью, и у Геппнера не осталось ни одной дивизии, с которыми он начал войну. Ко всему прочему немцы испытывали нехватку топлива. Хотя в Гомеле, Рославле, Смоленске и Торопце имелись огромные склады, на фронт поступали лишь капли.

Немецкое наступление началось с очередной импровизации. Попытайтесь догадаться, кто постарался? Ну конечно же, «Стремительный Гейнц», который начал наступление 30 сентября, то есть на двое суток ранее намеченного, прикрывшись ожидаемым ухудшением погоды. Началась операция удачно для немцев. В очередной раз танковые клинья разрезали оборону советских войск,

как раскаленный нож. В районе Вязьмы и Брянска образовалось несколько котлов, в которых... А вот здесь мы немного притормозим. Я уже писал и сейчас повторю, что цифры потерь, которые приводит Типпельскирх и охотно повторяют все западные авторы, не вызывают у меня и тени доверия. Слишком хорошо сумма убитых и пленных совпадает с красивой и круглой цифрой миллион. Можно было написать 1,01 миллиона или 998 тысяч, так ведь нет, не более и не менее. Угадать, откуда эта цифра взялась, я могу, но обосновать свою догадку не в состоянии. Скорее всего, этот миллион есть примерная оценка итогов сражения штабом Группы армий «Центр», который в тот момент не собирался заниматься ее уточнением, имелись более важные дела. Но со временем примерная оценка трансформировалась в точный подсчет. Я даже могу предположить, что пресловутые 668 000 — это не число пленных, а суммарные потери Красной Армии, но, как говорится, ни подтвердить, ни опровергнуть эту точку зрения я не могу.

Во всяком случае, это был последний удачный блицкриг 1941 года. 7 октября фон Бок отдал приказ на продолжение операции «Тайфун». Слева 9-я армия и 3-я танковая группа должны были наступать на Ржев и Калинин, в центре 4-я армия и танки Геппнера двигались на Калугу и Можайск, на юге Гудериан, который теперь командовал 2-й танковой армией (очередное переименование, не добавившее ему ни одного лишнего танка), должен был двигаться на Тулу. Но здесь немцев подвела та самая страсть к гигантизму, о которой мы уже упоминали. Ну, а Гудериан в очередной раз повторил уже ставшую для него традиционной ошибку — умчался вперед, не заботясь о надежном замыкании кольца окружения, что позволило части советских войск вырваться из капкана. Впрочем, и без того почти две трети сил фон Бока были связаны ликвидацией котлов, фельдмаршал взломал оборону Красной Армии на огромном протяжении, но не сумел этим воспользоваться, дав советскому командованию передышку.

В начале октября немцы возобновили наступление, и в этот момент фон Бок допустил серьезную ошибку. Он решил, что русские армии окончательно разгромлены и операция перешла в стадию преследования. Приказ штаба Группы армий «Центр» от 14 октября прямо об этом говорит, однако немцы в очередной раз столкнулись с возродившимися из пепла подобно фениксу совет-

скими войсками. Однако по неизвестной причине фон Бок никак не отреагировал на изменение ситуации. Записи в его дневнике свидетельствуют, что фельдмаршал продолжал пребывать в состоянии неизлечимой эйфории.

«Во второй половине дня были изданы и разосланы армиям предварительные приказы. По поводу главных целей наступления сказано следующее: движение 2-й танковой армии в обход Москвы к югу должно обеспечить окружение города с южного и восточного направлений. При этом 4-я армия является ответственной за окружение Москвы с юго-запада, запада и севера. 9-й армии и 3-й танковой группе предлагалось повернуть к северу и двигаться через Торжок в направлении города Вышний Волочек. Правофланговый корпус 9-й армии должен присоединиться к 4-й армии, так как в противном случае 4-й армии не хватит сил для осуществления ее миссии. 2-й армии вменялось в обязанность прикрывать операцию с правого фланга. Во исполнение этой миссии 2-я армия должна выйти к реке Дон по линии Елец и Сталиногорск».

Немецкие армии продолжали двигаться широким фронтом, уже не пытаясь сосредотачивать силы, хотя появилась возможность нанести мощный удар на севере, где 3-я и 4-я танковые группы теперь занимали заметно сузившийся фронт. Фон Бок нарушил ключевое правило не только танковой войны, но и военного искусства вообще — сосредотачивать силы для нанесения удара, а не пытаться шлепать раскрытой ладонью.

Мелкая справка. По непонятной причине ОКХ переименовало танковые группы в танковые армии неодновременно. 2-я была переименована первой, 5 октября, за ней 25 октября последовала 1-я, а 3-й и 4-й пришлось дожидаться Нового года, соответствующий приказ был отдан лишь 1 января. Все это вносит изрядную путаницу в описания военных действий.

Оптимизм оказался очень заразной болезнью, которая перекинулась из штаба Группы армий «Центр» в стены ОКХ. Там вдруг родилась идея повернуть 2-ю Танковую армию на юг после неизбежного и скорого захвата Тулы. Часть сил 3-й танковой группы командование намеревалось опять повернуть на север, к Ле-

нинграду. Фон Боку удалось пока отстоять свои дивизии, но это ему мало помогло.

Однако немецкое наступление откровенно выдыхалось. Фон Боку еще удалось смять на Можайской линии войска Резервного фронта, но именно смять и отбросить, а не уничтожить. Сейчас против немцев работало решительно все, начиная с той же осенней распутицы. Ведь не от хорошей жизни топливо для танков Гудериана пришлось сбрасывать на парашютах — автомобильные колонны не могли пробиться к линии фронта, а транспортные самолеты не имели возможности совершить посадку. Все это, вместе взятое, — потери, ошибки командования, растянутые коммуникации, плохая погода и многое другое — предопределило провал «Тайфуна». Ни один из факторов сам по себе не был решающим, но они наложились друг на друга, и эффект оказался сокрушительным.

Трудно себе представить степень неосведомленности германского Верховного командования относительно положения дел на фронте, почему-то убежденного, что все идет нормально. С 24 октября по 13 ноября наступила оперативная пауза. Немцы в очередной раз перетасовали свои силы, а 13 ноября состоялась встреча представителя ОКХ генерала Гальдера с командующими Группой армий «Центр» в Орше. Гальдер передал им распоряжение Гитлера продолжать наступление имеющимися силами, хотя этих самых сил у немцев осталось очень немного. Например, Гудериан так и не сумел к этому времени взять Тулу, а уже получил приказ наступать на Горький! Кстати, если внимательно почитать воспоминания немецких генералов (фон Бока, Гота, Гудериана, Клюге, Рауса), то мы увидим любопытную особенность: в них практически перестали появляться термины, характерные для описания мобильной войны. Остается лишь примитивный лобовой навал, который редко приносит успех. В этот же период немецкие войска на других участках Восточного фронта потерпели ряд чувствительных неудач, что не отрезвило верхушку Вермахта. Провалилось наступление на Тихвин, немецкие войска были выбиты из Ростова, но под Москвой немцы упрямо рвались вперед.

А тем временем советское командование перебросило на фронт под Москвой новые крупные подкрепления. Если бы фон Бок узнал, что только в ноябре на фронте появились 22 стрелковые ди-

визии, 17 стрелковых бригад, 4 танковые бригады, 14 кавалерийских дивизий и другие части, он бы ужаснулся. При этом большинство из них прибыло с Дальнего Востока и из Средней Азии и являлось полнокровными дивизиями довоенного формирования.

Подготовку к завершающей фазе операции «Тайфун» немцы начали с переброски на Средиземное море значительной части самолетов 2-го Воздушного флота. Стремительно ухудшалось положение со снабжением. Большинство танковых дивизий имело не более одной заправки, чего хватило бы на первый удар, но не на всю операцию, и все-таки немцы 15 ноября перешли в наступление. 3-я и 4-я танковые группы двинулись на Клин и Истру, чтобы обойти Москву с севера. Но эти бои проглотили последние запасы топлива у танков Геппнера и Гота, при том что уничтожить противостоящие им советские части не удалось. 16-я и 30-я армии понесли серьезные потери, однако отошли, сохраняя фронт. Следствием такого поворота дел стало превращение немецкого поступления в серию нескоординированных выпадов силами дивизий и даже полков. То есть еще на стадии наступления немецкая военная машина (уж простите мне этот затертый штамп) начала разваливаться, и ее дерганья все больше напоминали хаотичные действия Красной Армии в начале войны. Поэтому выход частей LVI корпуса Рейнхардта к каналу Москва — Волга уже ничего не значил. Разведка переправилась на восточный берег канала, полюбовалась на собирающиеся советские войска и поспешно убралась назад. 30 ноября 2-я танковая дивизия по инерции докатилась до Красной Поляны, но больше она не могла сделать и шага. Северная половина клещей остановилась. Совместный удар двух танковых групп сумел отодвинуть фронт не более чем на 80 километров; не слишком впечатляющее достижение, хорошо показывающее, насколько были измотаны немецкие войска. Когда смотришь на карту, становится очень интересно: а как себе представлял Гальдер еще более глубокий обход Москвы? У нового поколения историков вошло в привычку обвинять Сталина в том, что он воевал по глобусу, но даже при беглом анализе второй фазы операции «Тайфун» возникает подозрение, что этим занимались немецкие генералы.

Не лучше обстояло дело и с южной половиной клещей. Гудериан получил в дополнение к уже имевшимся потрепанный XLVIII корпус и задачу прикрывать левый фланг Группы армий «Центр»

на протяжении от Курска до Ельца. Вот уж воистину, нашли кому. Разумеется, Гудериан даже и не думал обо всем этом, он мотался по шоссе Тула — Орел, собирая свои войска для последнего броска. Ему кое-как удалось набрать небольшой запас топлива и бросить XXIV корпус на Тулу. 4-я танковая дивизия даже подошла к окраинам города с юга, но войти в город ей уже не удалось. 18 ноября Гудериан предпринял новую попытку захватить город, но теперь он двинул XXIV корпус в обход на восток, одновременно приказав пехотным дивизиям LIII корпуса генерала Хейнрици прикрывать свой фланг с востока. Но это оказалось слишком сложной задачей — фронт корпуса был непомерно растянут, и он лишь с огромным трудом отбивал контратаки в районе Иваносера, Узловой и Теплого. Гудериан был вынужден отправить на помощь Хейнрици 2 моторизованные дивизии, ослабляя свою ударную группировку.

Только 24 ноября он сумел возобновить наступление силами 3, 4 и 17-й танковых дивизий на восток от Тулы, хотя их прорыв к Веневу уже решительно ничего не значил. Ни о каком взаимодействии танков и пехоты речь не шла, начал действовать принцип «каждый сам за себя». 2 декабря Гудериан в последний раз попытался было окружить Тулу, и его мотоциклисты даже вышли к железной дороге, ведущей на Серпухов, но это был такой же минутный успех, как на севере у Рейнхардта. Если вся Группа армий «Центр» 4—5 декабря перешла к обороне, то Гудериан уже 4 декабря был вынужден начать постепенный отвод своих войск, так как его XXIV корпус находился в очень опасном положении. Наступление провалилось, и выяснилось, что немцы сами залезли в мешок, который в любой момент мог закрыться. Кстати, в этот же день точно так же, без приказа, начал отвод своих войск за реку Нара и фон Клюге.

Причин провала операции «Тайфун» было очень много, но мы перечислим только чисто военные ошибки. Прежде всего немцы не сосредоточили достаточно сил для захвата Москвы, простого поворота на юг 4-й танковой группы было мало. В очередной раз они ошиблись в оценке сил Красной Армии, и под Москвой эта ошибка стала для них роковой. «Стремительный Гейнц» не потрудился надежно захлопнуть котлы вокруг Брянска и Трубчевска, что позволило значительной части окруженных там войск отойти к

Туле. ОКХ допустило грубейшую ошибку, приказав 9-й армии наступать на север к Калинину, а 2-й армии — на Курск. Фон Бок послушно исполнил этот приказа, забрав у 3-й Танковой группы ее пехотные дивизии и направив их к Калинину. Если на юге танки и пехота Гудериана вынужденно разделились под давлением советских войск, то на севере это сделали сами немецкие генералы. Далее, 4-я армия фон Клюге совершенно неожиданно воздержалась от участия во второй фазе операции, хотя, может быть, состояние ее дивизий было таково, что они просто не могли ничего сделать. Уже ни в какие ворота не лезет отправка крупных сил авиации на другой театр, так решающее наступление не проводят. О нехватке топлива, боеприпасов, продовольствия и других видов снабжения мы уже упоминали, но это означает, что отвратительно сработали армейские тылы.

Впечатляющий список, ведь всего этого, вместе взятого, вполне хватило бы для провала любой операции. Кстати, как нетрудно заметить, немцы начали нарушать свои же собственные каноны ведения танковой войны, вынужденно или намеренно превратив свои танковые корпуса в некое подобие английских — танки, опять танки и снова танки. Если говорить именно о танковой войне, то для немцев на Восточном фронте она завершилась 30 сентября 1941 года, и ждать ее продолжения пришлось очень и очень долго, более полугода.

А что в это время происходило по другую сторону линии фронта? Очень велик соблазн, учитывая успешное окончание битвы за Москву, объявить действия советских военачальников вершиной военного искусства, особенно если учесть военные итоги битвы. Ведь провал операции «Тайфун» означал, что последние надежды германского командования на быстрое окончание войны разлетелись в пыль. А в затяжной войне у Германии не было никаких шансов на победу. Именно поэтому мы с полной уверенностью говорим, что битва под Москвой стала **коренным переломом** в ходе войны, не началом перелома, а именно самим переломом.

Естественно, что в битве участвовали и советские танковые части, но пока что это были отдельные танковые бригады, не объединенные даже в корпуса. По уровню организации танковых войск

Красная Армия фактически откатилась в эпоху Первой мировой войны, когда танки использовались мелкими группами, приданными пехотным дивизиям и корпусам. Пока это было объективным требованием обстановки, советское командование просто не располагало временем для формирования крупных соединений, все-таки та же танковая бригада это не просто механическое собирание на плацу сотни машин.

Первым заметным и крайне противоречивым событием стали бои под Мценском, где бригада Катукова столкнулась с танками Гудериана. Мы подробно рассказывали об этом эпизоде в предыдущей книге и вряд ли что сможем добавить. Просто напомним, что не только результаты боев противники описывают крайне противоречиво, это вполне понятно. Не совпадают описания действий сторон — вот что представляет гораздо более серьезную проблему. В результате становится затруднительным дать какую-то определенную оценку этому эпизоду.

Однако он был характерным для использования советским командованием танков в этот период войны. К началу битвы под Москвой из танковых войск имелись: в составе Западного фронта — 101-я и 107-я мотострелковые дивизии, 126, 127, 128, 143 и 147-я танковые бригады; в Резервном фронте — 144, 145, 146 и 148-я танковые бригады и три отдельных танковых батальона; в Брянском фронте — 108-я танковая дивизия, 42, 121, 141 и 150-я танковые бригады и 113-й отдельный танковый батальон. Всего в трех фронтах имелось 780 танков (из них 140 тяжелых и средних). Танковые бригады рассматривались в качестве даже не пожарных команд, а аварийных затычек, хотя официальная история приписывает им роль подвижных резервов, предназначенных для нанесения контрударов с целью разгрома и уничтожения вклинившегося противника. Утверждение, безусловно, правильное, и даже сам Гудериан — сам! — предписывал действовать именно таким образом. Но, к сожалению, имелась одна маленькая деталь, которая заставляет оценить эту тактику совсем иначе. Ее можно применять, когда линия фронта надежно удерживается и противник может добиться лишь незначительных тактических успехов. Здесь же картина была совершенно иной. Фронт рушился то на одном, то на другом участке, танки противника прорывались крупными группами, собственно, немцы иначе и не действовали.

И попытки бросить танковую бригаду навстречу наступающему корпусу, который к тому же имел полную свободу маневра, завершались не так, как хотелось советским генералам.

Разумеется, была предпринята попытка сформировать адекватное ситуации соединение, и для борьбы с прорвавшимися группировками противника на Западном фронте была создана оперативная группа под командованием генерала И.В. Болдина, в состав которой вошли 152-я стрелковая и 101-я мотострелковая дивизии, 126-я и 128-я танковые бригады. В течение первых дней октября группа генерала Болдина отразила несколько атак частей LVI корпуса противника, но после этого советские историки начинают рассказывать о подвигах коммунистов, что, как правило, означает: свои задачи соединение **не выполнило**. Позднее точно так же для ликвидации прорыва в районе Каширы была создана группа Белова, то есть советское командование было вынуждено судорожно реагировать на действия противника, занимаясь сиюминутными импровизациями.

Отдельно хочется рассмотреть действия генерала Рокоссовского, который заслужил столь бурное неодобрение В. Бешанова. Речь идет о контрударе 16 ноября, в котором принимала участие 58-я танковая дивизия. Этот контрудар закончился полной катастрофой для дивизии, которая потеряла 157 танков из 198. Правда, в некоторых источниках говорится о потере 139 танков. Почему-то большинство историков взваливают всю вину именно на Рокоссовского, выставляя командира дивизии генерал-майора Котлярова невинной жертвой. Точно так же Рокоссовского выставляют губителем 17-й и 44-й кавалерийских дивизий.

Почти все авторы ссылаются на записку Льва Мехлиса, как на безошибочное доказательство бездарности и преступности замыслов Рокоссовского. Итак: «58-я танковая дивизия, прибывшая с Дальнего Востока, из-за преступного руководства разбита, ее остатки сосредоточены в Воронино. 20 ноября командир 58-й танковой дивизии генерал Котляров застрелился, оставив записку: «Общая дезорганизация и потеря управления. Виновны высшие штабы. Не желаю нести ответственность за общий бардак. Отходите на Ямуга за противотанковые препятствия, избавляйте Москву». После подписи этот капитулянт добавил: «Впереди без перспектив». Лучше выглядит 8-я танковая бригада, но она сей-

час имеет 2 КВ, 3 Т-34, 2 Т-26, 8 Т-40. 107-я мотострелковая дивизия заключает 114 бойцов на фронте, а в тылу 51 экипаж без танков. Мехлис».

Простите, но при чем здесь Рокоссовский? Командующий армией отдает приказ на наступление, и на этом его роль заканчивается. Он не обязан расписывать задачи полкам дивизии и определять время артиллерийской подготовки. Это задача командира дивизии, судя по всему, генерал Котляров с ней не справился, и застрелился он очень даже вовремя, иначе пришлось бы отвечать на неприятные вопросы. Давайте посмотрим на карту, как правило, это очень полезное занятие, и попытаемся все-таки разобраться. Причем, если верить проклятым фашистам, Рокоссовский безошибочно выбрал место нанесения удара — разрыв между 7-й танковой и 14-й моторизованной дивизиями. Состояние немецких дивизий к этому времени хорошо известно, посмотрите книги того же А. Исаева. Кстати, генерал Раус, который в период этих боев командовал 6-й танковой дивизией, довольно высоко оценивая качества советских командиров младшего звена и отдавая должное командиром высшего, с откровенным презрением отзывается о командирах среднего звена (полк — корпус), считая их безынициативной, необразованной серой массой.

Имеется еще один нюанс, который осложняет оценку событий. Дело в том, что вечером 17 ноября Ставка Верховного Главнокомандования с 23.00 передала наконец 30-ю армию Калининского фронта в состав Западного фронта. 30-й армии были подчинены отходившие в ее полосу 58-я танковая, 24-я и 17-я кавалерийские дивизии 16-й армии. Командующий 30-й армией генерал-майор Лелюшенко получил приказ оборонять клинское направление и обеспечить стык между 30-й и 16-й армиями. В момент таких перестроек удобнее всего прятать любые промахи и провалы, взваливая вину за них на старого начальника. Так что есть серьезные основания подозревать, особенно с учетом полнейшей неопытности дивизии, что эта гибельная атака просто не имела места быть. Скорее всего, генерал Котляров растерял свои танки в лесах и сугробах, ведь подобные случаи уже имели место во время Советско-финской войны. А летом 1941 года это происходило повсюду, разве что сугробов тогда не было.

Точно так же можно задать вопрос: что, в приказе генерала

Рокоссовского так и написано: «17-й и 44-й кавалерийским дивизиям атаковать пулеметы в конном строю», или это все-таки комдивы так решили?

Хотя действия Рокоссовского тоже можно критиковать, но, если признаться честно, не поворачивается язык. Он получил приказ Жукова провести атаку, он приказ исполнил. В. Бешанов может снисходительно цедить сквозь зубы: «Думаю, что командарм-16 не слишком и возражал, возвращаться на тюремные нары ему не хотелось». Но я с удовольствием полюбовался бы на г-на Бешанова после надлежащей обработки: 9 выбитых зубов, 3 сломанных ребра, пальцы ног, размозженные молотком, — и послушал бы, как надлежит возражать в такой ситуации.

Увы, судя по всему, маршала Рокоссовского сломали раз и навсегда, иначе в его воспоминаниях не появлялись бы подобные пассажи: «Еще один штрих тех дней, сильно запомнившийся. В Ново-Петровском нас навестил Емельян Ярославский с группой агитаторов Центрального Комитета партии, и того человека народ знал и любил. Наши товарищи позаботились, чтобы из каждого полка прибыли люди его послушать, а там уж солдатская молва разнесет по позициям слово партии». Нужно было очень сильно испугаться, чтобы писать подобное через 10 лет после смерти Сталина.

Вообще, все эти события в описаниях советских/российских и немецких историков различаются, как небо и земля. Я приведу обширную цитату из работы А. Исаева, касающуюся все тех же событий:

«Уже в условиях начавшегося немецкого наступления в ночь на 16 ноября 16-я армия произвела перегруппировку войск и с 10.00 перешла в наступление. Одновременно тем же утром противник начал наступление на стыке 316-й стрелковой дивизии и кавалерийской группы Доватора. Весь день 16 ноября 16-я армия провела в состоянии наступательных действий своего правого крыла и оборонительных — левого крыла и центра. Неудачными в целом были как те, так и другие. Конница подвижной группы вступила в бой по частям. При начале наступления в 10.00 17-я и 24-я кавалерийские дивизии подошли к исходному рубежу только

к 12.30. Тылы безнадежно отстали. Очень большие потери понесла наступающая 58-я танковая дивизия, лишившись за день 139 танков. Оборонявшиеся 316-я дивизия и кавалерийская группа Доватора были вынуждены отойти с занимаемых позиций. После боев за Волоколамск артиллерийская группировка дивизии И.В. Панфилова значительно уменьшилась, кроме того, часть сил артиллерии 16-й армии была использована в наступлении на Скирмановский плацдарм (в частности, один из двух ставших гвардейскими противотанковых артиллерийских полков). На 16 ноября 316-я дивизия располагала двенадцатью 45-мм пушками, двадцатью шестью 76,2-мм пушками, семнадцатью 122-мм гаубицами, пятью 122-мм корпусными пушками и одним 120-мм минометом. От 207 орудий в середине октября 1941 г. остались одни воспоминания. Соответственно, возможности противостоять немецкому наступлению были куда скромнее. Изменением к лучшему было сужение фронта до 14 км в сравнении с 41 км под Волоколамском в октябре месяце. Это произошло вследствие прибытия с Дальнего Востока 78-й стрелковой дивизии и выхода из окружения 18-й стрелковой дивизии. Также дивизия И.В. Панфилова фактически стала четырехполковой, у нее появился 690-й стрелковый полк 126-й дивизии, вышедший из окружения под Вязьмой. Противостояли 316-й стрелковой дивизии и кавалерийской группе Доватора XLVI моторизованный корпус (генерал танковых войск фон Фитингоф, 5-я и 11-я танковые дивизии) и V армейский корпус (генерал пехоты Руоф, 2-я танковая, 35-я и 106-я пехотные дивизии). Последнему был придан 1 танковый батальон из 11-й танковой дивизии. В других условиях удар такой массы был неотразим. Однако к тому моменту проблемы со снабжением достигли своего пика, и в бою участвовали лишь части немецких танковых соединений, получившие горючее. К утру 17 ноября 690-й стрелковый полк был полуокружен, 1073-й и 1075-й полки были сбиты со своих позиций и отходили. В разгар боев, 17 ноября 1941 года, 316-я стрелковая дивизия получала приказ о переименовании в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию. На следующий день, 18 ноября, при артиллерийско-минометном обстреле командного пункта дивизии в д. Гусево погиб ее командир И.В. Панфилов. По ходатайству Г.К. Жукова 8-я гвардейская дивизия получила имя своего погибшего командира».

Причины, подтолкнувшие автора написать такое, для меня еще более непонятны, чем мотивы К. Рокоссовского. Крепко написано, в лучших традициях Главпура и Агитпропа! Два фашистских корпуса, целых 5 дивизий обрушились на несчастную героическую дивизию Панфилова. Начнем с того, что корпуса Руоффа и Фитингофа в общей сложности имели 6 дивизий, то есть подвиг должен был выглядеть на целых 20 процентов героичнее. Уважаемый автор куда-то потерял 252-ю пехотную дивизию XLVI корпуса.

Зато немцы утверждают, что XLVI корпус действовал в 20 километрах севернее, а все танковые дивизии были сосредоточены южнее железной дороги Волоколамск — Истра — Москва, тогда как 316-я дивизия занимала позиции севернее. И получается, что ей противостояла одна-единственная немецкая 35-я пехотная дивизия. Кстати, а как вы себе представляете сосредоточение 6 дивизий в полосе 14 километров? В общем, наверное, следовало бы критичнее относиться к источникам.

По другим данным, бой выглядел несколько иначе. 316-я стрелковая дивизия занимала оборону на фронте Дубосеково — 8 км северо-восточнее Волоколамска, то есть порядка 18—20 километров по фронту, что для ослабленного в боях соединения было очень много. На правом фланге соседом была 126-я стрелковая дивизия, на левом — 50-я кавалерийская дивизия кавкорпуса Доватора. Вдобавок где-то в тылу в засадах находились танки 27-й танковой бригады. 16 ноября дивизия была атакована силами двух танковых дивизий немцев — 2-я танковая дивизия атаковала позиции 316-й дивизии в центре обороны, а 11-я танковая дивизия ударила в районе Дубосеково, по позициям 1075-го стрелкового полка, у стыка с 50-й кавдивизией. Удар по стыкам между соединениями был часто встречающимся элементом тактики немецких войск.

В общем, ясно одно — до сих пор эти бои так и не получили достоверного освещения. Скорее всего даже те самые две немецкие танковые дивизии на самом деле были упомянутым танковым батальоном 11-й дивизии. Но мы как-то уклонились от описания действий советских танковых частей. Это и неудивительно, потому что в данный период они играли явно второстепенную роль. Ведь не получается даже сказать, что танковые бригады служили це-

ментирующим элементом обороны, так, местами присутствовали и как-то участвовали, а основную тяжесть боев по-прежнему несла на себе многострадальная пехота.

Переход Красной Армии в наступление не изменил ситуации. Танки по-прежнему оставались на вторых ролях, оказывая скорее психологическую поддержку, чем реальную. Приведем еще одну цитату:

«Контрнаступление советских войск в последующем переросло в общее зимнее наступление, которое проводилось с января по апрель 1942 г. В решении задач по разгрому гитлеровских захватчиков вместе со стрелковыми войсками, кавалерией и авиацией в зимнем наступлении принимали участие и наши славные танковые войска. Из-за нехватки танков Красная Армия в этот период не имела крупных соединений. Основу танковых войск составляли бригады и отдельные батальоны, которые использовались главным образом для непосредственной поддержки пехоты, в тактическом взаимодействии с пехотой, артиллерией и конницей. Прорыв вражеской обороны осуществлялся пехотой совместно с танками и артиллерией. При преследовании танки использовались в передовых отрядах, чаще всего для перехвата путей отхода противника. Иногда для обхода флангов оборонявшихся немецко-фашистских войск или захвата важных объектов создавались подвижные группы, ударную силу которых составляли танковые бригады. Однако в подвижных группах было мало боевых машин и не хватало автотранспорта, что снижало их подвижность, ударную силу и ограничивало возможности действий в оперативной глубине. И все же подвижные группы в значительной мере содействовали развитию операций. Опыт применения подвижных групп в контрнаступлении под Москвой сыграл в дальнейшем, когда в Красной Армии начали создаваться крупные соединения и объединения, большую роль».

То есть, как нетрудно заметить, наступил некий период равновесия бессилия. Советские танковые войска еще находились в процессе строительства, а немецкие к декабрю 1941 года удалились в плоскость виртуального существования. Дивизии и штабы еще со-

хранились, но танков у них не осталось. Поэтому совершенно неудивительно, что в 1942 году обе стороны начали принимать энергичные меры для исправления положения.

Глава 7

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Летнюю кампанию 1942 года германское Верховное командование ждало с оптимизмом. Причины этого оптимизма лично для меня остаются совершенной загадкой. Ведь не глупые же были люди! Уже после сомнительного окончания «Барбароссы» было понятно, что германскую армию ничто хорошее в Советском Союзе не ожидает. А после бесславного провала «Тайфуна» говорить о перспективах победы немецкого оружия стало просто неприлично. Ну, я еще понимаю, что Адольфа Алоизовича отличало «очень своеобразное мышление», но ведь генералы кажутся вполне вменяемыми людьми... Или именно **кажутся**? Ведь ни общее военно-политическое положение Германии, ни конкретное состояние сухопутных вооруженных сил не давали ни малейшего повода для оптимизма. Впрочем, какое там «оптимизма», речь уже не шла даже о мало-мальски приемлемом исходе войны. Вдобавок к затяжной и малоперспективной войне с Англией Германия получила затяжную и совершенно безнадежную войну с Советским Союзом, а теперь еще на горизонте вырисовывалась затяжная и такая же безнадежная война с Соединенными Штатами. И все это обрушилось на государство, которое если и могло рассчитывать на успех, то лишь в молниеносной войне. Конечно, германские генералы делали все, что в их силах, но ведь иногда этого недостаточно.

Состояние германских танковых войск к началу 1942 года было откровенно плачевным. Если верить Томасу Йенцу, к январю 1942 года на Восточном фронте осталось 1015 танков, но при этом ни одного боеспособного, хотя всю упомянутую тысячу еще можно было отремонтировать. После окончания зимнего наступления Красной Армии с марта по июнь на фронте воцарилось относительное затишье. Немцы использовали его для того, чтобы попытаться восстановить боевую мощь Вермахта в целом и Панцерваффе в частности. Увы, им это не удалось. Все немецкие ге-

нералы дружно соглашаются, что потери в живой силе восполнить так и не удалось уже до самого окончания войны. С танками в 1942 году дело обстояло еще хуже. Сказались просчеты Верховного командования, которое не перевело промышленность на военные рельсы, сказались военные потери. Конечно, в Германии за этот период было сформировано еще 5 танковых дивизий — с 21-й по 25-ю, а до конца 1942 года появились 26-я и 27-я, но какое это имело значение, если общая численность танков на Восточном фронте к началу летнего наступления в июле (после оборонительной операции под Харьковом) едва перевалила за 2000, причем исправных было чуть более 1300. То есть по сравнению с июнем 1941 года силы Панцерваффе сократились **вдвое**. Поэтому совершенно неудивительно, что активные действия в 1942 году вели только две танковые армии из четырех: 1-я — фон Клейста и 4-я — Гота. Остальные две танковые армии с этого момента и до самого конца войны играли второстепенные роли, занимаясь в основном обороной. Самым наглядным подтверждением этого является состав 3-й танковой армии генерал-оберста Рейнхардта на 24 июня 1942 года. В нее входят 10 пехотных и 1 моторизованная дивизии в составе 3 корпусов. Вы спросите, а есть ли в танковой армии танки? Оказывается, все-таки есть. Непосредственно в распоряжении командующего имелась одна-единственная 20-я танковая дивизия. Так что называть подобное соединение танковым можно лишь на страх врагам. Немногим лучше выглядела и 2-я Танковая армия.

А как выглядели к началу летней кампании главные действующие лица? Давайте сравним состав 1-й танковой группы на 27 июня 1941 года и 1-й Танковой армии на 24 июня 1942 года. Изменения будут видны, что называется, с первого взгляда. К моменту нападения на СССР генерал Клейст имел у себя в подчинении 3 корпуса, в которые входили 9 дивизий. Но из этих 9 дивизий 5 были танковыми, 2 армейскими моторизованными и 2 моторизованными дивизиями СС, то есть состав группы Клейста можно было считать просто идеально соответствующим определению танковой армии. Но прошел всего лишь год, и положение изменилось катастрофически. Теперь Клейст имеет 3 корпуса и 2 корпусные группы. Вроде бы силы более солидные, но мы должны помнить, что временные формирования не отличаются особой

спаянностью и согласованностью действий. А вот состав этих корпусов... 3 танковые дивизии, 1 моторизованная, 7 пехотных, 1 горно-стрелковая, 2 легкопехотные дивизии, 1 охранная. И дополняют этот комплект 4 румынские пехотные дивизии. Сразу бросается в глаза появление румынских дивизий более чем сомнительной боеспособности, да и охранная дивизия от них немногим отличалась. Однако иных средств восполнить нехватку личного состава у германского командования не осталось. Но даже эти меры не принесли желаемого результата. Кроме того, резко снижается мобильность армии. Мы уже не говорим о незаметном невооруженным глазом сокращении численности автотранспорта: из 19 дивизий, составляющих армию, только 4 обладают требуемым качеством в полной мере. Численность армии возросла вдвое, но есть подозрение, что во столько же раз снизилась ее ударная мощь.

4-я Танковая армия, командование которой в мае 1942 года принял Герман Гот, выглядит несколько лучше, однако она всегда была самой слабой из танковых армий Восточного фронта. 27 июня 1941 года в составе 4-й танковой группы генерала Геппнера числились 2 корпуса: 3 танковых, 2 армейских моторизованных, 1 моторизованная СС и 2 пехотные дивизии. На 24 июня 1942 года группа, которая теперь называлась армией, имела 3 корпуса, в которые входили 3 танковые, 2 армейские моторизованные и 3 пехотные дивизии.

Если проследить за этими изменениями структуры германских танковых армий, то сразу станет понятным, почему немцы были вынуждены ограничиться наступлением только на южном участке Восточного фронта. Однако изменения не ограничились перетряхиванием состава армий. Наконец-то в Вермахте официально появляются танковые корпуса, и теперь можно употреблять этот термин, не боясь обвинений в неточности. Этот процесс происходит с марта по июль 1942 года, но, как вы прекрасно понимаете, процесс был формально-бюрократическим и к серьезным результатам не привел.

Зато изменение структуры дивизий было более серьезным. В. Бешанов пишет, что весной в танковых дивизиях полки перешли на 3-батальонную организацию. На самом деле все было несколько иначе. Во исполнение приказа Генерального штаба Сухопутных сил от 18 февраля 1942 года для подготовки летнего на-

ступления в Группе армий «Юг» каждая ее танковая дивизия была усилена третьим танковым батальоном. Однако закон сохранения материи действует даже в армии. Поэтому только 4 танковые дивизии имели свой собственный третий батальон. Остальные 9 батальонов были взяты из танковых дивизий Групп армий «Север» и «Центр». Таким образом, немцы снова кроили и перекраивали имеющиеся скудные запасы, как говорится, шили из жилетки брюки. Например, 3-й танковый батальон 2-го танкового полка в 16-й танковой дивизии был ранее 2-м батальоном 10-го полка 8-й танковой дивизии.

Моторизованные дивизии тоже получили в штат один танковый батальон. Однако и эти батальоны, как мы писали, были изъяты из других дивизий. Второй пример: 103-й танковый батальон 3-й моторизованной дивизии еще совсем недавно был 3-м батальоном 18-го полка 18-й танковой дивизии. Нет, кролика из пустой шляпы фокусник может вытащить, но панцер-абтайлунг из форменной фуражки ни один генерал не достанет.

Не менее сложным было положение и с новыми танками. В 1942 году на вооружение Панцерваффе начали поступать T-IIIJ с 60-калиберной пушкой 50 мм. В марте этого же года появились танки T-IVF2 с длинноствольной 75-мм пушкой, и теперь немецкие танкисты могли бороться на равных с Т-34. Все было бы здорово, но этих танков не хватало, и снова немецкое командование пошло по испытанному пути. У дивизий, отправлявшихся в тыл для отдыха и доукомплектования, забирали все исправные машины. То же самое ждало дивизии, находящиеся на спокойных участках фронта. Но эти отобранные танки хотя бы заменяли различным чешским и французским хламом, уповая на то, что сражаться данным дивизиям не придется.

Еще одним важным новшеством 1942 года стало формирование первых танковых подразделений СС. Таким образом, дивизии «Лейбштандарт», «Викинг», «Дас Райх» превратились в моторизованные, но пока еще не танковые!

Весь этот длинный рассказ приведен с единственной целью — показать, что к началу летнего наступления 1942 года немецкие войска находились далеко не в лучшем состоянии. И если потери в технике в какой-то степени удалось компенсировать (все-таки, я полагаю, что 100 T-IVG в бою полезнее, чем 500 T-I, но

100 танков не разделить на 5 дивизий), то некомплект личного состава стал хронической болезнью Вермахта, от которой он страдал до самого конца войны. Тем не менее в Ставке Гитлера царил оптимизм. Предполагалось начать грандиозное наступление на юге, чтобы захватить Донбасс, Кубань, кавказскую нефть. Планировалось и наступление на Сталинград, но все-таки немцы не придавали этому городу сакрального значения, планируя лишь намертво перекрыть важнейшую водную коммуникацию — Волгу. Просто Сталинград оказывался в районе планируемого наступления, ведь не на Горький же целиться? Как писал генерал Блюментрит, «промышленно-экономические круги в Германии оказывали сильное давление на военных, доказывая важность продолжения наступательных операций. Они говорили Гитлеру, что не смогут продолжать войну без кавказской нефти и украинской пшеницы». Кстати, Типпельскирх говорит примерно то же самое, но только без выпадов в сторону «промышленных воротил», он их вообще не упоминает...

Однако едва ли не с большим оптимизмом ожидали летнюю кампанию в Москве. Причины для этого оптимизма были вполне обоснованными. В ходе зимней кампании Вермахт потерпел несколько тяжелейших поражений и стоял на грани полной катастрофы. Но конструкцию такого огромного размера уничтожить двумя-тремя даже самыми сильными ударами просто невозможно, что и подтвердил дальнейший ход военных действий. Вспомним хотя бы Белорусскую операцию 1944 года, после которой исчезла целая группа армий. Но ведь Восточный фронт не рухнул, и германский армия не рассыпалась. К сожалению (для нас), воля немцев к сопротивлению оставалась непоколебленной до самой весны 1945 года, они не собирались, подобно французам, организованно сдаваться в плен. И этот фактор остался незамеченным нашим командованием, строившим грандиозные планы окончательной победы над немцами.

Имелся еще один нюанс, которого либо не заметило, либо заметило, но не пожелало учесть советское командование. Когда Сталин издавал грозные директивы о полном разгроме немецко-фашистских захватчиков, он явно не думал о плачевном состоянии

советских танковых и механизированных частей. А ведь после окончания зимней кампании они находились ничуть не в лучшем состоянии, чем немецкие. Неужели он собирался выиграть современную войну моторов «пешим строем»? Ответить на это мог бы только сам Верховный. Впрочем, возможно другое объяснение. Советские командиры полагали, что достаточно передать разгромленной танковой бригаде 50 новых машин, и ее боеспособность тут же восстановится по щучьему велению, по генеральскому хотению. Следовать примеру немцев, которые отводили свои дивизии для отдыха, доукомплектования и обучения в глубокий тыл, отправляя их с Восточного фронта аж во Францию, наше командование совсем не собиралось. В лучшем случае месяц в прифронтовой полосе, и хватит с них.

Но предпосылки для успешных действий Красной Армии в 1942 году все-таки имелись. В отличие от немцев, нашему командованию удалось восполнить потери 1941 года, более того, численность армии даже выросла. Завершились пуск и наладка эвакуированных заводов, поэтому выпуск военной продукции начал неуклонно нарастать, и в 1942 году Советский Союз обошел Германию практически по всем показателям. Одновременно началась новая реорганизация структуры Красной Армии. Опять были восстановлены корпуса, но это уже были принципиально иные единицы, чем год назад. Теперь они скорее соответствовали немецкому танковому полку, так как по штату корпусу полагалось 168 танков. Главным минусом этого корпуса являлось отсутствие крупнокалиберной и самоходной артиллерии. В состав корпуса входили 3 танковые и 1 мотострелковая бригады. Но не следует заблуждаться относительно громких названий. Советская танковая бригада со штатом 53 танка соответствовала немецкому танковому батальону. Причины этой реорганизации были совершенно очевидными. Огромные и совершенно неуправляемые мехкорпуса и дивизии 1941 года представляли собой не грозную ударную силу, а легкую добычу для противника. Наверное, учитывая качество советских средств связи, имелись все основания снабжать полк этими самыми средствами по штатам бригады. В этом случае можно было рассчитывать на сохранение управления войсками в критических ситуациях. На практике все оказалось далеко не так: командиры по-прежнему постоянно теряли управление и связь с

войсками. Хотя, может быть, здесь виноваты не столько рации, сколько неумение организовать и поддерживать сеть связи? И даже неумение генералов пользоваться готовой сетью?

В мае — июне 1942 года начинается формирование танковых армий. По примеру немцев в состав армий включались разнородные соединения, чтобы получился сбалансированный боевой механизм. В качестве примера приведем состав 3-й танковой армии (она была создана первой) генерал-лейтенанта Романенко. Она имела 2 танковых корпуса, 1 мотострелковую и 2 стрелковые дивизии, танковую бригаду, гвардейский минометный стрелковый полк, истребительно-противотанковый полк, мотоциклетный полк, подразделения связи и так далее. В августе 1942 года армия получила еще один танковый корпус. В результате снова получается, что это соединение соответствовало немецкому, стоящему на одну ступеньку ниже, то есть усиленному танковому корпусу. Однако первые опыты использования советских танковых армий оказались неудачными. Главной причиной являлась все та же допотопная организация связи, в этом отношении мало что изменилось. Командующий фронтом не знал, что происходит в армиях, командующий армией терял собственные корпуса, командир корпуса не всегда контролировал свои бригады, командир бригады мог управлять полками. В результате продолжались все те же самые нескоординированные хаотичные действия. Вы можете полистать мемуары генералов Лелюшенко, Рыбалко, Ротмистрова, Баграмяна — и всюду увидите одно и то же.

Так или иначе, но активные действия в кампании 1942 года начали именно советские войска. Собственно, командование Красной Армии попыталось плавно перейти от зимнего наступления к весеннему, хотя на первых порах не ставило перед собой грандиозных задач. Они маячили где-то впереди. Но все эти наступления отличала та же самая особенность, которая столь ярко проявилась во время контрнаступления под Москвой. Танковые соединения были превращены в безгласный придаток пехоты, и танковая бригада, переданная стрелковой дивизии, занимала место где-то между гаубичным полком и саперным батальоном. Пехотные генералы были только рады такому положению вещей, потому что они даром получали усиление дивизии, а заодно и громоотвод, на который всегда можно направить молнии начальственного гнева, который неизменно вспыхивал после очередной неудачи.

Мы остановимся на неудачной Харьковской операции, потому что именно после нее началось немецкое наступление. К началу наступления советское командование сосредоточило довольно сильную танковую группировку, в составе которой было 3 танковых корпуса и 9 отдельных танковых бригад, в которых насчитывалось 925 танков. Внешне грозная сила. Но, но, но и снова но. Отдельные танковые бригады были включены в ударные группировки и использовались для непосредственной поддержки пехоты стрелковых дивизий первого эшелона. 22-й танковый корпус был придан 38-й армии. Командующий армией решил использовать корпус децентрализованно, придав его бригады стрелковым дивизиям. То есть мало того, что были разбросаны отдельные бригады, так еще начался и раздел корпусов. Лишь 21-й и 23-й танковые корпуса остались в резерве фронта, их планировалось ввести в прорыв после первоначального прорыва вражеского фронта. Однако им предстояло двигаться в различных направлениях. Получается, что формально были собраны крупные силы танков, но на деле они оказались раздроблены на мелкие группки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что операция завершилась провалом. Командование 6-й армии опоздало с вводом в бой резервных корпусов и было вынуждено использовать их для парирования немецких ударов. При этом наши историки снова признаются, что в очередной раз командирам не удалось скоординировать действия корпусов, механическое объединение их в одну группу не помогало решить проблему. Единственным успехом советских танков стал более или менее удачный выход части войск из окружения, что было сделано при помощи собранных воедино остатков бригад и корпусов. Так сама жизнь заставляла советских генералов действовать правильным образом.

Описывать подробно последний немецкий блицкриг лета 1942 года мы не будем. Ограничимся лишь кратким рассказом о первом неудачном опыте участия в боях советской танковой армии.

В первых числах июля немцы вышли к Дону, форсировали его и начали наступление на Воронеж. 5-я танковая армия генерала А. Лизюкова получила приказ нанести контрудар из района Дубровское в направлении Землянск, Хохол, перехватить коммуникации противника, прорвавшегося к Воронежу, и оказать помощь выходящим из окружения частям 40-й армии. Операцию следо-

вало начать 5 июля, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. Честно говоря, после этого все обвинения в адрес генерала Лизюкова звучат несправедливо. Командование само вырыло яму и столкнуло туда его армию. К назначенному сроку к исходному рубежу вышел только 7-й танковый корпус. Главные армии еще находились в пути, так как они перевозились по железной дороге, подвергаясь массированным ударам вражеской авиации. Приказ командования был исполнен «беспрекословно, точно и в срок» — наступление было начато лишь частью сил.

Утром 6 июля первый удар нанес 7-й танковый корпус генерала П. Ротмистрова. В районе Красной Поляны произошел встречный бой корпуса с частями 11-й танковой дивизии противника, в результате которого враг был остановлен и отброшен за реку Кобылья Снова. На другой день боевые действия развернулись с новой силой. В сражение был введен с ходу 11-й танковый корпус генерала А. Попова. В ожесточенных боях, продолжавшихся четверо суток, соединения 7-го и 11-го танковых корпусов сумели потеснить противника и вечером 10 июля вышли к реке Сухая Верейка. В этот день в наступление перешел 2-й танковый корпус генерала И. Лазарева. Однако добиться существенных результатов наши войска не смогли. Боевую задачу 5-я танковая армия **не** выполнила, хотя и отвлекла на себя часть сил противника. Говорить о том, что операции немцев в районе Воронежа были сорваны, можно лишь с большими оговорками, ведь основные усилия немцев были направлены на юг. Командующий фронтом генерал Рокоссовский в своих мемуарах очень скупо описывает эти бои:

«Плохо организованная и нерешительно проведенная операция успеха не имела. Кончилось тем, что противник перешел в наступление и на этом направлении. Сейчас здесь шли напряженные бои. Правда, врагу пришлось привлечь сюда значительные силы, несколько ослабив этим свою основную группировку. Но это мало облегчало наше положение. События тех дней с исчерпывающей полнотой и объективностью описаны генералом армии М.И. Казаковым в его книге «Над картой былых сражений». Поэтому я не буду вдаваться в подробности».

Понять его можно, если вспомнить, чьи именно приказы был вынужден исполнять Лизюков. Тем временем к югу от Воронежа обстановка для наших войск сложилась крайне неблагоприятно. В середине июля крупные силы противника вышли к большой излучине Дона и создали угрозу прорыва к Волге.

23 июля пал Ростов-на-Дону, и Группа армий «А» начала наступление на Кубань. «Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором». Результатом событий под Ростовом и в излучине Дона стало появление знаменитого приказа № 227. Нам же этот период интересен тем, что он стал **последним**, когда активные наступательные действия вели две немецкие танковые армии, хотя стараниями Адольфа Гитлера координация между ними была более чем относительной.

В некоторых отношениях берлинские штабы были ничуть не лучше московских, потому что в самый критический момент 4-я танковая армия Гота была вынуждена крутиться на месте. От нее то требовали наступать на Сталинград, то поворачивали на Кавказ, то опять двигали на Сталинград. Поэтому фон Клейсту пришлось отдуваться одному за двоих, однако он справился. Сначала в полосе 18-й армии немцы прорвались к Батайску, затем был отражен удар 18-й и 37-й армий.

В результате уже в первые дни сражения советские войска попали в очень тяжелое положение по всей полосе Южной фронта. Немцы угрожали прорваться в направлении Сальска и рассечь фронт пополам, а также выйти в тыл дивизиям, еще оборонявшимся южнее Ростова. Форсировав Дон, фон Клейст, не тратя времени, начал движение на юг. Сложилась исключительно редкая ситуация, когда танковая армия не наступала с боями, а просто преследовала стремительно бегущего противника. Кажется, немцам подобное удалось еще один раз — во время операции «Рот», когда разбитая французская армия перестала даже изображать сопротивление. Даже летом 1941 года подобной паники не наблюдалось. Будущий министр обороны СССР А. Гречко в своих воспоминаниях старается смягчить краски, но даже в его деликатном изложении явственно проступают контуры катастрофы:

«Командование Южного фронта предвидело эту опасность. Поэтому в целях улучшения оперативного положения было решено отвести в ночь на 28 июля войска левого крыла фронта на рубеж, проходивший по южному берегу р. Кагалык и Манычскому каналу. 28 июля немецко-фашистское командование усилило свою группировку двумя корпусами (6-й армейский и кавалерийский румынские корпуса). Прикрывая свои войска большими силами авиации, противник к 28 июля переправил на левый берег Дона соединения семи корпусов и создал подавляющее превосходство, особенно в танках и артиллерии. Располагая большим количеством танковых и моторизованных соединений, немецко-фашистские войска превосходили наши войска в маневренности. Поэтому войска Южного фронта не сумели оторваться от противника и организованно отойти на указанные им рубежи. Кроме того, во время отхода нарушилось управление. Штабы фронта и некоторых армий часто теряли связь со своими войсками и не всегда имели точные данные о действиях подчиненных частей. Отступая, войска иногда оставляли населенные пункты без серьезного сопротивления. К концу дня 28 июля между армиями образовались большие разрывы. Фронт обороны был нарушен. Войска Южного фронта оказались уже неспособными сдержать натиск превосходящих сил врага и продолжали откатываться на юг. Оставались еще относительно боеспособными 12-я и 18-я армии, имевшие всего 9 стрелковых дивизий по 300—1200 штыков. 37-я армия имела 4 стрелковых дивизии по 500—800 штыков каждая. В 56, 9 и 24-й армиях остались только войсковые штабы и спецчасти».

В общем, для немцев все складывалось очень хорошо, и никто не предвидел, что закончится эта операция очень плохо. Хотя, может быть, командующий Группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок предвидел нечто подобное и потому спровоцировал ссору с Гитлером и свою отставку, чтобы не нести ответственности за последствия.

В общем, фон Клейст стремительно двигался на юг, захватывая один город за другим, но его коммуникации растягивались, линия фронта расширялась, и в конце концов 1-я танковая армия стала напоминать кусочек резины, растянутый по большой площади.

Нужно было только ткнуть иголкой в одном-единственном месте, чтобы этот кусочек резины превратился в ошметки. Увы, советское командование не нашло этой самой иголочки, позволив резине сжаться обратно.

А сейчас мы просто обязаны отправиться под Сталинград, чтобы посмотреть, что происходило там в это время. Мы обратим свое внимание на участок фронта к северу от города. СВЭ кратко сообщает: «Большую помощь защитникам Сталинграда оказывали почти не прекращавшиеся в течение сентября контрудары 1-й гв., 24-й и 66-й армий сев. города. Значит. силы пр-ка сковывали войска 57-й и 51-й армий, предпринявшие частную наступат. операцию южнее Сталинграда». Так что, как мы видим, А. Исаев в своей апологии полководческому гению маршала Жукова не оригинален. Он даже не является первооткрывателем темы. Итак, цитата:

«К началу операции 1-я гв. армия имела в своем составе девять стрелковых дивизий, три танковых корпуса (4, 7 и 16-й), три танковых бригады, десять артиллерийских полков усиления, восемь полков РС, в том числе один тяжелый М-30. На пополнение танковых корпусов армии К.С. Москаленко Ставкой было направлено 94 танка Т-34. Скорее всего это уже были «тридцатьчетверки» новой серии с относительно просторными башнями-«гайками». Всего в составе Сталинградского фронта на 13 сентября 1942 г. насчитывалось 404 танка, в том числе 52 КВ, 149 Т-34, 44 Т-70, 158 Т-60 и Т-26.

Ударная группировка фронта была достаточно многочисленной. В составе 1-й гв. армии насчитывалось 123 882 человека. Наносившая удар смежным с 1-й гв. армией флангом 24-я армия насчитывала на 10 сентября 54 500 человек. Для понимания действительной роли сражения в степи между Доном и Волгой достаточно сравнить эти цифры с численностью 62-й армии в самом Сталинграде. На 13 сентября 1942 г. 62-я армия насчитывала 54 00 человек, более чем в два раза меньше, чем 1-я гв. армия, и более чем в три раза меньше, чем 1-я гв. армия и 24-я армия. Наступление Сталинградского фронта было обильно поддержано техникой. В составе 1-й гв. армии было 611 орудий и 1956 минометов. На направлении главного удара армии на один километр фронта приходилось 71 орудие, 194 миномета и 63 танка».

А кого же сковывали и отвлекали эти огромные силы? Исаев честно признается: все эти силы обрушились на несчастный XIV танковый корпус генерала фон Витерсгейма, который не выдержал нервного напряжения и потребовал отвести его дивизии назад. После чего запаниковавший командир был заменен железным генералом Хубе, ради спасения которого Гитлер даже отправил специальный самолет в Сталинградский котел.

Но давайте поинтересуемся составом сил корпуса. На 15 ноября корпус имел ровно 4 дивизии: 3, 60 и 94-ю пехотные плюс 16-ю танковую. Не слишком ли большая честь для них — быть скованными тремя армиями? Между прочим, фон Витерсгейм беспокоился совсем не напрасно, к середине сентября его корпус очень сильно напоминал длинную и тонкую кишку, вытянутую с запада на восток примерно на 70 километров, при том, что ширина этой кишки не превышала 10 километров. А сейчас посчитайте сами, какова была протяженность фронта, занятого каждой из **четырех** дивизий фон Витерсгейма, и сколько советских дивизий наступало на каждую из них. Во всяком случае, по мнению генерала Москаленко, командующего 1-й гвардейской армией, его сил было явно недостаточно:

«Во всем этом сказалось и недостаточное количество сил, выделенных для наступления. Соединения и части армии были недоукомплектованы личным составом. Мы располагали малым количеством технических средств борьбы. Не хватало полевой, зенитной и противотанковой артиллерии. Большую часть танков составляли машины Т-60 и Т-70, имевшие слабое вооружение и слабую броню. Нехватка автомашин резко снижала подвижность и маневренность нашей пехоты и артиллерии. Снабжение же войск осуществлялось конным транспортом, что в условиях господства авиации противника приводило к большим потерям лошадей и частым перебоям в подвозе материальных ресурсов».

Неужели для сковывания немецкого корпуса следовало выделить целый фронт? Так ведь он фактически и был выделен. Сами немцы оценивали результаты усилий Жукова гораздо скромнее:

«18 сентября провалилась очередная попытка русских атаковать левый фланг 6-й армии. Поддержка Люфтваффе в сочетании с контратаками 14-го танкового корпуса в открытой степи оказалась более чем эффективна. Своим наступлением русские добились только того, что 62-я армия двое суток отдыхала от налетов немецкой авиации».

В общем, «растворив без остатка» танковые корпуса и бригады внутри пехотных соединений, Г. Жуков добился того же результата, какой был у любого из генералов Красной Армии летом 1942 года, — нулевого. А ведь использованные силы просто обязаны были смять и уничтожить немецкий корпус, кто бы им ни командовал — фон Витерсгейм или Хубе. Но пока еще никто из советских генералов не представлял, что такое танковые войска и для чего они нужны. Кстати, вполне вероятно, что именно эти бестолковые попытки подсказали А. Василевскому, что гораздо лучше будет нанести удар по ненадежным союзникам немцев, чем по измученным и поредевшим корпусам самой 6-й армии.

Описывать детально контрнаступление Красной Армии нет особого смысла. Напомним только, что для этого удара наконец-то танковые и механизированные корпуса были сведены вместе. Более того, в наступлении участвовала переформированная и пополненная 5-я Танковая армия. В тех же случаях, когда повторилась старая ошибка и к танкам привязали пехоту, это было компенсировано низкой боеспособностью румынских и итальянских войск, противостоявших ударным группировкам, но чуть подробнее об этих реформах будет рассказано в следующей главе. Так в самом конце 1942 года был сделан первый, а потому самый важный шаг в правильном направлении — к созданию действительно боеспособных танковых войск.

Глава 8

В ЖАРКОЙ-ЖАРКОЙ АФРИКЕ...

Описывать события, предшествовавшие сражению у Эль-Аламейна, мы не будем. Действия Африканского корпуса Эрвина Роммеля, который дал англичанам несколько наглядных уроков

блицкрига, детально описаны в книге «Молниеносная война», и повторять их нет никакого смысла. Единственное, чем мы ограничимся в данном случае, это приведем краткую хронологию событий, чтобы вам легче было представить тот фон, на котором разыгрались все последующие сражения.

Хотя Италия объявила войну союзникам 11 июня 1940 года, наступление в Северной Африке началось только 11 сентября. После множества проволочек маршал Грациани вторгся в Египет, но вел наступление исключительно вяло, хотя имел большое превосходство в силах. Уже 16 сентября итальянские войска остановились и начали окапываться возле Сиди-Баррани, не дойдя до английских позиций около 150 километров.

9 декабря началось ответное английское наступление с ограниченными целями — операция «Компас». Однако оно как-то само собой превратилось в операцию по разгрому итальянской армии, хотя англичане в этом совершенно не виноваты. Крошечное английское соединение из двух дивизий с горсткой танков сомнительного качества похоронило мечты Муссолини об Африканской империи. Англичане взяли в плен около 130 000 человек, захватили множество техники и вооружения. Но в самый критический для итальянцев момент, когда до полной победы было рукой подать, британские войска вдруг остановились. Уинстон Черчилль организовал своим войскам первую из крупных военных катастроф, отправив самые боеспособные части в Грецию, потомок герцога Мальборо отправил две дивизии навстречу двум германским армиям.

Тем временем немцы пришли на помощь опозорившемуся союзнику не только в Греции, но и в Африке. Началась операция «Зонненблюме» — переброска частей будущего Африканского корпуса. В марте немцы перешли в наступление, и в считаные дни ситуация перевернулась с ног на голову. Теперь уже англичане, имеющие большое превосходство в силах, покатились назад. Немцы очень быстро достигли египетской границы, но нехватка сил помешала Роммелю развить успех и захватить крепость Тобрук, оставшуюся занозой в спине его корпуса. Некоторым утешением мог служить богатый урожай пленных британских генералов.

В мае и июне 1941 года англичане дважды попытались перейти в наступление (операции «Бревити» и «Бэттлэкс»), но эти по-

пытки привели лишь к беспощадному избиению британских танковых частей. Танков у англичан хватало, но вот что с ними делать, британские генералы не представляли даже отдаленно. После этого в Африке наступила долгая пауза. В ноябре британские войска, которые из «Комбинированного соединения» превратились в XIII корпус, а потом в 8-ю армию, перешли в новое наступление и добились некоторых успехов прежде всего потому, что Роммель не получал никаких подкреплений. Теряя сотни танков, англичане сумели потеснить Африканский корпус, но их счастье было недолгим.

21 января 1942 года Роммель перешел в новое наступление, разогнал 1-ю танковую дивизию англичан, но вскоре наступила новая пауза. Войска противников с февраля по май стояли на линии Газала, готовя наступления, каждый свое. Но Роммель нанес удар первым, дав очередной показательный урок на тему «блицкриг». Английским войскам повезло, кое-кто сумел ускользнуть из образовавшегося котла, но британская армия была разгромлена в очередной раз, а Тобрук, выдержавший 11-месячную осаду в прошлом году, был захвачен с неприличной быстротой. Роммель получил маршальский жезл, хотя наверняка предпочел бы пару танковых дивизий. Увы, летом 1942 года Гитлеру было не до Африканского театра. Уж если на Восточном фронте не удалось укомплектовать все танковые дивизии и две танковые армии из четырех были вынуждены занимать пассивные оборонительные позиции, про африканские пески забывается само собой. В августе Роммель попытался-таки сокрушить английские оборонительные позиции под Эль-Аламейном (битва у Алам-Хальфы), но соотношение сил было таково, что даже у него ничего не получилось. Этот бой показал, что англичане ничему не учатся и, похоже, не способны научиться. В очередной раз левый фланг британской 8-й армии был прикрыт минными полями, за которыми располагалась только 7-й танковая дивизия и ничего более. Прикрывать минные заграждения мобильными соединениями — это английский приоритет, на который более никто даже не претендует.

В октябре 1942 года началось сражение под Эль-Аламейном, которое англичане считают своей величайшей победой. И вот с этого момента мы снова начинаем детальный анализ событий.

В промежутке между боем у Алам-Хальфы и битвой у Эль-Аламейна англичане предприняли несколько диверсионных вылазок в тыл противника. Все они завершились не слишком удачно, но никакого значения на ход войны не оказали. Однако, как утверждает Майкл Карвер, именно неудачи этих диверсий, предпринимавшихся отрядами силой до батальона, «отвратил его Монтгомери мысли от длительного преследования противника от Эль-Аламейна до Туниса». Да, весьма странный ход мыслей был у фельдмаршала Монтгомери, обычному человеку его не дано понять. Можно не слишком верить некоторым авторам, но я полагаю, что фельдмаршал лорд Карвер знал, что писал, не так ли? В результате задолго до начала операции был заложен ее относительный неуспех.

Какими силами располагали противники? Англичане имели около 250 000 человек и 1100 танков, из них более половины американских, которые вполне могли сражаться с любыми немецкими танками. Еще около 200 танков находилось в резервных депо. К этому времени англичане собрали колоссальное количество противотанковой артиллерии — более 1400 орудий, но все они были мелких калибров (2 и 6 фунтов), а потому не могли поддерживать действия войск, как это делали немецкие 75-мм орудия. 900 орудий и 750 самолетов должны были поддерживать английское наступление. Причем теоретики танковой войны порадовались бы, глядя на состав X корпуса. Три танковые дивизии и никакой пехоты, пусть даже моторизованной! Квинтэссенция британской военной мысли.

Итало-немецкие войска уступали противнику по всем показателям: 90 000 солдат, 530 танков, причем более половины из них были итальянскими, сами знаете какого качества. Войска «Оси» уступали англичанам вдвое в артиллерии и авиации, в противотанковых пушках — вчетверо. Единственной надеждой была 19-я зенитная дивизия с ее грозными «флаками», но их было немного, и к тому же никто не освобождал зенитчиков от прямой обязанности — обеспечивать ПВО тыловых объектов.

У читателя может возникнуть ложное представление о силах Роммеля, ведь теперь он командовал Танковой армией «Африка». Но увы, несмотря на целый ряд переименований, о которых мы уже упоминали, войск ему не добавляли. Как с самого начала Роммель имел 15-ю и 21-ю танковые дивизии, так они и провое-

вали до конца. Правда, появились 90-я и 164-я легкие дивизии, но не следует путать их с легкими дивизиями начала войны, когда это были фактически танковые дивизии неполного состава. Первая из них была, если говорить строго, так называемой «легкой африканской дивизией» и была сформирована из тыловых частей, разбросанных по Северо-Африканскому побережью. Вторая формировалась на Крите точно таким же образом и была отправлена в Африку на смену 90-й дивизии, но так получилось, что британское наступление началось именно в период замены, поэтому у Роммеля неожиданно оказалось на одну дивизию больше, чем следовало. Он готовился к обороне, но что можно было сделать с его скудными силами? Разве что поставить все имеющиеся мины и прикрыть минные поля огнем артиллерии.

Подготовку к наступлению Монтгомери тоже начал более чем своеобразно — с установки новых мощных минных полей. План операции, разработанный им, также поражал оригинальностью. Как мы помним, все удары Роммеля сводились к одному — он пытался обойти южный фланг англичан, обращенный к пустыне, и каждый раз англичане позволяли ему это сделать, хотя прижать английскую армию к берегу и уничтожить Роммеля не выходило. Даже последнее сражение в Алам-Хальфы, то есть на оборонительном рубеже у Эль-Аламейна, протекало по той же самой схеме. И если бы у Роммеля была еще одна танковая дивизия — всего одна, пусть даже такого же неполного состава, как имевшиеся, англичанам пришлось бы плохо. Монтгомери решил нанести два удара — в центре фронта и на южном фланге, чтобы попытаться окружить два итальянских корпуса, но при этом он намеревался нанести удар по позициям противника своими танковыми дивизиями! То есть сделать то же самое, что делали немцы под Курском, с одной лишь разницей — у англичан не было «Тигров» и «Пантер», у англичан не было сотен штурмовых орудий. Более того, штурм позиций противника должна была начать пехота XXX корпуса, после чего на рассвете **первого же дня** наступления танки X корпуса должны были пройти **сквозь** боевые порядки пехоты. То есть еще на стадии планирования был предусмотрен полный бардак. Мысль о том, что вражеские позиции можно обойти, в головы британских генералов не закралась. Более того, Монти намеревался вклиниться во вражеские позиции, окопаться там, отбить вра-

жескую контратаку и лишь после этого двигаться дальше. То есть он ухитрялся даже в наступлении передать инициативу противнику.

23 октября британская артиллерия открыла огонь. И здесь Монтгомери остался верен себе — его 900 орудий были равномерно размазаны по фронту в 65 километров. Сравните это с 200—250 орудиями на километр фронта во время наступлений Красной Армии. Первой двинулась пехота XXX корпуса, которая благополучно миновала немецкие минные заграждения, состоявшие в основном из противотанковых мин. После этого к работе приступили саперы, расчищавшие путь для танков, но это была безнадежная задача, так как глубина минных полей достигала 8 километров. Тогда в дело были пущены танковые тралы, и поле сражения заволокли густые клубы пыли. Головные английские танки втянулись в проходы и остановились. На юге 7-я танковая дивизия попыталась было продвинуться вперед, однако эта попытка была легко отражена. Монтгомери предполагал, что эта атака отвлечет танковые резервы Роммеля. Напрасно.

В результате английская пехота была вынуждена окапываться прямо среди минных полей, а танкам пришлось отойти назад. Честно говоря, на память не приходит более бездарный вариант атаки. Если англичанам вообще чего-то удалось добиться, это лишь потому, что здесь, как и под Сталинградом, оборонялись итальянцы. Я совершенно уверен, что при таком же соотношении сил Монтгомери не добился бы совершенно ничего, если бы в распоряжении Роммеля были только немецкие дивизии. Кстати, мы по инерции говорим «Роммеля», хотя сам фельдмаршал в это время находился в Германии, он прилетел в Африку только 25 октября.

На следующий день наступление продолжалось в том же духе. Солдат и танков у Монтгомери хватало, а вот у противника боеприпасы понемногу начали подходить к концу. Подтянув из тыла мобильные резервы, точнее, многострадальные 15-ю и 21-ю танковые дивизии, немцы полностью остановили наступление англичан. Но Монтгомери показал, что он настоящий боевой генерал. Я даже думаю, что он вполне может стоять в одном ряду с такими полководцами, как Тимошенко, Еременко, Гордов и тому подобные. 8-я армия продолжала стучать лбом в бетонную стену, 51-я дивизия гайлендеров даже пошла на проволочные заграждения под звуки шотландских волынок. Вы спросите, а при чем здесь

танковая война? Вот, это такая специфическая ее форма, когда сотни танков бросают в лоб на мины и противотанковую артиллерию. И если вы считаете, что это сугубо британский способ ведения военных действий, то ошибаетесь, мы с подобным еще столкнемся.

До 30 октября Танковая армия «Африка» еще кое-как держалась. Однако Роммель не скрывал, что ресурсы обороны исчерпаны, и прямо предупредил итальянцев, что прорыв моторизованных соединений приведет к катастрофе. Фельдмаршал уже махнул рукой на южный фланг своей армии, стянув все резервы в прибрежную зону, где англичане продолжали упрямо ломиться вперед. 2 ноября он даже начал частичный отвод войск, пытаясь спасти немоторизованные итальянские пехотные дивизии.

Эти события вызывали тревогу по обе стороны фронта. И Гитлер, и Черчилль были одинаково встревожены. Гитлер приказал своим войскам стоять до последнего, а Черчилль начал рассматривать вопрос о снятии Монтгомери. Однако даже военные операции подчиняются определенным объективным законам. Итальянцы в этом сражении проявили совершенно нетипичные для себя стойкость и упорство, но есть некий физический предел, и 2 ноября, когда англичане в очередной раз атаковали позиции дивизий «Тренто» и «Триесте», те просто растаяли. Роммель, собрав остатки своих танков, бросил их в контратаку, и в районе Тель-эль-Аккакира состоялся встречный танковый бой. Немцы в очередной раз доказали свое полное превосходство. Например, английская 9-я танковая бригада начала атаку, имея 94 танка, закончила, имея 22 машины. Зато у англичан были почти неисчерпаемые резервы, а у Роммеля не было ничего. Его армия начала отступать, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Решающая заслуга в том, что английские танки не были полностью истреблены, принадлежит британской авиации.

В этот момент, когда исход сражения уже был решен, пусть ценой потери более чем 500 танков, Монтгомери предпринимает еще один нестандартный тактический ход. В его распоряжении имеются две или три относительно целые танковые бригады, однако он решает атаковать развалившийся фронт с помощью пехоты.

После этого сражение перешло в стадию преследования, точнее, могло бы перейти, если бы только британскими войсками ко-

мандовал не Монтгомери. Роммель очень легко оторвался от противника и отошел на позиции к Мерса-Матрух, примерно на 150 километров к западу. Английские историки моментально нашли оправдание этому — начались дожди. Оказалось, что конструктивные особенности Т-III и Т-IV делают их неподверженными влиянию атмосферных осадков, тогда как «Шерманы» и «Валентайны» безнадежно вязнут в лужах. Да, не знали об этом Гудериан и Гот осенью 1941 года, иначе они не жаловались бы на русскую грязь. Вот так, материальную часть изучать надо! Впрочем, наверное, лучше вспомнить уже упоминавшееся заявление Монтгомери о том, что он не намерен преследовать отступающего противника, сделанное еще до начала битвы.

Результаты сражения под Эль-Аламейном оказались довольно странными. С одной стороны, Танковая армия «Африка» была опрокинута и начала отступление. С другой — потери англичан, особенно в танках, были заметно больше. Тут надо сказать хоть одно доброе слово в пользу Бернарда Монтгомери. Все его операции завершались грудами ломаного железа, но все-таки потери в людях были относительно умеренными. Однако имелась еще и «третья» сторона медали. Значительная часть итальянской армии так и осталась на позициях у Эль-Аламейна, потому что не имела автотранспорта. Впрочем, даже если бы грузовики были в наличии, это мало что меняло по причине острейшей нехватки топлива. Роммель все равно предпочел бы спасать более боеспособные немецкие дивизии. Кстати, ряд историков высказывают мнение, что настойчивость, с которой Черчилль гнал в бой упирающегося Монтгомери, объясняется чисто политическими соображениями. Ему нужна была хоть маленькая победа, но **до** начала операции «Торч», о которой мы еще поговорим. Кстати, тот же Черчилль весьма кисло отозвался о качествах «Монти» как полководца, заявив, что Эль-Аламейн слишком напоминает сражения 1918 года.

7 ноября немецкие войска оставили позицию у Мерса-Матрух, даже не пытаясь задержаться на ней, так как возникла угроза обхода. Точно так же, не задерживаясь, 13 ноября Роммель покинул Тобрук и отступил к старым укреплениям возле Эль-Агейлы, даже не пытаясь защищать Бенгази, так как опасался обхода в Киренаике. Зря. Наступление 8-й армии проходило под лозунгом «Нашему народу такие блицкриги не нужны». Вспомнив о том,

что уже дважды англичане обжигались под Эль-Агейлой, Монтгомери сделал остановку на три недели, чтобы накопить силы и привести свою армию в порядок. 11 декабря Монтгомери начал очередное интересное наступление. 7-я танковая дивизия атаковала немцев в лоб, но на следующий день 2-я новозеландская **пехотная** дивизия двинулась в обход южного фланга противника. Нет, я решительно отказываюсь понимать замыслы Монти.

Сил у Роммеля не прибавилось, поэтому он снова отступил. К 25 декабря англичане доползли до Сирта (2 недели, 200 километров и полное отсутствие сопротивления врага), где сделали очередную остановку. В общем, отступление продолжалось весьма интересным порядком: одни не слишком торопились, вторые совсем не спешили. Единственное, что продолжало досаждать Роммелю, — это истребители-бомбардировщики союзников. Он остановился возле Буэрата, оторвавшись от англичан примерно на 50 километров. В этот момент удар в спину Роммелю нанесло собственное командование, которое отобрало у него 21-ю танковую дивизию и направило ее в Тунис, где генерал фон Арним дрался с союзниками. Поэтому, как только 15 января Монтгомери намекнул, что собирается наступать дальше, Роммель снялся с места и поехал со всей своей армией дальше, к линии старых французских укреплений на границе Туниса. Англичане ему не мешали.

А теперь мы должны обратить свое внимание на события, происходившие на северо-западе африканского континента. 8 ноября 1942 года союзники высадились в Алжире и Марокко. Знаете, в свое время у нас в областной библиотеке была выставка плакатов военного времени. И на одном из них был изображен Гитлер, получивший удар в челюсть с двух сторон: «Сталинград!», «Тунис!». Вполне обычный реверанс в сторону, как сказали бы сегодня, политкорректности. Я ни на что не намекаю, но почему там не упомянули Эль-Аламейн?!

Опять-таки, мы не будем рассказывать о политических интригах и возне, предшествовавших этой операции, не будем расписывать подробности высадки десанта. Лишь упомянем, что французы сопротивлялись как могли. Это вам не с немцами воевать, когда французские батальоны и полки организованно выстраивались

на плацу, чтобы сложить оружие. Англичан и американцев доблестные галлы не боялись или боялись, но меньше, чем Гитлера. В Северной Африке французы еще раз доказали, что с немцами в эту войну они драться категорически не хотели. Может ли парашютный взвод захватить город, в котором расквартирован пехотный полк? Может. Если парашютисты немецкие, а пехота французская, смотрите историю захвата Габеса.

Но нас интересуют боевые действия, развернувшиеся в конце ноября, когда спохватившиеся немцы и итальянцы перебросили в Тунис какие-никакие войска. Больше всего потрясает полнейшая беспомощность англо-американского командования на этом этапе операции, что опять же связано с младенческой наивностью во всех вопросах, касающихся танковых войск и танковой войны. Англичане смотрели свысока на американских генералов, заявляя, что к этому времени у них за плечами уже три с половиной года войны. Однако если посмотреть на то, что натворил командующий британской 1-й армией генерал-лейтенант Андерсон, возникает подозрение, что скрещенные сабля и пушка на погонах у него были неуместным украшением. Примерно так маленький мальчик для игры в войнушку рисует бумажные погончики и пришивает себе на рубашку. Как вы думаете, что проще: пройти по неплохому шоссе примерно 350 километров (расстояние от порта Бужи, занятого союзниками 12 ноября до Туниса) или перебросить по воздуху и морю армию из Германии в тот же Тунис? Правильно думаете: перед немцами стояла несравненно более легкая задача.

Поэтому совершенно никто не удивился, когда наступление Андерсона остановилось на границе Туниса, а сам он панически сообщил в штаб Эйзенхауэра, что имеющегося семикратного превосходства над противником совершенно недостаточно для успешного продолжения операции. Читая такое, сразу понимаешь, что Монтгомери действительно выдающийся представитель британского генералитета, ведь он умел побеждать, имея всего лишь трехкратное (вы только представьте!) превосходство.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Дело в том, что американцы либо не желали, либо оказались неспособны воспринимать боевой опыт сражающихся армий. Это при том, что за два года нейтралитета они имели уникальную возможность наблюдать за происходящим по обе стороны фронта. Их дивизии, высадив-

шиеся в Африке, были укомплектованы прекрасно, но, увы, по штатам мирного времени, которые совершенно не отвечали военным реалиям. Если, скажем, советские дивизии страдали от нехватки тыловых служб, то в американских дивизиях они были раздуты до безобразия. Вообще, в этих дивизиях всего было слишком много. Если мы посмотрим на штат танковой дивизии США образца 1942 года, то увидим, что она имела 390 танков и 119 бронеавтомобилей, что больше подходило танковому корпусу. Такая махина, естественно, была трудно управляема, в чем американцы быстро убедились. И к 1944 году штат дивизии был сокращен на 3000 человек, а танковый парк — на 120 машин. Но ведь все это можно было сделать сразу, стоило ли кровью оплачивать опыт, который в том же 1941 году сам шел в руки как со стороны англичан, так и со стороны немцев.

Первые столкновения показали полную небоеспособность высадившихся войск, английских и американских в равной степени. Если с разложившимися вишистскими частями они кое-как справились, то бои с немцами имели совсем другой характер. Уже в начале декабря, когда в Тунисе находились только разрозненные немецкие соединения, боевая группа «Кох» (усиленный полк) ухитрилась в бою у местечка Тебурба обратить в бегство две дивизии — английскую и американскую, при этом одна из английских бригад была практически уничтожена.

Далее в Африке наступила непонятная пауза. Если пассивность немцев объяснима — у них просто не хватало сил для наступления, то почему ничего не предпринимали союзники — неясно. Конечно, снова в ход пошли рассуждения о проклятых дождях, которые размыли все дороги, и так далее и тому подобное. Весь январь союзники стояли и смотрели, как «Ось» перебрасывает все новые подкрепления в Африку, хотя это никак не могло уравнять силы. И в результате первыми в наступление перешли именно немцы. Если до этого Роммель читал лекции по предмету «танковая война» британским генералам, то теперь он устроил выездной мастер-класс для американцев.

Надо сказать, что за свое блестящее отступление к линии Марет Роммель получил достойную награду. Танковая армия «Африка» была расформирована и превратилась в итальянскую 1-ю армию под командованием генерала Джованни Мессе. Однако

Роммель не унывал. Он искал любую возможность для активных действий, и Монтгомери свой пассивностью ему эту возможность предоставил. Не опасаясь за южное направление, Роммель решил нанести удар по американцам, медленно продвигавшимся к Тунису с запада. К этому времени территория, занимаемая итало-немецкими войсками в Африке, заметно сократилась и стал возможным оперативный маневр силами. Лиддел-Гарт разглагольствует о намерении Роммеля разгромить американцев (это был II корпус генерала Фридендолла, входивший в 1-ю армию), но, полагаю, сам фельдмаршал прекрасно понимал, что имеющихся у него сил не хватит для решения стратегических задач. Но нанести американцам ощутимые потери и таким образом серьезно затормозить их продвижение Роммель еще мог.

Положение немцев осложнялось непростой системой командования и плохими отношениями между высшими офицерами. Фон Арним разругался с фельдмаршалом Кессельрингом, главнокомандующим зоны «Юг», Кессельринг не соглашался ни с одним предложением итальянцев, а Роммель имел на все свой собственный взгляд. Это тоже можно считать одним из признаков надлома военной машины Рейха, потому что ранее такого не происходило. Как мы уже говорили, Роммель потерял 21-ю танковую дивизию, и теперь она входила в состав 5-й Танковой армии фон Арнима, что тоже не улучшало отношений командующих. У Роммеля оставались только те силы, которые он мог снять с линии Марет, а вдобавок ему еще предстояло координировать свои действия с фон Арнимом. К тому же Роммель оказался на второстепенном направлении, что было прямым оскорблением для прославленного генерала.

«Фон Арним считал Роммеля везунчиком и самоуверенным авантюристом, а Роммель мало уважал прусского солдата-аристократа, который «почти не имел опыта боевых действий против наших западных противников и потому ничего не знал о слабостях их командования». Ситуацию не могла исправить серия директив Амброзио, который сменил Кавальеро во главе *Comando Supremo* и держался, по мнению Кессельринга, «недружелюбно и даже откровенно враждебно». Он требовал выделить мобильные соединения из обеих армий, хотя никто из командующих не желал это делать».

Но даже отсутствие координации неожиданно сыграло на руку Роммелю. В конце января 21-я дивизия нанесла удар в районе перевала Фаид и разгромила выдвинутый вперед французский отряд. Это ввело американцев в заблуждение относительно места следующего удара противника, который решил, что новое наступление последует на другом участке.

После серии новых скандалов Роммелю удалось вырвать у фон Арнима 21-ю танковую и часть сил 10-й танковой дивизии, а главное, он получил прибывшую в Африку роту «Тигров». Им противостояла американская 1-я танковая дивизия, которая одна имела больше танков, чем все немецкие, вместе взятые, однако американцы слишком разбросали свои силы. Поэтому, когда 14 февраля немцы перешли в наступление в районе того же перевала Фаид, им представилась прекрасная возможность бить один танковый батальон за другим. Сначала две боевые группы 10-й танковой дивизии атаковали с двух сторон американский авангард, а потом удар с тыла нанесли еще две боевые группы 21-й танковой дивизии. На следующий день американцы попытались контратаковать, но это привело лишь к окружению и уничтожению этого отряда. Наступавшими войсками командовал заместитель фон Арнима генерал Циглер, который официально не подчинялся Роммелю. Поэтому, когда Роммель приказал ему развивать успех, Циглер предпочел запросить штаб фон Арнима. Драгоценное время было потеряно, и остатки американской 1-й танковой дивизии сумели консолидировать позиции и отбили 17 февраля атаки немцев на Сбейтлу.

Роммель наносил вспомогательный удар в точке к югу от Циглера. Различие заключалось в том, что он практически не встретил никакого сопротивления. Повернув на северо-запад, он пошел навстречу танкам Циглера. В этом гористом районе, естественно, ни о каком окружении говорить не приходилось, просто два атакующих соединения шли по единственным пригодным для танков маршрутам, хотя с высоты птичьего полета это и походило на классический котел. Но внутри котла находились только безлюдные непроходимые горы. Однако Роммель находился примерно в 50 километрах западнее Циглера и вполне реально угрожал тылам союзников, которые начали спешно взрывать и жечь склады в Тебессе. Роммель, узнав об этом, предложил объединить силы обеих

групп и нанести удар именно на Тебессу. Последовала новая серия ругани между немецкими и итальянскими генералами, которая отняла у них еще сутки. Лишь 18 февраля Роммелю было поручено общее руководство операцией и переданы обе танковые дивизии. При этом ему приказали нанести удар не на Тебессу, как он хотел, а восточнее, на Талу, где его уже ждали американцы. Утром 19 февраля Роммель начал это последнее наступление, потеряв при этом 10-ю танковую дивизию и роту «Тигров», которые фон Арним успел-таки отозвать. Этот слабый удар был отражен.

10-ю танковую дивизию Роммелю вернули, но это привело к новым задержкам. Такие метания больше всего напоминают беспомощные действия советских генералов в июне 1941 года, нет, положительно немецкая военная машина начала серьезно сбоить. 21 февраля части Роммеля сумели продвинуться еще немного, но потом остановились, встретив упорное сопротивление американцев и переброшенных сюда частей английской 6-й танковой дивизии. Вечером 22 февраля Роммель и прилетевший к нему Кессельринг решили прекратить наступление. Немцы начали отвод войск назад, поскольку удерживать выдвинутые вперед рубежи было рискованно. Так завершилась битва на перевале Кассерин, который, собственно, был тут и ни при чем. Он был примечателен лишь тем, что американцы удерживали его целый день. Потом, правда, сдали, но это было потом.

В результате стремительной атаки немцев серьезно пострадали американская 1-я танковая и 34-я пехотная дивизии. В сумме потери американского II корпуса превысили 20 процентов личного состава, в плен попало около 4000 человек. Немцы уничтожили 183 танка союзников в обмен на 34 своих, они также захватили большое количество трофеев. Но, к сожалению, этот последний успех Роммеля так и остался мелким эпизодом, никак не изменившим общего хода кампании.

Тем временем Монтгомери получил приказ начать наступление на линии Марет, чтобы отвлечь внимание противника. Он, разумеется, не спешил и начал наступление только 20 февраля, когда на севере кризис уже миновал. В своем традиционном стиле он нанес лобовой удар по немецким укреплениям, который, как

всегда, результатов не дал. Тогда Монтгомери предпринял попытку обойти линии Марет, отправив в обход через пустыню пехотную и танковую дивизии. Генерал Мессе, командовавший обороной этого рубежа, разгадал его маневр и перебросил для защиты отсечной позиции все, что только имел. Но этого оказалось недостаточно, и Мессе был вынужден отступить на следующую позицию у Вади-Акарита. Она имела то преимущество, что длина ее составляла всего 50 километров и ее нельзя было обойти.

Эти действия Монтгомери историки оценивают совершенно по-разному. Англичанин Лиддел-Гарт пишет: «Во многих отношениях действия Монтгомери в боях на позиции Марет явились образцом полководческого мастерства, хотя и тут были неудачи. Так, неудачным оказалось первоначальное намерение прорвать оборону противника на узком заболоченном участке вблизи побережья, а также то, что противнику удалось раскрыть угрозу маневра через пустыню, поскольку не были приняты достаточные меры по обеспечению быстроты этого маневра». Правда, с учетом всего сказанного, непонятно, где тут полководческое мастерство. Может, более прав американец Дэвид Рольф, который писал про штурм позиции Вади-Акарит: «Монтгомери решил провести атаку по той же бездарной схеме, которую он использовал на линии Марет»? Дело в том, что Монтгомери снова нанес лобовой удар, и только огромное превосходство в силах позволило ему после двух дней тяжелых боев выдавить противника с оборонительных позиций. В очередной раз он не сумел прорвать вражеские позиции, а когда противник начал отход, не сумел организовать преследование и окружение.

Может возникнуть резонный вопрос: почему же мы рассматриваем эти бои, если танки сыграли в них минимальную роль? Вот именно поэтому. Начиная с осени 1942 года у немцев просто не хватало сил, чтобы их танки решили исход кампании, больше чем на мелкие тактические успехи их уже не хватало. Эти сражения в Северной Африке, самой природой предназначенной для действий танковых частей, доказали, что союзники не имеют ни малейшего представления о стратегии и тактике танковой войны. Собственно, они даже не подозревают о существовании таковой. Когда мы пи-

сали о первых неудачных действиях советских механизированных корпусов, мы говорили, что большая куча танков — это еще не танковые войска. Оказалось, что союзники, имея много танков, не в состоянии создать даже эту самую кучу.

Американцы, похоже, рассматривали свои танковые и пехотные дивизии как нечто единое. Просто одни дивизии чуть сильнее, вторые чуть слабее. Сосредотачивать танки в единый ударный кулак им не пришло в голову ни здесь, в Африке, ни позднее в Европе. Да и по сей день танки так и не стали главной ударной силой американской армии. У американцев с незапамятных времен сохранилось убеждение: самый лучший танк — это тяжелый бомбардировщик.

Англичане сделали на один шаг больше, но этот шаг оказался не вперед, а куда-то вбок. Да, во время боев в Северной Африке в составе 8-й армии временами возникали корпуса, сформированные из одних танковых дивизий. Кстати, обратите на это внимание. И германские, и советские танковые корпуса формировались из танков и мотопехоты. Англичане осознать такую необходимость не сумели до самого конца войны. Но, даже создав танковый корпус, Монтгомери не имел ни малейшего представления, что с ним делать. Похоже, и для него не существовало разницы, между пехотными и танковыми дивизиями, он видел только одно слово: «дивизия». Ведь он бросал свои танки на прорыв хорошо укрепленных позиций, что должна была делать пехота. А когда противник начинал отход, Монтгомери ни одного раза так и не сумел организовать преследование. Похоже, он просто не понимал, что танки обладают еще и таким качеством, как мобильность. Он как был, так и остался до самого 1945 года генералом образца 1918 года.

Глава 9

ЕРЕСИ В УЧЕНИИ О ТАНКОВОЙ ВОЙНЕ

После окружения 6-й армии в Сталинграде немцы окончательно оказались у разбитого корыта. Мы уже не раз писали и сейчас лишь повторим: общепринятая периодизация Великой Отечественной войны, безусловно, справедлива, неправильны лишь

оценки каждого из периодов. Однако, чтобы читатель лучше понял тот базис, на основе которого мы делаем все последующие выводы, мы повторим характеристику каждого из этапов.

Провал операции «Тайфун», разгром немцев под Москвой — это был коренной перелом в ходе войны, после которого у Германии не осталось даже теоретических шансов на победу. Немцы могли рассчитывать лишь на выигрыш молниеносной войны (иной вопрос: был ли реален этот выигрыш), но после поражения под Москвой война приняла затяжной характер, то есть **уже** была проиграна Германией.

Разгром под Сталинградом — окончательная потеря Вермахтом способности к стратегическим наступательным операциям. Летняя кампания 1942 года показала, что немцы могут вести активные операции лишь на ограниченном участке фронта, тотальное наступление, подобное тому, какое они вели летом 1941 года, абсолютно невозможно. Сталинград поставил кровавую точку на наступлениях Вермахта.

Проигрыш Курской битвы означал потерю немцами способности к успешным операциям стратегического значения. После этого сражения Вермахт уже не мог рассчитывать даже на успешную оборону, как это было в районе Ржева и Вязьмы, теперь уделом немецкой армии становились операции локального масштаба.

Ну а после операции «Багратион» уделом Вермахта стало «движение прямолинейное и безостановочное» в одном направлении — на запад. Даже передышки, которые получали те или иные немецкие армии, были результатом решений советской Ставки, а совсем не успехом немецкого оружия, теперь немцы могли только плыть по течению и гадать, где именно будет нанесен следующий удар. Кстати сказать, угадывать им удавалось довольно редко.

Но мы отвлеклись. Стратегическое положение немецкой армии на юге России в начале 1943 года балансировало между отметками «очень плохо» и «хуже некуда». Фронт в районе Сталинграда был прорван, брешь была такой ширины, что залатать ее было просто немыслимо. Самым скверным было другое. Если бы через эту брешь советские войска сумели выйти к Дону в районе Ростова, вся Группа армий «А» оказывалась отрезанной, и тогда

бы Вермахту грозила катастрофа, по сравнению с которой сталинградская могла показаться мелкой неприятностью.

Дело в том, что еще во время планирования серии «планетных» наступлений «Марс» и «Уран» возникла идея глубокого удара от Вешенской через Каменск-Шахтинский на Ростов — операция «Сатурн». Однако советское командование, трезво взвесив все обстоятельства, решило отказаться от «Большого Сатурна» в пользу «Малого» — удара на юг в направлении Морозовска, чтобы выйти в тыл группе Манштейна, наступавшей на Сталинград. Причины этого решения могут быть различными. Вполне могли возникнуть опасения относительно слишком успешных действий группы Гота, но можно предложить и другое объяснение. Как мы уже писали, армии того периода имели некую предельную глубину операции, которая составляла около 500 километров и определялась уровнем развития техники, на большем расстоянии тыловые службы просто не могли обеспечивать наступающие войска. Ведь даже во время сверхуспешных наступлений лета 1941 года немцы были вынуждены делать периодические остановки для отдыха и приведения в порядок войск, но главное — своих тылов. А сейчас советским войскам предстоял глубокий прорыв, да еще в условиях довольно суровой зимы. Здесь было от чего засомневаться. Это уже в 1945 году появилась возможность смело планировать сверхглубокую Маньчжурскую наступательную операцию, но пока была проявлена очень разумная сдержанность, ведь имелся очень серьезный риск гибели оторвавшихся ударных группировок.

Что могло произойти в таком случае, прекрасно показывает судьба 24-го танкового корпуса генерал-майора М.В. Баданова. Только не следует слишком доверять описанию Энтони Бивора, как делают некоторые авторы. Мы уважаем этого автора, но полагаем, что действия советских войск лучше описывать по советским же источникам. Итак, командование Юго-Западного фронта решило нанести удар силами 1-й и 3-й Гвардейских армий по сходящимся направлениям на Тацинскую и Морозовск, чтобы окружить и уничтожить итальянскую 8-ю армию и армейскую группу «Холлидт», спешно созданную на основе XVII корпуса с целью прикрыть северный фланг Группы армий «Дон». Вспомогательный удар наносила 5-я танковая армия.

Все танковые корпуса командовавший фронтом генерал Вату-

тин передал 1-й гвардейской армии. При этом 18-й и 25-й танковые корпуса вводились в действие уже на первый день наступления, чтобы завершить окружение итальянской 8-й армии. 24-й танковый корпус предполагалось ввести в прорыв. Основания для такого решения имелись. Вряд ли стоило ожидать особо упорного сопротивления итальянцев, поэтому решение использовать танки в первый же день операции можно считать обоснованным. Для усиления удара Ставка приказала передать 1-й гвардейской армии еще и 17-й танковый корпус из состава 6-й армии Воронежского фронта.

В общем, замышлялось все с размахом, но вышло, разумеется, как всегда. Конечно, оборона противника была прорвана, и танки вышли на оперативную глубину. Однако уже 19 декабря 17-й Танковый корпус генерала Полубоярова, овладев Кантемировкой, завяз в оборонительных боях, отражая контрудары противника. Остальные корпуса действовали более успешно, но, как и в 1941 году, разрозненно.

25-й корпус генерала Павлова начал бои за Морозовск, 18-й корпус генерала Бахарова продолжал движение на юго-восток, стараясь отрезать путь отступления итальянским дивизиям. То есть уже буквально через сутки после прорыва фронта ударный кулак превратился в растопыренные пальцы, которые немцы охотно переломали бы один за другим, если бы у них была такая возможность. Но — горе побежденным! — такой возможности у них не было. Ни итальянская армия, ни румынские войска, составлявшие больше половины армейской группы «Холлидт», справиться с советскими танковыми корпусами не могли.

Наибольших успехов добился 24-й танковый корпус генерал-майора Баданова. Он успешно развивал наступление и 24 декабря внезапным ударом овладел городом и железнодорожной станцией Тацинская. Удар оказался совершенно внезапным, и немецким пилотам пришлось поднимать самолеты под огнем советских танков. В. Бешанов, оценивая результаты этого рейда, высокомерно заявляет: «Непонятно, почему продолжают привирать наши «историки», преподнося как заслуживающие полного доверия такие источники, как сводки политотделов и сообщения Совинформбюро». Да, цитата действительно выглядит очень оптимистично: «Удар был настолько стремительным, что гитлеровцы не успели

даже поднять в воздух самолеты, находившиеся на аэродромах в районе Тацинской. Танкисты уничтожили в этом районе более 3500 солдат и офицеров, 50 орудий, 15 танков, 73 автомашины, захватили много различных складов и свыше 300 самолетов на аэродромах и в железнодорожных эшелонах». Источник? Желающие могут проверить, действительно ли это донесение политотдела: Архив МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 12, л. 24.

Суть в другом: я тоже не слишком верю приведенным цифрам, но эти сомнения ставят под вопрос вообще всю систему работы с опорой на архивы только одной стороны. Вероятно, истина лежит где-то посередине между немецкими и советскими архивами, но выявить ее можно лишь после тщательной и скрупулезной работы по сличению цифр и сведений. И уж совершенно не следовало бы приводить в качестве доказательства полухудожественные зарисовки Пауля Карелля, или, если быть точными, Пауля Карла Шмидта, оберштурмбаннфюрера СС и пресс-секретаря Иоахима фон Риббентропа, чудом отмазавшегося в 1948 году от обвинений в военных преступлениях и, соответственно, петли.

В общем, в результате маневра немецких танковых частей 25 декабря 11-я танковая дивизия немцев сумела окружить Тацинскую. Еще раз повторим: не следует обольщаться, советский танковый корпус не превосходил по числу танков немецкую танковую дивизию, а по общей боевой силе, скорее всего, даже уступал ей. К тому же корпус Баданова, пройдя с боями около 240 километров, естественно, понес потери, и на 25 декабря в нем осталось всего 58 танков. А сейчас представьте на минуту, что могло произойти, если бы ему пришлось пройти еще 200 километров до Ростова?

Но кольцо окружения пока еще оставалось неплотным. 26 декабря утром в Тацинскую прибыла из района Ильинки, сопровождаемая пятью танками Т-34, колонна, доставившая пять цистерн с топливом и шесть машин с боеприпасами. Чуть позднее после ночного марша появилась 24-я мотострелковая бригада. Только после этого все пути были прочно закрыты противником. Двое суток корпус отбивал атаки противника, и лишь 28 декабря поступило разрешение на прорыв к своим. И все-таки пусть дорогой ценой, но снабжение по воздуху армии Паулюса было оконча-

тельно сорвано, и попытки пробиться к Сталинграду немцы прекратили.

Генерал Лелюшенко так описывает эти события:

«Теперь, оглядываясь на пройденный путь, хотелось бы высказать некоторые соображения, в частности по организационной структуре танковых и мотострелковых войск. К примеру, в Сталинградской битве мы располагали значительным количеством танковых и механизированных соединений. В составе Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов было 14 танковых и 5 механизированных корпусов. Два из них — 1-й и 26-й танковые корпуса — были в составе 5-й танковой армии, которая использовалась Ставкой на решающих направлениях. Остальные же 17 корпусов были отдельными и использовались командующими фронтами и командующими общевойсковыми армиями на разных направлениях. Опыт боев под Сталинградом дает право сказать, что нужно было объединить танковые и механизированные корпуса хотя бы еще в 2—3 танковые армии, что дало бы возможность более массированно и эффективно использовать эту ударную силу. Особенно это касается Юго-Западного фронта, где было 7 танковых и 2 механизированных корпуса.

Практика показала, что уже в районе Тацинской 25 декабря, когда танки оторвались от пехоты более чем на 100 км, возникла крайняя необходимость объединить под общим управлением 24-й и 25-й танковые корпуса. Была попытка свести их в группу Баданова, но эта импровизация ни к чему не привела, так как у Баданова средства управления были рассчитаны лишь на свои 4 бригады и корпусные части, а отнюдь не на 2 корпуса. Не было у него и тыловых органов, подобных армейским. Это же можно сказать и в отношении 17-го и 18-го танковых корпусов. Управление отдельными танковыми и механизированными корпусами издалека, из штаба фронта, не давало желаемого успеха, а в ряде случаев приводило к тому, что приказы из штаба фронта не соответствовали реальной обстановке, так как поступали с запозданием, когда обстановка уже изменялась. Танковые корпуса вынуждены были иногда действовать без должной согласованности между собой и общевойсковыми армиями, без учета оперативно-стратегической

обстановки, и это зачастую не давало ожидаемого эффекта, а если бы они были объединены в танковые армии, имели бы постоянное, надежное оперативное управление, приближенное к полю боя, они находились бы непрерывно в поле зрения Ставки».

То есть мы видим именно то, о чем уже писали. Главной причиной недостаточно успешных действий наших войск стала в очередной раз слабая организация «незаметных» и «невидных» тыловых служб связи. Ведь фактически Лелюшенко признается, что командование потеряло управление войсками, причем происходило это не во время беспорядочного отступления, как в 1941 году, а в период успешной наступательной операции. И он же свидетельствует: советские танковые войска пока еще не родились. Поэтому не следует жалеть, что операция «Большой Сатурн» не состоялась, она и не могла состояться. А упрямство при попытках провести ее вопреки объективным предпосылкам могло привести лишь к очередной катастрофе типа Барвенковской.

Кстати, при внимательном чтении всех этих описаний возникает любопытный вопрос: а что могло произойти, если бы немцы, точнее ударная группировка Гота, все-таки прорвались бы к Сталинграду? Кстати, с нашей точки зрения, они могли это сделать. Но дальше-то? Могла ли армия Паулюса вырваться из капкана? Ведь это уже совершенно отдельный вопрос, на который следует ответить однозначно: нет, не могла. Тот же Типпельскирх живописует чудесное спасение какой-то дивизии, которая прошла около 20 километров следом за парой танков. Но ведь из Сталинграда предстояло вывести не одну дивизии, а более двадцати! Процитируем полковника Динглера: «До Рождества 1942 года войскам выдавалось по 100 граммов хлеба в день на человека, а после Рождества этот паек был сокращен до 50 граммов. Позднее по 50 граммов получали лишь те части, которые непосредственно вели боевые действия». И в таких условиях немцам предстояло пройти не 20 километров, а в 10 раз больше... Так что, скорее всего, результатом успешного прорыва танков Гота к Сталинграду стало бы лишь увеличение количества дивизий в котле, тем более что генерал Холлидт не сумел удержать фронт и фактически Гот наступал с открытым тылом.

Вот так мы плавно перешли к действиям немецкой армии. Командующему Группой армий «Дон» фельдмаршалу Манштейну предстояло восстановить сплошную линию фронта и спасти застрявшую на Кавказе Группу армий «А». Он признает, что над Вермахтом нависла угроза еще более крупной катастрофы, а сил для ее предотвращения почти не было. Как выглядела наспех сформированная армейская группа «Холлидт», с помощью которой пришлось затыкать прорыв в линии фронта, мы уже говорили. Ничуть не лучше было состояние армейской группы «Фреттер-Пико», которая была сформирована из солдат тыловых служб всего южного крыла немецкого фронта.

Зимой 1942 года Гитлер сполна заплатил за решение опереться на своих союзников, впрочем, а что ему оставалось делать? Восполнять потери как-то нужно было, и сейчас Группа армий «Б» просто исчезла, как признает Манштейн, 3-я и 4-я румынские и 8-я итальянская армии испарились. Теперь Группе армий «Дон» предстояло отходить, спешно перебрасывая войска с восточного фланга на западный, чтобы нейтрализовать прорыв советских войск. Такой широкий маневр могли осуществить только мобильные соединения — танковые и механизированные дивизии. То есть под давлением обстоятельств танковые войска, по своей природе предназначенные для наступления, превращались в инструмент обороны. Апологеты танковой войны и представить себе такое не могли, но, как это случается практически всегда, идея, рожденная ими, начала жить и развиваться самостоятельно и оказалась гораздо более многогранной и богатой, чем представляли себе Фуллер, Лиддел-Гарт и Гудериан.

Гудериан предсказывал, что моторизованные войска будут использоваться для нейтрализации прорывов противника при статичном фронте. А вот Манштейн пишет: «Задача эта состояла в том, чтобы своевременно и не обращая внимания на частные последствия на отдельных участках перебрасывать силы в те пункты, от которых зависело прикрытие коммуникаций, и одновременно сохранять за собой оперативную свободу действий... Для нашей же группы армий эта задача являлась стержнем всех ее оперативных мероприятий, и вокруг нее в течение ряда недель и месяцев мы вели борьбу с Главным командованием».

То есть Манштейн фактически на ходу создает теорию эла-

стичной обороны, широкого маневра сил, сохранения инициативы действий путем уступок на отдельный участок, размена территории, которой в его распоряжении оказалось слишком много, на время, которого ему катастрофически не хватало. Можно лишь пожалеть, что опыт Гражданской войны в России изучался в наших военных академиях не слишком внимательно, потому что ситуация, сложившаяся зимой 1942/43 года, во многом напоминала борьбу отдельных подвижных групп войск, происходившую 20 лет назад. Конечно, нельзя было механически переносить опыт прошлого в 1942 год, но какие-то выводы сделать можно было.

Манштейну свою задачу выполнить удалось в основном потому, что советские войска, прошедшие с боями большое расстояние, элементарно выдохлись. Напомним, что Вермахт зимних наступлений не проводил, если не считать Арденнской операции 1944 года, которая вместо ожидаемого стратегического успеха принесла лишь мелкие тактические выгоды. Хотя Манштейну и удалось вытащить 1-ю танковую армию из трясины, в которую она провалилась, в целом его успех оказался относительным. Кавказская группировка немцев была рассечена надвое, и запертая на Таманском полуострове 17-я армия оказалась слишком велика для этого небольшого плацдарма. Однако противник сумел переправить значительные силы через Керченский пролив и вывезти их из Крыма при полном невмешательстве советской авиации. Описывать мелкие стычки и контрудары танковых дивизий Манштейна, Холлидта и Фреттер-Пико, с помощью которых они задерживали советское наступление, вряд ли имеет смысл, потому что эти бои не поднимаются выше тактического уровня. Да, немецкие генералы показали, что умеют не только работать по шаблону, но также неплохо импровизировать. Советские генералы оказались в этом отношении гораздо слабее. Если операция развивалась более или менее соответственно плану, они чувствовали себя уверенно и даже неплохо рассчитывали многоходовые комбинации, как сказали бы шахматисты. Но в сложной и запутанной обстановке, лишенной ясных позиционных ориентиров, наши командиры начинали «плавать», теряли нить событий, и тогда начинался неуправляемый хаос. А именно такая ситуация сложилась на южном участке Восточного фронта, как и зимой 1941 года в период нашего контрнаступления под Москвой.

Самым ярким успехом эластичной обороны стали бои за Харьков весной 1943 года. К концу января этого года положение Вермахта на Восточном фронте стало крайне тяжелым, что для немцев понемногу становилось естественным состоянием. Командующие группами армий были вынуждены тушить то один пожар, то другой, причем каждый из них грозил перерасти в катастрофу. Однако силы немецкой армии таяли не по дням, а по часам, и заливать пламя немецким генералам приходилось буквально каплями воды. К началу 1943 года некомплект личного состава на Восточном фронте достиг уже полумиллиона человек, к концу января в наличии имелось не более 500 исправных танков.

2 февраля Красная Армия начала очередное наступление, чтобы занять города Белгород, Харьков и Курск, — операцию «Звезда». В авангарде шли 4 танковых корпуса, объединенных в группу под командованием генерала Попова. То есть в который уже раз подряд вместо формирования нормальной танковой армии советское командование наспех сколотило нечто импровизационное. Решить сиюминутную тактическую задачу такое соединение могло, а вот в долгосрочной перспективе ничего, кроме новых проблем, от него ожидать не следовало, так как оно не имело частей поддержки и обеспечения. Советское командование наконец получило в свое распоряжение специально сформированные танковые армии, однако что с ними делать, оно представляло довольно смутно. Танковые армии наступали в общем строю, старательно равняя фронт по соседним общевойсковым армиям, а в глубокие прорывы уходили почему-то отдельные корпуса.

Гитлера происходящее привело в бешенство, он не намеревался отдавать Донецкий промышленный бассейн. Последовало тяжелое объяснение с Манштейном, ради которого фюрер специально прилетел в его штаб в Запорожье. Манштейн прямо заявил, что его сил не хватит, чтобы удержать фронт, и перед немцами стоит небогатый выбор: потерять Донбасс или потерять Донбасс и Группу армий «Дон» в придачу. Фюрер уперся.

«После моего доклада, выслушанного Гитлером совершенно спокойно, разгорелся многочасовой спор по вопросу о Донецком бассейне. Во время второй части нашей беседы, когда я говорил с

Гитлером один на один об общих вопросах руководства, он также все время возвращался к этой проблеме. Как я мог позже установить, и в других подобных случаях он избегал говорить по существу о выдвигаемых мною оперативных вопросах. Он не пытался выставить даже другой, лучший план или опровергнуть мои оперативные аргументы или выводы. Он не оспаривал того, что обстановка может сложиться именно так, как я это предвидел. Все вопросы, которые непосредственно не касались создавшегося острого военного положения, он рассматривал как гипотезы, которые, может быть, осуществятся, а может быть, и нет. На самом же деле все оперативные соображения в конце концов основываются, особенно в том случае, когда стратегическая инициатива находится не в наших руках, а в руках противника, на предположениях и гипотезах о том, каковы будут, по всей видимости, действия противника. Заранее нельзя доказать, что события будут развиваться так или по-иному. Но только тот военачальник может рассчитывать на успех, который способен предвидеть. Он должен стараться по крайней мере проникнуть за завесу, которая скрывает будущие действия противника, и правильно оценивать возможности, открывающиеся для собственных действий и действий противника. Чем больше масштаб руководства, тем дальше, естественно, надо смотреть вперед. Чем больше занимаемый район, чем крупнее соединения, которые надо передвигать, тем больше требуется времени для выполнения принятого решения. У Гитлера не было способности предвидеть далеко, по крайней мере, в оперативной области. Может быть, он не хотел признавать результаты, если они не соответствовали его желаниям, но так как он не мог их опровергнуть, то по возможности их обходил».

Редкий случай, но в споре с фюрером верх удалось одержать генералу. В результате группе «Холлидт» разрешили отойти на рубеж реки Миус и организовать там оборону. Тем не менее советское наступление развивалось довольно успешно, главным образом потому, что советским войскам противостояли измотанные и потрепанные остатки корпусов 4-й танковой армии, у которых позади было долгое и утомительное отступление от Сталинграда и Ростова. Оказать серьезного сопротивления они не могли и

16 февраля покинули Харьков, причем сделано это было вопреки приказу генерала Ланца, командовавшего на этом участке фронта, и в него вошли советские войска. Кроме того, следует помнить, что после капитуляции 6-й армии Паулюса освободились 6 советских армий, которые были переброшены на фронт. Удар по фронту немецкой 2-й армии позволил советским войскам освободить Курск, после чего наступление приостановилось. Вообще советские генералы страдали пристрастием к захвату крупных городов, что позволяло отправить наверх победный рапорт. Если сравнить это с действиями того же Гудериана, который предпочитал **обойти и занять**, а не **штурмовать и захватить**, наши командиры будут выглядеть не лучшим образом. Дорогого стоит признание генерала Лелюшенко, описывающего штурм Ворошиловграда:

«Однако в город тогда прорваться не удалось, и мы вынуждены были в течение 9 дней вести настойчивую подготовку к преодолению третьего рубежа обороны врага. Тщательно изучались система укреплений, огневые точки, окопы, траншеи, опорные пункты и узлы сопротивления, противотанковые и противопехотные препятствия. Почти на каждую огневую точку противника мы нацелили артиллерийскую батарею, а на особенно важные объекты — артиллерийский дивизион. Заранее была проведена пристрелка засеченных целей.

В те тяжелые дни штабу армии, командующим родами войск, командирам соединений и всему командному составу пришлось много продумать, проанализировать, не раз рассматривать различные варианты и изыскивать наиболее эффективные методы и приемы боя, чтобы выполнить поставленную задачу в сравнительно короткие намеченные сроки. Генерал-майоры М.И. Запорожченко, А.Ф. Попов и В.М. Баданов (командиры 18-го стрелкового, 2-го танкового и 2-го гвардейского Тацинского танкового корпусов) предлагали овладеть городом, охватив его с флангов. Это отвечало здравому смыслу. Военный совет армии тщательно взвесил все «за» и «против», и было принято решение главные силы сосредоточить для ударов по флангам неприятельских войск. Основная роль в овладении Ворошиловградом отводилась 18-му стрелковому корпусу при содействии 2-го танкового и 2-го гвардейского Тацинского танкового корпусов».

В целом же к концу февраля на южном участке Восточного фронта сложилась критическая ситуация. Вполне реальным было окружение 1-й и 4-й танковых армий и вновь сформированной 6-й армии (бывшая группа Холлидта). К этому времени в распоряжение Манштейна прибыл II танковый корпус СС, переданный 4-й Танковой армии. Кстати, некоторые авторы бодро утверждают, что его дивизии были укомплектованы по штату. Не было этого, даже близко не было. Вместо положенных 150 танков дивизия «Лейбштандарт» имела 92 танка, «Дас Райх» — 130 танков, дивизия «Тотенкопф» — 120 танков. То есть они были укомплектованы лучше армейских танковых дивизий, но положенного количества танков все равно не имели.

17 февраля Гитлер снова прилетел в штаб Манштейна. Он согласился не пытаться отбить Харьков лобовым ударом и позволил организовать наступление с юга, чтобы, в свою очередь, окружить и уничтожить несколько советских армий. Но даже если помнить об этом, наступление Манштейна было всего лишь успешной **оборонительной** операцией. Ни о каком развитии успеха, как это полагается в случае наступательных операций, немцы даже не мечтали, они всего лишь хотели спасти попавшие в сложное положение войска. Более того, Гитлер согласился рассматривать Группу армий «А» как источник резервов для Группы армий «Юг», так как лишь такими мерами можно было спасти положение.

19 февраля немцы перешли в наступление, нанеся удар по растянутым порядкам советских армий. Фронт — оборону здесь просто не успели создать, к тому же советское командование готовилось продолжать наступление и про оборону вообще не думало — был прорван в первый же день, и дивизии СС вырвались на оперативный простор. Они перерезали тыловые коммуникации, возникла опасность окружения группы генерала Попова. Правда, маневр II танкового корпуса СС выглядел уж слишком хитро. Сначала дивизии двигались прямо на юг, а потом, достигнув Павлограда, повернули на север по широкой дуге. Манштейн с ликованием писал:

«Ближайшие дни принесли ожидавшийся успех контрудару 4-й танковой армии, и инициатива в этой кампании, наконец, вновь перешла к нам. Сначала армия разбила силы противника, насту-

павшие на переправы через Днепр, то есть группировку в районе Павлограда и южнее его. То, с чем Гитлер не хотел согласиться, подтвердилось: здесь было два вражеских танковых корпуса, один стрелковый корпус и один кавалерийский корпус. Затем нам удалось во взаимодействии с 1-й танковой армией разбить четыре вражеских танковых и механизированных корпуса, стоявших перед ее западным фронтом».

Здесь фельдмаршал явно хватанул через край, но как же не похвалить себя, любимого? Ни о каком перехвате инициативы речь не шла. Манштейн сумел всего лишь предотвратить угрозу уничтожения своих войск. Затем перешли в наступление XL и XLVIII танковые корпуса, и наши войска начали отступать. Пытаясь отвлечь внимание немцев от Харькова, 25 февраля начал наступление Центральный фронт Рокоссовского. Однако Манштейн не пожелал отвлекаться, предоставив 2-й танковой и 2-й общевойсковой армиям выпутываться самостоятельно. Короче, к 6 марта понесшие серьезный урон 6-я, 1-я гвардейская и 3-я танковая армии были вынуждены спешно создавать новую линию обороны южнее Харькова.

Почему-то наши генералы решили, что, избавившись от непосредственной опасности, Манштейн остановится. Поэтому, когда он 7 марта нанес новый удар в направлении Харькова, это оказалось полной неожиданностью для Юго-Западного фронта. Кстати, рекомендую перечитать приведенный выше отрывок из воспоминаний фельдмаршала. «Но только тот военачальник может рассчитывать на успех, который способен предвидеть». По части «предвидеть» у генерала Ватутина оказалось не очень хорошо. В общем, II танковый корпус СС прорвал фронт между 69-й и 3-й танковой армиями и двинулся дальше, обходя Харьков с севера. В самый неподходящий момент вдруг вспыхнул спор между командиром корпуса Хауссером и командующим 4-й танковой армией Готом. Гот требовал обойти Харьков и развивать наступление на восток, Хауссер рвался взять город прямым штурмом. Видно, он не мог забыть, что отступил из Харькова вопреки приказу, хотя за это был снят с должности не он, а командир войсковой группы генерал Ланц. Остановить зарвавшегося группенфюрера

не удалось даже самому Манштейну, и 11 марта эсэсовцы начали штурм города. Бои в Харькове продолжались до 16 марта, опьяненный успехом Хауссер даже успел переименовать площадь Дзержинского в площадь «Лейбштандарта». Тем временем наступление немецких танковых дивизий на север продолжалось, генерал Раус рвался к Белгороду. 18 марта немцы заняли этот город, но наступать дальше уже не могли — у них просто не осталось сил. Окончательно линия фронта установилась 25 марта.

В результате немецкого контрудара была временно снята угроза южному крылу Восточного фронта и сформировался южный фас Курской дуги. Советские армии потерпели серьезное поражение, однако и немцы при этом понесли такие потери, что их наступление заглохло само собой. Опять же, свой вклад внесла весенняя распутица, но чем немцы могли наступать далее, если в той же дивизии «Лейбштандарт» после окончания боев за Харьков имелось 23 танка?

Давайте попробуем проанализировать более детально некоторые аспекты этого сражения, которое стало последней удачной операцией Вермахта на Восточном фронте. Манштейн в очередной раз подтвердил, что является крупнейшим специалистом по ведению танковой войны. Он продемонстрировал великолепный образец эластичной обороны, умело воспользовавшись слабостью растянутого фронта и ненадежными коммуникациями, и срезал наметившийся было Харьковский выступ. Фронт оказался примерно на той же линии, с которой немцы летом 1942 года начали свое наступление.

Манштейну удалось выполнить буквально все условия, необходимые для успешного проведения наступательной операции. Он сумел добиться оперативной и тактической внезапности. Наши историки охотно высмеивают его постоянные жалобы на нехватку сил и превосходство русских в танках. Дескать, для наступления Манштейн сосредоточил целых 8 танковых и 5 панцер-гренадерских и моторизованных дивизий. Ну, сосредоточил, и что дальше? Кто мешал генералам Голикову и Ватутину сделать то же самое? Кто мешал Ставке предусмотреть возможность такого развития ситуации и направить в район успешно развивающегося наступле-

ния дополнительные силы хотя бы для продолжения этого наступления, если уж о возможном контрударе немцев никто не думал? Если командующие советскими танковыми корпусами жалуются, что у них неисправных танков больше, чем боеготовых, то о чем это говорит, кроме отвратительной работы тыла, неудовлетворительной подготовки личного состава и сомнительного качества танков? Вот, мол, на 18 февраля в 3-й танковой армии генерала Рыбалко из 432 танков 122 ремонтировались на дорогах, 214 исправляли боевые повреждения и только 96 танков были исправными. Разве в этом немцы виноваты? Напомним, что к этому времени Красная Армия снова имела заметное превосходство над Вермахтом по количеству бронетехники.

И все-таки наступление Манштейна не привело к коренному изменению обстановки. Прежде всего следует отметить, что прекратились панические отступления советских войск, столь характерные для 1941 и 1942 годов. Каждый метр территории немцам теперь приходилось брать с боем, к чему они не слишком привыкли.

Хочется не согласиться с утверждением А. Исаева, будто после Харькова главным средством борьбы с танком становится танк. Приводимая им статистика говорит лишь об одном: в районе Харькова имели место бои танковых соединений, часто превращавшиеся во встречные танковые бои. Кстати, это тот вид боевых столкновений, в котором Красная Армия уступала противнику до самого конца. Сами немцы придерживались иной точки зрения, о чем ясно говорит статистика производства бронетехники в Германии. Промышленность Германии все больше внимания и сил уделяет производству штурмовой артиллерии и противотанковых САУ. В том же 1943 году их производство практически сравнивается с производством танков, а в 1944 году, когда немцы выпустили максимальное количество бронетехники, самоходных установок было произведено **больше**, чем танков. То есть теперь уделом Панцерваффе, изначально создававшихся как наступательное оружие Вермахта, становится оборона. И бодрое заявление Гудериана, сделанное им 9 сентября 1943 года в докладе Гитлеру: «Если вообще фронт до сих пор был удержан, то это — исключительно заслуга танковых дивизий. Всеми признано, что танковые войска, несмотря на их слабости, и сегодня еще являются костяком всей обороны. Пехота больше не может им быть», звучит как надгробная эпитафия. В устах создателя Панцерваффе, отца теории блиц-

крига, эти слова являлись форменным кощунством, однако они предельно точно характеризовали то место, которое отныне было отведено немецким танкам.

Глава 10

С ГОЛОВЫ НА НОГИ И ОБРАТНО

Все происходившее после весеннего сражения под Харьковом поддается объяснению с большим трудом, причем речь идет не только о ходе военных действий, но также о причудливых зигзагах конструкторской мысли по обе стороны линии фронта. И все-таки мы начнем именно с положения на фронте. Как ни странно, обе стороны довольно оптимистично восприняли итоги боев за Харьков. Особенно буйным цветом расцвел оптимизм в Берлине. Гитлер всерьез рассматривал это сражение как полный реванш за Сталинград, хотя в данном случае речь шла не более чем об оперативном успехе. На головы участников сражения обрушился ливень наград, что весьма напоминало ситуацию, имевшую место тридцать лет назад: «В этот день избежать награждения Железным крестом можно было, лишь совершив самоубийство». Однако в Ставке фюрера, да и среди части его генералов царила смесь эйфории с легким разочарованием. Почему-то возникло мнение, что германские войска упустили возможность одержать новую крупную победу. Озвучил это мнение все тот же Пауль Карель:

«Стремительное продвижение Манштейна с Днепра к Донцу не было использовано до конца. Немецкое Верховное Главнокомандование верило, что может отложить на завтра то, что было реально сегодня, и только сегодня. Таким образом, большая возможность была упущена. Немцы посадили зерно, из которого выросла катастрофа, решившая исход войны, — оставили Курский выступ. Советское командование тогда освободилось от самой серьезной, со времен 1942 года, угрозы. Центральный фронт Сталина спасло чудо, сравнимое с чудом на Марне. И время в Курске начало работать на Сталина против Гитлера... Операция «Цитадель» против Курского выступа началась спустя сто одиннадцать дней. Из-за этих ста одиннадцати дней немцы проиграли войну».

Читая такое, честно говоря, не знаешь — смеяться или плакать. С одной стороны, Карель высказывает пару здравых мыслей, с другой — несет полную ахинею. Так и тянет поинтересоваться: а не использовал ли бывший оберштурмбаннфюрер СС заготовки, оставшиеся в личном архиве со времен работы в ведомстве доктора Геббельса? Нельзя не согласиться с тем, что время работало против Гитлера. Эти самые 100 с лишним дней позволили советским войскам на Курской дуге создать глубоко эшелонированную оборону, в которой увязли некогда грозные танковые клинья Панцерваффе. Карелю вторит Манштейн, правда, более осторожно:

«Командование Группы армий «Юг» поэтому намеревалось ликвидировать эту дугу сразу же после битвы за Харьков, еще до начала периода распутицы в этой местности, используя тогдашнюю слабость противника. От этого плана мы должны были отказаться, так как группа «Центр» не в состоянии была взаимодействовать с нами. Как бы ни был слаб противник после своего поражения у Харькова, все же одних сил группы «Юг» было недостаточно, чтобы ликвидировать эту широкую дугу».

Правда, и фельдмаршал привирает, так как наступавшие войска увязли в грязи еще до конца операции. К тому же, как мы помним, Манштейн и так собрал у себя почти все боеспособные танковые дивизии Восточного фронта, поэтому реально усиливать его группировку в марте 1943 года было нечем, можно было говорить только о пополнении уже имевшихся частей. Вообще Манштейн задним числом рассуждает о том, что задачей операции «Цитадель» было уничтожение советских подвижных резервов, «что стало бы первым шагом к ничьей на Восточном фронте». Однако и оберштурмбаннфюрер, и фельдмаршал дружно не желают признавать, что время работало против Гитлера не только весной 1943 года, но уже с декабря 1941 года, когда разгром под Москвой стал крахом надежды на молниеносную войну. Ну а рассуждения о том, что Курская битва могла решить исход войны, вообще списаны с приказа Гитлера.

Самое любопытное, что точно такие же мысли высказывал противник Манштейна по Харьковской операции генерал Ватутин.

Он рвался нанести упреждающий удар, чтобы разгромить подвижные резервы гитлеровцев, «что стало бы первым шагом к крупному наступлению». Однако Сталин, имея перед глазами свежий пример неудачных итогов наступательной операции, предпочел выждать, пока немцы нанесут удар первыми. Пожалуй, его ошибка была более грубой, чем у Гитлера. Переход к статичной обороне, уже не раз скомпрометировавшей себя в ходе войны, мог создать серьезные проблемы Красной Армии. Не будем говорить «к счастью, этого не случилось», потому что этого не могло случиться вообще, для каких-либо решительных действий у немцев уже просто не хватало сил.

Вдобавок произошло событие, которое оказало самое серьезное влияние не только на ход военных действий, но и на будущее развитие танковых войск. На свет появился самый известный танк Второй мировой войны — T-VI «Тигр». Правда, родился он не в одиночестве, а вместе с целым бронированным зверинцем, но обо всех остальных боевых машинах Вермахта, вместе взятых, не написано столько, сколько о «Тигре». Мы не будем детально расписывать историю создания этого танка, который очень быстро подрос от 30 тонн первоначального технического задания до 56 тонн в реале, так как толщина брони тоже увеличилась вдвое — с 50 до 100 мм. Напомним лишь одну маленькую деталь, которая самым роковым образом сказалась на тактике Панцерваффе. Дело в том, что то самое техзадание требовало создать Durchbruchswagen — танк прорыва.

Никто в тот момент не заметил, что эта идея фактически опровергала всю концепцию строительства Панцерваффе. Конечно, «Тигр» заметно отличался от полностью себя скомпрометировавших британских пехотных танков вроде «Матильды» или «Черчилля». Однако он, как и его двоюродные братья, был органически неспособен к стремительным прорывам, что являлось отличительной характеристикой танковых войск. Уровень развития техники 1940-х годов — даже столь расхваленной немецкой техники — пока еще не позволял создать тяжелый танк, обладающий высокой подвижностью. Кто бы ни брался за это дело — получался неповоротливый монстр.

Но беда, как резонно утверждают, никогда не приходит одна. Если о целесообразности «Тигра» еще можно спорить, силы и вре-

мя, потраченные на создание «Пантеры», были явно выброшены на ветер. Если при создании Т-34 получился средний танк, втиснутый в габариты легкого, то немцы построили средний танк, раскормленный до веса тяжелого. Конечно, «Пантера» по многим показателям превосходила Т-IV, но превосходила ли она его настолько, чтобы оправдать двойное увеличение веса и трудозатрат? Существует такой критерий: «стоимость — эффективность», с его учетом Т-V решительно уступал Т-IV. В конце концов, можно было попытаться пушку KwK 42 втиснуть в башню Т-IV, если уж очень хотелось еще больше повысить огневую мощь танка. А так остается лишь гадать, что было бы лучше: 5,5 тысячи построенных «Пантер» или 10 тысяч Т-IV, которые можно было построить вместо них.

Вдобавок Гитлера осенило еще несколько великолепных идей, от которых у панцер-генералов волосы встали дыбом. Первым пришлось выкручиваться Гудериану, который тогда находился на должности генерального инспектора танковых войск. Дело в том, что Гитлер предложил ввести в состав каждого танкового батальона по взводу «Тигров». Принципиального усиления подразделениям это не обещало, зато его мобильность заметно снижалась, плюс возникали проблемы с обслуживанием двух различных типов танков. Но Гудериан кое-как сумел выкрутиться.

Манштейну пришлось гораздо тяжелее. Сначала Гитлер зарезал все его предложения по ведению летнего наступления, навязав свой собственный — операцию «Цитадель». Немецкие генералы полагали, что для такого наступления у них слишком мало сил, но фюрер думал иначе, особые надежды он возлагал на новые тяжелые танки «Тигр» и «Пантеру». Этот аргумент повторяли десятки раз, но ведь так оно и было на самом деле. С точки зрения Гитлера, задержка с началом наступления была несущественной, ведь он надеялся, что новые танки пройдут сквозь все русские укрепления, как раскаленный нож сквозь масло. Кстати, определенная логика в таких рассуждениях имелась. Следовало либо начинать наступление сразу, как только просохнет почва, либо дожидаться появления нового фактора, который коренным образом изменит обстановку, а предложения Манштейна противоречили обеим идеям. Хуже было другое: гениальные мысли Гитлера опрокидывали с ног на голову основные принципы блицкрига, ведь постулаты Гудериана требовали удара по слабому месту обороны против-

ника, а не по первому подвернувшемуся. Не говоря уже о том, что никакое Вундерваффе не оставалось таковым слишком долго. Гитлера не вразумил опыт собственной армии, которая в 1941 году столкнулась с ужасными «50-тонными танками» и довольно быстро научилась с ними справляться.

Кстати, обратите внимание на любопытную закономерность. В 1941 году наступали две немецкие танковые армии, в 1942 году это могли делать только две, в 1943 году под Курском в наступление пошла одна танковая армия Гота. Ну а в 1944 году и далее наступать Панцерваффе уже не могли в принципе.

Говорят, один камешек, скатившийся с горы, слишком часто тянет за собой целую лавину. Точно так же появление новых танков у немцев подтолкнуло наших конструкторов к созданию новых машин, которые, в свою очередь, привели к появлению новой тактики, на поверку оказавшейся очень старой. Еще в начале 1943 года начались работы по созданию новых танковых пушек, а 5 мая ГКО принял постановление «Об усилении вооружения танков и самоходных установок». В результате появились Т-34-85 и ИС. Можно согласиться с М. Барятинским, когда он пишет, что одной из причин, по которой на Т-34 было решено установить 85-мм пушку, стало прекращение производства 76-мм зенитной пушки образца 1931/38 г. Постановление пленума Наркомата вооружений таит в себе изрядную долю лукавства. Безусловно, 85-мм орудие было мощнее 76-мм, однако подавляющее большинство немецких истребителей танков было вооружено 75-мм пушками, и немцы не жаловались на их недостаточную бронепробиваемость. Производство «Хетцеров» продолжалось до самого последнего момента, и они немало крови попортили нашим танкистам.

Так или иначе, но на вооружении Красной Армии появились Т-34-85 и ИС-85, и буквально тут же начались работы по перевооружению последнего 122-мм пушкой. Решение довольно спорное. Немцы всю войну двигались по пути увеличения начальной скорости снаряда, не стремясь увеличивать калибр пушки. «Ягдтигров» было построено еще меньше, чем «Фердинандов», и эта машина не сыграла никакой заметной роли. 122-мм пушка «исов» имела раздельно-гильзовое заряжание, что резко снижало ее скорострельность, к тому же боезапас «исов» был втрое меньше, чем у немецких танков. Все это значительно снижало шансы

танка в борьбе с немецкими машинами, особенно если учесть превосходную немецкую оптику, повышавшую шансы вражеских танкистов на попадания.

А вот здесь уже начинает лукавить сам М. Барятинский, когда пишет: «Дело в том, что подход к назначению тяжелых танков в Вермахте и Красной Армии существенно различался. Немцы видели в тяжелом танке главным образом противотанковое средство, а русские — универсальную боевую машину, способную решать широкий круг задач: от борьбы с танками противника до поддержки пехоты и уничтожения фортификационных сооружений». Но позвольте! «Тигр» или ИС создавался как танк прорыва? «Тигру» или «ису» увеличили калибр пушки, чтобы бороться с вражескими танками? Ведь об этом говорил сам конструктор танка Ж. Котин. Да, никто не спорит с тем, что «Тигр» начали называть самой лучшей противотанковой самоходкой Второй мировой войны, но это уже было следствием вынужденного изменения задач Панцерваффе. Если уж говорить честно, то ИС-2 был фактически новой реинкарнацией неудачного КВ-2, с исправлением ряда недостатков, но все равно так и не ставшей однозначной конструкторской удачей. Ведь для того самого «уничтожения фортификационных сооружений» гораздо лучше подходила самоходка ИСУ-152.

Вообще, при оценке проектов советской и немецкой бронетехники встречаются примеры совершенно противоречивых оценок, данных одним и тем же автором. Возьмем самоходку СУ-122, которая критикуется за слишком низкую начальную скорость снаряда, равняющуюся 515 м/с. Но в другой книге тот же самый человек называет очень удачной немецкую самоходку «Бруммбер» с ее 12-калиберной гаубицей, у которой начальная скорость снаряда вдвое меньше. Так что такое хорошо и что такое плохо?

Вопрос о тактике использования танковых соединений в Красной Армии тоже оказался довольно сложным и запутанным. Опыт боев 1942 года, когда на фронте впервые появились танковые армии, оказался скорее негативным. Можно вспомнить хотя бы полный разгром 5-й танковой армии генерала Лизюкова и гибель самого командующего. Еще больше подорвала уверенность Верховного в возможности успешных действий крупных танковых соеди-

нений Курская битва. Да-да, именно она. Давайте посмотрим правде в глаза. Крупнейшую танковую битву Второй мировой войны выиграла советская пехота, поддержанная саперами и противотанковой артиллерией. А вот советские танкисты эту битву с треском проиграли. Советские танковые армии несли чудовищные и совершенно неоправданные потери во встречных боях с немецкими танковыми корпусами. Апофеозом неудач стало сражение под Прохоровкой, завершившееся практически полным уничтожением 5-й гвардейской танковой армии. Совсем недаром Сталин намеревался отдать Ротмистрова под трибунал за эту «блестящую победу». Поэтому совершенно понятны причины, по которым свою единственную Золотую Звезду П.А. Ротмистров получил лишь в 1965 году, во время брежневской вакханалии награждений. А такие командующие танковыми армиями, как Рыбалко, Лелюшенко, Катуков, стали дважды Героями еще во время войны. По делам и награда!

Поэтому, когда мы говорим о летнем наступлении Красной Армии в 1943 году, следует отметить его характерную особенность. Несмотря на наличие в составе фронтов танковых армий, оно не сопровождалось глубокими прорывами. Фактически все операции проводились планомерно и равномерно, наступление велось единым фронтом, хотя, конечно, каждый раз на словах объявлялось о намерении «расколоть, прорвать, расчленить, окружить».

Посмотрим, что выходило из этого на деле на примере хотя бы Орловской наступательной операции, той самой, которая фактически поставила крест на гитлеровской «Цитадели». Напомним, что 12 июля 1943 года состоялось злосчастное сражение под Прохоровкой. Немцы одержали победу, тем не менее они в тот же вечер начали постепенный отвод войск. Почему? Да потому, что в этот самый день советские войска перешли в наступление под Орлом. Сама конфигурация линии фронта на этом участке наталкивала на мысль попытаться ударом по сходящимся направлениям окружить войска немецкой 9-й армии, обескровленные неудачными попытками прорваться к Курску с севера. Задача облегчалась тем, что половину Орловского «балкона» занимали части 2-й танковой армии, главной ударной силой которой являлось ее название. Никаких активных действий эта немецкая армия летом

1943 года проводить не могла, просто нечем было. И тем не менее советское командование решает нанести три удара, причем один из них — прямо в лоб «балкону».

Итак, Западный фронт под командованием генерала Соколовского получил задачу ударом из района юго-западнее Козельска на Болхов, Хотынец не допустить отхода гитлеровских войск из Орла на запад и во взаимодействии с войсками Брянского и Центрального фронтов уничтожить их. Частью сил фронт должен был совместно с 61-й армией Брянского фронта окружить и уничтожить болховскую группировку врага. Вспомогательный удар войска 50-й армии наносили на Жиздру. Брянский фронт под командованием генерала Попова наносил главный удар войсками 3-й и 63-й армий и 1-м гвардейским танковым корпусом из района Новосиля на Орел, а вспомогательный — силами 61-й армии и 20-м танковым корпусом — на Болхов. Центральный фронт получил задачу ликвидировать вклинившуюся группировку противника севернее Курска, в последующем развить удар на Кромы, чтобы во взаимодействии с войсками Западного и Брянского фронтов разгромить всю группировку на орловском плацдарме. Вообще-то можно уловить в этом замысле некоторые параллели с операцией «Багратион», проведенной летом 1944 года в Белоруссии. Еще свежи были в памяти мучения с ликвидацией огромного котла под Сталинградом, поэтому советская Ставка вполне резонно предположила, что три маленьких котла, в которых может оказаться то же самое количество немецких войск, предпочтительнее одного большого.

К началу операции в ударных группировках трех фронтов имелись 2-я танковая армия, 7 танковых корпусов, 7 отдельных танковых бригад, 27 отдельных танковых и 15 самоходно-артиллерийских полков. В общей сложности это составляло около 3000 танков, то есть больше, чем любая из немецких ударных группировок под Курском.

Но! Отдельные танковые бригады и полки планировалось использовать для непосредственной поддержки пехоты, централизованно, на направлениях главных ударов стрелковых корпусов и их дивизий. В танковые группы непосредственной поддержки пехоты были включены также и полки самоходной артиллерии, которая должна была наступать в 200—400 м за танками и поддерживать

их действия огнем своих орудий. Здесь явно заметно влияние немецкого опыта использования штурмовой артиллерии. В некоторых армиях, например в 11-й гвардейской, новым было и то, что танки непосредственной поддержки пехоты придавались стрелковым дивизиям как первого, так и второго эшелона корпуса. То есть повторялись методы наступлений 1942 года, когда танки равномерно размазывались по всей линии фронта и крепко привязывались к пехотным соединениям, что подрезало под корень их мобильность. Немцы себе такого никогда не позволяли. Их танковые дивизии объединялись в корпуса, а корпуса — в армии, и они всегда имели возможность самостоятельных действий, не завися от пехоты.

В результате получилось как всегда. Если на севере 11-я гвардейская армия довольно быстро прорвала оборону немцев и начала продвигаться дальше, то войска Брянского фронта втянулись в изнурительные позиционные бои. Командующий фронтом генерал М. Попов совершил совершенно типовую для советских генералов ошибку. Когда в первый день не удалось прорвать вражескую оборону, он ввел в дело свои танковые резервы, что вело к значительным потерям в технике.

15 июля перешли в наступление войска Центрального фронта, которые не мудрствуя лукаво совершенно откровенно двигались единым целым, постепенно оттесняя немцев назад. Генерал Рокоссовский в данном случае не пытался наносить мощные удары, но у него хотя бы имелось оправдание — его войска в ходе Курской битвы тоже были изрядно потрепаны.

Видя, что из «расчленения и уничтожения» ничего не получается, Ставка вводит в бой стратегические резервы — 3-ю гвардейскую танковую и 4-ю танковую армии. Однако немцы тоже перебрасывают на Орловский «балкон» резервы. При этом, если наша Ставка отправляет туда целые армии, ОКХ вынуждено ограничиться дивизиями. В результате упорных боев к 18 августа немцев окончательно вытесняют с территории «балкона». Но главная задача операции — уничтожение немецких войск на этом участке фронта — остается нерешенной. Отбита значительная территория, 5 августа в ознаменование освобождения Орла в Москве произведен артиллерийский салют, кстати, совершенно справедливо, такие события следует отмечать, однако с уцелевшими немецкими дивизиями нашим войскам предстоит драться и драться, и каждый раз

это будет стоить жизни сотням и тысячам солдат. А ведь в это же время бывшие вояки 6-й армии Паулюса получили возможность заниматься мирным созидательным трудом в глубоком тылу. Если бы туда же отправилась и 9-я армия фельдмаршала Моделя, положение на фронте стало бы заметно лучше. Именно об этом писал в своих воспоминаниях К. Рокоссовский:

«Таким образом, замысел операции сводился к раздроблению вражеской группировки и уничтожению ее по частям. Но при этом не было учтено, что такие действия чрезмерно рассредоточивают наши силы. Мне кажется, что было бы проще и вернее нанести два основных мощных удара с севера и юга на Брянск под основание Орловского выступа. Но для этого надо было дать время, чтобы войска Западного и Центрального фронтов произвели соответствующую перегруппировку. В действительности же снова была проявлена излишняя поспешность, которая, по-моему, не вызывалась сложившейся обстановкой. В результате войска на решающих направлениях выступили без достаточной подготовки. Стремительного броска не получилось. Операция приняла затяжной характер. Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, лишь выталкивали его из Орловского выступа. А ведь, возможно, все сложилось бы иначе, если бы мы начали операцию несколько позже, сконцентрировав силы на направлении двух мощных, сходящихся у Брянска ударов».

В то же время мне хотелось бы поспорить с В. Бешановым, который утверждает, что бои за Орловский «балкон» могли стать для Красной Армии вторым Ржевом и Вязьмой. Прежде всего он выдвигает слишком много условий из категории «если бы да кабы». История не знает сослагательного наклонения, и каждое сражение разыгрывается в совершенно конкретной обстановке, несколько отличающейся от той, что можно увидеть на экране компьютера, скажем в игре «Панцер-генерал», где значки, обозначающие дивизии, никогда не устают, не знают страха и сомнений. Поэтому Орел, который обороняли дивизии, потрепанные и надломленные провалом «Цитадели», никак не мог стать вторым Ржевом. Летом 1943 года Ржев был невозможен по определению.

По такой же модели проходила и Белгородско-Харьковская наступательная операция. Предполагалось разгромить противостоящую группировку немецких войск и создать условия для продвижения к Днепру. Замысел операции состоял в том, чтобы ударами смежных крыльев войск Воронежского фронта генерала Ватутина, Степного фронта генерала Конева рассечь силы противника на две части, а группировку в районе Харькова окружить и уничтожить их во взаимодействии с 57-й армией Юго-Западного фронта. Эта задача облегчалась тем, что правый фланг армейской группы «Кемпф» был слишком растянут и ослаблен. Однако аргументы против попытки окружить всю белгородскую группировку, то есть 4-ю Танковую армию, довольно убедительно изложил генерал Штеменко в своих мемуарах. Вполне сложиться ситуации из пословицы о пойманном медведе.

К началу наступления танковые войска Воронежского фронта располагали 1-й и 5-й гвардейской танковыми армиями, 4 танковыми корпусами и 12 танковыми и самоходно-артиллерийскими полками. В Степной фронт входили 1 механизированный корпус, 3 отдельные танковые бригады и 8 танковых и самоходно-артиллерийских полков. 57-я армия имела 2 танковые бригады. В двух фронтах и 57-й армии насчитывалось около 2600 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Танковые войска предполагалось массированно вводить в сражение. Поэтому в армиях, наступавших на главных направлениях фронтов, на километр участка прорыва планировалось сосредоточить до 20 танков непосредственной поддержки пехоты, а общая оперативная плотность на направлении главного удара Воронежского фронта достигала 70 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Отдельные танковые бригады, танковые и самоходно-артиллерийские полки использовались для непосредственной поддержки пехоты и почти все придавались стрелковым дивизиям первого эшелона, действовавшим на направлениях главных ударов армий. В 57-й армии танковые бригады (109 машин) вошли в армейскую подвижную группу. Танковые армии и корпуса планировалось использовать как эшелон развития успеха Воронежского фронта и армий на направлениях главных ударов. Так что, как нетрудно заметить, массирование танковых сил именно «предпола-

галось», не более того. Если все танковые бригады рассыпаны по стрелковым дивизиям, о чем вообще можно говорить?

Танковые армии должны были совместно со стрелковыми дивизиями завершить прорыв обороны противника, в последующем быстро развить наступление. Все отдельные танковые и механизированные корпуса планировалось ввести в сражение в первый день наступления для завершения прорыва тактической зоны обороны противника и развития тактического успеха в оперативный, что также вызывает некоторое недоумение.

Наступление началось 3 августа. Как и планировалось, для завершения прорыва тактической обороны в бой были брошены две танковые армии. Генерал Катуков рассказывает:

«В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв. Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывала с воздуха эскадрилья «яков». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта».

Вам это ничего не напоминает? Правильно, роман братьев Стругацких «Обитаемый остров», война с проклятыми хонтийцами. «Внизу, рукой подать, оказался широкий проход между холмами, и по этому проходу, вливаясь с покрытой дымом равнины, сплошным потоком шли танки — низкие, приплюснутые, с огромными плоскими башнями и длинными пушками». Но когда сочиняют классики мировой фантастики, это одно, и совсем другое, когда фантазировать принимаются генералы.

«В это время отличился наш 31-й танковый корпус, находившийся во втором эшелоне армии. Вместе с 5-м гвардейским танковым корпусом, который был подчинен нам, 5 августа он окружил в районе Томаровки и почти полностью уничтожил 19-ю немецкую танковую дивизию.

Расскажу, как это произошло. До Богодухова оставались счи-

таные километры. Штаб 1-й танковой армии продвигался вслед за первым эшелоном. Почти без задержек катили мы по дороге, обсаженной деревьями. Справа — роща, за ней укрытая садами Томаровка. В воздухе нестихающий гул орудийной канонады. И вдруг кто-то из офицеров штаба, двигавшихся впереди, остановил свою машину, выскочил из нее и вскинул к глазам бинокль. Мы тоже остановились.

Что это? Из дальней Томаровки и примыкающей к ней рощи выходят танки и на больших скоростях идут наперерез. Судя по всему, они намерены выйти в тыл передовым частям армии и ударить во фланг нашему второму эшелону. В бинокль мы различаем кресты на броне.

Шалин передает приказание правофланговой бригаде 11-го гвардейского корпуса немедленно повернуть под углом девяносто градусов навстречу фашистским «Тиграм». 31-й танковый корпус, по бортам машин которого гитлеровцы каждую минуту могли обрушить огонь своих пушек, тоже изменил направление и пошел на сближение с фашистскими танками.

Так неожиданно возник довольно крупный танковый бой. И правофланговая бригада 11-го корпуса, и части 31-го корпуса, сближаясь с немецкими танками, стали зажимать их с двух сторон в клещи. А решил все удар с тыла 5-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко, наступавшего правее, за Томаровкой, по параллельному маршруту. Как только его боевые дозоры донесли, что разгорелся жестокий бой, Андрей Григорьевич Кравченко повернул свои бригады и стремительно вышел в тыл 19-й танковой дивизии врага».

Какие «Тигры»?! Самым мощными танками 19-й дивизии были 38 штук T-IV, имевшиеся перед началом Курской битвы. Сколько их уцелело к моменту советского контрнаступления — сказать сложно. Но к 1974 году, когда были изданы эти мемуары, состав всех немецких дивизий был давно и точно известен.

Манштейн, пытаясь спасти положение, спешно вернул назад отправленный было в Донбасс II танковый корпус СС и нанес контрудар в районе Богодухова. В результате части 1-й танковой

армии генерала Катукова были вынуждены несколько отойти, оставив рубеж Высокополье — Ковяги.

12 августа в районе Богодухова развернулось встречное танковое сражение. К этому моменту у Катукова осталось всего 134 танка, однако он сумел удержать фронт, хотя в этом ему сильно помогли 5-я гвардейская танковая армия и 32-й гвардейский стрелковый корпус. На следующий день вступили в сражение части 5-й и 6-й гвардейских армий, то есть снова огрехи советских панцер-генералов замывала своей кровью пехота. Немцы были остановлены. Итогом Белгородско-Харьковской операции тоже стало оттеснение немецких войск на некоторое расстояние.

Наверное, именно такое развитие событий окончательно отвратило Сталина от мысли использовать танковые войска так, как их использовали в начале войны немцы. Вермахт уже не мог одерживать победы, однако он упрямо отказывался ломаться. Красная Армия теперь уверенно удерживала стратегическую инициативу, и немцы могли лишь отбиваться, что получалось у них с каждым месяцем все хуже и хуже. Однако все советские наступательные операции 1943 года упорно сводились к одному и тому же: занятию более или менее обширной территории и перемалыванию с помощью артиллерийской мясорубки немецких дивизий, оказавшихся в полосе наступлений. Мечта о втором Сталинграде так и оставалась недостижимой мечтой.

Лишь в начале зимы на Правобережной Украине была предпринята попытка настоящего блицкрига именно так, как его исполняли немцы. Мы говорим, разумеется, о Корсунь-Шевченковской операции. Подробнее о ней было рассказано в книге «Молниеносная война», и здесь мы укажем лишь на одно принципиальное ее отличие от Сталинградской операции. Наконец-то к нанесению решительных ударов были привлечены танковые армии, которые уже не были обязаны поддерживать действия пехоты. Однако операция не завершилась безусловным успехом, части немецких войск удалось выскочить из образовавшегося котла, и слабым утешением в данном случае может служить гибель командира XI корпуса генерала Штеммермана, командовавшего войсками в котле.

В марте 1944 года снова мелькнул призрак второго Сталинграда и снова рассеялся. В районе Каменец-Подольского появилась возможность окружить около двух десятков немецких дивизий. Однако фронты окружения были слабыми, и немцам удалось вырваться из котла, хотя и не без потерь.

После этого летом 1944 года состоялась знаменитая операция «Багратион». Именно в ней нашему командованию, похоже, удалось нащупать золотую середину между желаниями и возможностями. Фронт Группы армий «Центр» был рассечен на несколько кусков, получившиеся относительно небольшие группировки немецких войск были зажаты в небольших котлах и достаточно быстро уничтожены.

Закономерным финалом этого процесса стала Ясско-Кишиневская операция, проведенная в августе 1944 года. Вот это уже был настоящий блицкриг — стремительная операция на окружение и уничтожение группировки противника, вот это был настоящий второй Сталинград. Жаль только, что именно в тот момент, когда наши генералы окончательно освоили законы танковой войны, они совершенно сознательно ограничили себя в их применении. Хотя, наверное, и для этого существовали свои причины. Вермахт уже был не в том состоянии, чтобы оказывать серьезное сопротивление, тем более на всем протяжении Восточного фронта. Поэтому имелись основания перейти от тактики блицкрига к тактике стального катка. После прорыва вражеской обороны танковые армии стремительно двигались вперед, уничтожая все на своем пути. Это несколько напоминало операции 1943 года, но различие было очень существенным — танкистам больше не приказывали равняться по пехоте. И блестящим примером этого стального катка стала Висло-Одерская операция 1945 года.

Разумеется, все это время шли изменения структуры танковых частей и соединений, однако в Советском Союзе и Германии они шли в прямо противоположных направлениях. Вообще, 1944 год стал знаковым и переломным и для Панцерваффе, и для танковых войск Красной Армии. Панцерваффе окончательно превратились в оборонительное оружие, и изменения эти отразились и на структуре производства. В 1944 году Германия произвела максималь-

ное количество техники и вооружений, однако именно в этом году производство самоходных орудий чуть не в полтора раза превысило производство танков, причем чем дальше, тем все больший процент приходился на всевозможные «Панцеръягеры» и «Ягдпанцеры», то есть противотанковые самоходки. Ну и, как мы говорили, в структуре танковых дивизий как-то незаметно, сами собой, возникают батальоны САУ. Про панцер-гренадерские дивизии даже не идет речь, там самоходки прописались давно и прочно. Таким образом, противотанково-оборонительный крен в Панцерваффе начинает быстро нарастать, что грозит опрокидыванием и гибелью танковых войск, как системы вооружения.

Характерным признаком развала становится новая графа потерь в ведомостях дивизий: «Оставлены и взорваны ввиду приближения противника и нехватки топлива». Тыл Панцерваффе понемногу рассыпается вместе с фронтовыми частями. Вспомните, часто ли Гудериан жаловался на нехватку топлива даже во время своих стремительных прорывов в тыл противника? Время от времени, конечно, мелькали какие-то намеки, но при этом танков на полдороге он не бросал.

И уж от полного отчаяния и безвыходности немецкие генералы изобретают новый тактический прием — «плавающий котел». Идея заключалась в том, что окруженные войска не только удерживали оборонительный периметр, но и пытались понемногу передвигать его на запад. Слишком часто попытки прорыва на узком участке длинной колонной завершались расстрелом этой самой колонны перекрестным огнем. Вот и пришлось выдумывать что-то новое. Как пишут историки, «плавающий котел» был, вероятно, самым фантастическим изобретением немецких генералов в области тактики, которое они сделали в годы войны. Если говорить метафорически, то летом 1944 года Панцерваффе окончательно перевернулись вверх ногами.

Но не стояла на месте и Красная Армия. Постоянно совершенствовалась организация соединений и частей танковых войск. С учетом опыта проведенных операций началось формирование танковых армий однородного состава. Армия, как правило, имела два танковых и механизированный корпуса, части обеспечения и обслуживания. К началу Курской битвы Красная Армия имела пять танковых армий, а немного позднее появилась и шестая.

Помните, мы рассуждали о магической цифре «шесть», как совершенно необходимом числе танковых армий на Восточном фронте?

В танковые и механизированные корпуса были дополнительно включены минометный, самоходно-артиллерийский и зенитно-артиллерийский полки. Кроме того, танковый корпус получил истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, батальон связи, две подвижные ремонтные базы и медико-санитарный взвод, а механизированный корпус — истребительно-противотанковый артиллерийский полк и медико-санитарный батальон. Это было не слишком заметно, но очень важно, так как структура танковых частей становилась все более гибкой и разносторонней, что обеспечивало решение все более сложных и разнообразных задач. То есть летом 1944 года танковые войска Красной Армии приобрели окончательную совершенную форму.

Глава 11

СКАЗКА О ТОМ, КАК ДОБЛЕСТНЫЙ ПАТТОН ЗЛОГО МАНТЕЙФЕЛЯ ПОБЕДИЛ

Наверное, это окажется самая короткая глава, потому что в ней речь пойдет о предмете, столь же несуществующем, как и квадратура круга. Мы говорим о действиях крупных бронетанковых соединений западных союзников. Если же начать разбираться досконально, то выяснится, что под это определение попадают бои, которые вели, причем **всегда** неудачно, британские танковые бригады и дивизии. С американскими танковыми соединениями дело обстоит гораздо сложнее. Сами же американцы признают, что из более чем 120 танковых боев лишь около десяти были проведены соединениями крупнее роты. При этом они скромно умалчивают, сколько же боев было проведено соединениями крупнее батальона. Поэтому мы ограничимся описанием всего лишь двух операций, в которых участвовали британские и американские танки. Первая из них — попытка штурма города Кан, в которой Монтгомери в очередной раз доказал, что ничего более сложного, чем тупой лобовой удар по вражеской обороне, в его голове не помещается. Американцы же после скандала в проходе Кассерин на-

шли повод погордиться боями в Лотарингии, происходившими в сентябре 1944 года.

Мы рассмотрим их в хронологическом порядке. Как мы помним, в июне 1944 года союзники высадились в Нормандии. Одной из первых задач, поставленных фельдмаршалом Монтгомери перед британской 2-й армией, был захват города Кан, расположенного примерно в 15 километрах от побережья. Кан был важной транспортной развязкой, а потому его захват имел большое значение для последующего развития операции. Однако по ряду причин 3-я пехотная дивизия, которая должна была сделать это, добралась только до окраины города, где и застряла, причем всерьез и надолго. Дальнейшие попытки штурмовать Кан были совершенно безуспешными. Хуже того, пытаясь нанести удар во фланг немецкой Учебной танковой дивизии, британская 7-я танковая дивизия вошла в городок Виллер-Бокаж, что завершилось истреблением ее авангарда «Тигром» Михаэля Виттмана. Несмотря на все усилия англичан, единственное, чего им удалось добиться, — занять северную часть города Кан.

Захватить этот пункт было совершенно необходимо, и Монтгомери подготовил крупнейшую танковую атаку союзников за все время боев в Западной Европе. Удар предполагалось нанести 18 июля силами VIII корпуса, состоявшего из 3 танковых дивизий на участке чуть западнее Кана. В них насчитывалось в общей сложности 759 танков, но танковым дивизиям были указаны **расходящиеся** направления атаки. Поддерживать их должны были 2 пехотные дивизии канадского II корпуса, которые почему-то получили приказ наступать только на следующий день, причем прямо на сам город. План атаки выглядит странным, однако он был совершенно типичным для англичан, упрямо отстаивавших раздельные действия танков и пехоты. Самое смешное, в британских танковых частях все еще действовали наставления 1939 года. Отсюда следует неутешительный для англичан вывод — за 5 лет войны они так и не сумели понять принципов использования танков и добрались лишь до той отметки, на которой Красная Армия находилась в июне 1941 года.

На направлении главного удара находилась немецкая 16-я авиаполевая дивизия, боеспособность которой не следует переоценивать. На этот счет не заблуждались даже сами немцы, достаточ-

но почитать воспоминания майора фон Люка, почти случайно оказавшегося на месте событий. Но союзники даже не подозревали (разведка сработала как всегда), что за линией фронта на участке атаки находятся 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт», 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» и основные силы 21-й танковой дивизии. Впрочем, по количеству танков ни одна из них не могла соперничать с английскими. Однако у немцев имелись другие козыри, о которых часто забывают историки. Дело в том, что эти соединения не числились в составе сухопутных сил, и их чаще всего даже не показывают на карте. Однако в районе Кана был развернут III зенитный корпус в составе 3 зенитно-штурмовых полков. Он имел почти 100 тяжелых зенитных орудий (88-мм и 105-мм), что могло стать серьезной преградой на пути любого танкового соединения. Эти орудия находились вне зоны досягаемости британской артиллерии и могли стрелять по танкам совершенно спокойно. Вдобавок на направлении атаки находился 200-й батальон истребителей танков, вооруженный 88-мм орудиями Pak 43. То есть из-за беспомощности разведки генерал Дэмпси двинул танки туда, где их ждала верная гибель.

Впрочем, у англичан имелись не менее сильные карты, нужно было лишь правильно их разыграть. Наступление началось мощнейшим авиационным ударом. В 05.26 появились 1056 «Ланкастеров» и «Галифаксов» Бомбардировочного командования Королевских ВВС, которые сбросили 4800 тонн фугасных бомб на немецкие позиции. Совершенно случайно кроме 16-й авиаполевой они накрыли расположение 21-й танковой дивизии. В 06.40 открыла огонь артиллерия британской 2-й армии, а через 20 минут прилетели 318 бомбардировщиков В-26 «Мэродер» американской 9-й Воздушной армии, которые сбросили еще 563 тонны бомб на все ту же 16-ю авиаполевую дивизию. Последний удар нанесли 570 бомбардировщиков И-24 «Либерейтор» 8-й Воздушной армии, вывалившие еще 1340 тонн бомб на головы немцев. Мы столь детально перечисляем все это, потому что эти налеты были совершенно беспрецедентными по мощности. Деревни на предполагаемом пути наступления танков превратились в самом буквальном смысле в груды битого кирпича.

В 07.45 английские танки двинулись вперед, но сразу же выяснилось, что, несмотря на долгую и тщательную разработку, план

операции составлен из рук вон плохо. Перед выходом на рубеж атаки танковым дивизиям предстояло пересечь две водные преграды и минное поле! Река Орн и канал Кан шли параллельно британским позициям, и для переправы более чем 8000 единиц техники (танки, артиллерия, бронетранспортеры мотопехоты, саперов и тыловых служб) имелось всего 6 маленьких мостиков. В результате образовались совершенно непроходимые заторы. И тогда командующий армией генерал Демпси принял роковое решение. Он приказал командиру VIII корпуса генералу О'Коннору двинуть вперед танки, **одни только** танки. Артиллерия, пехота и саперы оставались позади. Как мы видим, кровавый опыт войны совершенно ничему не научил британских генералов. Или в их памяти уже изгладились страшные побоища, которые устраивал в Африке их танковым бригадам Роммель? А ведь и сейчас немецкими войсками в Нормандии командовал именно он. Кстати, следует отметить, что, в отличие от Гудериана или Манштейна, Демпси и О'Коннор предпочитали командовать из безопасных тыловых блиндажей и обстановку на месте событий представляли довольно смутно.

Пройдя по мостам, танки вышли к минному полю, которое недавно поставила 51-я шотландская дивизия. Расчищенные проходы были слишком узкими, что создало дополнительные проблемы. Но все-таки сверхсильная бомбардировка сказалась, и сначала британские войска продвигались без особых помех. Но потом план начал давать сбои. 7-я танковая дивизия застряла на переправах до сумерек, а гвардейская танковая дивизия вообще не дошла до поля боя, попав под сильный фланговый обстрел. В результате 11-й танковой дивизии пришлось вести бой в одиночку. А тут еще генерал О'Коннор разрешил ее батальонам действовать самостоятельно.

Но около 10.00 танки вышли к расположению одного из зенитных полков, и началось... Неся потери, англичане прошли мимо немецких зениток, с большим трудом перевалили через железнодорожную насыпь и двинулись дальше вверх по склону гряды холмов. Все описанные выше события привели к тому, что вместо соединенного удара 3 дивизий наступление продолжали 2 батальона, остальные никак не могли выпутаться из серии естественных препятствий далеко позади. Командующий танковой группой «За-

пад» генерал Эбербах приказал командиру I танкового корпуса СС обергруппенфюреру Дитриху нанести удар по прорвавшимся англичанам с севера, одновременно с востока должна была атаковать 21-я танковая дивизия. Эбербах не собирался парировать прорыв англичан, он намеревался окружить и уничтожить прорвавшуюся группу.

Итак, немцы подтянули мобильные резервы и нанесли удар с обоих флангов. Примерно в 15.30 англичане, которые понесли тяжелые потери, начали откатываться назад. Английские дивизии развалились на бригады, которые рассыпались на батальоны, а с теми немцы справлялись, хотя не без труда. Однако теперь в бою участвовали «Тигры» и «Пантеры», с которыми «Шерманы» и «Кромвели» сражаться не могли. Кстати, интересно отметить, что в составе 21-й танковой дивизии и 200-го батальона штурмовых орудий с немецкой стороны активно действовали противотанковые пушки Pak 40 на шасси французского танка H39 — 7,5 cm PaK40(Sf) auf Geschutzwagen 39H(f). Но у страха глаза велики, и, по мнению англичан, они сражались только и исключительно с «Тиграми». Действительно, кто еще мог всего за один день уничтожить половину танков 11-й дивизии?

На следующий день англичане попытались продолжить атаку. Они сумели вытащить свои танки из ловушки, в которую сами же их загнали, но артиллерия и пехота все еще болтались позади. Да и танковые дивизии сумели возобновить наступление только во второй половине дня. Но самое большее, что удалось англичанам, — это вернуть утерянную накануне территорию. Бои 20 июля уже носили чисто символический характер.

В общем, усилия были приложены колоссальные, а результаты оказались не слишком впечатляющими. Маршал авиации Теддер, организовавший поддержку с воздуха, ядовито заявил, что если тратить по 1000 тонн бомб на каждую милю, то, чтобы добраться до Берлина, потребуется 600 000 тонн бомб.

Операция «Гудвуд» наглядно показала, что британские генералы так и не поняли сути современной танковой войны. Наступлением непосредственно командовали генералы О'Коннор и Демпси, план операции утвердил Монтгомери. Общими усилиями они скрупулезно повторили все ошибки, допущенные в катастрофическом сражении у Газалы. Помните, безуспешные попытки ликви-

дировать пресловутый «котел» в бою у Газалы 2 года назад? Атака без должной разведки? Повторили. Отсутствие артиллерийской поддержки? Повторили. Разрозненные выпады вместо одной массированной атаки? Повторили. Использование танков без поддержки пехоты? Повторили. Ну, результат почти повторили, все-таки кое-чего добиться удалось. Но английские танкисты не слишком любят вспоминать эту операцию, так как за продвижение на 6 миль они заплатили еще и 500 танками, в то время как потери немцев не превысили 100 танков и штурмовых орудий. И все это при колоссальном превосходстве в силах.

Несколько иначе обстояли дела у американцев. Мы рассмотрим бои, которые происходили в Лотарингии осенью 1944 года. Дело в том, что они входят в те самые заветные 10 процентов относительно крупных танковых боев, в которых участвовали американские танки. Кстати, а вы обратили внимание, что описанные чуть выше бои в проходе Кассерин, которые американцы считают своим крупным поражением, велись силами не более танкового полка? Вообще, если англичане хотя бы дважды конструировали нечто похожее на танковый корпус (это VIII корпус под Каном и XXX корпус при Эль-Аламейне), то у американцев никогда ничего подобного не возникало. Но, с другой стороны, все относительно.

Американцы очень гордятся Великим танковым сражением у Арракура. Но попробуем разобраться более детально, что происходило в Лотарингии в начале сентября 1944 года? В результате наступления американская 3-я армия с ходу форсировала реку Мозель, заняла город Нанси и постепенно расширила плацдарм, захватив Пон-э-Муссон, Люневиль и Эпиналь. Это вклинение угрожало разъединить немецкие 1-ю и 19-ю армии. Немецкое командование решило ликвидировать этот выступ, но найти для этого силы оказалось большой проблемой.

Давайте посмотрим на состав 3-й армии генерала Паттона, которая участвовала в этих боях. Она состояла из трех корпусов: XX (2 пехотные, 1 танковая дивизии), XII (2 танковые, 2 пехотные дивизии), XV корпус (1 танковая, 1 пехотная дивизия). То есть, по меркам германской армии 1944 года, любой из ее корпусов мог считаться если не танковым, то механизированным навер-

няка. Ну а если учесть количество техники, имевшейся в любой из американских дивизий, становится очевидным, что американская армия имела решающее превосходство в мобильности над немцами. Каждая из ее пехотных дивизий вполне могла именоваться моторизованной, но, наверное, американцы считали это само собой разумеющимся и не добавляли такое определение.

Во всяком случае, 5-я танковая армия генерала Хассо фон Мантейфеля выглядела гораздо более бледно. В ее составе числились XLVII танковый корпус (1 танковая дивизия, 3 танковые бригады), LXVI корпус (1 пехотная дивизия, разрозненные танковые и механизированные подразделения), LXIV корпус (2 пехотные дивизии), LXXXV корпус (1 танковая дивизия), IV авиаполевой корпус (3 пехотные дивизии). А теперь попробуйте прикинуть процент танковых соединений в якобы общевойсковой американской армии и немецкой танковой.

Наверное, вы обратили внимание на появление новых частей в составе немецкой армии — танковых бригад. Как ни странно, в данном случае следует говорить о влиянии советской школы на организацию германских танковых войск. Да-да, после пяти лет войны немцы начали перенимать наш опыт. 24 июня 1944 года началась операция «Багратион». Уже 2 июля, изучив опыт первых боев, Гитлер пришел к выводу, что небольшие мобильные боевые группы могут принести большую пользу в такой ситуации. Такую боевую группу можно быстро бросить навстречу наступающим вражеским танкам, так как они гораздо более мобильные, чем крупные танковые дивизии. 11 июля был подписан приказ о формировании 10 таких боевых групп, названных бригадами. Каждая из них состояла из одного танкового и одного панцер-гренадерского батальонов. Затем были сформированы еще 3 танковые бригады усиленного состава — 2 танковых и 1 панцер-гренадерский батальоны, именно к этому второму поколению и относились 111-я и 113-я бригады, которые участвовали в описываемом сражении. В то же время эти бригады сохранили органические недостатки, во многом присущие советским танковым бригадам. В них отсутствовали разведывательные и артиллерийские подразделения части обслуживания. В результате Гитлер ухитрился взять то плохое, что было в советских танковых бригадах, добавил к это-

му новые недостатки, и получилась практически бесполезная немецкая танковая бригада.

Немецкое наступление было назначено на 18 сентября, хотя к этому времени вряд ли удалось бы собрать все силы. Рундштедт попытался добиться, чтобы новые танки передавали ему для пополнения поредевших дивизий, Ставка Гитлера охотно это пообещала и, разумеется, не выполнила обещание. Мантейфель попытался было напомнить, что его 5-я танковая армия слишком слаба, но ему, в свою очередь, напомнили, что план операции утвержден Гитлером. И еще генералу напомнили, что случается с теми, кто заподозрен в нехватке боевого духа. После этого у Мантейфеля не оставалось выбора, кроме как начать наступление в намеченный срок.

Целью немцев были позиции американцев на восточном берегу реки Мозель. Сначала предполагалось сбросить XII корпус в реку возле Люневиля, потом ликвидировать плацдарм в Пон-э-Муссон. LVIII танковый корпус должен был атаковать американскую 4-ю танковую дивизию совместно со 113-й танковой бригадой и 15-й панцер-гренадерской дивизией. XLVII корпус наносил удар в направлении Люневиля силами 111-й танковой бригады и остатков 21-й танковой дивизии и 112-й танковой бригады.

Наступление началось с мелкой путаницы. Почему-то командир XLVII танкового корпуса генерал фон Люттвиц считал, что Люневиль занят немцами, поэтому 111-я танковая бригада отправилась туда в походной колонне. На самом деле в городе находились подразделения 15-й панцер-гренадерской дивизии, но вокруг города расположились американские разведывательные группы. Поэтому совершенно неожиданно для себя «Пантеры» натолкнулись на линию американских аванпостов, развернутых на окраинах. Остановить немцев они не сумели, но задержали достаточно долго, чтобы разведка смогла отойти.

Тут же на сцене появились части американских 4-й и 6-й танковых дивизий. Завязался самый странный и неприятный для обоих противников бой — танковый бой на улицах города. В результате 111-я танковая бригада покинула Люневиль.

Люттвиц начал опасаться за свой левый фланг, который находился под угрозой вследствие продолжающегося наступления американского XV корпуса. Мантейфелю пришлось в очередной раз

пересматривать план наступления. Люттвиц получил приказ занять оборону, а 111-ю танковую бригаду передали LVIII корпусу, который теперь и должен был наносить главный удар в направлении Арракура силами двух бригад, там и разыгрались основные события. Мантейфель находился в сложном положении. Берлин продолжал упрямо требовать наступления, а он совершенно не представлял ситуацию. Однако, положившись на опыт Восточного фронта, генерал решил наступать без предварительной разведки.

А что делали американцы? Паттон тоже не догадывался, что немцы готовят наступление. Атака Люневиля была настолько слабой и неорганизованной, что Паттон не придал ей никакого значения, приняв за очередные бои местного значения. Он приказал 4-й танковой дивизии продолжать наступление. В результате состоялся встречный бой 113-й танковой бригады и боевого командования «А» 4-й танковой дивизии. 111-я бригада ночью во время марша просто заблудилась. Разве можно было представить себе что-либо подобное в годы расцвета Панцерваффе?

На рассвете 19 сентября состоялся очередной хаотичный и беспорядочный бой. «Пантеры» 113-й бригады натолкнулись на американские танки и попали под обстрел с расстояния всего 75 ярдов. На такой дистанции, как легко догадаться, даже пушка «Шермана» пробивала крупповскую броню. Американские танки отошли к Арракуру, одновременно туда подтянулся взвод истребителей танков М-18.

Бой становился все более ожесточенным, к полудню немцы потеряли еще 19 танков. Подполковник Абрамс, человек и будущий танк, командовавший американскими войсками в этом районе, начал собирать свои разбросанные танковые роты, стягивая их к Арракуру. Танковый бой продолжался до вечера и принес новые потери обеим сторонам. Немцы оказались неспособны нанести один, но мощный удар. Американцы оказались неспособны сосредоточить силы и уничтожить слабый немецкий отряд.

Вечером в Арракур примчался Паттон и встретился с командиром 4-й дивизии генералом Вудом. Вуд с гордостью заявил, что его танкисты уничтожили 43 новенькие «Пантеры», прибывшие прямо с завода, ценой потери 4 «Шерманов» и 3 «Хеллкэтов». Паттон сделал естественный вывод, что у немцев больше не оста-

лось крупных сил, и приказал дивизии на следующий день возобновить наступление.

Для немцев эти бои завершились совершенно неудовлетворительно, и командующий Группой армий «Г» генерал Бласковиц пришел в бешенство. Он приказал Мантейфелю на следующий день продолжить наступление, не считаясь с потерями. В результате 20 сентября комедия взаимных ошибок продолжилась. Рано утром боевое командование «А» выступило из Арракура на северо-восток, оставив в городе одну танковую роту, чтобы прикрыть дивизионные тылы.

Совершенно неожиданно Абрамс получил радиограмму из Арракура. Город снова был атакован! На этот раз Арракур штурмовала опоздавшая 111-я бригада. Абрамс спешно повернул назад на выручку, но теперь уже американцы налетели на засаду! Рота танков T-IV встретила его огнем, в считаные секунды подбив около десятка танков. Тем временем Бласковиц все больше разочаровывался в Мантейфеле. В дневнике Группы армий «Г» появилась запись о том, что 5-я танковая армия перешла к оборонительным действиям. Действительно, 20 сентября 113-я бригада в боях не участвовала, а 111-я ввела в действие только две роты. Сражение двух армий превращалось в какое-то цирковое представление.

Мантейфель воспользовался тем, что американские танки в конце концов потеснили его пехоту назад, и потребовал разрешения на общее отступление LVIII корпуса. Осатаневший Бласковиц снова приказал наступать. Но все это было тихой заводью по сравнению с ураганом, разразившимся в рейхсканцелярии, когда Гитлер узнал, что танковые бригады, на которые он возлагал большие надежды, так оскандалились. Первым полетел со своего поста почти невиноватый Бласковиц, которого заменил генерал Балк. Он сразу изменил планы операции, решив вести наступление на Арракур с севера, хотя до сих пор атаки велись на южную сторону фаса.

22 сентября немецкая атака началась с опозданием, так как пехотный батальон, выделенный для поддержки танков 111-й бригады, задержался в дороге. Но, с учетом всего, что происходило раньше, лично меня это совершенно не удивляет. Северный фланг занимали подразделения 25-го кавалерийского эскадрона. Под прикрытием тумана немецкие колонны подобрались вплот-

ную к американским позициям. Сначала немцы быстро уничтожили несколько легких танков M5A1, но потом натолкнулись на 704-й батальон истребителей танков, которые, в свою очередь, подбили несколько немецких танков.

В тылу у американцев творился такой же бардак. Абрамс спешно перебросил на северный фас роту танков своего 37-го батальона. С помощью наконец-то появившейся авиации американцы сумели остановить противника. В бою погиб командир 111-й бригады полковник фон Бронзарт-Шеллендорф. Отчаявшийся Мантейфель бросил в бой свой последний резерв — остатки 113-й бригады, но это не дало никакого результата. К вечеру 22 сентября в 111-й бригаде осталось всего 7 танков и 80 человек из первоначальных 90 танков и 2500 человек. Кстати, на следующий день погиб и командир 113-й бригады полковник фон Зекендорф.

Тем временем разгорелись бои на других участках Западного фронта. Англичане провели блестяще провалившуюся воздушно-десантную операцию «Маркет Гарден», американская 1-я армия начала наступление в Бельгии. Немецкое командование перестало обращать внимание на относительно малозначащие бои в Лотарингии. Уничтожение 111-й и 113-й танковых бригад привело к завершению немецкого наступления в Лотарингии, а вдобавок поставило точку в недолгой истории немецких танковых бригад. В октябре 1944 года их начали распускать, возвращая личный состав и технику танковым дивизиям.

Конечно, бои продолжались, но теперь они действительно превратились в стычки местного значения. Нельзя же всерьез воспринимать сообщение о том, что 5-я танковая армия провела атаку силами 30 танков с целью захвата 2 холмов?! В период с 24 по 29 сентября в районе Арракура продолжались такие же беспорядочные стычки мелких отрядов. 29 сентября Мантейфель нанес последний удар, собрав 18 T-IV, 20 T-V и целых 11 «флакпанцеров». Вообще-то интересное применение самоходных зенитных установок — участвовать в танковой атаке. После того как он был отбит, части 5-й танковой армии начали общее наступление.

Так завершилась Великая танковая битва у Арракура, в которой доблестный Паттон злого Мантейфеля победил. Кстати, американских историков не смущает тот факт, что Паттон появился в

Арракуре всего один раз на пару часов: если уж человека объявили героем, все подвиги до последнего записываются на его счет. А если записывать нечего, то нужно придумать. Вот так и появляются подобные сказки.

В сумме за неделю боев немцы потеряли 86 танков из 262, которые имели. Потери американской 4-й танковой дивизии, которая защищала Арракур, составили 48 танков. Таким был масштаб сражений, в которых участвовала американская армия. Формально это был бой танковых дивизий и бригад, фактически — стычки отдельных батальонов. А кроме всего прочего, эти бои показали, что Панцерваффе, как реальная боевая сила, перестали существовать. Причем речь идет не о сокращении численности, а о том, что командиры всех рангов, да и солдаты растеряли боевые навыки и утратили победный инстинкт, что было самым главным. Но, как мы помним, произошло это не в Нормандии и Лотарингии, а гораздо раньше — под Сталинградом и Курском.

Глава 12

ПРОСТО И ЭФФЕКТИВНО

При анализе операций Красной Армии в 1945 году меня не оставляет двойственное чувство. С одной стороны, все они отличаются несомненной энергией и размахом, проведены в хорошем темпе и принесли решительные результаты. Ведь все наступления завершались разгромом противостоявших нашим войскам фашистских группировок. С другой стороны, для них характерны откровенная прямолинейность и превалирование политических целей над чисто военными, сосредоточение чрезмерных сил, не соответствующих поставленным задачам. Мы не будем рассматривать все операции без исключения, а ограничимся только тремя: Висло-Одерской, Берлинской и Пражской, потому что именно в них наиболее ярко проявилась роль танковых войск как главной ударной силы армии. Наверное, именно под влиянием событий 1945 года сформировалась советская военная доктрина со всеми ее плюсами и минусами.

Какова же была ситуация на советско-германском фронте к началу 1945 года? Если говорить честно, то все прекрасно пони-

мали, что Германия войну проиграла. Более того, она уже не была способна оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление. Все происходившее объясняется предельно просто: огромными масштабами Восточного фронта. Когда разбитая армия насчитывает несколько миллионов человек, но при этом упрямо отказывается сложить оружие, ее ликвидация потребует много сил и, что самое печальное, жертв.

К этому времени Панцерваффе давно превратились из ударной силы Вермахта в пожарную команду, которой пытались затыкать разрывы фронта. Но и эта роль давалась немецким танкистам с большим трудом. Численность танков в дивизиях к январю 1945 года сократилась примерно до 60—70 машин, то есть заметно ослабленного полка, и продолжала уверенно сыпаться вниз. К марту уже не редкостью были дивизии, в которых числилось по 40—50 танков. Все это следует иметь в виду, когда читаешь сочинения историков, любящих сыпать номерами.

Советские же танковые войска к этому времени находились на пике своей силы. Численность танковых корпусов была доведена практически до штатной, хотя их организация вызывала некоторые вопросы. В них по-прежнему не хватало мотопехоты, слабы были тыловые соединения. Опасения вызывало появление так называемых «танковых полков прорыва». Возникали опасения, что советское командование вознамерилось повторить плачевный опыт немецкого антиблицкрига под Курском. Но сначала все обстояло если не прекрасно, то очень хорошо. В ходе Висло-Одерской операции советские танковые войска показали себя с наилучшей стороны.

Стратегическая ситуация перед началом Висло-Одерской операции была кристально прозрачной. Красная Армия имела три плацдарма за Вислой, с них и следовало ожидать ударов. Во всяком случае, известный немецкий историк и бывший генерал Типпельскирх пишет о том, что немецкое командование предвидело это, но просто не имело достаточно сил для парирования этих ударов. Не знаю, не знаю... Если вспомнить Сталинградскую битву, там тоже места нанесения решающих ударов и перспектива окружения 6-й армии были совершенно очевидны. Но почему-то ни-

кого из немецких генералов озарение не посетило. А вот насчет «недостаточно» Типпельскирх совершенно прав. Хотя и здесь он не может удержаться от того, чтобы не рассказать басню о «десятикратном» превосходстве Красной Армии в живой силе. Судя по всему, у генерала имели место определенные нелады с арифметикой — обычная болезнь битых полководцев. Если наши генералы в 1941 году насчитали у немцев «втрое больше танков», то сейчас наступил черед немецких заниматься умножением и делением. Численность немецких войск Типпельскирху была прекрасно известна, и если поверить его вычислениям, то получится, что против несчастной Группы армий «А» было собрано вообще все, что имела Красная Армия на Восточном фронте. Между Типпельскирхом и генералом фон Бутларом даже разгорелся жаркий научный спор: а в 10 или все-таки в 11 раз превосходила наша армия **ихнюю**?

В танках вот семикратное превосходство мы имели, что было, то было. Но кто же в этом виноват? Кто мешал немцам свою промышленность раскрутить на полные обороты? Я уже не раз писал, что подобные оправдания — это попросту жалкие увертки. В этом и заключается искусство полководца, чтобы в решающий момент в решающем месте сосредоточить превосходящие силы. А если государство и промышленность могут дать ему эти превосходящие силы, сей факт говорит лишь о преимуществах данного государства и о том, что не следует пытаться воевать с ним.

Впрочем, не все чисто и с нашей историей. Чего стоит одно только утверждение СВЭ о 500-километровой глубине оборонительных сооружений немцев между Вислой и Одером. Сразу становится понятным, почему у них танков не хватало: вся Германия денно и нощно рыла окопы и траншеи. Правда, если верить карте, помещенной в том же втором томе СВЭ, при всем старании между Вислой и Одером никак не получается намерять больше 350 километров расстояния. Может, наши генералы Генштаба мерили расстояние от низовьев Одера до верховьев Вислы? Тогда может получиться даже побольше.

И еще один большой и больной вопрос. У нас прочно укоренилось мнение о том, что наступлением на Висле и Одере Красная Армия спасла разгромленных в Арденнах союзников. В доказательство того наши историки обожают цитировать полстроки од-

ного из посланий Черчилля Сталину. Впрочем, даже из той половины строки, которая будет выделена жирным шрифтом, решительно ничего не видно. Мы приведем всю переписку за указанный период, а читатель пусть сам решает, что было и чего не было.

ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ Г-НА ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ

1. На Ваше личное и секретное послание от 3 января 1945 года.

Благодарю Вас за присланные Вами два послания на имя Президента по польскому вопросу. Конечно, я и мои коллеги по Военному кабинету огорчены тем оборотом, который принимают события. Я вполне понимаю, что самое лучшее — это встретиться нам троим вместе и обсудить все эти дела не только как изолированные проблемы, но в связи с общей международной обстановкой как в отношении войны, так и перехода к миру. Тем временем наша позиция, как она Вам известна, остается неизменной.

2. Я жду этой важнейшей встречи, и я доволен, что Президент Соединенных Штатов готов предпринять это далекое путешествие. Мы договорились, если Вы согласитесь, о том, чтобы в качестве кода было выбрано слово «Аргонавт», причем я надеюсь, что Ваша сторона будет пользоваться этим кодовым обозначением в любых сообщениях, которыми будут обмениваться должностные лица, занимающиеся разработкой подготовительных мероприятий.

3. Я только что вернулся, посетив по отдельности штаб генерала Эйзенхауэра и штаб фельдмаршала Монтгомери. Битва в Бельгии носит весьма тяжелый характер, но считают, что мы являемся хозяевами положения. Отвлекающее наступление, которое немцы предпринимают в Эльзасе, также причиняет трудности в отношениях с французами и имеет тенденцию сковать американские силы. Я по-прежнему остаюсь при том мнении, что численность и вооружение союзных армий, включая военно-воздушные силы, заставят фон Рундштедта пожалеть о своей смелой и хорошо организованной попытке расколоть наш фронт и по возможности захватить порт Антверпен, имеющий теперь жизненно важное значение.

4. Я отвечаю взаимностью на Ваши сердечные пожелания к

Новому году. Пусть он сократит страдания великих народов, которым мы служим, и принесет прочный мир, обеспеченный нашей совместной гарантией.

5 января 1945 года.

ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ОТ Г-НА ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ

На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, **я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января** и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

6 января 1945 года.

ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И.В. СТАЛИНА
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ Г-НУ У. ЧЕРЧИЛЛЮ

Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер еще не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев

в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам.

7 января 1945 года.

ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ОТ Г-НА ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ

1. Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!

2. Битва на Западе идет не так уж плохо. Весьма возможно, что гунны будут вытеснены из своего выступа с очень тяжелыми потерями. Это битва, которую главным образом ведут американцы; и их войска сражались прекрасно, понеся при этом тяжелые потери.

Мы и американцы бросаем в бой все, что можем. Весть, сообщенная Вами мне, сильно ободрит генерала Эйзенхауэра, так как она даст ему уверенность в том, что немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами. В битве на Западе, согласно заявлениям генералов, руководящих ею, не будет перерыва.

9 января 1945 года.

Но вернемся в январь 1945 года на берега Вислы. По той причине или иной, но советское наступление началось 12 января. 1-й Белорусский фронт наносил удары с магнушевского и пулавского плацдармов, а 1-й Украинский маршала Конева — один, но го-

раздо более мощный, с сандомирского плацдарма. Силу этого удара можно легко представить, если вспомнить, что в нем участвовали 8 общевойсковых и 2 танковые армии, а также 3 отдельных танковых корпуса. Приятно и легко описывать подобные операции. В них нет никаких изощренных маневров, никаких тонких замыслов. Главную идею можно характеризовать двумя словами: темп и мощь!

Первыми в наступление пошли войска маршала Конева, началась Сандомирско-Силезская операция. Прорыв осуществлялся в пределах полосы протяженностью 40 километров силами трех армий. Войска фронта имели глубокое оперативное построение, но при этом на участке прорыва даже в первой полосе Конев создал подавляющее превосходство над противником. Всего же на сандомирском плацдарме было сосредоточено почти 12 000 орудий и более 1400 танков, и вся эта сила обрушилась на LVIII танковый корпус немцев. После мощной артподготовки в атаку пошла пехота, и уже через пару часов главная полоса обороны противника была прорвана. Во второй половине дня в бой были брошены 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, и немецкая оборона просто развалилась.

А где же в это время были немецкие резервы? Тут нам следует поблагодарить Гитлера. Практически все генералы пишут, что по его требованию резервы были расположены вплотную к линии фронта, поэтому они попали под огонь артиллерии и бомбовые удары и были изрядно потрепаны к тому моменту, когда им следовало вступить в бой. Но лишь Гудериан раскрывает еще один маленький секрет. В распоряжении Группы армий «А» имелось всего 12 танковых и механизированных дивизий. Однако все они были **равномерно** распределены вдоль линии фронта. Немцы не создали ни одного ударного кулака. Кто это приказал? Неизвестно. Однако Гудериан, видимо сохранивший какие-то ошметки честности, в данном случае не пытается взвалить вину на Гитлера, из чего можно сделать вывод, что постарался либо немецкий Генштаб, либо кто-то в Верховном командовании.

Через два дня в наступление перешел 1-й Украинский фронт. И вот здесь мы сталкиваемся с первой из загадок Висло-Одерской операции. Конфигурация фронта просто наталкивала на мысль одновременными ударами с магнушевского и сандомирского плацдармов окружить 56-й танковый и 42-й армейский корпуса нем-

цев, которые уже находились в мешке. Однако этого не произошло. Почему? Может, все-таки рассказы, мягко говоря, о не лучших отношениях между Жуковым и Коневым не лишены оснований? Ведь оба фронта даже не попытались создать очередной котел, а дружно устремились на запад, словно бы не замечая друг друга. Более того, 69-я армия Жукова ударом с пулавского плацдарма вышвырнула немцев из котла, который мог возникнуть сам собой, даже против воли командующих. Кстати, вот еще одна загадка Висло-Одерской операции. В чем заключался смысл наступления с крошечного пятачка пулавского плацдарма — непонятно, ведь это наступление не имело никакого тактического и оперативного значения. Хотя, с другой стороны, оба полководца не были замечены в гениальных решениях, и, как ни старается А. Исаев пропиарить Жукова, если внимательно прочитать все им написанное, эти книги доказывают именно полную бездарность маршалов.

Организованное сопротивление немцев прекратилось на второй день боев, и наступление перешло в стадию преследования. Это еще может отчасти объяснить отказ от попыток создать кольцо окружения. Зачем зря тратить время на хитрые маневры, если можно использовать второе преимущество танковых войск — ударную мощь? Но даже ею надо было пользоваться умело. Тяжелый каток танковой армии вполне может превратить в тонкий блин все дивизии, оказавшиеся на его пути, нужно лишь правильно его нацелить и обеспечить возможность движения прямолинейного и безостановочного. А вот с этим у наших генералов постоянно возникали проблемы. Кстати, прямолинейность все-таки имела право на существование. Если мы сравним состав немецкой 9-й армии, принявшей на себя главный удар, на начало января и конец этого же месяца, то выяснится, что в ней не осталось **ни одной** из первоначально числившихся дивизий. Все, что попало под лобовой удар Жукова и Конева, погибло.

Гитлер во всем обвинил, естественно, своих генералов и принялся лихорадочно перетасовывать командующих армиями и корпусами. Первым полетел со своего поста командующий Группой армий «А» генерал-оберст Гарпе, за ним последовали и другие генералы. Кажется, в январе 1945 года были сменены все командующие группами армий и армиями, действовавшими в Польше, но положение этим исправить было невозможно.

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 14 января и сначала развивалось не столь успешно. Продвижение в первый день наступления составило не более 3 километров, но потом немцы просто не выдержали. Как мы уже упоминали, у них не хватало ни сил на линии фронта, ни резервов. После уничтожения главных сил 9-й армии танки Жукова также устремились далее. Наконец-то наши танкисты перестали равняться на пехотные дивизии и начали действовать самостоятельно. Они опережали пехотные дивизии на 30—50 километров, временами этот разрыв мог достигать 100 километров, и тогда сразу вспоминаются действия Гудериана и Роммеля. В то же время приходится отметить, что средний темп наступления советских войск составлял где-то около 25 километров в сутки, что заметно ниже скорости продвижения Вермахта в годы успешного блицкрига.

Наши историки как-то этого не замечают, но тот же Гудериан признает, что примерно к 19 сентября немецкий фронт в Польше перестал существовать, как это было в прошлом году в Белоруссии. Поставленная планом операции задача выйти на рубеж Жихлин — Лодзь — Радомско — Ченстохова — Мехув была выполнена на шестой день вместо двенадцатого по плану. При этом линия наступления обоих фронтов постепенно отклонялась к северу, в Померанию. Если посмотреть на карту, то можно усмотреть некоторые параллели с операцией «Гельб». Точно так же отрезалась крупная группировка войск противника, которая находилась в Восточной Пруссии. Единственная разница заключалась в том, что немцы не стали выстраиваться на плацу, чтобы организованно сложить оружие, а попытались отбиваться.

Но вот здесь начинается новая порция непонятных моментов. 1-й Белорусский фронт окончательно поворачивает на север и вместо движения на Берлин вламывается в Померанию. Формальное объяснение этому имеется. Немцы создали здесь ударную (якобы) группировку, которая угрожала флангу фронта, и требовалось сначала разгромить именно ее. Но даже сам генерал Раус, командовавший этим пародийным наступлением, честно пишет, что у него не было никаких сил. Улавливаете тонкость? Не «не достаточно», а вообще «никаких». Его собственные слова: «10 дивизий, имеющих 70 танков». На таком фоне грозно выглядит даже свежесформированная танковая дивизия «Клаузевиц», имевшая — подумать страшно! — целых 12 танков и 20 самоходок.

Есть один хороший пример эффективности подобных контрударов. Типпельскирх и фон Бутлар пишут о попытке немецкой 4-й армии выскочить из Восточной Пруссии. Но просмотрите внимательно все наши издания, начиная все с той же старой СВЭ и кончая вполне современными выпусками «Фронтовой иллюстрации». Нигде нет ни слова об этом «прорыве». Он не отражен ни на одной карте. История, как мы уже не раз говорили, любит злые шутки. В 1941 году немцы даже не подозревали, что участвовали в великом танковом сражении под Ровно и Бродами, а в 1945 году Жуков и Рокоссовский, сами того не заметив, отразили удар дивизий генерала Хоссбаха. Так что подобное объяснение следует рассматривать именно как формальное.

В качестве последней меры германское командование переименовало Группу армий «Центр» в Группу армий «Север», а Группе армий «А» присвоило название Группы армий «Центр». Но даже это не помогло остановить советские танки.

Тем временем всесокрушающий вал советских танков продолжал катиться по направлению к Одеру. 1-й Белорусский фронт форсировал реку Варту, обошел город Познань, объявленный очередным «фестунгом», и продолжил наступление, хотя теперь его авангардом оставалась только 1-я гвардейская танковая армия. Кстати, приведем отрывок из воспоминаний командующего 1-й гвардейской танковой армией, который лучше всего характеризует ту самую 500-километровую немецкую оборону:

«На пятый день наступления 11-й гвардейский корпус А.Х. Бабаджаняна, с боями преодолев около 200 километров, подошел к реке Варта — шестому рубежу немецкой обороны. В том месте, куда вышла передовая бригада Гусаковского, Варта текла строго на север. Потом у города Коло она круто сворачивала на запад и, дойдя до Познаньского меридиана, снова направлялась на север. Я приказал Бабаджаняну и Дремову обойти вражеские резервы, сосредоточенные в восточном колене реки, и взять в клещи познаньско-варшавскую автостраду. Форсировав Варту и оставив немецкую группировку на фланге за рекой, оба корпуса устремились на Познань. Вражеская группировка в этих условиях оказалась обреченной на бездействие. Она уже не могла воспрепятствовать дальнейшему продвижению наших войск».

Обратите внимание на завершение абзаца. Если бы так наши танковые генералы действовали в 1944 году, не связываясь с уничтожением каждого изолированного опорного пункта.

Уже 22—23 января войска 1-го Украинского фронта вышли к Одеру и на ряде участков форсировали его. Но и этот фронт потерял одну из своих танковых армий, которой пришлось повернуть на юг, чтобы решить исход боев в Силезии и вокруг Кракова. К 3 февраля на Одер в районе Кюстрина вышли и войска 1-го Белорусского фронта. Они также форсировали реку и создали небольшой плацдарм. Одер тоже не стал серьезным препятствием для танкистов Катукова.

«Комбриги решили форсировать реку совместно. Они подтянули к берегу САУ, реактивные установки и всю остальную артиллерию. После массированного огневого удара по позициям противника на противоположном берегу цепи мотострелков спустились на лед. Быстро переправившись через реку, они при поддержке артиллерии с восточного берега сбили мелкие заслоны гитлеровцев и захватили плацдарм 5 километров по фронту и 4 километра в глубину. Мотострелковые батальоны вышли на рубеж Рейтвейн — Вуден.

Получив сообщение, что Гусаковский и Федорович форсировали Одер, я приказал А.Х. Бабаджаняну перебросить на помощь передовым отрядам все силы корпуса, наладить переправы и расширить плацдарм. Но по паромной переправе успели перейти на плацдарм только семь танков из бригады Гусаковского. Дело в том, что я получил новый приказ: армия перебрасывалась в Восточную Померанию, в район севернее города Ландсберг (Гурово-Илавецке). Ей ставилась новая задача».

На этом завершилась Висло-Одерская операция, которая стала одной из крупнейших по размаху за всю войну. Как мы уже говорили, в ней в полной мере проявились те качества танковых войск, о которых мечтали до войны Фуллер, Лиддел-Гарт, Тухачевский и другие. Мобильность позволяла танкам преодолевать немыслимые для пеших армий расстояния, а огневая мощь и броня делали бессмысленными попытки сопротивления тыловых под-

разделений и собранных с бору по сосенке скромных резервов. Стальной каток подминал под себя все, что встречалось на его пути. Пехоте оставалось лишь пожинать плоды побед танкистов и заниматься ликвидацией разрозненных очагов сопротивления типа Познани, Шнейдемюля и тому подобных. Главным вопросом оставалось обеспечение наступающих танковых корпусов всем необходимым снабжением, и в первую очередь горючим.

Вот здесь мы и подошли к самому интересному вопросу Висло-Одерской операции. А существовала ли возможность не останавливаясь продолжить наступление дальше прямо на Берлин? Ведь это позволило бы избежать кровопролитных боев за Зееловские высоты и затяжных боев в самом городе. Увы, здесь следует дать достаточно категоричный ответ: «Нет!» Прежде всего в ходе операции советские войска продвинулись в глубь территории противника на расстояние около 400 километров, что для армейских систем снабжения того времени было пределом. Даже Вермахт в идеальных условиях блицкригов 1940—1941 годов в таких случаях делал остановки, чтобы привести в порядок войска и подтянуть тылы. А тыл Красной Армии, к сожалению, даже в самом конце войны отнюдь не походил на отлаженную машину. К тому же, как мы видели, наступление потеряло свою пробивную силу. Две танковые армии были отвлечены на другие направления, а две вышедшие к Одеру понесли некоторые потери и, соответственно, не обладали прежней мощью.

И все-таки остается одно «но». Читая воспоминания Катукова, невозможно отделаться от впечатления, что его армия и армия генерала Баданова после форсирования Одера **могли** продвинуться немного дальше. Ведь ширина Зееловских высот невелика, не более 10 километров. В тот период оборонять этот рубеж было просто **некому**. Я напомню, что 9-ю армию, занимавшую этот участок фронта, немцам пришлось формировать заново, все ее дивизии до последней полегли на Висле, и никакого серьезного сопротивления она оказать не могла. Если бы Катуков и Баданов продвинулись всего на 15—20 километров дальше, даже передав потом свои участки подошедшим пехотным армиям, в нашем распоряжении был бы полноценный плацдарм, а не кюстринский пятачок, а немцы потеряли бы свою главную полосу обороны. Кстати, Жуков все это понимал, потому что в приказе от 4 февраля

потребовал, чтобы 5-я ударная армия расширила плацдарм до 20 километров по фронту и до 10 километров в глубину. Задачу облегчало то, что командование немецкими войсками на рубеже Одера было возложено на великого полководца Генриха Гиммлера. Вдобавок именно в эти дни Гитлер затеял Балатонскую операцию, после которой Панцерваффе окончательно прекратили свое существование. Но главное было сделано — последние остатки немецких танковых частей и соединений оказались связаны на другом участке фронта, и противопоставить 1-й и 2-й гвардейским танковым армиям немцы не могли ничего. Маразм, в который к этому моменту впало военное руководство Германии, лучше всего характеризует тот же Гудериан:

«26 января Гитлер приказал сформировать танкоистребительную дивизию. Название этого нового соединения звучало красиво и многообещающе. Но больше ничего и не было. В действительности же это соединение должно было состоять из рот самокатчиков под командованием храбрых лейтенантов; вооруженные фаустпатронами расчеты этих рот должны были уничтожать Т-34 и тяжелые русские танки. Дивизия вводилась в бой поротно. Жалко было храбрых солдат!»

Однако у истории нет сослагательного наклонения, и случилось именно то, что случилось. А случились штурм Зееловских высот и Берлинская операция.

Берлинская операция — чем же она была? Золотым восклицательным знаком, увенчавшим самую тяжелую войну в истории нашей страны? Или кровавой кляксой, которая бросает мрачную тень на всю победу в целом? Как всякое грандиозное историческое событие, штурм и взятие Берлина нельзя оценить однозначно.

Важность кюстринского плацдарма понимали все, даже фюрер. Поэтому он приказал возрожденной 9-й армии генерала Буссе ликвидировать его. В феврале и марте Буссе проводит целую серию атак, но единственным их результатом стала потеря 35 000 человек, которых он больше не получил. В ходе этих атак особо от-

личилась одна из власовских дивизий, и Железные кресты этим воякам вручал Генрих Гиммлер. Рассчитывать, что предателей будет награждать сам Гитлер, конечно, не стоило. Так, еще до начала решающих боев силы немцев на главном направлении были ослаблены. После этого Буссе решил любой ценой удержать сам город Кюстрин, перекрывавший прямую дорогу на Берлин. Он разделял два советских плацдарма у Рейтвейна и Кинитца и был настоящей костью в горле у 1-го Белорусского фронта. Однако и это немцам не удалось, 30 марта город пал. Советские армии консолидировали плацдарм и могли спокойно готовить решающее наступление.

Но спокойно не получилось. Здесь нам совершенно невольно придется вступить в небольшую полемику с А. Исаевым, точнее, с его книгой «Георгий Жуков. Последний довод короля». Между прочим, очень любопытное название. Вне всякого сомнения, просвещенная публика знает исторические корни этой любопытной фразы, хотя автор почему-то не счел возможным расшифровать их хотя бы в предисловии. Но я совершенно не исключаю возможности, что и он знает красиво звучащий латинский оригинал «Ultima ratio regis». И ему вполне может быть известно, что сия надпись красовалась на стволах пушек наихристианнейших королей Франции, Людовиков, с довольно большими номерами. Так чьей пушкой мы должны считать маршала Жукова?

При этом определенные сомнения все-таки возникают. Когда критикуешь и разоблачаешь других, надо бы самому быть поточнее. Самый простой пример: Исаев пишет, что первыми к Одеру вышли войска Жукова, хотя на самом деле Конев опередил его на пару дней. И так далее. Между прочим, сам Жуков никогда артиллеристом не был, так где же здесь связь? С другой стороны, этот девиз прекрасно описывает манеру Жукова общаться с окружающим миром, так что название вполне уместное.

Впрочем, мы немного отвлеклись в сторону, вернемся к событиям на Зееловских высотах. Корни более чем спорных решений Жукова следует все-таки искать в его неприязненных отношениях с Коневым и желании угодить Сталину. Говорить о некоем соцсоревновании по взятию Рейхстага, конечно же, глупо. Здесь я на все 150 процентов согласен с Исаевым. Но соперничество **было**, причем помимо вполне естественных причин (ревность к успехам

соседа всегда была, есть и пребудет во веки веков) существовала еще одна, искусственно привнесенная. Я не знаю, с каким целями Сталин перед началом решающего наступления постарался стравить двух маршалов, однако он это сделал. Обратимся к воспоминаниям самого Жукова, в которых он описывает совещания в Ставке, предшествующие Берлинской операции:

«Тут же он, Сталин, сказал маршалу И.С. Коневу:

«В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин».

Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И.В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И.С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда все было еще так свежо в памяти.

Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идет успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: «У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке».

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы».

То есть пресловутая гонка была организована приказом сверху. Что, Конев после прямого распоряжения Сталина повернуть танковые армии на Берлин добровольно откажется от возможности первым захватить тот же Рейхстаг? К тому же существовала еще одна гонка с воображаемым противником. Советское командование спешило захватить Берлин раньше союзников и отвело на всю операцию только две недели.

С другой стороны, Сталин имел все основания рассчитывать на это. Красная Армия имела подавляющее превосходство в живой силе и технике. Как обычно, не следует верить ни СВЭ, которая пишет о двух- или четырехкратном превосходстве, ни воспоминаниям немецких генералов, где рассказываются басни о двадцатикратном превосходстве. Истина, как всегда, лежит посередине.

Но при этом имеется множество нюансов, которые вполне способны изменить эти соотношения. Как уже отмечалось, весь первый состав немецкой 9-й армии, оборонявшейся на берлинском направлении, погиб в ходе Висло-Одерской операции, и перед 1-м Белорусским фронтом в марте находились спешно собранные повсюду разношерстные соединения. К началу Берлинской операции состав армии поменялся еще раз, причем снова **целиком**! Сами понимаете, что в такой обстановке ни о каком нормальном взаимодействии соединений не может идти и речи. Так оно и получилось.

План операции, разработанный Ставкой, был очень оптимистичным. В первый же день предполагалось прорвать оборону немцев на Зееловских высотах и ввести в прорыв 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Берлин намечалось взять на шестой день операции, а к 11-му дню 3-я ударная армия выходила на Эльбу для встречи с американцами.

1-й Украинский фронт маршала Конева наносил удар в направлении Бранденбурга, Ратенова и Дессау. Точно так же сразу после прорыва немецкой обороны на оперативный простор выходили 3-я и 4-я танковые армии. Причем **изначально** предполагалось, что один из корпусов 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко должен был наступать на Берлин с юга. Но существовал вариант, по которому обе танковые армии Конева могли быть направлены на Берлин. Причем это пишет СВЭ, и если уж Исаев намеревался опровергать некий миф, то нужно было делать это более обстоятельно.

Вспомогательную, но очень важную задачу решал 2-й Белорусский фронт маршала Рокоссовского. Он должен был наступать в районе Штеттина — Шведта и разгромить немецкую 3-ю Танковую армию, что, естественно, не позволило бы ей двинуть свои силы на помощь Берлину.

Наступление началось рано утром 16 апреля. После 30-минутной артподготовки было включено 140 мощных зенитных про-

жекторов, которые должны были ослепить немцев. Это очень красиво выглядело в фильме «Освобождение», но в действительности принесло больше вреда, чем пользы. Слово маршалу Чуйкову:

«Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке. Мне трудно судить о положении на других участках фронта. Но в полосе нашей 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, поднятую над позициями противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу, и нам было трудно наблюдать за полем боя. Как на грех, еще и ветер дул навстречу. В результате высота 81,5, на которой разместился командный пункт, вскоре была окутана непроницаемой мглой. Тогда мы вообще перестали что-либо видеть, полагаясь в управлении войсками лишь на радиотелефонную связь да на посыльных».

Пехота и часть танков продвинулись примерно на 2 километра, после чего наступление застопорилось. Артиллерийский удар был нанесен по первой полосе обороны, которую немцы оставили, и сейчас советским войскам пришлось штурмовать сами высоты, которые были почти не затронуты артподготовкой.

«Немецкие пленные могли видеть также огромные колонны советской техники, ожидающие, пока войска 8-й гвардейской армии Чуйкова и 5-й ударной армии Берзарина откроют им путь на запад. Однако продвижение вперед в этот день было очень незначительным. На своем наблюдательном посту Жуков начал терять терпение. Он подгонял командиров, угрожал, что снимет их с должности и отправит в штрафную роту. Досталось и генералу Чуйкову. Его части застряли в болоте перед немецкими позициями, находящимися на возвышенности».

И тут Жуков принимает самое спорное из своих решений. Исаев пытается представить дело так, будто все изменения стратегических планов и Жуков, и Конев предпринимали по собственной

инициативе. Ну не надо! Все эти изменения производились только после консультаций со Ставкой и утверждения их Сталиным. Решить, где и как задействовать подчиненный ему корпус, командующий фронтом мог, а вот повернуть несколько армий на другое направление — никогда! Собственно, об этом пишет и сам Жуков, причем, если верить этому отрывку, он на всякий случай вводит Сталина в заблуждение:

«В 15 часов я позвонил в Ставку и доложил, что первая и вторая позиции обороны противника нами прорваны, войска фронта продвинулись вперед до шести километров, но встретили серьезное сопротивление у рубежа Зееловских высот, где, видимо, в основном уцелела оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий я ввел в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника».

На 6 километров его войска не продвинулись и вторую полосу обороны не прорвали. Более того, в этом же разговоре Сталин размышляет вслух о том, стоит ли повернуть армии Конева на Берлин. Заметьте, обо всем этом пишет **Жуков**, а не Конев. И маршал решает любой ценой прорвать оборону, бросая в бой танковые армии Катукова и Богданова. Судя по всему, уроки Курской битвы Жуков не усвоил. Танковые соединения могут прорвать подготовленную оборону, но лишь ценой совершенно чудовищных потерь. Тем более что немецкое противотанковое оружие-45 было лучше советского оружия-43, одни только 88-мм «флаки» чего стоили. Пишет генерал Катуков:

«Остаток дня не принес радостных сообщений. С большим трудом, неся тяжелые потери, танкисты вгрызались в оборону противника и не продвинулись дальше позиций, занятых пехотой. Нелегко приходилось и стрелковым дивизиям В.И. Чуйкова, с которыми командиры танковых корпусов тесно взаимодействовали».

В тот же день состоялся второй разговор со Сталиным, в котором Жуков пообещал любой ценой прорвать оборону на Зееловских высотах, и тут же Ставка приободрила его, сообщив о приказе

Коневу наступать на Берлин с юга, а Рокоссовскому — с севера. Еще раз повторю, чтобы не быть пристрастным: я излагаю все это исключительно по мемуарам самого Жукова. Вообще-то, если говорить строго, получается, что Ставка одобрила решение Жукова и таким образом сняла с него часть вины.

Так или иначе, но во второй половине дня 16 апреля началось танковое побоище, которое продолжилось на следующий день. Все это очень сильно напоминало действия Монтгомери под Эль-Аламейном, когда он точно так же массой продавил немецкий фронт. Не прорвал, а именно продавил. Только 19 апреля немцы не выдержали натиска и начали отходить к Берлину. За эти дни, по немецким данным, было сожжено более 700 советских танков. Так это или нет — вопрос остается открытым. Но даже книга «Гриф секретности снят» сообщает, что за время Берлинской операции Красная Армия потеряла около **2000** танков. То есть во время штурма Зееловских высот Жуков дал хрестоматийный пример неправильного использования танков. Скрепя сердце он вынужден признать:

«Наступление 1-го Украинского фронта с первого же дня развивалось более быстрыми темпами. Как и ожидалось, на направлении его удара оборона противника была слабая, что и позволило с утра 17 апреля ввести там в дело обе танковые армии. В первый же день они продвинулись на 20—25 километров, форсировали реку Шпрее и с утра 19 апреля начали продвигаться на Цоссен и Луккенвальде».

А теперь просто совершенно необходимо сказать несколько слов о том, чем якобы должен был заниматься Конев, связав решением этой задачи свои главные силы, чтобы они только, не приведи бог, не вздумали наступать на Берлин. Речь идет о ликвидации так называемой франкфуртско-губенской группировки противника. Что она собой представляла? Это были остатки в очередной раз разгромленной 9-й армии, к которой присоединились отдельные части 4-й Танковой армии. Выделять для их уничтожения силы целого фронта было, мягко говоря, неразумно. К тому же над генералом Буссе висел категорический приказ: держать фронт на Одере. Конечно, в то время Конев не мог знать об этом прика-

зе, но он отлично видел, что немцы и не пытаются двинуться в сторону Берлина. Позднее Буссе получил новый приказ: отходить на запад на соединение с 12-й армией генерала Венка, чтобы **освободить** Берлин. Очень советую обратить внимание на столь интересную формулировку. То есть в распоряжении генерала Буссе не было сил, чтобы как-то реально угрожать фронту Конева, о прорыве к Берлину в таких условиях не приходилось и мечтать. У него не было приказа отходить к Берлину, а что делали с нарушителями приказов в последние дни существования Рейха, все отлично знали. Например, генерала Вейдлинга, командира LVI танкового корпуса, на который обрушился главный удар Жукова, успели приговорить к расстрелу за то, что не удержал позиции, но, правда, успели и помиловать. Нужны были Теодору Буссе такие приключения? Путь на Берлин ему перекрывал всего лишь 40-й стрелковый корпус 3-й армии, но и этого оказалось достаточно. Так что Конев правильно решил не воевать с призраками, выделил пару корпусов для блокирования застрявшей в лесах и озерах немецкой группы и пошел на Берлин.

Штурм собственно Берлина начался 20 апреля 1945 года (кстати, в день рождения Гитлера), артиллерия 1-го Белорусского фронта открыла огонь по центру города. После войны наши историки утверждали, что наши пушки обрушили на город больше взрывчатки, чем тяжелые бомбардировщики союзников. Жуков пишет: «11 тысяч орудий разного калибра через определенные промежутки времени открывали одновременный огонь. С 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано миллион восемьсот тысяч артиллерийских выстрелов. А всего на вражескую оборону в городе было обрушено более 36 тысяч тонн металла».

У немцев не было ни единого шанса отстоять столицу Рейха. Гарнизон города к этому моменту состоял примерно из 45 000 солдат из разрозненных, потрепанных частей и примерно 40 000 всякого сброда из фольксштурма, полиции и так далее под командованием генерал-лейтенанта Гельмута Реймана. Им противостояло примерно полтора миллиона закаленных солдат 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Впервые немцы имели полное право говорить о десятикратном превосходстве противника. Детально описывать сам ход боев за город, наверное, нет смысла, так

как это сделал в нескольких работах А. Исаев, хотя все проповедуют одну нехитрую истину: Берлин взял Жуков, еще раз Жуков и снова Жуков. А остальные при сем лишь присутствовали.

На самом деле все, конечно, обстояло сложнее. Начнем с того, что гонка к Берлину все-таки имела место. В доказательство я приведу два приказа, отданные с интервалом в два часа. Пусть говорят сами участники событий, а выводы читатель сумеет сделать самостоятельно.

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩИМ 3-Й И 4-Й ГВАРДЕЙСКИМИ ТАНКОВЫМИ АРМИЯМИ О НЕОБХОДИМОСТИ ВСТУПЛЕНИЯ В БЕРЛИН РАНЬШЕ ВОЙСК 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

20 апреля 1945 г. 19.40

Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести.

Конев
Крайнюков

РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 359. Л. 36. Подлинник.

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ 2-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИЕЙ С ТРЕБОВАНИЕМ ПЕРВЫМИ ВОРВАТЬСЯ В БЕРЛИН

20 апреля 1945 г. 21.50

2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков
Телегин

РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 88. Подлинник.

Причем, заметьте, Жуков отлично понимает значимость доклада «по начальству» и газетного пиара. Интересно, что генерал Лелюшенко в своих мемуарах чуточку подправил приказ Конева, вырезав из него слово «первыми», либо это сделали за него редакторы.

Тем временем в немецком командовании никак не могла прекратиться лихорадка смены командующих. 22 апреля Гитлер снимает генерала Реймана, заменяя его полковником Эрнстом Кетером, за один день произведя его сначала в генерал-майоры, а потом и в генерал-лейтенанты. В этот же день он отдает приказ о расстреле командира LVI танкового корпуса генерала Вейдлинга, не удержавшего рубеж обороны на Одере, и тут же отменяет свой приказ. После этого фюрер решает взять лично на себя командование гарнизоном Берлина, а потом назначает на эту должность Вейдлинга. Такая череда событий ясно показывает, что Ставка фюрера превратилась просто в сумасшедший дом. При всей сложности ситуации в разгар битвы за Москву, при панике, возникшей в советской столице (было, было!), до такого маразма наше командование не дошло.

Вейдлинг разделил город на восемь оборонительных секторов, чтобы облегчить управление обороной. Однако уже ничто не могло остановить советские войска. 23 апреля 8-я гвардейская армия Чуйкова форсировала Шпрее и при поддержке 1-й гвардейской танковой армии генерала Катукова начала наступать в направлении Нойкельна. 24 апреля 5-я ударная армия генерала Берзарина тоже форсировала Шпрее в районе Трептов-парка. Остатки LVI танкового корпуса, которым все еще по совместительству командовал Вейдлинг, попытались контратаковать, но были просто уничтожены. В тот же день после мощнейшей артподготовки — 650 орудий на километр, больше никогда в истории такая плотность артиллерии не встречалась! — советские войска перешли в решительное наступление. К вечеру Трептов-парк был занят.

Кстати, 22 апреля, во время движения танковой армии Рыбалко к Берлину, произошел любопытный эпизод, о котором сам генерал писал с нескрываемым огорчением:

«Разведка у нас работала плохо. Мы даже не знали, что в Цоссене находилась Ставка германского Генштаба. Две бригады вошли в Цоссен, и Ставка на их глазах ушла из Цоссена. О Цоссене мы узнали от корреспондентов».

Наступление продолжалось пусть не слишком быстро, но неотвратимо. При этом танки, введенные в город, несли высокие потери. Первая попытка лобового решения — посадить пехотинцев на броню — успеха не принесла, так как затрудняла действия самим танкистам. Тогда был найден более простой метод. Любой подозрительный дом просто уничтожался огнем тяжелой артиллерии — 152-мм или 203-мм. Жаль, что об этом методе наступления забыли полвека спустя, когда штурмовали Грозный.

Генерал Чуйков обладал большим опытом городских боев. Ранее он защищал Сталинград, а совсем недавно взял штурмом Познань и теперь старался применить полученный опыт в Берлине. Он подчеркивал, что штурм большого города нельзя рассматривать как обычную армейскую операцию, хотя стараниями Жукова и Конева штурм Берлина начался именно так. Он настаивал на ведении боя небольшими штурмовыми группами от 6 до 8 человек, которые были вооружены автоматами, гранатами, кинжалами и саперными лопатками, то есть оснащены для рукопашного боя, который маловероятен в поле. В то же время Чуйков не отрицал необходимости применения танков, но во **вспомогательной** роли, фактически как штурмовой артиллерии.

«Перед танкистами 1-й гвардейской танковой армии стояла нелегкая задача. В уличных боях, когда площади и улицы пусты, когда противник организует свою оборону в зданиях, на чердаках и в подвалах, танкисты не видят противника, не могут проникнуть в здания, на чердаки и в подвалы. В то же время танки являются хорошей мишенью для бронебойщиков, вооруженных бутылками с горючей смесью и особенно реактивными гранатометами типа фаустпатрон. Это не значит, что танки и танкисты не нужны и не пригодны для городского боя. Я далек от подобной мысли. Они нужны, но не как самостоятельная сила, а для совместных действий с подразделениями других родов войск в штурмовых группах.

Только во взаимодействии со стрелковыми подразделениями, с артиллеристами, саперами и химиками танковые экипажи будут видеть, где их подстерегает опасность. Им подскажут об этом бойцы штурмовой группы. Подскажут и укажут — в каком здании, на каком этаже, чердаке и подвале засел противник, которого совме-

стными усилиями надо уничтожить. И в этом тесном взаимодействии танки чаще всего должны использоваться как артиллерия на гусеницах, а танкисты — как артиллеристы под броневой защитой».

Этому высказыванию на первый взгляд противоречит мнение генерала Рыбалко:

«В рамках крупнейшей операции против германской столицы, в которой приняло участие четыре полевых и четыре танковых армии двух фронтов, использование танковой армии для непосредственного наступления на такой крупный город, каким является Берлин, и борьба на его улицах, приобретает крупный оперативно-тактический интерес. Сложившаяся оперативно-стратегическая и политическая обстановка в финальном этапе войны требовала быстрого захвата германской столицы. С падением Берлина предвиделся крах Германии, деморализация ее армии и неизбежно скорая капитуляция.

В данных условиях обстановки использование танковой армии для непосредственной борьбы внутри крупного города диктовалось необходимостью. Сковывание ценнейших качеств танковых и механизированных войск — подвижности, применение таких войск в условиях, где они не могут использовать полностью своих боевых возможностей — огня на предельную дистанцию и мощи таранного удара, — оправдывается важностью операции и ее решительными результатами.

Применение танковых и механизированных соединений и частей против населенных пунктов, в том числе и городов, несмотря на нежелательность сковывать их подвижность в этих боях, как показал большой опыт Отечественной войны, очень часто становится неизбежным. Поэтому надо этому виду боя хорошо учить наши танковые и механизированные войска».

Однако присмотритесь к нему повнимательнее. Рыбалко пишет только о неких абстрактных соображениях, уносясь в сферы высокой политики, в то время как Чуйков анализирует конкретные тактические приемы. Вообще повторюсь: если бы Красная Армия

располагала таким количеством штурмовой артиллерии, какое имел Вермахт, вводить-таки в город не потребовалось бы. В документах штаба Рыбалко прямо пишется о необходимости включения в состав штурмовых групп самоходных установок ИСУ-122 при использовании танков лишь для закрепления успеха.

Немецкие войска пятились к центру города, сдавая одну улицу за другой. 26 апреля состоялся еще один безумный спектакль в фюрер-бункере. Гитлер приказал генерал-оберсту Роберту фон Грайму прилететь в Берлин, чтобы лично сделать его главнокомандующим Люфтваффе взамен впавшего в немилость Геринга. Фон Грайм приказ выполнил, хотя над Берлином был тяжело ранен осколком зенитного снаряда. Маленький «Физелер» посадила возле Бранденбургских ворот знаменитая Ханна Райч. Гитлер торжественно произвел фон Грайма в фельдмаршалы и приказал вылететь из Берлина, чтобы арестовать другого изменника — Генриха Гиммлера. 28 апреля Райч подняла свой самолетик в воздух буквально на глазах у советских солдат, и фон Грайм получил возможность после войны сидеть в относительно комфортабельном американском плену.

27 апреля войска Чуйкова и Катукова форсировали Ландверканал, — последнее препятствие на пути к фюрер-бункеру и рейхсканцелярии. Внешнее оборонительное кольцо Берлина — кольцевая железная дорога — было прорвано со всех направлений. В этот день история еще раз зло пошутила. Площадь Бель-Альянс-плац обороняли эсэсовцы-французы из дивизии «Нордланд», но дело в том, что эта площадь была названа в честь союзной армии, разбившей Наполеона при Ватерлоо. Вечером этого дня генерал Вейдлинг предложил Гитлеру попытаться вырваться из Берлина под прикрытием ударной группы из 40 уцелевших танков. Фюрер отказался, приказав Вейдлингу продолжать защищать город. Чтобы замедлить продвижение советских войск, которые могли воспользоваться тоннелями метро, Гитлер приказал затопить их, что привело к большим жертвам среди мирных жителей, прятавшихся под землей.

28 апреля произошло событие, которое наконец-то положило конец соперничеству между маршалами. Директивой Ставки была проведена новая разграничительная линия между 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. В результате весь центр Бер-

лина с рейхсканцелярией отходил в зону действия войск Жукова. Генералу Рыбалко, командующему 3-й гвардейской танковой армией, даже пришлось поворачивать свой 9-й мехкорпус, чтобы не мешать Жукову.

30 апреля начались бои в самом центре города. Вейдлинг сообщил Гитлеру, что немецкие солдаты к вечеру израсходуют все боеприпасы, и снова попросил разрешения на прорыв. Гитлер наконец согласился. Сам фюрер в этот же день совершил самоубийство, назначив адмирала Деница рейхспрезидентом, а доктора Геббельса — рейхсканцлером. Никто не улыбнулся, хотя площадь всего тысячелетнего Рейха к этому времени составляла несколько квадратных километров.

Вечером 30 апреля 150-я стрелковая дивизия генерала Шатилова при поддержке танков начала штурм Рейхстага. 1 мая над куполом было поднято Знамя Победы, хотя бои продолжались еще и на следующий день. Утром этого дня генерал Кребс обратился к Чуйкову с просьбой о перемирии, но получил отказ. Вечером 1 мая Вейдлинг отдал приказ защитникам центра Берлина прорываться, однако практически все попытки были отбиты советскими войсками. Удалось просочиться лишь отдельным мелким группам.

2 мая в 6 часов утра генерал Вейдлинг в сопровождении офицеров штаба перешел линию фронта и сдался в плен. Он был доставлен в штаб генерала Чуйкова. После недолгих препирательств Вейдлинг согласился отдать приказ о капитуляции не только своего LVI танкового корпуса, но и всего гарнизона Берлина.

«30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина».

Отдельные перестрелки еще продолжались некоторое время, но битва за Берлин закончилась. Дольше всех продержался гарнизон зенитной башни «Цоо». Это было такое сооружение, которое не брали даже 203-мм снаряды, и все-таки во второй половине дня его гарнизон тоже сложил оружие.

Что же можно сказать об участии танков в штурме самого Берлина? Мне представляется, что решение Жукова и Конева ввести в город целые танковые армии было ошибочным и привело к ненужным потерям. Как справедливо заметил Чуйков, танки были нужны, но еще нужнее оказались бы штурмовые орудия. В этом плане ИС-2, с его 122-мм пушкой, оказался гораздо ценнее прославленной «тридцатьчетверки». Еще лучше были бы, конечно ИСУ-152... Во время боев за Берлин танки вернулись к своей первоначальной ипостаси 1916 года — оружия поддержки пехоты.

Идеальной же комбинацией было бы сочетание штурмового орудия с танковым бульдозером, которых в Красной Армии, увы, не было вообще. Кстати, их не было и в других армиях, если не считать американской. Англичане имели некоторое количество «Матильд» и «Черчиллей», переоборудованных в инженерные машины, но именно некоторое. Только у американцев имелось и другое идеальное оружие для данной ситуации — тяжелые самоходные гаубицы М41 и М43. Но я почему-то уверен, что даже американская армия, имевшая идеальную (на то время) бронетехнику для уличных боев, не справилась бы со штурмом Берлина не то что лучше, она не справилась бы вообще. Про остальные армии мы говорить даже не будем. Просто напомним, что немцы обломали зубы о Сталинград и что могли сделать в Берлине всякие англичане и прочие разные шведы?

Потери танковых армий в этих боях оказались весьма серьезными. Генерал Рыбалко, очевидно, был не знаком с выводами А. Исаева, когда докладывал о потерях своей армии в ходе битвы за Берлин. «Выведено из строя 365/166 танков, в том числе от фаустпатронов 105/65. В числителе общие потери, в знаменателе безвозвратные», то есть, как нетрудно заметить, якобы ничтожные потери от фаустников составляют 28 процентов подбитых танков и 39 процентов безвозвратных потерь.

Того же мнения придерживался и генерал Катуков:

«Обычно саперы и автоматчики прокладывали путь танкам, предварительно выкурив из щелей фаустников. Попытки применять танки без прикрытия приводили лишь к большим потерям от огня артиллерии и фаустников. Но автоматчиков в бригаде было мало, и танкистам часто самим приходилось расчищать себе дорогу. По узким улицам одновременно могли продвигаться только две машины. Первые танки вели огонь, а следующие стояли на очереди. Если одна из машин выходила из строя, на ее место становилась другая. Так, метр за метром, подавляя огневые точки противника, гвардейцы прорубали себе путь в плотной обороне противника».

Наших полководцев одолела «фаустобоязнь», или они все-таки более реально представляли себе обстановку? Либо мы в принципе не верим ничьим мемуарам — ни «битых гитлеровских вояк», ни «прославленных советских полководцев». Если с первым все ясно, то за что попали в немилость вторые? Исаев приводит вроде бы убедительные цифры, но при этом он противоречит другим советским источникам, опирающимся на архивные данные. В книге «Георгий Жуков: последний довод короля» он пишет, что 1-я гвардейская танковая армия Катукова потеряла 232 единицы бронетехники, 2-я гвардейская танковая армия Богданова — 209 машин. Но А. Свирин указывает, что безвозвратные потери армии Богданова составили 289 единиц. Не слишком ли большое расхождение? Д. Шеин в своей книге «3-я гвардейская танковая армия в боях за Берлин» приводит потери Рыбалко: 503 единицы, из них 198 безвозвратно. Но как это согласовать с данными книги «Гриф секретности снят», в которой говорится о потере 1997 единиц бронетехники? И еще одно смешное соображение: почему же тогда столь поспешно на вооружение Красной Армии был принят гранатомет РПГ-2, он же «Панцерфауст», если он так бесполезен?

В общем, как мне кажется, рассуждения А. Исаева в данном случае выглядят не вполне убедительно, и эта тема требует отдельного обстоятельного рассмотрения. Разброс в данных — потери от 10 до 49 процентов — **слишком** велик, чтобы согласиться с ним. А утверждение, что легенду о фаустпатронах породили недобросовестные мемуаристы, звучит легкомысленно и даже оскорбительно, если вспомнить, о ком именно идет речь.

После завершения Берлинской операции наиболее важной становилась задача освобождения Чехословакии. До сих пор советское командование не особенно спешило наступать на южном участке фронта, справедливо полагая, что главным является Берлин. К началу 1945 года войска 4-го и 2-го Украинских фронтов вышли на линию Ясло, река Ондава, юго-восточнее Кошице, Турна, северо-западнее Левице, Эстергом. Продвигались они медленно. Район этот горно-лесистый, маневрировать здесь можно было только в долинах, противнику же на такой местности было не так трудно организовать прочную оборону. Но предотвратить неизбежное немцы не могли и постепенно пятились назад. Судьба остатков групп армий «Центр» и «Юг», находившихся на территории Чехословакии, стала особенно незавидной после прорыва 1-го Украинского фронта маршала Конева, который решал свои задачи на берлинском и дрезденском направлениях, но при этом вышел глубоко в тыл войскам фельдмаршала Шернера.

Возникали и политические мотивы. В телеграмме президенту Трумэну 30 апреля премьер-министр Черчилль писал: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны». Трудно сказать, насколько серьезным было это заявление, но с примерами фантазии сэра Уинстона мы сталкивались неоднократно.

Американское командование тоже стремилось занять западные районы Чехословакии и овладеть Прагой. 4 мая Эйзенхауэр, обратившись к начальнику Генерального штаба Красной Армии генералу А.И. Антонову, высказал предложение развить наступление американских войск до западных берегов Влтавы и Эльбы, то есть занять Прагу и прилегающие к ней районы. Это противоречило решению Крымской конференции о рубеже встречи советских и американских войск на территории Чехословакии. Генерал Антонов категорически ответил, что Красная Армия сама в состоянии очистить от противника западные берега этих рек, для чего уже создана соответствующая группировка. Лишь после этого американские армии по приказу Эйзенхауэра были остановлены на линии Карловы Вары, Пльзень, Ческе-Будеевице. Впрочем, не сле-

дует особенно винить Эйзенхауэра, он судил с чисто военной колокольни, а в политике проявил себя сущим младенцем, даже заняв пост президента США.

1 мая в Праге начались стычки жителей с оккупантами. Пражане сбрасывали немецкие флаги и вывешивали чехословацкие, срывали объявления оккупантов. После падения Берлина столкновения стали более частыми и массовыми.

Утром 5 мая в Праге вспыхнуло восстание. К вечеру восставшие с боем захватили здание радио, почту, центральную телефонную станцию, электростанцию, важнейшие мосты через Влтаву, большинство вокзалов, крупные заводы. Столкновения происходили во всех районах столицы. В городе началось сооружение баррикад. В ночь на 6 мая их насчитывалось уже до 1600, на которых сражалось около 30 000 человек. Развернулась борьба и в районах, прилегающих к Праге, в прифронтовых районах Моравии, в западных районах Чехии. В ночь на 5 мая восстали рабочие одного из крупнейших центров страны — города Кладно, а днем — рабочие города Пльзень.

Собственно, Шернера это беспокоило не потому, что он опасался восставших. Просто они мешали отводу его войск на запад, ведь начальник штаба Шернера генерал фон Натцмер специально вылетел к Деницу, чтобы совместными усилиями договориться с западными союзниками об отводе этой группы войск для сдачи американцам. Поэтому утверждение, будто Шернер отдал приказ подавить восстание любой ценой, выглядит сомнительным. Подавить — да, но не ввязываться в затяжные бои.

Однако советское командование такое развитие событий не устраивало. Еще 1 мая Ставка поставила перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами задачу быстро подготовить и начать наступательную операцию на территории Чехословакии. Им предстояло нанести два мощных удара в общем направлении на Прагу: 1-му Украинскому фронту — с севера, 2-му — с юго-востока. Целью Пражской операции было окружить группировку врага и полностью разгромить его силы в Чехословакии. Предусматривалось участие в Пражской операции и 4-го Украинского фронта. Главная роль в этом наступлении отводилась танковым армиям, в очередной раз им предстояло решить исход операции.

Вопрос о соотношении сил в Пражской операции, похоже, так

и не будет прояснен до конца, ведь в стремительно меняющейся обстановке конца войны никто просто не занимался скрупулезными подсчетами. Во всяком случае, он должен стать предметом особых исследований. Обычно приводится общая численность советских и немецких войск на территории Чехословакии. Но ведь в действительности в боях участвовала незначительная часть сил с той и другой стороны. Во всяком случае, я что-то не слышал об участии румынских армий в боях за Прагу, пусть даже они и входили в состав одного из наших фронтов. Да и армия Войска Польского ограничила свое продвижение примерно 50 километрами, так что стоит ли ее считать в составе сил?

Главной проблемой было то, что времени на подготовку практически не оставалось. Коневу пришлось спешно перебрасывать свои войска на расстояние до 200 километров на юг к Дрездену, а потом в самые сжатые сроки готовить их к броску на Прагу. Это удалось сделать, что стало свидетельством заметных сдвигов в работе тыла Красной Армии. Представить такую оперативность хотя бы год назад было просто немыслимо. Ядром наступающей группировки стали 3-я и 4-я Гвардейские танковые армии. 2-й Украинский фронт свою главную группировку развернул южнее города Брно, это была 6-я Гвардейская танковая армия.

Тут совершенно неожиданно вмешалась третья сила, которую никто не ждал и никто не звал. 1-я дивизия РОА под командованием генерала Буняченко 6 мая вдруг принялась освобождать Прагу от немецких оккупантов. Цели этого поступка остаются весьма смутными, не могли же власовцы всерьез думать, что их примут за нового союзника, как, скажем, тех же румын?! Если думали, то напрасно. Впрочем, их участие в боях за Прагу стало мимолетным эпизодом, так как уже 7 мая власовцы покинули город.

6 мая было установлено, что перед правым крылом 1-го Украинского фронта разрозненные немецкие части начали отходить на запад. В этот же день и вся Группа армий «Центр» начала отступать навстречу американцам. Конев, узнав об этом, приказал перейти к преследованию. Танки стремительно двинулись на юг, причем скорость продвижения стремительно возрастала. За последнюю ночь перед вступлением в Прагу они совершили бросок в 80 километров. Немцы уже не думали о сопротивлении. И все-таки 7 мая стало критическим днем восстания. Ведь Прага по-

прежнему стояла у Шернера как кость в горле, перекрывая пути отхода на запад. И мы должны помнить, что те немецкие генералы, которые всерьез стремились увести войска в американский плен, сумели это сделать, как Венк со своей 12-й армией и Буссе с 9-й армией.

Вообще действия фельдмаршала Шернера выглядят предельно странно. Одни историки утверждают, что он 7 мая получил приказ Кейтеля о капитуляции, но отказался передавать его в войска. Другие говорят, что ОКХ потеряло связь с Шернером еще 2 мая, и далее он действовал исключительно самостоятельно. Третьи пишут, что 8 мая **американцы** доставили в его штаб представителя Кейтеля (полковника Майер-Детринга) с приказом о капитуляции. В общем, что он делал и делал ли вообще что-то — точно не известно. А последнее решение Шернера выглядит уже совсем необъяснимым. 8 мая фельдмаршал просто дезертирует. Шернер не оправдал надежд фюрера, который считал его стойким бойцом. Он садится в самолет и, плюнув на свою группу армий, улетает в Австрию. Вероятно, поэтому и образовался большой котел чуть восточнее Праги, в котором остались части немецких 17-й и 1-й Танковой армий.

В Праге тоже царил настоящий хаос. Начальник немецкого гарнизона предложил штабу восставших свою капитуляцию, но при этом оговорил возможность свободно вывести войска из города. Эти части и стали чуть ли не единственными соединениями Шернера, которым удалось-таки сдаться американцам.

8 мая танкисты Конева сломили последнее сопротивление немцев на перевалах Рудных гор и утром 9 мая ворвались в Прагу. Утверждения о боях на улицах города также являются преувеличением. Отдельные стычки, конечно же, происходили, и солдаты гибли даже в этот последний день войны, но ничего похожего на бои в Берлине здесь не было.

Кстати, вот освобождение Праги действительно превратилось в настоящую гонку между фронтами. И если удар 2-го Украинского фронта предусматривался планом, то появление подвижной группы 4-го Украинского фронта стало полной неожиданностью. От маршалов не отставали и генералы. Нежданно-негаданно к Праге подошла и конно-механизированная группа генерала Плиева. За-

чистка города от остатков немецких войск не затянулась, и к вечеру 9 мая все было кончено.

Уже 10 мая последовал приказ Ставки Верховного двигаться на запад. Американцы остановились на заранее оговоренных рубежах, но установить контакт с ними все равно требовалось. Поэтому части 1-го Украинского фронта, не теряя времени, повернули на Хемниц и Рокицианы. Левофланговые соединения 2-го Украинского фронта вышли на линию Пжек, Ческе-Будеевице, где также встретились с союзными войсками. Остатки гитлеровских дивизий оказались в котле в районе восточнее Праги. Лишь отдельные дивизии Группы армий «Австрия» в обстановке общего развала и хаоса, каждая самостоятельно, сумели отойти к американцам. Война в Европе завершилась.

Пражская операция показала, что наша армия научилась гибко реагировать на внезапные изменения обстановки, стремительно готовить и проводить операции стратегического масштаба, даже если это простое преследование противника. Замешательство, возникавшее во время наступлений под Москвой и Сталинградом, больше не возникало. А танковые войска в очередной раз продемонстрировали свои главные качества — мобильность и ударную мощь, вернув себе главенствующую роль, которую они утратили было во время вязких городских боев в Берлине.

Глава 13

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗЛИШЕСТВА НА ФОНЕ ТРОПИЧЕСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ

«С ним я встретился впервые на солнечных и лазурных берегах Таити. Яркие звезды мерцали над бескрайним Великим, или Тихим, океаном», — как писали почти всерьез классики. И вот представьте себе, что на этих солнечных берегах под яркими звездами вы вдруг наталкиваетесь на что-то такое большое, железное, в мутных зелено-коричневых пятнах камуфляжа. Это чудовище сразу покажется вам инородным включением в мирный пейзаж, неким инопланетным пришельцем. В свое время архитектуру сталинской эпохи справедливо называли периодом архитектурных излишеств. Для красивости (не красоты, ни в коем случае!) домам

добавляли всяческие колонны, шпили, лепные фризы, канелюры и прочие украшения. Столь же странно смотрелись и танки на фоне ослепительной тропической природы. Сразу закрадывалось подозрение, что не слишком они здесь нужны.

Действительно, трудно вообразить театр военных действий, менее приспособленный для использования танков, чем Тихоокеанский. Густые влажные джунгли и болота абсолютно непригодны для грузных бронированных монстров. В такой обстановке танк моментально теряет все свои достоинства, приобретая взамен лишь массу разнообразных недостатков. Например, и без того неважная видимость моментально превращается в нулевую. Какой-нибудь прыткий боец, притаившись среди ветвей раскидистой пальмы, способен аккуратно положить бутылку с зажигательной смесью прямо на решетку моторного отделения «Королевского тигра», который в этом случае не спасет никакая броня. Впрочем, будем объективны. Никакой «Королевский тигр» по заболоченной тропинке (а других в джунглях просто не имеется) до противника не доедет, он застрянет уже после первых десяти метров. Американцы испытали массу проблем с 30-тонными «Шерманами», что уж говорить о мастодонтах в 60 и более тонн. Ничуть не лучше обстояли дела на воспетых Джеком Лондоном райских тропических островах. Чтобы представить себе атаку танкового полка по узенькой полоске суши шириной метров этак в 600, нужна незаурядная фантазия. Поэтому и не использовались танки ни полками, ни даже батальонами. Рота, а то и вообще взвод. Вдобавок этот самый остров после многодневных обстрелов и бомбежек превращался в настоящую полосу препятствий, преодолеть которую было сложно даже танку. И все-таки, несмотря на все это, танки на Тихом океане использовались и довольно часто играли заметную роль в ходе десантных операций. Поэтому мы уделим немного внимания действиям танков на Тихоокеанском театре, вместо того чтобы просто упомянуть об этом.

Как-то неожиданно выясняется, что эти операции представляют собой клубок настоящих парадоксов, причем именно эта парадоксальность помогала танкам сыграть заметную, а иногда даже решающую роль в десантных операциях, хотя часто их вклад в победу оказывался замаскированным.

Итак, парадокс первый. На Тихом океане колоссальную роль

сыграли инженерные машины, созданные на базе танков. В Европе с ними все было понятно. Да, они приносят пользу, но их вполне справедливо называют вспомогательными. Зато один из американских адмиралов, перечисляя системы оружия, которые внесли наибольший вклад в разгром Японии, назвал авианосец, подводную лодку и бульдозер. Первый уничтожил японский военный флот, вторая истребила флот торговый, а вот третий сделал возможными действия первых двух, а заодно и любые действия сухопутных частей. После войны японцы с мрачным изумлением писали, что не могли даже предположить, что такой фактор, казавшийся им второстепенным, может сыграть столь значительную роль. А при чем здесь танки? — вполне можете спросить вы. Дело в том, что на большинстве тропических островов понятия фронта и тыла носили более чем условный характер. Если весь островок имеет размеры два километра на пять, вы сумеете отыскать на нем спокойное, непростреливаемое место? Волей-неволей придется пользоваться танковыми бульдозерами, а не гражданскими, потому что обустраиваться надо с первой же минуты, а не после окончательного захвата.

Парадокс второй. Как то ни странно покажется, но при захвате островов вроде бы нормальные средние танки «Шерман» в их различных модификациях оказались далеко не самыми хорошими. Да, японские противотанковые пушки, которым так и не суждено было вырасти более чем до 37 мм, оказались совершенно беспомощны против них. Даже австралийцы, пользовавшиеся добрыми старыми «Матильдами», остались ими вполне довольны, за броней в 65 миллиметров они чувствовали себя вполне комфортно. Зато сами танкисты союзников имели более чем достаточно оснований жаловаться на свою технику. И 40-мм пушки «Матильд», и 75-мм пушки «Шерманов» оказались не слишком пригодны для борьбы с японцами. Дело в том, что японских танков на этом театре практически не наблюдалось, поэтому танковые дуэли оказались крайне редким исключением, зато с различными долговременными огневыми точками танкистам приходилось сталкиваться в каждой операции. Причем подчеркну: именно долговременными. Японцы обустраивались на островах очень обстоятельно, поэтому подавляющее большинство укреплений были бетонными. И для их разрушения требовались либо более крупные пушки, либо

огнеметы, которые для Европейского театра были не слишком характерны. Может, это прозвучит странно, но идеальным танком для войны на островах оказался бы немецкий штурмовой танк «Бруммбэр». Да-да, эта самоходка Sd.Kfz.166 официально именовалась именно Sturmpanzer IV. Конечно, подошли бы и наши Су-152, но все-таки они были чуточку тяжеловаты для десантных операций, а вот «Бруммбэр» — в самый раз. Для борьбы с японскими дотами 150-мм гаубица была идеальным оружием. Сами американцы считали идеальным оружием огнеметный танк, что тоже вполне понятно. И тем не менее надо было нашим генералам в порядке обратного ленд-лиза предложить американцам пару сотен «Зверобоев».

Парадокс третий. Самым эффективным тактическим приемом стало именно то, за что мы ругали европейские армии, — дробление танковых частей и соединений на роты и вообще взводы и привязка этих маленьких подразделений к пехотным частям. На Тихоокеанском театре танки потеряли свое главенствующее значение. Не пехота должна была обеспечивать их действия, а наоборот — они должны были помогать пехоте. Однако далеко не всегда на деле получалось так же гладко, как это планировалось на бумаге.

Кстати, японцам, практически не имевшим противотанкового оружия, пришлось импровизировать, и они изобрели страшный по эффективности эквивалент противотанковых мин. В землю закапывали 100-кг фугасные бомбы, соединяя их со взрывателями нажимного действия. Или даже больше того — боеголовки корабельных торпед. Представьте себе, что останется от танка, когда под ним взорвется такая «мина», содержащая 350 кг взрывчатки!

Как происходили эти бои? Расскажем об одном маленьком эпизоде большой войны, который, однако, стоил жизни тысячам людей — о штурме атолла Тарава в группе Гилбертовых островов в ноябре 1943 года. Американские морские пехотинцы до сих пор без удовольствия говорят об этой операции, которая стала для них символом кровопролития.

Мы уже не раз отмечали, что при изучении операций на Европейском и Тихоокеанском театрах создается впечатление, будто бои происходили в параллельных вселенных. Никто из командиров

при планировании и проведении операций категорически не желал учитывать печальный опыт своих коллег. Когда в ноябре 1942 года американские войска высаживались в Северной Африке, наплевательское отношение к вопросам гидрографии (высота и время приливов) стоило американцам чудовищных потерь в десантных средствах при полном отсутствии сопротивления со стороны французов. Казалось бы, следует помнить об этом, но нет! Когда несчастные десантные катера с морскими пехотинцами направились к берегу Таравы, выяснилось, что американским генералам никакой урок не впрок. Катера застревали на отмели в полукилометре от берега, и солдатам приходилось преодолевать это расстояние пешком под бешеным пулеметным огнем японцев. Плавающие транспортеры «амтрак» имели чисто символическую защиту, которая не спасала от пуль, а вдобавок они точно так же застревали на рифах, преодолеть которые не могли ни вплавь (воды слишком мало), ни на гусеницах (воды слишком много). В результате потери транспортеров LVT в этой операции превысили 60 процентов!

Спасти положение могли танки, которые плавать не умели совершенно. В пятой волне десанта на остров предполагалось высадить с транспорта-дока «Эшланд» 14 танков M4A2 «Шерман» роты «С» 1-го танкового батальона морской пехоты на десантных катерах LCM. Кстати, отметим, что американское десантное соединение было собрано в Новой Зеландии и на Новых Гебридах. То есть сначала 2-ю дивизию морской пехоты увезли за 3000 километров от Перл-Харбора, а потом вернули более чем на 1000 километров обратно.

Шесть танков направлялись на участок «Красный-1» и 8 — на «Красный-3». Но 2 катера вместе с танками японская артиллерия потопила еще на подходе к острову, а остальным пришлось, как и пехотинцам, выгружаться на риф. При этом «Шерманы» не могли преодолевать брод более трех футов глубиной без риска залить и заглушить двигатели. А на рифе имелось немало мест со значительно большей глубиной — после обстрелов и бомбардировок множество глубоких воронок усеяло его дно. И если попавший в такую воронку солдат мог сбросить снаряжение, оружие и выплыть, то у танка глох двигатель, и он оказывался в западне, причем иногда — в нескольких метрах от берега. До берега дошли

3 танка на участке «Красный-1»: 2 из штаба роты — «Чайна Гэл», «Чикаго» и «Сесилия» 1-го взвода (все танки имели собственные имена) и не менее 5 на участке «Красный-3» — 3-й взвод в полном составе («Каннонболл», «Колорадо», «Чарли», «Кондор») плюс «Коммандо» из 2-го взвода. В некоторых случаях мужественные морские пехотинцы, не обращая внимания на огонь, шли перед танками, указывая дорогу. Погиб и командир батальона подполковник Свеченски.

«Шерманам» противостояло неизвестное число японских танков. Согласно различным источникам, их количество колебалось от 14 до 7, но все сходятся на том, что это были легкие танки Тип 97 «Ха-Го». При своем весе около 6 тонн и броне 12 мм они, разумеется, не могли соперничать с «Шерманами». Какая-то часть японских танков была просто вкопана в землю и превращена в доты.

Когда американские танки добрались до берега, выяснилось, что морская пехота просто не знает, что с ними делать. Поэтому танкисты получили простой приказ — двигаться вперед и стрелять по всему, что только они увидят. Никакой поддержки и взаимодействия между пехотой, саперами и танками не существовало в принципе.

Самое смешное, что на участке «Красный-1» даже произошел танковый бой — танк «Чайна Гэл», пересекая пляж, обнаружил и выстрелом 75-мм орудия уничтожил японский танк. По воспоминаниям лейтенанта Эдварда Бейла, японский танк выстрелил одновременно с американским и попал прямо в орудие «Шермана». Оно вышло из строя, поэтому до конца боев американская машина действовала в роли бронированной подвижной пулеметной точки. Американцы могут предложить и более драматический вариант этой истории. Японский снаряд заклинил башню «Шермана», и Бейл протаранил противника, согнув собственную пушку. Впрочем, лейтенанту еще повезло. К концу первого дня боев все «Шерманы», кроме двух, были выведены из строя.

Например, на участке «Красный-3» американские танки через проделанный в бревенчатом ограждении проход начали наступление в глубь острова, пытаясь помочь морской пехоте расширить плацдарм. Им удалось добраться до аэродрома и выйти к центру острова, но закрепиться там они не смогли. Все они, за одним исключением, вышли из строя. Этим исключением оказался

«Колорадо», который загорелся после попадания японского снаряда, но сохранил ход и сумел вернуться на пляж для тушения пожара. «Коммандо» и «Чарли» подбила японская артиллерия, «Каннонболл» завяз в воронке на японском подземном топливном хранилище и сгорел. Не повезло и «Кондору» — его по ошибке атаковал и вывел из строя флотский пикирующий бомбардировщик. Однако за ночь ремонтные команды, разобрав часть подбитых танков на запчасти, сумели ввести один танк «Сесилию» в строй.

Легким «Стюартам» повезло еще меньше. Все 4 танкодесантные баржи с этими танками были потоплены японской артиллерией. На следующий день американцы высадили около десятка «Стюартов», утопив по дороге еще несколько, но эти танки со своими 37-мм пушками не добились ничего существенного.

Зато японские же танки не добились **вообще** ничего. Три машины находились у командного пункта командира гарнизона адмирала Сибасаки. Японский танкист Тадао Ониуки рассказывал, что во время обстрела экипаж одного из танков получил ранения от осколков, проникших через незакрытый люк, а танк вышел из строя. После обстрела, не дождавшись приказов, он повел свой танк к берегу, занял удобную позицию и открыл огонь. Ониуки отмечал, что о присутствии людей на острове можно было догадаться только по стрельбе, которая велась по лагуне, — сказалась прекрасная маскировка японских позиций. Вскоре ему передали приказ — возвращаться к штабу. К этому моменту на Бетио оставалось только два исправных японских танка, и в связи с полным разрушением линий связи их решили использовать для разведки и передачи приказаний.

Полковник Шоуп, который командовал американскими войсками на острове, так и не сумел сделать однозначный вывод относительно действий танков. Прежде всего сказались тяжелые потери в первый день высадки, Шоупу даже пришлось радировать командиру дивизии: «Наши танки нехороши». Хотя «Шерманы» и помогли подавить немало огневых точек японцев, Шоуп отметил, что это потребовало чудовищного расхода боеприпасов. 75-мм пушка оказалась слабоватой против бетонных дотов. Одновременно был сделан вывод, что легкие танки совершенно непригодны для участия в десантных операциях.

Если говорить честно, попытка использовать несчастные «Стюарты» таким образом больше всего напоминает мне действия пьяного, который искал ключи под фонарем. Помните? «Ты что, здесь их потерял?» — «Нет. Зато здесь светло, искать легче». Легкий танк предназначался для ведения разведки и охранения. Какая там разведка на клочке земли в 2 квадратных километра? Зато на нем полно дотов и дзотов, с которыми 37-мм пушка заведомо не справится. Это что, не было известно до начала высадки? Прекрасно было известно, но ведь легкие танки высаживать гораздо проще, чем тяжелые...

А теперь я советую вам вспомнить наш парадокс номер два.

Со временем выяснилось, что беспомощные действия японских танков на Халхин-Голе не были какой-то неприятной случайностью. Напротив, японское командование снова и снова демонстрировало младенческую наивность при использовании своих танковых частей, хотя и американские генералы не слишком далеко ушли от японских. Со временем вскрылся и парадокс номер четыре Тихоокеанского театра. Чем больше танков собирали воюющие стороны, тем меньше от них было пользы.

В июне 1944 года американцы начали высадки на Марианских островах, куда японцы в свое время отправили 9-й полк 1-й танковой дивизии. Этот полк имел на вооружении не только легкие танки «Ха-Го», но и средние тип 97 «Ти-Ха».

Кстати, о параллельных пространствах. Не одни только американские генералы на различных ТВД оставались в неведении касательно событий в другом полушарии. Переводчики и авторы, пишущие на темы, связанные с танками и танковой войной, проявляли и проявляют подобное неведение относительно положения дел в смежных областях, не обращая никакого внимания на книги по военно-морской истории. Дело в том, что не столь давно после жарких споров было решено максимально приблизить транскрипции японских названий к их истинному звучанию, а не пользоваться двойным переводом: японский — английский — русский. Благодаря этому с книжных страниц исчезли всяческие «Чикумы», «Шикишимы» и тому подобные уродцы. Увы, танковая литература по-прежнему пестрит не существующими в природе «Чи-

Ха» и «Шинхото». Они родились из транскрипций «Chi» и «Shi» и так далее, с помощью которых англичане пытались передать сложные японские дифтонги. (В скобках заметим: попытка столь же безнадежная, как и передача русскими буквами знаменитого английского «Th».) Увы, по-японски эти слоги читаются практически как «Ти» и «Си», потому что японская фонетика ближе к русской, чем к английской.

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Японский 16-тонный танк «Ти-Ха» при встрече с «Шерманом» был столь же беспомощен, как и более легкий «Ха-Го» даже после перевооружения новой 47-мм пушкой. В лучшем случае он еще мог, при самых благоприятных условиях, справиться с легким «Стюартом», но «Шерман» был ему не по зубам. Японцы в области танкостроения отставали от американцев на два поколения, хотя в 1944 году они вряд ли еще осознавали это. Кстати, странно, что в некоторых источниках «Ти-Ха» называют средним танком, хотя он явно относится к легким. Может, по тем же принципам, по которым немецкий T-IV угодил в тяжелые?

Итак, на Сайпане японцы имели 3, 5 и 6-ю роты 9-го танкового полка и роту танков «Ха-Го» специальных морских десантных сил. Им противостояли 2-й и 4-й танковые батальоны морской пехоты США, каждый из которых имел по 46 танков M4A2. Американцы учли опыт предыдущих боев и высадили на Сайпан около двух десятков огнеметных танков на базе M3A1 «Стюарта», которые хорошо зарекомендовали себя в борьбе с японскими дотами и бункерами.

15 июня, в первый же день боев, «Шерманы» помогли американцам расширить и удержать плацдарм. Плавающие транспортеры LVT, как уже не раз бывало раньше, десятками гибли под огнем японцев при попытках использовать не просто для доставки пехоты на берег, а в бою в качестве бронетранспортеров.

В ночь с 16 на 17 июня японцы провели мощную контратаку с участием всех имевшихся танков. Она отличалась из рук вон плохим исполнением. Командовать атакой было поручено командиру 9-го танкового полка полковнику Хидэки Гото. Вместе с его танками (к этому моменту уцелело всего 44 единицы) должен был наступать уже потрепанный 136-й пехотный полк полковника Юкимацу Огавы. При описании этого боя грубую ошибку допустил автор выпуска «Бронеколлекции», посвященного танку «Ти-

Ха». Он пишет: «Танки скрытно высадились в тылу у закрепившейся на западном берегу американской морской пехоты, но на галечных пляжах Гарапана произвели много шума своими гусеницами». Во-первых, американцы подошли к деревушке Гарапан только 30 июня, через 2 недели после описываемого боя. И на тот момент она никак не могла оказаться у них в тылу. А во-вторых, о каком танковом десанте идет речь? Ни один из серьезных американских авторов (Фрэнк Хаф, Генри Шоу, Джон Чепин) не подтверждает этой высадки. Можно предположить, что С. Федосеева ввело в заблуждение упоминание о вспомогательном ударе десантников японского флота вдоль прибрежной дороги из Гарапана, нанесенном **на день раньше**. В нем участвовало несколько танков, но атака была легко отбита огнем базук. Однако все источники пишут, что был атакован левый фланг американского плацдарма, но никак не тыл...

Все американские источники дружно отмечают полное отсутствие скрытности при подготовке атаки. Еще до наступления темноты авиаразведка обнаружила японские танки, поэтому американцы приготовились к отражению атаки. В 03.30 морские пехотинцы 1-го батальона 6-го полка услышали шум танковых моторов. В направлении долины, откуда он доносился, было выпущено несколько осветительных снарядов и были замечены танки с пехотой на броне. На угрожаемое направление была передвинута рота «Шерманов», и все завершилось так, как и должно было завершиться. Заместитель командира батальона майор Донован писал: «Битва превратилась в какую-то безумную мешанину грохота, трассеров и вспышек. Когда танки получали попадания и загорались, они освещали другие машины, выходящие из колеблющихся теней перед нами». Сосредоточенным огнем 60-мм базук, 37-мм противотанковых пушек и 75-мм самоходных орудий (на базе полугусеничного транспортера М3) и танков атака была отбита.

К 07.00 все закончилось, был уничтожен 31 японский танк, в том числе 24 в полосе обороны 1-го батальона. Так бесславно завершилась первая и единственная массированная танковая атака японцев на Тихоокеанском театре. 136-й пехотный полк тоже понес серьезные потери. Командир 2-й дивизии морской пехоты генерал Уотсон подвел итоги этого боя, заметив: «Полагаю, мы могли больше не бояться японских танков на Сайпане. Мы их просто уничтожили».

Вероятно, японцы тоже правильно оценили итоги этого боя, потому что больше не пытались предпринимать подобных атак. На Филиппинах, точнее на острове Лусон, дислоцировалась японская 2-я танковая дивизия, которая после всех реорганизаций и перегруппировок все-таки насчитывала более 200 танков «Синхото Ти-Ха», которые к осени 1944 года окончательно устарели и не имели серьезной боевой ценности. После высадки на остров Лейте американцы прихлопнули находившуюся там 7-ю отдельную танковую роту, даже не заметив этого. Поэтому командовавший японской армией на Филиппинах генерал Ямасита решил превратить свои танки в доты и приказал закопать их в землю. Попытка усилить броню лобовой части башен навешиванием запасных траков помогла японским танкистам как мертвому припарки.

Высадка на Лусон началась 9 января 1945 года, а первое столкновение с японскими танками произошло 24 января. Отряд Сигемицу (7-й танковый полк) был атакован американской пехотой при поддержке роты «Шерманов» и самоходных 105-мм гаубиц М7. Японцы потеряли 15 танков, а когда 28 января попытались нанести контрудар, то было уничтожено еще 30 японских танков. Потери американцев в этих боях составили 3 «Шермана» и 1 гаубицу. В общем, к 5 марта японцы потеряли в общей сложности 203 танка «Ти-Ха», 19 танков «Ха-Го» и 2 самоходные гаубицы «Хо-Ро», решительно ничего не добившись. Командующий американской 6-й армией генерал Крюгер даже не упоминает о боях с японскими танками, ограничиваясь лишь указанием количества уничтоженных машин. Это нагляднее всего говорит о том, что американцы не рассматривали японские танки как сколько-нибудь серьезную помеху. Вот он, тот самый парадокс номер четыре: чем больше танков, тем меньше прока.

Вообще на Тихом океане танки использовались лишь как подвижные огневые точки, помогая пехоте при обороне и наступлении. Крайне сложная местность не позволяла им реализовать свое главное преимущество: сочетание огневой мощи с мобильностью, поэтому ни о какой танковой войне не может быть и речи. Собственно, если бы не эти парадоксы, данную главу не стоило бы даже писать.

А что в это время творилось в Юго-Восточной Азии? Нет, танковая война не состоялась и там, хотя противники применяли танки, но только в ограниченных количествах. И, как ни странно, временами танкам даже удавалось повлиять на ход боев, хотя решающей силой они не стали.

Британское командование рассчитывало, что условия местности в Малайе и Бирме не позволят японским войскам применять бронетехнику и пехотные подразделения большой численности. Японцы же рассуждали иначе. Императорская армия произвела морское десантирование на северном побережье полуострова Малайя 8 декабря 1941 г. 25-я армия генерала Ямасита имела 211 танков в составе 16-го и 14-го отдельных танковых полков. Англичане в Малайе танков не имели, они полагали, что колониальные дивизии будут нести полицейскую службу, а для этого достаточно броневиков «Мармон-Херрингтон». Вооруженные пулеметами броневики, конечно же, не могли противостоять даже таким плохим танкам, как японские.

Японцы использовали танки мелкими группами, так как им приходилось двигаться по узким дорогам. В основном они действовали в качестве бульдозеров, разгребая завалы, которые оставляли на дороге стремительно отступающие английские войска. К началу января англичане уже отступили к реке Слим, прикрывая подступы к аэродромам в районе Куала-Лумпура. Здесь и состоялось главное сражение. 7 января 1942 года рота японских танков прорвала плохо организованную оборону и захватила мост, находящийся в 30 километрах за линией фронта. В результате английские войска, оборонявшиеся к северу от реки, были отрезаны и капитулировали. Англичане потеряли 4000 человек, тогда как японцы — всего лишь 6 танков и незначительное число солдат убитыми и ранеными. Злая ирония судьбы — колониальные части Британской империи, в данном случае индийская 11-я дивизия, оказались ничуть не более стойкими к психологическому воздействию танков, чем дикие туземцы. Это поражение надломило моральный дух английских войск, и далее японцы не встречали даже символического сопротивления. Малайская кампания завершилась позорной сдачей Сингапура, считавшегося неприступной крепостью, когда 15 февраля 80 000 солдат генерала Персиваля капитулировали перед 30-тысячной армией генерала Ямаситы.

Вот так горстка плохих танков во многом решила исход кампании, хотя непосредственно в боях она почти не участвовала.

После этого англичанам пришлось усиливать танками свою армию, оборонявшую Бирму, хотя ни о какой танковой войне в джунглях нельзя было и думать. И все-таки они спешно перевооружили американскими легкими танками «Стюарт» свою 7-ю танковую бригаду и отправили ее из Северной Африки в Рангун. Там 4 марта 1942 года бригада вступила в бой, познакомившись со специфическим японским противотанковым оружием — подрывными зарядами на бамбуковых шестах. На следующий день в бой вступили японские танки, но быстро выяснилось, что японские танкисты воевать совершенно не умеют, а «Стюарты» сильнее всяких там «Ха-Го». Во время этого боя один японский офицер спрыгнул с лошади на танк и попытался зарубить его командира мечом, но получил удар молотком по голове и упал под гусеницы. Во всяком случае, англичане уверяют, что такой случай действительно имел место.

Японцы умело использовали свою способность передвигаться в джунглях и отрезали британскую армию, находившуюся в Бирме, от Индии. Но 7-я танковая бригада, прикрывая отступление, позволила остаткам армии вырваться из капкана и отойти в Индию. Танковых боев в бирманских джунглях не происходило, так как японский 14-й танковый полк после первой неудачной стычки вел себя очень осторожно. Однако англичанам не удалось переправить танки через реку Чиндуин, и их пришлось взорвать.

В начале 1944 года японцы предприняли новое наступление и окружили британский IV корпус в Импхале. Снова танки, на этот раз индийской 254-й танковой бригады, помогли во многом спасти положение. Но обратите внимание, они действовали в том стиле, который позднее был характерен для боев во Вьетнаме — в качестве передвижных огневых точек, благо противотанковых средств у японцев практически не было. То есть даже в боях с регулярной армией танки использовались, как в антипартизанских операциях. Кстати, несколько индийских офицеров, отличившихся в этих боях, позднее отличились и во время индо-пакистанских войн.

Когда в 1945 году англичане перешли в решительное наступление, они использовали танки примерно так же, как японцы в

начале войны, — для расчистки дорог и уничтожения опорных пунктов. Но при этом они обошлись 254-й и 255-й бригадами, которые воевали на устаревших «Стюартах» и «Ли», при том, что английская 14-я армия состояла из 3 корпусов. И если с легкими танками японцы еще кое-как справлялись, то средние «Генерал Ли» были для них столь же грозным противником, как для английских танкистов «Тигры». Влияние танков было почти незаметным, англичане даже не пытались перебрасывать в Бирму крупные соединения, хотя, разумеется, танки облегчали действия пехоты, но все равно оставались вспомогательной силой.

Глава 14

МАЛЕНЬКАЯ, НО НЕОБХОДИМАЯ ГЛАВА

Завершилась Вторая мировая война, и теперь генералы (и маршалы тоже) могли спокойно перевести дух, оглядеться и решить, что следует делать дальше. Собственно, такой вопрос перед ними не стоял, они умели и любили только одно и, соответственно, желали и дальше заниматься этим же делом — воевать. Прежде всего следовало проанализировать действия всех видов вооруженных сил, чтобы наметить дальнейшие пути их развития и подготовить наставления по наиболее эффективному использованию всех систем оружия. На Европейском театре военных действий главную роль играли танковые войска, хотя союзники, а особенно американцы, старались выдвинуть на роль решающей силы авиацию. Однако мы будем рассматривать именно действия танков, так как исход Великой Отечественной войны решило именно противостояние Панцерваффе и танковых войск Красной Армии.

Как бывает очень часто, реальное воплощение идей оказалось очень далеким от предсказаний теоретиков. Книги Фуллера, Лидделл-Гарта, де Голля имели очень мало общего с реальным ходом боевых действий, даже Гудериану далеко не всегда удавалось реализовать свои собственные предсказания. Прежде всего это произошло потому, что танковая война оказалась намного сложнее и многообразнее, чем представлялось до начала Второй мировой войны. Но в то же время мы должны отметить, что некоторые из высказанных идей были реализованы, как говорится, с точностью

до последней запятой. Конечно же, мы говорим о блицкриге. Это был хрестоматийный пример использования всего комплекса боевых качеств танковых войск — не какой-то одной отдельно взятой характеристики, а именно всех их в сумме. И мы видели, как в начале войны (в период с 1940-го до лета 1942 года) немцы проводили блицоперации, а начиная с 1944 года эта прерогатива переходит к Красной Армии. Какие-то операции на окружение завершались полным успехом (Киевский котел, Сталинградский), какие-то — частичным, а какие-то вообще ничего не давали, так как окруженная группировка прорывалась на свободу. В то же время хочется особо подчеркнуть, что западные союзники **ни единого раза** не сумели добиться подобного успеха. Наиболее показательной в этом плане является история с так называемым фалезским мешком. Зато Военное министерство США в 1943 году выпустило наставление для собственных офицеров: «Как затупить лезвие блицкрига».

Однако наступательные операции, в которых танковые войска играли главную роль, не сводились к одним только окружениям и котлам. Имеется несколько примеров, когда была реализована идея глубокого прорыва, стремительного рассекающего удара с целью с целью захвата стратегически важного пункта или уничтожения какой-то особо важной цели. Такие операции были характерны для Красной Армии. Наиболее убедительным примером оперативного удара является рейд танкистов генерала Баданова к аэродрому в станице Тацинской, после которого были окончательно сорваны все попытки немцев наладить снабжение окруженной армии Паулюса по воздуху. Стратегическим глубоким прорывом можно считать Пражскую операцию 1945 года, которая, кстати, несколько соприкасается с глубокой операцией в том виде, как ее описывали Триандафилов и Свечин: сочетание военных и политических результатов. Но, безусловно, в первую и главную очередь мы должны учитывать военные результаты таких ударов.

Еще один вариант наступательных действий негласно предусматривался, хотя, кажется, нигде не был прописан официально — это преследование разбитого противника. Ведь в каком-то смысле танки являлись преемниками кавалерии, на которую всегда возлагалась эта функция. Англичане даже начали строить специальные крейсерские танки, которые идеально подходили для этого, но ни

на что другое не годились, как и советские БТ, если уж говорить честно. Но мало иметь подходящие танки. Для преследования должна сложиться соответствующая оперативная обстановка, и командовать должен решительный офицер. При отсутствии этих двух обязательных условий из преследования ничего не получится, в чем можно без труда убедиться, посмотрев на Северо-Африканские кампании британской армии. Увы, не один Сталин мог сожалеть об отсутствии гинденбургов в своем генеральском корпусе. Англичане тоже наверняка жалели, что у них не нашлось Зейдлица или Мюрата, вместо них имелись всяческие о'конноры и монтгомери разного калибра — вялые, сверхосторожные (эпитет «трусливые» мы не употребляем), безынициативные.

Характерным примером операции на преследования являются действия 1-й танковой армии фон Клейста под Ростовом летом 1942 года. Операция на окружение не удалась, но в то же время советские войска перестали оказывать организованное сопротивление, поэтому немцы перешли к преследованию на широком фронте, что отличалось от блицопераций и рассекающих ударов, которые наносились по определенным направлениям. В подобных операциях больше, чем в других, сказывается такой фактор, как работа системы снабжения. Если присмотреться внимательнее, то мы видим, что каждому уровню развития техники соответствует своя предельная глубина операции. Например, в Первую мировую войну она не превышала где-то 150—200 километров. А что еще можно было ожидать от транспортного средства марки «телега»? Во Вторую мировую войну этот предел повысился примерно до 500 километров в наиболее благоприятных условиях летнего наступления. Поэтому отказ командования Красной Армии от операции «Большой Сатурн» был вполне разумным решением. Имело значение и элементарное наличие запасов топлива. Ведь те же немцы при наступлении на Сталинград рвали на себе волосы, потому что им приходилось расходовать две тонны бензина, чтобы доставить к линии фронта одну. И в то же самое время американцы совершенно не задавались подобными вопросами, снабжая различными припасами воздушную армию генерала Ченнолта, базирующуюся в Китае, хотя им приходилось на доставку тонны груза **самолетами** тратить уже четыре тонны бензина. Кстати, это единственный пример длительного и успешного функционирова-

ния воздушного моста в крайне трудных условиях — перелеты приходилось совершать через хребты Гималаев. Немцам удавались лишь единичные операции, вроде доставки бензина танкам Гудериана, или недолговечные мосты, как при заброске грузов в Демянский котел. Попытка снабжать таким же образом армию Паулюса провалилась с треском.

Тесно граничит с преследованием противника так называемый «стальной каток». В этом случае танковая армия после сокрушения организованной обороны ведет наступление широким фронтом, однако она вынуждена уничтожать отступающие части и резервы противника, поскольку они продолжают оказывать сопротивление. Вот здесь мы уже видим принципиальное отличие танковых войск от кавалерийских масс прошлого. Кавалерия не обладала достаточной огневой мощью и ударной силой, чтобы уничтожать узлы сопротивления и части противника, не поддавшиеся панике. В некоторых отношениях такой метод наступления даже более эффективен, чем блицкриг, так как противник не получает возможности консолидировать свои позиции в глубине обороны. В результате ему приходится буквально на пустом месте создавать новую линию фронта, так как все его силы в полосе наступления оказываются уничтоженными. Просто блестящим примером такого вида наступления является Висло-Одерская операция Красной Армии, проведенная в начале 1945 года.

Но теория не стоит на месте, подталкиваемая развитием техники. Безусловно, следует согласиться с мнением, что танковая война является частным случаем более широкого понятия «маневренная война». И вот в рамках этого общего буквально перед самым окончанием военных действий появляется новое понятие — комбинированная операция. Ранее под этим подразумевали высадку морских десантов, потому что в подобных операциях успех зависел от налаженного взаимодействия флота и армии, двух отдельных видов вооруженных сил. Но летом 1945 года в Маньчжурии Красная Армия продемонстрировала иной вариант комбинированной операции — взаимодействие авиации и армии, когда наступление танковых и механизированных частей дополнялось высадкой воздушных десантов в ключевых пунктах системы обороны противника. Немцы во время наступления в Арденнах пытались предпринять нечто подобное, но воздушная часть операции

провалилась сразу. И если рассмотреть повнимательнее хваленую американскую операцию «Сабля пустыни» — освобождение Кувейта, то мы увидим, что совершенно ничего нового американцам добавить не удалось, хотя со времени Маньчжурской операции прошло полвека. Конечно, мне могут бросить упрек, что «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», но все-таки за 50 лет генералы просто обязаны были придумать что-то новое, хотя бы для того, чтобы отработать свой оклад денежного содержания.

В то же время следует отметить, что не всегда появление новой техники вело к появлению новых тактических приемов. Например, создание немцами тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», наоборот, отбросило тактику ведения наступательных операций в эпоху Первой мировой. Снова было решено наносить удар не там, где это возможно, а там, где хочется, в напрасной надежде, что Вундерваффе сумеет пробить вражескую оборону, как это делали танки в 1916 году. Увы, в 1943 году танк, какой бы он хороший ни был, уже не являлся принципиально новым оружием. Тяжелые танки германской армии стояли на более высоком техническом уровне, чем советские танки соответствующего периода, но технологической инновации, резкого прорыва вперед не представляли, это было количественное, но не качественное совершенствование. Отсюда и совершенно закономерная неудача немецкого наступления под Курском.

А теперь перейдем к оборонительным операциям с использованием танков, которые перечисленные выше теоретики, в общем-то, и не рассматривали, справедливо считая танк наступательным вооружением. Но даже при беглом чтении их трудов бросается в глаза любопытная закономерность: на словах проповедуя мобильную войну, они рассматривали танки как инструмент жесткой статичной позиционной обороны. Единственный способ применения танков в обороне — это тактический контрудар с целью ликвидации локального вклинения противника в свои оборонительные позиции. Вопрос о ликвидации серьезного прорыва не рассматривался, такой прорыв считался невозможным по определению.

И вот здесь практика буквально в первый же месяц войны заставила немцев выдумывать что-то новое. К их чести, немецкие генералы с неожиданно возникшей задачей справились. Мы говорим о сражении на Бзуре. В случае крупного прорыва противника

немцы решили изо всех сил держать фланги прорванного участка, стараясь не допустить его расширения. Одновременно подтягивались танковые соединения, которые совместным ударом с двух сторон срезали образовавшийся клин. Такие действия облегчались тем, что противник, как на Бзуре, так и под Харьковом весной 1942 года, не использовал крупные соединения танков и вел наступление по старинке, пехотой. Кстати, отчасти этот же прием был использован и во Франции в мае 1940 года, когда соединения англо-французской армии двинулись в Бельгию и сами залезли в мешок.

Метод обороны, примененный Манштейном при отступлении от Сталинграда, нельзя считать типичным, потому что в данном случае ему пришлось иметь дело со слабо скоординированными ударами не слишком крупных танковых групп. Нейтрализовать прорыв советского танкового корпуса (который, напомним, был не сильнее немецкой танковой дивизии), не поддержанного выдвижением резервов, не представляло особого труда. В ходе этих боев главная слабость Красной Армии — неадекватное состояние системы связи на всех уровнях. Это не позволяло скоординировать действия отдельных корпусов и бригад, развить успех, достигнутый на одном участке, или, наоборот, парировать внезапно возникшую угрозу на другом.

Уже как совершенно крайний случай, когда речь идет не об обороне какого-то участка фронта, а о спасении всего, что еще можно спасти, следует рассматривать использование танковых частей для прорыва кольца окружения, которое, как правило, производилось одновременным ударом снаружи и изнутри. Односторонний удар особых шансов на спасение не давал. Но, как правило, удавалось спасти далеко не всех: смотрите примеры того же Барвенковского котла и Корсунь-Шевченковского.

Здесь приходится ловить на слове самого себя. Есть крайний случай, а есть еще **крайнее**. Уже от полного отчаяния немцы изобрели так называемый «плавающий котел», когда прорвать кольцо не удавалось и приходилось методом навала стараться сместить весь котел как целое по направлению к линии фронта. За такое Гитлер давал кресты, но мало ли за что их давали в апреле 1945 года...

После окончания Второй мировой войны развитие танков и танковых войск продолжалось, причем военная мысль снова начала выписывать причудливые зигзаги, сильно напоминающие то, что происходило перед этой войной. Немцы, набаловавшись вдоволь с монстрами вроде «Ядгтигра» и «Мауса», кинулись в другую крайность — «Леопард I» имел бронирование, которое иначе как символическим назвать трудно. Шведские безбашенные танки (кстати, а почему их называют танками?) вполне достойны занять место в любой «камере преудивительных кунстов». Как-то сами собой потихоньку вымерли штурмовые орудия. Ну, это понятно: калибр танковых пушек вырос до разумного предела, новое поколение 120-мм и 125-мм снарядов прекрасно справлялось с теми задачами, которые ранее выполняли старые 152-мм. Попытки установить орудие такого калибра на танк предпринимались неоднократно многими странами, но успеха так и не принесли. Гонка калибров танковых пушек завершилась. Зато снова вспыхнула гонка бронирования. Первый звонок прозвенел во время Арабо-израильской войны 1973 года, когда множество танков стали жертвами противотанковых ракет и гранатометов. Казалось бы, этот звонок может стать погребальным колоколом, но танк извернулся. Появились две принципиально различные системы противодействия управляемым ракетам и кумулятивным снарядам — многослойная броня и динамическая защита. Они прошли испытание во время последующих военных конфликтов и показали себя достаточно адекватными.

Но остается вопрос: а как бы показали себя танки в случае серьезного конфликта главных противостоящих лагерей — НАТО и ОВД? При всей занимательности разборок на Синайском полуострове или на индо-пакистанской границе они не могут служить мерилом эффективности танковых войск. Снова началось использование танков, но не танковая война.

Пытаясь рассмотреть вопрос о гипотетическом конфликте Востока и Запада, мы вступаем на зыбкую почву предположений и допущений. Прежде всего приходится сказать, что в случае тотальной ядерной войны рассматривать тактику применения танковых войск просто не имеет смысла, а вот удастся ли в случае возникновения конфликта удержать его в определенных рамках? Тот же Том Клэси в своей неплохо написанной книге «Красный шторм» дает утвердительный ответ. Дескать, все сведется к затяжной войне с использованием обычных вооружений, в которой пре-

восходство Запада в технологиях принесет ему конечную победу. Даже в самой отчаянной обстановке терпящие неудачу Советы не рискнут применить тактическое ядерное оружие, точнее вознамерятся, но здоровые силы в советском руководстве нейтрализуют выпады безумцев. О применении баллистических ракет речь не идет в принципе. Точно по такому же сценарию проходит и описываемая Клэнси советско-китайская война, в которой побеждают, разумеется, американцы, опять-таки за счет ультрасовременных технологий.

Честно говоря, все это вызывает сильнейшие сомнения. Прежде всего тот же Клэнси в другом своем романе «Все страхи мира» очень наглядно показывает, как может произойти сползание к тотальной ядерной войне. Вольно или невольно, однако он очень точно воспроизвел дипломатический коллапс, приведший к развязыванию Первой мировой войны. Ведь и тогда на вопрос: «Как же это все произошло?», дипломаты обоих лагерей беспомощно разводили руками: «Ах, если бы только знать...»

Кстати, давайте расставим точки над умляутами. Ситуация с так называемым реформированием блока НАТО мне больше всего напоминает старый советский анекдот: «Говорят, что наш завод швейные машинки делает, а я как дома ни соберу — все пулемет получается». То же самое и с НАТО. Блок создавался с единственной целью — борьба против Советского Союза, и, как его ни собирай, все равно пулемет получится. Другое дело, что мы должны четко различать врага номер один и угрозу номер один. Если угрозы России постоянно меняются с течением времени, то наш горячо любимый враг номер один стабильно сохраняет свой статус.

Я могу излагать лишь свою собственную точку зрения, но скажу, что обычная война между противостоящими блоками была просто бессмысленной. Расхождения в социально-политических вопросах делали невозможным любой другой исход, кроме полной победы одной из сторон. А что означала полная победа в условиях неприменения ядерного оружия? Оккупацию территории противника. И как вам смотрятся советские танки, дошедшие до Пиренеев? Или американские танки под Минском? И то и другое уже по части психиатров. Рано или поздно, точнее **рано**, в ход пойдут атомные бомбы, а то, что в ядерной войне не будет победителей, осознали много позднее, когда родился изящный термин «оверкилл». Вот давайте представим, что в результате успешно прове-

денного блица советские танковые армии окружили и уничтожили основные вооруженные силы НАТО на территории Германии, что будет дальше? Американцев перспектива воевать до последнего живого немца не испугает ни на секунду, в ход сразу пойдут «Минитмены» и «Поларисы». Но, прошу меня извинить, если вы ждете описания сражения 47-й гвардейской танковой дивизии с немецкой 1-й танковой дивизией где-то возле Ганновера. Сначала я хотел было писать именно об этом, но потом решил, что этот бой может выглядеть уж очень по-разному в зависимости от года, когда он может произойти.

Дело в том, если все-таки рассмотреть эвентуальную возможность такого конфликта, то нам следовало бы разделить послевоенную историю на несколько отрезков. Первый — это период до начала 1950-х годов. Как мы уже отмечали, советские танковые войска превосходили силы западных государств по всем параметрам, как каждой страны по отдельности, так и всех их, вместе взятых. Однако в этот период советская авиация столь же безоговорочно уступала западной. Поэтому конфликт, скорее всего, развивался бы по следующему сценарию: после первоначальных успехов советские танковые армии были бы остановлены массированными ударами с воздуха, как это происходило с немецкими дивизиями на Западном фронте в 1944 году. К тому же в этот период не столь сильна была и советская зенитная артиллерия.

Ситуация кардинально меняется с появлением истребителя МиГ-15. Он моментально выбивает главный американский козырь — превосходство в воздухе. Описаниям воздушной войны в Корее верить не приходится. Советские источники повествуют о грандиозных победах советских асов, сбивавших по 10 американских самолетов на один потерянный свой, американцы с такой же энергией рассказывают о 19 сбитых «мигах» на каждый потерянный «Сейбр». Поэтому истина, судя по всему, находится где-то посередине. Но, с учетом превосходства советских танков, равенства в воздухе будет достаточно для достижения положительного исхода гипотетического наступления. Если же учесть, что советская зенитная артиллерия в этот период совершила заметный качественный рывок вперед, в чем на своем печальном опыте убедились американские летчики во время различных конфликтов, то к началу 1960-х годов перспективы НАТО в обычной войне выглядят достаточно уныло.

Кстати, это накладывает свой отпечаток на линию развития натовских танков. Практически все страны переходят на производство тяжелых танков, которые еще со времен прославленного Т-VI «Тигра» были, есть и останутся наилучшим противотанковым средством.

К началу 1970-х годов ситуация становится запутанной и неопределенной до крайности. С одной стороны, НАТО снова возвращает себе превосходство в воздухе с появлением F-4 «Фантома». Ссылки на то, что МиГ-21 его где-то и когда-то сбивал, безосновательны. В конце концов, в июне 1941 года наши летчики на «ишаках» «мессеров» сбивали, и что из того? Будем сравнивать И-16 и Ме-109? Зато советская ПВО выходит на новый качественный уровень. И во Вьетнаме, и на том же Синайском полуострове зенитная артиллерия и ЗРК решительно расчищают небо от любых американских самолетов, начиная с «Фантомов» и кончая «Стратофортрессами». Вдобавок на вооружении Советской Армии появляются в массовых количествах ПТУРы и противотанковые гранатометы, хотя, рассуждая логически, их развитием следовало бы заняться как раз Западу, но потребовалась звонкая оплеуха во время войны Йом-Киппур. Весь вопрос в том, сможет ли советская ПВО успеть за продвижением танковых армад? Если успеет — «враг будет разбит, победа будет за нами». Если нет...

В 1980-е годы положение становится еще сложнее. С одной стороны, появляется новое поколение советских самолетов, с другой — новое поколение натовских танков. Блок НАТО ориентируется больше на многослойную броню «Чобхэм», советские конструкторы ставят на системы динамической защиты. Сложно сравнивать принципиально различные системы. И тут на первый план выступает уже совсем невоенный фактор — в 1980-х годах начинается развал экономической системы СССР. А государство с разваливающейся экономикой воевать неспособно.

Глава 15

АПОФЕОЗ ВОЙНЫ

История любит шутки, но при этом чаще всего шутит очень зло. Так получилось, что после окончания Второй мировой войны танковые войска — Панцерваффе — в истинном смысле этого сло-

ва создали только одно государство. Ирония судьбы заключалась в том, что жителями этого государства были люди, которых фашисты ненавидели больше всего и стремились полностью уничтожить. С самого первого дня существования Государство Израиль было вынуждено вести жестокую борьбу с соседними арабскими странами. Его танковый корпус закалился в этих боях и превратился в самую обученную и самую подготовленную танковую армию. Так, во всяком случае, утверждает подавляющее большинство западных историков. Его командиры и солдаты проходили жестокую школу поля боя и оплачивали свой опыт кровью. Им удалось добиться сочетания железной дисциплины и разумной инициативы командиров, что позволяло одерживать победы над гораздо более крупными и лучше оснащенными силами арабов во всех случаях, когда они встречались на поле боя. Хотя и здесь не все события можно оценить однозначно, мы попытаемся в них разобраться, хотя история арабо-израильских войн может стать темой большой книги, а не одной главы.

А начиналось все это как дешевая пародия. Нам придется вернуться далеко назад, к событиям, предшествовавшим созданию государства Израиль в 1948 году. Израильтяне с помощью всяческих уловок сумели собрать небольшую коллекцию разномастных бронированных машин, в которую вошли даже автобусы, обшитые стальными листами. Первое время еврейские конвои двигались между поселениями под прикрытием легко бронированных грузовиков, названных «сэндвичами». Это название появилось потому, что их «броня» состояла из 5-дюймового слоя фанеры между двумя 5-мм стальными пластинами.

Первыми израильскими «танками» стали два броневика — «Даймлер» и GMC, которые угнали из британских парков симпатизирующие евреям солдаты. Они были переданы ожидавшим машины экипажам Хаганы. Британские власти пришли в ярость и потребовали вернуть броневики, но, как объясняет полковник Давид Эшель в своей истории израильского танкового корпуса «Колесничие пустыни», еврейские власти не смогли бы это сделать, даже если бы захотели. «Лишь часть членов Хаганы были посвящены в секрет. Через несколько дней оба броневика были выведены из укрытия и использованы, чтобы помочь Хагане выбить крупные силы арабов из форта Кастель на дороге в Иерусалим».

Потом был приобретен настоящий танк — старенький «Шерман», который англичане собирались отправить на слом перед эвакуаций после окончания срока действия своего мандата на управление Палестиной. Танки планировалось просто отбуксировать на вершину горы Кармел и столкнуть в пропасть. Однако взятки любят все, и евреи сумели ночью «украсть» один из «Шерманов» по пути на гору. Он был передан на ожидавший еврейский транспортер и увезен в Тель-Авив, в то время как британские солдаты заполняли бумаги, подтверждающие уничтожение танка. Но выяснилось, что англичане были хитрее. Мотор танка был неисправен, пропала даже часть траков, а пушка попросту не могла стрелять. Требовалось много работы и трудные поиски недостающего оборудования, чтобы привести его в божеский вид. Вообще, израильтяне собирали «Шерманы» по всему миру — от Италии до Филиппин.

Однако вскоре из Европы прибыли более нормальные пушечные броневики. Появилась новая структура, названная танковыми войсками, которая состояла из 100 новых броневиков. Первое боеспособное броневое подразделение было довольно оптимистично названо 8-й танковой бригадой. А вскоре бригада обзавелась и настоящими танками, целым батальоном. На вооружении этот батальон имел роту французских танков «Гочкисс», проданных Израилю под видом сельскохозяйственных машин. Их экипажи были укомплектованы русскими, которые знали лишь пару слов на идиш. Другая рота имела 2 танка «Кромвель» и 1 «Шерман». Их экипажи состояли из английских и южноафриканских добровольцев, которые идиш не знали вообще. Командир бригады говорил и на русском, и на английском, но приказы приходилось отдавать через цепь переводчиков, поэтому нетрудно представить, какие выходили ошибки. В состав бригады входил также 89-й батальон коммандос под командой легендарной фигуры — одноглазого Моше Даяна. Он потерял глаз, сражаясь против сил Виши на Среднем Востоке в годы Второй мировой войны.

Первой крупной операцией 8-й бригады, операцией «Дэнни», стало наступление двумя колоннами на аэропорт Лидда. Она началась хорошо. Англоговорящая танковая рота захватила бывший лагерь Королевских ВВС, находившийся всего в получасе ходьбы от аэропорта. Однако русскоговорящая рота получила устаревшие

карты и вообще не могла понять приказа. В результате они просто заблудились! Потребовалось время, чтобы во всем разобраться, собрать батальон и возобновить марш. Тем временем коммандос Даяна захватили свои цели и ожидали прибытия танков. Даян понял, что дорога на город Лидда, лежащий южнее, совершенно открыта. Тогда он решил нарушить приказ командира бригады и нанести внезапный удар. После упорного боя он захватил Лидду. Даян получил хороший фитиль от своего босса, но одержал отличную победу. Как сказал Давид Эшель: «Кровопролитная операция «Дэнни» была первой в длинной цепи «успешных историй» Израильского танкового корпуса. Она позднее послужила основой для выработки концепции мобильности израильских сил самообороны». Так завершилась первая серия многосерийного фильма «Арабо-израильские войны», которую следовало бы назвать «Пародия на танки».

Позднее министр обороны Израиля Давид Бен-Гурион решил попытаться сформировать еще одно бронетанковое подразделение, но для него не нашлось танков. Поэтому 7-я бригада получила американские полугусеничные транспортеры М-3 и броневики. Рекруты набирались в основном из нелегальных иммигрантов, которых англичане посылали в фильтрационные лагеря на Кипр, а потому они не были знакомы с местностью своей новой родины. Первое крупное столкновение произошло в Латруме на середине дороги из Иерусалима в Тель-Авив. Произошел жестокий бой, который завершился тяжелыми потерями для обеих сторон. После этого 7-я бригада, которой командовал канадский ветеран подполковник Бен Дункельман, воевала в Галилее. После форсированного марша она сумела захватить город Назарет. Там же состоялся первый на Ближнем Востоке «танковый бой» с арабскими броневиками. В общем, уже первая арабо-израильская война показала, что танки являются мобильной и грозной силой, хотя основную тяжесть боев пока что вынесла на себе пехота.

Мы так подробно рассказываем об этом, чтобы вы поняли, с какого мизера начиналась история израильских танковых войск. Панцерваффе тоже начинали с «ужасных» Т-I, но немцы все-таки сформировали сразу три дивизии. Израильтяне пока ограничивались бригадами, причем, что самое странное, 10 лет спустя они повторили ошибку англичан, заметно перекосив состав в сторону

танкового элемента. Более того, они ухитрились часть танков растолкать по пехотным бригадам и даже ввести танковый батальон в состав парашютной бригады, что понять уже совершенно невозможно. То есть и для израильтян путь к победам оказался длинным и запутанным.

После подписания перемирия израильтяне взялись за создание танковых войск всерьез, по крайней мере, именно так они думали. Метод был выбран привычный — обшаривались все блошиные рынки Европы, благо после окончания войны там хватало всевозможного добра. Совершенно ископаемые «Гочкиссы» были отправлены в отставку, им на смену была собрана коллекция самых разномастных «Шерманов». Количеству моделей этого танка, собранных в 7-й танковой бригаде, мог бы позавидовать любой музей. Но и это еще не все. Имеется несколько фотографий, на которых «Шерманы» сирийской армии мирно стоят бок о бок с T-IVH. Дело в том, что сирийцев обучали бывшие офицеры Панцерваффе, которые, естественно, отдавали предпочтение родной технике. Есть подозрение, что последние танки вполне могли попасть в Израиль и стать основой ударной мощи 7-й танковой бригады, но их сохранилось слишком мало. Интересно, пытались ли израильтяне раздобыть «Тигры» или «Пантеры»? Вот это получилось бы уже совсем смешно. Впрочем, желающие посмеяться смогли это сделать, когда в Сирии рядом с «Хуммелями» и «Ягдпанцерами» появились поставленные Советским Союзом T-34-85.

Такая разнотипность создавала массу проблем с обеспечением запасными частями и боеприпасами. Например, невесть каким ветром в Израиль занесло «Шерман-Файрфлай», к которому имелось 0 (прописью — ноль) снарядов. Но тут помощь пришла оттуда, откуда ее меньше всего ждали. Совершенно неожиданно Франция согласилась поставить Израилю большую партию бронетехники — 100 легких танков AMX-13, 60 самоходных 105-мм гаубиц и 60 «Шерманов». Это позволило сформировать еще две танковые бригады.

Однако к началу 1950-х годов стало очевидно, что вооружение американских танков совершенно не соответствует реалиям времени, поэтому израильтянам пришлось заняться модернизаци-

ей «Шерманов». И снова им помогли французы. Они согласились поставить Израилю 75-мм пушку CN 75-50, которая была цельнотянутым вариантом немецкой пушки KwK 42. Пушки понадобились для перевооружения «Шерманов», так как полученных от Франции легких танков AMX-13, вооруженных таким же орудием, было недостаточно для противодействия египетским Т-34-85. Унификация вооружения позволяла сократить номенклатуру боеприпасов. Для установки нового длинноствольного орудия пришлось изменить конструкцию маски и приварить на корме башни литой противовес. Любопытно отметить, что все литые детали изготавливались во Франции и Бельгии, а потом отправлялись в Израиль. К войне 1956 года было перевооружено 50 «Шерманов», в основном модификации M4A4, которые получили новое обозначение M50 и название «Супер-Шерман». Из них сформировали батальон в составе 37-й танковой бригады. Кстати, почти аналогичным, но более простым путем пошли египтяне, установив на части своих M4A2 башни FL10 от танка AMX-13.

Готовилась техника, но одновременно отрабатывалась и тактика, правда, занимались этим только израильтяне. На командных учениях 1952 года подполковник Ури Бен-Ари, будущий израильский Гудериан, командовавший 7-й танковой бригадой, погнал свое соединение прямо в пустыню Негев, в обход фланга оборонительных линий Центрального командования. Танки и полугусеничные грузовики совершили марш в 80 миль по Негеву и нанесли сокрушительный удар. Они смяли целую пехотную бригаду и опрокинули весь тщательно разработанный план учений. Большие шишки из Министерства обороны были не смущены, а скорее возмущены таким самоволием. Как мы помним, Гудериан тоже страдал от этого. К счастью, тут же находился премьер-министр Бен-Гурион, на которого это зрелище произвело колоссальное впечатление. Он добился, чтобы потрепанному танковому корпусу выделили деньги на закупку новых танков и боеприпасов. Так состоялось рождение израильских танковых войск. И следующая арабо-израильская война уже несла на себе явственный отпечаток танковых гусениц. Впрочем, более справедливым было бы назвать ее тройственной агрессией, ведь помимо операции «Кадеш», которую начала израильская армия, Англия и Франция параллельно провели операцию «Мушкетер». Политической ситуа-

ции на Ближнем Востоке осенью 1956 года мы касаться не будем. Скажем только, что Египет был не только беззащитной жертвой, но и довольно наглым провокатором и грабителем. Не все действия президента Насера, кстати, всю жизнь отличавшегося полуфашистскими взглядами, можно одобрить, но стремление старых колониальных держав решать экономические проблемы военным путем следует осудить безоговорочно.

Египтяне тоже получили достаточно большое количество бронетехники, в основном через Чехословакию. Это были 230 танков (в основном Т-34/85 и несколько ИС-3), 200 бронетранспортеров БТР-152 и 100 самоходок СУ-100. Этого вполне хватило бы для уничтожения всех «Шерманов» и AMX, если бы не... Ох уж эти проклятые «если бы не»!

Генерал-майор Моше Даян, начальник штаба Сил самообороны Израиля, спланировал операцию в стиле классического блицкрига. Израильские танковые части должны были нанести стремительный удар на Синайском полуострове, не ввязываться в затяжные бои и обходить опорные пункты египтян. Наступление танков дополнялось выброской парашютных десантов. При этом израильтяне намеревались нанести удар до того, как египтяне отмобилизуют и развернут свои силы. План был красивым, но, как говорится, «гладко было на бумаге». Действительность не соответствовала замыслу Моше Даяна, и не его вина, что израильское наступление завершилось успехом.

29 октября израильтяне начали наступление на Синае. Впрочем, первый выстрел в новой войне пришлось сделать не танкистам, эта честь выпала парашютистам.

Однако действия 202-й парашютной бригады заслуживают нескольких отдельных слов, настолько своеобразными они оказались. Синайский полуостров пересекают несколько невысоких, но труднодоступных хребтов, причем количество перевалов на них совсем невелико. Бригада должна была занять стратегически важный перевал Митла, чтобы помешать египтянам перебросить резервы из Суэца на это направление. Как следует действовать в подобных случаях? Высадить парашютный десант? Это было бы слишком просто. Поэтому лишь один батальон был выброшен на некотором расстоянии от перевала, а остальные силы бригады начали наступление на автомобилях (бронетранспортеров не хвата-

ло) при поддержке легких танков AMX-13. Согласитесь, очень нестандартный вариант использования парашютистов.

Недостаточный опыт израильтян не мог не сказаться, и от исходного пункта в Эйн-Хуснубе до первого рубежа на египетской территории в Кунтиле добралась только половина танков и чуть больше автомобилей. Преодолевая символическое сопротивление египтян, бригада двинулась дальше, к перевалу Митла. Главным врагом оказались пески Синая, они и нанесли колонне наибольшие потери.

Мы были бы несправедливы, если бы заявили, что главную роль в наступлении сыграли те 3 AMX-13, которые участвовали в бою за перевал Митла. Главные события все-таки разыгрались ближе к побережью Средиземного моря. На центральном направлении наступала 7-я танковая бригада уже знакомого нам полковника Бен-Ари. Она сравнительно легко захватила населенный пункт Кусейма, но при попытке продвинуться дальше застряла у опорных пунктов Ум-Катеф и Ум-Шихан. Попытка взять их с ходу привела к потерям, причем модернизированные «Шерманы» столкнулись с другими ветеранами Второй мировой — британскими противотанковыми самоходками «Арчер». Британские старички больно огрызнулись, поэтому примчавшийся на место боя Моше Даян приказал бригаде обойти опорные пункты с юга и спешно подтянуть сюда 10-ю пехотную бригаду. Здесь все шло, как и положено по канонам блицкрига.

Впрочем, израильтяне серьезно рисковали, так как их авиация не сумела захватить господство в воздухе, и наступающие механизированные колонны подвергались частым, но не слишком эффективным ударам египетской авиации. Здесь израильтян выручили несоюзные союзники — англичане и французы. Формальной причиной их вмешательства стала забота о безопасности Суэцкого канала, который мог стать районом боев. 30 октября они потребовали от воюющих сторон отвести свои части на 10 миль от канала. Но для этого Израилю еще предстояло пройти 100 миль по **чужой** земле, а Египту — отвести войска вообще в глубь **своей** территории. Естественно, Египет отказался выполнить условия ультиматума, и 31 октября союзники нанесли удар по его аэродромам, уничтожив все египетские самолеты. Израильтян, разумеется, со-

юзники не тронули, ведь те пока еще не находились в 10 милях от канала.

Ободренные этим вмешательством, 31 октября израильтяне перешли к более активным действиям. 202-я парашютная бригада продолжила неспешное движение к перевалу Митла, но в узком горном дефиле ее встретили египтяне. Вот таких ошибок панцер-генералы не допускали! Бой продолжался до наступления темноты и завершился с тяжелыми потерями для обоих противников.

В районе опорного пункта Ум-Катеф завязалось сражение, напоминавшее историю Бир-Хакейма. Один батальон 7-й танковой бригады обошел его и попытался атаковать с тыла, а 10-я пехотная бригада нанесла удар прямо в лоб. Израильтяне даже не попытались подавить огневые точки противника, за что и поплатились. Если мы помним, войска Роммеля постоянно пользовались поддержкой пикировщиков. А тут еще израильтяне попытались атаковать опорный пункт среди бела дня на бронетранспортерах!

В ходе упорного ночного боя к утру 1 ноября 7-я танковая бригада захватила тыловую опорную позицию к востоку от Ум-Катефа, но при этом **все** танки того самого батальона были либо сожжены, либо повреждены. Однако Даян закусил удила, он повторял стандартную ошибку советских генералов, стремившихся любой ценой и как можно скорее ликвидировать котел. Были подтянуты 4-я пехотная и 37-я танковые бригады и подготовлен новый штурм. Зачем? Можно было спокойно расстрелять опорный пункт из орудий, если уж авиация оказалась бессильна, а танки 37-й бригады двинуть дальше на восток вслед за 7-й бригадой. Здесь на помощь израильтянам пришло египетское командование, которое приказало гарнизону Ум-Катефа эвакуироваться. Приказ был исполнен, что избавило израильтян от новых серьезных потерь. Словом, Бир-Хакейм все-таки не получился, египетские солдаты, а главное — генералы оказались не ровня воинам Свободной Франции.

На побережье Средиземного моря в секторе Газы действовала 27-я танковая бригада. Она поддержала атаку пехоты на опорные пункты палестинцев и египтян. Задача была выполнена, но только наполовину. Египетская 5-я бригада выскользнула из намечавшегося окружения, и израильские танковые клещи ухватили пустоту. Однако израильские танки бросились в погоню за отступающими

египтянами. Попытка остановить их в горном дефиле оказалась неудачной. Маленькая группа израильских танков сумела выйти в тыл обороняющимся, и те помчались дальше на запад. Паника и замешательство охватили египтян. 1-я и 2-я танковые бригады, имевшие на вооружении советские танки Т-34-85 и самоходки СУ-100, вмешательства которых так опасались израильтяне, откатились к Исмаилии, так и не встретившись с израильской 7-й танковой бригадой.

1 ноября стал решающим днем боев на Синае. После этого здесь уже не происходило событий, достойных нашего внимания. Израильтяне, а точнее 202-я парашютная и 9-я пехотная бригады, продолжали наступление на юг полуострова с целью захвата порта Шарм-эль-Шейх, но танки в этой операции уже не участвовали. Израильтяне расположились на расстоянии 10 миль от Суэцкого канала, как того и требовал англо-французский ультиматум, и далее спокойно наблюдали за развитием событий. Кстати, за четверо суток боев они потеряли около 100 единиц бронетехники, хотя часть машин потом была отремонтирована. Совсем недурно!

Англо-французская операция «Мушкетер» внесла кое-что новое в военное искусство, так как впервые в истории был высажен десант с вертолетов. Британский 6-й Королевский танковый полк, имевший на вооружении «Центурионы» (египтяне впервые познакомились с этим грозным танком, который дальше доставил им массу неприятностей), быстро взял Порт-Саид, но все это к теме «Танковая война» совершенно не относится. После окончания боев Никита Хрущев 13 мая 1964 года наградил своего лучшего друга Гамаля Абдель Насера, агента фашистской разведки, готовившего в 1942 году фашистский переворот в Египте и удар в спину британской армии, сражавшейся с Роммелем, Золотой Звездой Героя Советского Союза. Одновременно это же звание получил такой же полуфашист и друг Насера маршал Абель Хаким Амер.

Вторая серия фильма, которую следовало бы назвать «Пародия на блицкриг», завершилась. Казалось, завершился очередной мелкий колониальный конфликт (если вспомнить силы участников), и даже если война еще раз вспыхнет на Синае, это будут все те же игры карликов. На самом же деле впереди предстояли крупные сражения, вполне сравнимые по размаху с операциями Второй мировой войны.

Уровень подготовки танкистов обеих сторон ясно продемонстрировал инцидент на сирийской границе в ноябре 1960 года. К этому времени Израиль уже получил вполне современные «Центурионы» со 105-мм пушками L7. И вот взвод «Центурионов» попытался уничтожить пару сирийских Т-IVH, которые вели огонь из окопов по израильской территории. За полтора часа танки, имеющие самые современные орудия и приборы управления огнем, выпустили около 100 снарядов и не добились ни единого попадания.

Такое положение было совершенно недопустимо, и назначенный командиром танкового корпуса генерал Исраэль Таль начал приводить в порядок свое хозяйство. Начались реформы, как обычно, с приведения в божеский вид личного состава, который, как выяснилось, имел совершенно недостаточную подготовку для управления современными танками. Например, прохладное отношение израильтян к «Центурионам» и их жалобы на частые поломки объяснялись просто — израильтяне не соблюдали правила обслуживания танков. И вскоре положение изменилось.

Во время следующей перестрелки с сирийскими Т-IV они были уничтожены в считаные минуты. Более того, израильские «Центурионы» сожгли еще несколько машин, водители которых беспечно предположили, что находятся вне досягаемости израильских пушек. Интересно отметить, что на месте наводчика в одном из «Центурионов» сидел сам генерал Таль.

Сведения о том, что сирийцы и египтяне получают новейшие советские Т-54 и Т-55, не на шутку встревожили израильтян, и они обратились к своим западным союзникам с просьбой о массовых поставках новых танков. США не захотели прямо участвовать в этом, а потому М48А2С «Паттон» отправились в Израиль со складов Бундесвера. Еще одна веселая шутка истории! После того как афера была раскрыта, разразился скандал, и какое-то количество «Паттонов» было поставлено уже напрямую из Штатов. Англия поставила новую партию «Центурионов». Параллельно очередной вивисекции подвергся несчастный «Шерман». Было решено, что даже 75-мм пушка уже недостаточно сильна, и танки начали перевооружать французскими 105-мм пушками, которые предназначались для новых танков АМХ-30. Так «Супер-Шер-

ман» превратился в «Ишермана», в смысле, в «Израильского Шермана».

Всего же к началу знаменитой «Шестидневной войны» в армии Израиля было около 1000 танков: 385 «Центурионов», примерно столько же «Паттонов», а также «Шерманы» и АМХ-13. Главным же было то, что израильский Генеральный штаб по результатам войны 1956 года полностью оценил значение танковых войск и сделал ставку именно на них. Началось формирование дивизионных боевых групп вместо прежних бригад, и теперь стержнем любой операции должны были стать танковые удары. Вообще в армии Израиля стал наблюдаться заметный перекос в сторону бронетанковых соединений в ущерб пехотным. Израильтяне реализовали мечты Фуллера, де Голля и других проповедников чистой танковой войны.

Арабские государства обладали заметно более крупными силами. Один только Египет мог выставить на поле боя до 1000 танков, в том числе 60 ИС-3, 450 Т-54 и Т-55 и 30 «Центурионов». Иордания имела 90 «Центурионов» и 300 американских М47 и М48, а также около 150 легких танков «Чериотир». К ним следует прибавить еще 750 сирийских танков, в том числе 150 новых Т-54. Таким образом, и по количеству танков, и по их качеству арабы заметно превосходили Израиль. Но бродит такое ехидное высказывание: даже если мышь раскормить до размеров слона, она так и останется серенькой обитательницей подпола и в слона не превратится. Арабские армии оказались этой самой раскормленной до безобразия мышью. Боевая подготовка оказалась мифом, а желание сражаться — нулевым.

Мы, опять же, не будем углубляться в подробности политических баталий, предшествовавших началу Шестидневной войны. Лишь опять повторим, что арабские государства были далеко не безобидными жертвами, они получили то, что хотели, — войну, но завершилась война совсем не так, как это виделось президенту Насеру, игравшему главную роль в антиизраильской кампании. Скажем только, что именно Насер совершенно свободно и без принуждения сделал шаг в пропасть, когда потребовал удаления миротворцев ООН, стоявших на границе Израиля и Египта. Впрочем, израильские генералы сами рвались в бой, желая опробовать только что полученные игрушки. Они сумели взять верх над

политиками, которые призывали к сдержанности. Причем обе стороны предпочли заткнуть уши и не слушать предостережений СССР и США.

Египет начал с шумом и помпой готовиться к наступлению, выдвигая на Синай 4 пехотные и 2 танковые дивизии. Они готовились наступать по двум направлениям — через Газу и Абу-Агейлу — прямо в сердце Израиля. Однако первыми нанесли удар именно израильтяне, которые решили не дожидаться наступления арабов. Для этого были сформированы три дивизионные боевые группы под командованием генералов Таля, Шарона, Иоффе. Приказ генерала Таля, который одновременно командовал и всем израильским танковым корпусом в целом, гласил:

«Исход войны зависит от наших действий. Наша дивизия имеет в своем составе лучшие бригады нашей армии, и от нас ожидают успеха. Если мы проиграем, результат будет катастрофическим для всей кампании. Следует ждать плотного огня и упорного сопротивления египтян, поэтому продолжайте движение. Если вы затормозите развитие атаки, на вас обрушатся с неба тонны стали. Поэтому наступайте при любых обстоятельствах и стреляйте с самой дальней дистанции. Уничтожайте вражеские танки и противотанковые орудия издали».

Эта война велась в лучших традициях блицкрига. Собственно, у Израиля иного выбора не было при имевшемся соотношении сил. Она началась 5 июня 1967 года сокрушительным ударом израильской авиации по египетским аэродромам. Командующий египетскими ВВС Сидки Махмуд легкомысленно утверждал, что даже в случае внезапного налета вражеской авиации будет уничтожено не более 20 процентов самолетов. Реальность оказалась даже более страшной, чем утром 22 июня 1941 года. Из 420 египетских боевых самолетов на земле было уничтожено 268, 13 аэродромов пришли в негодность. Во второй половине дня израильские самолеты обрушились на базы иорданских и сирийских ВВС, которые предупредительно дожидались этого. Их постигла та же судьба. Теперь можно было начинать танковый блицкриг. Первое обязательное условие — господство в воздухе — было выполнено.

На приморском направлении наступала дивизионная группа (угда) Исраэля Таля, состоявшая из трех бригад. Она достаточно быстро прошла сектор Газа, не встречая особого сопротивления, хотя ей противостояли целых 4 египетских дивизии. Израильский авангард попал под огонь египетской артиллерии и понес ощутимые потери, но потом орудия египтян были подавлены и сопротивление фактически закончилось. Уже к вечеру первого дня одна дивизия из них была полностью окружена, а другая обойдена с обоих флангов.

Центральная группа генерал-майора Иоффе и южная генерал-майора Шарона столкнулись с более серьезными проблемами. Им предстояло прорвать позиции египтян в районе Абу-Агейлы и Кусеймы, где во время прошлой войны происходили жестокие бои. Теперь здесь оборонялась 2-я пехотная дивизия, усиленная танковым полком и батальоном самоходок СУ-100. Первая попытка генерала Иоффе с ходу захватить египетские позиции провалилась. Лихая танковая атака, подобная тем, которые обожали англичане, была отбита. Израильские танки вылетели на минное поле, и несколько машин подорвалось. Не желая терять времени, израильтяне подтянули резервы и снова атаковали, и снова были отбиты. Повторялась старая как мир история: танки доказали свою неэффективность против эшелонированной обороны.

Израильским генералам пришлось готовить комбинированную ночную атаку. Генерал Шарон приказал создать «самую крупную артиллерийскую группировку в истории Израиля», аж из целых 6 артиллерийских батальонов. Высадка вертолетного десанта, о которой говорят некоторые авторы, была чисто символической, так как у израильтян имелось всего 6 вертолетов. Шарон намеревался с помощью парашютистов захватить позиции египетской артиллерии, но вместо этого они сами попали под плотный артогонь.

Пришлось действовать, как положено. Саперы расчистили минные заграждения, пехота ворвалась в окопы, и лишь после этого в прорыв пошли танки. В общем, к полудню 6 июня египетская оборона в Абу-Агейле рухнула. Однако многие египетские части сохранили боеспособность и могли причинить очень серьезные неприятности израильтянам, оказавшись на тыловых коммуникациях танковых групп. Судьбу битвы решил приказ маршала Амера, который ударился в панику и приказал войскам на Суэц-

ком полуострове отходить. Амер объяснял это так: «Отступление было единственным способом спасти армию от полного уничтожения и плена». Но, как всегда бывает в таких случаях, отход очень быстро превратился в паническое бегство. Израильские танки помчались вперед, увеличивая скорость, и к полудню 8 июня вышли к Суэцкому каналу в трех пунктах — возле Суэца, Исмаилии и Эль-Кантары. Как ни странно, египтяне сохранили клочок земли на восточном берегу канала в Порт-Фуаде, потому что танки генерала Таля от берега повернули на юго-восток, к Эль-Кантаре. Бои на Синае завершились перестрелкой между танками Шарона и Иоффе, вышедшими к одному и тому же пункту с противоположных направлений.

Израильтяне в ходе боев на Синае потеряли 122 танка, что было довольно серьезным ударом. Однако для египтян эти бои завершились форменной катастрофой. Они потеряли более 820 танков и самоходных орудий, из которых около половины были просто захвачены израильтянами в качестве трофеев. Соотношение потерь в живой силе было еще более потрясающим. Израильские потери насчитывали около 340 убитых, египетские — около 30 000 убитых и раненых и 5500 пленных, в том числе 21 генерал и 2 советских военных советника. Трофеями израильтян стали 320 танков, 480 орудий, 2 батареи ЗУР, около 10 000 автомобилей.

Экипажи израильских танков сражались без отдыха более 60 часов. По пути к Суэцкому каналу они разбили численно превосходящего противника. Несмотря на личную храбрость, египтяне плохо использовали танки, причем их храбрости хватало очень ненадолго. Они проявили мало выдумки, держали танки на месте и в основном располагали их впереди укрепленных позиций. В меткости стрельбы израильские танкисты имели решающее превосходство. 90-мм пушки «Паттонов» оказались много опаснее 122-мм пушек ИС-3. Израильтяне уничтожили противника, не потеряв ни одного танка. Даже легкобронированные АМХ-13 показали, что маневрируют и стреляют лучше противника.

Поражение привело к политическому кризису в Египте. 8 июня маршал Амер потребовал отставки Насера, однако не нашел поддержки и на следующий день сам был отправлен в отставку. В августе Амер попытался совершить военный переворот, но был

арестован и, по официальным сведениям, в сентябре 1967 года покончил с собой, приняв яд.

Бои на Западном берегу реки Иордан проходили по иному сценарию, хотя с тем же самым результатом. Сначала израильтяне не планировали военных действий в этом секторе. Но утром 5 июня иорданская артиллерия начала обстрел израильских позиций, а авиация подвергла бомбардировке израильские аэродромы. Израильтянам пришлось спешно перебрасывать сюда войска с Синая и с северного фронта. Они через представителя ООН даже предложили урегулировать конфликт и не начинать военных действий, так что версия, изложенная М. Никольским в журнале «Техника и вооружение», **сильно** не соответствует действительности.

В результате израильтяне оказались просто вынуждены провести классическую блицоперацию на окружение. Они нанесли одновременные удары с севера и юга. 10-я механизированная бригада генерала Бен-Ари пошла в обход Иерусалима, а 6-я пехотная и 55-я парашютные бригады начали штурм города. В отличие от египтян, иорданские солдаты сражались до последнего, и гарнизон Иерусалима полностью погиб.

Атака шоссе Рамаллах — Иерусалим стоила израильтянам не менее дорого. Они снова проявили высокомерие и пренебрежение к противнику, двигаясь чуть ли не походной колонной. В результате и здесь танки попали на минное поле, после чего пехоте пришлось штурмовать иорданские позиции в одиночку, причем дело закончилось рукопашной.

Наступавший с севера угда генерала Пеледа попытался в классическом стиле обойти с двух сторон сильно укрепленный населенный пункт Енин, но все закончилось лобовым штурмом. Даже израильтяне признают, что иорданцы сражались очень упорно. Рано утром на следующий день контрудар нанесла иорданская 40-я танковая бригада, и противник понес серьезные потери. Но после рассвета в небе появились израильские самолеты, и события пошли по знакомому сценарию.

Тот же Никольский пишет об ожесточенном танковом бое между иорданской 60-й танковой бригадой, вооруженной американскими танками «Паттон», и 10-й моторизованной бригадой. Но дело в том, что Бен-Ари возле города Рамаллах столкнулся с отходящими от Енина остатками 40-й танковой бригады, уже из-

рядно потрепанной израильской авиацией. 60-я бригада, выдвигавшаяся из Иерихона к Иерусалиму, была атакована и разгромлена все той же авиацией. Не помогло и то, что обеими бригадами командовали кузены короля Хусейна.

К 8 июня израильтяне захватили весь сектор, а 10-я танковая бригада в запале даже перескочила на восточный берег реки Иордан. Однако под давлением американцев израильтяне отошли обратно, взорвав все важные мосты. Потери на этом фронте составили у израильтян 550 убитых и 2400 раненых против 700 убитых и 2500 раненых у иорданцев. Англичане отлично подготовили иорданскую армию, потому эти результаты разительно отличаются от соотношения потерь на других фронтах. Иорданцы потеряли 179 танков, 53 БТР, 1062 орудия, 3166 автомобилей.

Сирия выжидала до последнего, не ввязываясь в конфликт, хотя именно эта страна приложила титанические усилия для его развязывания. Сирийская артиллерия вела огонь по израильской территории, но в районе Голанских высот это стало уже скучной обыденностью. Но израильтяне тоже медлили. Как ни странно, министр обороны Израиля Моше Даян был против нападения на сирийцев, так как всерьез опасался, что вмешается Советский Союз. После долгих колебаний и споров Даян решился, но при этом приказал начать наступление, даже не проинформировав премьер-министра. Израильтяне создали три группировки, намереваясь окружить и уничтожить сирийские войска на Голанских высотах. Утром 9 июня израильская авиация нанесла мощный удар по сирийским позициям, а потом началось наступление. Потери сирийцев от бомбежек и обстрелов были не столь уж велики, зато их моральный дух, и без того подорванный поражениями союзников, был окончательно надломлен. Поэтому особо упорных боев на Голанских высотах не было, и израильтяне сражались в основном с крутыми холмами, а не с сирийскими орудиями на них. Конечно, сирийцы не сдались без боя, некоторые доты отстреливались довольно долго. Израильтяне понесли потери в танках и бронетранспортерах, но довольно умеренные.

На следующий день израильские клещи сомкнулись, увы, вокруг пустой территории. Самым ужасным для сирийцев было то, что они строили эти укрепления 20 лет, но были взяты они всего за 2 дня. Перед войной тот же Моше Даян говорил, что штурм Го-

ланских высот обойдется его армии в 30 000 человек, но в действительности здесь погибло всего 140 человек. А вот сирийцы потеряли 500 человек убитыми и 2500 ранеными. Потери в технике у сирийцев оказались относительно небольшими: 118 танков, 470 орудий, 1200 автомобилей. Перед израильскими танками была открытая дорога на Дамаск, но под предельно жестким давлением Советского Союза (вплоть до угрозы прямого военного вмешательства) израильтяне были вынуждены остановиться. Третья серия арабо-израильского триллера «Пародия на войну» завершилась.

Если для вооруженных сил Израиля Шестидневная война завершилась блестящей победой, то на политическом фронте Израиль потерпел сокрушительное поражение. В августе 1967 года в Хартуме состоялась конференция глав арабских государств, которая приняла резолюцию, сводившуюся к трем «нет». **Нет** миру с Израилем, **нет** признанию Израиля, **нет** переговорам с Израилем. Новая война на Ближнем Востоке стала просто неизбежной. В течение трех лет шли бои на всех фронтах. Иорданцы поддерживали ООП на Западном берегу, сирийцы пытались отбить Голанские высоты, египтяне совершали постоянные рейды на Суэцком и Синайском фронтах. Однако в 1970 году ООН сумела убедить президента Насера подписать прекращение огня.

Израильские вооруженные силы следовали и в теории, и на практике концепции мобильной войны, укладывающейся в рамки «Концепции командования Угда», впервые выдвинутой Моше Даяном во время кампании 1956 года. Однако она была расширена, чтобы включить в себя постулаты более универсального подхода, например, систему эшелонированной поддержки «Постоянный поток», принятой американской армией. Согласно ей припасы поступали на фронт постоянно, не дожидаясь требований командиров частей. Но при этом, как мы уже отмечали, создаваемые израильтянами соединения все больше и больше перекашивало в сторону танкового элемента, хотя ошибочность такого подхода была доказана неоднократно.

И тут же было принято еще одно нелогичное решение. Израильтяне затеяли дорогостоящее строительство линии Бар-Лева

вдоль Суэцкого канала, которая обошлась им в колоссальные деньги. Это можно было объяснить тем, что она обеспечивала систему наблюдательных постов вдоль берегов канала, базы для действий танковых войск и, самое главное, давала защиту войскам от постоянных египетских артиллерийских обстрелов. Израильтяне получили ощущение ложной безопасности, а египтяне — заманчивую цель: прорвать эту проклятую оборонительную линию. Президент Насер умер в ноябре 1970 года, его сменил Анвар Садат, который был полон решимости вернуть все утерянные Египтом территории. Однако он быстро осознал, что сыграет на руку Израилю, пытаясь прорваться на открытые пространства Синая, где израильские танки уже два раза доказывали свое превосходство. Поэтому египтяне планировали формировать канал, захватить линию Бар-Лева и закрепиться. Планировал эту операцию начальник штаба египетской армии генерал Шазли, очень способный офицер, отличившийся во время Шестидневной войны.

Плюс израильтяне откровенно зазнались. Линия Бар-Лева абсолютно непреодолима, а их танковые бригады будут просто счастливы схватиться с врагом, если ему все-таки повезет ее прорвать. Над такими новинками, как портативные противотанковые ракеты, израильтяне просто смеялись. Меткая стрельба танков уничтожит ракетные установки, если они появятся на поле боя. Как ни странно, израильтяне в техническом плане отстали от арабов.

Поскольку было ясно, что новой войны не избежать, обе стороны энергично к ней готовились, и гонка вооружений стремительно набирала темпы. Арабские страны по-прежнему делали ставку на советское вооружение.

В вооруженных силах Египта насчитывалось 830 тысяч человек, сведенных в бронетанковые, механизированные и пехотные дивизии, а также в отдельные бригады (Президентской гвардии, ракетную, 3 бронетанковые, 2 механизированные, 3 пехотные, 3 артиллерийские, 2 воздушно-десантные, 2 десантно-штурмовые, инженерную) и батальоны. На вооружении сухопутных войск находилось: 2200 танков (850 Т-54/55, 750 Т-62, Т-34 и ПТ-76), 2400 бронетранспортеров (БТР-152, БРДМ, БТР-60, TOPAS и другие), 1120 орудий калибром выше 100 мм. В ВВС числилось 690 самолетов (160 МиГ-21, 60 МиГ-19, 200 МиГ-17,

130 Су-7Б, 18 Ту-16, 30 Ил-28, 30 Ан-12, 40 Ил-14 и другие), 161 вертолет (Ми-6, Ми-8 и другие). Египет получил большое количество ПТУР «Малютка». Египетские танковые части получали ЗРК «Квадрат» и ЗСУ «Шилка», что должно было избавить их от неприятностей, которые причиняла им израильская авиация.

Неизменным союзником Египта была Сирия, армия которой насчитывала 332 тысячи человек, сведенных в бронетанковые, моторизованную и пехотные дивизии и отдельные бригады (Президентской гвардии, ракетную, 4 бронетанковые, 2 механизированные, 5 пехотных, 5 артиллерийских, специального назначения, 2 инженерные). На вооружении сухопутных войск находилось: 1350 танков (Т-54/Т-55, Т-62, ПТ-76), 1300 бронетранспортеров (БТР-152, БРДМ, БТР-60 и другие), 655 орудий калибром выше 100 мм. В ВВС числился 321 самолет (110 МиГ-21, 120 МиГ-17, 45 Су-7Б, 12 Ил-14, 4 Ил-18 и другие) и 36 вертолетов.

В израильских вооруженных силах насчитывалось после мобилизации 415 тысяч военнослужащих, сведенных в 33 бригады (10 бронетанковых, 3 механизированные, 18 пехотных, 2 воздушно-десантные). Из них только 18 были кадровыми и полностью укомплектованными личным составом и техникой; остальные бригады были территориальными, со сроком мобилизации личного состава от 2 до 4 суток.

На вооружении Сухопутных войск находилось около 2000 танков американского, английского и французского производства («Шерман», «Паттон», «Центурион», AMX), в том числе 200 трофейных танков советского производства Т-54/55 и ПТ-76; 3000 бронетранспортеров и 2520 орудий и минометов, из которых 945 единиц были калибром выше 100 мм.

В ВВС числился 561 боевой и военно-транспортный самолет (190 A-4B «Скайхок», 176 F-4E «Фантом», 50 «Мираж-3», 12 «Супермистэр», 8 «Вотур», 6 С-130, 12 С-47, 10 С-97, 30 «Нораглас» и другие) и 84 вертолета.

Однако здесь следует упомянуть «мудрое» решение президента Садата. Готовясь к войне со своим злейшим врагом и имея армию, полностью оснащенную советской техникой, летом 1972 года он решил выдворить из страны советских военных специалистов. На

что рассчитывал Садат? Непонятно. Может быть, он надеялся, что западные державы оценят этот жест и помогут Египту? Напрасно. «Чифтейны» и «Фантомы» не хлынули потоком в Египет, а вот по боеспособности армии был нанесен серьезный удар.

И вот в субботу 6 октября 1973 года, в 13.50, когда большинство израильтян праздновали День Искупления, вознося дома молитвы, а транспорт и радиосвязь не работали, Египет начал массированную переправу через канал. Эту операцию египтяне готовили очень тщательно, и сначала она шла строго по плану. Более 2000 орудий открыли огонь по линии Бар-Лева. Хотя укрепления и выдержали 10 500 снарядов, падавших на них со скоростью 175 штук в минуту, защитники не смогли помешать египтянам спокойно форсировать канал. Для удара те развернули 80 000 солдат и 2000 танков. Их прикрывал не только огонь артиллерии, но и стрельба танков, которые стояли на специально сооруженных помостах на западном берегу канала. Высокие песчаные насыпи, которые израильтяне соорудили на своем берегу, были уничтожены на 70 участках форсирования, причем не взрывчаткой, а водяными гидрантами.

Сначала канал пересекли штурмовые отряды на плавающих бронетранспортерах, а потом были наведены понтонные мосты, по которым двинулась пехота. Первыми подразделениями были группы истребителей танков, вооруженные ракетами «Малютка». Их развернули на наиболее вероятных маршрутах подхода израильских танков.

К утру 8 октября, по словам Давила Эшеля, «...египтяне достигли колоссальных успехов. Они форсировали Суэцкий канал, имевший ширину 200 метров, 5 дивизиями 2 дня назад. А теперь они имели на восточном берегу 2 армейских корпуса и 5 действующих мостов». Только в одной детали план египтян не сработал. Они попытались высадить с вертолетов коммандос в проходах Митла и Гиди. Большая часть вертолетов была уничтожена в пути, а высаженные остатки войск были быстро уничтожены. Легковооруженная египетская 130-я бригада морской пехоты, которая с помощью танков ПТ-76 и бронетранспортеров БТР-50 пересекла Большое Горькое .озеро, чтобы соединиться с коммандос, тоже была уничтожена.

В это время основным израильским танковым соединением на

полуострове был 252-й угда генерала Мендлера, состоявший из трех бригад. Генерал не задумываясь бросил свои танки в атаку. В 1967 году этот прием принес успех, хотя тревожные звонки раздавались и тогда. Но, если кто-то не хочет слышать, он и не слышит. В результате к полудню 8 октября Мендлер потерял 200 танков, не добившись совершенно ничего.

К этому времени египтяне переправили через канал 5 пехотных дивизий с частями усиления, подразделения 2 танковых и 1 механизированной дивизий и заняли весь его восточный берег ценой совершенно ничтожных потерь. Египетская 2-я армия развернулась на побережье Средиземного моря, а 3-я армия — в районе Суэца. Большая часть укреплений линии Бар-Лева была или захвачена, или уничтожена. Израильтяне понесли тяжелые потери, пытаясь спасти остатки гарнизонов. Две резервные израильские угда (143-й Шарона и 162-й Адана) были переброшены на Синай ночью 7 октября. Генерал Шмаэль Гонен, начальник Южного командования, решил использовать угда Адана для контрудара с севера на юг, чтобы отрезать египтянам путь отступления. Силы Шарона должны были прикрыть южный сектор. Однако, как пишет Брайан Перретт в книге «Колесничие пустыни», «израильтяне сделали принципиальную ошибку, предположив, что египтяне будут развивать наступление в глубь Синая от плацдармов, как сделали бы сами израильтяне... На самом деле, кроме мелких ударов с целью улучшения тактических позиций, египетская армия даже не попыталась двинуться вперед. Если бы Адан не отправил свои разведывательные подразделения преследовать египетских коммандос, он узнал бы истинное положение. «Злосчастная контратака» Адана (слова Эшеля) началась утром 8 октября. Бой завершился форменной катастрофой, Адан потерял около 70 танков, ничего не добившись. Египтяне дрались упорно и отбили все атаки израильтян, которые сильно недооценили эффективность советских противотанковых средств. Между израильскими генералами разгорелась настоящая кухонная свара, каждый пытался свалить вину за неудачу на кого-нибудь другого! Судя по всему, эти события напугали не только израильтян, но об этом мы поговорим немного позднее. Провалились и попытки израильских ВВС уничтожить переправы через канал. Советские ЗРК отбили все налеты, уничтожив большое количество израильских самолетов.

Но при этом следует подчеркнуть одну очень важную деталь: некоторое время Синайский фронт оставался для израильтян второстепенным, гораздо более опасными они считали события на Голанских высотах, которые представляли непосредственную угрозу Израилю. В общем, то, что сейчас творилось на Синае, представляло прямое надругательство над законами танковой войны, за открытие которых было заплачено большой кровью. Египтяне, имея подавляющее превосходство в танках, не двигались с места. Израильтяне время от времени предпринимали лихие наскоки в стиле английской армии образца 1940 года. Но египтяне допустили первую из грубых ошибок, которые им потом дорого стоили. Они по непонятной причине так и не сомкнули фронт 2-й и 3-й армий. Может быть, потому, что Большое Горькое озеро не позволяло на этом участке навести мост для связи с тылом? Неизвестно. Однако обе армейские группировки далее действовали **изолированно**. При этом создался достаточно странный односторонний фронт. Египтяне укреплялись и окапывались, создавая непрерывную линию обороны, а израильтяне расположили свои танковые группировки в глубине полуострова в отдельных районах.

9 и 10 октября египтяне предпринимали вялые атаки, которые израильтяне отражали без особых проблем. Израильтяне пока сделать ничего не могли. Израильское командование было вынуждено сделать крайне неприятный вывод — у страны просто не хватает сил, чтобы успешно действовать на двух фронтах сразу. Поэтому все наступательные операции на Синае пришлось отложить до окончания боев на Голанских высотах.

Но тут на выручку израильтянам пришло высшее египетское командование. Президент Садат и министр обороны Исмаил, подстегиваемые слезными просьбами сирийцев о помощи, требовали от армии активных действий. Было решено следующий крупный удар нанести в направлении проходов Тасса, Митла и Гиди, а потом захватить главную израильскую базу в Бир Гифгафа. Генерал Шазли сопротивлялся, как мог, но увы... По прямому требованию Садата началась переброска египетских танков на плацдарм для участия в грандиозном наступлении, назначенном на 14 октября. Единственным успехом египтян в этот период стала гибель генерала Мандлера, штаб которого был накрыт залпом дальнобойной батареи.

На рассвете 14 октября, после артиллерийской подготовки и удара с воздуха, египтяне перешли в наступление **по всему фронту**. Мы не напрасно выделили эти слова, потому что силы египтян были равномерно размазаны по всему Синайскому полуострову от Средиземного моря до Красного, ни одной крупной ударной группировки создано не было. Наступление началось 14 октября в 6.30. Израильские угда двинулись навстречу, и завязалось танковое сражение, которое по масштабам уступало разве что Курской битве. Данные о численности группировок различаются. Египетские силы оцениваются от 1200 до 1700 танков (хороший разброс!), израильские — от 400 до 750 танков. Благодаря превосходству израильтян в меткости стрельбы, их испытанные в боях «Центурионы», «Паттоны» и М-60 выиграли этот день. Если в статичной обороне египтяне показали себя просто отлично, то маневренный бой они проиграли вчистую, примерно так же, как армия Ротмистрова Прохоровское сражение. В этот день было уничтожено около 260 египетских танков. И если потери египтян практически везде указываются одинаково, то потери израильтян оцениваются от 10 до 40 танков.

И тем не менее положение израильтян стало катастрофическим. Суммарные потери были слишком велики, а вот расход боеприпасов оказался просто чудовищным. Еще немного — и Израиль допобеждался бы до собственной гибели. Но вмешались Соединенные Штаты, которые организовали воздушный мост, доставив на самолетах С-5А новые танки. Советский Союз тоже перебрасывал в Египет и Сирию военную технику. Однако американцы действовали оперативнее, и лучше воспользовались помощью израильтяне.

После провала наступления генерал Исмаил приказал 2-й и 3-й армиям вернуться на исходные позиции и занять оборону. Генерал Шазли в очередной раз доказал свою прозорливость, предложив отвести остатки 4-й и 21-й танковых дивизий на западный берег Суэцкого канала, чтобы использовать в качестве мобильного резерва на случай прорыва израильтян. Генерал Исмаил отказался, заявив, что это подорвет моральный дух египтян. Вообще, Высшее египетское командование впало в непонятный столбняк, не в силах решиться ни на какие действия, чем израильтяне умело воспользовались.

В общем, теперь у израильтян имелись все необходимые пред-

посылки для того, чтобы попытаться форсировать Суэцкий канал. Не следует представлять себе эту операцию, как некое спонтанное озарение, нет, подготовка к форсированию канала началась практически сразу после того, как было стабилизировано положение. Наступление началось на рассвете 15 октября. Угда генерала Шарона смял правый фланг египетской 2-й армии возле Большого Горького озера. Хотя ряд западных источников утверждает, что это удалось израильтянам без труда, на самом деле бой был довольно упорным, и Шарон потерял около 70 танков, опять-таки, в основном уничтоженных ПТУРом. Правда, как обычно бывало, танковое сражение выиграли все-таки израильтяне, потому что здесь была окончательно перемолота 21-я танковая дивизия египтян, потерявшая около 150 машин.

Шарон вышел на берег канала и решил сразу форсировать его, несмотря на пока еще не до конца определившуюся ситуацию. При поддержке трофейных танков ПТ-76 израильские парашютисты ночью 15 октября пересекли канал и на рассвете следующего дня создали плацдарм шириной около 3 миль на его западном берегу. Главное же — в первую же ночь удалось перебросить на плотах на восточный берег канала 27 танков. Вырвавшись с плацдарма, они начали уничтожать египетские ракетные установки. Между прочим, Шарон форсировал Суэцкий канал без санкции Верховного командования, ну прямо как это любил делать Гудериан. Как мрачно выразился генерал Гонен: «Если бы мы знали заранее, что произойдет, мы не разрешили бы переправу. Но теперь у нас не осталось иного выбора, кроме как идти до конца».

Сначала египетское командование восприняло сообщение о форсировании Суэцкого канала противником как идиотскую шутку. Но когда выяснилось, что никто и не думал шутить, начались лихорадочные поиски решения. Генерал Шазли предложил перевести на запад с плацдарма силами 3-й армии 4-ю танковую дивизию и 25-ю отдельную танковую бригаду. Генерал Исмаил уперся и приказал 25-й бригаде двигаться вдоль берега Большого Горького озера, чтобы нанести удар с юга одновременно с ударом 21-й танковой дивизии с севера. Но при этом египтяне подарили противнику день 17 октября. В результате бригада попала в подготовленную для нее западню, под перекрестным огнем вылетела на минное поле и потеряла 85 из 96 танков Т-62. Египетские ге-

нералы в очередной раз продемонстрировали полную неспособность использовать танковые соединения в маневренном бою. Израильтяне потеряли в этом бою всего 4 танка, которые во время преследования налетели на собственные мины.

Тем временем израильтяне навели понтонный мост через канал, и началась переброска танковых частей на западный берег. Вскоре там находилась большая часть трех угда — Шарона, Адана и Магена. На рассвете 18 октября началось наступление по трем направлениям, парировать которое египтяне просто не могли — нечем! Израильские танки уничтожали позиции ЗРК, что еще больше осложняло положение египтян, ликвидируя надежный зонтик, под которым ранее прятались их армии. 19 октября генерал Шазли в последний раз попытался убедить президента Садата перебросить уцелевшие египетские танки на западный берег Суэцкого канала, чтобы остановить израильтян, но в результате был просто отстранен от командования.

В этот же день госсекретарь США Генри Киссинджер прилетел в Москву, чтобы обсудить условия прекращения огня. Правда, интересно? Воюют Сирия и Египет с Израилем, а договариваются США и СССР. А тем временем наступление израильтян продолжалось, где-то вполне успешно, где-то не слишком. Но тем не менее 21 октября танки Адана полностью отрезали египетскую 3-ю армию от баз на западном берегу канала. 22 октября угда Шарона подошел к Исмаилии и здесь остановился, потому что вошло в силу соглашение о прекращении огня, подписанное Киссинджером и Брежневым. Израильтяне все-таки попытались выжать из ситуации побольше, и 162-й угда Адана 23 и 24 октября попытался взять штурмом Суэц, но потерпел неудачу и понес новые потери.

Однако главным фронтом для Израиля был не Синай, а Голанские высоты. Все-таки эффектная борьба вокруг Суэцкого канала, форсированного обоими противниками, оттеснила на второй план эти события. Но вот что пишут сами израильтяне: «Голанские высоты, сцена отважных и упорных боев во время Шестидневной войны, стали местом новых оборонительных боев. Их вел израильский танковый корпус при поддержке ВВС. И они вошли в историю, как одна из великих и решающих оборонительных опера-

ций всех времен. Их можно было сравнить с Кассино или Кохимой. Все началось 6 октября 1973 года в 14.00». Не будем слишком строго судить израильского полковника за глубокое знание истории Второй мировой войны. Я бы привел в качестве примера упорной обороны и жестоких боев в первую очередь Сталинград. Ну-ка, тест в стиле ЕГЭ: можете ли вы сказать хотя бы в какой части света находится эта самая Кохима?! Я-то знаю, но не проболтаюсь!

Ну да ладно, бог с ней, с Кохимой, хотя, между прочим, такое сравнение — четкая оценка значимости описываемых событий. В районе Голанских высот израильтяне создали так называемую «Пурпурную линию» и полагали, что могут спать за ней не менее спокойно, хотя держали здесь еще меньше войск, чем на линии Бар-Лева. Там располагалась всего одна танковая бригада — 188-я и одна пехотная. Еще одна танковая бригада была расквартирована неподалеку. И вот против этих 200 танков сирийцы бросили в бой около 1400 танков, в том числе 400 современных Т-62 при поддержке 1000 орудий. Это наступление началось одновременно с операцией «Бадр», что действительно могло создать Израилю очень серьезные проблемы, так как удержать оба направления одновременно он не мог. Но, как мы уже сказали, на помощь Израилю пришли египетские генералы.

Сирийский план предусматривал стремительную атаку тремя моторизованными дивизиями (7, 9, 5-я), которые имели колоссальное превосходство в силах над крошечным гарнизоном. После начала первой атаки предполагалось совместным ударом танков и парашютистов захватить мосты через Иордан. Для этого выделялись отряды коммандос на вертолетах и целых две танковые дивизии (1-я и 3-я). На бумаге операция была спланирована очень хорошо, и нападающие, имея такое превосходство в силах, получали неплохие шансы на успех. Однако сирийцы недооценили силу израильских танков и их экипажей.

И все-таки сначала им сопутствовал успех. Противотанковый ров был пройден без особых проблем с помощью мостоукладчиков, в очередной раз доказав, что статичная оборона бесполезна против танков. И если 7-я танковая бригада первый натиск кое-как выдержала, то позиции 188-й бригады были прорваны. Израильтяне медленно отходили, теряя один танк за другим, но пока

сирийцы действовали правильно. В прорыв была брошена 1-я танковая дивизия.

Сирийцы продемонстрировали исключительную отвагу. Бригадный генерал Омар Абраш, командир сирийской 7-й пехотной дивизии, который окончил военные академии в СССР и США, был «одним из самых образованных офицеров сирийской армии». Он вел наступление тремя бригадами в типичном советском стиле. Выйдя к заграждению, он использовал танки сопровождения, чтобы связать боем израильские танки, стоявшие на гребне высоты. Это помешало им окончательно уничтожить саперную технику сирийцев. Теперь сирийские танки были повсюду, и давление на израильтян достигло максимума. Однако все эти успехи дорого обходились сирийцам. Вдобавок уцелела часть опорных пунктов Пурпурной линии, что сказалось позднее.

Сирийская 7-я дивизия продолжала наступление и после наступления темноты, так как теперь сирийцы получили ясное преимущество. Их танки Т-55 были оснащены приборами ночного видения, которых не имели израильтяне. На рассвете сирийцы нанесли новый удар. Примерно 500 танков из трех танковых бригад двинулись в наступление. Попытка израильской авиации задержать их привела лишь к тому, что две волны штурмовиков А-4 «Скайхок» были полностью уничтожены зенитными ракетами, после чего сами израильские командиры отказались вызывать воздушную поддержку.

Сирийцы теперь вышли на позиции, с которых было видно Галилейское море, но были там задержаны головными танками израильской резервной бригады. По оценкам израильтян, к вечеру 7 октября сирийцы потеряли уже около 400 танков. Однако ситуация была совсем иной, чем в 1967 году, все сирийцы, от генералов до последнего рядового, были полны решимости драться до последнего. Кстати, это заметно отличалось от настроений египетской армии, которая предпочитала проявлять разумную осторожность.

К вечеру 7 октября начали прибывать израильские резервы, были спешно сформированы три угда под командованием генералов Эйтана, Ланера и Пеледа. Кстати, это еще раз доказывает, что угда не являлись регулярными дивизиями, а были сиюминутной импровизацией, именно дивизионными боевыми группами. В кон-

це концов, немцы в свое время формировали даже целый Armeeateilung, так что дивизионной не следует удивляться.

В сражении наступило зыбкое равновесие. Попытка сирийцев атаковать на рассвете 8 октября привела к новым потерям. Погиб генерал Абраш, который лично повел свои танки в атаку. Израильские контрудары также пока приносили одни потери, поскольку сирийские расчеты ПТУР работали не хуже египетских. Всего за время оборонительных боев израильская 7-я танковая бригада потеряла 98 «Центурионов» из 105, но в обмен уничтожила примерно 230 сирийских танков и более 200 БТР. И все-таки израильские войска 10 октября начали готовить общее контрнаступление. При этом теперь им пришлось сражаться не только с сирийцами, но и с двумя иракскими танковыми дивизиями, спешно переброшенными в район боев.

Израильтяне не рискнули идти прямо на Дамаск, так как это могло привести к полномасштабному советскому вмешательству. К тому же прорывать глубоко эшелонированную оборону сирийцев никто из израильских генералов не рвался. Поэтому было принято компромиссное предложение Моше Даяна: выдвинуться на 20 километров за Пурпурную линию и создать хорошо укрепленный плацдарм, с которого можно будет держать Дамаск под обстрелом дальнобойной артиллерии. Угда генералов Эйтана и Ланера получили пополнения, а генерал Пелед на южном участке фронта должен был ограничиться сковывающими действиями. 11 октября две танковые дивизии пошли в атаку, сдержать которую потрепанная сирийская армия не сумела, хотя ПТУРы исправно жгли один израильский танк за другим. Президент Сирии Асад обратился к президенту Египта Садату с требованием немедленной помощи. Однако просьба была воспринята холодно, так как буквально два дня назад, в момент наибольших сирийских успехов, Асад попытался заключить перемирие с Израилем при посредничестве СССР. Лишь 14 октября египтяне перешли в наступление, но это привело к немедленным неприятностям, как только их танки вышли из-под зенитного зонтика.

Однако 12 октября по южному фасу образовавшегося выступа нанесла удар иракская танковая группировка. Израильтяне были вынуждены приостановить свое наступление и спешно перебросить туда 2 бригады. Главное сражение разыгралось 13 октября.

Иракские танки залезли в подготовленный огневой мешок, и 8-я механизированная бригада была уничтожена в считаные минуты. Она потеряла около 80 танков, не подбив ни одного израильского.

Однако эта безумная атака изменила общую ситуацию. Сирийцы успели развернуть относительно целую 3-ю танковую дивизию вокруг города Саса, преграждающего путь на Дамаск. К тому же теперь в войну вступила Иордания, король Хусейн перебросил элитную 40-ю танковую бригаду в Сирию. 16 октября она вместе с сирийской 5-й пехотной дивизией и саудовской бригадой нанесла новый удар по южному фасу выступа. Атака союзников была отражена, но и израильтяне уже не могли ничего сделать. Их наступательный порыв выдохся. 17 октября в боевых действиях наступила пауза, которая позволила израильтянам произвести рокировку: потрепанная угда Ланера, которая уже не могла наступать и с трудом удерживала южный фас, была заменена угда Пеледа.

Арабы не смирились с тяжелым положением и готовили новый удар с юга силами иракских и иорданских танковых частей, назначив его на 21 октяюря. После прорыва фронта предполагалось ввести в прорыв сирийскую 3-ю танковую дивизию и отрезать израильские войска, вышедшие к городам Саса и Мазрат. План выглядел красиво, но что получилось бы при его выполнении — не известно. Сначала наступление перенесли на 22 октября, а потом отменили в связи с подписанием перемирия. Военные действия на Сирийском фронте завершились.

Трехнедельная война Иом Киппур дорого обошлась обеим сторонам. По имеющимся данным, потери в живой силе составили более 2000 убитыми и 5500 ранеными у Израиля, 15 000 убитыми и 40 000 ранеными у арабов. Арабские армии потеряли примерно 2150 танков, израильтяне — более 1000, но после подписания перемирия сумели вывезти с места сражений и отремонтировать почти половину из них.

Эта война дала несколько ценных уроков. Применяемая израильтянами тактика использования одних только танковых частей в очередной раз доказала свою порочность и привела к колоссальным потерям. Если бы на месте арабов был более опытный и стойкий противник, израильская армия была бы просто истреблена.

Но даже в неопытных руках советские ПТУРы «Малютка» оказались страшным оружием. Вообще, это была единственная война, когда израильская армия уступала своему противнику по общему техническому уровню, особенно в ракетном оружии — ПТУР, ЗУР. Например, израильская авиация вообще перестала поддерживать собственные войска, опасаясь советских ракет. Ее пилоты предпочли ограничиться воздушными боями с самолетами арабов. О качестве советских танков сказать что-то определенное невозможно, потому что плохо подготовленные арабские танкисты во главе с плохо подготовленными командирами с треском проиграли все мобильные танковые бои, и около 90 процентов израильских танков было уничтожено арабской пехотой при глупейших попытках прорыва укрепленных полос без поддержки пехоты.

Израильтяне с изумлением обнаружили, что общие законы войны распространяются и на них. Поэтому им пришлось формировать сбалансированные боевые группы, в которые вошли все рода войск и все системы оружия. Впервые они были опробованы в бою в 1982-м, когда Израиль вторгся в Ливан в ходе операции «Мир для Галилеи». Она была направлена на устранение постоянной опасности со стороны ракетных установок ООП и ее артиллерии, развернутых на ливанской территории. Еще один вывод, который пришлось сделать Израилю, — нельзя целиком полагаться на поставки вооружения из США. В результате началось создание собственной военной промышленности: на вооружение начали поступать танки «Меркава», истребители «Кфир» и другие образцы военной техники.

А результат этой войны? До сих пор историки и специалисты разных стран не пришли к единому мнению в вопросе о том, как оценивать итоги войны. Арабские государства полагают, что они победили в 1973 году и развеяли миф о непобедимости израильской армии. В Египте 6 октября отмечается как День Победы. В доказательство этому приводятся аргументы, что Израиль после этой войны пошел на переговоры с Египтом, результатом чего стало освобождение Синайского полуострова. Израильтяне полагают, что их военная победа не может подлежать сомнению, и с этим также трудно спорить. При этом ни одна из сторон не достигла своих целей. Так что очередная серия триллера под названием «Пародия на Прохоровку» осталась, можно сказать, незавершенной.

Прыткие журналисты поспешили похоронить танк по результатам боев на Синае и Голанских высотах. Однако они просто не заметили, что эти потери были результатом неправильного тактического использования (израильтяне) и недостаточной подготовки личного состава (арабы). Да, танк впервые столкнулся с новыми системами оружия, и что из того? Противотанковая пушка отменила его? Нет. Кумулятивный снаряд отменил его? Нет. Панцерфауст отменил его? Нет. Мюнхгаузен на ядре... Тьфу, Рудель на «Штуке» отменил его? Нет. Даже атомная бомба не отменила. Так почему был сделан вывод, что ПТУР и вертолет станут палачами для танка? Они и не стали. Как говорится, танки и теперь живее всех живых.

К тому же могильщики танков не учитывали некоторых специфических особенностей ближневосточных войн, которые не позволяют в полной мере распространить их опыт на Европейский театр. Прежде всего это незначительные размеры ТВД. Вспомните, что все операции происходят буквально на клочке земли. Сирийский фронт и синайский имеют размеры самое большее 200 на 200 километров, причем количество маршрутов, по которым могут двигаться танки, можно пересчитать по пальцам одной руки. В таком случае несложно сосредоточить средства ПТО в нужное время в нужном месте.

Еще одной особенностью этих конфликтов является их непродолжительность, реально бои идут не более недели. Любая же европейская война тянулась месяцы и годы, а в таких случаях действуют уже совсем иные законы.

После этой войны израильские вооруженные силы участвовали еще в одном крупном конфликте. В 1982 году они вторглись в охваченный пожаром гражданской войны Ливан, с тем чтобы устранить угрозу со стороны боевиков ООП, базирующихся на ливанской территории. Непосредственным поводом для этого стало убийство израильского посла в Лондоне арабскими террористами. Поэтому 6 июня израильские танки пересекли границу Ливана — 60 тысяч солдат, 800 танков, 1000 артиллерийских орудий. Они достаточно — но все-таки недостаточно! — быстро подошли к столице страны Бейруту и установили тесную блокаду города. Дело в

том, что премьер-министр Бегин пообещал, что войны не будет, а будет небольшая карательная экспедиция продолжительностью не более 48 часов. Но лишь 15 июня израильская армия завершила окружение мусульманского Западного Бейрута. В город израильские танки входить не стали, впрочем, и пехота тоже не рвалась ввязываться в кровопролитные уличные бои. Начались артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки. Американский военный атташе в Ливане, наблюдавший за этим, мрачно заявил: «В конце концов Бейрут будет выглядеть как Варшавское гетто». В общем, израильские вооруженные силы довели до логического завершения путь, начатый в 1948 году в деревне Дейр-Ясин. Хотя впереди были еще Сабра и Шатила. Осада Бейрута продолжалась до 21 августа, когда в город прибыли миротворцы ООН для наблюдения за эвакуацией боевиков ООП.

Начиная с 9 июня в долине Бекаа произошло несколько столкновений между израильскими и сирийскими танковыми частями. Но... **Но!** Описания этих событий, которые дают российские и западные источники, настолько разнятся между собой, что свести их воедино не представляется возможным. В отношении более ранних боев можно сказать, что описания их совпадают, а расхождения касаются только потерь — как же иначе! — но и они выглядят непринципиальными и вполне поддаются согласованию. Здесь же все совершенно наоборот. Единственный факт, относительно которого царит редкое единодушие, к танковой войне не имеет совершенно никакого отношения. Израильтянам удалось подавить систему ПВО сирийцев, уничтожив 17 из 19 комплексов ПВО «Квадрат» и «Печора-М», после чего их авиация нанесла некоторые потери сирийским войскам.

Что же касается боев на земле, то тут российские авторы утверждают, что израильтяне понесли тяжелейшие потери, а М. Никольский договорился вообще до того, что вся израильская армия стояла на грани поражения. Западные источники утверждают наоборот, что сирийская армия была наголову разгромлена.

Более или менее достоверно можно утверждать следующее. В районе Джезина завязалась танковая битва между израильским отрядом особого назначения и сирийской танковой бригадой, поддержанной пехотным батальоном и батальоном коммандос. Сирийская 1-я танковая дивизия вела бои к югу от озера Карун. По-

сле длившегося целый день сражения сирийские войска оставили высоты Джезина, и центральный отряд особого назначения продвинулся на 12 миль, угрожая всему району к востоку от озера Карун и дорогам, ведущим к Средиземному морю. Израильтяне подошли к подступам к Бейт-эль-Дину и Эйн-Дару. Наступление ставило под удар сирийский контроль над Бейрутом.

Тяжелые бои продолжались восточнее. Сирийцы активно использовали группы коммандос, снабженные противотанковыми ракетными установками, особенно эффективными в узких ущельях и на извилистых трассах этого горного района. Дороги были заминированы, перевалы взорваны, и продвижение поэтому — очень медленным.

Тем временем в центральном секторе шли тяжелые танковые бои с сирийцами в районе Эйн-Дара, господствующем над шоссе Дамаск — Бейрут. Сирийцы использовали концентрации отрядов коммандос, обеспеченных противотанковым оружием. Они упорно сражались, чтобы не допустить израильтян к стратегически важной дороге.

Ведя наступление в восточном секторе, корпус Бен-Гала прорвался сквозь сирийскую оборону и продвинулся к востоку от озера Карун, где вступил в бой с 1-й сирийской бронетанковой дивизией. Сирийцы упорно отстаивали каждую позицию. Бен-Гал направил часть своих сил по западным берегам озера Карун. Эта часть атаковала правый тыловой фланг сирийской 1-й бронетанковой дивизии, которая перекрывала израильтянам доступ в долину Бекаа к востоку от озера Карун.

Этот маневр оказался удачным, и в завязавшейся битве сирийская бронетанковая дивизия понесла тяжелые потери. Одна сирийская бронетанковая бригада была полностью уничтожена. Всего в этой битве сирийцы потеряли около 150 танков. В ходе боев израильтяне обнаружили, что их бронетанковый батальон очутился в полосе сирийских укреплений в долине Бекаа. Его обстреливали со всех сторон, в особенности с высот обеих сторон долины. Батальон находился в отчаянном положении, но в конце концов, понеся тяжелые потери, смог вырваться с помощью тяжелого артиллерийского огня и воздушной поддержки. А по другой версии, батальон был окружен во время ночной вылазки сирийских коммандос...

Главный военный советник СССР в Сирии Г. Яшкин описывает эти бои прямо противоположным образом: «В один из первых дней войны советник при командующем войсками в Ливане генерал-майор Михаил Носенко предложил создать в механизированных бригадах подвижные противотанковые подразделения, вооруженные советскими ПТУРами «Фагот». Специальными рейсами самолетов в Сирию уже на второй день доставили 120 ПТУРов и по 6 комплектов боеприпасов к ним. Противотанковые взводы на легковых машинах-вездеходах создали в бригадах 1-й и 3-й танковых дивизий и в 10-й механизированной дивизии. За несколько дней боев они сожгли более 150 израильских танков». Так кто потерял 150 танков?!

После этого сирийская 3-я бронетанковая дивизия, оснащенная танками Т-72 — самыми современными танками из советского арсенала, — вошла в долину Бекаа. Таким образом, сирийцы довели число своих танков в Ливане до 700. Битва на восточном фронте продолжалась в пятницу 11 июня, когда израильтяне использовали новый боевой танк отечественного производства — «Меркава» — против танков Т-72. В то же время имеются свидетельства того, что эти танки в Ливане вообще не встречались. Поэтому утверждения, что «Меркава» сильнее Т-72, и, наоборот, утверждения, что Т-72 сильнее «Меркавы», **одинаково** беспочвенны. Во всяком случае, вранье израильского премьер-министра Менахема Бегина: «Наши «Меркавы» уничтожили 9 Т-72, которые на Западе считаются непобедимыми, и этим стерли травму войны Судного Дня», — стоит в одном ряду с бреднями Никольского. Вот любопытный вариант описания событий, найденный в Интернете. По всей видимости, он ближе других к правде:

«По Ливану: у нас на Waronline есть участник, под ником gilad, так вот он участвовал в той войне — был офицером в штабе одного из направлений. Он рассказывал много интересного, в том числе и о боях Т-72 и «Меркав». Краткий пересказ: таких боев не было. 1-я (если не ошибаюсь) сирийская бронетанковая дивизия, дислоцированная в Ливане, имела Т-62, 3-я бронетанковая (с Т-72) сменила 1-ю только вечером 10 июня, и утром 11-го попытались пойти в наступление (о том, что в 12.00 вступает в

силу прекращение огня, уже было известно, и сирийцы хотели добиться последнего успеха). Им противостояли старые МАГАХи и десантники с TOW (номера частей gilad говорил, но на память я не помню, а искать лень). То, что перед ними Т-72, они даже не знали (разведка прохлопала замену дивизий). Увидев сирийские танки, наши открыли огонь и подбили 9 танков — в основном огнем TOW десантников, часть, возможно, огнем орудий МАГАХов и TOW с вызванных «Кобр», с нашей стороны потерь не было. Сирийцы стреляли мало (разобравшись, кто это был, израильтяне потом долго прочесывали окрестные горы в поисках подкалиберных сердечников, но ничего не нашли) и довольно быстро прекратили продвижение — приближался полдень. Уже на этапе окончания боя подошли части 7-й бригады с «Меркавами» и с ходу обстреляли, судя по всему, уже подбитые танки — отсюда израильская версия «Т-72 vs Меркава Мк.1». После вступления в силу прекращение огня 8 подбитых Т-72 осталось на территории, контролируемой сирийцами, 9-й — на нейтральной территории. Сразу после прекращения огня израильтяне хотели вывести этот танк, делали специальный трейлер, но по разным причинам эту затею бросили. Ограничились посылкой «Саерет Маткаль», которая и сняла с подбитого танка прицел и, возможно, еще что-то».

В общем, разбирайтесь сами. Я не располагаю достаточной информацией, чтобы сделать окончательные выводы. Как правильно замечают многие историки, в результате этой операции Израиль одержал военную победу и потерпел политическое поражение.

Что же ждет Ближний Восток далее?

Глава 16

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

В свое время пионер Волька Костыльков на вопрос, что он знает об Индии, собирался уверенно ответить, что на полуострове Индостан расположены две страны, братские народы которых проклятые британские империалисты норовят поссорить... Только

вот ему старик Хоттабыч помешал, заставив повествовать о стране плешивых и тому подобных чудесах. Волька был искренне убежден, что Хоттабыч не дал ему рассказать чистую правду, и это подтверждает старую истину: в СССР машина промывания мозгов работала предельно эффективно и оболванивала людей с самого детства. Потому что трудно найти в истории пример столь многовековой и лютой ненависти, которая разделяет эти два народа. Мусульманские правители Средней Азии регулярно отправлялись в Индию за добычей, оставляя после себя пепелища и горы трупов. Даже династия Великих Моголов, правившая в Индии почти 300 лет, была фактически армией мусульманских оккупантов в стране победившего индуизма. Второй такой пример найти трудно, разве что вспоминается такая же давняя и абсолютно взаимная ненависть Китая и Японии. Поэтому совершенно неудивительно, что за последние полвека Индия и Пакистан четырежды воевали между собой, при этом о мелких вооруженных конфликтах даже не стоит упоминать. У нас мало что известно об этих войнах, они почему-то считаются не заслуживающими внимания. А ведь по крайней мере одна из них сопровождалась столь же масштабными танковыми сражениями, как Вторая мировая или война Йом-Киппур.

Итак, 14 августа 1947 года Индия и Пакистан стали отдельными государствами в составе Британского Содружества. Это событие сопровождалось широкой волной гражданских беспорядков, массовым переселением иноверцев и резней, которая унесла жизни более чем миллиона человек. Лорд Маунбеттен в полной мере освоил искусство разделять и властвовать, с помощью которого англичане так долго удерживали в повиновении свою империю. Умело проведенные границы способствовали тому, что между Индией и Пакистаном немедленно начались конфликты из-за спорных территорий.

Первый конфликт вспыхнул уже 21 октября 1947 года, то есть через два месяца после обретения независимости. И, как это чаще всего бывает, он начался из-за раздела чужого имущества. Дело в том, что спорные княжества Джамму и Кашмир не принадлежали ни одному из государств. Ранее это было независимое государство

сикхов, не входившее ни в состав империи Моголов, ни в одну из мусульманских держав Среднего Востока. Однако англичане захватили его и включили в состав **своей** Индийской империи. После ее распада Кашмир хотел остаться независимым, однако Индия и Пакистан дружно предложили ему совершенно добровольно войти в состав той или иной страны.

Поддерживаемые Пакистаном мусульманские мятежники вторглись в Кашмир в октябре 1947 года, намереваясь занять Кашмирскую долину и ее главный город Шринагар. Ополчение княжества было быстро разгромлено, но агрессоры по непонятной (?!) причине решили остановиться, заняв только приграничную полосу, где с удовольствием предались грабежам и насилиям.

Пока они занимались этим, Индия перебросила в Шринагар по воздушному мосту войска, которые перешли в наступление и выбили мятежников из близлежащих городов. В этих боях впервые приняла участие бронетехника, правда, пока в ограниченном количестве. Первый случай имел место 5 ноября в бою у Шалатенга, когда подразделение индийских бронемашин под командованием лейтенанта Н.Г. Давида нанесло удар по вражеским тылам. Возникла паника, и погибло более 500 человек. Лейтенант Давид был награжден орденом «Вир Чакра», третьей по старшинству индийской наградой за храбрость. Далее в дело вступила регулярная пакистанская армия, и начались вязкие пограничные бои, которые не приносили особого успеха ни одной из сторон, так как сложная гористая местность не позволяла проводить крупные операции.

Пока индийцы пытались очистить от противника южные районы княжества, пакистанцы неожиданно начали наступление на севере, в высокогорных отрогах Гималаев. С мая по август 1948 года индийцы продолжали операции в Кашмирской долине, не особо обращая внимание на другие участки фронта. И только в ноябре у них дошли руки до горных районов. Они начали наступление на захваченный городок Драс, использовав танки. Наверное, это была самая высокогорная в истории танковая операция. 11 «Стюартов» 7-го танкового полка возглавляли прорыв через горный проход Зоджи-Ла на высоте 4 километра! Это вам не переход через Карпаты или Хинган. «Решение индийского командования бросить танки на Зоджи-Ла было историческим», — писал позднее один из индийских офицеров.

После этого премьер-министр Индии Джавахарлал Неру обратился в ООН с просьбой о помощи в установлении перемирия, и 31 декабря 1948 года перемирие было подписано. Несмотря на продолжительность войны, потери были небольшими, что объяснялось сложностью ведения военных действий в гористой местности.

15 августа 1965 года индийские войска снова пересекли линию прекращения огня и вторглись в «оккупированный Пакистаном район Кашмира». Пакистанцы, разумеется, кричат о неспровоцированной атаке, индийцы точно так же кричат о вторжении мятежников на территорию Индии.

Эта война интересна тем, что в ней впервые прошло по-настоящему боевое испытание новое поколение танков. Ни в Корее, ни во время Суэцкого кризиса серьезных сражений с использованием танков не было. К началу войны основную ударную силу армии Пакистана составляли американские танки «Паттон»: 230 M47 и 202 M48. Кроме них имелось примерно 200 танков M4 «Шерман», перевооруженных 76-мм орудиями, 150 легких танков M24 «Чаффи» и несколько отдельных эскадронов истребителей танков M36B1. Эти танки были сведены в 15 бронекавалерийских полков, которые были объединены в 2 танковые дивизии — 1-ю и 6-ю, хотя в 1965 году 6-я еще не завершила формирование. В каждую входили 4 танковых полка, 1 полк разведывательных бронемашин, 3 моторизованных пехотных батальона. Они столкнулись примерно с 800 индийскими танками, в основном это были «Шерманы». Однако Индия начала модернизацию своих танковых войск и закупила 164 легких танка AMX-15 и 188 «Центурионов». Индийцы имели 15 кавалерийских полков, причем лучшие из них были объединены в 1-ю танковую дивизию «Черный слон», в которую входили 4 танковых полка, 1 батальон броневиков, 3 пехотных батальона на грузовиках. Имелась также 2-я отдельная танковая бригада и полк легких танков.

Обе армии были организованы на британский манер и использовали тактику и приемы, которым их научили англичане, что, наверное, и объясняет не слишком удачные действия танковых частей. Вооруженные силы Индии были гораздо крупнее, ее армия

насчитывала 869 000 солдат против 208 000. Если учитывать полностью укомплектованные дивизии, то Индия имела 20 против 6 пакистанских, однако последние были гораздо лучше оснащены. Но при этом индийцы не могли бросить все свои силы на фронт, так как им приходилось держать большое количество войск на границе с Китаем. Обе армии сохраняли «пехотную ориентацию», и танковые полки были приданы пехотным дивизиям.

22-дневная война 1965 года была самой крупной войной на Индийском полуострове и самой крупной танковой войной в Азии. В ней участвовало более 1500 танков, многие из которых были уничтожены. Основные танковые бои развернулись в двух районах — под Сиалкотом и Лахором. Однако их описания крайне противоречивы, и пропагандистский налет виден даже на официальных документах штабов.

Сначала индийская армия добилась заметных успехов, захватив важные позиции, но к концу августа и пакистанцы захватили часть территории, ранее оккупированной индийцами. И все-таки индийская армия заняла перевал Хаджи-Пир, через который можно было вторгнуться на территорию непосредственно Пакистана.

1 сентября пакистанские войска перешли в контрнаступление, начав операцию «Гранд Слэм», они планировали захватить город Ахнур в княжестве Джамму. Это позволило бы пакистанцам перерезать линии снабжения индийской армии. Сначала они добились некоторых успехов, так как сосредоточили крупные силы на участке наступления, но потом индийская авиация нанесла удар по наступающей группировке. В ответ пакистанская авиация атаковала индийские аэродромы в провинциях Кашмир и Пенджаб. Эскалация конфликта шла быстрыми темпами. Хотя операция «Гранд Слэм» завершилась неудачей, она вынудила индийское командование сместить центр своих усилий на юг.

До сих пор бои шли на спорных территориях, однако 6 сентября индийские войска начали новое наступление. Они перешли границу Пакистана, форсировав пограничный канал Ихогил чуть восточнее Лахора. Вскоре международный аэропорт Лахора попал под обстрел индийской артиллерии. Индийскую 4-ю пехотную дивизию поддерживала 2-я отдельная танковая бригада. Вскоре был захвачен городок Батапор. Пакистанцы намеревались нанести

удар силами 1-й танковой дивизии во фланг и тыл индийским частям. Однако для сосредоточения сил требовалось время, и пакистанцы совершили стандартную ошибку, вводя в дело прибывающие подразделения. В результате первая группа «Паттонов» и «Чаффи» попала в засаду и понесла серьезные потери. Пробные атаки подсказали индийцам, что вскоре последует главный удар. Заливные поля давали преимущество обороняющимся, поэтому индийцы немного отошли, чтобы занять более выгодные позиции. 4 эскадрона «Центурионов» и «Шерманов» расположились так, чтобы контролировать главные дороги, а остальные танки были распределены по пехотным частям. Командир 2-й бригады бригадный генерал Танг Радж отдал строжайший приказ своим танкистам не стрелять, пока пакистанские танки не приблизятся вплотную.

Воздушные налеты индийской авиации не причинили особого вреда «Паттонам», но тыловые колонны были разгромлены. В результате у пакистанцев осталось всего по 30 снарядов на танк, да и с топливом возникли серьезные проблемы.

10 сентября генерал-майор Насир Ахмад Хан, командир пакистанской 1-й танковой дивизии, приказал 5-й танковой бригаде атаковать противника. Он предполагал прорваться через городок Махмудпур к Амритсару, крупному центру провинции Джамму. Индийская артиллерия и пулеметы быстро разогнали пакистанскую пехоту, и танки остались в одиночестве. После этого исход боя фактически был предрешен. Пакистанские танки начали нести ужасные потери, и вскоре атака 5-й бригады была остановлена. Ахмад Хан приказал 4-й бригаде обойти правый фланг индийцев, но это было предусмотрено, и обороняющиеся затопили поля. Пакистанские танки просто увязли в грязи.

В панике командир бригады сообщил по радио командиру дивизии, что он не может двигаться ни вперед, ни назад и вообще не знает, что делать. Ахмад Хан сообщил, что лично выезжает к нему. Но разговор был перехвачен индийцами, и они устроили засаду. 3 танка штаба дивизии были уничтожены огнем безоткатных орудий, установленных на джипах, генерал погиб.

К вечеру поля вокруг деревни Ассал Уттар были усеяны сгоревшими танками. Дивизия потеряла 97 машин, из которых более 65 были «Паттонами», погиб командир дивизии, один командир

бригады и шестеро командиров полков. Это район стали называть «Паттон Нагар» — «Могила Паттонов». Индийцы утверждают, что во время этого боя потеряли всего 12 танков.

И все-таки индийцы не сумели развить наступление в этом секторе, несмотря на разгром пакистанской 1-й танковой дивизии. Поэтому главные усилия были перенесены на север, в район Сиалкота. Целью наступления был захват важнейшего шоссе, ведущего из Равалпинди в Лахор, в районе Вазирабада. Для наступления индийское командование выделило 1-й корпус в составе 1-й танковой, 14-й пехотной и 6-й горно-стрелковой дивизий.

7 сентября индийская пехота заняла приграничный район, и пакистанцы, осознав угрозу, перебросили туда 2 полка 6-й танковой дивизии на помощь оборонявшейся 7-й пехотной дивизии. Всего им удалось собрать 135 единиц бронетехники. Индийцы намеревались вбить клин между Сиалкотом и Чавиндой, где, как они полагали, дислоцируется 6-я танковая дивизия.

Однако, как это бывает чаще всего, стройный план и идеальный боевой порядок очень быстро разлетелись на куски. Индийская 43-я бригада моторизованной пехоты при поддержке танкового полка двинулась на городок Гат, а 1-я танковая бригада повернула влево, на Филлору. Пакистанская авиация точно так же, как индийская, не сумела нанести потерь танкам, однако разгромила колонны грузовиков с пехотой и снабжением. Местность в этом районе резко отличалась от той, где происходил предыдущий бой. В сухой полупустыне танковые колонны поднимали огромные облака пыли, и пакистанцы заранее узнали о приближении танков противника.

Головные подразделения индийцев на подходах к Филлоре были обстреляны, понесли потери и откатились назад. После небольшой передышки 11 сентября индийцы снова перешли в наступление, теперь его возглавлял 17-й кавалерийский (кавалеристы пуны) полк. Теперь уже индийцы попали в засаду и были обстреляны из всех видов оружия. Бой продолжался 12 часов. Тем не менее они заявили о своей победе и сообщили об уничтожении 67 пакистанских танков — больше, чем противник имел в этом секторе.

И все-таки пакистанцы имели заметно меньше танков, а потому начали отступать к Чавинде. 13 сентября индийцы предприня-

ли новую атаку. Теперь бои продолжались уже два дня, но успеха индийцам добиться не удалось. После этого стороны перешли к артиллерийской перестрелке, которая продолжалась до подписания перемирия 23 сентября.

Пакистанцы утверждали, что в этих боях уничтожили более 120 индийских танков, потеряв всего 44 своих. Британские журналисты, посетившие место боя, видели множество сгоревших «Центурионов» и не ставили под сомнение такие заявления. Индийцам только и оставалось, что сочинять красивые истории о героизме. Орден «Парам Вир Чакра», эквивалент Креста Виктории, получил командир 17-го кавалерийского (кавалерийсты пуны) подполковник Тарапор. Полк тогда входил в состав 1-й танковой дивизии. В представлении говорится, что 11 сентября 1965-го он получил приказ нанести удар с целью захвата сектора Филлора в Пакистане. Во время марша между Филлорой и Чавиндой индийцы были внезапно контратакованы пакистанскими тяжелыми танками. Подполковник Тарапор возглавлял свой полк и «отразил наступление противника, удержал позиции и отважно атаковал Филлору силами одного эскадрона при поддержке пехотного батальона. Находясь под постоянным огнем вражеской артиллерии и танков, подполковник Тарапор сохранял спокойствие в течение всего боя, получил ранение, но отказался эвакуироваться». Через три дня, несмотря на раны, он повел свой полк в атаку, на сей раз с целью захвата Вазиравали. Через два дня он снова вернулся в бой, когда, «несмотря на ранения, он отважно руководил полком и 16 сентября захватил Джасоран и Бутур-Догранди. Его собственный танк получил несколько попаданий, но, невзирая на все трудности, он сумел удержать оба пункта. Это позволило пехоте поддержки атаковать с тыла Чавиду. Воодушевленный своим командиром, полк яростно атаковал противника и уничтожил примерно 60 тяжелых танков, потеряв только 9 своих. Когда подполковник Тарапор был смертельно ранен, полк продолжал сдерживать неприятеля».

В этом бою 17-й кавалерийский полк заслужил имя «Фахр-и-Хинд» (Гордость Индии).

В общем, подвести итоги этих сражений с полной достоверно-

стью нельзя даже сегодня. Индийцы признают потерю в общей сложности 128 танков. Пакистанцы заявляют, что их потери составили 165 машин, причем в обоих случаях львиная доля потерь приходится на два упомянутых боя.

Выводы тоже оказались странными и противоречивыми. Пакистанцы использовали капризные американские танки «Паттон», которые уступали менее прихотливым индийским «Центурионам». Про них писали: «Паттоны» оказались слишком современными, что обернулось против них же. Индийские танки успевали дать 3 выстрела, пока пакистанцы запускали свои системы управления огнем». Индийские офицеры не без яда отмечали: «Пакистанцы слишком полагались на свое сверхсовременное оружие, особенно танки и самолеты, и приобрели опасную привычку считать, что оно само по себе обеспечивает успех. Однако сложность системы вооружения должна быть сопоставима с обученностью людей, которые ее используют». Но это была индийская точка зрения. Сами пакистанцы заявили, что вполне удовлетворены своими более сложными танками, и утверждали, что добились большого числа попаданий в башни «Центурионов» благодаря своему более совершенному оборудованию. Тем не менее стало ясно, что «Паттон» уязвим не только для 20-фн пушки «Центуриона», но и, что оказалось довольно неожиданно, для 75-мм пушки AMX-13. Так или иначе, но «Паттон» вышел из этой войны с изрядно подмоченной репутацией.

Отчет независимых наблюдателей, написанный вскоре после войны, так описывает эти бои: «Создавалось впечатление, что обе стороны бросали в бой танки без надлежащей разведки на местности, которая не подходила для использования таких масс танков. Они позволяли завлечь себя в такие беспорядочные свалки, что можно было заподозрить полное отсутствие знания тактики». В общем, англичане плохо подготовили своих учеников, а точнее, они не могли научить тому, чего не знали сами. Вспомним беспомощность, не раз демонстрировавшуюся британскими командирами танковых частей в годы Второй мировой.

Под совместным давлением СССР и США воюющие стороны были вынуждены подписать перемирие. Чуть ли не в первый раз Советский Союз не стал на защиту Индии. Война закончилась тем, что каждая из сторон сумела удержать небольшой кусок тер-

ритории противника. Индия заняла около 1840 кв. км, а Пакистан — примерно 545 кв. км. Потери в живой силе были относительно невелики — около 4000 убитых с каждой стороны.

10 января 1966 года Индия и Пакистан подписали соглашение о неприменении силы, однако хрупкий мир не затянулся. В Восточном Пакистане началось восстание с целью добиться автономии. Третья Индо-пакистанская война была спровоцирована войной за независимость Бангладеш. 27 марта майор Зиаур Рахман объявил о независимости Восточного Пакистана, то есть Бангладеша. Пакистанские военные попытались подавить восстание, вспыхнула партизанская война. В этот же день было сформировано так называемое правительство в изгнании, а премьер-министр Индии Индира Ганди выразила ему полную поддержку. Жестокие действия пакистанских военных вызвали массовое бегство гражданского населения, более 10 миллионов человек укрылись на территории Индии. Соединенные Штаты пообещали Пакистану поставки вооружения.

Но на дипломатическом фронте Индия сразу одержала крупную победу, так как во время визита в Европу Индира Ганди сумела добиться того, что Англия и Франция пообещали блокировать в Совете Безопасности ООН любую резолюцию в поддержку Пакистана. Вершиной успешного турне стало подписание 9 августа 20-летнего договора о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом. Это стало сильным ударом для США. Китай решил ограничиться заявлениями о моральной поддержке, но не стал выдвигать войска к границе с Индией.

Однако в результате неконтролируемого притока беженцев экономика Индии начала трещать, что сделало войну неизбежной. В ноябре Индия начала сосредоточение войска на границе Восточного Пакистана. Однако первыми сдали нервы у пакистанского президента Яхья Хана. Вечером в воскресенье 3 декабря пакистанская авиация подвергла бомбардировке 8 аэродромов на северо-западе Индии. На такие действия пакистанцев вдохновил опыт знаменитой Шестидневной войны.

Индия в ответ официально объявила войну Пакистану, и на следующий день части пакистанской армии на территории Восточ-

ного Пакистана подверглись массированным ударам с моря и воздуха. Индийские войска перешли в наступление на Восточном фронте. На Западном сначала было решено ограничиться сдерживающими действиями.

Сосредоточив превосходящие силы (3 корпуса против 3 дивизий), индийцы довольно быстро добились решающих успехов на востоке. Влажные заболоченные тропические леса не позволяли использовать танки, поэтому наступления вела моторизованная пехота. Однако организованы они были в лучших традициях блицкрига — индийцы обходили укрепленные позиции противника и двигались дальше. В результате уже 16 декабря пакистанская армия на территории Восточного Пакистана капитулировала. В плен сдалось более 90 000 человек, это была самая крупная капитуляция со времен Второй мировой войны.

Как ни странно, но пара танковых стычек на востоке все-таки произошла. 21 ноября индийский пехотный батальон при поддержке эскадрона плавающих танков ПТ-76 внезапным ударом разгромил 107-ю пакистанскую бригаду, поддержанную эскадроном танков М24 «Чаффи» в районе Гарибпура. 11 пакистанских танков были сожжены, а еще 3 захвачены, индийцы потеряли всего 6 танков.

Не лучше показали себя пакистанцы и на Западном фронте. Там произошла известная битва у Лонгевалы, когда рота индийских солдат отразила удар 51-й пехотной бригады, поддержанной 22-м танковым полком. Из 54 пакистанских танков было сожжено не менее 40! В результате командир пакистанской 18-й пехотной дивизии был смещен.

Отбив первоначальное нападение пакистанской армии, индийцы перешли в контрнаступление и заняли около 14 000 кв. км в Кашмире, Пенджабе и Синде. Танки использовались в большом количестве, но на сей раз Индия резко увеличила свои силы. На помощь испытанным «Центурионам» было направлено около 450 советских Т-55 и около 300 танков «Виджаянта», построенных в Индии. Кроме того, индийцы имели АМХ-13 и плавающие ПТ-76, совершенно незаменимые для проведения разведки, особенно на местности, изобилующей реками. Всего индийцы имели около 1850 единиц бронетехники против 1170 у Пакистана. Пакистанцы потеряли около 240 танков, индийцы — всего около 80.

Индия быстро добилась своих целей и не собиралась затягивать войну. Поэтому после завершения боев на востоке было объявлено о прекращении огня, а в следующем году после подписания соглашения в Симле добровольно вернула занятые территории.

Летом 1999 года имел место очередной индо-пакистанский конфликт, так называемая Каргильская война. Но это был скорее небольшой пограничный конфликт высоко в горах. Пакистан поддерживал кашмирских боевиков, с помощью которых намеревался захватить часть индийской территории. Но индийская армия при поддержке авиации выбила их с занятых позиций. Активные боевые действия начались 26 мая 1999 года, когда индийская сторона начала операцию «Виджай» для возвращения потерянных территорий. При этом индийская авиация впервые применила в боевых действиях бомбы с лазерным наведением. Боевые действия проходили на высоте около 5000 метров, что, разумеется, исключало применение танков. Не допустили дальнейшей эскалации конфликта Соединенные Штаты, так как во время визита пакистанского премьер-министра Наваза Шарифа в США президент Клинтон в жесткой форме потребовал вывести войска с территории Индии. 26 июля война завершилась.

В 2001—2002 годах Индия и Пакистан в очередной раз оказались на грани войны после нападения террористов на индийский парламент, которое произошло 13 декабря. Индия мобилизовала около 500 000 человек, Пакистан спешно перебросил с афганской границы 120 000 солдат. Обе страны развернули батареи баллистических ракет, и вот-вот могла вспыхнуть война, от которой было бы буквально полшага до ядерного конфликта. В мае на территории княжества Джамму постоянно велись артиллерийские дуэли. Пакистанцы заняли небольшой клочок индийской территории, но после обстрела тяжелой артиллерией и бомбежек с воздуха отошли обратно. Но постепенно напряженность начала ослабевать, и в октябре противостояние завершилось.

Добавим, что 5 июня министр иностранных дел Индии Джасват Сингх пообещал, что Индия первой не применит ядерное оружие. Зато президент Пакистана Мушарраф в тот же день заявил, что не исключает возможности первым использовать такое оружие, а в декабре 2002 года предупредил, «чтобы Индия не ожи-

дала обычной войны с Пакистаном», если она пересечет разграничительную линию в Кашмире. Потом он поспешил оговориться, что подразумевал партизанскую войну, но еще до этого министр обороны Индии заявил, что «Индия выдержит взрывы одной или двух бомб, но, когда мы ответим, Пакистан перестанет существовать».

29 ноября 2008 года после атаки террористов в Мумбае, финансовой столице Индии и ее крупнейшем городе, обстановка снова стала быстро накаляться, так как боевиков готовили на территории Пакистана. Так что мы вполне можем стать свидетелями еще одного случая использования танков на индо-пакистанской границе, хотя подготовленные англичанами генералы, разумеется, не имеют понятия о законах использования танковых войск. Ссылки на неблагоприятную территорию не убеждают, так как в Ливии и Тунисе она была не лучше. Поживем — увидим.

Глава 17

МАЛЕНЬКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ВОЙНА

В XIX веке колониальные походы представлялись белым джентльменам легкой прогулкой за славой и деньгами. Эти походы были связаны лишь с некоторыми неудобствами, потому что сложно тащить за собой в африканскую саванну или бирманские джунгли обоз с пуховыми перинами, три парадных фрака и ларец с французскими винами. Но со всем этим мирились, потому что добыча помогала забыть о недолгих лишениях. Сражения с дикими туземцами не представляли особых проблем, разве что господа культуртрегеры уж слишком забывались, и тогда могла получиться Изандлвана. Но это происходило крайне редко, обычно все сражения проходили по немудрящей формуле:

На любой ваш вопрос
Мы дадим вам ответ
У нас есть пулемет,
А у вас его нет.

Однако все течет, и все изменяется. Поэтому во второй половине XX века просветители и демократоры решили заменить столь примитивный продукт машинной цивилизации на гораздо более

изощренные средства в виде реактивных самолетов и танков. Казалось бы, туземцы, даже заполучив ржавые винтовки периода Второй мировой войны, не смогут противостоять натиску европейских армий, оснащенных самым современным вооружением. На деле все оказалось несколько иначе. Первый урок новоявленные колонизаторы получили в Корее. В очередной раз повторю: мы не будем вдаваться в пояснение, кто именно виноват в развязывании войны на Корейском полуострове. Была ли это попытка Сталина начать Третью мировую войну или желание продажной марионетки американских империалистов Ли Сын Мана уничтожить первое на корейской земле государство рабочих и крестьян — не нам судить. Мы будем говорить лишь о том, как использовались танки в этой войне. А вот с этой точки зрения мы увидим более чем любопытную картину.

Корейская война совершенно четко распадается на два принципиально различных периода. Причем это различие заключается не только в четко разграниченных хронологических рамках, но и в принципах подхода к использованию танков.

«Утром 25 июня 1950 года вдоль 38-й параллели сеял моросящий дождь, когда редким раскатам грома начал вторить оглушительный грохот артиллерии и минометов. Артобстрел продолжался примерно час, а потом началась серия скоординированных атак по всей ширине полуострова... Оглушительный успех в западном секторе (I северокорейский корпус) проложил дорогу наступлению на Сеул. Основной удар силами 8000—10 000 пехотинцев под прикрытием 50 танков был нанесен вниз по историческому коридору Почон — Ыйджонбу. Вторая колонна, которую возглавляли 40 танков, наступала на Сеул через Кэсон». Так описывает один из американских историков начало Корейской войны.

Эта статья называлась «Влияние тактики русских танковых войск на наступление северокорейцев в 1950 году». Действительно, армию КНДР готовили советские специалисты, поэтому совершенно неудивительно, что она переняла советские взгляды и методы использования танков. Поэтому армия КНДР чаще всего использовала мощную лобовую атаку при поддержке артиллерии. Это позволяло сковать силы противника и прорвать его оборону. После этого проводился двойной охват с целью окружения и уничтожения вражеских войск. Лобовое наступление, разумеется, воз-

главляли танки. Следом за ними с интервалом от 15 до 45 минут следовала пехота. Типичным советским тактическим приемом был следующий: после прорыва первой линии артиллерия и минометы переносили огонь на заранее определенные цели в глубине вражеских позиций, а танки развивали наступление, уничтожая вражеские командные пункты, артиллерийские позиции, и отсекали пути отхода.

Тот же историк подчеркивает «превосходство северокорейцев в боевой подготовке, так как агрессор умело использовал бронированные машины по всему фронту наступления в первые недели войны». Он продолжает: «Использование танков в этот период оказалось одним из наиболее действенных тактических приемов за всю Корейскую войну. Это вызвало серьезные опасения американского командования, которое опасалось, что СКНА (Северокорейская народная армия) полностью сокрушит сопротивление до того, как мы успеем оказать серьезную помощь».

Из этого следует неутешительный для американцев вывод. Что могло произойти, если бы они столкнулись не со скромной Корейской народной армией (КНА, просьба не путать, так как под точно такой же аббревиатурой скрывается и Китайская народная армия), а с армией СССР?! Дело в том, что КНА имела более чем скромное количество танков по меркам Второй мировой войны — только одна слабая дивизия. Единственным танковым подразделением вторгшейся армии была 105-я бронетанковая бригада, причем она никогда не действовала как единое целое. Чаще всего ее отдельные полки поддерживали наступление пехотных дивизий. После захвата Сеула она получила почетный титул «дивизия», но на самом деле была скорее бригадой из 3 танковых полков (107, 109 и 203-й) плюс части поддержки и обслуживания, например 206-й мотопехотный полк и 603-й мотоциклетный полк. В ее составе не было полка тяжелых танков, артиллерийского полка, полка ПВО и батальона реактивных установок, которые имели советские танковые дивизии. Каждый полк имел до 40 средних танков Т-34, вооруженных 85-мм пушками. Полк делился на 3 батальона по 13 танков плюс машина командира полка. Танковые роты состояли из 3 взводов, каждый из которых имел всего по 1 танку! К июню 1950 года КНА имела всего лишь 258 танков. Кроме упомянутой бригады существовало еще 5 отдельных танковых полков и 2 брига-

ды, хотя по численности полки не превосходили батальонов, а бригады — полков. Кстати, именно это более чем ограниченное количество танков заставляет усомниться в версии, что И.В. Сталин развязал Корейскую войну. В этом случае он подготовился бы гораздо основательнее.

105-й танковой дивизией командовал генерал-лейтенант Ю Квонг Су, который, как и многие другие северокорейские командиры, служил в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Он закончил в 1938 году советское танковое училище, служил командиром танкового взвода и роты и принимал активное участие в боях. Один из его полковых командиров, генерал-майор Пир У Чан, прошел с советскими войсками весь путь до Берлина.

На начальном периоде войны армия КНДР добилась заметных успехов, так как южнокорейская армия не имела ни танков, ни средств ПТО. Объяснения этому существуют самые разнообразные но, видимо, самым близким к истине является довольно прозаичное. Американцы считали Корейский полуостров совершенно непригодным для использования танков, памятуя о своем не слишком удачном опыте боев в Италии, а в Корее местность была еще более сложной. Вдобавок горные хребты, шедшие вдоль полуострова, разделяли его на западную и восточную части, сообщение между которыми было крайне затруднено.

Как и положено, на направлении главного удара была сосредоточена значительная часть сил КНА. Они должны были наступать на столицу Южной Кореи город Сеул. Для действий на восточном театре была выделена всего одна стрелковая дивизия.

Как уже говорилось, утром 25 июня КНА нанесла первый удар. В авангарде шел 109-й танковый полк. Попытки южнокорейских солдат как-то остановить танки оказались совершенно напрасными. Слабые 57-мм противотанковые пушки и 60-мм базуки не могли пробить броню Т-34-85. Полуостров Онджин был быстро занят войсками КНА, которые тут же повернули на восток, на Сеул. Второй удар наносился от Кэсона на Ыйджонбу, и он также был успешным. В приграничных сражениях были разгромлены две южнокорейские дивизии. Дело начинало попахивать блицкригом, о котором, скорее всего, не мечтали и генералы КНА.

27 июня северокорейские войска подошли к Сеулу, и в городе началась паника. Ну совсем как во Франции весной 1940 года!

Мосты через реку Ханган были взорваны преждевременно, поэтому южнокорейская армия была вынуждена бросить на северном берегу все тяжелое вооружение. Части КНА вошли в город, а 105-я танковая бригада была переименована в гвардейскую.

Правительство США приложило массу усилий, чтобы ООН приняла резолюцию, осуждающую агрессию, и дала разрешение на отправку войск для помощи развалившейся южнокорейской армии. Представитель СССР на этом заседании Генеральной Ассамблеи ООН отсутствовал, поэтому вето не было вынесено. Это позволило американцам начать переброску из Японии находившихся там подразделений. Но на их несчастье, в Японии находилось лишь 4 батальона легких танков М24 «Чаффи», сравнивать которые с Т-34-85 просто невозможно.

5 июля состоялась первая встреча американцев с советскими танками. Части 21-го полка 24-й пехотной дивизии были выдвинуты в район города Осан. Кстати, в этом и других случаях мы используем транскрипции, приведенные на карте, изданной Главным управлением геодезии и картографии, а не произвольные толкования различных переводчиков. 107-й танковый полк с поразительной легкостью прошел сквозь позиции американцев.

Американское командование допустило классическую ошибку, поочередно бросая в бой прибывающие в Корею отдельные батальоны и роты, вместо того чтобы попытаться сосредоточить силы. 10 июля в районе городка Чоный состоялось первое столкновение «Чаффи» с Т-34, сразу доказавшее старую истину: легкие танки практически бесполезны в бою и могут использоваться только для ведения разведки. Американский отряд был разгромлен, понес большие потери и покатился на юг.

После этого американцы попытались остановить наступление КНА у временной столицы Южной Кореи города Тэджон. Сначала бои развернулись на подступах к городу на северном берегу реки Кымган. И снова американская 24-я пехотная дивизия продержалась до того момента, когда в бой были введены Т-34. Американцы отступили к Тэджону.

В течение суток 3-я пехотная и 105-я танковая дивизии КНА отдыхали и вели разведку, готовясь к штурму города. Утром 20 июля 4-я пехотная дивизия с запада, 3-я пехотная с северо-запада и 105-я танковая дивизия с северо-востока пошли на

штурм. Оказать серьезное сопротивление американцы не сумели, уже через полтора часа танки КНА ворвались в город. Но пехота промедлила, и это привело к тому, что несколько машин было сожжено новыми 90-мм базуками. Однако около 11.00 в город вступили пехотные части КНА, и к исходу дня город был взят. Северокорейцы захватили много трофеев, в том числе 60 орудий и минометов, 7 танков, 196 автомашин. В плен попал командир 34-го пехотного полка. А немного позднее был взят в плен и командир 24-й дивизии генерал-майор Дин. 24-ю дивизию пришлось отвести на переформирование.

Американцам стало ясно, что без танков они не смогут остановить наступление КНА, и в Корею начали отправлять все, что подвернется под руку. Подвернулись 6 разномастных батальонов — от учебных до кадрированых, вооруженных столь же разномастной техникой. Там были М26 «Першинги», М4А3 «Шерманы» и более современные М46 «Паттоны». Они прибыли в Корею в первых числах августа. Кстати, опять же хочется подчеркнуть: если КНА использовала танки в составе полков и бригад, американцы бросали в бой разрозненные батальоны. Если бы Советский Союз поставил КНДР буквально на 200—300 танков больше, противник мог горько пожалеть о своем легкомыслии. Это второй в истории случай, когда пара сотен танков могла серьезно изменить ход войны. Первый имел место осенью 1942 года под Эль-Аламейном. Ведь отправь тогда Гитлер хоть еще одну танковую дивизию Роммелю, фельдмаршал дошел бы до Александрии и Суэцкого канала. А там уже, кто его знает, как повернулись бы события. Так и сейчас. Но история не знает сослагательного наклонения.

И все-таки к августу 1950 года наступление КНА остановилось. В руках американцев (южнокорейская армия к этому времени благополучно прекратила свое существование) оставался крошечный пятачок вокруг порта Пусан, не более 10 процентов общей территории страны. КНА провела великолепную молниеносную кампанию, умело использовала свои немногочисленные танковые войска, а генерал Ю Квонг Су показал себя прекрасным командиром. Однако КНА элементарно не хватило сил для последнего решающего удара. В ходе непрерывных наступательных действий войска понесли большие потери в людях и технике. По-

тери в артиллерии составляли около 40%, а в танках и САУ — свыше 50%. В среднем пехотные дивизии к этому времени имели от 30 до 50% штатной численности личного состава и материальной части. Особенно большие потери в личном составе понесли 1, 3, 4, 6 и 15-я пехотные дивизии. Так, в полках 1-й и 3-й пехотных дивизий оставалось по 100—200 человек боевого состава. В 1-й пехотной дивизии имелось всего 63 орудия и миномета, в 5-й — 141, в 8-й — 85, в 12-й — 60, в 15-й — 92 из 203 положенных по штату, причем если действующие войска с начала войны и до 18 августа получали пополнение в людях, то материальная часть почти не восстанавливалась. Например, в 105-й танковой дивизии осталось не более 40 танков. А в это же время американцы перебросили на плацдарм крупные силы пехоты и артиллерии, на аэродромах Японии базировалось множество самолетов. Лидерам КНДР, наверное, следовало попытаться найти политическое решение конфликта, используя свое благоприятное положение. Однако они приняли совершенно авантюристическое решение начать новое наступление, хотя противник имел превосходство в живой силе в 2 раза, а в танках — в 6 раз. После первых незначительных успехов это наступление захлебнулось. 105-я дивизия потеряла еще несколько танков, причем уже в стычках с М26 «Першингами». Тяжелые танки в очередной раз оказались сильнее средних, хотя и американцы потеряли несколько машин. Но мы сознательно не используем термин «бои», так как в стычках участвовало не более десятка танков с каждой стороны. Наступление КНА было окончательно остановлено, а вместе с ним закончился и период танковой войны в Корее.

Началась вторая фаза Корейской войны — наступление войск ООН. К третьей неделе августа на периметре вокруг Пусана находилось более 500 американских средних танков, однако не они сыграли главную роль в этом наступлении. К началу сентября американцы превосходили противника в танках по крайней мере в 5 раз, но ведь их надо было уметь использовать. Кстати, 13 июля командование силами ООН, которые получили название американской 8-й армии, принял один из корпусных командиров Паттона генерал-лейтенант Уолтон Г. Уокер. Грубый задиристый вы-

ходец из Техаса, прозванный «Джонни» в честь известного сорта шотландского виски, Уокер очень сильно напоминал Паттона. Он считал, что солдаты должны видеть своего командира, и оставил повседневную штабную работу своим штабистам. Кроме того, он был бойцом и сразу дал понять солдатам, что больше не будет никаких отступлений и Дюнкерков, а о капитуляции можно просто забыть. Они будут удерживать крошечный Пусанский периметр, куда их загнали, до последнего человека и до последнего патрона. К счастью, это не понадобилось, и оборона выдержала без радикальных мер.

Наступление союзников началось с высадки морского десанта в порту Инчхон. Главнокомандующий сил ООН генерал МакАртур решил высадить X корпус, состоящий из 1-й дивизии морской пехоты и 7-й южнокорейской дивизии. Корпусу был придан целый танковый батальон морской пехоты, из которого на берег высадили одну роту. В ходе боев мог состояться очередной танковый «бой», однако морские пехотинцы, заметив целых 6 танков Т-34, предпочли вызвать авиацию. Истребители-бомбардировщики «Корсар» атаковали колонну и уничтожили 3 танка, оставшиеся 3 были добиты «Першингами». В общем, танковая война выродилась. Похоже, американцы, несмотря на наглядный урок, который им преподал генерал Ю Квонг Су, упрямо продолжали считать местность Корейского полуострова непригодной для танков.

После успешной высадки десанта армия Уокера нанесла удар с Пусанского плацдарма. Использовав большое превосходство в живой силе и артиллерии и колоссальное в авиации, после нескольких дней боев американцы сумели прорвать оборону северокорейцев. КНА не выдержала непосильного напряжения и просто рассыпалась. После этого операция сразу перешла в стадию преследования. Американцы сформировали несколько оперативных групп (почти полный аналог немецких боевых групп), совсем небольших по размерам. Самая большая из них состояла из кавалерийского полка (читай — мотопехотного), танкового и артиллерийского батальонов. Правда, в районе Кымчжона состоялось нечто вроде танкового боя, но, опять-таки, потери с обеих сторон исчислялись единицами.

Командование КНА приступило к формированию новых частей, но просто не успело подготовить их должным образом. В ав-

густе, например, были сформированы еще 3 танковые бригады, но им уже в сентябре пришлось вступить в бой. Для организации обороны Сеула 17 сентября была создана сеульская группа войск под командованием министра национальной обороны Цой Ен Гена. В состав группы должны были войти три бригады укрепленного района, девять отдельных пехотных полков, четыре танковых полка по 15 танков в каждом, полицейский полк и ряд специальных подразделений. Кроме того, по приказу Главного командования КНА в район Сеула перебрасывались снимаемые с фронта части 1-й и 9-й пехотных и 17-й механизированной дивизий. Однако из-за нарушения систем связи и хаоса, обычного в условиях общего отступления, этот план остался на бумаге.

К этому моменту образовались два фактически не связанных между собой направления. Формально северокорейские войска могли действовать по внутренним коммуникационным линиям, но нехватка автотранспорта и господство в небе американской авиации не позволяли использовать это преимущество. 22 сентября войска ООН начали штурм Сеула. После тяжелых боев 28 сентября город пал. Попытки разрозненных контратак северокорейцев, даже с использованием танков и самоходок СУ-76, были отбиты. Похоже, командование КНА не уловило изменения обстановки и не поняло, что теперь американские войска имеют надежные средства ПТО, которые позволяют уничтожать мелкие группы устаревших танков. Давайте уж называть вещи своими именами. К 1950 году Т-34-85, а СУ-76 и подавно, не были последним словом техники. Однако новых танков Советский Союз Корее так и не передал.

После взятия Сеула сопротивление северокорейцев практически прекратилось. Остатки армии отошли за 38-ю параллель. Возникающие то здесь, то там локальные узлы сопротивления уничтожались с помощью авиации, и войска ООН почти без помех двигались на север. Теперь уже они перешли границу и направились к Пхеньяну. Северокорейское командование создало оборонительный рубеж только в 160 километрах от границы, перебросив туда совершенно сырые, только что сформированные части. Хуже того, восточное побережье КНДР фактически оказалось беззащитным.

Но даже в таких сверхблагоприятных условиях американцы не

сумели организовать стремительное наступление. Темп наступления не превышал 20 километров в сутки. Гудериан, наверное, посмеялся бы от души над американскими генералами. В Корее, больше чем где-либо, оказалась справедливой ехидная характеристика, данная американской армии: «Она гораздо больше любит и умеет готовить операции, чем проводить их». Тем не менее после прорыва линии обороны под Хамчхоном войска ООН устремились к Пхеньяну. Степень хаоса, царившего в районе боев, лучше всего характеризует инцидент, происшедший ночью 17 октября. Батальон гайлендеров Аргайла столкнулся с группой северокорейцев. Шотландцы приняли их за южнокорейский отряд, приданный американской 24-й дивизии, а северокорейцы приняли шотландцев за... русских! Началось братание, благо никто никаких языков не знал. И лишь спустя некоторое время вспыхнула ожесточенная рукопашная схватка.

Советский Союз и Китай, желая остановить продвижение войск ООН, честно предупредили, что дадут разрешение добровольцам прийти на помощь своим товарищам по борьбе с Соединенными Штатами. Генерал МакАртур купился на слово «добровольцы» и решил, что в Корею в лучшем случае будет направлен символический отряд, ну, два-три полка, и продолжил наступление к северной границе КНДР.

Однако ночью 25 ноября около 180 000 китайских солдат начали массированное наступление на правом фланге 8-й армии и вынудили ее к отступлению. Легковооруженные китайские войска вообще не имели танков, но были идеально приспособлены к действиям на пересеченной местности в плохую зимнюю погоду. Они быстро свели к нулю превосходство противника в огневой мощи, так как американцы были вынуждены передвигаться по дорогам. Американцы откатились на юг с той же скоростью, с какой наступали на север, хотя по-прежнему имели превосходство в технике и вооружении. Хуже пришлось англичанам. У них на вооружении находились танки «Центурион», хорошие машины, но слишком тяжелые, что создавало массу проблем при форсировании речек и ручьев, так как далеко не все мосты их выдерживали.

Генерал Уокер сумел ненадолго стабилизировать положение на 38-й параллели, но 1 января 1951 года противник нанес новый мощный удар и во второй раз захватил Сеул. Через несколько дней

Джонни Уокер погиб в автокатастрофе, а его место занял другой знаменитый командир Второй мировой, генерал Мэтью Банкер Риджуэй, прозванный «Старые железные сиськи» за свою привычку носить на груди две ручные гранаты. К счастью, китайская атака начала выдыхаться. 25 января в очередное наступление перешли союзники. Снова во главе ударных групп шли танки, и снова их численность не превышала батальона в каждом отдельном случае. Кстати, хочется подчеркнуть, что за все время Корейской войны на территории полуострова так и не появился **ни один** американский танковый полк. Только и только батальоны. Наверное, такая тактика была оправданной на стадии преследования, но при прорыве обороны, в условиях явной нехватки противотанкового вооружения, что у корейцев, что у китайцев, сосредоточение более крупных сил могло дать результат.

В общем, после серии боев, когда линия фронта колебалась то в одну, то в другую сторону, она стабилизировалась примерно на том же месте, где война начиналась. К этому времени использование танков войсками ООН приняло форму, типичную для колониальных войн 1920-х годов. Правда, тогда колониальные армии располагали только бронеавтомобилями с пулеметным вооружением. Танки использовались в роли подвижных дотов, которые останавливали атаки противника или поддерживали наступление своей пехоты, выдвинувшись на передовую и ведя огонь с места.

Любители статистики подсчитали, что за всю войну произошло 119 танковых «боев», хотя лишь 24 раза в них участвовало более чем 3 танка с каждой стороны. Таковы были масштабы танковой войны в Корее. Однако следует отметить, что КНА весьма умело использовала свою единственную танковую дивизию во время наступления, тогда как американцы, ограничившись отдельными батальонами, не сумели извлечь существенной пользы из довольно большого числа танков, переброшенных в Корею. Самое интересное, что спустя примерно 15 лет мы увидим то же самое во Вьетнаме.

Я полагаю, что по примеру западных историков 30-летнюю войну во Вьетнаме стоит разделить на три войны: франко-вьетнамскую, американо-вьетнамскую и вьетнамско-вьетнамскую.

Хотя, если говорить честно, третья война была не столько войной, сколько позорным бегством, на фоне которого даже события во Франции весной 1940 года выглядят героическим сопротивлением. Кстати, первыми во вьетнамское болото осенью 1945 года провалились именно французы. После капитуляции Японии они попытались восстановить свою власть над колонией.

Конечно, говорить о танковой войне во вьетнамских джунглях и болотах было бы просто смешно, и все-таки танки играли заметную роль в развернувшихся военных действиях. Танки сопровождали конвои, защищая их от нападений, поддерживали мотопехоту, которая пыталась очищать территорию от партизан. Кроме того, разумеется, они играли роль подвижных дотов. Но все это делалось мелкими группами.

Так продолжалось до 1951 года, когда генерал Латтр де Тассиньи, отличившийся в боях против Германии, принял командование французскими войсками. Он сформировал две танковые группы, состоящие из эскадрона танков М24, двух эскадронов полугусеничных транспортеров и двух рот мотопехоты. Но первые рейды этих новоявленных боевых групп мало что дали французам.

Первой крупной операцией, в которой участвовали танки, стала операция «Лоррен», проведенная уже преемником де Латтра генералом Саланом в ноябре 1952 года. Он попытался уничтожить базы снабжения Вьет-Миня в среднем течении Красной реки. Планом предусматривалась выброска парашютного десанта одновременно с ударом моторизованных колонн, усиленных танками. В операции участвовало около 30 000 человек, что было очень много по меркам любой колониальной войны. Наверное, именно осенью 1952 года Вьетнамская война потеряла уничижительный эпитет «колониальная», превратившись в настоящую большую войну. Только это не сразу заметили даже участники. Танки помогали французам сметать любые заслоны, выставленные вьетнамцами, но при этом проявилась совершенно очевидная особенность войны на такой местности. Танковые подразделения не потеряли своей мобильности, однако эта мобильность приобрела линейный характер. Ведь танки могли двигаться только вдоль дорог, что делало их действия слишком предсказуемыми, и если засада была устроена крупными силами, столкновения приобретали не слишком удачный для французов характер. К тому же **легкие**

танки М24 слишком **легко** уничтожались огнем мелкокалиберной артиллерии и гранатами. В результате французским генералам все больше и больше приходилось полагаться на парашютистов и авиацию для ведения по-настоящему мобильной войны, и после операции «Лоррен» французские танки уже серьезной роли в военных действиях не играли. Даже во время решающих боев за Дьен-Бьен-Фу гарнизон осажденной крепости поддерживали всего 7 легких танков. Естественно, что они мало чем могли помочь в боях с полками и дивизиями противника, и хоть медленно, но гибли один за другим. Кстати, в этом сражении французы снова использовали танки в лучших традициях Первой мировой войны — исключительно для поддержки пехоты.

Во время этих боев промелькнул и первый намек на американское вмешательство. Когда положение крепости стало совсем отчаянным, французы обратились к США с просьбой нанести авиационный удар по осаждавшим Дьен-Бьен-Фу вьетнамским войскам. Предполагаемая операция получила зловещее название «Стервятник» — «Vulture». Мелькнуло даже предложение сбросить на Вьетнам три атомные бомбы. Но операция не состоялась, Дьен-Бьен-Фу пал, французам пришлось уходить из Вьетнама, в результате чего на севере страны появилась Демократическая Республика Вьетнам. Наступила 10-летняя передышка.

Но если в программе республиканской партии США не было и нет пункта об установлении «мирового капиталистического господства», в программах всех коммунистических партий аналогичный пункт имеется. Летом 1964 года правительство ДРВ начало отправку регулярных частей северовьетнамской армии на юг, чтобы раздуть вяло тлеющие угли партизанской войны в настоящее пламя. В этой войне активно участвовали механизированные части южновьетнамской армии, но их главным «танком» пока что оставался бронетранспортер М113, хотя появилось и некоторое количество относительно новых легких танков М41А3.

Пока что американцы держали во Вьетнаме ограниченный контингент советников и небольшие силы авиации. Но 7 февраля 1965 года сверкнула искра, которая очень быстро превратилась в огненный шторм. Партизаны атаковали базу ВВС США в Плейку, нанеся ей значительный ущерб, погибло несколько американцев. 8 марта 1965 года в Да Нанге высадились первые части амери-

канской морской пехоты, в том числе танки M48A3 «Паттон» 3-го танкового батальона. Следом за ним прибыл 1-й батальон. Кроме танков «Паттон» во Вьетнам были переброшены самоходные артиллерийские установки M50 «Онтос» и другая бронетехника. Танки морской пехоты применялись стандартно: эскортирование конвоев, охрана баз, непосредственная поддержка пехоты, но везде и всегда мелкими группами.

Потом началась переброска танковых частей армии, первым стал 11-й бронекавалерийский полк. Американские танки все шире применялись в различных операциях в рамках предложенной генералом Уэстморлендом стратегии «найти и уничтожить». Они стали обязательной составной частью подвижных механизированных групп. Как мы видим, концепция Kamfgrupe, созданная немцами весной 1940 года, оказалась на удивление живучей. Однако они не могли проявить себя в полной мере, потому что война, пусть она и приняла грандиозный размах, все равно не соответствовала европейским критериям «правильной войны». Вероятно, поэтому в области военного искусства американцы в этих войнах не показали ничего нового. Они лишь повторяли методы и приемы, использовавшиеся чуть раньше англичанами в Малайе и Африке, но лишь с поправкой на то, что вместо броневиков «Сарацин» или «Саладин» использовались «Паттоны» или M60.

Американцам удалось добиться определенных успехов, хотя заслуга в этом принадлежала в основном авиации, а не танкам. Причем чаще всего успех приходил в тех случаях, когда приходилось отражать атаки ВНА и южновьетнамских партизан, а не в наступательных операциях. И все-таки к лету 1969 года подавляющее техническое превосходство американцев сказалось. Они очистили территорию Южного Вьетнама, уничтожили основные базы партизан в Камбодже. Однако это не принесло им победы, потому что «большая партизанская война» временно превратилась в «малую». Победа оставалась все такой же далекой, потери росли, поэтому американское правительство начало постепенно выводить свои войска из Вьетнама. Однако лучший способ осуществить стратегическое отступление — это провести тактическое наступление. Именно поэтому весной 1971 года была начата операция «Лам-Сон 719» — вторжение в Лаос с целью уничтожения партизанских баз и там. Продвинувшись в глубь территории Лаоса

примерно на 50 километров, южновьетнамские войска заняли деревню Чепон, являвшуюся целью операции. Но туда было проще войти, чем выйти. Дорога на всем ее протяжении находилась под постоянным обстрелом артиллерии ВНА, более того, в район операции был переброшен 202-й танковый полк. И если бы не постоянная помощь американской авиации, вторгшиеся южновьетнамские войска вполне могли быть уничтожены. Но поддержка операции дорого обошлась американцам, которые потеряли 108 вертолетов уничтоженными и 618 поврежденными.

В результате этой «победы» полный вывод американских войск из Вьетнама стал неизбежным. Он завершился в 1972 году. И, как очень быстро выяснилось, южновьетнамская армия оказалась не в состоянии оказать серьезное сопротивление своему противнику — южновьетнамским партизанам и Вьетнамской народной армии — ВНА.

А сейчас будет очень интересно посмотреть, как использовала свои танки ВНА. Нам долго рассказывали сказки о героических партизанах Южного Вьетнама, сражавшихся с американскими агрессорами и их сайгонскими марионетками, но сегодня, кажется, лишь самые твердолобые из историков будут опровергать тот факт, что основную тяжесть боев вынесли на себе северовьетнамские кадровые дивизии.

До финального наступления в 1972 году самым заметным успехом танкистов ВНА стал разгром лагеря специальных сил США Ланг Вей в феврале 1968 года. Эта операция была довольно рискованной, так как всего в 8 километрах от лагеря находилась крупная база американских войск Кхе Сан.

6 февраля в 22.30 грохнул первый взрыв и по периметру лагеря вспыхнули осветительные ракеты. Штурмовые отряды вьетнамцев пробили проволочные заграждения с помощью подрывных зарядов и сразу пошли на штурм первой линии окопов. В этот момент один из американских наблюдателей заметил танки ПТ-76, которые ожидали, пока саперы закончат проверять, установлены ли противотанковые мины. В панике он завопил в телефонную трубку: «Танки прорывают заграждение!» Но попытки вызвать помощь из Кхе Сана и Да Нанга не встретили понимания. Там

просто не поверили, что у вьетнамцев вдруг появились танки, и решили, что в трубке слышен не гул танковых моторов, а шум дизель-генераторов.

Бой разворачивался скверно для американцев. Как всегда бывало в таких случаях, танки спокойно уничтожали траншеи и бункеры. Американские противотанковые гранатометы почему-то дружно отказались работать и остановить в общем-то не слишком грозные ПТ-76. Примерно к полудню лагерь был уничтожен, горстка уцелевших американцев укрылась в командном бункере. Около 16.00 прилетели «Фантомы», которые имитировали атаки, чтобы отвлечь внимание вьетнамцев. Это позволило остаткам американского гарнизона вырваться из капкана, вертолеты забрали всех, кто спасся. А спаслись немногие. В считаные часы был уничтожен батальон спецвойск, и все это с помощью десятка танков.

Во время весеннего наступления 1972 года ВНА использовала танки в гораздо больших количествах. XIX пленум ПТВ решил, что пора добиться окончательной военной победы, и бросил в бой 14 дивизий, 26 бригад, сотни танков и орудий.

Так называемое «народное восстание» началось 30 марта с прямого вторжения на территорию Республики Вьетнам 2 пехотных дивизий, 3 отдельных пехотных, 2 танковых и 5 артиллерийских полков ВНА. Южновьетнамская 3-я пехотная дивизия, находившаяся вблизи демилитаризованной приграничной зоны, была разгромлена. Лишь помощь американской авиации спасла дивизию, загнанную в город Куанг-Три от полного уничтожения. Затем наступила небольшая передышка, но 29 апреля ВНА возобновила штурм города и 1 мая захватила его. В этих боях ВНА впервые использовала советские противотанковые ракеты «Малютка», что привело к фактическому уничтожению южновьетнамской 1-й танковой бригады.

Уже первые атаки показали, что бойцы ВНА еще не в полной мере овладели методами массированного использования танков. Не до конца были отработаны вопросы взаимодействия с артиллерией и пехотой, поэтому часто танковые подразделения несли чрезмерные потери. Однако эти же бои показали, что американцы также не готовы отражать атаки крупных танковых соединений. Они полагались целиком и исключительно на помощь авиации, а их сухопутные войска показали полную беспомощность в борьбе с

крупными танковыми соединениями, хотя это были всего лишь северовьетнамские танковые полки, а не советские танковые армии. Американцы перебросили во Вьетнам большое количество бронетехники, но упрямо использовали ее мелкими группами, не веря, что на такой сложной местности реальны действия крупных сил. Мы не будем утверждать, что советская доктрина использования танковых войск верна во всех своих аспектах, но выяснилось, что американцы ничего не могут ей противопоставить. Так что Том Клэнси, когда писал свой «Красный шторм», слишком оптимистично воспринимал ситуацию.

Поэтому ВНА занялась дальнейшей отработкой тактики и боевой подготовкой. Результаты были наглядно продемонстрированы в декабре 1974 года во время крупного наступления против антикоммунистических сил в Лаосе и Камбодже. Воодушевленное успехом, командование ВНА начало готовить последний сокрушительный удар по Южному Вьетнаму. Учитывая опыт боев 1972 года, Советский Союз поставил ДРВ большое число самоходных зенитных установок ЗСУ-57-2 и ЗСУ-23-4. Кроме того, отныне танковые соединения использовались исключительно на решающих стратегических направлениях.

ВНА использовала тактику внезапного удара, стремясь сразу сокрушить оборону противника танковым ударом. Учитывая не слишком высокие боевые качества противника, это почти всегда приносило успех. Если сопротивление не удавалось сломить сразу, тогда в лучших традициях блицкрига часть сил обходила укрепленный пункт и следовала далее, углубляя прорыв. В феврале 1975 года для руководства последним наступлением в Южный Вьетнам прибыл начальник штаба ВНА Донг Ван Минь. Для поддержки наступления на юг были переброшены танки — 38 сильно закамуфлированных танка Т-54Б прошли своим ходом более 900 километров за два месяца. Это следует считать отличной отметкой не только вьетнамским танкистам, но и советским танкам, а самым большим достижением штаба ВНА следует считать то, что этот марш был совершен в полной тайне. 9 марта ВНА перешла в решительное наступление, нанеся первый удар по городу Бан-Ме-Туот, расположенному к югу от Плейку. При поддержке танков город был взят буквально за час. В результате крупная группировка южновьетнамских войск, находившаяся в Плейку, была отреза-

на от Сайгона. В панике командование южновьетнамской армии приказало ей прорываться на юг. Это удалось сделать, но ценой потери всей техники и тяжелого вооружения, в том числе более чем 300 танков.

Дальше ВНА действовала, как и положено в таких случаях, не давая противнику ни минутной передышки. 29 марта был занят Да-Нанг, 3 апреля захвачена крупнейшая в Южном Вьетнаме военно-воздушная и военно-морская база Камрань. 7 апреля первому обстрелу подвергся Сайгон. 23 апреля 203-й танковый полк ВНА получил приказ войти в Сайгон. 29 апреля была захвачена авиабаза Тан-Шон-Нят на окраине Сайгона. 30 апреля танки Т-54 ворвались в город. Южновьетнамская армия давно прекратила сопротивляться, поэтому танки не встречали сопротивления. Четыре бронетранспортера М113 были уничтожены просто потому, что не успели удрать.

«Ворота Сайгона распахнулись перед нами. Первые 3 танка уже катили по улице Хонг Тап Ту, когда нам преградили путь 2 вражеских М41, паливших, словно сумасшедшие. Наш танк «390» уничтожил один из них метким попаданием снаряда, а другой вспыхнул, подбитый танком «843» Буй Кванг Тана. Однако улица оказалась загороженной, и танк «843» повернул влево, оказавшись на улице Мак Динь Ти. Там командир увидел двух марионеточных солдат, стоявших на обочине.

«Где президентский дворец?» — спросил Тан. Один промолчал, но другой сказал: «Я покажу».

Он снял форменную куртку и взобрался на танк, который повернул направо на следующем перекрестке. Увидев девушку в «Хонде», Тан спросил у нее: «Как добраться до Дворца Независимости?»

«Вы на проспекте Тон Нят. Дворец прямо впереди».

Девушка сказала правду. Тан выпрыгнул из танка, с автоматом АК-47 в одной руке и флагом в другой побежал к дворцу. В 12.15 на флагштоке взвилось красное знамя. Вьетнамская война закончилась.

Опыт использования танков в этих войнах показывает, что

американцы так и не сумели понять важность формирования танковых войск. Везде и всюду они использовали свои танки мелкими группами, что приносило им мелкие победы, хотя во многом это была заслуга авиации. Наверное, в условиях Вьетнама такая тактика была оправданной, но командование американской армии просто **обязано** было предусмотреть меры борьбы с крупными танковыми соединениями противника. Но вот в случае с Кореей это утверждение уже не выглядит абсолютно бесспорным. Если бы осенью 1950 года американцы имели там пару танковых дивизий, а не отдельные батальоны (танковый корпус, конечно, еще лучше), китайское наступление могло иметь совсем иной исход. Однако, не имея крупных соединений у себя, американские генералы не допускали возможности их появления у противника. Результат получился очень наглядный. И в Корее, и во Вьетнаме **танковую войну** за явным преимуществом выиграли коммунисты.

Глава 18

МИРНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ТАНКОВ

К концу Второй мировой войны Красная Армия обладала самым мощным оружием для ведения сухопутной войны — мощными танковыми войсками. Они оставались главной ударной силой Советской Армии в течение долгих лет «холодной войны», которая, по счастью, так и не перешла в горячую. «Оружие любит ласку, чистоту и смазку», — гласит известная пословица. От себя добавим: но также использование время от времени, иначе оно превратится в знаменитое чеховское ружье на стене, которое висит, висит, а в третьем акте как выстрелит, только совершенно неизвестно, куда попадет.

До 1979 года, когда советские войска вторглись в Афганистан, серьезной боевой проверки этот меч-кладенец не проходил, хотя несколько раз Политбюро извлекало его из ножен, чтобы внушительно помахать в воздухе. Это произошло во время волнений в Венгрии в 1956 году, в период печально известной «Пражской весны» в 1968 году. Кстати, несколько неожиданно танкам пришлось сыграть роль, которую для них никто и никогда не предусматривал, — инструмента психологического устрашения. Появ-

ление танков на улицах Будапешта и Праги должно было подавить волю демонстрантов и наглядно показать им бессмысленность столкновений с советской военной машиной. С военной точки зрения использование не имело никакого смысла, так как противостоящие силы не могли оказать никакого сопротивления. На случай единичных столкновений вполне хватило бы бронетранспортеров с тяжелыми пулеметами. Можно даже предположить, что танки появились именно с целью не допустить вооруженных столкновений, потому что атаковать танки мог лишь сумасшедший. Хотя, если признаться честно, такая гипотеза кажется мне крайне сомнительной, но даже ее нельзя исключить полностью. Потери, имевшие место в Будапеште, как раз и были результатом нежелания применять оружие. Да, имеются фотографии пострадавших зданий, но посмотрите на снимки Берлина в мае 1945 года. В целом эти инциденты следует рассматривать как полицейские акции, а не как ведение боевых действий.

Привелось советским танкам и пострелять во время конфликта с Китаем на острове Даманском. Но в этом случае все свелось к мелкому пограничному инциденту, не повлекшему за собой более серьезных последствий. В район конфликта был переброшен 152-й отдельный танковый батальон, на том все и закончилось.

Первой и последней крупномасштабной войной, в которой участвовали советские танки, стал Афганский конфликт. В составе ограниченного контингента, введенного в Афганистан, имелись танки, так как в штатный состав мотострелковой дивизии входил танковый полк. Это были 24-й гвардейский танковый полк 5-й гв. мсд, 285-й танковый полк 108-й мсд и 234-й танковый полк 201-й мсд, а также танковые батальоны мотострелковых полков и бригад. На их вооружении состояли танки Т-62. Западные журналисты любят рассказывать стр-р-рашные сказки, будто в Афганистан были переброшены 1800 советских танков.

Местность в Афганистане еще меньше подходила для применения танков, чем вьетнамские джунгли, однако и применение это было совершенно типичным для колониальной войны. Если в Корее и Вьетнаме американцам приходилось сталкиваться с танковыми подразделениями противника, то в Афганистане такое было

исключено совершенно, поэтому и тактика их применения была совершенно типичной для колониальных войн. Самой главной задачей становилось использование танков в качестве подвижных бронированных огневых точек для охраны мест расквартирования, аэродромов, мостов, тоннелей и других важных объектов. Разумеется, танки использовались для сопровождения автоколонн. Фактически этим и ограничилось их использование в военных действиях. Их также использовали при блокировании и прочесывании местности, но в этом случае резко пересеченный гористый ландшафт сковывал действия танков. При движении танковые и моторизованные подразделения поднимали огромные облака пыли, что приводило к потере эффекта внезапности, поэтому все передвижения старались производить в темное время суток.

В ходе боевых действий потери в танках оказались совсем незначительными, что опять-таки характерно для колониальных войн. К тому же Т-62 — основной советский танк в Афганистане — показал высокую надежность и боевую устойчивость. Именно с учетом характера войны в Афганистане не использовались новейшие танки за ненадобностью. Боекомплект Т-62 в данных конкретных условиях тоже претерпел изменения, в нем очень быстро остались одни фугасно-осколочные снаряды. Основные неприятности случались, когда советские командиры начинали пренебрежительно относиться к противнику и забывать об элементарных мерах предосторожности.

В некоторых изданиях высказываются упреки следующего характера: «При этом выявлялись и их недостатки, усугублявшиеся спецификой географических и климатических особенностей Афганистана. В частности, ограниченный угол возвышения танковой пушки и спаренного пулемета не позволял эффективно поражать все цели. Стала очевидной и низкая стойкость к воздействию мин различного типа. Возникали проблемы с работой двигателя, трансмиссии и ходовой части в условиях высокогорья и сильной запыленности». Серьезным недостатком можно считать лишь уязвимость для подрывов на минах. Но если вспомнить опыт Вьетнама, то американцам вообще приходилось на свои танки ставить дополнительное бронирование днища, так как подрыв на мине вызывал детонацию боезапаса. Т-62 подобным все-таки не страдал.

А все остальное звучит просто несерьезно. Зачем танку боль-

шой угол возвышения пушки? Он не должен стрелять по самолетам. Точно так же несостоятельны упреки относительно недостаточной надежности ходовой части в условиях высокогорья. Ведь она и не рассчитывалась на эти условия! В свое время я работал в отделе ОТК на одном из N-ских заводов. К нам поступил совершенно уникальный акт рекламации, который все рвались скопировать, но нельзя, потому как военная тайна. Однако ключевую фразу я все-таки воспроизведу: «Тропический вариант изделия не прошел испытания в климатической камере при температуре минус тридцать градусов». Я не смеюсь, собственными глазами это читал. Правда, наш начальник отдела оказался человеком умным и не лишенным чувства юмора. Его резолюция гласила: «Найдите тропики с температурой минус 30, и претензия будет удовлетворена». Поэтому, если танк рассчитан на действия в средней полосе Европы, не следует обвинять конструкторов за поломки в горах Гиндукуша.

Кстати, Афганистан дает нам еще один пример влияния тактики на конструкцию бронированных машин. Опыт этого конфликта оказал определенное влияние на появление БМП-2, на которой была установлена автоматическая 30-мм пушка с большим углом возвышения.

В следующий раз российским (уже не советским!) танкам пришлось сражаться уже не с врагом внешним, а с врагом внутренним, который во много раз коварнее и опаснее. В 1990-х годах Российская армия оказалась вовлеченной в бесконечную череду новых кавказских войн, в которых танки играли хотя и не решающую, но все-таки довольно заметную роль, хотя чаще всего им предстояло действовать в самых неподходящих для танков условиях — в уличных боях.

Мы не будем вдаваться в политическую предысторию конфликта, а сразу перейдем к описанию военных действий. Первым знаковым событием стала попытка штурма Грозного, предпринятая 26 ноября 1994 года силами антидудаевской оппозиции. Решающую роль в этой операции играли танки — 35 Т-72А, переданные оппозиционерам со складов Северо-Кавказского военного округа. Если бы не эти танки, то штурм вообще мог не состояться, поэтому можно сказать, что именно они стали ключевым факто-

ром, хотя не в том смысле, какой танковые войска играют в общеармейских операциях. Эта операция с треском провалилась, потому что Дудаев и его окружение оказались прекрасно информированы обо всех планах оппозиционеров. Атакующие группы были встречены сосредоточенным огнем, и вырваться из города удалось всего лишь 4 танкам, остальные были либо уничтожены, либо брошены экипажами.

Провал этой попытки воевать «малой кровью на чужой земле» подтолкнул российское руководство к более активным действиям, и 29 ноября Совет безопасности России утвердил план силовой операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне. В начале декабря было создано несколько войсковых группировок, которым предстояло войти на территорию Чечни и в случае отказа дудаевцев сложить оружие взять штурмом Грозный. На моздокском направлении была сформирована группировка из 15 батальонов, которая имела около 230 БТР и БМП, а также 40 танков. С владикавказского направления выдвигалась группа из 11 батальонов при 160 БТР и БМП и 30 танках. С кизлярского направления наступала самая сильная группировка из 34 батальонов, имевшая около 700 единиц бронетехники, в том числе более 100 танков. Уже одно перечисление задействованных сил показывает, что проводилась операция корпусного масштаба.

Однако с самого начала все пошло не так, как планировалось, только на выдвижение к Грозному войскам понадобилось 16 суток вместо 3 по плану. В результате министр обороны России П. Грачев только 27 декабря отдал приказ о начале штурма Грозного 31 декабря с обязательным докладом президенту России о взятии города 1 января в 00.01. Как мы видим, гнилая традиция российской-советской-российской армии брать города к красным датам календаря за последние два века ничуть не поколебалась. То у нас Плевну берут ко дню рождения царя, то Киев — к 7 ноября, Берлин — к 1 мая, а теперь новогодний подарочек... «Именинный пирог из начинки людской брат готовит державному брату...» Эти строки были написаны в 1877 году, но, боюсь, они актуальны и сегодня.

Против примерно 10 000 боевиков, оборонявших Грозный, было сосредоточено около 15 000 солдат федеральных войск. Их поддерживали 230 танков и 879 единиц легкой бронетехники, не-

сколько сот орудий. Однако предстояли уличные бои, где это превосходство в технике во многом нивелировалось позиционными преимуществами обороняющихся. При этом на Западе продолжают пребывать в несокрушимой уверенности, будто русские сосредоточили для штурма Грозного огромные силы. Например, в исследовании датского Королевского военного колледжа безапелляционно утверждается, будто в штурме участвовало более 38 000 солдат. Конечно, из Копенгагена все видно гораздо лучше.

Перед наступлением на город после тяжелого боя был занят аэропорт Ханкала, но, к сожалению, командование не сделало должных выводов по итогам этого боя. Похоже, по неизвестным причинам генералы рассчитывали только на символическое сопротивление дудаевцев. Штурм города проводился по недостаточно проработанному плану, в очередной раз командование не имело надежной связи со своими войсками, что дорого обошлось штурмующим. Вообще, в войсках план стремительного броска механизированных колонн к центру города был расцéнен как авантюра. Последующие события показали справедливость этой оценки.

Штурмующие войска были разделены на 4 группы по направлениям. В 06.00 начала наступление группа «Север». Именно в ее состав входила 131-я майкопская мотострелковая бригада. Потеряв несколько танков и БТР, колонна все-таки прорвалась к железнодорожному вокзалу, где бригада заняла круговую оборону. Группа «Северо-Восток», применив успешный отвлекающий маневр, относительно свободно ворвалась в город, где тоже заняла оборону. Группы «Восток» и «Запад» поставленные перед ними задачи не выполнили. При этом если группа «Северо-Восток» выставила по пути следования блокпосты, которые обеспечили пусть и затрудненную, но все-таки связь с тылами, то группы «Север» и «Запад» оказались в окружении.

Самое скверное во всем этом было то, что именно советские войска в свое время получили большой опыт ведения боев в городе. Кенигсберг, Бреслау, Берлин показали, как именно надо действовать в подобных случаях. Но этот опыт оказался совершенно забыт. И была допущена еще одна грубейшая ошибка — совершенно невынужденно российские войска отдали инициативу противнику. Вместо систематической зачистки города с использованием превосходства в огневой мощи штурмовые группы перешли к обороне. В свое время один известный британский адмирал, сам из-

рядно повоевавший, сказал: «Умеренность на войне — это величайший идиотизм. Безжалостность, неутомимость, неотступность — вот ключ к успеху». Все эти принципы были нарушены.

В результате Дудаев получил возможность стянуть свои наиболее боеспособные отряды к центру города и приступить к ликвидации окруженных группировок. В особенно тяжелом положении оказалась 131-я бригада, которая 1 января примерно к 16.00 лишилась всей бронетехники. В то же время следует сказать, что танки нового поколения (Т-72 и Т-80) показали заметно лучшую живучесть, чем танки, воевавшие на Ближнем Востоке в 1973 году. Одного попадания снаряда РПГ или ПТУР уже было недостаточно для вывода его из строя. Как правило, требовалось не менее 6—7 попаданий, причем был зафиксирован рекордный случай, когда танк выдержал попадания почти 20 снарядов. Исключительно хорошо работали системы динамической защиты. Но зато БТР и БМП оказались полностью беззащитными. Снова подтвердилась важная роль, которую играет самоходная артиллерия в таких боях, так как вес 152-мм снаряда САУ 2С3М «Акация» был заметно больше, чем у танковых пушек, и оказывал заметно большее разрушительное действие при стрельбе по зданиям.

После перегруппировки и подхода подкреплений штурм продолжился. Уже ни о каких юбилейных датах речь не шла. В целом же организованное сопротивление боевиков в Грозном удалось окончательно сломить только к 26 марта. Этот штурм обошелся Российской армии примерно в 6000 человек убитыми и ранеными. Безвозвратные потери бронетехники, по сведениям Главного автобронетанкового управления МО РФ, составили 49 танков, 132 БМП, 98 БТР. Количество поврежденных, но отремонтированных танков остается неизвестным.

Не следует думать, что бои в Грозном шли непрерывно три месяца, они распадаются на несколько этапов, разделенных перерывами официальных перемирий и временных передышек. Первая фаза завершилась 18 января после взятия президентского дворца, когда под контроль Российской армии перешли северная и центральная чисти города. Лишь после этого началось наступление на южную часть Грозного, которое велось при мощнейшей артиллерийской поддержке. Бывали дни, когда наша артиллерия выпускала по позициям противника до 30 000 снарядов. Так нужно было действовать с самого начала.

В августе 1996 года в Грозном снова вспыхнули бои, хотя на этот раз они длились относительно недолго. 6 августа боевики ворвались в город. Они не пытались штурмовать опорные пункты федеральных войск, а просто изолировали их и подвергали минометному обстрелу, ожидая капитуляции защитников. Однако энергичными действиями командования федеральных войск удалось предотвратить худший вариант развития событий. Хотя бои были по-прежнему упорными, 11 августа был пробит коридор к Дому правительства, снявший осаду с этого важного пункта. А к 13 августа был достигнут решительный перелом. Федеральные войска начали теснить противника по всем направлениям, и боевики начали отход из города. К моменту подписания перемирия, 14 августа, город находился под контролем федеральных войск. Потери при этом составили всего 5 танков, 22 БМП, 18 БТР. Болтовню некоторых западных газет о сотнях сожженных танков мы не будем даже комментировать.

Во время второй чеченской войны Грозный пришлось штурмовать в очередной раз, но теперь бронетехника применялась в минимально необходимых количествах. Штурм начался 11 декабря 1999 года. На сей раз главный упор был сделан на артиллерийскую и воздушную поддержку штурмовых групп пехоты. В результате тщательно подготовленная боевиками система противотанковой обороны оказалась просто бесполезной. Продвижение федеральных войск было медленным, но при этом они несли лишь небольшие потери. Заметную роль в этой операции сыграли установки залпового огня ТОС-1. Понимая, что такому постепенному продвижению они ничего не могут противопоставить, 31 января 2000 года боевики попытались вырваться из Грозного под прикрытием метели. Они понесли тяжелые потери, но части их сил все-таки удалось скрыться.

Глава 19

БУРЯ В СТАКАНЕ ПЕСКА

2 августа 1990 года иракские войска по приказу Саддама Хусейна вторглись на территорию Кувейта. После двух дней боев кувейтская армия, во много раз уступавшая в численности, отошла на территорию Саудовской Аравии. 8 августа Кувейт был объяв-

лен девятнадцатой провинцией Ирака, а город Эль-Кувейт переименован в Кадхиму. На кувейтско-саудовской границе появилась крупная группировка вооруженных сил Ирака. Почти сразу же стали происходить пограничные инциденты, связанные с нарушением иракскими подразделениями международной границы между странами. Намерения президента Ирака Саддама Хусейна оставались неясными. Одно из крупнейших месторождений нефти в Саудовской Аравии оказалось в прямой досягаемости Хусейна, а защитить его страна не могла. Контроль над такими запасами нефти мог дать Ираку слишком большое влияние, чего Запад допустить не мог. США, еще десятилетие назад объявившие Персидский залив зоной своих национальных интересов, предложили Саудовской Аравии разместить на ее территории свои воинские подразделения. После некоторых колебаний король Фейсал дал свое согласие. Уже 7 августа в Саудовскую Аравию начали прибывать американские войска. Операция по обеспечению безопасности страны получила название «Щит пустыни».

29 ноября 1990 года, после провала многочисленных попыток склонить Ирак к мирному урегулированию кризиса, Совет Безопасности ООН принял резолюцию 678. Резолюция предоставляла Ираку полтора месяца для того, чтобы прекратить оккупацию Кувейта. Если этого не произойдет, государства — члены ООН, сотрудничающие с правительством Кувейта, получали право «использовать все необходимые средства, с тем чтобы поддержать и выполнить резолюцию 660 и все последующие соответствующие резолюции и восстановить международный мир и безопасность в этом регионе». Это означало, что ООН разрешала уже сформировавшейся на тот момент коалиции Многонациональных Сил провести военную операцию по освобождению Кувейта.

Не дождавшись ответа, 17 января союзники начали операцию «Буря в пустыне» — массированные удары с воздуха, в которых участвовало около 1000 самолетов, базировавшихся как на наземных военно-воздушных базах, так и на 6 авианосцах. Эта операция заслуживает отдельного описания, но эта книга немного о другом. Ирак отвечал обстрелами баллистическими ракетами «Скад» территории Израиля, который не принимал участия в войне, и акциями «экологического терроризма», то есть сливом нефти в Персидский залив. Это создало серьезную напряженность,

так как все опасались применения Ираком химического и биологического оружия.

Дождавшись практически полного уничтожения иракской авиации, 24 февраля союзники начали наземную операцию «Сабля пустыни». Они сосредоточили колоссальные силы, около 54 000 человек, 1820 самолетов, 3300 танков, множество БМП, БТР, артиллерийских орудий и другой техники. Ирак мог противопоставить этому не более 550 000 человек, около 650 самолетов и 2000 танков. При этом качество боевой техники нельзя было даже сравнивать, так как это были системы вооружения, принадлежащие к разным поколениям.

Войска были развернуты примерно на 500 километров в глубь пустыни от берегов Персидского залива. Наступающая группировка была разделена на два корпуса. На левом, западном, фланге находился XVIII авиадесантный корпус, в который входили американские 82-я и 101-я авиадесантные, 24-я моторизованная и 3-я бронекавалерийская дивизии, французская 6-я легкая танковая дивизия и американские 12-я и 18-я авиационные бригады. Справа находился VII корпус, состоявший из американских 1-й механизированной, 1-й и 3-й бронекавалерийских, 1-й и 3-й танковых дивизий, британской 1-й танковой дивизии и 11-й авиационной бригады. Еще правее, на самом побережье, располагались многонациональные силы, основу которых опять же составляли американцы — 1-я и 2-я дивизии морской пехоты и бригада из состава 2-й танковой дивизии.

Наступление началось после 38 дней непрерывных воздушных атак. Под прикрытием вертолетов огневой поддержки «Апач» и «Кобра» транспортные вертолеты перебросили бригаду 101-й дивизии на 180 километров в глубь Ирака. Американские десантники добились полной внезапности, дезорганизованный противник не оказал им серьезного сопротивления. Был захвачен район около 30 километров в диаметре, где сразу началось создание промежуточной базы «Кобра» для дальнейших операций. Тяжелыми вертолетами туда доставлялись артиллерия, различная техника и оборудование.

Сразу после создания базы «Кобра» 101-я дивизия совершила новый прыжок на север, перерезав стратегически важное шоссе номер 8 в точке, отстоящей на 270 километров от границы. Так

была перекрыта одна из дорог, соединяющих иракские войска в Кувейте с Багдадом.

Разведка XVIII корпуса сообщила, что противник не обнаружен, и тогда вперед двинулась 24-я дивизия. Так как столкновений не предвиделось, ее батальоны двигались походным строем, так называемой «коробочкой». Танки и БТР прикрывали колонну спереди и с боков, а внутри двигались машины с топливом, водой, боеприпасами. Такая «коробочка» имела более чем внушительные размеры — от 6 до 9 километров по фронту и до 30 километров в глубину. Соединение двигалось со скоростью около 45 км/ч. Продвинувшись на 120 километров в глубь иракской территории, дивизия остановилась.

Силы союзников широко пользовались навигационной аппаратурой, чтобы не прекращать движение в темноте, системы «свой — чужой» для предотвращения столкновений между собой.

VII корпус наступал параллельно XVIII корпусу. Точно так же сначала планировался бросок в глубь территории Ирака, а потом поворот на восток и освобождение территории Кувейта. Главную проблему составляло снабжение огромной колонны, так как каждый день корпусу требовались 5,6 миллиона галлонов топлива, 3,3 миллиона галлонов воды и более 6000 тонн боеприпасов.

Командовавший операцией генерал Шварцкопф предполагал, что атака VII корпуса начнется 25 февраля, но XVIII корпус продвигался гораздо быстрее, чем планировалось, и при этом практически не встречал сопротивления. Поэтому Шварцкопф сдвинул начало атаки на 14 часов вперед.

24 февраля 1-я бронекавалерийская дивизия пересекла исходный рубеж и атаковала позиции иракской 27-й пехотной дивизии. Столкновения не переросли в серьезный бой, но дивизия свою задачу выполнила, так как выявила подразделения 5 иракских дивизий. После этого перешли в наступление главные силы корпуса. 1-я пехотная дивизия атаковала иракские укрепления, очистив 15-километровый участок траншей. БМП «Брэдли» своим огнем уничтожили множество иракских автомобилей. После этого саперы дивизии начали готовить проходы через минные поля для британской 1-й танковой дивизии. Своими танками американцы предпочли не рисковать, 2-я бронекавалерийская, 1-я и 3-я танковые дивизии сделали крюк влево, чтобы обойти иракские позиции. Потре-

панные воздушными налетами иракские части не оказывали серьезного сопротивления.

В это время американская морская пехота начала наступление прямо на Эль-Кувейт, до которого было около 80 километров. Но здесь американцы встретили гораздо более упорное сопротивление, что было легко предсказать. Самый короткий путь всегда оказывается самым трудным. Главным препятствием оказались противопехотные и противотанковые мины, поставленные в огромных количествах. Хотя морская пехота не имела танков «Абрамс», ее танки M60A3, при поддержке вооруженных ракетами TOW автомобилей, сумели справиться с двумя иракскими танками. Но при этом в плен было взято 3000 иракских солдат. Армейская танковая бригада, поддерживавшая это наступление, поддерживала морскую пехоту огнем. С минами саперы справлялись с помощью удлиненных подрывных зарядов, а танки расчищали их ножевыми тралами. Преградивший дорогу земляной вал был пробит с помощью танковых бульдозеров.

К вечеру морская пехота вышла на установленный ею рубеж на окраинах Эль-Кувейта. При этом 2-я дивизия захватила иракский 9-й танковый батальон — 35 исправных танков Т-55 — и взяла более 5000 пленных. В бою за аэродром Эль-Джабер 1-я дивизия уничтожила 21 танк и захватила еще 3000 пленных.

25 февраля XVIII корпус продолжал наступление в глубь иракской территории. Его 82-я дивизия двигалась вслед за французскими танками, которые обеспечивали прикрытие всей наступающей группировки от ударов с севера. Тем временем 101-я дивизия совершила новый прыжок и закрепилась на берегу Евфрата в районе города Ан-Насия, перекрыв очередную дорогу, ведущую в Кувейт. Атака 24-й дивизии принесла совершенно неожиданные результаты. Когда после мощной артиллерийской подготовки пехота пошла вперед, иракские солдаты начали массами сдаваться в плен и тут же знаками показывали, как они голодны. Собственно, и здесь действия дивизии можно было назвать не наступлением, а продвижением. Всего за 19 часов она заняла все три назначенные ей пункта, натолкнувшись на символическое сопротивление лишь в нескольких местах. При этом понесли потери 26-я и 35-я пехот-

ные дивизии Ирака. К концу второго дня операции XVIII корпус полностью блокировал долину Евфрата, что ему было предписано, и захватил несколько тысяч пленных.

Зато у VII корпуса начались проблемы. Британская танковая дивизия застряла в проходах сквозь минные поля, которые проделала 1-я пехотная дивизия. А ведь ей предстояло сражаться с танковыми частям иранской республиканской гвардии. В результате положение 1-й пехотной и 1-й бронекавалерийской дивизий становилось несколько сомнительным.

Но еще более тревожная ситуация сложилась на правом фланге корпуса. Арабские части из состава МНС действовали слишком вяло, так как лозунг «Дружим против Ирака» не сплотил их по-настоящему, к тому же кое-кто не питал никакой любви к американцам. В результате египетские и сирийские части остались стоять на месте, в результате чего появился разрыв линии фронта. Командованию пришлось отдать приказ 2-й бронекавалерийской дивизии быть готовой заткнуть непредвиденную брешь.

Но останавливать наступление было нельзя, и танковые дивизии на левом фланге продолжили движение. Их поддерживали авиация и вертолеты, а когда американские танки приблизились к иракским позициям, в бой вступили артиллерия и ракетные установки. При этом в ход пошли приемы психологической войны, сразу после мощного залпа громкоговорители предлагали противнику сдаться, и это действовало, как ни странно.

В конце концов ненадежные союзники тоже тронулись с места, английские танки проползли через минные поля и приготовились атаковать расположение иракской 52-й танковой дивизии. Все шло гладко. В качестве дополнительной меры давления на Ирак на территории Саудовской Аравии поблизости от границы Кувейта было высажено соединение морской пехоты. Как позднее выяснилось, присутствие десантного соединения в Персидском заливе заставило иракское командование держать на территории Кувейта 4 дивизии, чтобы отразить нападение с моря.

25 февраля иракские войска атаковали позиции 2-й дивизии морской пехоты, но остановить ее продвижение не сумели. Морские пехотинцы очистили целый комплекс подземных бункеров и захватили в плен штаб 116-й иракской бригады во главе с ее командиром. К концу дня генерал Шварцкопф мог сделать вывод,

что наступление развивается успешно. Единственной серьезной неприятностью стала ракета «Скад» (она же Р-11 или, что вполне вероятно, ее иракский аналог «Аль-Аббас»), которая попала в расположение американских войск в Дхаране и убила 28 человек.

Кстати, для слежения за мобильными установками «Скадов» англичане забросили в тыл иракской армии специальную группу САС. В результате эта группа получила больше наград на душу населения, чем любое другое подразделение британской армии со времен Англо-бурской войны 1902 года. Про знаменитую группу «Браво-два-ноль» написали две книги и сняли художественный фильм.

На третий день наступления XVIII корпус предполагал мирно двигаться по долине Евфрата, и если французской танковой дивизии и 82-й авиадесантной это удалось, то 24-я пехотная дивизия была вынуждена вести самый настоящий бой. Когда дивизия примерно в 14.00 двинулась в направлении аэродромов Джаббах и Таллили, иракцы встретили ее огнем, что было форменным свинством с их стороны. Хотя 47-я и 49-я пехотные дивизии и дивизия Республиканской гвардии «Небучаднезар» понесли потери во время воздушного налета, они, при поддержке 2-й бригады коммандос, на 4 часа задержали 24-ю дивизию.

Иракские позиции пришлось брать штурмом. Как оказалось, иракская пехота хорошо окопалась, пушки и пулеметы были размещены в бункерах, вроде тех, с которыми 24-я дивизия сталкивалась на островах Тихого океана в годы Второй мировой. Вот только иракские солдаты не собирались сражаться с упорством самураев. Поднявшаяся пыльная буря помогла американцам, так как теперь с помощью тепловизорной аппаратуры танки, БПМ и вертолеты легко могли уничтожать иракские танки с большого расстояния, совершенно ничем не рискуя. После окончания боя американцы нашли много иракских танков с башнями, которые были сорваны взрывами.

В секторе VII корпуса 1-я танковая дивизия после мощного артиллерийского и ракетного обстрела пошла на штурм городка Аль-Бусайя. Во время штурма была окончательно разгромлена 26-я пехотная дивизия, захвачен штаб иракского VII корпуса и

склад боеприпасов. Повернув на северо-восток, американские танки столкнулись с дивизией Республиканской гвардии «Тавакальна». В ходе боя, продолжавшегося около суток, американцы уничтожили более 30 танков. 3-я танковая дивизия, которая вышла в районе к востоку от Аль-Бусайи, тоже столкнулась с подразделениями «Тавакальны», но не стала задерживаться, а повернула на восток, как и предусматривалось первоначальным планом. В общем, на третий день наступления американцы собрали свои танковые дивизии в кулак и приготовились к решающему броску. Если посмотреть на карту, то можно запутаться в причудливых зигзагах, которые выписывали американские дивизии. Больше всего они напоминали замысловатую головоломку, и просто удивительно, как только командиры ухитрились не перепутать свои полки. Наверное, в этом кроется секрет особого американского метода ведения войны. Англичане тоже начали к этому времени выползать из минных полей.

Ближе к вечеру 2-я бронекавалерийская дивизия, двигаясь на восток, столкнулась с большим количеством иракских танков. Перестрелка с ними продолжалась несколько часов, что тоже удивило американцев. Почему-то они совершенно искренне ожидали, что противник будет сдаваться в плен, только завидев их. Как выяснилось, полк кавалеристов ухитрился втиснуться между «Тавакальной» и 12-й танковой дивизией. Однако им, как и 24-й пехотной дивизии, помог песчаный шторм, благодаря которому американцы смогли использовать свою тепловизорную аппаратуру. В этом бою было уничтожено 29 танков и 24 БТР.

Английские танки, наступавшие южнее, атаковали 48-ю пехотную и 52-ю танковую дивизии. Им удалось уничтожить 40 танков, превзойдя результат американцев. Морская пехота, наступавшая с юга, после более или менее упорных боев накануне сейчас занималась зачисткой территории, уничтожая многочисленные зенитные установки противника.

К вечеру 26 февраля большинство иракских дивизий, находившихся на территории Кувейта, было разгромлено, в тыл тянулись длиннейшие колонны пленных. Неожиданно возникли проблемы с их размещением и питанием, так как за три дня, по подсчетам военной полиции, в плен попало более 30 000 человек.

Вечером возникли новые проблемы у 24-й дивизии, которая

проделала самый длинный путь. В течение всего дня дивизии пришлось вести бои, поэтому, когда ее танки остановились на ночь, они почти не имели топлива. Несмотря на сверхсовременные средства связи, тыловые подразделения не имели понятия, где находятся боевые группы. Лишь инициатива нескольких младших офицеров позволила спасти положение. На свой страх и риск, они погнали цистерны с топливом через пустыню, надеясь только на удачу. Но, как известно, фортуна улыбается смелым, и они сумели найти свои танки, доставив отчаянно нужное топливо.

27 февраля XVIII авиадесантный корпус приготовился наступать дальше, теперь его целью был один из самых крупных городов Ирака — Басра. Но предварительно требовалось занять те самые аэродромы, которые так и не были взяты накануне. Таллили находился в 30 километрах на юг от города Ан-Насирия, а Джаббах — в 60 километрах на юго-восток. Если верить карте, 82-я авиадесантная дивизия уже находилась там, но тем не менее задача была возложена на подразделения 24-й пехотной. К тому же из американских описаний следует, что дивизия окончательно перешла на действия отдельными боевыми группами. Оба аэродрома были заняты после длительного артобстрела, рисковать американцы совсем не желали. Кроме того, Таллили на всякий случай еще и пробомбили с воздуха. Судя по всему, отдельные стычки накануне слегка охладили их пыл. Сопротивления иракские войска не оказали, если не считать нескольких автоматных очередей. После этого корпус наконец подошел к главной цели операции по восстановлению суверенитета Кувейта — нефтяным полям Румейла, находящимся южнее Басры.

Во второй половине дня американцы занимались учебной стрельбой по шоссе № 8, забитому машинами, удиравшими обратно в Ирак. Сопротивление окончательно прекратилось, иракские солдаты, едва завидев американцев, шли им навстречу с поднятыми руками. Когда появилась дивизия Республиканской гвардии «Хаммурапи», американцы обрушили на нее сосредоточенный огонь 9 артиллерийских батальонов, после чего налет произвели «Апачи». Этим бой с элитным иракским соединением начался, этим же он и завершился. После артобстрела 24-я дивизия

заняла оборонительные позиции, находясь всего в 40 километрах от Басры.

Американцы с гордостью уверяют, что поход 24-й пехотной является событием, беспрецедентным в военной истории. За 4 дня дивизия проехала около 400 километров, уничтожив около 360 танков и БТР, 300 артиллерийских орудий, более 1000 грузовиков и даже 25 самолетов. Что можно сказать по этому поводу? Немцы умели делать то же самое, с одним маленьким отличием — в годы блицкрига они воевали на гр-розных Т-I и Т-II, а не на «Абрамсах».

На четвертый день наступления VII корпус изготовился наконец-то к последнему броску на восток. Все американские танки подтянулись к исходному рубежу и выровняли фронт. Перед ними находились деморализованные остатки иракских дивизий, которые понесли серьезные потери за долгий период непрерывных воздушных атак, и сейчас их единственным желанием было спастись любой ценой.

Командир корпуса постарался выстроить в красивую длинную шеренгу 1500 танков, 1500 БМП «Брэдли», а сзади поставил 650 артиллерийских орудий. Получилась картина, достойная богов, создатель линейной тактики король Фридрих II умер бы от зависти, не умри он 200 лет назад от старости. Правда, остается большой вопрос: если бы перед фронтом корпуса находились не разгромленные иракские войска, а настоящий серьезный противник, чем бы тогда закончились эти упражнения по шагистике? Но в данном случае получилось красиво и, что было самым главным для американцев — безопасно. Ведя огонь с **предельных** дистанций (американские историки это особо подчеркивают), они добили остатки дивизий «Талвазала», «Медина» и «Аднана», чуть позднее были разогнаны беспорядочные толпы, оставшиеся от 10, 12 и 52-й танковых дивизий армии Ирака. VII корпус захлопнул ловушку, отрезав противнику путь к отступления с территории Кувейта, но стоило ли это делать? Воевать иракские войска уже не могли и не хотели (или наоборот?), держать солдат в плену 25 лет «для восстановления народного хозяйства» американцы не собирались. Так не лучше ли было их просто выгнать, отобрав личное оружие?

Самым серьезным боем в этот день была атака эскадрильей

А-10 «Тандерболтов» колонны британской 1-й танковой дивизии. Не помогла никакая самоновейшая электроника. Англичане отделались легким испугом, потерей 2 БМП и 9 человек. Что тут скажешь? Повезло.

За 90 часов непрерывных маршей и боев VII корпус разгромил более десятка лучших иракских дивизий, уничтожил более 1300 танков и 1200 БТР, множество артиллерийских орудий и другой военной техники. Наверное, за годы, прошедшие после окончания школы, я совершенно забыл арифметику, потому что, суммируя цифры в описаниях каждого дня, не могу получить ничего даже отдаленно похожего на этот грандиозный итог.

Тем временем морская пехота, наступавшая с юга, весь день простояла на месте и дожидалась только одного — подписания соглашения о прекращении огня. То есть, как выясняется, штурмовать Эль-Кувейт американцы не собирались. Вероятно, они опасались, что в уличных боях их совершенная техника окажется бесполезной. Может быть и так, но, как мне кажется, многоэтажные стеклянные небоскребы для обороны гораздо менее пригодны, чем старые кирпичные дома высотой в 5—6 этажей.

Утром 28 февраля вступило в силу соглашение о прекращении огня и можно было начать подводить итоги операции. По утверждениям американских историков, их наземные силы уничтожили 3947 танков из 4280, которые имел Ирак, более половины из 2880 БМП и БТР, примерно 3000 артиллерийских орудий. Интересно, как к подобным заявлениям относятся офицеры американских ВВС, которые с нескрываемым удовольствием записывают те же самые цифры на свой счет? Ну вот взять в плен 60 000 солдат летчики точно не могли, это действительно заслуга пехоты и танкистов. Потери союзников оказались действительно пренебрежимо малыми.

Добиться такого результата американцам помогло колоссальное превосходство в технологии. Они не могут нахвалиться на свои ИК-прицелы, тепловизоры и тому подобные штучки. Кстати, если кому интересно, то он может прокрутить добрый старый боевик «Хищник» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли. Там режиссер в качестве органов зрения приклеил инопланетному чудо-

вищу именно тепловизор. Я сам работал на такой аппаратуре, правда, с сугубо мирной целью обнаружения внутренних дефектов в пластмассовых изделиях, поэтому знаю, что говорю.

Большим подспорьем оказались системы глобальной навигации, лазерные прицелы и тому подобные новинки. В то же время американцы неохотно, но признают, что их главное противотанковое оружие вертолет АН-64А «Апач» с ракетами «Хэллфайр» оказался переусложненной системой, склонной к частым поломкам и отказам. Скрипя зубами, американцы были вынуждены признать, что иракские (читай — советские) рации работали более надежно. Правда, в качестве утешения тут же пишется, что английские рации были еще лучше. Танки и другая техника союзников были не слишком приспособлены для действий в пустыне, но я не стал бы следом за некоторыми российскими аналитиками делать особый упор на этом факте. Повторилось то же самое, что происходило с нашей техникой в Афганистане, все это вооружение было рассчитано на действия в местности с умеренными температурами и более высокой влажностью.

Но самым главным выводом было то, что решающую роль в разгроме иракской группировки сыграла авиация. Однако не следует бездумно принимать как истину в последней инстанции опыт этой кампании. Как и в случае с войнами на Синайском полуострове, здесь имелись очень специфические климатические условия, которые просто невозможно найти в Европе. Противник тоже не оказал того сопротивления, которое от него ожидалось. Поэтому хвастовство американцев, которые ставят генерала Шварцкопфа на один уровень с Гудерианом, приписывая ему самую крупную операцию на окружение в войнах второй половины XX века, может лишь посмешить, но сами американцы относятся к таким заявлениям всерьез.

В 2003 году Соединенные Штаты под предлогом необходимости уничтожить оружие массового поражения, которым обладает Ирак, снова вторгаются в эту страну. 19 марта президент США Джордж Буш-мл. (IQ = 85, желающие пусть сами выясняют, чему соответствует эта цифра) выступил в прямом эфире с обращением к нации:

«Дорогие сограждане! По моему приказу войска коалиции начали наносить удары по объектам военного значения с целью подорвать способность Саддама Хусейна вести войну. Это лишь начало широкой и мощной кампании. Более 35 государств предоставляют нам значительную поддержку.

Я обращаюсь ко всем мужчинам и женщинам в армии Соединенных Штатов, которые находятся сейчас на Ближнем Востоке. От вас зависит мир, на вас возлагаются надежды угнетенного народа! Эти надежды не будут тщетными. Враг, с которым вы боретесь, скоро познает на себе, насколько вы храбры и мужественны. Кампания на территории, сравнимой по величине с Калифорнией, может оказаться более долговременной и сложной, чем предсказывали раннее. Военные вернутся домой не раньше, чем миссия будет выполнена. Мы отстоим нашу свободу. Мы принесем свободу другим. И мы победим».

Наступление снова началось с массированных бомбардировок крупнейших иракских городов и удара крылатыми ракетами. 21 марта американские и британские войска перешли в наступление. На этот раз иракские войска оказали еще более слабое сопротивление, поэтому особо вдаваться в детали нет смысла. Американская 3-я пехотная дивизия двинулась на север на Багдад, а британская 1-я танковая дивизия сразу направилась к вожделенному призу — нефтяным месторождениям Румелы. Город Басра, находившийся у них на пути, союзники просто обошли, не желая ввязываться ни в какие стычки.

Чтобы показать, как им пришлось тяжело, американцы принялись выдумывать всяческие битвы и сражения, в которых они якобы участвовали. Вот, мол, 23 марта после тяжелого боя морская пехота заняла город Ан-Насирия и соседний аэродром Талли, через который в дальнейшем велось снабжение войск коалиции. Но посмотрим на описания этого боя. Двум полковым боевым группам американцев противостоял иракский корпус, состоящий из 3 дивизий. Американцы потеряли около 100 человек убитыми, ранеными и пленными, потери иракцев убитыми и ранеными составили около 1000 человек. И это результат боев **корпуса**?! Как говорил Станиславский: «Не верю». При этом прак-

тически все потери американцы понесли от собственного нахальства и беспечности. Колонна легких автомобилей налетела на засаду и была расстреляна из легкого оружия.

Не отстают от американцев и англичане, которые с трепетом расписывают «танковое сражение» в окрестностях Басры, происходившее 27 марта. В нем было уничтожено целых 14 иракских танков. Единственная заминка случилась при попытке занять город Кербела, где иракский гарнизон решил немного пострелять. Американцы по-прежнему стремились избегать любых потерь и предприняли обходной маневр. Они заняли город Самава, отрезали иракский гарнизон в Кербеле от основных сил. Тем временем 1-я дивизия морской пехоты при поддержке танков стремительным ударом захватила Кербелу и Наджаф, чтобы предотвратить иракское контрнаступление с востока. Это полностью обезопасило левый фланг и позволило коалиционным войскам двинуться к Багдаду, от столицы Ирака их теперь отделяло менее 100 километров. В общем, главным и совершенно неожиданным итогом двух войн в Персидском заливе стало полнейшее нежелание иракской армии защищать своего горячо любимого вождя. При первой же серьезной опасности она частично сдалась в плен за бесплатную еду, частично просто разбежалась. Другое дело, что войти в Ирак оказалось в сто раз проще, чем оттуда выйти. Американцы оказались вовлечены в малую партизанскую войну, которую выиграть невозможно по определению, именно потому, что она малая. В большой, типа Вьетнамской, можно добиться каких-то успехов, в малой — никогда. Она прекращается лишь если народ сам откажется воевать, но бушевский IQ не позволяет понять это даже сейчас.

3 апреля все та же 3-я пехотная дивизия без боя вошла в Багдад, и весь этот месяц союзники занимались оккупацией территории Ирака. 1 мая Джордж Буш-мл. с помпой объявил о завершении войны. Оружия массового поражения не нашли ни тогда, ни сегодня, пять лет спустя, но это уже никого не интересовало.

«МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА»

БЛИЦКРИГ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Сегодня военные очень любят порассуждать о том, что наступила эпоха войн то ли пятого, то ли вообще шестого поколения. Я не стану с этим спорить, скорее всего, так оно и есть. Однако мне хотелось бы предложить свою, более общую классификацию. Не следует обвинять меня в том, что явился, мол, дилетант и начинает строить что-то свое, вообще несуразное. Предложенный мной вариант ничуть не противоречит этому, стандартному. Мы попытаемся разделить все войны на более крупные группы, которые включают в себя все пять, шесть, семь или сколько их там еще поколений.

На эту мысль меня натолкнула попытка более внимательно рассмотреть характер Второй мировой войны. Ее отличает одна особенность, которую большинство историков считают само собой разумеющейся, а потому просто не замечают. И совершенно напрасно, потому что именно эта особенность резко отличает Вторую мировую от всех предыдущих войн, даже от Первой мировой. За 20 лет, прошедших между двумя мировыми войнами, характер военных действий изменился гораздо больше, чем за предыдущие четыре тысячи лет. Разумеется, появление огнестрельного оружия тоже изменило его. Но посмотрите внимательно: чем шеренги гренадеров Фридриха Великого отличаются от строя фаланги Эпаминонда? Да ничем! Велико ли различие между грандиозным походом, описанным в «Анабазисе» Ксенофонта и маршем Великой армии Наполеона на Москву и обратно? Гораздо меньше, чем может показаться на первый взгляд.

Однако в первой половине 1930-х годов начинается процесс, который меняет все самым кардинальным образом. Все крупнейшие мировые державы приступают к массовой механизации армий. А это означает, что при планировании операций и сражений следует учитывать фактор, ранее неизвестный, — мобильность ар-

мии. Конечно, и ранее он фигурировал, однако не имел столь важного значения. Армия, отягощенная огромным обозом, двигалась не спеша, без обоза — чуть быстрее, однако в любом случае, пока солдаты маршировали на своих двоих, говорить о решающем превосходстве не следует. Ведь не будете же вы всерьез утверждать, будто итальянцы бегают быстрее австрийцев, а турки — быстрее русских?! Зато сейчас мобильность и скорость передвижения приобретают решающее значение, появляется возможность на основе превосходства в мобильности строить план операции и даже целой кампании. Золотая мечта любого генерала — свои Канны, окружение и уничтожение вражеской армии — становится реальностью.

Окопная война Первой мировой с ее сражениями, чудовищными по кровопролитности и бессмысленными по ничтожным результатам («Верденская мясорубка», «Августовская бойня»), привела к необходимости создания новых средств и новых методов ведения военных действий. Появился танк, который, однако, в те годы не внес коренного перелома в ход войны. Танковый батальон — это еще не танковые войска.

Принципиальные изменения произошли в межвоенный период, когда в Германии началось формирование танковый частей и соединений. Гитлер, увидев танковые маневры в Куммерсдорфе, заявил: «Это то, что мне нужно, и то, что я буду иметь!» Хотя, как мы увидим далее, к 1939 году «то, что мне нужно», выглядело не слишком убедительно. Но фюрер был полон решимости пустить в ход даже эти Панцер**недо**ваффе. Ведь появился какой-то шанс на быстротечную войну.

Германия по-прежнему не могла позволить себе вести затяжную войну и была вынуждена строить все планы, исходя из надежды на быстрый разгром противника, скоротечную, молниеносную войну. А молниеносная война, в переводе с немецкого на русский, звучит как «блицкриг». Впервые этот термин появился в журнале «Дойче Вер» в 1935 году и относится именно к «большому блицкригу» — то есть к молниеносной войне. В 1938 году журнал «Милитер Вохенблатт» определяет блицкриг как стратегическую операцию, но пока еще все это неофициальные термины. Сами немецкие военные «большой блицкриг» называли «бевегунгскриг» — «маневренной войной».

Но параллельно возникает и другой блицкриг. Гейнц Гудериан развивает и совершенствует теорию «малого блицкрига» — тактики действий танковых войск. Он делает ставку именно на маневр и скорость, которые позволят окружить и уничтожить противника.

Перечислим основные характерные признаки блицкрига, исходя из которых мы будем вести дальнейший анализ операций.

Первое: массированное использование танков, создание ударного кулака, а не равномерное размазывание тысяч единиц бронетехники вдоль линии фронта.

Второе: взаимодействие разных родов войск — танков, артиллерии, мотопехоты, саперов, обязательная поддержка **авиации поля боя**. Именно и только ее! Стратегическая авиация здесь не только бесполезна, но, скорее, даже вредна.

Третье: прорыв фронта в наиболее слабом пункте.

Четвертое: стремительное развитие успеха. Танки не задерживаются для решения тактических задач, а выходят на оперативный простор.

Пятое: окружение сил противника с последующим их уничтожением пехотой при поддержке артиллерии и авиации.

В 1945 году во время Маньчжурской наступательной операции командование Красной Армии придало блицкригу новое измерение, включив в него воздушно-десантные операции. Напомним, что аналогичная попытка немцев во время наступления в Арденнах завершилась полным провалом.

Но существовало одно ограничение, которое следовало из состояния техники 1940-х годов и уровня развития систем снабжения. Блицоперации имеют ограниченную глубину — где-то около 500 километров. Недаром все исследователи неоднократно подчеркивали, что блицкриг относится к оперативному искусству, не поднимаясь до уровня стратегии. Когда немцы попытались искусственно увеличить глубину блицоперации, они довоевались до разгрома под Москвой и Сталинградом.

И еще одно. Об этом не любят писать наши историки, причем по вполне понятным причинам. Одним из главных, если не главнейшим, условием успешного блицкрига является отсутствие сопротивления окруженной группировки. Так было во Франции, под Минском и Киевом. Когда окруженные войска отбиваются до последнего, темп наступления неизбежно снижается или вообще падает до нуля. Либо возникает разрыв между двигающимися вперед

танковыми дивизиями и застрявшими у котла пехотными, как было после Могилева. Впрочем, не следует ставить это в тяжкую вину командирам. Как мы писали, до конца 1930-х годов вопросы окружения вражеских войск военная теория вообще не рассматривала, а уж о вопросах противодействия окружениям и тем более выхода из окружения и речи идти не могло.

Отсюда видно, что блицкриг представляет собой всего лишь узкую ветвь более крупного целого: танковой войны, точнее, даже ее подраздела — маневренной войны. Кстати, и операций, отвечающих этим строгим критериям, оказывается, совсем немного. Такие блестящие операции, как Висло-Одерская, вполне соответствуют критериям маневренной войны, но в них нет **окружений** — одного из **ключевых** пунктов блицкрига. Или прорыв Зееловских высот, который аналитическая работа американского штабного колледжа в Ливенворте называет вершиной развития комбинированных операций. Именно поэтому мы не рассматриваем контрнаступление Красной Армии под Москвой, бои вокруг Ростова, сопровождавшиеся длинными маршами советских и германских войск. Выпадают из рассмотрения бои за Харьков весной 1943 года. Все это тема иной книги, посвященной танковой войне в целом. Ну и не следует даже заикаться о таких крамольных для блицкрига предметах, как танки в обороне или танки в городских боях.

Кстати, этот эффектный термин частенько вводит историков в заблуждение, использовать его нужно очень аккуратно. Вот совсем недавно снова мелькнуло упоминание «воздушного блицкрига». Но дело в том, что он никогда не существовал! Один наш уважаемый историк купился на внешнее сходство определений. В западной литературе бытует название «блиц», даже без добавки «воздушный». Так называют серию налетов на Лондон, которую совершили Люфтваффе в рамках Битвы за Англию осенью 1940 года. После этого систематические налеты на крупный населенный пункт тоже иногда стали называть воздушным блицем, но нигде и никогда «Blitz» не превращался в «Blitzkrieg».

Танковый блицкриг стал одним из наиболее известных порождений «сумрачного немецкого гения», возникших в годы Второй мировой войны, с ним могут состязаться разве что атомные бом-

бардировки. Как создавалась и применялась теория блицкрига, почему только немцы сумели использовать ее наиболее эффективно и в полном объеме, рассказывает эта книга.

Глава 1

СКАЗКИ ДЕДУШКИ ШЛИФФЕНА, ИЛИ КИЕВСКАЯ РУСЬ — РОДИНА БЛИЦКРИГА

Идея блицкрига не нова, можно даже сказать, что она очень стара. Только выглядела она раньше несколько иначе, чем в годы Второй мировой войны, и называлась также иначе. Впервые она появилась на свет в 1905 году в стенах прусского Генерального штаба и называлась планом Шлиффена.

Здесь мне сразу придется сделать одну оговорку, с которой придирчивые критики могут не согласиться. С моей точки зрения, здесь сливаются воедино два взаимосвязанных, но совсем не тождественных понятия. Дело в том, что под одним названием «*Blitzkrieg*» фигурирует и понятие «молниеносная война», относящееся к области военно-политических категорий, и тактика действия танковых частей в наступлении. То есть один блицкриг есть нечто, стоящее гораздо выше стратегии, потому что затрагивает такие области, как мобилизация людских ресурсов, перевод промышленности на военные рельсы, организация дипломатического обеспечения войны, а это есть действия на уровне государственной политики. А второй блицкриг относится к шаблонным приемам наступления в звене полк — дивизия, то есть с очень большой натяжкой может быть отнесен к оперативному искусству и стоит на три или четыре ступени ниже первого блицкрига. Еще больше осложняет дело то, что существуют и другие сходные понятия — маневренная война и так называемая глубокая операция. Постараемся разобраться, кто есть *wer* в этой запутанной истории.

Итак, мы возвращаемся в самое начало XX века. Только что подписан договор о «Сердечном согласии» между Францией и Россией, после чего Германия сразу оказалась перед неприятной перспективой войны на два фронта. Правда, пока еще немцы пре-

бывали в блаженной уверенности, что Великобритания воздержится от участия в европейском конфликте, однако исход войны даже с франко-русским блоком выглядел не столь определенным, как хотелось бы германским стратегам. Избежать войны на два фронта можно было единственным способом — стремительно разгромив одного из противников до того, как второй успеет прийти ему на помощь. Первая жертва определилась сразу — Франция. Даже прусский Генштаб правильно оценил российские просторы, которые делали скоротечную войну невозможной.

Скоротечная, молниеносная война, она виделась немецким генералам панацеей от всех проблем. Они охотно вспоминали завершившуюся не столь давно Франко-прусскую войну, в ходе которой им потребовалось всего несколько недель, чтобы разгромить французскую армию. Однако те же самые генералы как-то забывали, что война не завершилась капитуляциями в Меце и Седане, ведь была еще затяжная осада Парижа, формирование новых французских армий, новые бои. И вообще вся война затянулась почти на год, а потому понятию «молниеносная» уже никак не соответствовала. За 10 месяцев можно было отмобилизовать даже неуклюжую царскую армию и начать наступление, которое вполне могло оказаться гибельным для Германии. Рассуждать на тему Русско-японской войны прусскому Генштабу казалось вообще просто неприличным. Ведь все победы, которые одержали японцы, так и не привели к желанному результату — разгрому российской армии. Это было совершенно неправильно с точки зрения военного искусства, а потому рассмотрению и анализу не подлежало.

Увы, германские вояки мыслили старыми категориями, в рамках сугубо военных доктрин. Они не заметили изменений, происшедших в последнее время в самом характере войны. Раньше все было просто: разгромил армию, захватил царя (короля, императора, падишаха, хана — подставить нужное), занял столицу — и, пожалуйста, война окончена. Однако войны второй половины XIX века показали, что мало уничтожить вооруженные силы, непосредственно противостоящие тебе. Нужно еще сокрушить экономическую и политическую структуры противника, то есть война превратилась в тотальную. А в тотальной войне молниеносная победа невозможна по определению.

Но если человек не желает мириться с каким-то неприятным

фактом, он его просто не замечает. Так и поступили германские генералы. Они **постулировали**, что сумеют добиться молниеносной победы, вопреки опыту последних войн, и приступили к разработке нового стратегического плана. Возглавлял работу начальник прусского Генерального штаба Альфред фон Шлиффен, поэтому естественно, что план получил его имя.

Шлиффен на бумаге легко разгромил Францию, отведя на захват Парижа 39 дней, а на капитуляцию щедрой рукой отвалил целых 42 дня. Увы, как очень часто бывает с составителями военных планов, он сыграл сразу за обе стороны, вынудив бумажных французов действовать именно так, как того хотелось ему. Хуже того, планом не были предусмотрены вообще никакие отступления от графика, не рассматривались никакие непредвиденные случайности, хотя еще, кажется, Наполеон сказал, что любой план существует до первого выстрела. Шлиффен, наоборот, был уверен, что его план просуществует до **последнего** выстрела. Недостатки этого плана мы рассмотрим чуть позднее, а сейчас поговорим о тех крайне неприятных для немцев вещах, которые становились ясными при первом же взгляде на план Шлиффена.

Дело в том, что и идея молниеносной войны, и стратегический план предусматривали разгром не успевшего отмобилизоваться противника. То есть Германия априори становилась **агрессором**. После этого никакие рассуждения о миролюбивом характере Германской империи, о вынужденной защите своих интересов не стоили и ломаного гроша. Но мало того, план изначально предусматривал вторжение на территорию нейтральных государств — Бельгии, Голландии и Люксембурга. И если нападение на Францию германская военщина еще пыталась как-то объяснить угрозой реванша за 1870 год, то эту агрессию объяснить и оправдать было невозможно ничем. Собственно, Шлиффен это и не пытался. Как заметил Наполеон, правда, по другому поводу: «Большие батальоны всегда правы». Пруссаки сделали это высказывание универсальным объяснением. Кстати, наверное, поэтому германские историки рискнули впервые опубликовать меморандум «Война против Франции», в котором был изложен план, только в 1956 году.

В чем же заключался план Шлиффена? Он планировал сосредоточить на Западном фронте 90% всех войск Германской империи и широким охватывающим движением правого крыла через

Бельгию, Голландию и Люксембург постараться выйти в тыл французским армиям, стоявшим на границе. Собственно, здесь уже заключалось первое слабое место плана. Если посмотреть на карту, то выяснится, что французские армии оказываются в полуокружении. Ситуация неприятная, что и говорить, но ведь не смертельная. Обо всем дальнейшем план Шлиффена помалкивал. Точнее, Шлиффен опять же **постулировал**, что военные действия на Западе на этом завершатся. Какие у него были основания для подобного вывода? Никаких.

При этом генералу пришлось наступить на горло собственной песне. Дело в том, что главная книга, труд жизни Альфреда фон Шлиффена, называлась «Канны» и была посвящена сражениям на полное окружение и уничтожение противника. К сожалению, у германской армии просто не хватало сил, чтобы обойти французов с обоих флангов и устроить им супер-Канны. Приходилось довольствоваться малым, хотя заветная мечта оставалась. После отставки Шлиффена в 1906 году сменивший его Гельмут фон Мольтке-младший видоизменил план. Он ослабил правый фланг и усилил левый — а вдруг все-таки получится. Мольтке отменил вторжение в Голландию — и без того врагов хватает. При этом, однако, были сэкономлены значительные силы, которые позволяли компенсировать отправку части войск на левый фланг. Впрочем, основные положения плана сохранились со всеми их достоинствами и недостатками.

План Шлиффена, к несчастью для немцев, был порочен изначально и не имел никаких шансов на успех, разве только если французы начнут играть в поддавки. А вместе с планом рухнула и идея молниеносной войны. Кратко перечислим факторы, которые привели к плачевному для немцев итогу, причем многие из них можно было предвидеть заранее. Первый: бельгийцы оказали ожесточенное сопротивление и задержали немцев на некоторое время. Второй: неожиданно появившийся Британский экспедиционный корпус также задержал продвижение германской 1-й армии, нарушив все графики. Мало того, армия была вынуждена повернуть восточнее и вместо обхода Парижа подставила свой фланг под удар гарнизона французской столицы. Третий: русские завершили мобилизацию гораздо раньше, чем предполагали немцы и перешли в наступление. Мольтке обвиняют за отправку двух

корпусов на Восточный фронт, но каков был бы прок в полуокружении французской армии, если бы в это же время русские ворвались в Берлин? А такая перспектива была вполне реальной. Четвертый: французские железные дороги сработали просто великолепно и обеспечили оперативную доставку подкреплений на угрожаемые направления. Пятый: возникшие у немцев проблемы снабжения. Шлиффен вообще не рассматривал этот вопрос, совершенно забыв слова Наполеона: «Тайна войны — в сообщениях». Немцы так и не сумели наладить нормальную доставку снабжения, боеприпасов и подкреплений наступающим армиям. Шестой: Ставка германского командования находилась слишком далеко от линии фронта, и совершенно неадекватная связь привела к тому, что командование потеряло управление войсками. Каждая армия действовала самостоятельно, вынужденно реагируя на перечисленные выше изменения ситуации, но действия армий не были скоординированы между собой. Седьмой: план требовал совершенно нереальных темпов наступления от правофланговых 1-й и 2-й армий. На бумаге такое допустимо, в реальности — нет. Не в человеческих силах совершать форсированные марши месяц подряд. Два дня, три, ну неделя на крайний случай, но не более.

Короче, Шлиффен собирался наступать в полном соответствии с принципом небезызвестного полковника Вейротера, высказанным еще в 1805 году перед Аустерлицем: «Действия противника не предусмотрены!» Поэтому совсем не удивительно, что первая попытка большого блицкрига с треском провалилась и «чудо на Марне» вряд ли стоит такого звонкого титула. Не более чем «удача». А провал идеи молниеносной войны означал неизбежное поражение немцев, что и произошло.

Как мы прекрасно знаем, Первая мировая война естественным порядком перетекла в целую серию гражданских войн, шедших совершенно по-разному и завершившихся диаметрально противоположными результатами. Они дали толчок развитию так называемой теории так называемых революционных войн, но самое любопытное — родила фантом, именуемый «глубокой операцией».

Как все это происходило? Разумеется, после окончания войны началось переосмысление полученного опыта и попытки предуга-

дать характер будущей войны. Дело в том, что в годы Первой мировой войны полководцы всех стран пытались решить новые задачи старыми средствами — массированным пехотным наступлением. Однако после появления пулеметов и проволочных заграждений это вело лишь к колоссальным и совершенно бессмысленным потерям. Сосредоточение чудовищного количества артиллерии и килотонны снарядов, обрушенные на позиции противника, никак не помогали несчастной пехоте, потому что позади передовой позиции находилась вторая, третья и так далее. Поэтому рано или поздно (обычно рано), пехота упиралась все в ту же непреодолимую стену.

Наиболее значительный шаг в деле помощи пехоте сделали англичане, которые первыми применили танки. Однако, сказав «А», они так и не сумели сказать «Б». В английской армии танк оказался намертво привязан к пехоте, превратившись в некое подобие бронированной батальонной пушки, которая должна своими гусеницами рвать проволочные заграждения, а огнем уничтожать вражеские пулеметы. **И только**! То есть танки появились, но появления танковой войны еще предстояло ждать очень долго. Уже в 1925 году фельдмаршал Хейг, первым применивший танки в бою, заявлял: «Некоторые энтузиасты прогнозируют, что самолет, танк и автомобиль заменят лошадь в будущих войнах. Я целиком за танки и самолеты, но они — только приложение к человеку и лошади».

Ничуть не лучше выглядели теории, которые в 1920-х годах создавались в других странах. И не стоит упрекать в этом военных. Новые системы оружия (танки и самолеты) пока еще не вылезли из мокрых пеленок, и просто невозможно было угадать в них то, что в самом ближайшем будущем перевернет все привычные представления о характере войны. И уже одно это делает безосновательными все претензии на новаторство идей, высказанных советскими теоретиками — А.А. Свечиным, В.К. Триандафиловым, М.Н. Тухачевским. Танки и самолеты того времени могли выполнять только вспомогательные, подчиненные задачи.

Позволю себе маленькое отступление. Как раз в это время разгорелась нелепая и смешная «марочная война» между Францией и Италией. Итальянцы выпустили серию марок, чтобы увековечить достижения отечественной науки — аэропланы, автомобили,

катера на подводных крыльях. Французы немедленно отреагировали на происки заклятых соседей и выпустили свою серию марок, доказывая, что они изобрели все то же самое, только еще **первее**. В общем, они договорились до того, что галлы летали на самолетах, а Колизей освещался электрическими лампами. Поэтому фраза «Киевская Русь искони была родиной слона» за границей была пущена в оборот гораздо раньше, чем в СССР, так как галльский слон всегда был самым сильным в мире.

Более того, если внимательно прочитать работы советских теоретиков, выясняется интересная деталь. Наш «блицкриг» не мог быть блицкригом в принципе, потому что описывается обычная общеармейская операция, в которой главная роль отводится попрежнему пехоте. Темп наступления в этой так называемой «маневренной» войне не должен (не должен!) превышать 10 км в сутки, потому что иначе не удастся подтянуть тылы и обеспечить снабжение. Все эти офицеры упорно увязывают темп наступления со скоростью перешивки железнодорожного полотна, потому что снабжение армий может вестись только и только по железной дороге. Кстати, они подчеркивают несостоятельность попыток организовать снабжение с помощью гужевого транспорта, или, попросту, телег, но ни слова не говорят об автомобильном транспорте. Вся автомобилизация у них ограничивается переводом артиллерии с конной на механическую тягу.

Вот цитата из Триандафилова, которая сразу все расставляет на свои места:

«Применение танков связано с местностью, поэтому они должны быть направлены в район тех корпусов, которые действуют на благоприятной для работы танков местности. Корпуса, усиливаемые танками, передают часть следовавшей за ними добавочной артиллерии соседям, лишенным поддержки танков. Операция, как будет указано, будет длиться не менее 5—7—10 дней. Танки по своим свойствам могут работать непрерывно не более двух суток, после чего требуется отдых на два дня для просмотра механизмов. Поэтому если танки нужны не для одного прорыва, а для участия во всей операции, то распределение танковых батальонов и порядок подтягивания их к фронту должны обеспечить смену танковых батальонов 1-го эшелона через каждые двое суток».

Он совершенно четко пишет, что **танки приданы пехоте**, а не наоборот, как это предусматривает теория блицкрига. Более того, танковые силы раздроблены на батальоны. Какой это блицкриг?! Еще больше осложняет дело то, что книга Триандафилова «Характер операций современных армий», по сути, является почти полным аналогом упомянутого меморандума Шлиффена, в котором излагались основные принципы войны против Франции. Точно так же Триандафилов подробно рассказывает, где, как и какими силами следует громить ближайших соседей СССР — Польшу, Румынию и Финляндию. А общим вопросам военной стратегии уделяется гораздо меньше внимания, чем следовало бы.

Все сказанное ни в коем случае не следует рассматривать как упрек этим людям. Это были образованные и думающие офицеры, однако они не могли сделать то, что сделать не могли в принципе. Зато квасные патриоты, попытавшиеся превратить их труды в некие откровения, дарованные свыше, заслуживают самого сурового осуждения.

Но теперь, чтобы говорить более предметно, наступило время рассмотреть и сам «*Blitzkrieg*». Впервые этот термин появляется в журнале «*Deutsche Wehr*» в 1935 году в статье, которая рассматривает перспективы выигрыша войны государствами, не обладающими достаточной сырьевой базой. В следующий раз он появляется в «*Militar-Wochenblatt*» в 1938 году, однако до начала Второй мировой войны это слово используется редко. В основе идеи блицкрига лежит использование маневра, а не огневой мощи, как главного способа достичь победы. Для этого проводятся операции при тесном взаимодействии всех родов войск. При этом главный удар наносят танки при поддержке моторизованной пехоты, мобильной артиллерии и авиации поля боя. Такая тактика требует высокой подвижности войск, специальной службы снабжения, надежной связи и децентрализованной структуры командования. Немецкие войска, использовавшие тактику блицкрига, избегали прямых столкновений, предпочитая нарушать коммуникации и окружать войска противника, предоставляя уничтожение котлов артиллерии и авиации. Блокировать котлы должны были пехотные резервы, не обладающие мобильностью ударных частей, которые тем временем двигались дальше. Вот и судите сами, возможно ли было раз-

работать нечто подобное в 1920-х годах. Ответ здесь может быть только один: нет!

Однако немцы все-таки попытались. Рейхсвер создал специальный комитет по изучению опыта войны, а начальник штаба Рейхсвера Ганс фон Сект предложил изменить стратегию, утверждая, что классики (Клаузевиц, Шлиффен, Мольтке-старший) сделали из окружения фетиш. По мнению фон Секта, ключевым моментом должна была стать скорость наступления, а вместо попыток обойти противника с фланга нужно было прорвать центр одним мощным ударом. Вот эта теория очень сильно напоминала «глубокую операцию», но фон Сект даже близко не подошел к идее блицкрига. Поэтому, вместо того чтобы выискивать ложные параллели между глубокой операцией и трудами Гудериана, лучше сравнить повнимательней работы Свечина и фон Секта.

Страны-победители тоже пытались разработать какие-то новые теории. Можно вспомнить книгу Ш. де Голля «За профессиональную армию», труды Дж. Фуллера и Б. Лиддел-Гарта. Но здесь не место рассказывать о них подробно, потому что, затрагивая вопросы организации и действий механизированных соединений, они также находились далеко в стороне от идей молниеносной войны. Тем более что все эти авторы пытались возродить устаревшую идею профессиональных армий, которая была полностью опровергнута опытом Второй мировой войны. Как любопытный казус можно упомянуть мнение Уинстона Черчилля, который более чем своеобразно представлял себе участие британской армии в будущей войне. Он предлагал высадить на континент «несколько бронетанковых дивизий с самым современным вооружением», обильно снабдив их стрелковым оружием для раздачи местному населению. Сэр Уинстон явно перепутал эпохи. Его предок герцог Мальборо еще мог пополнять свою армию, наловив — то есть завербовав — крестьян в ближайших деревнях, но предлагать такое в середине XX века?! В общем, в стане союзников царили разброд и шатания. Французы стояли за то, чтобы распределить танки по пехотным дивизиям, сохранив за ними ту же роль, что и в годы прошедшей войны. Англичане все-таки стояли за формирование танковых бригад, но при этом намеревались превратить их в нечто подобное бронированной кавалерии, совершенно оторванной от других родов войск. И только немцы выбрали правильный путь.

Правда, отношение к человеку, внесшему огромный вклад в развитие теории блицкрига и ее практическое применение, зачастую становится каким-то истерическим. Как говорится, а потом пришел Гудериан и сказал: «Да будет свет!» В смысле, блицкриг. И он стал. И увидел Гудериан, что танк хорош, и отделил его от пехоты. И назвал Гудериан танк решающим оружием, а пехоту — силами поддержки... Ладно, оставим шутки и перейдем к серьезному рассмотрению разработанной Гудерианом тактики.

Представьте танковую дивизию, ведущую наступление. Впереди фронта движется разведка, чьей задачей является прощупывание вражеских позиций. Эти разведывательные подразделения состоят из бронеавтомобилей, осматривающих главные дороги, и мотоциклистов, обшаривающих проселки. Их сопровождает артиллерийский офицер и офицер связи Люфтваффе. В случае необходимости они быстро вызывают огневую поддержку. Обнаружив противника и сообщив командованию, разведка должна попытаться обойти главные позиции, действуя как можно стремительней, чтобы сохранить темп продвижения. Она должна сохранять постоянную радиосвязь с командиром части, который регулирует темп наступления и решает, должны ли войска обойти обнаруженный опорный пункт противника или уничтожить его. Командир тоже находится впереди и следует сразу за авангардом. Если он решает начать атаку, он отдает приказ авиации. Войска наносят удар как можно быстрее, прямо с марша. Атака ведется на узком фронте как можно более крупными силами.

Центр тяжести усилий атакующих (*Schwerpunkt*) находится на выбранном командиром участке. Он должен иметь там подавляющее превосходство в силах — так советовал Гудериан. «*Klotzen nicht Kleckern!*» («Ударьте крепко, а не шлепайте!») Целью первой атаки является прорыв вражеского фронта. Через брешь немедленно проходят свежие силы, которые развивают наступление, обходя главные позиции врага. Такая тактика имеет своей целью вывести танковые подразделения за линию фронта, чтобы они могли перерезать вражеские коммуникации.

Сразу за ударной группировкой следуют силы поддержки, которые состоят в основном из моторизованной пехоты. Их задачей является ликвидация оставшихся узлов сопротивления противника, расширение прорыва вражеского фронта, закрепление флан-

гов. Расширение участка прорыва необходимо, чтобы сохранить брешь во вражеском фронте. Еще раз подчеркнем принципиальное отличие тактики блицкрига от всех остальных методик: пехота поддерживает действия танковых частей, но не наоборот! После прорыва фронта ударная группировка продолжает мчаться вперед, имея целью окружить как можно более крупные силы противника. Чем быстрее и глубже она проникнет во вражеские тылы, тем больше получится котел, тем больше будет хаос и паника. Принципом Гудериана было развитие успеха. В случае неудачи он стремительно перебрасывал войска на другой участок фронта, где они могли принести больше пользы, и не пытался переломить ход неудачного боя. Такие операции требовали большой слаженности разнородных сил, хорошего командования и надежной связи, а также, если возможно, и внезапности. Вместо долгой подготовки, затяжного маневрирования и массированного артиллерийского обстрела перед атакой, которые давали противнику время подготовиться к отражению удара, Гудериан предпочитал создавать подавляющее превосходство в силах на узком участке фронта и наносить внезапный сокрушительный удар. Поэтому неудивительно, что он заработал прозвища *Schnelle Heinz* (Стремительный Гейнц) и *Heinz Brauseweter* (Гейнц — Горячая голова).

Далее. Особое внимание Гудериан уделял оперативности управления. Командиры танковых частей должны следовать в боевых порядках. Однако в этом плане немцы часто перегибали палку. Да, для командира полка или дивизии это естественно. Но зачем сам Гудериан вылезал на передовую, да так, что был вынужден участвовать в перестрелках? Это не задача командующего армией. Или зачем Роммель лично проводил колонны грузовиков со снабжением к находящимся в полуокружении частям? Не следовало здравую идею доводить до абсурда. Оперативность управления требовала налаживания надежной связи, и Гудериан еще в 1933 году начал требовать, чтобы **каждый** немецкий танк был оснащен рацией.

Между прочим, именно эти характерные черты блицкрига делают безосновательными претензии доморощенных патриотов, которые любят утверждать, что теория блицкрига была разработана в СССР в 1930-х годах под названием «глубокой операции». Как мы видели, это совсем не так ни с точки зрения теории, ни с

точки зрения практики. Тесное взаимодействие разнородных сил могло присниться нашим генералам только в сладких снах. Даже в 1945 году состояние радиосвязи в Советской Армии было достаточно плохим, а уж в упомянутый период она вообще находилась на пещерном уровне. Так что ключевой элемент блицкрига — оперативное, тесное взаимодействие всех родов войск в период создания теории глубокой операции — был нереализуем по определению.

Если сравнить приведенное описание с положениями Триандафилова и Свечина (о Тухачевском мы поговорим чуть позднее), то сразу бросается в глаза кардинальное отличие в тактике. Если блицкриг можно уподобить уколу рапиры, наносимому в жизненно важную точку, то глубокая операция возрождает, правда на новом уровне, печально известный «русский паровой каток», которого так боялись немцы в годы прошлой войны. Недаром Триандафилов как заклинание постоянно повторяет фразу, что наступление должно вестись на фронте 100 км и более.

Кроме того, пресловутая глубокая операция имела еще сильнейший политический привкус. Она разрабатывалась в рамках троцкистской теории «перманентной революции» и являлась, если можно так выразиться, военно-теоретической ее частью. Если внимательнее присмотреться к предложениям Свечина и Триандафилова, можно увидеть, что действия после прорыва вражеского фронта ими практически не рассматриваются. Далее советские войска должны были просто исполнять завет Чингисхана «Вперед, к последнему морю!» и надеяться на поддержку «прогрессивных слоев пролетариата». Фактически теория «глубокой операции» создавалась для обоснования возможности разгрома любой европейской страны в одной, максимум двух последовательных операциях, и своей главной целью ставила захват территории, в чем кардинально отличалась от теории блицкрига, главным моментом которой был разгром армии противника.

Дело в том, что после прорыва немецких танковых частей в тыл противника начиналась вторая фаза наступления — *Kesselschlacht*, то есть окружение и уничтожение войск, оказавшихся в котле. Однако заниматься этим предстояло уже менее подвижной пехоте с помощью артиллерии и авиации. Вот они, Канны, сладкая мечта дедушки Шлиффена! Однако здесь имелся один серьезный прокол, который Гудериан, похоже, не заметил. Малый блицкриг он

рассматривал как чисто военный инструмент реализации большого блицкрига (политические и экономические аспекты мы рассматривать не будем). То есть немцы разрабатывали теорию блицкрига для переноса решения стратегически трудноразрешимых задач в оперативную плоскость, в то время как «глубокая операция» должна была «расширить базис войны» путем «советизации» захваченных территорий и использования их ресурсов для успешного окончания войны.

Но окружить и уничтожить армейскую группировку численностью в десятки тысяч человек — это не совсем то же самое, что прихлопнуть пехотный полк. Ладно, согласимся, — дивизию. Хорошо обученные, дисциплинированные войска под руководством умелых и решительных командиров способны оказывать долгое и упорное сопротивление, что доказали советские войска зимой 1941 года, а позднее и сами немцы. Но ведь танки мчатся вперед, и в результате образуется разрыв между подвижной танковой группировкой и застрявшими частями поддержки. Любой удар в эту брешь может привести к катастрофическим последствиям. То есть, как это ни странно, абсолютно справедлив ярлык советских времен — **стратегия** блицкрига является авантюрой. Поэтому блицкриг идеально работал против охваченных паникой или не желающих сражаться войск. Тогда появляются «танкобоязнь», «котлобоязнь», прочие разновидности медвежьей болезни, и ликвидация котла не затягивается. Тогда рождается легенда.

Первыми рекламу блицкригу сделали, разумеется, американцы. Пока этот термин оставался сугубо немецким, о нем мало кто слышал. Но вот журнал «Тайм» в сентябре 1939 года описал немецкое вторжение в Польшу:

«Линия фронта пропала. Создается впечатление, что она вообще не существовала. Это не была война на оккупацию, а война на быстрый прорыв и уничтожение — блицкриг, молниеносная война. Стремительные колонны танков и бронетранспортеров неслись через Польшу, а бомбы, градом сыплющиеся с неба, извещали об их скором появлении. Они нарушали связь, уничтожали домашних животных, разгоняли мирное население, сеяли ужас. Иногда двигаясь на 50 км впереди пехоты и артиллерии, они кру-

шили польскую оборону раньше, чем ее успевали организовать. Затем, когда подтягивалась пехота, танки двигались дальше, чтобы нанести новый удар позади того, что ранее называли фронтом».

Ну, прямо апокалипсис какой-то. Так и видишь лейбштандарт «Адольф Гитлер», штурмующий коровник, чтобы «уничтожить домашних животных». Но мы простим журналистам красочность слога и опять займемся более серьезными вопросами.

Настало время поговорить об идеях Тухачевского. И чего только о нем не наговорили, какую только развесистую клюкву на уши не повесили! Вот, например, Суворов-Резун так его разоблачил, что костей не осталось. Дескать, проходимец и мошенник, рвущийся в Бонапарты, украл глубочайшие идеи серьезных теоретиков Свечина и Триандафилова, доведя до логичного завершения развитие теории глубокой операции.

Но увы, мы просто обязаны задать Суворову его же собственный вопрос: «Какие работы Тухачевского вы читали?» Это зубодробительный удар. Действует безотказно. Как кувалдой в челюсть. Этот вопрос я много лет задаю поклонникам Тухачевского... Тьфу, понесло меня. Конечно же, я хотел сказать «противникам Тухачевского». И вдруг совершенно неожиданно выясняется, что противники находятся в столь же затруднительном положении, что и сторонники. Они этих работ не читали. Причем не от неграмотности или лени. Причина очень проста — таковые работы просто не существуют!

Мы привыкли к тому, что каждый крупный военный теоретик оставляет после себя если не некий «труд всей жизни», то хотя бы серьезную, объемистую книгу, посвященную стратегии или тактике. Например, «Война в воздухе» Джулио Дуэ, «Внимание, танки!» Гудериана, тот же «Характер операций современных армий» Триандафилова. А какую книгу Тухачевского вы сумеете назвать? Ответ: никакой! Двухтомник избранных произведений это не что иное, как просто сборник статей, равномерно размазанных на протяжении 15 лет и посвященных самым различным, никак между собой не связанным вопросам. При этом в 1930-х годах написаны очень немногие из них, а проблемам современной войны и

вообще посвящена только одна — «О новом полевом уставе РККА». В ней Тухачевский громит всяческих западных лжетеоретиков вроде Фуллера и Лиддел-Гарта, не упускает возможности лягнуть и отечественных уклонистов. Он даже разоблачает попытки навязать самостоятельное использование танков «в отрыве от основных общевойсковых армейских масс». Вроде бы пока правильно. Однако настораживает один нюанс. Тухачевский не то что принижает роль авиации, он просто не произносит этого слова! Заметьте, статья появилась в 1937 году, в том же самом году, что и книга Гудериана. Гудериан посвящает специальную главу вопросам взаимодействия танков и авиации, Тухачевский об этом помалкивает. Дальше — больше. Танки снова оказываются приданными пехоте и кавалерии.

«Успех действий общевойскового соединения возможен лишь при условии организации бесперебойного взаимодействия родов войск. Пехота, конница и танки должны быть во всех видах боя поддержаны огнем артиллерии. При наступлении огонь артиллерии должен быть особо большой мощности, как по калибрам, так и по количеству орудий. Танки, широко представленные в РККА, должны постоянно оказывать поддержку как пехоте, так и коннице. Наконец, должно быть организовано гибкое и надежное взаимодействие между танками и артиллерией».

Вот так! Где же вы тут узрели хотя бы отдаленное сходство с блицкригом? Особенно юмористически выглядит упоминание кавалерии. В общем, различия начинаются с самого первого пункта. Блицкриг требует удара по слабому пункту, Тухачевский рассуждает только о прорыве заранее подготовленной обороны. Более того, он совершенно недвусмысленно заявляет, что в бою решающие задачи возлагаются на **артиллерию**.

«Полевой устав возлагает на артиллерию решающие задачи: в период артиллерийской подготовки — подавление артиллерии; уничтожение обнаруженных противотанковых средств и подавление районов их вероятного нахождения; разрушение (подавление)

НП и отдельных укреплений, особенно бетонных точек, не поддающихся воздействию танков; подавление пулеметной системы на участках, которые не атакуются танками или для их атаки недоступны».

Ну и далее, все пункты приводить нет смысла. Перед нами типичные, очень сильно опоздавшие рассуждения, так сказать, остроумие на лестнице. Если бы все это излагалось перед первым наступлением англичан под Камбрэ, этим можно было бы даже восхититься. Однако прошло уже 20 лет, и характер войны резко изменился, а Тухачевский все еще мыслит категориями позиционной войны.

Еще интереснее представляется предложенная им классификация танков. Мы видим танки поддержки пехоты (ПП) и танки дальнего действия (ДД). Безусловно, стоило с таким жаром обличать английских теоретиков, чтобы ввести придуманные ими пехотные и крейсерские танки, хотя и завернув их в новые обертки. Только вот что интересно. Если у тех же англичан пехотные и крейсерские танки резко различались толщиной брони, то у нас, увы, разница совсем невелика. Толщина брони пехотной «Матильды I» достигала 60 мм, а крейсерского Mark III — всего 14 мм. О модификациях мы пока говорить не будем. А что у нас? Танк ДД, то есть БТ-7, — броня 20 мм, танк ПП, то есть Т-28, — 30 мм. То есть Тухачевский мало того, что тянет в прошлое, так еще и предлагает использовать некий фантом, не существующий в природе.

Впрочем, если кто-то думает, что ситуация с танками у немцев была принципиально лучше, он сильно ошибается. В следующей главе мы рассмотрим этот вопрос более подробно. А пока ограничимся замечанием, что, судя по всему, тактика блицкрига была своеобразным «свидетельством о бедности» точно так же, как и стратегия. Действительно, какими танками располагала немецкая армия в середине 1930-х годов? Грозными боевыми машинами типов T-I и T-II. С ними о прорыве укрепленных полос не следует даже и мечтать. Самое разумное — искать слабые места в обороне, ведь не самоубийцы же немецкие командиры? Вот если бы в их распоряжении в 1935 году оказалось что-то подобное

«Тигру», готов спорить, у них тут же возник бы соблазн проломить оборону противника без всяких хитростей, так сказать, силовым приемом.

Резюме. Из всего сказанного выше следует очень простой вывод: блицкриг является чисто немецким изобретением. Англо-французские теории использования танков оказались совершенно неверными, за что эти страны дорого заплатили в годы Второй мировой войны. Советские работы, при всем **внешнем** сходстве с теориями Гудериана, говорили совсем об ином. Да и не было в распоряжении РККА надлежащих боевых средств для реализации идей блицкрига.

Глава 2

ВЕЛИКИЙ ТАНКОВЫЙ СКАНДАЛ

Несколько странное название, однако иначе невозможно охарактеризовать состояние танковых войск практически всех стран — участниц Второй мировой войны в тот момент, когда они в эту войну вступили. Причем речь идет не о какой-нибудь там Италии, танки которой не способны вызвать никакого иного чувства, кроме острой жалости. Совсем не блестяще обстояли дела на родине блицкрига, в Германии, и в готовящемся к освобождению всех и вся миролюбивом Советском Союзе.

Итак, к середине 1930-х годов все страны признали ценность танка как системы вооружения, хотя кое-кто по-прежнему утверждал, что старый добрый боевой лошак еще себя покажет. Появились книги Фуллера, Лиддел-Гарта, Эймансбергера, Гудериана, де Голля, посвященные анализу возможностей танка и его боевого применения. Однако было бы сильным преувеличением сказать, что эти книги оказали заметное влияние на мышление соответствующего Генерального штаба. Их рассматривали, скорее, как интеллектуальные упражнения, не лишенные, впрочем, ограниченного практического значения. Подчеркну — именно **ограниченного**.

Доктрине Джулио Дуэ в этом отношении повезло заметно больше. Огромный стратегический бомбардировщик выглядел ку-

да эффектнее самого тяжелого (на тот момент) танка. К тому же эта доктрина соответствовала настроениям, царившим в странах Запада. Чудовищные бойни Первой мировой войны (Сомма, Верден и другие) психологически надломили целое поколение. Это вам не вьетнамский или афганский синдром, затронувший только участников войн, число которых, кстати, было невелико по сравнению с миллионными армиями Первой мировой. Нет, эта резня ударила по всему населению стран-участниц, и совсем недаром именно в это время переживает очередной ренессанс идея маленьких профессиональных армий. Поэтому идея воевать только силами авиации, вообще не входя в соприкосновение с противником, выглядела очень заманчивой. Тем более что возможные потери экипажей не казались страшными даже самым отчаянным пессимистам.

Танку, к сожалению, обязательно требовался противник, причем не где-то далеко, за Ла-Маншем, а вот тут, в пределах прямой видимости. Поэтому его развивали, но как-то вяло, по обязанности, что ли? А вдруг не пригодится? Главным же фактором, повлиявшим на появление более чем причудливых образцов, было то, что все предложения и идеи оставались чисто умозрительными. Проверки в бою они не прошли, поэтому совершенствовать танк на основе боевого опыта было просто невозможно. Любая система оружия требует проверки именно боем, лишь тогда ее можно довести до конструктивного совершенства. Вы обратили внимание на то, что пехота всех стран — участниц Второй мировой войны была вооружена винтовками, созданными на границе XIX и XX веков? Колоссальный опыт, полученный в ходе многочисленных больших и малых войн, привел к созданию идеальных конструкций, и все улучшения шли лишь за счет новых технологий, ничего не менявших принципиально. И лишь появление автоматического оружия снова заставило конструкторов сесть за работу. Танк, а тем более танковые войска столь долгой истории не имели. Вот и получилось то, что получилось.

Разумеется, история блицкрига неотделима от истории развития танков, прежде всего немецких, и других систем вооружения. При более внимательном изучении этих вопросов становится понятным, почему в одних странах, если уж говорить совсем точно — в одной стране, появилась тактика блицкрига, а в других —

нет. Более того, она там не могла появиться **в принципе**, даже в самом конце Второй мировой войны.

Поэтому мы кратко рассмотрим состояние бронетанковой техники и танковых войск на сентябрь 1939 года, когда началась Вторая мировая война, и на июнь 1941 года, когда началась Великая Отечественная война. При этом мы постараемся проанализировать, насколько и то и другое было пригодно для использования по своему прямому назначению и для реализации идей блицкрига. Такая постановка вопроса может показаться парадоксальной, однако для нее имеются веские основания. Понятно, что любая войсковая операция требует взаимодействия разных родов войск, и декларировали это все уставы всех стран. Однако многие ли реально готовились налаживать это самое взаимодействие? Или чаще все завершалось пустыми заявлениями, не подкрепленные никакими реальными действиями?

Первую реальную проверку современные танки прошли во время Гражданской войны в Испании. Ее уроки были тщательно проанализированы, хотя этих самых уроков оказалось немного и проверка оказалась довольно однобокой. Танки применялись в весьма ограниченных масштабах, от случая к случаю, поэтому никаких выводов относительно тактики их действий сделать не удалось. Зато в отношении техники выводы последовали очень и очень серьезные, они в корне изменили представление о возможностях танков, а как следствие, повлияли на их конструкцию. Причем эти выводы, в общем-то, не были неожиданными. Странно только, практически все, увидев определенные недостатки тогдашних танков, никаких мер не приняли.

Известный английский теоретик Фуллер писал: «В Испании я видел три типа танков: итальянские, немецкие и русские. Но все три были всего лишь дешевым массовым продуктом, а не результатом тактических исследований.

По моему мнению, эта война доказала, что легкий танк совершенно не принадлежит к боевым машинам. Это неважно бронированная разведывательная машина, которая может стать очень эффективной, если удлинить ее шасси. В своем настоящем виде легкий танк на пересеченной местности напоминает эсминец в

бурном море. Кроме того, внутреннее пространство для экипажа настолько мало, что люди чувствуют себя как в самоходном гробу. Это плохо сказывается на морали».

Французы еще в 1937 году тоже высказали свое мнение: «Немецкие танки стали крупным разочарованием (экипаж 2 человека, 50 км/ч, 2 пулемета, почти бесполезная броня).

Никакой защиты от вражеских противотанковых орудий или от пуль стрелкового оружия. Этот опыт дает германскому Верховному командованию повод серьезно задуматься.

Германская танковая дивизия оскандалилась, даже еще не будучи созданной.

Французские танки, более тихоходные, но гораздо лучше забронированные, остаются «королями поля боя».

Оптимизм суть бодрое мироощущение, но здесь французы явно хватили через край, в чем им предстояло убедиться в не столь отдаленном будущем.

А вот меморандум германского Генерального штаба от 30 марта 1939 года: «В конце октября 1938 года имелись 2 танковых батальона из 3 рот каждый. Одна рота в каждом батальоне была оснащена трофейными русскими танками. Роты, оснащенные немецкими танками, имели по 16 танков каждая.

Немецкие пулеметные танки никогда не использовались в бою целыми батальонами. Обычно танки мелкими группами придавались пехоте и сопровождали ее, как бронированное тяжелое пехотное оружие.

В целом танки использовались в Испании в малых количествах и без средств поддержки. В основном они уступали противотанковым средствам и лишь изредка их превосходили, хотя они также имелись лишь в небольших количествах.

45-мм пушки русских танков стреляют фугасными снарядами по очень крутой траектории. Эффективность этих снарядов неудовлетворительна. Бронебойные снаряды выпускаются по более пологой траектории. Из-за плохого качества стали бронепробиваемость русских бронебойных снарядов заметно ниже, чем у соответствующих немецких бронебойных снарядов. Русские бронебойные снаряды могут пробить 40-мм броню только с дистанции 100 метров. Вдобавок до 75% донных взрывателей не срабатывают.

Сначала люди охотно вербовались в танковые войска армии

Франко. Но после первых потерь, когда все увидели, как выглядит внутри сгоревший танк, первоначальный энтузиазм быстро угас. Сегодня, кроме добровольцев-энтузиастов, захваченные русские танки комплектуют помилованными преступниками или испанцами, перед которыми ставят выбор: тюрьма или танковая атака».

Однако рассмотрим самое интересное для нас — историю немецких танков, или, как сейчас стало модно их называть, Panzerkampfwagen. Прелюбопытная история получается, с множеством зигзагов, отступлений и крайне непонятных решений, объяснить которые никакая логика не в силах. Вообще, создается впечатление, что танковые войска и Департамент вооружений Сухопутных сил (Heeres Waffenamt) существовали в параллельных плоскостях, никак не пересекаясь и не соприкасаясь. Впрочем, это нормальное положение в царстве победившей бюрократии, вне зависимости от ее конкретной национальной принадлежности. И даже хваленый немецкий порядок от этого не спасает. Единственное, что хочется спросить: как получалось, что офицер, переходя из полка в департамент, моментально превращался в заядлого бюрократа и тут же забывал, как он сам на все корки ругал эти проклятые канцелярии.

Чтобы не быть голословным, я приведу выдержки из меморандума этого самого Департамента вооружений от 30 октября 1935 года, после прочтения которого возникает масса вопросов.

«M.G. Panzerwagen (La.S)

Пулеметный танк, вооруженный двумя 7,9-мм пулеметами, наименее пригоден для наступательных действий танковых частей. Однако после создания специальных боеприпасов он может использоваться против бронеавтомобилей и танков, защищенных противопульной броней.

M.G. Panzerwagen (2 cm)

Этот танк может успешно сражаться с бронеавтомобилями. Он также может проявить себя в бою с танками, имеющими аналогичную броневую защиту (14 мм). Против старых танков Рено М17 (толщина брони 22 мм) эффективные попадания можно ожидать на дистанциях менее 700 метров.

Против легких танков Рено NC37 и NC31 (толщина брони до 30 мм), а особенно против танков с 40-мм броней, этот танк практически бесполезен.

Zugfuehrerwagen (Z.W.)

На дистанции 700 метров 37-мм снаряд может пробить 22-мм броню. Этого достаточно для борьбы с Рено NC27 и NC31, исключая участки с броней 30 мм.

Появления первого экспериментального танка с 37-мм пушкой следует ожидать в ноябре 1935 года. Учитывая ожидаемое увеличение толщины брони французских танков, следует попытаться увеличить бронепробиваемость на дистанции 700 метров с 22 до 27 мм, установив 37-мм противотанковую пушку L/65 вместо L/45.

Begleitwagen (B.W.)

75-мм пушка этого танка L/21 может пробить 43-мм броню на дистанции 700 метров. Если говорить только о бронепробиваемости, танк вполне равен новым французским танкам.

Начальная скорость снаряда может быть увеличена для борьбы с танками Char 2C, 3C, D, но это приведет к созданию совершенно нового танка. Опираясь на расчеты, можно видеть, что вес танка вырастет до 30 тонн при толщине брони до 20 мм, что уже не вполне достаточно для защиты от 20-мм снарядов.

Если подвести итог всему, изложенному выше, то можно сделать вывод, что созданные ранее танки вполне способны к наступательному бою, кроме как с самыми тяжелыми французскими танками. Необходимо, чтобы они имелись в достаточных количествах для формирования соединений, которые будут располагаться недалеко от линии фронта для компенсации их недостаточной подвижности.

Требования:

1. Можно более не требовать создания среднего танка весом около 30 тонн с 75-мм пушкой, имеющей скорость снаряда 650 м/сек.

2. Разрешить создание 50-мм противотанковой пушки, способной пробивать 40-мм броню на дистанции 700 метров. Решение вопроса о том, следует ли вооружать танки такой пушкой, можно отложить».

Потрясающе! Документ констатирует, что вооружение немецких танков не способно бороться с уже существующими французскими танками, ориентация на отстрел несчастных Рено М17, которым в обед сто лет будет, несерьезна. А ведь в будущем ожидается появление танков с еще более толстой броней. Но при этом делать ничего не следует. В крайнем случае — отложить решение вопроса. Классический бюрократический подход! Уже в 1935 году немцы прекрасно понимают, что ничтожный Т-I решительно ни на что не пригоден, однако сколько еще лет продолжается производство этой машины?! Конкретно — до конца 1938 года. Зачем?! Никто не может сказать. Резерв времени у немцев еще имеется, до начала войны четыре года, и можно успеть сделать очень и очень многое. Однако вопрос о перевооружении Т-III 50-мм пушкой откладывается, а от установки на Т-IV длинноствольной 75-мм пушки отказываются вообще. И так сойдет! В результате Панцерваффе начали войну с тем, с чем начали, хотя имелись все предпосылки для коренной замены образцов танковой техники на основании имеющегося опыта. Так что наши историки напрасно обвиняют немцев в том, что они не видели преимуществ мощных пушек. Все они видели! Только почему-то решили, что им это не нужно. Классическая ошибка догматиков — если что-то хорошо сегодня, оно будет хорошо завтра и будет хорошо всегда. Увы...

С надежностью танков у немцев пока что дела тоже обстоят не лучшим образом. В марте 1938 года танки Т-I приняли участие в аншлюсе Австрии. 2-я танковая дивизия генерала Гудериана за двое суток совершила 420-километровый марш-бросок. При этом до 38% танков вышли из строя из-за недостаточной надежности и были оставлены на обочинах дорог. После этого «похода» Гудериан остро поставил вопрос об улучшении системы эвакуации и ремонта танков. Вот она, организация службы в танковых частях! При оккупации Судетской области Чехословакии в октябре 1938 года ситуация значительно улучшилась, хотя сильнее от этого несчастная танкетка так и не стала.

Итак, 1 сентября 1929 года Германия развязывает Вторую мировую войну, вторгнувшись на территорию Польши. Кое-кто утверждает, что к этому времени Панцерваффе являлись главной ударной силой Вермахта, что немцы отлично подготовились к войне и учли все уроки Испании. Не слушайте этого «кое-кто», он

вам не друг, потому что пытается нагло вас обмануть. Вот с какой кунсткамерой начали войну умные и методичные немцы: 1445 — T-I, 1223 — T-II, 98 — T-III, 211 — T-IV, 202—35(t), 78 — 38 (t) и 215 командирских танков. Простите, а может, нам изменяет зрение? Ведь мы совсем недавно видели официальные документы, в которых немецким по белому писалось, что пулеметные танки не имеют решительно никакой боевой ценности. И вдруг выясняется, что из 3472 танков (тоже, кстати, потрясающая цифра) 41 процент составляют маленькие игрушки для больших мальчиков. Или наоборот — большие игрушки для маленьких мальчиков. А еще 35 процентов численности приходится на танк, который может бороться с любым танком прошлой войны, хоть со знаменитым Рено M17. Правда, не всегда и не везде. Если же сюда прибавить командирские танки, которые, безусловно, нужны, но все-таки к боевым машинам не относятся, то получится результат, который заставляет задуматься. 83 процента немецких танков носят гордое имя «танк» по сущему недоразумению, наверное, вместо Panzerkampfwagen I лучше было бы называть соответствующий образец Panzerfälschung I или «Панцерфальшивка I». В общем, можно сделать странный вывод: Германия начала войну, не имея танковых войск. Грозные Панцерваффе в действительности были фальшивкой, бумажным тигром. Просто против этого бумажного тигра Англия и Франция выставили вообще мыльный пузырь.

Союзники при создании танковых войск использовали два диаметрально противоположных подхода. Французы чисто механически перетащили опыт Первой мировой войны на современность, решив, что единственной задачей танков была, есть и будет поддержка пехоты, а сами по себе они никакой ценности не представляют. Правда, первой к формированию собственных танковых частей приступила кавалерия, а не пехота, в составе которой были созданы легкие механизированные дивизии. В свое время братья Стругацкие в «Сказку о тройке» ввели сатирический персонаж — полковника мотокавалерийских войск и высмеяли апокалипсические видения лошадиных морд, торчащих над бортами бронетранспортеров. Однако в составе этой французской дивизии числились механизированные драгуны, и ничего.

Позднее французы начали формирование танковых дивизий. Впрочем, мы снова сталкиваемся с тонкостями перевода. Division Cuirasse при желании можно перевести и как кирасирскую дивизию. Но главным было не это. В марте 1940 года основная масса французских танков была сведена в батальоны и роты и роздана пехотным дивизиям. В полном соответствии с доктриной. Были танки — и не стало их, ищи-свищи. Если говорить только о численности, то Франция к маю 1940 года обладала внушительным количеством танков: 314 — B-1, 210 — D-1, 1070 — R-35, AMR и AMC, 308 — H-35, 243 — S-35, 392 — H-38, H-39, R-40, 90 — FCM. Кроме них, имелось около 2000 старых танков F-17, которые стояли на складах, причем до 800 машин были боеспособными. К этому следует добавить около 600 бронеавтомобилей и 3500 бронетранспортеров. Однако французы сумели организовать дело так, что вся эта бронированная толпа имела практически нулевую боевую ценность. Кстати, вот попалось хорошее словечко, идеально характеризующее ситуацию, — «толпа».

После всего сказанного, казалось бы, проще всего разгромить и раскритиковать конструкцию французских танков. Какие-то они смешные. Но давайте не будем торопиться. Прежде всего, французы первыми начали строить танки с противоснарядным бронированием. До начала войны в Испании оставалось еще несколько лет, а толщина брони французских танков уже достигла 40 мм и более, в то время как остальные страны благополучно обходились броней в 20 мм. И совсем недаром немцы в своих документах раз за разом повторяют эту магическую цифру «40». У танков B-1 толщина брони достигла уже 60 мм, и о борьбе с такими чудовищами немцы даже не думали.

А теперь перейдем к недостаткам, которые сами французы недостатками не считали. Малая скорость? Однако генералы считали, что и в новой войне темпы наступления не превысят 10 километров в сутки. И вообще, если танк будет действовать совместно с пехотной цепью, зачем ему эту цепь обгонять? Можно поставить более мощный двигатель, но это будет лишний и абсолютно бесполезный вес. Два члена экипажа? А зачем больше? Командир сам увидит проклятый пулемет, до которого метров сто, сам его и уничтожит. А вертеть головой по сторонам и торопиться нет необ-

ходимости. Пулемет стоит на месте и никуда не убежит. Некоторые сомнения вызывает пушка, но и здесь все объяснимо. Малая начальная скорость снаряда не существенна, так как стрельба будет вестись на предельно малых дистанциях. Малый калибр облегчает работу командира, у которого и так забот хватает, а пулемету и 37-мм снаряда хватит. Словом, чтобы выявить технические недостатки французских танков, требовалось вскрыть порочность доктрины, породившей их. А пока французы считали, что их танки вполне соответствуют задачам, которые придется решать армии.

А теперь перейдем к еще одной характерной конструктивной черте французских танков середины 1930-х годов, которую наши историки предпочитают в упор не замечать. Зачем? Ведь все знают, что Киевская Русь — родина слона. И Т-34 — первый танк с противоснарядной броней, расположенной наклонно. И разрабатывать его начали в 1939 году с учетом опыта войны в Испании. Но позвольте, а как же нам быть с танками H-35, FCM-36, S-35? Которые тоже имеют наклонную броню, но при этом созданы на пять лет раньше? Ответ простой: никак. Их можно и нужно просто не замечать.

Поговорить побольше о французских танках у нас не получится по вполне уважительной причине. Вся их боевая карьера благополучно уместилась в полтора месяца — с 10 мая по 22 июня 1940 года...

Английские же теории использования танков представляли собой совершенно безумную мешанину абсолютно несовместимых постулатов. В результате родилось то, что сами же англичане назвали «великим танковым скандалом». Как англичане могли воевать, имея **такие** танки и **такие** военные доктрины, — непонятно. Они и не воевали, но это мое личное мнение, которое я никому не навязываю. Еще граф Игнатьев в своих воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» говорил, что английские джентльмены рассматривают войну как некий рискованный, увлекательный спорт. И воззрения Королевского танкового корпуса идеально укладываются в этот шаблон. Вообще создается впечатление, что английские танкисты с удовольствием заменили бы бой неким состязанием на

танкодроме со стрельбами по мишеням. Концепция крейсерского танка, которую они выдвинули, представляла собой попытку возрождения кавалерии на новом уровне — кавалерии самоценной и самодостаточной. Концепция пехотного танка напоминала французскую, но в значительно ухудшенном виде.

Крейсерские танки и поступали на вооружение бывших кавалерийских полков, сохранивших старые наименования: 7-й гусарский, 5-й уланский и так далее. Вообще, названия британских полков — это отдельная песня. Да еще какая! Так хранить традиции умеют одни только англичане. Вместо пошлых номеров, вроде 123456789-й танковый полк, они бережно сохранили все средневековые названия. Черная стража! Гнедые королевы! Дербиширские йомены! Шервудская лесная стража! Ланкаширские фузилеры! При этом встречаются уже совсем непонятные конструкции, вроде *King's Royal Rifle Corps* — Короля королевский стрелковый корпус. Причем совершенно отдельно от собственных короля полков — *King's Own Regiments*. К сожалению, все эти красоты отнюдь не повышали боевую мощь полков.

Мало того, британские танки представляли собой просто незабываемое зрелище. Вот, например, самый массовый крейсерский танк Mark VI (A15) Crusader. Его главной отличительной особенностью была совершенно необычная форма башни, которая не повторялась ни до того, ни после. Разумеется, конструкторы нашли объяснение скошенным вниз стенкам. Однако они работали так, как конструкторы явно не предусматривали, образовав своеобразный «снарядоулавливатель». Любой снаряд, попавший в нижнюю половину башни, направлялся прямо в ее погон. Последствия предсказать было несложно. Однако на этом экзотика не заканчивалась. Конструкторы решили добавить пулеметную башенку рядом с местом водителя. Это в 1939 году!

Столь же диковинно выглядели и пехотные танки. Например, «Матильда I» при весе более 11 тонн и броне в 60 мм, что для 1937 года было очень даже неплохо, была вооружена всего лишь одним-единственным пулеметом, к тому же пехотного калибра. Нулевая ценность такого вооружения была очевидна для всех, кроме командования Королевского танкового корпуса. Слабый и ненадежный двигатель вообще превращал «Матильду I» в ползающий (слово «самоходный» звучит как явное преувеличение) пуле-

метный дот. «Сегодня я видел настоящее чудо — «Матильду» на вершине холма», — говорили сами английские танкисты.

А вооружение? Оно способно вызвать слезы жалости. Дело в том, что с 1938 по 1942 год основным вооружением британских танков была 2-фунтовая скорострельная пушка нескольких модификаций. И это в то время, когда все остальные страны перешли на 75-мм пушки! Мало того, к этой самой 40-мм пушке англичане имели **только** бронебойные снаряды! Да, британские танкисты собирались воевать только с танками противника, затевая рыцарские поединки, как в добрые старые времена, и в таких случаях пушка, имевшая неплохую бронебойность, была относительно полезна. Но как быть с пехотными танками?! Они-то имели точно такую же! Никто не заметил глубокого противоречия в самой концепции. Танки сопровождения пехоты должны уничтожать уцелевшие узлы вражеской линии обороны. И что прикажете, стрелять по доту малокалиберной болванкой? Нет, если говорить строго, фугасные снаряды все-таки существовали. Однако они обладали ничтожной разрывной силой, и английские танкисты просто не брали их. Недаром, когда к нам по ленд-лизу начали поступать английские танки, возник вопрос о производстве собственных 40-мм фугасных снарядов.

Ничего не изменило и появление 6-фунтовой пушки (57 мм). Вот потому англичане долгое время считали лучшим своим танком американский «Грант», который на самом деле был паршивой машиной. Но ведь он имел 75-мм пушку!

Но будем справедливы. Немецкие танки были еще хуже, однако это не мешало немцам воевать. А вот организация танковых частей намертво перекрывала англичанам путь к блицкригу. Как мы увидим позднее, они так и не сумели освоить эту сложную науку до самого конца войны. То есть количество претендентов на владение мегаоружием «*Blitzkrieg*» стремительно сокращается.

Накануне войны британские танки были сведены в полки и бригады, дивизии появились много позднее. Их организация оставляла желать много лучшего. Даже после нескольких лет войны англичане упрямо цеплялись за концепцию **чисто танковых** соединений. В немецких танковых дивизиях имелся только один танковый полк. Остальное — мотопехота, артиллерия, разведка, связь и так далее. У англичан — танки, танки и только танки, не-

сколько разбавленные артиллерией. В составе одного полка пехотные и крейсерские танки не уживались, поэтому полки, оснащенные крейсерскими танками, мы называем бронетанковыми (*Armoured*), а полки, оснащенные пехотными танками, носили официальное название армейских танковых (*Army tank*). Уже сама структура британских танковых бригад напрочь отсекала для них возможность использования тактики блицкрига.

Более того, англичанам, похоже, была противна сама идея массирования танковых сил, потому что в составе британской армии имелась лишь пара-тройка танковых дивизий. Танковые корпуса не формировались, и эти дивизии входили в состав обычных армейских корпусов, перемешавшись с пехотой. О создании танковых армий англичане даже не задумывались. Вообще характерной чертой действий британских войск в эту войну была неторопливая методичность, которая по самой своей природе отрицает блицкриг. Тлеющий разряд, конечно, тоже электрическое явление, но на удар молнии он совершенно не похож.

Итак, позади осталась молниеносная кампания в Западной Европе, и главные силы Вермахта направились на Восток, где их ожидал гораздо более грозный противник. Правда, немцы его таковым не считали. Наоборот, в ходу была поговорка про колосса на глиняных ногах, и воевать с ним Вермахт собирался одной левой. Именно поэтому по результатам Французской кампании если и были сделаны какие-то выводы, то мер почти никаких не приняли.

К началу июня 1941 года в составе Вермахта имелось: 877 — T-I, 1074 — T-II, 350 — T-III с 37-мм пушкой, 1090 — T-III с 50-мм пушкой, 517 — T-IV, 170 — 35(t), 754 — 38 (t) и 330 командирских танков. То есть сохранился значительный процент «танков» нулевой боевой ценности. Ну и естественно, что в боевых частях количество танков было меньше. Так что определенные изменения все-таки заметны. Танки T-III начали перевооружать 50-мм пушкой, однако и здесь не обошлось без приключений. Гитлер потребовал установить пушку длиной 60 калибров, но промышленность решила ограничиться гораздо менее мощной пушкой в 42 калибра. Да, такое паллиативное решение имело под собой основания. Эту пушку можно было установить в старой башне без

переделок, тогда как 60-калиберная требовала изменить конструкцию. Но главной причиной, скорее всего, оказались все те же выводы. Пока все обстоит нормально, зачем стараться?

Гораздо бóльшие перемены были произведены в организационной структуре Панцерваффе. Была изменена структура танкового полка, сформированы новые танковые дивизии. Если во Франции действовала сначала одна, а потом две танковые группы, то теперь к наступлению готовились уже четыре танковые группы. Увы, от этого увеличения количества соединений число танков в них возросло совсем не в четыре раза. И перспективы новой кампании, знай немцы истинное количество советских танков, выглядели бы совсем мрачными. А ведь Гудериан еще в своей книге предрекал, что русские будут иметь около 10 000 танков, однако даже он не представлял себе истинной численности советских танковых войск. Кстати, к этой цифре немцы за всю войну даже близко не подошли, а мы ее превышали много раз.

Численность танков в немецкой армии разные источники указывают разную, но разброс, как правило, не превышает 20—30 танков каждого типа. А что противопоставила им Красная Армия? Вот здесь расхождение цифр оказывается совершенно фантастическим — от 18 до 26 тысяч танков. Опять же, в составе действующей армии танков было заметно меньше, а в западных военных округах — еще меньше. Но любые варианты подсчета дают трех-, четырехкратное превосходство Красной Армии над Вермахтом.

Возьмем некие средние величины, которые приводит М. Б. Барятинский. На 22 июня 1941 года СССР имел 23 140 танков, Германия — 5694. В западных округах дислоцировались мехкорпуса, имевшие 10 394 танка, Германия и ее союзники выставили всего 3899 танков. Кстати, все авторы дружно упоминают о танках, закрепленных за советскими пехотными дивизиями...

Кроме того, царит всеобщее убеждение, что сравнивать качество немецких и советских танков просто смешно. Действительно, глядя на Т-I и КВ, поставленные рядом, можно лишь весело смеяться. А ведь это делает события лета 1941 года еще более необъяснимыми.

Будем справедливы: на вооружении нашей армии находились не одни только Т-34 и КВ, а также Т-26, БТ, многобашенные

танки и легкие. И если мы высмеиваем — справедливо высмеиваем! — несчастную танкетку Т-I, то как мы должны оценивать Т-37 и Т-38? Тоже смеяться, поставив их рядом с Т-IV? Тот же Суворов-Резун пытается придать некий смысл существованию этих машин, утверждая, что плавающих разведчиков у немцев вообще не было. Согласен, не было. Однако их не было и в составе РККА. Извините, но какой разведчик из танкетки, не имеющей рации? Если она что-то и разведает, то как будет доносить об этом?

Впрочем, взаимоотношения советских и немецких танков были гораздо более запутанными, чем может представиться на первый взгляд. Мы привыкли к победным реляциям и фанфарам, и любое сомнение в полном и абсолютном качественном превосходстве советских танков над немецкими воспринимается как покушение на святыню.

Все авторы правильно говорят, что никакие модернизации не могли сделать из **легкого** танка Т-III средний. Можно было навесить дополнительную броню, поставить новую пушку (кстати, поставить нормальную танковую пушку периода Второй мировой войны, то есть 75-мм, так и не удалось), но все это вело к увеличению веса и, соответственно, ухудшению характеристик. Однако те же самые авторы, недолго думая, утверждают, что навешивание дополнительной брони и замена пушки делают из Т-26 достойного противника Т-III. А что, характеристики этого танка не ухудшаются от увеличения веса? Ведь у него резерв для модернизации заметно меньше, чем у Т-III. В конце концов, «Виккерс 6-тонный» или Т-26 — танк другого поколения, чем Т-III, и потому никак не может с ним состязаться. Впрочем, точно так же, как Т-III является танком другого поколения по отношению к Т-34 и никак не может с ним состязаться. По крайней мере, на бумаге.

Но здесь на сцену выступают совсем иные факторы, которые показывают, как рискованно сравнивать бумажные, справочные характеристики с реальными боевыми даже для единичного танка. Мы приводили выше немецкий меморандум, в котором советские 45-мм бронебойные снаряды получили совершенно неудовлетворительную оценку. А ведь это не пропаганда доктора Геббельса, это серьезный документ, на основании которого немцы определяли пути развития Панцерваффе.

Но вот результаты расстрела танка Т-III на НИБТполигоне.

«Указанная немецкая цементированная броня толщиной 32 мм равнопрочна 42—44-мм гомогенной броне типа И3. Таким образом, случаи обстрела борта танка под углом, большим 30 градусов, приводят к рикошету снаряда...

В данном же случае дело усугублено тем, что при стрельбе использовались снаряды выпуска 1938 г. С некачественной термообработкой корпуса, которая в целях увеличения выхода велась по сокращенной программе...

Расследование убедительно показывает, что, несмотря на указанное решение об изъятии, большое количество 45-мм бронебойных снарядов отмеченной выше части имеют такие же клейма и, видимо, тот же дефект».

Но даже при использовании новых снарядов, «свободных от указанного дефекта», лишь 2 снаряда из 5 пробили броню. А вот с нашей броней дело обстояло совсем иначе. Если мы обратимся к результатам испытаний танка Т-34 на Абердинском полигоне в США, то сможем прочитать: «Химический анализ брони показал, что броневые плиты имеют неглубокую поверхностную закалку, тогда как основная масса броневой плиты представляет собой мягкую сталь». Много нареканий вызывала и ходовая часть танка — подвеска и трансмиссия. Но вернемся к делам броневым. Возьмем отчет НИИ-48, подготовленный в апреле 1942 года, в котором приводится статистика поражения советских танков бронебойными снарядами. И мы увидим, что мелкие немецкие снаряды калибром 37 и 50 мм вполне исправно пробивали броню советских танков, хотя почти все попадания приходились в борта и корму корпуса и башен. Кроме того, по результатам испытания трофейных противотанковых пушек и снарядов делался мрачный вывод: наша промышленность боеприпасы такого качества освоить не сумеет.

Как грубейшую ошибку советских конструкторов можно упомянуть «грозный» КВ-2, который многие историки приводят в пример Западу. Дескать, там не создали ничего подобного. Разумеется, не создали потому, что даже и не собирались создавать. Воткнуть 152-мм гаубицу в танковую башню — такое и в кошмаре не приснится. При крене около 5 градусов эту громоздкую кон-

струкцию уже заклинивало намертво. Можно ли было воевать на таком «танке»? Лишь в 1943 году появилось то, чем должен был стать КВ-2 с первого дня — самоходная установка СУ-152, заработавшая на Курской дуге прозвище «зверобой» за ту легкость, с которой она расправлялась с «Тиграми», «Пантерами», «Носорогами» и прочим немецким зверинцем.

И все-таки численное превосходство советских танковых войск на Панцерваффе было очень велико. Однако имелся еще один серьезный фактор, работавший против нас, — организационная структура мехкорпусов РККА. Напомним, что немцы в составе танковой группы имели в среднем около 850 танков, разделенных между двумя-тремя корпусами, состоявшими, как правило, из двух дивизий. Кроме танков, соответственно имелись корпусные и армейские части обеспечения и обслуживания, артиллерийские, саперные и прочие, и прочие, и прочие... А что у нас? А в РККА создавались монстры типа 7-го мехкорпуса — 959 танков, 6-го мехкорпуса — 1131 танк. И это не было чем-то чрезвычайным, ведь наш механизированный корпус по штату, утвержденному в феврале 1941 года, должен был иметь 1031 танк, то есть больше, чем немецкая танковая группа, в смысле, армия. Но при этом минус все командные структуры, минус вспомогательные войска и службы. Даже если численность артиллерии, саперов и зениток в советском мехкорпусе не уступала немецкой танковой группе, они были расписаны по своим дивизиям, что крайне затрудняло маневр силами, их сосредоточение и переброску на другие участки фронта. А немецкий командир мог свободно использовать части армейского подчинения, не нарушая структуру дивизий и не ломая планы подчиненных командиров. Здесь можно напомнить пример из не слишком далекого прошлого — Мукденское сражение Русско-японской войны. Командующий русской армией генерал Куропаткин растрепал все подчиненные ему корпуса и дивизии буквально по батальонам и собственноручно создал обстановку такого хаоса и растерянности, что японцам впору было его за это наградить. Наши гигантские механизированные корпуса летом 1941 года оказались примерно в таком же положении. Между прочим, когда позднее в Красной Армии начали формироваться танковые армии, они имели не более 700—800 танков. Видимо, это и есть эмпирически нащупанный предел управляемости танковых частей.

Но имеется еще и вторая составляющая блицкрига — авиация поля боя. Здесь нельзя ставить на «авиацию вообще», как это сначала попытались делать западные союзники. Средние и тяжелые бомбардировщики мало чем могут помочь наступлению танковых частей. Союзники попытались проделать это однажды, и все закончилось скандалом. Мы говорим, разумеется, о попытках взять город Кан в Нормандии. Мало того, что в этой операции британский полководческий «гений» Монтгомери в очередной раз показал свою полнейшую несостоятельность, так еще оскандалилась и грозная авиация союзников. Нет, свою задачу она выполнила, на головы немцев обрушилось сколько-то там тысяч тонн бомб. Но кроме вполне ожидаемых результатов внезапно появились и совсем неожиданные. Бомбардировщики союзников так здорово перекопали намеченный участок наступления, что эту полосу препятствий не сумели преодолеть даже танки. В очередной раз подтвердилась старая истина: слишком хорошо — это тоже нехорошо.

И вот с этой составляющей блицкрига практически у всех стран, участвовавших во Второй мировой войне, дела оказались весьма неважными. Это сегодня везде и всюду мелькают боевые вертолеты, вертолеты огневой поддержки и тому подобные летательные аппараты. А вот в те времена с подобными конструкциями было гораздо сложнее. Собственно, лишь пикирующий бомбардировщик отвечал требованиям, предъявляемым к самолету поля боя. Все разнообразные штурмовики и истребители-бомбардировщики соответствовали этим требованиям в лучшем случае частично. Или не соответствовали вообще.

Можно было гордо заявлять, подобно англичанам, что пикировщики их не интересуют в принципе, даже после того, как те поднесли на блюдечке маршальский жезл Роммелю, сломив сопротивление гарнизона Тобрука. Можно было говорить, что сильная зенитная артиллерия делает атаки пикировщиков слишком рискованными, но немецкие пилоты, похоже, не подозревали об этом, уничтожая одну зенитную батарею за другой.

В общем, к началу Второй мировой войны только немцы создали самолет, способный поддержать наступление танков, и, что еще важнее, создали систему взаимодействия авиации и наземных сил. Конечно, сначала дела шли не так гладко, как хотелось бы, но

уже во время наступления во Франции весной 1940 года эта система показала себя в полном блеске.

Ничтожное количество английских и французских пикировщиков, имевшихся к началу войны, было уничтожено столь стремительно, что вопрос об их взаимодействии с войсками даже не успел возникнуть. И лишь к 1944 году союзники на Европейских театрах обзавелись самолетами, способными действовать в качестве штурмовиков. Это были американские истребители «Тандерболт» и британские «Тайфуны». Вооруженные ракетами, эти самолеты неплохо показали себя в борьбе против железнодорожных составов и механизированных колонн **в тылу**. Однако их действия на линии фронта были далеко не столь успешны, и помощи войскам они почти не оказали.

Самое любопытное, что система воздушной поддержки войск у союзников, точнее у американцев, все-таки существовала. И она тоже была доведена до совершенства, но в приложении к конкретным задачам, не имевшим ничего общего с наступлением танковых частей и блицкригом. Мы говорим о десантных операциях на Тихоокеанском театре в 1943—1945 годах. При высадках морской пехоты на очередной атолл в воздухе постоянно дежурило несколько звеньев истребителей «Хеллкэт» или «Корсар», вооруженных ракетами. В составе десанта имелись группы наведения, по указаниям которых эти самолеты наносили удары по японским огневым точкам. Согласитесь, это была задача на порядок более простая, чем поддержка наступления танкового полка. К тому же американцы сами ограничили свои возможности, вооружая эти самолеты только ракетами. Да, истребители могли нести бомбы и применяли их против японских кораблей, а также в ходе предварительных бомбардировок. Но, судя по всему, точность бомбометания была недостаточной для уничтожения точечных целей, поэтому использовались ракеты, имевшие несравненно меньшую эффективность. Кстати, именно американцы применили любопытную тактическую новинку. Они освободили командира ударной авиагруппы от необходимости самому атаковать цель. Командир занимался только координацией действий своих самолетов и целеуказанием. До этого не дошли даже немцы.

Осталось рассмотреть, как обстояли дела с воздушной составляющей блицкрига в Красной Армии. Формально наша авиация

имела все необходимое. У нас были созданы пикировщики. У нас были созданы штурмовики. У нас даже появилась система наведения авиации, правда, первые упоминания о ней относятся к 1943 году, но все-таки появилась.

На вооружение Красной Армии к началу войны начала поступать импровизационная переделка Пе-2, названная пикирующим бомбардировщиком. Однако этот самолет таковым фактически не являлся. Мало ли, что он пикировал. Англичане проводили безумные эксперименты по пикированию на тяжелых «Веллингтонах». К тому же бомбовая нагрузка Пе-2 была, мягко говоря, невелика. Опять же, здесь не место детально анализировать достоинства и недостатки этого самолета, мы просто отсылаем любопытствующих к подробной монографии «Пешка», ставшая ферзем». Мы просто ограничимся замечанием, что упоминаний об использовании Пе-2 для уничтожения целей на поле боя по заявкам с земли мне найти не удалось. Кстати, не сомневаюсь, что такие эпизоды наверняка имеются. Однако уже тот факт, что их приходится искать специально, говорит о многом.

Ближе к концу войны появился настоящий пикировщик Ту-2, по всем характеристикам превосходивший соответствующие немецкие самолеты. Однако по каким-то таинственным причинам и он в качестве самолета поля боя не прижился. Может быть, дело в том, что он был слишком велик? Ведь и немцы использовали Ju-88 совсем для других целей, хотя этот самолет вполне мог пикировать.

В сухом остатке мы имеем штурмовик Ил-2. Кстати, хорош остаточек — самый массовый самолет Второй мировой войны. Но ведь при таком количестве штурмовиков мы вправе были бы ожидать гораздо более ощутимых результатов. Конечно, главной причиной здесь является так и не налаженное до самого конца войны взаимодействие танков и авиации. Формальные шаги в этом направлении предпринимались. Но только у немцев наведение ударной авиации осуществлял лейтенант или капитан, следовавший на специальной машине с передовыми частями. А что у нас? Возьмем типичный пример — события на Курской дуге. «Планом операции предусматривалась высылка в штабы армий оперативных групп ВВС со своими средствами связи». Стоп! Обратили внимание?! Не в штаб корпуса и уж тем более не в штаб дивизии или

полка — в штаб армии. Однако и это не было выполнено. В конце концов 1-я и 5-я гвардейские танковые армии получили «представителей ВВС» — заместителя командующего и заместителя начальника штаба 2-й Воздушной армии. Что они могли сделать, сидя, опять же, в штабах? В итоге, пока заявка проходила все инстанции, обстановка на фронте менялась самым радикальным образом, и штурмовики наносили удар по пустому месту, или, что гораздо хуже, по собственным войскам. После этого только и оставалось, что громко рапортовать о чудовищных успехах противотанковых авиабомб, вырезавших под корень всю дивизию «Дас Райх». А о том, что наша авиация разгромила станцию Прохоровка, на которой находился пункт разгрузки 6-й гвардейской армии, скромно помалкивали.

Резюме. Если подвести итоги, картина вырисовывается следующая. Из всех составляющих: надежный, сильный танк; надлежащая организация танковых частей; налаженное взаимодействие различных родов войск; самолет поля боя; налаженное взаимодействие войск и авиации — полным комплектом не обладала ни одна армия. Теоретически блицкриг был вообще невозможен! Однако мы собственными глазами видим примеры успешных молниеносных операций. Ближе всех подошли к идеалу немцы и мы. Но именно это показывает, насколько больше значат правильная организация и боевая подготовка, чем простая численность танков, пушек, самолетов.

Глава 3

ПЕРВЫЙ БЛИН ХАЛХИН-ГОЛОМ

Мы уже говорили о том, что Гражданская война в Испании не слишком много дала развитию теории танковой войны. Танков там было немного, использовались они спорадически и серьезного влияния на ход военных действий не оказали. Однако один вывод, касательно бронирования и вооружения, сделали если не все участники конфликта, то главные участники — наверняка. Мы говорим о Советском Союзе и Германии. Впрочем, как мы видели,

даже здесь не все обстояло гладко, поэтому не следует удивляться, что итальянцы не сделали вообще никаких выводов. Тактические доктрины использования танков прошли проверку за много тысяч километров от будущих полей европейских сражений, в прокаленных солнцем монгольских пустынях. Конечно, мы говорим о боях на реке Халхин-Гол.

Вообще, этот эпизод является отличной иллюстрацией к словам вечно пьяного монтера Мечникова: «Согласие есть продукт при полном непротивлении сторон». Или более точно: если хочется, любой пустяк может превратиться в повод для войны, или, выражаясь по-ученому, *casus belli*.

В 30-х годах прошлого века между Советским Союзом и Японией, а также их марионетками имел место целый ряд пограничных конфликтов. Это было прямым следствием неточной демаркации границы (Хасан) или вообще полным отсутствием таковой (Халхин-Гол). Между прочим, последующие конфликты с Китаем имели те же причины, например остров Даманский. Кстати, сегодня этот остров вообще уже не остров, а полуостров на китайском берегу реки. И как должна была выглядеть государственная граница России в этом случае? Халхин-Гол вообще был пограничным спором двух **никем** не признанных государств — Внешней и Внутренней Монголии, Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республики. Правда, у марионеточной МНР на тот момент имелось серьезное преимущество перед Маньчжоу-Го. Маньчжоу-Го признавала только Япония, зато МНР — целых два государства, хотя, кроме СССР, это была еще более марионеточная Тувинская Республика.

Советские историки любили повторять, что «несколько причин толкали правящие круги Страны восходящего солнца на развязывание более крупномасштабного конфликта». Но никакая, даже самая буйная, фантазия не может подсказать, как именно стычка в монгольских песках заставит СССР отказаться от оказания военной помощи Китаю. Мы не будем углубляться в политические хитросплетения, просто скажем, что именно эти самые бесплодные и бесполезные пески увидели первый пример массированного применения танков. Конечно, в годы Первой мировой войны англичане использовали танки в достаточно больших количествах, но массовое использование танков совсем не означает массированно-

го. Англичане выстраивали танки длиннейшей шеренгой, заставляющей вспомнить гренадеров Фридриха Великого. Остается лишь напомнить, что вычерченные словно по линейке шеренги прусской армии рассыпались в прах при столкновении с французскими колоннами. И вот по приказу комкора Жукова в атаку двинулись колонны советских танков. Чем закончилась первая попытка реализовать идеи то ли блицкрига, то ли глубокой операции, мы еще увидим.

Пружина начала закручиваться еще в 1934 году. Постоянные нарушения границы, причем в обе стороны, приводили к столкновениям, перестрелкам, мелким боям. Но в мае 1939 года пружину перекрутили, и она лопнула. При этом на первых порах советское командование действовало оперативнее и эффективнее японского. 3 марта командир 57-го отдельного корпуса комдив Фекленко приказал выдвинуть в район конфликта оперативную группу 11-й танковой бригады. И лишь в апреле командующий Квантунской армией генерал Уэда подписал приказ № 1488 «Принципы разрешения пограничных конфликтов между Манчжоу-Го и СССР». Заметьте, никакая Монголия в этом приказе не упоминается.

А потом началось то, что иначе как цепью загадок назвать просто невозможно. Начнем с самой первой, бросающейся в глаза, но все-таки не имеющей ответа. Почему Халхин-Гол? Почему??!! Посмотрите на карту, не пожалейте полминуты. И тогда вы удивитесь. Чем японскому командованию приглянулся этот богом забытый угол, который даже не назовешь медвежьим, потому что там ни один медведь не выживет?! Единственное сколько-то правдоподобное объяснение — железная дорога, недавно проложенная японцами в этот район. Ну, железка, и что из того? Мало ли куда их прокладывают. Самое смешное, что, даже если бы японцам удалась их авантюра, это не принесло бы им решительно никаких дивидендов. Отрезать пустынный и никчемный уголок Монголии — так называемый Тамцак-Булакский выступ — можно, но что с ним делать дальше? Дорогу на Улан-Батор (или как его тогда? Кяхта? Урга?) он не открывает. Дорогу на Читу и

Благовещенск — тем более. Так что там забыли в равной степени и японцы, и монголы?!

Загадка вторая, которая, вполне возможно, все-таки имеет решение, только лично мне оно не известно. Если посмотреть на современную американскую топографическую карту NL 50-03, то мы увидим потрясающую вещь. Все бои в районе Халхин-Гола происходили на территории современного Китая, то есть тогдашней Маньчжурии. Так кто тут агрессор?! И вообще, линия границы сегодня имеет совсем иные очертания, чем на советских/российских картах, изображающих это событие. Впрочем, как я уже предупредил, здесь может иметься очень простое объяснение. Позднее две братские страны полюбовно уладили все пограничные споры. Хотя, учитывая норов *Mao Ze-Dong,* мне это представляется более чем сомнительным. Но все-таки допустимым.

Но со всего этого загадки Халхин-Гола только начинаются. Столкновения начались в мае 1939 года. Кто именно был инициатором, сказать сложно. Скорее всего, туземцы сохранили милые сердцу привычки скотокрадов эпохи Чингисхана, который и сам грешил этим поначалу. А потом один обиженный обратился к братану, который был то ли цириком, то ли баргутом, и появилась пусть иррегулярная, но вполне официальная вооруженная сила. И пошло-поехало...

Короче, в мае начались уже серьезные столкновения с участием тяжелого оружия, хотя пока они еще не выходили за рамки обычного пограничного конфликта. Однако обе стороны постепенно наращивали силы в районе конфликта, потому что подобные события обладают свойством самоэскалации. Начались воздушные бои, которые сначала завершались в пользу японцев. Это вызвало нервную реакцию советского руководства, которое сначала перебросило в район боев группу лучших летчиков, имевших опыт боев в Китае и Испании, а потом прибегло к испытанному методу — поменяло командира. Комдив Н.В. Фекленко был снят, и на его место назначили Г.К. Жукова. Как ни странно, этот эпизод практически не отразился на дальнейшей службе Фекленко, который постепенно дорос до генерал-лейтенанта танковых войск. Очередная загадка... Впрочем, заметной роли в годы Великой Отечественной войны он не сыграл и занимал только тыловые и штабные должности.

В июне обе стороны наращивали силы в районе конфликта и разрабатывали планы дальнейших действий, причем и Жуков, и командовавший японскими войсками генерал Комацубара намеревались наступать. В распоряжении Комацубары имелась 23-я пехотная дивизия и некоторые другие части, в том числе два танковых полка, всего около 22 000 солдат, 120 орудий и 80 танков. Первоначально он предполагал перебросить за западный берег реки Халхин-Гол не только свою пехоту, но и танки. Однако японские саперы не справились с задачей, и по наведенным ими мостам танки двигаться не могли, поэтому ему пришлось оставить танки для действий на восточном берегу реки. 27 июня Комацубара принимает решение форсировать реку частью сил 23-й дивизии, чтобы выйти в тыл советско-монгольским войскам, находящимся на восточном берегу реки. Одновременно один полк 23-й дивизии вместе с танками сковывает советские войска. Цель операции — окружить и уничтожить советские части на восточном берегу Халхин-Гола, насчитывавшие около 5000 человек. Советское командование сформировало 1-ю армейскую группу, которая имела заметное преимущество в тяжелой артиллерии, в чем японцы очень быстро убедились.

Особый интерес представляет одна фраза из приказа Комацубары: «Дивизия своими главными силами форсирует реку Халхин-Гол с целью захвата и уничтожения противника, перешедшего границу». Впрочем, наши историки утверждают, что место будущих боев — гора Баян-Цаган — находится в 40 километрах от границы.

Наступление сковывающей группы развивалось медленно, потому что танки вязли в болотистой почве. 30 июня произошли первые столкновения, после которых японцы получили первые более или менее достоверные сведения о составе советских сил, в частности, о прибытии 11-й танковой бригады. Однако отменять операцию Комацубара не решился и назначил наступление на 3 июля. Но командир сковывающей группы генерал Ясуока решил нанести удар в ночь со 2 на 3 июля. Говорить о каком-то блицкриге в применении к японским танкам было бы просто смешно, тем более что японцы до самого конца Второй мировой войны так и не сумели наладить взаимодействие разных родов войск. Ночная атака танков Ясуоки завершилась практически ничем. Единствен-

ным ее результатом стали споры относительно потерь. Японцы признавали потерю одного танка, в советских рапортах говорится об уничтожении десяти. Дальше всех пошел А.В. Шишов, сообщивший, что в результате боев на **восточном** берегу реки в районе горы Баин-Цаган было уничтожено 30 японских танков. Его даже не смущает, что гора находится на **западном** берегу.

Как пишут наши историки, «командование 1-й армейской группы в течение июня не смогло наладить достаточной разведки». Написать прямо, что Жуков за целый месяц не сумел наладить разведку, видимо, было страшно. Комдив решил сам нанести удар по группе Ясуока, одновременно приказав 11-й танковой и 6-й мотобронеевой бригадам выдвинуться к реке. О переправе японской дивизии на западный берег Халхин-Гола Жуков не подозревал.

Рано утром 3 июля части японской 23-й пехотной дивизии начали переправляться через реку и двинулись в направлении горы Баин-Цаган. Монгольские кавалеристы, прикрывавшие этот участок берега, отошли, не оказав никакого сопротивления. А дальше загадки сыплются словно из дырявого мешка.

Все до единого советские источники пишут, что японцы переправились через реку, поднялись на крутым склонам Баин-Цагана, окопались и укрепились. Но так ли это было? При первом же пристальном взгляде эта гипотеза рассыпается в прах. Все наши источники сообщают, что японцы заняли гору примерно в 8 часов утра. Однако при этом первое столкновение 6-й мотобронеевой бригады с японцами происходит уже в 7 часов утра **южнее** Баин-Цагана. Какие силы японцев переправились через реку, — никто не знал. Только этим можно объяснить приказ 2-му батальону 11-й танковой бригады уничтожить японский отряд. Если верить картам, столкновение батальона с 71-м пехотным полком японцев происходит в 8 километрах от японских переправ и в 3 километрах от Баин-Цагана. Очередная загадка: так укреплялись японцы на горе или сразу двинулись дальше на юг во исполнение плана Комацубары? Результат встречного боя пехотного полка и танкового батальона был печальным для обоих. Наступление японцев было остановлено, но при этом батальон потерял 14 танков.

Лишь теперь Жуков сообразил, что японцы переправили на западный берег Халхин-Гола крупные силы, и решил немедленно

атаковать противника, так как тот явно намеревался выйти к переправам отряда, сражавшегося на восточном берегу. Он намеревался одновременным концентрическим ударом с трех направлений уничтожить японцев. Так как Красная Армия, случайно или намеренно, располагала в районе боев крупными силами танков, Жукову представилась возможность первому в истории провести классическую операцию блицкрига. По опыту боев в Испании, как мы помним, были сделаны определенные выводы, и сейчас оставалось лишь продемонстрировать на практике основательность этих выводов. Увы, комдив Жуков упустил возможность опередить Гудериана на скрижалях блицкрига. Операция была организована настолько безобразно, что можно лишь удивляться, как она принесла хоть какой-то успех. Впрочем, описания боев 3 и 4 июля настолько смутны и неточны, что нет возможности заняться даже реконструкцией событий.

Слово «Воспоминаниям и размышлениям»:

«Противник успел сосредоточить на горе Баин-Цаган более десяти тысяч штыков; советские войска имели возможность сосредоточить более тысячи штыков; в японских войсках было около 100 орудий и до 60 противотанковых орудий. У нас — немногим более 50 орудий, включая поддерживавшие с восточного берега реки Халхин-Гол.

Однако в наших рядах сражалась 11-я героическая танковая бригада, имевшая до 150 танков, 7-я мотоброневаая бригада, располагавшая 154 бронемашинами, и 8-й монгольский бронедивизион, вооруженный 45-мм пушками».

Сразу в глаза бросается ложь номер один. За несчастные три или четыре часа японцы по единственному понтонному мосту ухитрились переправить через Халхин-Гол не только три пехотных полка, но и полтораста орудий?! Имелась возможность поддержать атаку танков пехотой 24-го мотострелкового полка и перебросить часть артиллерии с юга. В результате же получилось как всегда.

Атака была произведена разрозненными силами. Первым в 11.30 атаковал 1-й батальон 11-й танковой бригады. Ни пехота,

ни артиллерия его не поддержали, в результате батальон потерял половину танков и к 16.00 отошел, так ничего и не добившись. Следующим атаковал 3-й батальон, который тоже понес потери и был вынужден отойти. Правда, на японцев эти атаки произвели впечатление, и они были уверены, что их атакует не менее 1000 танков. 24-й мотострелковый полк сбился с дороги и прибыл к месту боя только к 13.00. Чтобы оправдаться, командир полка И.И. Федюнинский пытается все свалить на Жукова. Дескать, это он принял нестандартное решение атаковать одними танками без поддержки пехоты. Он же рассказывает прелестную сказку о 17 противотанковых батареях, 10 артиллерийских и гаубичной батареях, которые японцы уже успели развернуть на горе Баин-Цаган.

Я предлагаю любому желающему произвести простейший эксперимент — взять в руки лопату, выйти во двор и попытаться вырыть хотя бы стрелковую ячейку полного профиля. О ротной траншее или там орудийном окопе речь уже не идет. Сколько это займет времени? Может, после этого эксперимента и он усомнится в глубоко эшелонированной обороне, которая возникла у японцев просто в мгновение ока. Кстати, не забудем, что буквально во всех воспоминаниях участников боев подчеркивается исключительная крутизна горы, которая мешала нашей пехоте. Но японские орудия, по-видимому, прямо-таки вспорхнули на самую ее вершину.

Дальше — больше. Около 15.00 свою собственную атаку попытался провести 247-й автоброневой батальон 7-й мотоброневой бригады. Эта атака тоже была отбита японцами с потерями для нас. И лишь около 19.00 удалось провести некое подобие скоординированной атаки силами пехоты и танков. Она тоже была отбита, хотя на этот раз особых потерь наши войска не понесли. Вот так вместо одного мощного удара, которым можно было опрокинуть японцев, наши войска провели пять разрозненных нескоординированных атак, в ходе которых 11-я танковая бригада потеряла 77 танков из 133 и 37 броневиков из 59 участвовавших в бою. Очередная загадка — каким же оружием были уничтожены все эти танки? При внимательном чтении советских же мемуаров выясняется, что главным оружием японской пехоты были бутылки с бензином, и ничего более. Разумеется, несколько противотанковых орудий японцы успели переправить через Халхин-Гол, и они

наверняка участвовали в бою. Но их было слишком мало, и, что самое главное, эти орудия явно были установлены открыто, в лучшем случае — в складках местности.

И все-таки эти атаки принесли желаемый результат. Вечером 3 июля генерал Комацубара приказал отвести ударную группу обратно за реку. Отступление началось 4 июля в 10 часов утра, и советские танковые части, которые накануне понесли тяжелые потери, воспрепятствовать этому не могли. 24-й мотострелковый полк попытался смять японский 26-й полк, но не сумел. В результате к 5 июля японская группировка вернулась на восточный берег реки.

И снова воспоминания маршала Жукова. Впрочем, мемуары Федюнинского воспроизводят этот отрывок с точностью чуть ли не до запятой:

«Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено и японские войска начали поспешно отступать к переправе. Но переправа была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении прямо в воду и тут же тонули, буквально на глазах у наших танкистов.

Остатки японских войск, захвативших гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных скатах горы в районе спада реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилали гору Баин-Цаган. В воздушных боях за эти дни было сбито 45 японских самолетов, в том числе 20 пикировщиков».

Пикировщиков у японцев, кстати, под Халхин-Голом не было. Японцы искренне удивлялись, почему советские войска не попытались уничтожить переправу, авиацией или артиллерией — не важно. Ведь тогда ударная группировка действительно была бы обречена. Но наши генералы сумели только придумать басню о преждевременном взрыве моста, после чего множество самураев утонуло в реке. Косвенным доказательством не слишком удачных действий наших войск на Баин-Цагане может служить отсутствие фотодокументов. Наверняка съемки производились, но, видимо,

снято было не то. Все опубликованные фотографии относятся к боям уже на восточном берегу Халхин-Гола, либо периода отражения японских ударов, либо уже после успешного наступления советских войск в августе 1939 года.

Единственным утешением может служить то, что японские танковые части действовали еще менее удачно. Они попытались было атаковать находящиеся на восточном берегу Халхин-Гола 149-й мотострелковый полк и 9-ю мотобронебригаду, но не добились вообще ничего, потеряв 3 июля 41 танк из 73, участвовавших в бою. В общем, намерение Жукова нанести мощный танковый удар провалилось с треском. Атака завершилась тяжелейшими потерями, но несколько неожиданно принесла результат. Японцы не выдержали напряжения боя и отошли за реку. Вообще-то эти бои могли иметь роковые последствия для будущего. Наши командиры вполне могли увериться, что им удалось выбить японцев этими разрозненными атаками слабых сил, что совсем не обязательно терять время на сосредоточение ударного кулака, на организацию артиллерийской поддержки. Но что самое скверное — они могли решить, что могут идти на любые потери, они все равно окупятся. «На горных склонах погибло более 10 тысяч неприятельских солдат и офицеров. Остатки японских войск в беспорядке бежали на противоположный берег реки. Они потеряли почти все свои танки и артиллерию». Подписывая такие сводки, нетрудно уверовать в собственную непогрешимость, и название, укрепившееся за этим эпизодом — «Баин-Цаганское побоище», — звучит довольно двусмысленно.

Гораздо большего внимания заслуживает августовское наступление советских войск, которое завершилось окружением и уничтожением главных сил японской 23-й дивизии. Это была тщательно подготовленная и отлично проведенная операция. Правда, танки сыграли в ней не такую заметную роль, как в событиях 3—5 июля, главный удар наносили пехотные дивизии. Однако танковые бригады выполнили свою задачу, помешав в ряде случаев отрезанным японским войскам выйти из окружения.

За время боев Красная Армия потеряла около 8000 человек убитыми и 15 000 ранеными. В этой связи приходится упомянуть

еще об одной загадке Халхин-Гола — количестве японских потерь. У нас как-то устоялось мнение, что японцы были наголову разгромлены, потеряв более 60 000 человек убитыми и ранеными. Никто не хотел задумываться, откуда взялись эти цифры, ведь в боях с японской стороны участвовала всего лишь одна усиленная дивизия и несколько отдельных полков. Сошлемся на заинтересованного и пристрастного свидетеля, К.Е. Ворошилова, который докладывал Сталину: «Как и следовало ожидать, никаких дивизий в окружении не оказалось, противник или успел отвести главные силы, или, что вернее, больших сил в этом районе давно уже нет, а сидел специально подготовленный гарнизон, который теперь уже уничтожен».

С другой стороны, еще больше сомнений вызывают и данные японской стороны. 8440 убитых и 8766 раненых — это более чем странное соотношение. Как правило, количество раненых втрое превышает количество убитых, а здесь мы видим соотношение почти один к одному. История войн не знает подобных примеров, и эта загадка пока так и остается неразрешенной.

Резюме. Во время боев за гору Баин-Цаган у командования Красной Армии имелась возможность провести классическую операцию блицкрига — совместный удар танков и мотопехоты с целью окружения и последующего уничтожения противника. Вместо этого бой вылился в серию нескоординированных лобовых ударов, в ходе которых наши танки понесли неоправданно большие потери, хотя в результате и вынудили японские войска к отступлению. Увы, этот бой оказался зеркальным отражением многих будущих сражений, в которых участвовали советские танкисты. К ним можно отнести слова, которые сказал французский генерал Боске, глядя на атаку английской кавалерии: «Это великолепно, но так не воюют».

Глава 4

ДАЛЕКИЕ ЗАРНИЦЫ

Если до войны слово «блицкриг» было известно только немецким военным, да и то далеко не всем, то с началом Второй мировой войны о нем узнал буквально весь мир. Кто здесь постарался?

Ну не задавайте глупых вопросов, конечно же, американские журналисты. При этом они ухитрились раздуть миф о блицкриге до совершенно фантастических размеров, при том, что сама германская армия пока еще только осваивала этот тактический прием и вся Польская кампания была лишь провозвестником будущих успехов Панцерваффе. Если уж позволить себе красочное сравнение, то пока можно было говорить только о далеких зарницах на горизонте. Пока долетают приглушенные громовые раскаты, но еще не ударила ни одна молния.

Если мы бесстрастно проанализируем действия немецкой армии во время Польской кампании, то окажется, что лишь одно из сражений соответствует постулатам блицкрига. Мы говорим, конечно же, о сражении на Бзуре, где были окружены и уничтожены две польские армии. Другое дело, что сама кампания оказалась скоротечной и можно было говорить о молниеносной войне.

Впрочем, начиналось все далеко не блестяще. Выяснилось, что разгром в Первой мировой войне и межвоенные годы не прошли бесследно даже для считавшейся образцовой немецкой военной машины. Она стала далеко не образцовой и не вполне машиной, потеряв слаженность и безотказность.

Сбои и проблемы начались еще до начала войны. Говорят, что план любой военной операции существует только до первого выстрела, но почитайте, что творилось в штабе немецкого IV армейского корпуса накануне Польской кампании, то есть задолго до первого выстрела. Стройный немецкий порядок развеялся, как пыль на ветру, и перед нами предстает нечто, более всего напоминающее сумасшедший дом.

Итак, Вермахт готовится к вторжению в Польшу, оперативный план «Вайсс» разработан в деталях. Остается запустить прославленную немецкую военную машину. IV корпус состоит из трех пехотных дивизий: 4, 14 и 24-й. Обратите внимание на совершенно неслучайный подбор номеров. Хваленый немецкий *Ordnung* в полном блеске. Командир корпуса фон Шведлер и начальник штаба Модель решают сложные проблемы. ОКХ избегало объявления мобилизации, чтобы не насторожить поляков. Когда 28 августа была объявлена тревога (по дипломатическим причинам эту

дату несколько раз переносили), штаб IV корпуса получил всего 3 дня на решение целого ряда неотложных задач. Каждую из 3 регулярных дивизий корпуса предстояло перебросить к району сосредоточения за пределами военного округа. И вот совершенно неожиданно 29 августа Модель обнаруживает, что 24-я пехотная дивизия передана 8-й армии. Причем еще до начала передислокации дивизий каждый третий батальон и каждая третья рота потеряли своих командиров, а также не менее 20 процентов опытных унтер-офицеров и солдат. Они были изъяты, чтобы составить костяк формирующихся 56-й и 87-й пехотных дивизий, которые были развернуты 4 сентября на французской границе. Переброска дивизий на новые места требовала не только четкой работы штаба, но и привела к образованию брешей в рядах оставшихся частей, которые пришлось заполнять резервистами. Учитывая скорость, с какой немецкие войска выдвигались к границе, завершить доукомплектование явно не удалось.

Потеря 24-й дивизии означала, что в этой войне с самого начала корпуса будут рассматриваться как тактические штабы, которые должны руководить дивизиями, переданными для проведения конкретной операции. То есть беспорядок был заложен в самой структуре германской армии, принципиально отличающейся от периода Первой мировой войны. Если у командира и начальника штаба еще имелись какие-то сомнения на сей счет, они были рассеяны 31 августа, когда из IV корпуса была изъята 14-я пехотная дивизия и заменена 46-й пехотной дивизией из XIII военного округа. В тот же день 10-я армия передала корпусу несколько отдельных частей и подразделений, в том числе саперов, строителей, моторизованные понтонные команды, армейские артиллерийские батальоны, охранные войска, зенитные батареи и разведывательную группу Люфтваффе. IV корпус принял эти части, не говоря ни слова, и поставил им задачи.

Но на этом перестройка и перекройка не заканчиваются. Можно без труда представить, как громко ругался Модель 31 августа, когда его старый друг Фридрих Паулюс (ныне начальник штаба 10-й армии) менее чем за сутки до начала наступления позвонил ему и сообщил, что, по мнению фон Рейхенау, в IV корпусе слишком много моторизованных соединений для его вспомогательной роли. В результате моторизованный саперный батальон,

две понтонные колонны, зенитный батальон и разведывательные самолеты исчезли так же внезапно, как и появились. Обратите внимание, они пробыли в подчинении IV корпуса менее суток. А когда Модель поинтересовался, как IV корпус должен переправлять свою пехоту и тяжелую артиллерию через реку Варта, не имея никаких средств для постройки моста, Паулюс серьезно посоветовал ему захватить мост у поляков. Хуже того, ближе к вечеру 31 августа Паулюс снова позвонил Моделю и сообщил, что штаб армии решил отобрать у него 14-ю пехотную дивизию и передать ее перегруженному танками XVI корпусу, чтобы усилить удар на главном направлении. Когда Модель запротестовал — ведь теперь в корпусе оставалось всего 2 пехотные дивизии и никаких резервов для отражения вражеских контратак, — Паулюс хладнокровно ответил, что в случае необходимости можно будет использовать резерв Группы армий «Юг» — VII корпус. Записи подполковника Бейтлера сообщают, что Модель вечером 31 августа еще дважды звонил в штаб 10-й армии, так и не сумев убедить фон Рейхенау и Паулюса изменить свое решение. Если вежливый Паулюс наверняка ответил на звонки и постарался переубедить Моделя, то фон Рейхенау, если и откликнулся, наверняка просто посоветовал начальнику штаба корпуса заткнуться и выполнять поставленную задачу теми силами, которые остались.

И кто-то еще говорит, что немецкая военная машина работала с точностью часового механизма. Ну, если это и часовой механизм, то собирали его явно не в Йене, а где-то на окраине Гонконга. От немецкого *Ordnung*а остались лишь приятные воспоминания...

И все-таки немцы надеялись быстро разгромить Польшу. Собственно, у них не было иного выбора. Ведь Польша была связана оборонительными договорами с Англией и Францией, и если бы те, вступив в войну, немедленно начали активные действия на западных границах Германии, ей пришлось бы очень плохо. Впрочем, западные союзники не собирались воевать, политика умиротворения была им гораздо ближе. Они даже пытались убедить польского командующего маршала Рыдз-Смиглы не проводить всеобщую мобилизацию.

По плану «Вайсс» немецкая Группа армий «Север» должна была разгромить войска противника, находящиеся в Польском коридоре, после чего двигаться к реке Нарев, выходя в тыл польских армий, обороняющихся на Висле.

Группа армий «Юг» действовала против польских сил в Галиции и большой излучине Вислы. Кстати, здесь впервые в немецких планах появляется фраза, которая потом будет повторяться с унылой настойчивостью: «Разгромить силы противника, не доходя до водного рубежа реки N». В данном случае в уравнении N равнялось Висле. Потом это будут Сена, Днепр, Дон и так далее.

Основная часть войск Вермахта, а также практически вся авиация и танки были задействованы в операции «Вайсс». Немцы исходили из того, что война должна быть короткой (концепция блицкрига). За две недели польская армия должна быть полностью уничтожена, а страна оккупирована. Этот план строился на широком использовании авиации и прежде всего пикирующих бомбардировщиков, на которые возлагалась задача поддержки наступления подвижных соединений с воздуха. ОКХ не использовало танки для усиления пехотных дивизий — почти вся бронированная техника была сосредоточена в пяти корпусах: XIV, XV, XVI, XVIII и XIX, действующих одним кулаком. Первый признак блицкрига — массирование танков — был налицо. Эти соединения должны были найти слабые места в обороне противника, преодолеть ее с ходу и выйти на оперативный простор, выигрывая фланги польских армий. В дальнейшем предполагалось решительное сражение на окружение и уничтожение, причем пехотные корпуса должны были действовать против фронта противника, а подвижные части — атаковать его с тыла. Эта концепция ни разу не была проверена на практике и смотрелась не слишком убедительно. Даже немецкое руководство сомневалось в ее действенности, свидетельством чему — выделение 10-й танковой дивизии из состава XIX танкового корпуса в «непосредственное подчинение» командующего Группой армий «Север» и создание отдельной танковой дивизии (дивизионной боевой группы) «Кемпф», не включенной в состав танковых корпусов.

Но если посмотреть беспристрастно, состояние Панцерваффе отвечало условиям войны с Польшей (при некоторых натяжках), но ни с каким более серьезным противником. Немцы имели в дей-

ствующей армии и резерве 1445 танкеток T-I (ну не поворачивается язык назвать это существо танком), 1223 — T-II, 202—35(t), 78 — 38(t), 98 — T-III, 211 — T-IV и 215 танков управления. Что из этого набора могло воевать, а что нет — судите сами.

Все знают, что Вторая мировая война началась с залпов старого немецкого броненосца «Шлезвиг-Гольштейн» по польским укреплениям Вестеплатте. Но многие ли в курсе, что командир броненосца проявил «разумную инициативу» и начал обстрел за 45 минут до назначенного срока? Мы еще не раз увидим, как немецкие командиры начинают стрельбу раньше, чем положено, нарушая приказы и выставляя свою страну агрессором. Благодаря вот таким «инициативам» у гитлеровской Германии не оставалось даже формальных зацепок, чтобы сослаться на законное объявление войны.

Наступление на севере развивалось без особых осложнений, так как здесь немцы имели слишком большое превосходство в силах. Впрочем, не обошлось без сюрпризов. При наступлении на польские позиции севернее Млавы 7-й танковый полк (дивизия «Кемпф») налетел на баррикаду, сооруженную из железнодорожных платформ. Несколько танков завязли на баррикаде, после чего полк повернул на запад. Еще несколько танков были уничтожены защитниками, пока пытались найти брешь в заграждении. Атака провалилась, и немцы были вынуждены отойти назад. В 18.30 генерал Кемпф сообщил в штаб 3-й армии: «Атака завершилась катастрофой. Ужасные потери в танках, общее количество неизвестно. Атаковать здесь бессмысленно».

Выяснилось, что полк потерял 72 из 184 имевшихся танков. Немцы сами выбирали место и время, но ничего не добились. Можно ли считать провал первой массированной танковой атаки Панцерваффе неким символом? Не знаю. Но такой факт имел место быть.

Впрочем, так обстояло дело далеко не везде. 2 сентября наступавшая чуть восточнее группа «Водриг» прорвала польские позиции и двинулась на юг. Чтобы развить успех, командующий 3-й армией генерал Кюхлер сразу перебросил туда потрепанную дивизию «Кемпф». Блицкриг начал приобретать формы, ставшие позд-

нее привычными, сразу проявилась даже такая черта, как растерянность командования защищающейся стороны. Оно просто не успевало реагировать на стремительные изменения обстановки. Хотя непосредственно на Млаве польские войска удерживали свои позиции, немецкие танки уже находились у них в тылу. Поэтому командующий армией «Модлин» генерал Пшеджимирский приказал отступать. На марше польская пехота была атакована немецкой авиацией и понесла большие потери. Знакомая картина, не правда ли?

Бои в Польском коридоре тоже не затянулись. Немецкая 4-я армия сразу начала наступление на широком фронте, используя превосходство в силах. При этом 3-я танковая дивизия прорвала слабую польскую оборону и двинулась дальше, стремясь отрезать польские дивизии на севере коридора. В результате оперативная группа «Черск» и 9-я пехотная дивизия попали в окружение. Их сопротивление не затянулось, и 3 сентября все закончилось. Командир 9-й дивизии вышел из окружения вместе с 3 офицерами и 20 солдатами. Эта картина нам тоже до боли знакома. Хотя, если посмотреть на карту, становится понятным, что особой заслуги немцев в этом успехе не было. Разгром армии «Поможе» предопределила география.

Ну и как дополнение к описанию боев в Польском коридоре — маленькая история под названием «Миф внутри мифа». Всем известна знаменитая фраза Гудериана: «Польская поморская кавалерийская бригада из-за незнания конструктивных данных и способов действий наших танков атаковала их с холодным оружием и понесла чудовищные потери». Из нее делается вывод о непроходимой тупости поляков, пытавшихся саблями рубить крупповскую броню. Конечно же, это полный вздор. Но опровергать мифы тоже следует аккуратно, чтобы не родить другие. Вот что пишет известный автор А. Бушков:

«1 сентября 1939 г. возле деревни Кроянты 18-й уланский полк польской кавалерии под командованием полковника Маштелажа пошел в атаку не на танки, а на 20-ю дивизию немецкой мотопехоты, чье продвижение остановил и какое-то время успешно сдерживал. Другие кавалерийские атаки проходили опять-таки не

против танков, вдобавок по всем правилам войны — при поддержке бронетехники и артиллерии. Кроме того, следует помнить: слова «атака польской кавалерии» еще не обязательно означают несущуюся в чистом поле кавалерийскую лаву. В составе знаменитой Десятой кавалерийской бригады кроме 10-го конно-стрелкового и 24-го уланского полков были еще подразделения танков, бронеавтомобилей, противотанковая и зенитная артиллерия, саперные батальоны и даже эскадрилья штурмовиков огневой поддержки, однако при описании боевых действий сплошь и рядом упоминалась просто «десятая кавалерийская бригада», что само по себе могло порождать недоразумения...»

Но его рассказ — это тоже миф. Все обстояло гораздо прозаичней и обыденней. Польские кавалеристы атаковали расположившийся на отдых немецкий батальон, причем действительно в конном строю. Немцы запаниковали и начали разбегаться, понеся при этом заметные потери. Но, к несчастью для поляков, тут же в лесу стояли немецкие бронетранспортеры. И когда водители и пулеметчики опомнились, они вывели свои машины из леса. Начался расстрел польской конницы, остатки которой в панике бежали. Кстати, погиб и полковник Маштелаж. Когда на следующий день поле боя посетил итальянский корреспондент, ему рассказали, что польские конники атаковали танки. Вот, собственно, и все. Никого, кстати, эта несчастная кавбригада не задержала.

А теперь обратимся к событиям на юге, где в составе 10-й и 14-й армий были сосредоточены почти все немецкие танковые дивизии. Они должны были сокрушить польские армии «Лодзь» и «Краков», форсировать реку Варта, окружить польские части, а потом двигаться на Варшаву. Сначала немцы продвигались спокойно, так как польская линия обороны была расположена на некотором удалении от границы. Но потом 4-я танковая дивизия задержалась, пытаясь сломить сопротивление поляков. От огня противотанковой артиллерии она потеряла несколько танков. Больший успех немцы имели южнее, где на польскую армию «Краков» обрушились три корпуса. 1-я танковая дивизия сразу вклинилась между двумя польскими армиями, а 7-я польская дивизия была атакована сразу тремя немецкими. Польский фронт

сразу начал трещать. Хотя Волынская кавалерийская бригада удержала немецкую 4-ю танковую дивизию еще на один день, 7-я дивизия начала поспешно отступать. При этом поляки не успели взорвать один из важных мостов через Варту, который был захвачен 1-й танковой дивизией. Это заставило командующего армией «Краков» генерала Шиммеля скомандовать общий отход.

Большой блицкриг немцам удался. Уже 3 сентября польская армия отступала по всему фронту, при этом часть ее соединений уже была разгромлена или вообще уничтожена. Поляки еще не сложили оружия, более того, они попытались нанести удар во фланг наступающей с севера на Варшаву 3-й армии. Однако немцы сами задумали обходной маневр, и 3-я армия начала движение на восток, чтобы выйти в тыл польским войскам в районе Варшавы. В ходе встречных боев 5 и 6 сентября польские 41-я и 33-я дивизии были разгромлены. В это же самое время немецкая 8-я армия не без проблем, но сломила сопротивление поляков на рубеже Варты.

И здесь сказался один из пороков польской системы командования. Если мы обратим внимание на состав сил обоих противников, то увидим, что немцы имели 5 армий, объединенных в 2 группы, то есть четко построенную иерархическую лестницу. Зато поляки имели 7 отдельных армий плюс еще 2 независимые оперативные группы. По ходу дела поляки формировали еще некие временные соединения. И все их действия должен был контролировать единый центр в лице маршала Рыдз-Смиглы. Но с учетом рухнувшей системы связи все это кончилось разрозненными и неорганизованными перемещениями дивизий и бригад. В результате провалились все попытки встречных контрударов, атаки же отдельных полков и батальонов немцы отбивали без особого труда.

Вдобавок к этому времени резко ухудшилось положение на крайнем южном фланге. Немецкий 5-й корпус и словацкая армейская группа «Бенолак» наконец-то продрались через лесистые хребты Татр и вышли с юга к старинной польской столице Кракову. Поляки, уповая на естественную силу оборонительного рубежа, не имели здесь практически никаких сил, кроме отдельных застав. Кстати, признаться честно, я сам только, работая над этой книгой, узнал об участии Словакии в фашистской агрессии с первого же дня Второй мировой войны.

Поляки не сумели оказать упорного сопротивления на всем

протяжении линии фронта, и это неожиданно принесло им определенную пользу. Польские дивизии отступали так быстро, что немцы не сумели реализовать основную идею плана «Вайсс» — уничтожить главные силы противника западнее Вислы. Мы уже рассказывали, какой бардак царил в немецких штабах перед началом военных действий. Сейчас эти разногласия и споры вспыхнули с новой силой. Рундштедт считал, что нужно как можно быстрее двигаться в глубь польской территории. Гальдер по-прежнему настаивал на окружении польских войск в районе Кельце — Лодзь.

Вдобавок ОКХ продолжали терзать «смутные сомнения» касательно возможного хода военных действий на Западном фронте. Ведь там французы (английский корпус пока еще на континент не прибыл) имели как минимум трехкратное превосходство. Однако французская армия не шевельнулась. Почему? Внятного ответа на этот вопрос нет и уже никогда не будет. Мне хочется предложить одну версию, справедливость которой нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Впрочем, как и других, которые считаются официально утвержденными. Как мы помним, союзники объявили войну Германии только 3 сентября. К этому дню поляки уже отдали **всю** западную границу, а армия «Поможе» уже была уничтожена. Сомнения и без того колебавшихся французов могли заметно окрепнуть. А стоит ли надрываться ради уже разбитого союзника? Перефразируя Бисмарка: стоит ли Померания костей хоть одного французского гренадера? И генерал Гамелен решил: не стоит. Утверждения, будто он ожидал, что поляки продержатся три или четыре месяца, выглядят явно несерьезно. Первые же три дня войны показали, что это чистая фантастика. Вероятно, он предполагал развитие событий по сценарию прошлой войны с той только разницей, что теперь французская армия будет отсиживаться не в полевых укреплениях, а в бетонных казематах линии Мажино. И досидится там до полной победы. Ограниченное наступление, начатое в Сааре 4 сентября, уже 7 сентября было остановлено, а 12 сентября французские войска вернулись на исходные позиции. На этом завершилось их участие в Польской кампании.

Причины, подтолкнувшие маршала Рыдз-Смиглы принять предложение командующего армией «Познань» генерала Кутшебы и нанести контрудар по северному флангу немецкой 8-й ар-

мии, тоже остаются сокрытыми во мраке. С самого первого дня войны эта армия занимала крайне выгодное положение — перед ней находились только немецкие дозоры, главные бои шли севернее и южнее. Но армия не двинулась с места. Позднее 8-я армия просто нарочно подставила Кутшебе свой фланг, и снова генерал предпочел переложить ответственность на главнокомандующего. Однако маршал Рыдз-Смиглы спохватился, лишь когда положение стало отчаянным. Кстати, немцы видели эту опасность, Рундштедт предупреждал командующего 8-й армией генерала Бласковица о возможных контрвыпадах поляков, но все опасения развеяла немецкая разведка. Абвер сообщил, что армия «Познань» по железной дороге переброшена в Варшаву! В войне против Польши подобные ошибки сходили немцам с рук. В войне против Советского Союза они очень дорого заплатили за неспособность абвера получать хотя бы мало-мальски достоверные сведения о противнике.

Вечером 9 сентября поляки силами 3 пехотных дивизий и 2 кавалерийских бригад обрушились на левофланговые пехотные дивизии Бласковица — 24-ю и 30-ю, которые растянулись по дорогам, изо всех сил стараясь догнать ушедшие вперед танковые дивизии. К вечеру 10 сентября они начали отступать, поляки даже захватили 1500 пленных из состава 30-й дивизии. Однако это была маленькая локальная удача, так как наступление было организовано плохо, а вскоре более 10 польских дивизий оказались окружены в районе Кутно.

Когда стало ясно, что контрудар особых выгод не принес и ударная группировка оказалась в опасном положении, маршал Рыдз-Смиглы приказал ей отходить на юг к румынской границе. Это был, как бы выразиться помягче, неразумный приказ, и генерал Кутшеба решил вместо этого пробиваться к Варшаве. Однако немецкие танковые дивизии нанесли удар первыми. Именно здесь впервые панцер-генералы в полной мере использовали поддержку Люфтваффе. 16 сентября 820 самолетов нанесли мощный удар по дивизиям Кутшебы. Однако польский генерал сумел нащупать слабое место в кольце окружения — на севере позиции занимала только 4-я танковая дивизия. Именно здесь впервые была продемонстрирована важность поддержки прорвавшихся танков мотопехотой. Остатки польских кавалерийских бригад — сводная кавалерийская бригада генерала Абрахама, а также 2 пехотные дивизии — сумели ускользнуть. Поляки сопротивлялись еще два дня, а

потом еще трое суток немцы провозились с ликвидацией отдельных очагов сопротивления. В плен попали 120 000 солдат. Первая операция малого блицкрига состоялась и завершилась успехом, хотя заслуги немцев в этом почти не было, к 17 сентября в северной части Польши остались лишь разрозненные мелкие очаги сопротивления. Любой, кто интересуется военной историей, может с ходу назвать несколько подобных случаев, когда атакующий сам залезает в мешок, который остается только захлопнуть. И мы еще увидим такие примеры.

Позднее немецкие генералы признавали, что, если бы это контрнаступление на Бзуре было начато раньше, оно принесло бы им гораздо больше неприятностей. Однако говорить, что ход кампании изменился бы, не следует. Дело в том, что уже первые бои продемонстрировали, что в двух компонентах немцы имеют решающее превосходство над противником. Первый — это гораздо большая мобильность войск. Они могли быстро перебрасывать подкрепления на угрожаемый участок с самых отдаленных секторов. Второй — налаженная система связи. Тот же самый Кутшеба просто не получил возможности собрать все силы, которые могли участвовать в контрнаступлении, а Рыдз-Смиглы быстро потерял контроль над многочисленными армиями, разбросанными по всей стране. Самое печальное для союзников, что они этого не заметили, и в ходе весенней кампании 1940 года французская армия страдала от тех же самых проблем.

Интересно отметить, что Польская кампания носит фрагментарный характер, распадаясь на несколько отдельных эпизодов, слабо связанных между собой. Первый — это приграничные сражения, которые длились не более 4 или 5 дней. Это позволяет с полным основанием назвать Польскую кампанию молниеносной. Затем последовали бои на Бзуре, причем эта операция выглядела достаточно случайной и совсем не была обусловлена предыдущим развитием событий. И, наконец, третий эпизод — оборона Варшавы. Она делает честь польским солдатам, но эти бои уже не имели никакого военного и политического значения, потому что война давно уже была проиграна.

В этой связи хочется высказать крамольную мысль. Утверждение, что немцы пошли на огромный риск, сосредоточив почти все свои силы против Польши и оголив Западный фронт, давно уже

перешло в категорию «все и так знают». Но если попытаться рассмотреть ситуацию объективно, то выяснится, что этот риск был скорее теоретическим. Неуклюжая и не завершившая мобилизацию французская армия не могла начать генеральное наступление сразу после объявления войны 3 сентября, а уже 7 или 8 сентября, в случае острой необходимости, немцы могли начать переброску сил на запад. Это лишь отсрочило бы конец Польши на неделю-другую. К тому же, как показали дальнейшие события, действия французов были бы столь же замедленными и неудачными, как и поляков. Французская армия была не готова к современной войне, поэтому риск для немцев был минимальным.

Добавим, что знаменитая статья в журнале «Тайм» появилась 29 сентября, судя по всему, во многом под впечатлением массированных бомбардировок Варшавы. Напомним, что первый массированный налет был произведен 23 сентября, а самый сильный последовал 25 сентября. В нем участвовали 1300 немецких самолетов. Пользуясь тем, что польская авиация была полностью уничтожена, немцы привлекли к бомбардировкам даже транспортные самолеты Ju-52. 27 сентября гарнизон Варшавы капитулировал, немцы взяли в плен еще 140 000 польских солдат. То, что крепость Модлин продержалась до 29 сентября, уже никого не интересовало и ничего не меняло.

Немцы также понесли заметные потери, хотя назвать их тяжелыми никак нельзя. Они лишились 674 танков, из которых 217 были уничтожены. Однако сами же немецкие историки сообщают, что из поврежденных примерно треть не подлежала восстановлению, в основном это были T-I и T-II. При анализе результатов боев выяснилось, что легкие дивизии совершенно неэффективны, и их отправили обратно в Германию для переформирования. Четыре из них получили по танковому полку и еще позднее превратились в настоящие танковые дивизии. Моторизованные дивизии оказались тяжеловесными и неповоротливыми, поэтому у каждой из них отняли по моторизованному полку, что позволило увеличить общее количество моторизованных соединений.

Резюме. Польская кампания дала первые примеры тактики блицкрига, хотя они во многом были обусловлены случайными факторами. Немцам удались две операции на окружение, однако

в Польском коридоре все было решено географией театра, а в ходе боев на Бзуре генерал Кутшеба сам загнал свои дивизии в ловушку, хотя не следует винить его слишком сильно. Он не представлял себе, насколько выше мобильность немецких соединений, поэтому не видел особой опасности для себя.

Глава 5

ЭТАЛОН БЛИЦКРИГА

Полагаю, всем, кто изучает военную историю, известно это сражение. Один из противников, соблазнившись внешне благоприятной возможностью, ослабил центр позиции, двинув крупные силы для атаки вражеского фланга. Другой воспользовался предоставленной ему возможностью, нанес удар прямо по ослабленному центру, прорвал его, прижал вражеские войска к водной преграде и уничтожил их, хотя отдельным группам и посчастливилось ускользнуть. Узнаете? Правильно, Аустерлиц, 1805 год. В смысле, Седан, 1940 год. Странная параллель? Но если вы вдумаетесь, то будете вынуждены признать, что во многом параллель справедливая. Самая блестящая, самая известная победа Наполеона. Самая известная победа Вермахта. Но на этом сходство не заканчивается. Как у Наполеона, так и у немцев дальнейшие победы Вермахта вели Германию прямо в пропасть.

Итак, после нескольких месяцев странной войны немцы, которые высвободили свои основные силы, разгромившие Польшу, решили перейти к активным действиям. Первоначальный план наступления представлял собой почти точную кальку незабвенного плана Шлиффена и предусматривал удар по левому флангу французской армии — через Бельгию и Люксембург. Одновременно войска на линии Мажино должны были ложными атаками создать у французов впечатление, что наступление готовится именно здесь. Но это коротенькое слово «почти» означало достаточно серьезные изменения. «*Aufmarschanweisung № 1, Fall Gelb*», составленный Гальдером, предусматривал тупой лобовой удар миллионной армии с целью отбросить французов за реку Сомма. Никаких маневров, никаких обходов. Гитлеру этот план не нравился, но, за неимением альтернатив, пришлось согласиться.

Началу наступления предшествовала целая настоящая детективная история, и даже не одна. Все началось 10 января 1940 года, когда легкий связной самолет Люфтваффе из-за сильного тумана разбился на территории Бельгии. Немедленно примчавшиеся пограничники увидели немецких офицеров, которые жгли какие-то бумаги. Пограничники сделали несколько выстрелов в воздух, и немцы сдались. Однако немного позднее майор Рейнбергер, который вез эти бумаги, устроил драку в помещении пограничного поста. Он пытался разорвать обгоревшие клочки бумаги, вырвать револьвер у бельгийского капитана, набить ему морду. В общем, вел себя очень достойно.

Причины для беспокойства у Рейнбергера были самые веские. В руки бельгийцев попал экземпляр оперативного приказа по 2-му Воздушному флоту, в котором раскрывался план немецкого наступления и были расписаны задачи частям и соединениям флота. Когда об этом стало известно Гитлеру, он пришел в бешенство. С присущим ему темпераментом он пообещал расстрелять весь свой Генеральный штаб, это «скопище дураков и изменников». Правда, гора родила мышь. Все завершилось снятием со своего поста командующего Воздушным флотом генерала Гельмута Фельми и заменой его Кессельрингом.

И тут, буквально накануне начала наступления, возник Манштейн, который тогда занимал пост начальника штаба Группы армий «А». 12 января он, с разрешения командующего группой армий Рундштедта, которому тоже не нравился план Гальдера, направил в ОКХ меморандум, в котором утверждал — достаточно резонно, — что теперь перспективы наступления становятся неясными. Манштейн пытался доказать, что его реализация приведет к повторению кровопролитных и бессмысленных окопных боев. Утверждение более чем спорное. Однако главным в меморандуме Манштейна было другое — он предлагал принципиально иной план. В разработке операции ему помогал Гудериан, случайно оказавшийся в это время в штабе группы армий.

Согласно этому плану главный удар предлагалось нанести южнее — в районе Седана, чтобы отсечь армии союзников, выдвигающиеся в Бельгию. Манштейн безапелляционно утверждал: «Только реализация этого плана даст в результате решительную победу над французской армией». ОКХ поступило именно так,

как и положено поступать любой нормальной бюрократической конторе, и отфутболило меморандум наверх, в ОКВ, предоставив право решать начальству. Гальдер заявил, что предложение Манштейна выйти к Седану на пятый день операции абсурдно. Манштейн подверг ОКХ массированной бомбардировке планами, направив туда 7 меморандумов за два месяца.

Чтобы избавиться от назойливого подчиненного, Гальдер избрал самый верный способ: убрать его с повышением. Манштейна назначают командиром корпуса и переводят к новому месту службы — в Восточную Пруссию. 30 января, после инцидента с самолетом, утверждается новый вариант плана Гальдера. То есть ошибаются те историки, которые заявляют, будто именно этот инцидент привел к принятию плана Манштейна.

Однако положить под сукно план Манштейна не удалось. Результаты двух штабных игр подтвердили, что в целом он прав. Более того, с помощью закулисных маневров удалось добиться вызова Манштейна в Берлин, где он 17 февраля представил свой план Гитлеру. И фюрер его одобрил! После этого Гальдер уже не осмелился возражать. После этого события понеслись галопом. 24 февраля Браухич подписывает новый вариант оперативного плана «Гельб», но при этом Гальдер все-таки ухитряется внести в него свои коррективы, которые фактически выхолащивали идею Манштейна. Удар предусматривался, но за ним не следовало развития успеха.

Началась перегруппировка сил и подготовка, и требовалось только назначить командующего ударной группировкой. Было бы естественно увидеть на этом посту одного из панцер-генералов, в первую очередь Гудериана. Однако, увы, он имел один серьезный недостаток: временами, в самый неподходящий момент, проявлял пессимизм. Вот и сейчас он позволил себе в присутствии Гальдера брякнуть, что не уверен в успехе, потому что танковая операция спланирована неверно. (В скобках заметим — это была чистая правда.) В результате главный удар нанесла танковая группа «Клейст», а не танковая группа «Гудериан», хотя старый кавалерист Эвальд фон Клейст вряд ли был идеальным командиром для такой операции. Гудериан так и остался командиром XIX танкового корпуса. В состав танковой группы вошли XIX танковый кор-

пус (Гудериан), XLI танковый корпус (Рейнхардт), XIV моторизованный корпус (фон Витерсгейм).

Чтобы яснее представить происходившее потом, необходимо привести численный состав немецких танковых сил. На 1 мая 1940 года в сухопутных войсках числилось: 1077 — T-I, 1092 — T-II, 143 — 35(t), 238 — 38(t), 381 — T-III, 290 — T-IV и 244 командных танка, хотя действительная численность танковых полков, конечно, была меньше. Но обратите внимание, из 3465 танков 1077, или 31%, — это совершенно ни на что не годные T-I, а еще 1092 танка, или 31%, — ограниченно годные T-II. То есть фактически две трети Панцерваффе годились только для парадов.

И вот после 9 месяцев затишья Западный фронт пришел в движение. Первая молния сверкнула вечером 9 мая 1940 года, когда германские войска начали вторжение в Люксембург. Ночь. Парашютисты генерала Штудента высадились в нескольких местах на территории Бельгии и Голландии. Самым замечательным их успехом стал захват мощного бельгийского форта Эбен-Эммаэль. Эта операция заслуживает отдельного подробного описания, но нас она интересует лишь в том плане, что теперь была открыта дорога войскам Группы армий «Б». В открывшуюся брешь рванулись дивизии XVI танкового корпуса Эриха Геппнера.

Это окончательно убедило французов, что немцы снова действуют согласно плану Шлиффена. Генерал Гамелен приказал начать выдвижение войск на север, в Бельгию. Реакция немецкого командования была предсказуемой: «Ради бога, только не мешайте им!» Ведь чем больше войск окажется внутри планируемого котла, тем лучше. Ошибку усугубил Черчилль, который настоятельно требовал ввести войска на бельгийскую территорию и настаивал на переброске новых подкреплений именно для этого. Можно сказать, что англичане и французы принялись радостно заталкивать друг друга в расставленный капкан.

Одновременно была реализована одна из идей блицкрига — использование господства в воздухе. Люфтваффе нанесли удар по «мирно спящим» англо-французским аэродромам. Правда, генерал д'Астье в своем рапорте утверждал, что в результате удара по

50 аэродромам было уничтожено всего 4 самолета, а еще 30 — повреждены. Верить этому или нет — дело ваше.

Командующий французской 2-й армией генерал Хюнтцигер приказал 2-й и 3-й легким механизированным дивизиям нанести удар во фланг Геппнеру. Немцы находились в сложном положении, поскольку уже начали испытывать проблемы с топливом. Их пехота и артиллерия начали отставать. Но снижать темп наступления никто не собирался. Командир 4-й танковой дивизии генерал-лейтенант Штевер потребовал организовать доставку топлива по воздуху.

В результате 12—13 мая в районе Ханнута состоялось крупнейшее на тот момент танковое сражение, в котором участвовало около 1200 танков. Началось все со стычки авангардов, но постепенно в бой втянулись главные силы 4-й танковой дивизии. Увы! Эта дивизия имела на вооружении танки T-I и T-II, боевые качества которых мы уже рассматривали. Им противостояли «Сомуа» S-35 и «Гочкисс» H-35. Столкновения с французскими танками они не могли выдержать, а снаряды даже 25-мм пушек прошивали их тонкую броню, как иголка лист бумаги. Немецкие же пушки ничего не могли сделать с 40-мм броней. Помните отчеты по Гражданской войне в Испании? Вот где аукнулось решение «отложить и подождать».

Все это вылилось в форменный анекдот. Командир одного из немецких танков, придя в полное отчаяние от своей беспомощности, вскарабкался на «Гочкисс» и попытался молотком разбить призмы смотровых приборов, но сорвался и был раздавлен гусеницами.

На второй день Геппнер сосредоточил обе свои танковые дивизии и при поддержке авиации мощным ударом прорвал фронт. Французы, которые равномерно размазали свои танки вдоль линии фронта, не смогли оказать сопротивления и начали отступать. Заметьте: пока еще только отступать, а не бежать, потеряв голову. Примечательно то, что даже после начала боя командир французского корпуса генерал Приу так и не решился свести свои силы в один кулак.

Позднее французы утверждали, что подбили около 160 немецких танков, потеряв 120 своих. Однако поле боя осталось за немцами, которые впоследствии смогли отремонтировать многие

из поврежденных машин. Их безвозвратные потери составили всего 50 танков.

Нужно отметить, что это было не просто первое танковое сражение Второй мировой войны. Это было знаковое событие, наглядно показавшее разницу в военных доктринах. Немцы отмечали, что даже броня и мощное вооружение не помогают французам, так как их танки имели органические пороки, снижающие боевую эффективность. Заметьте, здесь ясно проступает разница между бумажными характеристиками и реальной боевой ценностью даже не танка, а танкового соединения. Кроме того, выяснилось, что французы неспособны организовать взаимодействие разных родов войск, что позволило таким тихоходным самолетам, как Ju-87 и Hs-123, безнаказанно действовать над полем боя.

В это время уже начинает становиться заметной разница в настояниях немецких генералов в высших штабах и на поле боя. Геппнером овладела «победная лихорадка», и 14 мая он бросил свои дивизии на окопавшуюся французскую пехоту. Результат оказался вполне предсказуемым: 42 танка были сожжены за один день. В итоге в составе 4-й танковой дивизии осталось всего 137 танков из 314, имевшихся 6 дней назад. Конечно, не все танки были потеряны безвозвратно, часть их можно было отремонтировать, и их отремонтировали. Однако потери в личном составе восполнить было гораздо сложнее.

В центре продвижение Группы армий «А» сначала было медленным, но сражались немцы не столько с противником, сколько со скверными дорогами. При этом танковые колонны были надежно прикрыты с воздуха истребителями, поэтому союзники оставались в блаженном неведении относительно готовящегося удара. Кстати, считаю необходимым особо подчеркнуть: через Арденны танковые корпуса просто двигались, а не прорывались с боем. Это важно для понимания того, что произошло здесь же в 1944 году. 12 мая немцы вышли на берега реки Маас, где дальнейший путь был блокирован крепостью Седан. Французы были убеждены, что для штурма Седана немцам придется собрать крупные силы пехоты, подтянуть тяжелую артиллерию, а все это дело долгое, и подготовить штурм удастся не ранее 20 мая. Это

примерно совпадало с расчетами Гальдера. В первый, но далеко не в последний раз генералы старой школы не понимают характера современной войны и просто не успевают за событиями. Командующий 2-й армией генерал Хюнтцигер приказал 71-й пехотной дивизии выдвинуться в район Седана и отвел на переход в 50 километров целых два дня. В результате XIX танковому корпусу противостояла одна 55-я пехотная дивизия, но и ее командир, генерал Лафонтен, не слишком беспокоился. Он полагал, что у него есть время получше оборудовать позиции и подготовиться к удару немцев. Однако у Гудериана имелся собственный план. Он не собирался давать французам «от четырех до шести дней», на которые они рассчитывали. Гроза собиралась очень долго, и вот ударила первая молния блицкрига.

13 мая полки мотопехоты 1, 2 и 10-й танковых дивизий начали форсирование реки, вот только вместо артиллерийской подготовки немцы использовали авиацию. Геринг пообещал Гудериану бомбовый удар неслыханной мощи и, как это ни странно, свое обещание выполнил. 9 бомбардировочных эскадр совершили в течение дня 3940 вылетов, засыпав позиции французской пехоты градом бомб. Непосредственную поддержку немецкой пехоте оказывали пикировочные эскадры, которые совершили около 300 вылетов. Можно только удивляться, почему французская оборона не рассыпалась сразу, поскольку часть укреплений сумела продержаться до вечера. Вот как это описывает очевидец:

«Примерно в полдень появились «Штуки». Сотни самолетов в плотном строю. «Штуки» действовали тремя группами примерно по 40 самолетов каждая. Первая заходила в пике с высоты 5000 футов по два или три самолета за раз, пока вторая кружила на высоте 12 000 футов, следя, какие цели не будут уничтожены первой группой. После этого она сама атаковала их. Третья группа действовала отдельно, выбирая движущиеся цели. После «Штук» за работу снова принялись «Дорнье». Вокруг них жужжали Ме-109 и более тяжелые Ме-110, расстреливая более тихоходные французские истребители, которые пытались атаковать уязвимые «Штуки».

Взрывы тяжелые бомб буквально переворачивали батареи,

уничтожали орудия. Грязь и пыль заклинивали зенитные автоматы. Наблюдатели в бетонных бункерах ничего не видели из-за дыма и пыли. Все телефонные линии были разорваны. Шум стоял просто ужасающий».

У страха глаза велики, и моральный дух французов был сломлен. Первой бежала артиллерия, бросив пехоту на произвол судьбы. В 14.30 открыла огонь немецкая артиллерия. При этом Гудериан нашел своим зениткам, временно оставшимся без дела, необычное применение. Они открыли огонь прямой наводкой по французским бункерам и дотам. В результате части 1-й танковой дивизии вклинились в глубь обороны, после чего не выдержала и французская пехота. Охваченная паникой 55-я дивизия бежала, бросив даже неатакованные участки фронта. «Толпа беженцев безостановочно текла через деревню. Все подразделения дивизии, находившиеся в этом районе, — боевые части, штабы полков, колонны снабжения, автопарки — все бежали на юг. Все офицеры словно получили неизвестно откуда приказ отступать», — с горечью вспоминал генерал Лафонтен. В результате к утру 14 мая фронт был прорван, причем ни один немецкий танк еще даже не успел переправиться через реку.

Немецкие саперы сразу начали наводить понтонный мост на участке 1-й танковой дивизии, которая добилась наибольших успехов. Французское командование осознало, чем грозит переправа немцев через Маас, хотя истинных масштабов опасности оно не представляло. Было решено попытаться уничтожить переправы ударом с воздуха. Но, как говорится, если двое делают одно и то же, совсем не обязательно, что у них получится одно и то же. Немецкая авиация свою задачу выполнила. Союзная — нет. Гудериан собрал в районе переправ огромное количество зениток. Основу ПВО составил 102-й зенитный полк, к которому добавились зенитные подразделения дивизий корпуса. Всего удалось собрать 302 зенитных орудия. Также было организовано патрулирование истребителей.

Союзники бросили на уничтожение переправы 152 бомбардировщика и 250 истребителей. Небо над Седаном превратилось в

пылающую топку. В результате союзники потеряли 114 бомбардировщиков (в основном английских) за один день.

Чтобы подбодрить солдат, Гудериан демонстративно расположился именно на мосту. Более того, когда командующий Группой армий «А» Рундштедт прибыл к Гудериану, тот решил рапортовать ему на том же мосту в разгар очередного налета. Вот что пишет об этом он сам: «Между тем 2-я танковая дивизия форсировала Маас у Доншери и готовилась к наступлению на высоты вдоль южного берега реки. Я поехал туда, чтобы ознакомиться с ходом боя. Встретив ответственных командиров полковников фон Верста и фон Притвица в боевых порядках частей и поговорив с ними, я снова вернулся к Маасу. Там самолеты противника начали интенсивную бомбардировку. Но чрезвычайно храбро атаковавшим французским и английским войскам все же не удалось достичь моста. Потери их были велики. Зенитная артиллерия праздновала свой день, она стреляла отлично. К вечеру она имела на своем счету около 150 сбитых самолетов. Впоследствии командир полка полковник фон Гиппель был награжден орденом «Рыцарский крест».

Между тем 2-я танковая бригада непрерывным потоком переправлялась через реку. В середине дня, к нашей общей радости, нас посетил командующий армейской группой генерал-полковник фон Рундштедт, чтобы ознакомиться с обстановкой. Я встретил его с докладом на середине моста как раз во время нового воздушного налета. Он сухо спросил: «Здесь всегда так?» Я мог чистосердечно подтвердить это. Затем он очень тепло поблагодарил храбрые войска».

Впрочем, помимо зенитчиков отличились и летчики. В истребительных эскадрах II авиакорпуса 14 мая позднее стали называть «Днем истребителей». Но самым главным было то, что к вечеру 600 танков переправились через реку — Гудериан приказал подтянуть и танковые полки 2-й дивизии, которая не сумела расширить свой плацдарм.

Немецкое командование (Рундштедт и фон Клейст) предпочитало действовать испытанными старыми методами, не понимая стремительного характера блицкрига. Поэтому Гудериан получил приказ закрепиться на плацдарме, подтянуть тылы и лишь потом

думать о продолжении наступления. Однако Гудериан думал иначе. 14 мая он двинул свои танковые дивизии дальше. 1-я и 2-я наступали на запад, расширяя прорыв, а 10-я дивизия, при поддержке моторизованного полка «Гроссдойчланд», нанесла удар на юг в тыл линии Мажино. Это предусматривалось первоначальным планом Манштейна, но лишь в качестве обманного маневра, чтобы как можно дольше держать французов в неведении относительно направления главного удара. Однако командующий французской 2-й армией генерал Хюнтцигер сам решил немедленно нанести удар по немецкому плацдарму с этого направления.

Командир X корпуса генерал Грансар сумел наскрести для атаки 4-й и 7-й танковые батальоны, вооруженные танками FCM-36, которые классифицировались как танки поддержки пехоты. Их главным недостатком была скорость — не более 24 км/ч, ведь такому танку нет нужды обгонять пехотинца. Танки должны были поддержать 205-й и 213-й пехотные полки. Однако немедленная атака не получилась. Паника уже начала разъедать французскую армию, словно кислота. Командир 213-го полка убедил генерала Лафонтена не двигать его полк навстречу толпе беженцев во избежание полного хаоса. Командир 7-го танкового батальона заявил, что не получал никакого приказа. 205-й полк тоже задержался, чтобы пропустить беженцев. Командир 4-го танкового батальона просто решил остановиться на ночь. В результате лишь утром 14 мая французы собрались с духом, причем атаковали только 4-й танковый батальон и 213-й полк. Завязались встречные бои, которые во многом повторили опыт описанных выше столкновений возле Ханнута.

Первые стычки завершились не в пользу немцев, которые потеряли несколько танков. Однако командир 1-й танковой дивизии генерал Кирхнер, который переправился через реку вместе с авангардом, сумел организовать оборону. Немцы сумели использовать скорость и маневренность своих танков, а также козырь, которым они били карты всех противников еще несколько лет, — отлично поставленную систему связи.

Немецкие танки, как выяснилось, могут обойти французские и расстрелять их с фланга и тыла. Но здесь речь может идти только о T-III и T-IV. Кстати, как нетрудно заметить, немцы использовали ту же самую тактику, которую позднее применяли наши танкисты

в борьбе с мощными, но неповоротливыми немецкими танками. Как меланхолически замечают германские историки, легкие танки в очередной раз доказали свою полную непригодность к боевому использованию. Поскольку утром 13 мая в бой вступили только 4 роты танков T-I, результату удивляться не приходится. Впрочем, разогнать французскую они все-таки сумели.

Не лучше показали себя и 37-мм противотанковые пушки. Единственным способом борьбы с французскими танками оказался беглый огонь в расчете на то, что засыпанный градом снарядов танк таки получит хоть одно попадание в уязвимое место. Однако в этом же бою состоялся боевой дебют самого успешного и самого страшного противника танков — 88-мм зенитки. Это были слегка переделанные орудия, установленные на 12-тонном полугусеничном транспортере Sd.Kfz.8. Они входили в состав 8-го тяжелого батальона истребителей танков, приданного 1-й танковой дивизии. Вот уж этим снарядам не мог противостоять ни один танк того времени. Здесь же, в составе полка «Гроссдойчланд», впервые участвовали в бою самоходные орудия StuG-III.

14 мая стало критическим днем операции, но кризис миновал, и французы начали постепенно терять надежду. Зато немцы, как и на севере, от уверенности перешли к самоуверенности, а потом и к нахальству. Их отношение к противнику лучше всего характеризует описанная Гудерианом сцена:

«Снова вперед, к 1-й танковой дивизии! Я встретил командира дивизии в сопровождении его начальника штаба майора Венка и спросил, можно ли повернуть всю дивизию на запад или же часть сил следует оставить для прикрытия фланга, развернув их фронтом на юг восточнее канала Дез-Арден. Венк сказал, размышляя вслух: «Стоит ли пачкаться!» Я сам часто употреблял это выражение. Вопрос был решен, 1-я и 2-я танковые дивизии немедленно получили приказ повернуть всеми силами направо, форсировать канал Дез-Арден и продвигаться на запад с задачей завершить прорыв фронта французов».

Действительно, стоит ли пачкаться? Но, с другой стороны, это было то самое слабое место тактики блицкрига, о котором мы уже говорили — образуется разрыв между танковым авангардом и пе-

хотой. Однако этот недостаток еще нужно было суметь использовать, а французам это не удалось, хотя они и совершили несколько попыток.

Вяло начавшееся немецкое наступление все больше и больше напоминало хрестоматийный пример блицкрига. Гудериан и Роммель, открыто нарушив полученные приказы действовать осторожно, продолжали наступление, развивая успех. Кстати, эта деталь тоже ставит под вопрос реальность блицкрига в советском исполнении. Для дисциплинированного немецкого генерала было психологически очень сложно нарушить приказ — вспомним пресловутые традиции прусской армии! Но все-таки командование учитывало старый военный принцип: командиру на месте виднее. Особенно если такое неповиновение приносило удачу, в противоположном случае командир мог разделить судьбу генерала Шпонека. Зато советский генерал постоянно находился под дамокловым мечом. Повторять басни о «зверствах кровавой гэбни» не хочется, мы просто порекомендуем вам перечитать мемуары В.К. Попеля «В тяжкую пору», в которых очень красочно описываются советские методы управления войсками. Маленькая справка. Не следует смотреть на выходные данные свежей книги издательства АСТ. Первое издание увидело свет в 1959 году еще в «Оборонгизе», предшественнике «Воениздата», то есть в дремучие «совковые» времена! Судите сами, как именно вел себя комиссар Вашугин, если тогда об этом решились написать! Подозреваю, что он общался с командиром танкового корпуса на чистом русском с редкими вкраплениями литературного.

Однако вернемся во Францию. День 15 мая стал решающим моментом всей кампании. В ходе не слишком продолжительных и не слишком упорных боев танковый корпус Гудериана взломал оборону французов под Седаном, и теперь настало время пожинать плоды тактической победы, превратить ее в победу оперативную и даже стратегическую. Словом, перед Гудерианом открывались блестящие перспективы, если бы не одно маленькое «но» — запрет наступать дальше до того, как подойдет пехота и закрепится на плацдарме. Клейст и Рундштедт пытались превратить молниеносный танковый удар в тягучее пехотное наступление. И Гудериан решился нарушить приказ. Приказ командующего танковой группой, приказ командующего группой армий, приказ Верховного Главнокомандующего Адольфа Гитлера, который запретил тан-

кам после форсирования Мааса двигаться на запад. После короткого совещания со своим штабом он поворачивает 1-ю и 2-ю танковые дивизии на запад. Начальник оперативного отдела штаба 1-й танковой дивизии майор Вальтер Венк напомнил Гудериану его же собственный афоризм: «*Klotzen, nicht Klekern!*» Начался «Бег к морю», который завершился для немцев гораздо более удачно, чем в 1914 году. Кажется, никто из историков не заметил, что с этого момента план «Гельб» превратился в пачку макулатуры. Центр тяжести операции сам собой сместился из Бельгии на юг, в полосу действий корпуса Гудериана, который и принес немцам победу.

5 мая через Маас переправилась 10-я танковая дивизия, и Гудериан приказал ей вместе с полком «Гроссдойчланд» нанести отвлекающий удар на юг. Этот маневр был предусмотрен планом Манштейна, в разработке которого принимал участие и Гудериан, хотя Гальдер вычеркнул его из плана «Гельб». Вычеркнул? Ну и что?! Гудериан уже пошел на одно крупное нарушение приказов командования, поэтому такая мелочь его уже не волновала.

Французы попытались нанести контрудар как раз с этого направления, и завязались бои, которые тянулись несколько дней, но не принесли особого успеха ни одной из сторон. В конце концов 17 мая подтянулись немецкие пехотные дивизии, которые сменили 10-ю танковую. Гудериан и ее немедленно направляет поддерживать наступление на запад. Впрочем, наступлением это назвать нельзя. Скорее это было продвижением или даже просто форсированным маршем, так как сопротивление французов практически прекратилось. Вот он, блицкриг в чистом виде — беспрепятственный рейд по тылам с целью окружения вражеских войск на других участках фронта.

Формально перед Гудерианом еще находилась так называемая «Армейская группа Тушона», которая позднее была переименована в 6-ю армию. Но при поддержке авиации 1-я танковая дивизия просто разогнала встреченные французские части. 2-я танковая дивизия прошла сквозь брошенную ей навстречу 53-ю пехотную дивизию, даже не заметив этого.

Ситуация все больше и больше напоминала разгром. 2-я армия понесла тяжелые потери, 9-я армия просто развалилась, 6-я армия даже не успела толком сосредоточиться. И все это было

достигнуто всего за три дня боев! Впрочем, на других участках фронта дела у союзников шли немногим лучше. Выдвигающиеся в Бельгию войска столкнулись с частями XV танкового корпуса Германа Гота и тоже потерпели поражение. Здесь впервые отличился командир 7-й танковой дивизии Эрвин Роммель, до того считавшийся всего лишь одним из любимчиков Гитлера.

Паника начала распространяться по французским тылам подобно лесному пожару. Вскоре пылало буквально все — снизу доверху. 15 мая, когда еще далеко не все было потеряно и исход сражения представлялся не до конца ясным, премьер-министр Франции Поль Рейно позвонил премьер-министру Англии Уинстону Черчиллю и в истерике прокричал: «Мы разбиты. Мы разгромлены. Мы проиграли битву!» После этого, разумеется, у Франции не было совершенно никаких шансов.

Растерянность и хаос царили повсюду. Одна из самых мощных дивизий союзников — французская 1-я легкая механизированная — 10 мая находилась в районе Дюнкерка. Ее спешно двинули на север, на помощь Голландии. Но, когда дивизия совершила марш в 220 километров, она встретила лишь бегущих на юг голландцев. Дивизия направилась обратно на юг. В результате, когда она встретилась с немцами, из первоначально имевшихся 80 танков «Сомуа» S-35 в строю остались только 3. С подобными маршами, контрмаршами, маневрами и передислокациями мы еще встретимся на других фронтах... Но везде и всегда (по крайней мере, в начальный период войны) командование союзников оказывалось принципиально неспособно оперативно реагировать на стремительные изменения обстановки.

Утром 16 мая 7-я танковая дивизия генерала Роммеля готовилась прорывать линию Мажино, хотя наступала гораздо дальше на запад. Просто немцы полагали, что на всем протяжении французской границы построены мощные укрепления. Однако Роммель встретил лишь жиденькие противотанковые препятствия и редкую цепочку дотов. Далеко не во всех дотах находился гарнизон, а часть из них стояли просто закрытыми на замок!

Но вернемся к прорыву под Седаном. Теперь наступлению Гудериана мог помешать только один противник — собственное командование. И оно постаралось это сделать. Первый приказ остановиться он получил на следующий день после начала наступле-

ния. Оперативно, что и говорить! Вечером 15 мая штаб танковой группы «Клейст» прислал грозную директиву: закрепиться на плацдарме и дождаться прибытия пехоты. Хотя именно в это время немецкие танки без особых усилий прорвали последнюю линию обороны французов. Теперь между ними и берегами Ла-Манша не было ничего. Последовала весьма оживленная перепалка по телефону, в ходе которой Гудериану удалось вырвать у Клейста разрешение «расширить плацдарм, чтобы пехотные корпуса могли последовать за нами». Гудериан специально нашел предельно расплывчатую формулировку, прикрываясь которой он мог позволить себе делать все, что угодно.

К ночи 16 мая танки Гудериана вышли к реке Уаза, но в этот же день зарвавшегося панцер-генерала попытался остановить уже командующий Группой армий «А» фон Рундштедт. Его беспокоили растянутые и совершенно беззащитные фланги танкового корпуса, которые прямо-таки напрашивались на атаку. Рундштедт не понимал, что французы уже просто не в состоянии атаковать, поэтому он установил предельный рубеж продвижения Бомон — Ирсон — Монкорне — Гриньикур, переходить который могли «только авангарды», но и тем запрещалось удаляться от этого рубежа более чем на 48 километров. Танкам же двигаться дальше было категорически запрещено.

Фон Клейст, Рундштедт, Гальдер были поражены легкостью, с которой немецкие танки сокрушили оборону французских армий. Они постоянно в чем-то сомневались и чего-то опасались и передали свои опасения Гитлеру, который, по инициативе генералов, задержал наступление на два дня, приказав подтянуть пехотные части. По его распоряжению фон Браухич от имени ОКХ утвердил очередной «стоп-приказ». Гудериан счел это ошибкой и пошел на крайнюю меру.

«После блестящего успеха 16 мая и успешных боев 41-го армейского корпуса мне и в голову не могло прийти, что мои начальники по-прежнему думают закрепиться на предмостном укреплении у Мааса и ожидать прибытия пехотного корпуса. Мною всецело овладела идея, которую я высказал в марте на докладе у Гитлера, а именно завершить прорыв и не останавливаться до са-

мого берега Ла-Манша. Я совершенно не мог себе представить, что сам Гитлер, одобряющий смелый план наступления Манштейна и не протестовавший против моего замысла осуществить прорыв, может испугаться собственной смелости и остановить наступление. Однако я чудовищно заблуждался, это стало мне ясно на следующее утро.

Утром 17 мая мне сообщили из штаба танковой группы, что наступление должно быть остановлено, а я должен явиться в 7 часов на посадочную площадку для личной беседы с генералом фон Клейстом. Последний появился точно в назначенное время и, не ответив на мое приветствие, начал резко упрекать меня в том, что я игнорирую замыслы Верховного командования. Он не обмолвился ни одним словом относительно успехов моих войск. Когда первая буря миновала и наступило затишье, я попросил, чтобы меня сняли с командования. Генерал фон Клейст удивился, затем кивнул головой и приказал мне передать командование корпусом старшему после меня командиру. На этом наш разговор был закончен. Я направился на командный пункт, вызвал генерала Фейеля и передал ему командование корпусом».

Однако, к огромному облечению Гудериана, в тот же день в его штабе появился генерал Лист. Он командовал 12-й армией, наступавшей следом за Гудерианом. Он сообщил, что командующий Группой армий не утвердил отставку и, более того, разрешил «ведение активной разведки крупными силами» при условии, что штаб корпуса останется в Монкорне. Гудериан истолковал это разрешение весьма своеобразно и продолжил наступление. Нет, штаб действительно остался на прежнем месте, зато сам командир корпуса опять отправился в передовые части. Но все-таки этот «стоп-приказ» украл у него 2 дня. Впрочем, нет худа без добра: танкисты получили очень нужный им отдых и слегка подремонтировали свои машины.

Степень растерянности французского руководства лучше всего характеризует тот факт, что, когда Рейно 16 мая сместил главнокомандующего Гамелена, французская армия оказалась обезглавленной на три дня, причем в самый критический момент. Лишь 19 мая из Сирии прилетел генерал Вейган, который... продолжил

стратегию пассивного сопротивления Гамелена, но в еще более ухудшенном варианте. Французские генералы по-прежнему верили, что решающей силой остается пехота.

К сожалению для них, решающей силой в этой битве были танки, поддержанные авиацией. Впрочем, будем справедливы. Если бы не умелые саперы, которые быстро навели мосты, способные выдержать тяжелую технику, наступление не состоялось бы. А защитить переправу помогли зенитчики. То есть мы видим почти идеальный пример взаимодействия разнородных сил. И все-таки первую скрипку играли танки и авиация. Во многом своими успехами Гудериан был обязан тесному взаимодействию с VIII авиакорпусом фон Рихтгофена. Вместе с передовыми частями следовали офицеры связи Люфтваффе, имевшие свои собственные машины с рациями. При необходимости они вызывали грозные Ju-87 из StG 77 и StG 2. Начальник штаба Рихтгофена позднее с легкой тоской вспоминал, что «никогда более не была создана столь совершенная система планирования и проведения совместных операций». Пикировщики появлялись над целью не позднее чем через 20 минут после вызова. Правда, иногда сбоила даже эта машина. 20 мая штаб Гудериана был атакован собственными пикировщиками, и сопровождавшие командира зенитчики были вынуждены сбить один. Летчики были странно удивлены, когда обнаружили, кого бомбили. Потери в этом бою немцев против немцев составили одну бронемашину и один самолет. Но все-таки подобные накладки были единичными.

На рассвете 18 мая Гудериан возобновил движение на запад. «Сильным разведывательным отрядом» он, не слишком ломая голову, назначил всю 2-ю танковую дивизию. Кстати, именно в эти дни состоялась встреча войск Гудериана с дивизией французского апостола танковой войны де Голля. Его 4-я танковая дивизия проскочила мимо немецких авангардов и ударила по тылам 1-й танковой дивизии немцев. Она продвинулась на 30 километров и заняла Монкорне. Возникло некоторое замешательство, но Гудериан подтянул 10-ю танковую дивизию и с помощью пикировщиков отбросил французов. Де Голль писал о грандиозной победе, Гудериан мимоходом отметил мелкие недоразумения.

Его танки мчались дальше. Примерно в полночь 20 мая, то есть всего через шесть дней после того, как началось наступление с

плацдарма возле Седана, танки 2-й дивизии вышли к берегу моря у Абвиля. Гудериан отрезал все войска союзников, находящиеся в Бельгии и Северной Франции. В котел попало более миллиона солдат. Оставалось немного — уничтожить этот котел. Но в этот момент снова сдали нервы у командования. Вялая и нерешительная контратака горстки английских танков у Арраса, имевшая место 20 мая, перепугала Браухича и Рундштедта. Они задержали 10-ю танковую дивизию, следовавшую к Гудериану, «на всякий пожарный». Впрочем, Гудериан был готов действовать и без нее. Он планировал силами 1-й танковой дивизии захватить Кале, а 2-ю танковую двинуть на Булонь.

Только 22 мая Клейст освободил 10-ю танковую от роли никому не нужного резерва и разрешил ей следовать на помощь Гудериану. Тот сразу направил ее к Кале, а 1-ю танковую двинул на север — на Дюнкерк. Ведь немецкая разведка еще 21 мая сообщила, что англичане намерены эвакуировать свой экспедиционный корпус через этот порт. 24 мая Гудериан находился всего в 24 километрах от Дюнкерка. Еще одно небольшое усилие — и ловушка окончательно захлопнется, тем более что уже подошел и танковый корпус генерала Рейнхардта. Они форсировали канал Аа — последнюю водную преграду на пути к Дюнкерку. Но в этот момент Гитлер отдал очередной приказ остановиться, причем теперь он был сформулирован категорически. Только этот знаменитый «стоп-приказ» спас английскую армию и сделал возможным «чудо у Дюнкерка». Немецкие танки простояли на месте трое суток, и этого хватило англичанам, чтобы вывезти с континента более 330 000 солдат. Это была самая крупная ошибка, совершенная немецким командованием во время кампании во Франции. Говорят, что Гитлер отдал этот приказ, исходя из политических соображений, таким образом он рассчитывал подтолкнуть Англию к мирным переговорам. Но этот вопрос выходит за рамки данной книги.

29 мая Гудериан получил приказ отвести свой корпус на восток и готовиться к операции «Рот» — удару на юг, который должен был окончательно добить французов. Вместе с ним ушла и 7-я танковая дивизия Роммеля. Немецкое командование провело пе-

регруппировку войск, восполнило потери в танковых дивизиях. В ходе этих потрясающе успешных боев немцы потеряли: 101 — T-I, 150 — T-II, 44 — 35(t), 43 — 38(t), 84 — T-III, 63 — T-IV и 44 командных танка. То есть всю тяжесть боев вынесли на себе относительно немногочисленные средние танки. Пехотные дивизии, почти не участвовавшие в боях, потери имели совсем незначительные. В итоге 71 французской дивизии противостояли 143 немецких. О чем здесь можно было говорить?

Кстати, будет справедливо, если здесь же мы приведем данные о потерях союзников. Французы потеряли около 1500 танков. Англичане переправили на континент 592 танка и потеряли все до единого. При этом в боях погибли 584 танка, и только 8 машин остались стоять на пляжах Дюнкерка. То есть на самом деле черт, в смысле «Матильда», оказался далеко не так страшен, как его малевали.

Из опыта первых боев немцы сделали вывод, и даже целых два. Первый: действия танковых групп могут принести серьезный успех. Второй: для этого танковая группа должна иметь соответствующего командира. Убирать Эвальда фон Клейста, вроде бы одержавшего победу, было как-то неловко, и его оставили командовать Танковой группой «Клейст», которая теперь состояла из XVI танкового и XIV моторизованного корпусов. Но параллельно с этим XIX танковый корпус Гудериана был преобразован в Танковую группу «Гудериан». Наиболее отличившиеся дивизии его корпуса (1-я и 2-я танковые) вошли в состав нового XXXIX танкового корпуса, плюс Гудериан получил XLI танковый корпус. Все было готово к последнему акту трагедии.

Немцы начали наступление 5 июня на западном участке фронта. Французы сопротивлялись, как могли, но сила солому ломит, и после двух дней боев фронт был прорван. После этого оборона французов развалилась, и операция перешла в стадию преследования.

На востоке наступление началось 9 июня и фактически повторило сценарий боев под Седаном. Сначала пехота форсировала реку Эна, а потом в прорыв вошли танки Гудериана, которые начали стремительное продвижение в глубь Франции, склоняясь на восток, чтобы выйти к швейцарской границе и отрезать французские армии на линии Мажино. 10 мая XXXIX танковому корпусу

пришлось отбить контрудар французских танков, понеся серьезные потери. Однако темп наступления не был снижен.

Гудериан создал второй гигантский котел. Переброшенная в район прорыва Танковая группа «Клейст» двинулась прямо на юг. 14 июня пал Париж, а 16 июня французы запросили перемирия. Первая молниеносная кампания успешно завершилась.

Резюме. Первая кампания, в которой немецкой армии удалось полностью реализовать все идеи блицкрига. При этом немцы очень удачно совместили большой и малый блицкриг, так как молниеносный прорыв танковых войск привел к столь же стремительному крушению Франции. Однако всего этого Вермахт добился благодаря упрямству и неповиновению командира XIX танкового корпуса Гейнца Гудериана. Если бы немецкая армия на Западном фронте действовала в точном соответствии с пунктами плана «Гельб», ни о каком блицкриге не пришлось бы и мечтать. А так получился идеальный вариант, который даже сами немцы больше не сумели повторить ни разу.

Глава 6

МОЛНИЕНОСНАЯ ДОРОГА В НИКУДА

После завершения кампании во Франции немецкое командование какое-то время пребывало в растерянности. Бои завершились слишком быстро, никто не ожидал ничего подобного. Какое-то время Гитлер занимался тем, что усиленно пугал англичан операций «Морской лев», но этот водоплавающий зверь склеил ласты, так и не успев окунуться в воды Ла-Манша. И тогда было решено заняться Советской Россией. Директива номер 21 получила название «Барбаросса». Вообще-то фюреру было не грех на минуту задуматься перед тем, как подписывать этот план. Император Фридрих Барбаросса действительно прославился тем, что пытался реализовать свой персональный вариант «дранг нах Остен», отправившись в Крестовый поход. Но закончилось это мероприятие совершенно бессмысленно и позорно — император утонул в какой-то безвестной речушке по пути к цели. При желании можно

усмотреть в этом некое зловещее предзнаменование. Однако в декабре 1940 года никто в Германии об этом не задумывался, слишком сильна была победная эйфория.

Каким же было соотношение сил перед этой новой кампанией? Оно было практически таким же, как и во всех остальных кампаниях Вермахта, — очень плохим для немцев. Самое смешное, что некоторые современные историки снова пытаются затянуть старую песню про «шести- или даже восьмикратное превосходство немцев в танках». Как это происходит? Ну, для начала запускается басня о том, что построить 28 000 танков мы были просто вынуждены, разумеется, для обороны границ от империалистических агрессоров — у СССР ведь такая длинная граница. Особенно вероятной считалась танковая атака британской армии в районе Нарьян-Мара. Или немецкой — через хребты киргизского Ала-Тоо. Дальше на белый свет появляется ужасТный аргумент номер два: советская разведка сообщала, что к июню 1941 года вполне вероятно было использование Вермахтом трофейных танков, после чего численность Панцерваффе возрастала до 10—11 тысяч единиц. Извините. Если советская разведка определяет численность немецких танков с точностью до 6000 единиц, или 200 процентов, как тогда она может положить на стол Сталину план «Барбаросса» или «Цитадель» раньше, чем его прочитал Гитлер? А если наоборот, и советская разведка видит и знает все — рассказ о 10 000 немецких танков есть преднамеренная и наглая ложь. Выбирайте сами, что вам больше нравится.

Но на этом историки последней волны не останавливаются. Партия дала установку — доказать, и они доказывают. Появляются многомудрые рассуждения о делении танков на категории в зависимости от технического состояния. Из цифры 28 или там 24 тысячи танков немедленно вычитаются танки, подлежащие капитальному ремонту, третья категория и так далее. При этом сразу негласно постулируется, что у немцев все танки до единого сверкают заводской смазкой и свежезамененными деталями. А у нас, мол, требуют капитального ремонта и полностью небоеспособны минимум 25 процентов танков. Но остановиться на этом было бы невыполнением партийного задания. Поэтому начинаются рассуждения о том, что танки «второй категории», то есть «текущий ремонт», тоже в массе своей небоеспособны. И аккумуляторы у

них текут, и траки кривые, а моторесурс так и вообще исчерпан. В результате чего у нас в сухом остатке имеются только танки «первой категории», но тоже далеко не все. Их освоить не успели и предпродажную подготовку не провели. В общем, из наших 28 тысяч танков остаются едва ли 10 процентов. То есть превосходство переходит к немцам. Конечно, не шестикратное, но все равно — у них уже **больше**. Однако это вызывает другой резонный вопрос: а что следует сделать с командиром мехкорпуса, у которого из 600 танков боеспособными являются только 60? Лично я такого не расстрелял бы, нет. Я бы его повесил. Публично. На площади. Как врага народа и вредителя. Так что, господа историки должны выбирать. Либо Красная Армия все-таки имела более 20 тысяч танков, либо ее командный состав был сплошь укомплектован шпионами, вредителями, врагами народа или в лучшем случае непроходимыми идиотами. Совместить обе гипотезы невозможно.

Оставим пока вопрос о численности советских танков и обратимся к немецким. Вермахт начал подготовку к вторжению в Россию с удвоения количества танковых дивизий и формирования еще двух танковых групп. Косвенным признаком того, что все реформы рассматривались как долгосрочная серьезная мера, служит то, что танковые группы получили стандартные порядковые номера вместо имен, как это было во время боев во Франции. Танковая группа «Клейст» — это что-то непостоянное и недолговечное, зато 1-я танковая группа — это как бы навсегда.

Впрочем, от такого увеличения числа дивизий и групп танков в немецкой армии не прибавилось. В ходе реорганизации Панцерваффе дивизии были просто поделены пополам. Однако же я не спешил бы весело смеяться над этой мерой. Некоторые основания для нее имелись, и определенную пользу она принесла. Учитывая протяженность и глубину нового театра, немцам отчаянно требовались новые танковые дивизии. Но промышленность не могла дать столько танков, вот и пришлось немцам изворачиваться, опираясь на свои скудные ресурсы. А польза была очевидной. Если бы у них осталось прежнее количество дивизий, то и танковых групп удалось бы сформировать все те же две штуки, что и во Франции, и, как следствие, военные действия на Восточном фронте приняли бы совсем иной оборот. Так что, можно сказать, немцы проявили

изобретательность и нахальство, предъявив советскому командованию «куклу». Сверху лежали тысячные купюры, зато внутри хоть и самые настоящие, но всего лишь червонцы.

Но было еще одно изменение в структуре Панцерваффе, которое далеко не все замечают, несмотря на его серьезное влияние на ход военных действий. Как мы уже не раз подчеркивали, секрет успеха блицкрига заключался в налаженном взаимодействии разных родов войск. И вот на нижнем уровне произошла неофициальная реорганизация танковых частей. О ней редко говорят, скорее всего, именно в силу этой неофициальности. Практически в каждой танковой дивизии были сформированы нештатные, но достаточно устойчивые полковые боевые группы. То есть теперь командир танкового полка не должен был обращаться в штаб дивизии, чтобы получить помощь мотострелков, саперов или разведчиков, они были подчинены ему напрямую. Дальнейшее развитие получила и система взаимодействия с Люфтваффе. Офицеры связи Люфтваффе теперь имелись в каждой дивизии, а часто — и в каждом полку.

Кстати, уже из этого видно, что перспективы германского блицкрига в России выглядели довольно туманными. Размах предстоящих операций был в десятки раз больше, чем на Западе. У немцев элементарно не хватало сил, чтобы реализовать намеченный план. Если перед Курской битвой многие немецкие генералы откровенно не верили в успех операции именно по этой причине, то перед началом вторжения в СССР эти сомнения почему-то никого не посетили. Опьянение победами — опасное состояние, ведь недаром в Уголовном кодексе давно уже состояние опьянения считается отягощающим обстоятельством.

Мы не будем, как предлагает Суворов-Резун, делить немецкие танки на квадратные километры территории, Т-III в чукотской тундре смотрелся бы несколько сюрреалистично. Но давайте посмотрим на план «Барбаросса» отвлеченным, холодным взглядом. Он был составлен с учетом имевшихся сил, но уже в разделе задач проявляется явное несоответствие сил и поставленных целей. Чтобы одновременно разгромить противника на всем протяжении фронта от Балтийского до Черного моря, **каждой** из трех групп армий требовалось по **две** танковые группы. То есть путем элементарной арифметики мы получаем результат — требовались

шесть танковых групп, в то время как Германия имела их только **четыре**. На большее у нее не хватало ни танков, ни танкистов. Между прочим, можно ли считать случайным совпадением, что в завершающий период войны Красная Армия имела именно **шесть** танковых армий? То есть уже на стадии планирования ОКВ заложило фундамент будущего поражения Вермахта. Ну а если Германия не могла в принципе выставить требуемые силы, зачем вообще было начинать войну? Нет, конечно, немцы могли поделить каждую из двух имевшихся танковых групп не пополам, а на три части, но это уже получились бы кошкины слезки...

Не меньшую проблему представляла собой и глубина будущих операций. Марш в 500 километров по приличным европейским дорогам немецкие танки еще выдерживали. Конечно, они были надежнее советских, и ремонтная служба в танковых дивизиях Вермахта работала куда лучше нашей, но все равно следовало учитывать **совершенно неизбежный** процент поломок и отказов. А потом посчитать, сколько танков не выдержат даже простого марша на Москву, без всяких зигзагов и петель, продиктованных ходом военных действий, даже без боевых потерь. Словом, создается впечатление, что при планировании немецкие генералы совершенно не учли объективные географические факторы, которые никоим образом не зависели от численности, уровня подготовки и боеспособности Красной Армии. Кстати, с этим последним фактором у немцев тоже вышла накладка. Все помнят известную фразу Гитлера о том, что он десять раз подумал бы, прежде чем напасть на Советский Союз, если бы знал, сколько танков у Сталина.

С учетом этого неудивительно, что немецкий блицкриг, столь успешный в начале войны, выдохся примерно в 700—800 километрах от границы (кстати, опять же, поразительное совпадение с глубиной непрерывных операций на Западе), и немцам потребовалась оперативная пауза для приведения в порядок Панцерваффе. Но эта пауза сама по себе означала крах большого блицкрига. Молниеносная война не получилась, да и не могла получиться в принципе, несмотря на все тактические и оперативные успехи блицкрига малого.

Немецкое командование не учло еще один фактор, а именно тотальный характер современной войны, когда мало разбить вооруженные силы государства, нужно еще сломить его политическую

систему. Из всех уроков кампании на Западе немецкие генералы увидели только те, которые хотелось увидеть. Французская армия была быстро разбита — на том и закончилась Франция. Но то, что разгром британской армии совсем не привел к капитуляции Великобритании, заметить никто не пожелал. На всякие неудобные моменты Гитлер и его генералы просто закрывали глаза.

А теперь попытаемся рассмотреть, что же сумели сделать 1-я (Клейст), 2-я (Гудериан), 3-я (Гот) и 4-я (Геппнер) танковые группы, каждая из которых, увы, была не сильнее советского мехкорпуса, и чего они сделать не сумели.

Итак, 22 июня 1941 года немецкие войска пересекли границу Советского Союза на всем ее протяжении — от Балтийского до Черного моря. В последнее время сломано много копий, чтобы доказать, что Германия все-таки объявила войну СССР и не было никакого предательского нападения. Действительно, какие-то ноты были вручены и в Берлине, и в Москве. Но когда? Судя по всему — уже **после** начала военных действий. Мало того, если полистать мемуары германских генералов, то выяснится, что кое-кто из них, например инициативный Вальтер Модель, начал военные действия **раньше**, чем это было предусмотрено приказами командования. Из тактических соображений Модель решил захватить важный мост за час до объявленного приказом начала наступления. И вы полагаете, что он оказался единственным из генералов, пошедших на подобное нарушение? Поэтому с любой точки зрения нападение Германии на СССР действительно было предательским и вероломным, и двух мнений здесь просто не может быть.

Впрочем, даже этим вероломством невозможно объяснить все происходившее далее. Но начнем по порядку, с севера на юг. Действия Группы армий «Север» и входившей в ее состав 4-й танковой группы генерал-оберста Эриха Геппнера были простыми и незамысловатыми. Немцы двинулись вперед, не утруждая себя никакими хитрыми маневрами, обходами или попытками устроить котел. Отчасти это объяснялось сложной местностью — леса, болота, многочисленные реки. Но скорее всего причина была той самой, на которую мы указывали, — элементарная нехватка сил.

Геппнер имел всего лишь 3 танковые дивизии в составе двух своих корпусов, поэтому мог сделать только то, что мог.

События первых дней войны в полосе Группы армий «Север» объяснить трудно. Начнем с самого простого. LVI танковый корпус генерала Манштейна должен был захватить важный железнодорожный мост через реку Западная Двина, об этом пишет сам генерал в своих мемуарах. Однако при этом никто из историков не замечает одной маленькой детали. В качестве **ближайшей** задачи корпусу указана цель, находящаяся почти в 300 километрах от границы! Манштейн как-то буднично сообщает:

«Если корпус хотел выполнить поставленную ему задачу овладеть неразрушенными мостами через Двину у Двинска (Даугавпилс), то после прорыва пограничных позиций необходимо было сделать следующее.

В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в таком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска (Даугавпилс). Переправа у Айроголы давала нам незаменимый трамплин для этого».

И мост был захвачен 8-й танковой дивизией. Если на Западе продвижение на 30 километров в день считалось быстрым и заслуживало определения «блицкрига», то как назвать дневной марш в 80 километров? Кстати, самое интересное, что рекорд по скорости продвижения принадлежал вовсе не танковым частям, а скромной 291-й пехотной дивизии из 18-й армии генерала Кюхлера, которая

продвинулась почти на 100 километров. После этого рассказы об упорных боях на границе выглядят каки-то неубедительно.

Утром 26 июня та же самая 8-я танковая дивизия подошла к упомянутым мостам через Двину и захватила их. Видимо, от полной растерянности немцы с ходу захватили и сам город Двинск. Советская 201-я воздушно-десантная бригада «в течение нескольких часов пыталась удержать город», но эти «несколько» оказались равными то ли двум, то ли трем.

XLI танковый корпус генерала Рейнхардта немного отстал от своего соседа и вышел к Двине у Екабпилса на день позднее. Этому была уважительная причина: Рейнхардту пришлось отбивать контрудар 3-го мехкорпуса в районе Расейная. Там в достаточно сложный переплет попала 6-я танковая дивизия, слишком велики были силы генерал-майора Куркина — 672 танка, из которых 109 были новыми Т-34 и КВ. Кстати, командир 6-й танковой дивизии генерал Ландграф не питал никаких иллюзий относительно боевых возможностей своих танков — трофейные чешские 35(t) — и приказал им в бой с русскими танками не вступать. Приказ был исполнен. Отбивать атаку советских танков пришлось пехоте. Немцы пережили несколько неприятных часов, но советские части атаковали разрозненно, поодиночке, и все атаки были отбиты. Надолго задержать немцев не получилось. Видимо, именно здесь Рейнхардт и потерял тот самый один день, на который он отстал от Манштейна по пути к Западной Двине.

Кстати, когда дело доходило до прямых столкновений, мудрость приказа генерала Ландграфа была видна, что называется, невооруженным глазом. Генерал Раус рассказывает, как его 11-й танковый полк, столкнувшись с русскими танками, был вынужден отойти, «чтобы избежать полного уничтожения». И в сообщении Совинформбюро говорится об уничтожении под Расейнаем 300 немецких танков. Современные российские источники описывают это несколько иначе:

«Встретив противника на западном берегу реки Дубисса, 2-я танковая дивизия начала разворачивать в боевой порядок 2-й мотострелковый полк, который должен был прикрыть сосредоточение обоих танковых полков. С утра 23 июня завязались бои. 3-й и 4-й танковые полки подтягивали отставшую технику и приводились в

порядок после длительного и тяжелого марша. Вскоре левый фланг дивизии был обойден танками противника. На опасный участок были посланы 6 танков 3-го тп, которые отбросили немцев, подбив у них 2 танка и обратив 7 в бегство».

Так или иначе, но немцы предпочли с танками КВ не связываться, мало ли, много ли танков они потеряли, а сам этот эпизод служит наглядным доказательством того, что к **любым** мемуарам следует относиться с настороженностью. Не отвергать их с порога, а просто не доверять безоглядно, кто бы мемуары ни писал: советский генерал, немецкий фельдмаршал или американский адмирал. Увы, успешные действия отдельных танков не перешли в успешные действия корпуса. В ходе непродолжительных боев 3-й мехкорпус потерял до 80 процентов танков. Единственное, что можно сказать хорошего о генерале Куркине, — он сумел вывести горстку бойцов из немецкого тыла, потеряв при этом **всю** технику и тяжелое вооружение. Вот такие генералы и обеспечивали танкам Манштейна и Рейнхардта молниеносный марш вперед.

Первый серьезный бой Красная Армия попыталась дать немцам на берегах Западной Двины, так как командующий фронтом генерал Ф.И. Кузнецов получил приказ задержать противника на этом рубеже. До сих пор, к сожалению, советские войска сопротивление только обозначали.

Дальнейшие события описаны более чем смутно и неточно, причем, опять же, как советскими, так и немецкими источниками. Попытки отбить Двинск завершились неудачей, причем командующий фронтом генерал Кузнецов в своем докладе в Москву, рассказывая о событиях 27 июня, противоречит сам себе. То у него город атакуют какие-то сводные полки, а тремя строками ниже — 46-я танковая дивизия 21-го мехкорпуса. 28 июня Двинск был атакован повторно, теперь уже силами всего 21-го механизированного корпуса генерала Лелюшенко. И снова атаки были отбиты, хотя корпус не далее чем 24 июня получил 105 новых танков. Причем опять повторилась история Халхин-Гола, только в еще более скверном варианте. 42-я танковая дивизия Лелюшенко налетела на только что переправившуюся через Двину немецкую 121-ю пехотную дивизию и была отброшена. То есть в 1941 году

встречный бой немецкой пехоты с танками, по идее смертельный для пехоты, завершается поражением танков.

И тогда появляются произведения из жанра «ненаучная фантастика», к которым можно без колебаний отнести книгу Д.Д. Лелюшенко «Москва — Сталинград — Берлин — Прага». В ней красочно живописуются танковые тараны, рукопашные схватки, переходящие из рук в руки дома. Ну и, конечно, бегущие в панике фашисты. Нет, все это, **разумеется**, будет. Будут и тараны, о чем мы еще расскажем со слов самих немцев, будут и бегущие в панике немецкие дивизии, что будут вынуждены подтвердить немецкие генералы. Только будет это **не здесь** и **не сейчас**.

Наши генералы ставили себе в заслугу, что им удалось задержать наступление Манштейна, хотя сам он никуда наступать не собирался. Дело в том, что командующий Группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб ухитрился нарушить практически все законы военного искусства. Его танковые корпуса, которые 22 июня стояли бок о бок, теперь разделяло солидное расстояние. Более того, сами корпуса оказались разбросанными подивизионно. Пехота безнадежно отстала, почему был вынужден стоять и Манштейн, который дожидался подхода II армейского корпуса. Наступление войск Лееба приняло какой-то хаотический характер, дивизии просто катились волной, а подобие организованности появлялось лишь в тех случаях, когда немцы сталкивались с более или менее упорным сопротивлением. Западные историки бесстрастно констатируют: Лееб так и не позволил Геппнеру свести воедино оба его корпуса, и такое положение сохранялось до самых пригородов Ленинграда. Действовавшая на побережье Балтики 18-я армия была слишком слаба и действовала в одиночку на свой страх и риск.

Кстати, вот маленький эпизод, который еще показывает разницу в методах работы советских и немецких генералов. Опять рассказывает Манштейн:

«В этих боях мне запомнился один маленький эпизод, который был воспринят моими подчиненными не без примеси чувства злорадства. Кто командовал в таких боях танковым корпусом, тот знает, что — как ни удивительно было стремительное продвижение немецких войск вперед — для непрерывного преследования про-

тивника войска тем не менее всегда нуждаются в присутствии высших командиров в передовых подразделениях и подстегивании с их стороны. Так и я прибыл однажды в штаб одной боевой группы *8 тд*, продвижение которой остановилось из-за неприятельского артиллерийского огня. Сначала я подумал, судя по характеру огня, что это был беспокоящий огонь противника по этой большой дороге, который не должен остановить наше продвижение. Едва я только успел высказать это мнение, как вражеская артиллерия обрушила на нас ураганный огонь, заставивший нас быстро укрыться в щелях. Мой верный водитель Нагель, который хотел быстро вывести машину из района обстрела, был ранен, но, к счастью, только легко. В то время как мы, сидя в наших щелях, пережидали обстрел, господа из этого штаба не могли скрыть своего злорадства по поводу того, что командир корпуса так хорошо проучен фактами. Потом мы все искренне посмеялись и затем отправились дальше».

Можно посмеяться и над другим. Один из современных историков в сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы» сначала с восторгом пересказывает басни Лелюшенко о практически разгромленном корпусе Манштейна и тут же, не переводя духа, заявляет: «Но укомплектованность личным составом продолжала оставаться близкой к штатной». И чтобы его слова прозвучали более убедительно, приводит численность танков в группе генерала Геппнера, ссылаясь на первый том капитального труда Томаса Йенца «Панцергруппен», страницы 190—191. Ну что же, мы, неленивые, открываем упомянутые страницы этой книги и видим... Что мы видим? Таблицу численности техники в немецких танковых дивизиях на **22 июня**. Пардон-с, подлоги нужно делать более тщательно, не ровен час за руку поймают.

Зато состояние советских войск лучше всего характеризует сводка штаба фронта от 30 июня о состоянии 27-й армии, которая выдвигалась из тыла и до сих пор участия в боях не принимала. Вся **армия** насчитывает 4296 человек! Объяснить такое я не берусь.

Кстати, все тот же автор пишет: «В район Пскова из-под Красногвардейска (Гатчина) по железной дороге были направле-

ны две дивизии 1-го механизированного корпуса — 1-я танковая...» Напомним, речь идет о событиях 30 июня. И как после этого прикажете быть с директивой Ставки № 00329 от 14 июля, которая требует «танковую дивизию (**ту самую**, не сомневайтесь!) из района Кандалакши немедленно перебросить под Ленинград». По-моему, вот такие историки и роют ямы для будущих катастроф, но я никому не навязываю своего мнения.

В общем, действия обоих противников в Прибалтике в первые недели войны можно характеризовать кратко: кто в лес, кто по дрова. Только немцам повезло больше, и они продолжали стремительное наступление, хотя фон Лееб прямо-таки напрашивался на хороший урок. А вопрос, куда делись полторы тысячи танков генерала Кузнецова, так и остался без ответа.

Гораздо более драматический оборот приняли события в полосе Группы армий «Центр». Принципиальное отличие ситуации здесь заключалось в том, что она имела в своем составе две танковые группы, а потому фельдмаршал фон Бок мог более свободно маневрировать силами. К тому же каждая из этих танковых групп была сильнее, чем группа Геппнера.

Задачей группы фон Бока было окружение частей Красной Армии в районе Минска с последующим наступлением в направлении Витебска — Орши. Танковые группы были расположены на флангах группы, а пехотные армии занимали промежуток между ними. План германского командования был смертельно опасным, так как был задуман котел гигантских размеров, ликвидация которого могла затянуться очень надолго. События развернулись иначе, но даже самый благоприятный вариант хода военных действий оказался для немцев роковым, хотя это заметили не все историки. Дело в том, что Группе армий «Центр» был передан последний резерв ОКХ — XXXV армейский корпус. Однако очень быстро его пришлось бросить на фронт, превратив во 2-ю армию. После этого **до самого конца войны** в распоряжении германского командования больше не оставалось резервов, заслуживающих этого названия. Самой хорошей иллюстрацией этого могут служить два критических момента: попытка деблокировать армию Паулюса под Сталинградом и Курская битва. И в том, и в другом случае

максимум, что удалось найти ОКХ, — это пара дивизий, хотя нужна была целая армия. Зато в распоряжении советского командования уже в июне 1941 года имелись армии второго эшелона, дальневосточные резервы и так далее.

По плану 3-я танковая группа генерала Гота должна была наступать на восток из района Сувалки с максимальной скоростью, чтобы как можно быстрее выйти к Минску. 3-я танковая группа Гота была временно привязана к 9-й армии.

Удар Группы армий «Центр» оказался таким же внезапным, как и удар Группы армий «Север». Танковая группа Гота сразу захватила три важных моста через Неман и начала двигаться в глубь советской территории. Но тут совершенно неожиданно немецкие летчики подставили ножку собственным танкистам. Тыловые колонны VIII авиакорпуса не стали ждать, пока пройдут танки, и ринулись вперед, перемешавшись с машинами 7-й танковой дивизии генерала фон Функа. Этот бардак продолжался до тех пор, пока немецкие колонны не столкнулись с Т-34 5-й танковой дивизии. Лишь после этого немецкие летчики решили действовать более осмотрительно.

Гудериан также бодро заявляет, что была достигнута полная внезапность нападения, и артподготовку он вел по одной-единственной причине — так было предусмотрено планом. Переправа 2-й танковой группы через Буг прошла без задержки, и хотя Брестская крепость сражалась, это не задержало немецкие танки. Они просто обошли ее справа и слева и двинулись дальше, оставив пехоту разбираться с упрямым гарнизоном. Сам Гудериан двигался с передовыми частями, что следовало бы считать неуместным. В боевых порядках должен следовать командир танковой дивизии наверняка, командир корпуса — пожалуй, но даже при налаженной немецкой системе связи командующий армией не сумеет контролировать все свои войска, находясь на передовом КП.

Темп наступления Гудериана и Гота оказался ничуть не меньше, чем у Манштейна и Рейнхардта. Если посмотреть на карту в шестом томе Советской военной энциклопедии, то мы увидим, что 23 июня авангарды Гудериана вошли в Березу, то есть за сутки они преодолели 100 километров. 24 июня танки Гота заняли Вильнюс, пройдя за двое суток около 120 километров. Темпы наступления были совершенно исключительными.

Итак, к исходу первого дня боев немецкие танки вырвались на оперативный простор, и фон Бок предоставил Готу полную свободу действий, которой тот воспользовался, расширив прорыв между советскими 3-й и 11-й армиями до 150 километров.

Поздно вечером 22 июня Народный комиссар обороны маршал Тимошенко направил в войска знаменитую директиву № 3, которую ему еще не раз помянут. Главной в ней было то, что от советских армий требовался переход в наступление. Против Группы армий «Центр» Красная Армия имела значительно больше сил, чем против группы фон Лееба, однако пользы это не принесло практически никакой, и теперь историки утверждают, что Тимошенко не сумел эти силы использовать. Однако значительная часть обвинений в адрес Тимошенко носит сугубо схоластический характер, хотя по многим пунктам его вину отрицать бессмысленно. Например, пишут, что он не сумел наладить взаимодействие войск Северо-Западного и Западного фронтов. Да, это так. Но вспомним, что танки Гота разделили эти фронты, кстати, совершенно непреднамеренно. Просто такова была география театра военных действий. Да и сами немцы не грешили координацией действий на стратегическом уровне. Во всяком случае, фон Лееб и фон Бок никак друг другу не помогали и свои планы и действия не координировали.

Все началось с контрудара 11-го механизированного корпуса под Гродно. Наши историки пишут, что ему удалось отбросить немецкий XX корпус на 6 километров, но под ударами немецкой авиации корпус был вынужден отойти, и к утру 23 июня город Гродно был оставлен. Опять-таки смотрим на карту. Гродно расположен примерно в 50 километрах от границы. Получается, что за первый день войны немцы прошли 50 километров туда, да еще и 6 обратно, а потом в первой половине дня 23 июня снова вперед. Не слишком ли это много? Или успех контрудара целиком остался на страницах советских книг? Если посмотреть на карты в «альтернативных» изданиях, то мы заметим, что действительно немецкая 129-я пехотная дивизия двигалась гораздо медленнее соседей, но вот отступать она даже не думала. И еще вопрос. Почему в контрударе участвовала одна только 29-я танковая дивизия, а 33-я танковая и 204-я механизированная заняли позицию невмешательства? Заявление, что-де 33-я танковая находилась в

40 километрах от района предстоящего боя на фоне темпов продвижения немецких войск, звучит просто смехотворно. Впрочем, кто хочет — повод найдет всегда. Но разве маршал Тимошенко виноват в происшедшем? Или это вина командира корпуса генерала Мостовенко, который не сумел собрать свои силы?!

Дальше дела пошли еще более скверно. С целью ликвидации прорыва немцев из района Сувалкского выступа командующий Северо-Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов приказал своему заместителю генералу Болдину сформировать ударную группу в составе 6-го и 11-го механизированных и 6-го кавалерийского корпусов, чтобы «нанести удар в общем направлении Белосток — Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу реки Неман».

А вот это уже была очень серьезная ошибка. Похоже, Павлов даже отдаленно не представлял сложившейся ситуации, потому что нацеливал мощнейшую танковую группировку в составе более чем 1300 танков и 370 пушечных бронеавтомобилей на пехотные дивизии противника, единственной заботой которых было не слишком отстать от ушедших вперед танковых корпусов. Удар был нацелен на 102-ю и 129-ю пехотные дивизии XLII армейского корпуса немцев. Ни танковым корпусам Гудериана, наступавшим еще южнее, ни танковым корпусам Гота, двигавшимся севернее, этот удар не мешал и не угрожал. Павлов предполагал отрезать ушедшие вперед танки Гота, но дело в том, что в это самое время XLVII танковый корпус генерала Лемельсена из группы Гудериана уже находился в тылу формируемой группировки, которая буквально повисала в воздухе.

Кстати, здесь существует странная путаница, объяснить которую крайне сложно. Почему-то практически все наши историки пишут о том, что целью удара были немецкие VIII и XX корпуса. Но при первом же взгляде на карту видно, что VIII корпус наступал **севернее** Гродно и находился на **правом** берегу Немана. Кроме упомянутых двух дивизий XLII армейского корпуса в полосу наступления попадали 162-я и 256-я пехотные дивизии XX корпуса. То есть соотношение сил было еще менее благоприятным для немцев, чем указывает, например, М. Солонин.

Таким образом, не в первый и не в последний раз сложилась идеальная для советских танкистов ситуация — предстоял встреч-

ный бой с пехотными дивизиями. Согласитесь, после 50-километрового марша немцы не имели ни времени, ни сил подготовить хотя бы подобие оборонительных позиций. Упоминать, что группа Болдина по числу танков и бронеавтомобилей превосходила любую из танковых групп Вермахта, уже просто лишнее. Вдобавок Болдин получил полк тяжелых гаубиц из резерва Главного командования.

Интересно, что немцы полностью проглядели сосредоточение этих огромных сил. Объяснение простое — Люфтваффе вели разведку советских тылов, а наблюдать за районом Белостока просто не считали нужным. В общем, идеальные условия для малого блицкрига. Увы... 23 июня началось наступление группы Болдина, а уже через два дня оно завершилось, причем завершилось полным ее разгромом. Хуже того, немцы практически не заметили этого контрудара. В журналах боевых действий смутно упоминается небольшой кризис у 256-й пехотной дивизии в районе Гродно, но дивизия справилась с ним собственными силами. Об этом же пишет Гальдер, заметив, что все атаки русских были отбиты уже к вечеру 23 июня.

Кстати, самое смешное, вы можете очень внимательно прочитать воспоминания генерала Болдина, но не найдете там никаких упоминаний о наступлении или контрударах. Странно, что ни М. Солонин, ни В. Бешанов, ссылающиеся на эту книгу, не заметили этого простого факта. Все, чем ограничивается Болдин, — это пересказ своих разговоров с командиром 6-го мехкорпуса генералом Хацкилевичем, с командующим фронтом генералом Павловым, с непонятно как очутившимся в его штабе маршалом Куликом. И только.

«И в боевых условиях 6-й корпус проявил себя с лучшей стороны. В полосе, где он оборонялся, гитлеровцам, несмотря на неоднократные попытки, так и не удалось прорваться. Корпус понес потери, но он еще боеспособен и мог, пусть не с полной силой, контратаковать.

...

Позвонил Хацкилевич, находившийся в частях.

— Товарищ генерал, — донесся его взволнованный голос, —

кончаются горючее и боеприпасы. Танкисты дерутся отважно. Но без снарядов и горючего наши машины становятся беспомощными. Дайте только все необходимое, и мы расправимся с фашистами.

В словах Хацкилевича не было и тени бахвальства. В них звучала глубокая вера командира в своих бойцов, уверенность в том, что врага можно бить с большим успехом. Я сознавал его положение. Кончится горючее, и танки остановятся. А это — проигрыш боя. Погибнут люди, техника, прекратит существование превосходный механизированный корпус, и врагу будет открыт путь.

— Слышишь меня, товарищ Хацкилевич?! — надрывал я голос, стараясь перекричать страшный гул летавших над нами вражеских самолетов. — Держись! Немедленно приму все меры для оказания помощи.

Никакой связи со штабом фронта у нас нет. Поэтому я тут же после разговора с Хацкилевичем послал в Минск самолетом письмо, в котором просил срочно организовать переброску горючего и боеприпасов по воздуху. К сожалению, и этот самолет, и вылетевший затем второй погибли, не достигнув цели. Тяжело сознавать, что все попытки помочь танкистам безуспешны...»

Вот и все, что генерал Болдин сумел рассказать о контрударе 1000 танков, находившихся под его командованием. В сохранившихся документах 6-го и 11-го мехкорпусов вы тоже не найдете ни одного слова о самом контрударе. После этого встает резонный вопрос: а **имел ли он вообще место?** Нет, разумеется, какие-то телодвижения совершались, но скорее всего это происходило точно так же, как и на севере. Разрозненные, нескоординированные выпады то танкового батальона, то стрелкового полка, которые немцы без труда отбивали. Разгром получился чудовищным. В 11-м механизированном корпусе, с которым, кстати, Болдин потерял связь на второй день войны, после 4 дней боев осталось 30 танков из 305 и 600 человек из 32 000. 6-й мехкорпус просто растаял без следа.

Зато Болдин рассказывает фантастическую сказку о том, как он, странствуя по немецким тылам, разгромил встреченную танковую колонну, уничтожив за 3 минуты 12 немецких танков. Было бы еще очень здорово, если бы генерал Болдин объяснил, отку-

да 27 июня на лесной проселочной дороге возникла колонна из 28 немецких танков. Дело в том, что к этому времени танки Гота и Гудериана уже находились в районе Минска и Бобруйска, но никак не в Налибокской пуще, по дебрям которой странствовал бравый генерал. Так что есть сильные подозрения, что Болдин элементарно врет:

«Отдохнув и набравшись сил, тронулись дальше. Нас уже около тридцати человек. Медленно продвигаемся на восток. Крицыну все хуже. Он скачет на здоровой ноге, одной рукой опираясь на суковатую палку, другой на чье-либо плечо. Прошли метров пятьсот. Вижу, лицо лейтенанта покрылось испариной, но он молчит, не жалуется. Сделали небольшой привал. По рукам пошли фляги с водой. Пьем экономно».

Вот так завершился контрудар конно-механизированной группы, которая формально была сильнее любой из танковых групп фон Бока. 30 человек вместо трех корпусов. Первый советский блицкриг не провалился, он просто не состоялся.

Зато немцы свою задачу выполнили. 28 июня немецкая 12-я танковая дивизия вошла в Минск, однако получился не котел, а «полкотла», потому что танки Гудериана двигались на восток на Москву, а не на северо-восток навстречу Готу. Лишь во второй половине дня 29 июня его 18-я танковая дивизия встретилась с танкистами Гота. Теперь сформировались даже целых три котла: Минский, Белостокский и Новогрудский. Впрочем, термин «котел» в данном случае представляется неверным, так как организованных советских частей и соединений там не было, как не было и организованного сопротивления. От двух армий остались разрозненные группки солдат и офицеров, которые пытались просочиться наружу. Поэтому, как нам представляется, более правомерно было бы говорить о трех зонах оцепления.

В полосе Группы армий «Юг» дела у немцев сначала пошли не так гладко, как им хотелось бы. Как говорится в старом анекдоте: для этого были тридцать три причины. Во-первых, здесь наиболее

отчетливо проявилась нехватка сил. Значительные участки фронта немцы были вынуждены отдать союзникам: венгерским дивизиям сомнительной боеспособности и румынским — откровенно небоеспособным. К тому же 1-й танковой группой, входившей в состав группы армий, командовал знакомый нам по боям во Франции генерал-оберст Эвальд фон Клейст, неплохой, наверное, генерал, но имевший довольно смутное представление о тактике действий танковых соединений, что он уже продемонстрировал во Франции. Да и командиры корпусов, за исключением фон Витерсгейма, тоже были хорошими генералами, но не более того. Вот так и получилось, что с самого начала на южном участке немцы ввязались в затяжные пограничные бои. Ну, о том, что происходило в полосе 4-й румынской армии, вообще лучше промолчать.

Самым примечательным событием на этом участке фронта стало так называемое танковое сражение под Бродами — Дубно, в котором механизированные корпуса Юго-Западного фронта попытались остановить 1-ю танковую группу фон Клейста. С нашей стороны в сражении участвовали 5 мехкорпусов, насчитывавшие около 2500 танков, в том числе 720 танков Т-34 и КВ, с немецкой — 4 дивизии, которые имели около 800 танков. И снова из наступления советских войск получилось то, что получилось.

Вечером 22 июня Нарком обороны маршал Тимошенко приказывает нанести удар силами 5-й и 6-й армий в направлении на Люблин, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте от Владимир-Волынского до Крыстынополя. Кстати, если план «Барбаросса» был нам прекрасно известен, то почему в приказе Тимошенко не говорится прямо: «6-ю армию и 1-ю Танковую группу»? Генерал Кирпонос решает сформировать две ударные группы. В северную включаются 22, 9 и 19-й механизированные корпуса, в южную — 4, 8, 15-й механизированные и 37-й стрелковый корпуса. Так была подготовлена завязка этого самого сражения.

В очередной раз обратимся к шестому тому Советской военной энциклопедии. Если верить статье «Приграничные сражения» и приложенной к ней карте (а у нас есть основания им не верить, особенно карте?), то выяснится любопытная вещь — этого сражения просто не было. Имели место разрозненные, нескоординированные атаки советских мехкорпусов, не объединенные ни единым

временем, ни единой целью. Собственно, большинство авторов тоже пишут, что каждый корпус атаковал сам по себе, но все это, мол, проходило в рамках единого плана.

После боев на границе немцы прорвались между Рава-Русским и Перемышльским укрепрайонами и начали наступать на юго-восток. Их XIV моторизованный корпус устремился к Львову, а LV армейский — к Бродам. Командующий 6-й армией генерал Музыченко, встревоженный этим прорывом, решил нанести встречный удар на Немиров силами 4-го механизированного корпуса, который имел 979 танков, в том числе 456 Т-34 и КВ. Страшная сила, ничуть не уступающая всей танковой группе Клейста. Если верить карте, удар пришелся во фланг LV корпусу, то есть пехотным дивизиям. Снова встречный бой пехоты и танков, который всегда завершался истреблением пехоты. Всегда, **кроме** июня 1941 года... Так во что же все это вылилось? В стыдливую фразу историка: «Что касается контрудара на Немиров, то он не был организованным и не улучшил положения 159-й дивизии». Вдобавок при этом корпус оказался отвлечен от выполнения приказа командующего фронтом.

Более опасный характер принимала ситуация севернее, где наступали главные силы Клейста — III моторизованный и XLVIII танковый корпуса. Они быстро продвигались к Ровно и Острову, и их требовалось остановить. 4-й и 15-й мехкорпуса получили приказ генерала Кирпоноса утром 24 июня нанести удар на Радехов. Увы, дальше начался форменный бардак. Генерал Музыченко отправляет одну из дивизий 4-го мехкорпуса на левый фланг своей армии, и на улицах Львова она столкнулась с частями 8-го мехкорпуса, движущимися в прямо противоположном направлении. Знаете, это мне напоминает фильм «Фанфан-Тюльпан»: «Правый фланг мы переведем налево, а левый — направо». Но веселая сцена из кинокомедии в реальной жизни оборачивается кровью и смертью. По утверждениям немцев, части 4-го мехкорпуса 24 июня атаковали противотанковый батальон 71-й пехотной дивизии. В последовавшем бою немцы уничтожили до 50 советских танков. Верить этому или нет? Наверное, можно, но не безоговорочно. Фактом остается одно: немцы продолжали наступление.

Далее мы обратимся к воспоминаниям маршала Баграмяна:

«Вторая крупная танковая группировка фашистов, прорвавшаяся к Радзехуву, наткнулась на подошедшие сюда передовые части 15-го механизированного корпуса генерала Карпезо. Читатель уже знает, с какими трудностями совершали марш дивизии этого корпуса, оказавшиеся без автотранспорта. Карпезо пришлось оставить в Бродах свою 212-ю моторизованную дивизию, двигавшуюся пешим порядком, приказав ей занять там оборону на случай прорыва вражеских войск. Навстречу врагу Карпезо смог бросить лишь 10-ю танковую дивизию генерала С.Я. Огурцова. Фашистская группировка насчитывала около 350 танков новых образцов. Казалось бы, что с ними может поделать одна наша танковая дивизия неполного состава, имевшая на вооружении большей частью устаревшие машины. Но советские танкисты решительно ринулись в бой. Бойцы танкового и мотострелкового батальонов, составлявших передовой отряд, дрались с величайшей отвагой. Они отразили все атаки врага. На поле боя осталось свыше двадцати горящих вражеских танков и сотни трупов фашистских солдат. Такой ценой фашисты заплатили за шесть наших подбитых танков».

К сожалению, не отразили, а лишь ненадолго притормозили. К тому же вмешались Люфтваффе, которые изрядно потрепали колонны 15-го мехкорпуса. Вдобавок имелся один фактор, который подрывал боеспособность наших танковых соединений гораздо сильнее всех немецких танков и пушек, вместе взятых. Речь идет об отвратительном техническом состоянии машин и крайне слабой подготовке личного состава. В 1943 году во время Курской битвы наши танковые бригады теряли 15 и более процентов своих танков, выдвигаясь из районов сосредоточения к линии фронта. Летом 1941 года эта цифра могла быть только выше, гораздо выше. Поэтому нет ничего удивительного, что мехкорпуса во время маршей, совсем непродолжительных по **немецким** меркам, таяли буквально на глазах. Еще больше осложнял положение шквал противоречивых приказов, который бросал дивизии то туда, то сюда.

Точно так же обстояли дела и на северном фланге группы Клейста, где наступал III моторизованный корпус Макензена. Начнем со столь любимых историками действий 1-й противотанковой

бригады К.С. Москаленко, которая встретила немецкую 14-ю танковую дивизию, наступавшую на Луцк. Оперативная сводка 5-й армии радостно сообщает, что «в период с 23 по 27 июля 1-я ПТАБ уничтожила и подбила около 150 танков противника». Ну, разумеется, сегодня в это никто не верит, и правильно пишут, что во всей 14-й танковой дивизии насчитывалось только 147 танков. Но, сказав «а», следовало бы сказать и «б». Не составляет особого труда разыскать сводки потерь этой самой дивизии. Буквально под рукой имеются данные на 6 сентября, то есть они включают **еще два месяца** боев. И каковы же эти потери? 27 танков уничтожены и еще 24 повреждены. Еще раз повторю: столько дивизия потеряла за два с половиной месяца боев. Сразу возникает вопрос: а действительно ли «немецким танкам пришлось три дня прогрызаться с большими потерями через огневые позиции»? Я уже не говорю о том, что Луцк находится примерно в 100 километрах от границы и «прогрызание» шло со скоростью около 35 километров в сутки.

Атака 22-го мехкорпуса закончилась его исчезновением. Мы не будем говорить «истреблением», потому что немцы были в этом почти не виноваты. Как и на юге, его дивизии шарахались из стороны в сторону. А если и атаковали, то этим атакам недоставало слаженности и единства. Как бесстрастно сообщают немецкие документы, атаки производились мелкими группами, и 13-я танковая дивизия легко уничтожала их поочередно.

Можно еще очень долго рассказывать о том, куда шла та дивизия, а куда эта, но все это не имеет особого смысла. Уже из приведенных кратких описаний видно, что **не было** танкового сражения под Бродами — Луцком — Дубно. Хотя наше командование имело возможность сосредоточить здесь шесть механизированных корпусов и колоссальное количество танков и одним мощным ударом разгромить не только армию Клейста, но и 6-ю армию Рейхенау, избавив ее от тяжелого похода к Сталинграду за своей судьбой, удар не состоялся. Как и в случае с конно-механизированной группой генерала Болдина, имели место отдельные тычки силами батальона или полка, которые немцы без труда отражали. Поэтому сравнивать происходившее с Курской битвой действительно нельзя, хотя по совершенно противоположным причинам, чем утверждают современные историки. Об этом предельно четко сказал Ротмистров:

«Механизированные корпуса фронта вступили в это сражение после 200—400 км маршей в условиях господства в воздухе авиации противника. Ввод в сражение этих корпусов осуществлялся без должной организации наступления, без разведки противника и местности. Отсутствовала авиационная и должная артиллерийская поддержка. Поэтому противник имел возможность отражать атаки наших войск поочередно, маневрируя частью своих сил, и одновременно продолжать наступление на неприкрытых направлениях».

Впрочем, при желании можно найти даже немецкие источники, которые будут подтверждать мнение наиболее тенденциозных историков советского периода:

«Русским тем не менее удалось сдержать наступление немецких войск. Они не только нанесли наступающим войскам потери и заставили себя уважать, но и выиграли время. Их не удалось ввести в замешательство клинообразными прорывами танковых групп. Русские также несли тяжелые потери, однако им удалось отвести свои плотные боевые порядки за Случь, Верхний Буг, Днестр. Прошли первые 10 дней кампании. После 10 дней во Франции немецкие танки, разгоняя перед собой трусливых французов и англичан, прошли 800 км и стояли у берегов Атлантики. За первые 10 дней «похода на Восток» было пройдено всего 100 км по прямой, и ударные танковые группы немецких войск противостояли превосходящему по силе и техническому оснащению противнику, часто прибегавшему к неизученным эффективным тактическим приемам. Успешное продвижение на этот раз не укладывалось во временной график, установленный командованием. После первых 10 дней оперативный прорыв на южном участке еще не был завершен».

Почему Вольфганг Вертен в истории 16-й танковой дивизии написал такое — я судить не берусь. Можно только предположить, что он перенес опыт XIV моторизованного корпуса на всю группу Клейста. Но дело в том, что XLVIII моторизованный корпус за это время прошел более 200 километров, и особо тяжелых боев они не вели.

Резюме. Первые дни Великой Отечественной войны показали полнейшую профессиональную непригодность советского командного состава. Приграничные сражения не выиграли Клейст, Лееб и фон Бок, их проиграли Кузнецов, Павлов, Кирпонос. Много говорится о сталинских чистках, обезглавивших армию, но нет никакой уверенности в том, что, останься те люди на своих постах, результат оказался бы иным. Немцы стремительно продвигались по всему фронту, и даже на тех участках, где шли «тяжелые» бои, скорость наступления Вермахта составляла около 30 километров в день. Там, где их не было, наступление превращалось в обычный марш мирного времени со скоростью до 100 и более километров в сутки. Но при этом лишь Группе армий «Центр» удался классический блицкриг, который завершился окружением нескольких армий в районе Минска. На юге и севере немцы просто стремительно продвигались в глубь территории СССР. Однако нехватка сил у противника и грубейшие ошибки немцев в оценке военного потенциала СССР привели к тому, что операция «Барбаросса» провалилась буквально в первый же месяц. «Окружить и уничтожить главные силы русских» западнее Днепра немцы не сумели. Зато «победная лихорадка» все больше и больше напоминала белую горячку, что сказалось довольно быстро.

Глава 7

ОСЕННИЙ МАРАФОН

В первый месяц войны против Советского Союза немцы одержали много сокрушительных побед. Были разгромлены практически все армии, развернутые на западной границе, захвачены огромные трофеи, заняты значительные территории. Однако никто не понял, что эти победы заложили основы будущего поражения Вермахта. Мало того, что разведка, что называется, подставила по-крупному свое собственное командование вооруженных сил, многократно занизив военный потенциал Советского Союза, так еще вдобавок и сами панцер-генералы совершенно неправильно поняли суть происходящего. Это уже 10 лет спустя после окончания войны в своих мемуарах они начали говорить, что все видели, предостерегали и хотели... Ложь! Если они что и видели, то не су-

мели понять, что именно увидели, а уж насчет «предостерегали» и «хотели» им бы вообще лучше помолчать.

Примерно к середине июля 1941 года настало время подвести первые итоги военных действий на Восточном фронте. Степень заблуждения немцев лучше всего характеризует запись в дневнике генерала Гальдера от 4 июля:

«В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы по Западной Двине и Днепру и далее на юг. Об этом свидетельствует перехваченный вчера передававшийся по радио русский приказ о том, что на Западной Двине следует располагать лишь отдельные группы на переправах. В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы. Необходимо выждать, будет ли иметь успех воззвание Сталина, в котором он призвал всех трудящихся к народной войне против нас. От этого будет зависеть, какими мерами и силами придется очищать обширные промышленные области, которые нам предстоит занять. Главное же сейчас состоит в том, чтобы лишить противника возможности использовать эти области».

Судя по всему, это заблуждение разделяли и остальные представители Верховного командования Германии, потому что было решено фактически перейти к фазе преследования противника. Все тот же Гальдер: «На фронте группы армий «Центр» возможно обеспечить продвижение танковых частей вплоть до Москвы, а пехоты — за Западную Двину и Днепр». Что-то уж слишком оптимистично смотрел на ситуацию начальник Генерального штаба Сухопутных войск, потому что менее чем через неделю под Оршей и Могилевом Гудериан и Гот столкнулись со свежими армиями второго эшелона. Наверное, для Гудериана это стало шоком, ведь в Минском котле была взята 341 000 пленных, захвачено и уничтожено 4799 танков, 9427 орудий, 1777 самолетов.

Кстати, еще одна запись Гальдера за тот же день, достаточно тесно связанная с блицкригом. Наши историки почему-то любят цитировать ее только частично:

«Генерал Тома доложил о впечатлениях, полученных во время поездки на фронт 3-й танковой группы:

А. Борьба с гигантскими танками противника. Против них эффективны 105-мм пушка и 50-мм противотанковая пушка.

Б. Танки Т-I являются обузой для частей, и их следует отправить в тыл для внутренней охраны на отечественной территории, охраны побережья, а также в целях боевой подготовки».

У нас, как вы легко можете заметить, большой популярностью пользуется пункт «Б», что совершенно справедливо. Несчастная танкетка и раньше причиняла массу неприятностей командирам дивизий, куда ее запихивали, а уж на Восточном фронте превратилась прямо в каторжные кандалы. Но вот про пункт «А» почему-то вспоминать не любят. А ведь из него прямо следует, что не такой уж страшной угрозой считали немцы наши танки КВ. Да, неприятно, но не более того. И надежные средства борьбы с ними уже найдены. Поэтому представляется, что истории о мистическом ужасе, который испытывали немцы, только завидев КВ, больше похожи на сказки.

Маховик блицкрига был раскручен до предела, и уже сами хозяева не могли остановить колесо без риска для собственной жизни. Поэтому берлинские механики предпочитали не слышать противного скрежета на оси и не видеть, что колесо начинает понемногу бить из стороны в сторону. Зато если у фронтовых офицеров имелись какие-то иллюзии относительно перспектив дальнейшего наступления, они развеялись очень быстро. Во всяком случае, Гудериан пишет, что под Оршей он столкнулся с неожиданно сильным сопротивлением русских. Но деться было некуда, и 10 июля началось наступление на Смоленск. Гот нанес удар силами XXXIX моторизованного корпуса в направлении на Духовщину, обходя Смоленск с севера. Одновременно 2-я танковая группа Гудериана начала наступление с юга, переправившись через Днепр по обе стороны Могилева. Им удалось окружить 4 дивизии сил 13-й армии, которые хотя и продолжали сражаться в окружении еще 2 недели, замедлить продвижение немецких танков не сумели. Кстати, во время героической обороны Могилева немцы начали

называть его «Русский Мадрид», так как еще помнили события Гражданской войны в Испании. Это тоже стало серьезным знамением, которое панцер-генералы проглядели, хотя и не без оснований.

XLVII моторизованный корпус Лемельсена, наступавший севернее Могилева, двинулся прямо на Смоленск. После боя под Красным уже 16 июля 29-я моторизованная дивизия ворвалась в город. Следом за ней подошла 17-я танковая дивизия. Как-то неожиданно выяснилось, что защищать город некому, потому что две дивизии 16-й армии генерала Лукина были брошены навстречу наступающим немцам. Оборонять город пришлось 129-й стрелковой дивизии, входившей в 19-ю армию, но потерявшей связь со своим штабом, позднее подошли еще две дивизии из той же армии. Но это помогло плохо. Как обычно в подобных случаях, издаются грозные приказы. 17 июля маршал Тимошенко рыкнул на своих подчиненных:

«Государственный Комитет Обороны отметил своим специальным приказом, что командный состав частей Западного фронта проникнут эвакуационными настроениями и легко относится к вопросу об отходе войск от Смоленска и сдаче Смоленска врагу. Если эти настроения соответствуют действительности, то подобные настроения среди командного состава Государственный Комитет Обороны считает преступлением, граничащим с прямой изменой Родине. Комитет Обороны приказал пресечь железной рукой подобные настроения, порочащие знамя Красной Армии. Город Смоленск ни в коем случае не сдавать врагу».

Но помогло это мало, как, впрочем, и любые другие бумажки. К утру 19 июля город был занят немцами.

При этом следует отметить, что оба командующих танковыми группами страшно рисковали, так как их фланги были открыты. Группа Гота растянула свои позиции на слишком длинном фронте. Советское командование могло этим воспользоваться и попыталось, нанеся 4 июля контрудар под Сенно силами 5-го и 7-го мехкорпусов. Однако после первого успеха, когда 7-я танковая дивизия немцев была отброшена назад, немцы стянули туда зна-

чительные силы и отбили наступление. При этом, как всегда, советские мехкорпуса растеряли до 30 процентов танков еще на марше.

В этот момент на помощь нам пришло ОКХ. Берлинским стратегам, у которых от обилия заманчивых целей начали разбегаться глаза, вдруг вздумалось разгромить части 22-й и 29-й армий, занимавшие позиции на стыке между группами армий «Центр» и «Север». Для этого оно отобрало у Гота LVII танковый корпус и приказало ему наступать на север в направлении Великих Лук. Город даже был занят 20 июля, но немцев тут же выбили из него. В результате в самый напряженный период боев Гот потерял один танковый корпус из двух. Следует также помнить, что напряжение боев уже начало сказываться и на немецких частях. Непрерывные победы тоже дорого стоили, например, в 3-й танковой дивизии осталось 35 процентов танков, а с подкреплениями дело обстояло очень плохо.

И все-таки резко ослабленная группа Гота прорвала фронт, и 7-я танковая дивизия двинулась на Духовщину. Буквально в самый последний момент немцы успели перебросить к Витебску три пехотных корпуса 9-й армии, иначе положение Гота стало бы просто катастрофическим. Так у него хотя бы появился тыл. 7-я танковая дивизия продолжала наступление, и 13 июля ее отделяло от 29-й моторизованной дивизии Гудериана всего около 40 километров.

У Гудериана этого тыла в какой-то момент не оказалось. 13 июля советский 63-й стрелковый корпус нанес контрудар в направлении на Бобруйск, подрезая южный фланг 2-й танковой группы. Наши войска форсировали Днепр и заняли Жлобин и Рогачев. Наступавший южнее 66-й стрелковый корпус продвинулся на запад на 80 километров, выйдя к переправам через Березину. При нормальной организации это контрнаступление поставило бы Гудериана не на грань, а за грань катастрофы. Но наши стрелковые дивизии не были усилены танками, и немецкое командование успело перебросить резервы, остановив наступление. 22 июля наступление было возобновлено с целью деблокады гарнизона Могилева. Однако теперь успехи были совсем незначительными, так как в этом районе была развернута немецкая 2-я армия. Кроме всего прочего, этот контрудар привел к тому, что немного позднее

силы Группы армий «Центр» были повернуты на юг, что завершилось Киевским котлом.

16 июля части авангарда 7-й танковой и 29-й моторизованной дивизий встретились, хотя даже сами немцы считают, что окончательно завершили окружение 16-й и 20-й армий только 26 июля. Правда, фельдмаршал фон Бок в своих дневниках указывал, что даже после того оставался разрыв в районе Ярцево и Соловьево, и сами немцы признают, что значительная часть окруженных выскользнула из котла. Здесь, к сожалению, приходится в очередной раз признать полнейшую беспомощность советского командования. Кольцо окружения было замкнуто чисто символически, особенно слабыми были позиции XLVII моторизованного корпуса армии Гудериана. Он растянулся длинной тонкой кишкой, перерезать которую было, наверное, не слишком трудно. В северной части кольца стояла 7-я танковая дивизия, которая к этому времени потеряла уже более половины имевшихся танков.

Ставка решила попытаться спасти окруженные армии, и была намечена операция по прорыву кольца. Однако план был составлен крайне неудачный, он, словно под кальку, повторял недостатки всех предыдущих. Снова предпринимались какие-то разрозненные тычки с разных сторон. 21 июля Ставка создала пять оперативных групп, использовав войска 29, 30, 24 и 28-й новых армий Резервного фронта. Предполагалось нанести концентрические удары в направлении на Смоленск:

— оперативная группа И.И. Масленникова (3 стрелковые дивизии) должна была наступать в направлении Велижа;

— оперативные группы В.А. Хоменко (3 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии) и генерал-лейтенанта С.А. Калинина (3 стрелковые дивизии) — с северо-востока;

— оперативная группа К.К. Рокоссовского (2 стрелковые и 1 танковая дивизии) — с востока;

— оперативная группа В.Я. Качалова (2 стрелковые и 1 танковая дивизии) — с юго-востока (со стороны Рославля).

Непосредственное руководство оперативными группами было возложено на генерал-лейтенанта А.И. Еременко (с 19 июля — командующий Западным фронтом).

Одновременно на южном фланге Западного фронта 21-я армия получила задачу возобновить наступление с целью разгрома

бобруйско-быховской группировки противника и восстановления связи с осажденным Могилевом (об этом мы уже упоминали), а 13-я армия должна была продолжить атаки на Кричев и Пропойск. Из полосы 21-й армии по тылам могилевско-смоленской группировки противника была направлена кавалерийская группа в составе 3 кавалерийских дивизий. Хотелось бы посмотреть, сумели бы отбиться немцы, если бы эти силы были сведены в две группы, не более.

В результате все кончилось, как говорится, себе дороже. Мало того, что не удалось пробить коридор к окруженным армиям и освободить гарнизон Могилева, так еще вдобавок в окружение попала группа Качалова. 5 августа фон Бок доложил об окончании битвы за Смоленск. По утверждениям немцев, они захватили 302 000 пленных, уничтожили и захватили 3205 танков, 3120 орудий, 1098 самолетов.

В этот момент ход событий резко изменился. Я уже писал и не отказываюсь от своих слов: у немцев просто не хватало сил, чтобы успешно вести блицкриг на всем протяжении Восточного фронта, что они упрямо пытались делать. Но последующие решения Гитлера это прямо подтвердили. И опять же я не отказываюсь от своих слов о том, что Германия не имела шансов на победу в войне с Советским Союзом. Но принятые в начале августа решения лишили немцев даже **тени** шанса. Дело в том, что 4 августа Гитлер прилетел в штаб Группы армий «Центр». Там он подтвердил свое ранее принятое решение направить 2-ю танковую группу на север к Ленинграду, а 3-ю — на юг к Киеву. Правда, он разрешил фон Боку ограниченное наступление в районе Ельни, так как уверовал, что у русских не осталось никаких серьезных сил для защиты Москвы. Предвидеть, что вслед за вторым стратегическим эшелоном на фронте появится третий, немцы не могли даже в кошмарных снах. В войне против Польши ошибки стратегической разведки сошли немцам с рук. В войне против Англии они уже обернулись серьезными неприятностями. В войне против Советского Союза слепота Абвера привела к катастрофе.

И все-таки решение Гитлера понять никак невозможно: если бы фон Бок продолжал наступление силами танковых групп Гота и Гудериана, несмотря на все их потери, он сохранял какие-то шансы дойти до Москвы. Рассуждения неких «культовых историков» о стратегической тени южных фронтов, накрывающих войска, иду-

щие на Москву, являются чистой воды схоластикой. К сожалению, советские войска (а генералы в особенности) уже неоднократно показали свою полную неспособность вести наступательные действия, поэтому с юга фон Боку не грозило **ничто**. Кстати, может, и немцы в этот момент несколько переоценили наступательный потенциал южных фронтов? Зато оборону наша армия вела все более упорно и умело.

Только сейчас немецкие генералы в полной мере оценили протяженность и глубину нового театра военных действий. И тут же в Высшем командовании вспыхнули споры — что делать дальше. 7 августа встретились начальники штабов ОКХ Гальдер и ОКВ Йодль, чтобы обсудить дальнейшие планы. Генерал Варлимонт не без ехидства замечает, что подобное совещание проводилось впервые. Три дня понадобилось генералам, чтобы выработать единую точку зрения — нужно наступать на Москву. 18 августа ОКХ готовит меморандум для командующего Сухопутными силами фон Браухича. В нем открытым текстом говорится, что оставшихся сил хватит для наступления только на одном направлении, и этим направлением должно стать московское. Однако немецким генералам не хватило смелости общими усилиями постараться разубедить Гитлера. Единственным, у кого хватило вредности характера протестовать, снова стал Гудериан, который утверждал, что его дивизии слишком измотаны для броска на юг. Однако с фюрером не сильно поспоришь, и 21 августа Гитлер принимает окончательное решение — направить танки на юг и на север, а не на Москву. Он заявил, что это совсем не новое решение, и действительно впервые об этом он сказал еще 8 июля.

«Я уже совершенно ясно и недвусмысленно заявлял об этом с самого начала операции. Главной задачей, которой следует решить до начала зимы, является не захват Москвы, а оккупация Крыма на юге, а также промышленного и угольного бассейна на Донце».

Это дополнение к директиве № 34 было представлено фон Браухичу для ознакомления с ним командующих группами армий. Мы можем твердо заявить: 21 августа молниеносная война на

Восточном фронте завершилась. Немцам еще удались несколько блицопераций, завершившихся очень успешно, но вот войну они проиграли окончательно и бесповоротно.

27 июля началась перетряска командования Группы армий «Центр» с учетом предстоящих операций. У Гота отобрали почти все танковые дивизии, передав из Группы армий «Север», а в утешение повесили ему на шею 9-ю армию, так как заболел ее командующий генерал Штраусс. 2-ю танковую группу переименовали в Армейскую группу «Гудериан» и погнали-таки на юг. Пришлось ему отводить душу. Стремительный Гейнц лично возглавил переданный ему из 4-й Армии IX армейский корпус и в районе Рославля соединился с XXIV моторизованным корпусом фон Швеппенбурга, окружив части советской 28-й армии. После этого армия Гудериана двинулась на юг. С ней должна была взаимодействовать 2-я армия фон Вейхса, но тот наступал на Гомель очень неспешно. Гудериан уже успел отрезать остаткам Центрального фронта пути отхода, когда фон Вейхс добрался до Гомеля. XXIV и XLVII моторизованные корпуса продолжали двигаться дальше на юг, и перед ними не было никаких сил Красной Армии. 30 августа Сталин приказал Брянскому фронту генерала Еременко ликвидировать прорыв, но этот приказ так и остался благим пожеланием. Генерал с немалой обидой пишет:

«Атаки противника носили по-прежнему ярко выраженный авантюристический характер. Прорвавшись на каком-либо участке фронта, гитлеровцы всеми средствами пытались создать видимость полного окружения наших частей. Мчавшиеся по дорогам мотоциклисты и танки вели беспорядочную стрельбу. За танками, как правило, на машинах двигалась пехота. Война в этом районе шла по дорогам и вдоль дорог. Лесов и болот враг избегал. Мотоциклисты и танки «прочесывали» огнем лежащие на их пути леса, не нанося этим огнем нашим частям существенного урона».

Непонятно только, что мешало Еременко этот авантюризм пресечь, потому что войска Гудериана продвинулись на юг почти на 300 километров, захватив плацдармы на реке Сейм. Несмотря на это, Еременко, не краснея, повествует о том, как Гудериан опозорился:

«Далее Гудериан довольно подробно рассказывает о том, как он, напуганный нашим активным противодействием, поспешно запросил подкрепления.

Эти настойчивые требования помощи, расцененные гитлеровской Ставкой как панические, а также провал наступления на Трубчевск принесли Гудериану много неприятностей, и он не мог вспоминать о них без горечи и стыда».

Никаких подкреплений Гудериан не получил, ему даже не отдали его собственный XLVI моторизованный корпус, однако он спокойно продолжал двигаться на юг, не особенно замечая усилия Еременко. По-прежнему атаки производились разрозненно, и немцы их без труда отбивали. Вообще, этот бросок группы Гудериана на юг очень напоминает его же собственный бросок к Ла-Маншу в мае 1940 года. Последствия для находящихся перед ним войск были такими же катастрофическими, но стратегического успеха он не принес. Понимаю, что это звучит странно. Окружение целого фронта — и не стратегический успех, как это так? Война в России оказалась весьма специфической, и правильные немецкие мозги этой специфики понять не сумели. Ну, отодвинули немцы фронт еще на 500 километров, так это для Франции смертельно, а не для России. Ну, потеряли наши войска еще 600 000 человек, так и это для Советского Союза не стало роковым ударом. Вот если бы Гудериану удалось под Дюнкерком уничтожить Британский экспедиционный корпус, хоть в нем и было около 200 000 солдат, тогда ход войны вполне мог измениться кардинально. И, несмотря на все успехи немцев, маховик блицкрига уже скрежетал вовсю и вихлялся, едва удерживаясь на оси.

Наступление Группы армий «Юг» развивалось медленно по сравнению с северным и центральным участками фронта. Прежде всего фельдмаршала Рундштедта словно якорь держала Армейская группа «Антонеску» (да-да, того самого), опиравшаяся флангом на побережье Черного моря. Советские войска действовали неудачно, но зато румыны — вообще никак. В результате Группа армий «Юг» превратилась в нечто вроде огромной балки, закрепленной одним концом и вращающейся вокруг него. После прорыва

1-й танковой группы наш Юго-Западный фронт оказался рассеченным на две части, но и северная группировка под Коростенем, и южная оказали немцам самое упорное сопротивление. Немцам удалось отрезать в районе Умани части 5 советских корпусов, что было серьезным, но не решающим ударом. К концу августа немцы вышли к Днепру на большом протяжении и уперлись в него намертво. Осторожное поведение фон Рундштедта понятно: немецкая разведка в очередной раз обманула своего генерала. По ее оценкам, генерал Кирпонос имел 73 стрелковых, 16 танковых и 5 кавалерийских дивизий, хотя на самом деле вдвое меньше. Но попытка форсировать столь широкую реку, как Днепр, при таком превосходстве противника легко могла закончиться катастрофой, и фон Рундштедт резонно решил не рисковать. В авиации Красная Армия на этом участке фронта также сохраняла превосходство. В начале августа Кирпонос твердо обещает Сталину удержать Киев, что в этот момент звучит вполне обоснованно.

Но тут вмешалась Ставка, создав некую структуру под названием «Юго-Западное направление» и поставив во главе его маршала Буденного. Он должен был координировать действия Южного и Юго-Западного фронтов. Буденный сразу принялся распоряжаться. Все подкрепления из района Харькова спешно перебрасывались прямо в Киев, вместо того чтобы укреплять фланги. Даже немецкий агент не мог бы принести большего вреда.

Первым к Киеву вышел III танковый корпус, однако генерал фон Макензен не решился на лобовой штурм. Вскоре части танковой группы Клейста были переброшены на другие участки фронта, а их место занял XXIX корпус. 30 июля немцы предприняли первый штурм, но были без труда отброшены. Следующая атака была предпринята 8 августа, и она тоже была отбита с большими потерями. Ветераны начали с ужасом вспоминать позиционную мясорубку Вердена. На северном фасе выступа советская 5-я армия генерала Потапова так же успешно отбивала атаки 6-й армии фон Рейхенау.

Несмотря на все это, начиная с середины августа генерал Кирпонос неоднократно обращался с просьбами отвести армию Потапова, и 23 августа она уходит за Днепр. Но тут генерал Потапов допустил грубую ошибку: его войска не уничтожили важный деревянный мост в Горностайполе, и немцы прорвались следом. Эти

неуничтоженные мосты стали настоящим проклятием Красной Армии. По какой-то неизвестной причине ни в первые дни войны, ни через два месяца после ее начала по всему фронту от Балтийского моря до Черного тут и там мосты попадали в руки к немцам совершенно неповрежденными. Кирпонос приказал своей авиации любой ценой уничтожить мост. Штурмовикам Ил-2 удалось поджечь его, и в результате LI корпус оказался отрезанным. Но воспользоваться этим Кирпонос не сумел. Положение советских войск в районе Киева продолжало ухудшаться.

Тем временем танки Гудериана продолжали катиться на юг, хотя их оставалось не так уж много. Во всей Армейской группе «Гудериан» имелось не более 200 танков. Часто пишут, что формула блицкрига — это «панцер» плюс «Штука», но вот количество «панцеров» у Гудериана заметно сократилось, а «Штук» не было вообще. Его наступление поддерживали 3-я и 53-я бомбардировочная эскадры, 210-я эскадра скоростных бомбардировщиков (Ме-110) и 51-я истребительная эскадра. И ни одной Штукагешвадер! Для того чтобы остановить Гудериана, была сформирована 40-я армия генерала Подласа. Однако 24 августа 3-я танковая дивизия генерала Моделя стремительным ударом захватывает мост через Десну в Новгород-Северском, хотя в ней остался всего 41 танк вместо 198 по штату. Ох уж эти мосты! Попытки выбить немцев с плацдарма, равно как и попытки удара в тыл корпусу фон Швеппенбурга, ничего не дали. Кроме того, наконец-то раскачалась 2-я армия фон Вейхса, которая перешла в наступление и отбросила советскую 21-ю армию, которая имела приказ атаковать западный фланг Гудериана, к Киеву. Попытки Еременко замедлить наступление «подлеца Гудериана» провалились, что бы он потом ни писал. 3 сентября разрыв между Брянским и Юго-Западным фронтами составил около 30 километров, к 10 сентября он увеличился чуть ли не до 100 километров. Части XXIV моторизованного корпуса растянулись на 230 километров, но даже эту тонкую кишку советские части перерезать не сумели. Хуже того, эта потрепанная дивизия Моделя смяла 40-ю армию генерала Подласа и захватила Ромны. Положительно, советские генералы просто не представляли, что нужно делать в стремительно меняющейся обстановке современной маневренной войны и выглядели просто беспомощно.

Угроза Юго-Западному фронту стала совершенно очевидной, и 11 сентября генерал Кирпонос запросил разрешение отвести войска с Днепра на рубеж реки Псел. Сталин отказал и назначил командующим Юго-Западным направлением маршала Тимошенко вместо Буденного. Но эти перестановки уже не играли никакой роли.

А тем временем события на южном фасе Киевского выступа тоже принимали все более зловещий характер. 19 августа 9-я танковая дивизия фон Клейста переправилась через реку в Запорожье, но была выбита с плацдарма. 20 августа части 17-й армии захватили плацдарм в Кременчуге, а 25 августа 13-я танковая дивизия захватила важный мост (опять!!!) в Днепропетровске. В течение недели немцы закреплялись на плацдарме, отбивая атаки советских войск. Блокировать плацдарм должна была спешно созданная 38-я армия, которая со своей задачей не справилась. Впрочем, ожидать этого было трудно, так как все свежие резервы направлялись на северный фас.

Несколько неожиданно фон Клейст проявил проблески полководческого таланта: он сумел обмануть своего противника генерала Фекленко. Оставив III моторизованный корпус с частями усиления оборонять мост в Днепропетровске, он перебросил XLVIII моторизованный корпус на плацдарм 17-й армии в Кременчуге. Отметим, что к этому времени у Клейста остался 331 танк, всего 53 процента имевшихся 22 июня. Но немцам хватило и этого. 12 сентября был нанесен внезапный удар, фронт был прорван. 16-я и 9-я танковые дивизии рванулись вперед, проделав за 12 часов более 70 километров. Это был уже не блицкриг, а суперблицкриг... 2-й батальон 2-го танкового полка разгромил штаб 38-й армии, генерал Фекленко спасся, выпрыгнув в окно. Оставив 17-ю армию прикрывать фланги, 1-я танковая группа устремилась навстречу Гудериану.

Над всем Юго-Западным фронтом нависла угроза уничтожения, но командование не решалось предпринять хоть что-то. Сопротивление наших войск усилилось, дивизии Моделя потребовалось два дня, чтобы захватить Ромны, однако остановить немецкое наступление все равно не удалось. 13 сентября Модель совершил бросок в 50 километров и вышел к Лохвице, где и должен был встретиться с 16-й танковой дивизией Хубе. Официально Киевский котел был захлопнут 14 сентября в 18.20. И в тот же са-

мый день маршал Шапошников напомнил командованию Юго-Западного фронта, что оно должно исполнять приказ товарища Сталина и упорно обороняться. Конечно, легко свалить все на Сталина и говорить о том, что диктатор, мол, не понимал характера современных операций и не успевал за «молниеносным кригом». Но ведь котлы в Минске, Смоленске и Умани организовал не Сталин, а его генералы, так что показали они себя ничуть не лучше.

Маршал Тимошенко предпринял византийскую попытку спасти положение. Он отправил к Кирпоносу на самолете полковника Баграмяна с **устным** приказом начать отступление. Однако Кирпонос, прекрасно зная советские реалии, потребовал **письменный** приказ. Пока шли препирательства, пока готовилась нужная бумага, было потеряно несколько дней. Представить, чтобы Кирпонос позволил себе неповиновение в стиле Гудериана, примеры которого мы не раз приводили, просто невозможно. Впрочем, хотя Гудериана за его выходки никто не расстрелял, звание фельдмаршала один из самых талантливых немецких генералов тоже не получил.

Нужное разрешение пришло Кирпоносу только в ночь с 17 на 18 сентября, и то в нем говорилось об оставлении Киева, но не о выходе из окружения. Но все это было уже бесполезно. К этому времени 5 окруженных армий просто развалились, как это произошло в Минском котле. Немцы нанесли несколько вспомогательных ударов, рассекли котел на части, и на том все закончилось. Попытка прорыва кольца окружения снаружи завершилась провалом. Спешно созданная конно-механизированная группа генерала Белова старательно повторила все допущенные ранее ошибки, не пропустив буквально ни одной. Сухая хроника: 17 сентября атакует 2-й кавалерийский корпус, 18 сентября — 129-я танковая бригада, 20 сентября — 1-я танковая бригада, 22 сентября — 100-я стрелковая дивизия. Чтобы отразить такие атаки, хватало даже вымотанных до предела немецких дивизий.

Бои в котле завершились 26 сентября. Немцы захватили 665 212 пленных, 884 танка, 3436 орудий. Еще одна потрясающая блицоперация. Обратите внимание: непосредственно на все это немцам потребовалось около трех недель, не более. Маховик завертелся с новой силой, но тут не выдержала проржавевшая и источенная ось. Огромное колесо сорвалось и с воем пошло крушить все вокруг. Первыми под удар попали Панцерваффе.

Если же перейти на язык сухой прозы, то выяснится, что немцы одержали потрясающую военную победу, не решив ни одной из поставленных задач. Захват Донецкого угольного и промышленного района был важен не сам по себе, а лишь в контексте подрыва экономического потенциала СССР. Но этот потенциал, хоть и получил страшный удар, подорван **не был**. Более того, уже летом 1941 года началась масштабная эвакуация промышленных предприятий на восток. Значение этой операции, как мне кажется, **в полной мере** до сих пор не оценено. С моей точки зрения, ее вклад в конечную победу ничуть не меньше, чем у Сталинградской или Курской битвы. Еще один интересный нюанс. Использовать в серьезных масштабах промышленный потенциал Донецкого бассейна немцы так и не сумели. Если заводы «Шкода» исправно снабжали Вермахт танками и пушками, то про «Тигры» производства ХТЗ никто ничего не слышал.

В сентябре немецкое командование в очередной раз поверило, что победа над Советским Союзом близка. Красной Армии были нанесены колоссальные потери, Вермахт подошел к Ленинграду, операции на юге тоже развивались удачно. 6 сентября Гитлер подписывает директиву № 35, приказывая создать фланговые группировки для ведения оборонительных операций и отражения наступления армий Тимошенко. Фюрер приказал фон Боку как можно быстрее начать наступление, не задаваясь глупым вопросом: а какими, собственно, силами будет наступать Группа армий «Центр», лишившаяся всех своих танковых корпусов?

Однако 16 сентября фон Бок все-таки подписывает план операции «Тайфун», в которой должны были участвовать три танковые группы. Дело в том, что ОКХ пообещало передать ему группу Геппнера (3 танковые, 2 моторизованные, 2 пехотные дивизии) и вернуть с юга Гудериана, как только будет завершена операция под Киевом. Как и во время последнего наступления, фон Бок решил сдвоить танковые группы с обычными армиями, создавая таким образом некие гигантские «боевые группы». В самый подходящий момент начались споры и дрязги между генералами. Фон Бок намеревался провести глубокий обход Вязьмы, тогда как ОКХ предлагало не столь глубокую операцию. После ликвидации оче-

редных котлов (а никто из немецких генералов не сомневался, что все пройдет быстро и гладко) Гальдер предлагал бросить моторизованные дивизии прямо на Москву. Но Гитлер вдруг проявил проблески трезвого разума и заявил, что не желает вести бои в крупном городе. Точно так же он не хотел боев на улицах Ленинграда и Киева. Предложение скоординировать это наступление с ударом 16-й армии фон Лееба к озеру Ильмень и армий фон Рундштедта на Харьков фон Бок тоже воспринял без энтузиазма.

Примерно месяц центральный участок фронта оставался статичным. За это время немецкая фронтовая разведка довольно точно определила противостоящие фон Боку силы, выявив 80 из 83 советских стрелковых дивизий. Однако Абвер продолжал кормить высшее руководство сказками, что частично объясняло неумеренный оптимизм ОКВ и ОХК, которые полагали, что здесь находятся только 54 советские дивизии. Не были до конца решены проблемы со снабжением. Танковые дивизии были изрядно потрепаны боями и переходами, танковая группа Гудериана после броска на юг имела не более 50 процентов штатной численности, группа Гота — не более 70 процентов, лишь у Геппнера все обстояло более или менее нормально.

24 сентября состоялась штабная игра по плану «Тайфуна», который, как надеялись немцы, станет последней блицоперацией этой войны. В ней участвовали фон Браухич, Гальдер, Кессельринг, то есть чуть ли не все высшее военное командование Германии. Главный удар планировалось нанести силами 4-й армии и 4-й танковой группы, наступавшими в центре. Данные о силах участников крайне противоречивы. Одни источники утверждают, что немцы имели двойное превосходство чуть ли не по всем показателям, другие заявляют чуть ли не о равенстве. Правда, никто не говорит о превосходстве советских войск. Поэтому мы воздержимся от приведения цифр, ограничившись замечанием, что войскам фон Бока противостояли Западный, Брянский, Килининский и Резервный фронты.

Однако при организации обороны советское командование допустило ряд ошибок. Прежде всего было потеряно время. После того как центр тяжести немецких операций сместился на юг, почему-то был сделан вывод, что в этом году наступление на Москву уже не последует, поэтому подготовка велась достаточно вяло.

Документально оформленного плана ведения оборонительной операции на московском направлении у Ставки не было, существовал лишь замысел организации обороны. Да и формировался он поэтапно, а воплощался в жизнь распорядительным порядком. Ставка намеревалась, опираясь на глубоко эшелонированную оборону, не допустить прорыва немцев к столице. Основные усилия предполагалось сосредоточить на кратчайших путях к городу с запада: вдоль дорог Смоленск — Москва и Рославль — Москва. Создание первой очереди оборонительных сооружений намечалось завершить к 15 октября, а второй — к 20—25 ноября. К концу сентября готовность рубежей и линий обороны Москвы не превышала 40—50 процентов запланированного объема работ.

10 сентября Ставка потребовала от Западного фронта «прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группу для наступления в будущем». Одновременно совершенствовалось инженерное оборудование местности. Ближе к концу сентября штабы стали получать все больше разведданных о подготовке немцами крупного наступления; обстановка требовала принятия незамедлительных мер. Наконец 27 сентября командующие Западным и Брянским фронтами получили Директиву Ставки:

«В связи с тем, что, как выяснилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка ВГК приказывает:

1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций...

2. Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму, Брянск, Севск, Курск и стыки с соседними фронтами».

Далее Директива требовала от войск «устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствия-

ми». Ремарка мимоходом: сколько же чудовищных по масштабу поражений потребовалось, чтобы перейти от злосчастных стрелковых ячеек к окопам полного профиля.

Ставка не разгадала замысел противника на московском направлении: районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов врага.

Немецкое наступление началось 30 сентября в 06.35 ударом танковой группы Гудериана, который выпросил себе разрешение начать атаку на двое суток раньше остальных. Он нанес внезапный удар в районе Глухова на стыке между 13-й армией и группой Ермакова. Кстати, «Стремительный Гейнц» не изменял своим привычкам и руководил наступлением с передового командного пункта в Глухове, то есть фактически с линии фронта. Оборона советских войск была прорвана, а контратака Ермакова, предпринятая на следующий день, легко отражена. Так как на остальных участках фронта пока царила тишина, командующий Брянским фронтом генерал Еременко решил, что это всего лишь отвлекающий удар. Тем не менее было решено перебросить к месту прорыва часть резервов.

Буквально на следующий день после начала наступления 3-я танковая дивизия заняла Севск и XXIV моторизованный корпус устремился далее на Орел — Мценск — Тулу. А советское командование все еще ожидало главного удара в районе Брянска и держало там основные резервы фронта, спокойно глядя на движущиеся танковые колонны немцев. XLVII моторизованный корпус после прорыва резко повернул на север в направлении Брянска, окружая 13-ю и 3-ю армии. Навстречу ему ударил LIII корпус 2-й армии фон Вейхса. Две армии оказались в кольце. Генерал Еременко в очередной раз оказался неспособен контролировать ситуацию, и наступление развивалось беспрепятственно. Во второй половине дня 6-я рота 35-го танкового полка 4-й танковой дивизии ворвалась в Орел, а на улицах города мирно ходили трамваи. За 4 дня наступления эта дивизия прошла 240 километров, что плохо вяжется с рассказами об упорном сопротивлении.

2 октября перешли в наступление 9-я и 4-я армии. Сопротивление бойцов Красной Армии было ожесточенным, часто перехо-

дившим в рукопашные схватки, однако недолгим. Танки Гота и Геппнера вошли в прорывы и оборона на рубеже реки Десны рухнула. Воспользовавшись успехом Геппнера, 2-я армия вышла в тыл Брянскому фронту, и наметился еще один котел — теперь уже севернее Брянска.

Брянский фронт погиб в двух котлах. 17 октября была уничтожена окруженная севернее Брянска 50-я армия, а 20 октября был уничтожен котел южнее Брянска, где находились 3-я и 13-я армии. Самому Еременко **очень** повезло, потому что 13 октября он получил ранение и был вывезен на самолете в тыл. Не заслуживал он этого. Впрочем, даже погибая, фронт оказал просто бесценную услугу защитникам Москвы. Как мы видим, ликвидация котлов затянулась, украв у немцев целых три недели, в то время, когда им был дорог буквально каждый день. К тому же значительная часть личного состава окруженных армий все-таки сумела вырваться, хотя была потеряна вся тяжелая техника. Кстати, за это следует поблагодарить Гудериана. В который раз он предпочел развитие наступления созданию надежного кольца окружения. Главным же было то, что в очередной раз немецкие танки оторвались от пехоты, что вскоре привело к печальным последствиям.

Однако не все шло гладко и у немцев. Совершенно неожиданно командующий 4-й армией Клюге начал вмешиваться в действия Геппнера, который уже находился в глубоком тылу Брянского фронта. Главные силы 4-й танковой группы стремительно катились к Юхнову, но Клюге приказал XLVI моторизованному корпусу повернуть на север, соблазнившись возможностью устроить еще один котел в районе Вязьмы. Начали сказываться проблемы с работой железных дорог. Танковая группа Гота, прорвав фронт, 4 октября просто встала, так как у нее кончилось топливо. Командующий Западным фронтом генерал Конев использовал эту паузу, чтобы постараться спасти войска, и он добился такого приказа у Ставки. Ну, и уж совершенно неожиданным выглядит решение ОКХ в разгар наступления сменить командующего. Генерал Гот получил 17-ю армию в Группе армий «Юг», а его место занял генерал-оберст Рейнхардт. Это были уже совершенно непредвиденные зигзаги взбесившегося маховика.

А дальше начинается очень интересная история вокруг 4-й танковой дивизии, наступавшей на Мценск. Итак, утром 6 октяб-

ря дивизия вышла из Орла и тут же налетела на засаду, устроенную 1-м гвардейским стрелковым корпусом генерала Лелюшенко. Впрочем, в него входили и две танковые бригады. В последовавшем бою немецкая дивизия потеряла более 30 танков. Вскоре у села Первый Воин, чуть южнее Мценска, последовал новый бой, в котором были уничтожены еще 43 немецких танка. Все это сотворила 4-я танковая бригада полковника Катукова. Далее следует цитата из Гудериана, комментировать которую мы пока не будем:

«Одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска северо-восточнее Орла развернулись ожесточенные бои местного значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия, однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с нашим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущем».

Впрочем, дивизия генерала Лангермана продолжала идти вперед, но 11 октября под Мценском потерпела новое поражение. Одна только бригада Катукова уничтожила (по советским данным) 133 танка и 49 орудий, остановив немцев на подступах к городу.

А вот теперь мы начнем задавать вопросы. Сначала вопрос Гейнцу Гудериану. Что означает фраза «Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику»? Ведь с танками Т-34 немцы столкнулись прямо на границе, но почему-то тогда не считали их «материально превосходящими» и боролись с ними более или менее успешно. Что случилось? Может быть, как писал детский поэт, «однако за время пути собачка могла подрас-

ти»? Или просто «Стремительный Гейнц» ищет оправдания своим неудачам?

Далее следует вопрос полковнику Катукову. Известно, что к началу операции «Тайфун» в немецкой 4-й танковой дивизии числилось около 100 танков. Из Орла на Мценск вышли всего 59 танков. Из остальных 40 лишь 6 были уничтожены, остальные ремонтировались после поломок и повреждений. Но как из 59 танков уничтожить 133? И как увязать бодрые отчеты Катукова с рапортом генерала Лангермана, сообщившего о потере в бою под Мценском 10 человек убитыми и 33 ранеными, 6 танков уничтоженными и 4 поврежденными, 2 88-мм зениток и 2 105-мм орудий? Немцы почему-то до сих пор убеждены, что первый день боя за Мценск они выиграли. Вообще с этим боем что-то неладное. Описания противников расходятся настолько, насколько это возможно в принципе. Относительно сил противников и их потерь — это дело святое, такие цифры не сходятся никогда. Но ведь разнятся и описания самого боя!

Катуков утверждает, что его танки расстреляли из засады беспечно двигавшуюся по шоссе немецкую колонну, после чего благоразумно отошли, не ввязываясь в прямой бой. А немцы утверждают, что беспечно двигавшаяся по шоссе немецкая колонна действительно попала в засаду и потеряла несколько танков, после чего отошла. Русские начали их преследовать, налетели на 88-мм зенитки, потеряли до 30 танков, после чего поспешно отступили. Кому верить?

Но на этом разногласия не кончаются. Потом последовала оперативная пауза (так утверждают немцы) или 7 дней ожесточенных боев (так утверждают наши источники). 11 октября немцам все-таки удалось занять Мценск, но продвинуться дальше к востоку они не сумели.

Гудериан утверждает, что дальше начались сильнейшие дожди и его танки просто не могли сдвинуться с места. Врет, наверное... Люфтваффе тоже для отвода глаз сократили количество вылетов с 800 в день (6 октября) до 139 (9 октября), также ссылаясь на нелетную погоду. В общем, неважно по каким причинам, но танки Гудериана (он, судя по всему, тоже не пишет всей правды) застряли под Мценском до 22 октября.

Тем временем грянул гром под Вязьмой. 4-я танковая группа

Геппнера начала быстро продвигаться на Юхнов и Малоярославец. Один из корпусов он повернул на север, чтобы выйти к Вязьме. Там он встретился с наступающими с севера танками генерала Геппнера. На карте появился еще один котел, в котором оказались части 19, 20, 24 и 32-й армий. Однако и в этом случае более 80 000 солдат вырвались из котла. Этим котлы осени 1941 года уже принципиально отличались от летних. И провозиться с ними немцам пришлось гораздо дольше. В общем, хотя в первой фазе операции «Тайфун» фон Боку и удалось разбить армии, прикрывавшие Москву, уничтожить их он **не сумел**. Гудериан пишет исключительно точно:

«Успешно завершив бои в районах Брянска и Вязьмы, группа армий «Центр» добилась тем самым еще одного крупного тактического успеха. Вопрос о том, в состоянии ли она продолжать наступление, чтобы превратить этот тактический успех в оперативный, являлся наиболее важным со времени начала войны вопросом, стоявшим перед высшим командованием германской армии».

Впрочем, в его вопросе уже сразу виден и ответ. Фон Бок громогласно объявил, что захватил в котлах 673 098 пленных, 1277 танков, 4378 орудий. Видимо, чтобы получить круглую и красивую цифру — **миллион**, — еще 332 000 солдат были объявлены убитыми. Однако, выиграв сражение, он потерял время и проиграл войну. Перед немецким фронтом выросли новые армии. Наверное, прав был английский историк Лиддел-Гарт, когда писал, что сила Красной Армии в ее резервах, а слабость — в ее генералах.

Собственно, на этом можно было бы и остановиться, потому блицкриг 1941 года завершился. Следующей успешной блицоперации на Восточном фронте пришлось ждать полгода. Ни дальнейшие действия немцев, ни зимнее контрнаступление Красной Армии канонам этой теории не отвечали. Да, немцы еще планировали очередной гигантский котел, предполагая обойти Москву с севера и юга и замкнуть кольцо где-то в районе Орехово-Зуево. Хотя до исполнения этой сладкой мечты им было, как до луны пешком. Они и не дошли.

Если говорить кратко, то немецкие войска совершили еще один рывок по направлению к Москве, причем, как ни странно, самой большой угрозой столице оказалась не армия сверхэнергичного Гудериана и не самая сильная армия Геппнера, а остававшаяся как-то в тени армия Рейнхардта. Именно она прорвалась ближе всех к Москве, выйдя к Дмитрову, Яхроме, Красной Поляне. Именно ее офицеры «в бинокль рассматривали Кремль», как утверждал доктор Геббельс. Но к этому времени немецкие армии были окончательно обескровлены. О каком захвате Москвы можно бредить, если генерал Раус прямо пишет: «Построив оборону дивизии вокруг 5 уцелевших танков полковника Колля, мы сумели отбить первые атаки сибиряков...» Если всю танковую дивизию можно пересчитать по пальцам одной руки, тут жди неминуемой победы. Или другой пример: главная ударная сила Гудериана — XXIV моторизованный корпус — сохранила целых 11 орудий. Это очень много, так как для подсчета корпусной артиллерии нам уже не хватит пальцев даже двух рук.

1 декабря 4-я армия Клюге предприняла какие-то судорожные попытки наступать, но уже ничего не добилась, а 5 декабря Красная Армия перешла в контрнаступление. Операция «Тайфун» завершилась.

Резюме. Потрясающие успехи первых операций на Восточном фронте замаскировали порочность и авантюрность плана «Барбаросса» практически от всех, а прежде всего — недостаток сил у немцев. В 1941 году им так и не удалось решить проблему снабжения наступающих армий. Командующие группами армий стремились к окружению сил противника (идеал блицкрига), но котлы приобретали все более гигантский характер, и ликвидация окруженных группировок превращалась во все более сложную задачу. Кончилось это тем, что последние котлы вынудили немцев потерять слишком много времени, так и не добившись решающего успеха. Блицкриг требовал от командиров большой самостоятельности, и очень часто они действовали в рамках **директив**, а не **приказов**. Однако это приводило к появлению фигур вроде Роммеля и Гудериана. Они были способны, увлекшись своими собственными идеями и преследуя свои собственные цели, действовать так, что

рушился общий план операции. Особенно наглядно все это проявилось в ходе Битвы под Москвой. Хвалиться своими действиями здесь не может ни одна из сторон, но немцы проиграли битву. А значит, у них недостатков и ошибок оказалось гораздо больше, чем у нас.

Глава 8

РОММЕЛЬ ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Северная Африка, кажется, самим богом была создана как идеальный театр действий танковых войск. Бескрайние равнины позволяют маневрировать, как душе угодно, перебрасывать силы в нужную точку и облегчают действия авиации, так как укрыться от нее практически невозможно. А еще имеется берег Средиземного моря, который ровно вдвое облегчает задачу любого генерала — ведь у него имеется лишь один южный фланг. Северного просто нет.

Однако ирония судьбы заключается в том, что в 1940 году первыми там встретились противники, не имеющие даже отдаленного представления о том, что есть блицкриг. Нет, конечно, и маршал Грациани, и генерал Уэйвелл имели в своем распоряжении танки, вот только пользоваться ими они совершенно не умели. Положение Грациани еще больше осложнялось тем, что итальянские солдаты откровенно не желали воевать. Маршал имел вчетверо больше сил, поэтому ему пришлось проявить прямо-таки фантастическую изобретательность, чтобы находить причины для отсрочки наступления. Только постоянные понукания из Рима вынудили его после трех месяцев промедления перейти границу Египта. Продвижение вперед (назвать это наступлением никак нельзя) продолжалось целых 5 дней: с 12 по 17 сентября. После этого Грациани счел свою задачу выполненной и остановился, приказав войскам окапываться.

Видя полнейшую пассивность противника, англичане осмелели и решили попытаться атаковать противника. Сразу подчеркнем: операция «Компас» не задумывалась как наступление, пусть даже локальное. Это была не более чем разведка боем. Собственно, иначе и быть не могло, ведь итальянцы превосходили англичан в

живой силе в 5 раз, в артиллерии — в 12 раз, в танках — в 2 раза. Единственным козырем англичан были танки «Матильда», о встрече с которыми под Аррасом в мае 1940 года у Роммеля остались самые неприятные воспоминания. Решиться даже на разведку было тяжело, и только 7 декабря отряд «Западная пустыня» под командованием генерала О'Коннора выступил из Мерса Матрух. 9 декабря английские войска подошли к укрепленному лагерю «Нибейва» и атаковали его. Никаких тактических изысков, никакого взаимодействия разнородных сил... Все было исполнено в милом, наивном стиле периода прошлой войны — танки «Матильда» пошли в лобовую атаку прямо на проволочные заграждения и окопы. Но, как выяснилось, итальянцы не были готовы даже к такому. Итог — 4000 пленных и разгромленный лагерь, комендант генерал Пьетро Малетти убит. После этого британские танки двинулись дальше, и к вечеру были уничтожены еще два укрепленных лагеря итальянцев. 11 декабря одна из бригад 7-й бронетанковой дивизии атаковала отступающих итальянцев и захватила 14 000 пленных и 88 орудий. Однако, как гордо заявляют итальянские историки, это не помешало генералу Бергонцоли во главе танковой роты отойти к Бардии.

После этих столкновений итальянская 10-я армия перестала существовать как организованная сила. Остатки ее частей в беспорядке покатились дальше на запад, к Бардии, никем не преследуемые. Дело в том, что англичане просто растерялись, одержав такую грандиозную победу, на которую явно не рассчитывали. Они не только остановились в решающий момент, когда можно было довершить полный разгром противника, но по приказу командования одна из пехотных дивизий О'Коннора была отправлена обратно в Египет. Разгромленные итальянцы бежали на запад, победившие англичане стремительно двигались на восток. Правда, потом Уэйвелл спохватился, что происходит нечто непонятное, и перебросил на фронт свежую пехотную дивизию из Палестины. Таков был уровень стратегического мышления британского командования.

Впрочем, итальянцам нежданная передышка ничем не помогла. 3 января 1941 года английские войска пошли на штурм Бардии. Впереди двигались танки — все 22 «Матильды» разом. Бои, назовем это так, продолжались три дня, после чего гарнизон сдал-

ся — 45 000 человек, 462 орудия, 129 танков. После этого дивизии О'Коннора двинулись далее на запад, к Тобруку, и 21 января атаковали его. На следующий день гарнизон капитулировал — 30 000 человек, 236 орудий, 7 танков. На сей раз английскую атаку возглавляли 16 «Матильд».

И вот здесь англичане окончательно потеряли голову. Северную Африку можно было брать голыми руками, требовалось лишь одно — не останавливаться. Однако они остановились. В боях против итальянцев подобная неуклюжесть и неповоротливость оставались безнаказанными, но вскоре англичанам предстояла встреча с совсем иным противником. На горизонте начали сгущаться тучи — Гитлер решил оказать помощь разваливающемуся союзнику. Сначала речь шла об отправке в Африку некоего «заградительного отряда», но вскоре стало понятно, что силами одной бригады Триполитанию не удержать даже немцам, и появилось решение отправить туда целый корпус в составе двух дивизий. Так родился знаменитый DAK — Deutsche Afrikakorps.

Тем временем английское наступление продолжалось, но теперь ужасные «Матильды» остались позади, и к Беда Фомм вышла только бригада средних танков — целых 29 штук. На результате это не сказалось — 20 000 пленных, 216 орудий, 120 танков. Все эти достижения стоили 7-й бронетанковой дивизии 9 убитых и 15 раненых. Поэтому ничуть не удивительно, что Иден пустил в оборот новый вариант фразы Черчилля о Битве за Британию: «Никогда так много не было сдано столь многими столь немногим!» К марту 1941 года наступление англичан в Ливии завершилось. Они продвинулись более чем 800 километров, взяли 130 000 пленных, в том числе 22 генерала, уничтожили и захватили 400 танков и 1290 орудий, потеряв при этом около 1800 человек. Путь на Бенгази и далее, к границам Французского Туниса, был открыт. Еще одно небольшое усилие — и войска «Оси» будут окончательно выкинуты из Африки, после чего им вряд ли удалось бы там появиться, учитывая господство британского флота на Средиземном море. Но премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля обуял нестерпимый полководческий зуд (заметим, что его вмешательство в военные дела **всегда** кончалось для Великобритании **очень** скверно), и все самые боеспособные части бы-

ли-таки отправлены в Грецию. Как сумеют 2 дивизии остановить наступление германской 12-й армии, не знал никто, но их послали.

И как раз в это время в Африку прибывает человек, которому предстоит дать англичанам образцово-показательный урок — генерал Эрвин Роммель. После разгрома Грациани фон Браухич послал в Африку генерала барона фон Функа. Он должен был провести детальную разведку и принять командование над теми германскими войсками, которые будут посланы на помощь итальянцам. Однако в Германии фон Функу пришлось лично докладывать Гитлеру, который узнал в нем офицера штаба опозоренного генерала фон Фрича. Поэтому фон Функа быстро заменили любимчиком Гитлера. Роммель прилетел в Триполи 12 февраля, но лишь через месяц там появились сколько-нибудь заметные силы немцев — 5-й легкий полк. До этого Роммелю приходилось полагаться только на фальшивые танки, склепанные из фанеры на базе грузовиков.

21 марта Роммель начал наступление, которое тоже не должно было перерасти в крупную операцию, так как в его распоряжении имелась только недоукомплектованная 5-я легкая дивизия. Лишь в мае ожидалось прибытие 15-й танковой дивизии, после чего немцы собирались начать воевать всерьез. Однако теперь уже англичане не сумели оказать немцам практически никакого сопротивления и покатились назад с той же скоростью, с какой ранее наступали. 3 апреля Роммель захватил Бенгази, 8 апреля была захвачена Газала, 11 апреля — окружен Тобрук. Вот это была настоящая **молниеносная** война! Если англичане проделали этот путь за 3 месяца, то Роммелю понадобилось всего 2 недели. Английские командиры даже не представляли, что можно наступать с такой скоростью, ведь 9 апреля во время рекогносцировки того, что считалось глубоким тылом, в плен попали командир отряда «Западная пустыня» генерал О'Коннор и командующий войсками в Египте генерал Ним. Но в целом генеральский улов Роммеля оказался более бедным, чем у англичан, — всего 6 генералов.

Выйдя на границу с Египтом, Роммель остановился. Причина была более чем прозаической — у него просто не было войск, чтобы наступать дальше. Пока что он получил в качестве подкреплений только 2 итальянские дивизии, полагаться на боеспособность которых мог только очень смелый человек. Англичане гордятся тем, что Тобрук выдержал затяжную осаду, но это было совер-

шенно неудивительно. Пока что Роммель лишь обозначал штурмы, отнюдь не собираясь тратить силы на взятие города. Надо заметить, что до сих пор больше всего мешали Роммелю не англичане, а собственные начальники. Сначала ему пришлось чуть ли не угрозой отстранения от командования заставлять командира 5-й легкой дивизии генерала Штрейха выдерживать предписанный темп наступления. Затем начальник итальянского Генерального штаба генерал Гарибольди разразился целой серией истерических призывов остановиться. Позднее в ответ на просьбы Роммеля ускорить отправку подкреплений вместо танков прислали заместителя начальника германского Генерального штаба генерала Паулюса, которому была поставлена задача «помешать этому солдату окончательно спятить». Паулюс недвусмысленно объяснил Роммелю, что в связи с подготовкой операции «Барбаросса» он не может рассчитывать на новые подкрепления. Хорошо еще, если отправят то, что уже обещали. Например, та же 15-я танковая дивизия опоздала на месяц. Раз наступать не получалось, Роммель постарался закрепиться на ливийско-египетской границе, создав там цепь опорных пунктов. Правда, при наличии подвижных сил можно было надеяться, что они не разделят судьбу уже уничтоженных итальянских лагерей.

В мае 1941 года англичане предприняли первую вялую попытку прорвать блокаду Тобрука, однако их наступление захлебнулось, не успев начаться. А единственным результатом стал захват немцами важного горного прохода Хальфайя, о чем англичанам вскоре пришлось горько пожалеть. После этого англичане начали готовить новое наступление с целью деблокады Тобрука. Из Англии прибыл конвой, доставивший в Египет 238 танков, в том числе 135 «Матильд». 15 июня англичане перешли в наступление. Это наступление показало, до какой степени британские командиры ничего не понимают в танковой войне. Были нарушены буквально все ее основные принципы. Англичане **не** провели разведку. Англичане **не** использовали воздушную поддержку. Англичане **не** остановили свои танки, натолкнувшиеся на жесткую оборону. Предсказать результат в таких случаях нетрудно. От двух танковых батальонов, штурмовавших проход Хальфайя, осталось ровно два танка, хотя их встретили всего четыре 88-мм зенитки, которые немцы давно привыкли использовать в качестве противо-

танковых орудий. Попытка прорваться через хребет Хафид завершилась точно так же. 88-мм зенитки безнаказанно расстреливали британские танки как в тире.

Однако нет такой стены, которую нельзя попытаться прошибить лбом. На следующий день англичане снова попытались прорваться через хребет Хафид. И если накануне они считали потери батальонами, то теперь счет пошел уже на бригады. На третий день Роммель сам перешел в наступление, намереваясь окружить потрепанную британскую группировку. Но вот здесь англичане продемонстрировали завидную подвижность и сумели выскочить из намечавшегося котла. Впрочем, потери сторон говорят сами за себя — 91 английский танк против 12 немецких. Результатом этой неудачи стало отстранение от командования генерала Уэйвелла, его сменил генерал Окинлек. (Кстати, маленькая ремарка. Его фамилия — Auchinleck — читается именно как «Окинлек», по утверждению Кембриджского словаря английского произношения. Поэтому попытка русской «Википедии» превратить его в «Очинлека» заслуживает только сожаления.) Но, как выяснилось довольно быстро, это был единственный вывод, который сделали англичане из результатов провалившегося наступления.

Окинлек энергично принялся за дело, для начала попытавшись развенчать Роммеля, который уже успел прославиться. Но сделал он это более чем своеобразно, издав следующий глупейший приказ:

ВСЕМ КОМАНДИРАМ И НАЧАЛЬНИКАМ ШТАБОВ

ОТ: Главнокомандующего

Существует реальная опасность, что наш друг Роммель станет для наших солдат колдуном или пугалом. О нем и так уже говорят слишком много. Он ни в коем случае не сверхчеловек, хотя он очень энергичен и обладает способностями. Даже если бы он был сверхчеловеком, было бы крайне нежелательно, чтобы наши солдаты уверовали в его сверхъестественную мощь.

Я хочу, чтобы вы всеми возможными способами развеяли представление, что Роммель является чем-то большим, чем обычный германский генерал. Для этого представляется важным не на-

зывать имя Роммеля, когда мы говорим о противнике в Ливии. Мы должны упоминать «немцев», или «страны «Оси», или «противника», но ни в коем случае не заострять внимание на Роммеле.

Пожалуйста, примите меры к немедленному исполнению данного приказа и доведите до сведения всех командиров, что с психологической точки зрения это дело высочайшей важности.

(Подписано) К.Дж. Окинлек
Генерал

Разумеется, такой приказ лишь повысил репутацию Роммеля, а не принизил ее.

И все-таки даже у Роммеля далеко не всегда дела шли гладко. После двух неудачных попыток деблокировать Тобрук англичане предприняли третью — операцию «Крусейдер». В конце концов, если в спорте дают три попытки, то английские джентльмены, всегда рассматривавшие войну как разновидность спорта (граф Игнатьев утверждал это с полным знанием дела), тоже имели право на нее. Для этого наступления англичане сосредоточили крупные силы: 7 полностью укомплектованных дивизий, до 770 танков и 1000 самолетов. Итак, после смены командующего Черчилль рассчитывал на успешное и грандиозное наступление, однако генерал Окинлек занялся тем же самым, что и смещенный Уэйвелл, — начал требовать подкрепления и отыскивать причины для затяжек и отсрочек. Рост сил привел к изменению организационных структур. Отряд «Западная пустыня» сначала превратился в Армию Нила, а потом в 8-ю армию под командованием генерала Каннингхэма, разделенную на два корпуса: XIII и XXX.

Этим силам противостояли 10 потрепанных дивизий «Оси», из которых лишь 3 были немецкими, около 400 танков и 450 самолетов. Как часто бывает в подобных случаях, немцы пытались замаскировать слабость своих сил присвоением грозных названий своим соединениям. Если сначала это был, как мы уже говорили, «заградительный отряд», то с прибытием Роммеля он превратился в Германский Африканский корпус — Deutsche Afrikakorps, хотя не получил ни одного лишнего солдата. Дальше — больше, летом 1941 года он превращается уже в Танковую группу «Африка».

Увы, в ее составе как были, так и остались 15-я и 21-я танковые и 90-я легкая дивизии. Да, конечно, следует добавить несколько итальянских дивизий, но их боеспособность как была, так и осталась более чем сомнительной, а участие в операциях чаще всего было чисто символическим. Как говорится: «Мы пахали». То есть в отличие от английских переименований немецкие носили чисто психологический характер. Вообще-то мне страшно подумать, что могло произойти, если соотношение числа итальянских и немецких дивизий было бы обратным.

Внешне план англичан выглядел логично: сковать силы «Оси» на фронте атакой XIII корпуса, в то время как XXX корпус обойдет их правый фланг, уничтожит танковые дивизии Роммеля и соединится с гарнизоном Тобрука. Но когда начинаешь рассматривать его более внимательно, становится понятно, что весь план представляет собой форменное надругательство над принципами танковой войны. Англичане равномерно размазали свои танковые бригады по всему фронту. Роммель отметил, что англичане подставили ему под удар поочередно три свои танковые бригады.

Английское наступление началось 18 ноября и сначала проходило гладко.

7-я бронетанковая бригада обошла фланг вражеских позиций и двинулась дальше, оттесняя слабые немецкие заслоны. В это время 22-я танковая бригада атаковала итальянскую танковую дивизию «Ариете», но действовала настолько неумело, что итальянцы устояли, уничтожив при этом 40 из 160 атаковавших английских танков. Все-таки англичане добились определенного успеха, захватив аэродром Сиди-Резег. Но уже прозвенел первый звонок. Немцы внезапно атаковали растянувшуюся колонну 4-й бронетанковой бригады и потрепали ее тылы. Англичанам еще повезло, потому что немцы по ошибке направили 15-ю танковую дивизию в другом направлении. Зато 20 декабря она атаковала 4-ю бригаду и уничтожила еще 40 английских танков.

Но, совершенно неожиданно для себя, 21 ноября Роммель получил удар в спину. 70-я дивизия, составлявшая основу гарнизона Тобрука, нанесла удар навстречу своим танкам. К огромному изумлению немцев, в этой атаке участвовало до 50 пехотных танков. Однако встреча не состоялась, так как 7-я бригада ввязалась во встречный бой с подошедшими немецкими танками. Умело ис-

пользуя артиллерию, немцы уничтожили бригаду, в которой осталось только 28 танков из 160.

И все-таки англичане смотрели в будущее с оптимизмом, так как Роммель был вынужден снова разделить свои дивизии. Тобрук осталась блокировать только 21-я танковая. XXX корпус мог прорваться к крепости, но его командир генерал Норри решил проявить осторожность, так как у него осталось всего 200 танков. Роммель о таком количестве мог только мечтать, а потому, скорее всего от зависти, 22 ноября нанес удар, выбив англичан с аэродрома Сиди-Резег. При этом немцы сожгли еще 50 танков, в основном из состава 22-й бригады. Англичане попытались было снова занять аэродром, однако это привело только к очередной гекатомбе. Например, от 7-й бронетанковой бригады осталось только четыре танка, а всего за четыре дня боев Окинлек потерял 530 танков против 100 немецких.

Зато на фронте XIII корпуса англичанам удалось добиться более заметных успехов. Было взято несколько мелких опорных пунктов, другие оказались в окружении. Но 23 ноября Роммель снова попытался перехватить инициативу. Сведя вместе две свои танковые дивизии и при помощи итальянской танковой дивизии «Ариете» он попытался отрезать и уничтожить прорвавшиеся части XXX корпуса. Ценой серьезных потерь он уничтожил одну пехотную бригаду, однако остатки английской группы вырвались из окружения. Однако здесь Роммель начал проявлять нехарактерную для себя нерешительность. Его танковые дивизии то бросались на восток к опорным пунктам на границе, то возвращались на запад к Тобруку. Естественно, что такие метания не принесли успеха, зато принесли новые потери, так как британская авиация наносила удары по немецким колоннам на марше. Приказы либо не поступали в войска, либо истолковывались совершенно неправильно.

Словом, конец ноября стал черным периодом для Роммеля. Впервые ему пришлось отступать, чтобы спасти остатки своих войск. У него осталось не более 60 танков, в то время как англичане, постоянно получающие новую технику, имели впятеро больше. 2-я новозеландская дивизия при поддержке 90 танков сумела прорваться к Тобруку, куда флот доставил еще 70 танков. 27 ноября 15-я танковая дивизия была атакована 22-й и 4-й броне-

танковыми бригадами, но сумела отбиться. Однако у англичан тоже не все шло гладко. Хотя Каннингхэм и сумел пробить коридор к Тобруку, удержать эти позиции он не надеялся и предложил Окинлеку отвести войска. На это Окинлек ответил необычайно жестким приказом: «Может быть только один приказ: «Атаковать и преследовать», а потом, немного поразмыслив, попросту снял Каннингхэма, заменив его заместителем начальника своего штаба генералом Ритчи.

Теперь Роммель вознамерился уничтожить 2-ю новозеландскую дивизию и снова изолировать Тобрук. О взятии крепости речь даже не шла, так как немецким командирам было совершенно ясно, что у них просто не хватит для этого войск. Впрочем, как выяснилось, войск не хватило и для уничтожения новозеландцев. В ходе упорных боев ему удалось уничтожить одну из бригад, но остатки дивизии сумели отойти. При этом английские танковые бригады хладнокровно наблюдали за происходящим.

Тобрук был снова отрезан, и теперь у Роммеля возникли опасения за судьбу гарнизонов, отрезанных на ливийско-египетской границе. 2 декабря он выслал две батальонные боевые группы, чтобы они прорвались к Бардии и Капуццо, надеясь потом двинуть туда и главные силы, которые пока что приводили себя в порядок. Снижение масштаба боевых действий видно невооруженным глазом — вместо дивизий в ход пошли батальоны. Зато англичане подобных проблем не испытывали, Ритчи занялся делом, которое вскоре станет для него привычным: пополнением и переформированием потрепанных и разгромленных бригад. 5 декабря произошло очередное столкновение, в ходе которого 49 танков Африканского корпуса (все, что осталось) разгромили 11-ю индийскую бригаду, в то время как 126 танков 4-й бронетанковой спокойно стояли неподалеку. Все более четко вырисовывается органический порок британской армии — полнейшая неспособность наладить взаимодействие частей и соединений. Мы с этим еще не раз столкнемся.

К 7 декабря Танковая группа «Африка» понесла такие потери, что Роммель принял вынужденное решение снять блокаду Тобрука и отойти на линию Газала, где итальянские тыловые подразделения подготовили оборонительные позиции. Из Рима ему передали, что на восполнение потерь рассчитывать не приходится, по-

этому иного выбора у него не было. Итальянский X корпус расположился у побережья, далее находился итальянский XXI корпус, еще южнее — итальянская мобильная группа: танковые и моторизованные дивизии. За южным флангом стоял Африканский корпус.

Англичане попытались с ходу атаковать линию Газалы, но в очередной раз 7-я индийская бригада была вынуждена сражаться с Африканским корпусом под одобрительные аплодисменты 7-й бронетанковой дивизии, не пожелавшей вмешиваться. Пока немцам удавалось удерживаться, но после трех дней боев 14 декабря в Африканском корпусе осталось всего 8 танков. В дивизии «Ариете» нашлось еще 30. Обороняться с такими силами было немыслимо, и Роммель продолжил отступление к границе Киренаики. Лишь там 19 декабря он получил первое подкрепление с момента начала операции «Крусейдер» — целых 30 танков. Это позволило ему внезапно атаковать и разбить зарвавшуюся 22-ю бронетанковую бригаду, которая потеряла 65 танков. Но горечь поражения англичанам скрасила капитуляция окруженных гарнизонов на ливийской границе. В целом же можно сказать одно: поражение потерпел не Роммель, а командование «Оси», не сумевшее или не пожелавшее организовать доставку подкреплений в Африку. Если бы Роммель получил хотя быть четверть того, что бездарно угробили Каннингхэм и Ритчи, он, скорее всего, взял бы Тобрук и дошел до Александрии. Но вышло так, как вышло, и все пришлось начинать сначала.

После Нового года Роммель перешел в наступление и к 4 февраля снова был на линии Газала. После этого наступила передышка, во время которой обе стороны готовились к решающему сражению. Но когда оно началось, события пошли совсем не так, как планировали Роммель и Ритчи. Однако Роммель сумел перестроиться по ходу операции и оперативно отреагировал на неожиданные изменения ситуации. А вот английское командование, причем на всех уровнях, в очередной раз показало, что ему никакой урок не впрок.

Наверное, у каждого генерала есть свой звездный час, свое самое блестящее сражение. Наполеон, скажем, всегда гордился Аустерлицем. Действительно, такой кристально чистой и убедитель-

ной победой над превосходящими силами противника могут похвастаться немногие. У Роммеля таких побед, как ни странно, не было. Да, сражение при Газале было выдающимся успехом, но слишком много ошибок было совершено противником. Лишь это принесло немцам победу, потому что был период, когда Роммель стоял на грани поражения.

Но давайте рассмотрим это сражение более подробно, потому что именно в нем наиболее наглядно проявились диаметрально противоположные взгляды германских и британских генералов на танковую войну.

После зимних боев наступило недолгое затишье — обе стороны восполняли потери и готовились к наступлению. Но если Роммель рвался вперед и жаждал боя, то командующего британскими силами на Ближнем Востоке генерала Окинлека приходилось подталкивать и подпинывать, как ранее маршала Грациани. И точно так же, как Муссолини, Черчилль потерял терпение и попросту пригрозил снять Окинлека. Единственное, чего тому удалось добиться, — отсрочки до середины июня «для накопления сил». Роммель не стал ждать и сам перешел в наступление 26 мая 1942 года.

На сей раз силы сторон были значительно больше, чем во время операции «Крусейдер». Англичане имели около 175 000 солдат и 843 танка, еще 420 танков могли быть присланы в качестве подкреплений. Роммель имел всего 80 000 солдат и 560 танков, причем из них 230 были итальянскими, имевшими чисто символическую боевую ценность. Впрочем, ценность британских крейсерских танков тоже можно поставить под сомнение. В артиллерии англичане имели полуторное превосходство, и лишь воздушные силы противников были примерно равны. Англичане надежно окопались, прикрыли свои позиции плотными минными полями и, как им казалось, обезопасили себя от любых неожиданностей. Однако они мыслили категориями прошлой войны и недооценили маневренность и подвижность моторизованных соединений, поэтому южный фланг позиции оказался защищенным совершенно недостаточно. Вдобавок их позиции имели тот же органический недостаток, который подвел итальянцев в 1940 году. Отдельные опорные пункты были изолированными, и промежутки между ними не защищал никто.

Итак, 26 мая в 14.00 итальянские X и XXI корпуса начали

артподготовку, изображая наступление по всей линии фронта. Но главный удар наносился южнее, в обход английских позиций. Операция «Венеция» началась 27 мая в 04.30. На левом фланге ударной группы наступал итальянский XX корпус генерала Бальдассаре, имевший 228 танков. Впрочем, Роммель трезво смотрел на боевые возможности итальянцев и отвел им обеспечивающую роль. В центре наступал Африканский корпус генерал-лейтенанта Неринга, а на крайнем правом фланге — 90-я легкая дивизия, которой предстоял долгий путь через пустыню. Роммель приказал своим дивизиям следовать в боевом порядке. Возглавляли колонны танки, за ними шли грузовики с пехотой, замыкали строй артиллерия, саперы, связисты. Позади боевых колонн двигались группы снабжения. Именно в этом и была суть немецкой тактики — наступление велось сбалансированными соединениями различных родов войск, в то время как англичане все еще рассматривали танки как некую бронированную кавалерию, не нуждающуюся в поддержке.

Как ни странно, первыми отличились итальянцы. К югу от Бир-Хакейма, когда войска Роммеля начали поворот влево, чтобы выйти в тыл британским позициям, танковая дивизия «Ариете» неожиданно натолкнулась на лагерь 3-й индийской бригады. Вероятно, в темноте итальянцы просто не разобрали, с кем имеют дело, потому что буквально через 30 минут все было кончено. Впрочем, темнота обманула и англичан, потому что бригадир Филоуз успел радировать, что его атаковала «целая дивизия поганых немецких танков». Впрочем, британское командование — генерал Ритчи (8-я армия) и генерал Норри (XXX корпус) — просто не поверило, что возможно крупномасштабное ночное наступление. На всякий случай они отправили на юг 4-ю бронетанковую бригаду, так как полагали, что этого хватит. Действительно, все завершилось очень быстро.

Любопытная деталь: среди пленных оказался сэр Уолтер Коуэн, 71-летний британский адмирал, который вышел в отставку в 1931 году и сопровождал 18-й кавалерийский полк в качестве добровольца. Он опустошил барабан своего револьвера, стреляя по танку T-III, и пытался перезарядить его, когда командир танка выскочил из башни и захватил адмирала.

Сначала 90-я легкая дивизия столкнулась с патрулями анг-

лийской 7-й механизированной бригады. После короткой стычки англичане бежали, но в том же направлении двигались и немцы, причем чуть ли не быстрее англичан. Во всяком случае, к укрепленной позиции Ретма они прибыли одновременно, поэтому зацепиться англичанам не удалось, и они были вынуждены продолжать бегство. Таким образом, прошло всего 6 часов с момента начала наступления, а две английские бригады уже были разгромлены полностью. А затем произошла встреча, оказавшаяся неожиданной для обеих сторон. Передовой полк 4-й бронетанковой бригады налетел на колонну 15-й танковой дивизии немцев. От немедленного уничтожения англичан спасло то, что полк имел на вооружении тяжелые (по меркам Африканского театра) танки «Грант». Поэтому передовой эшелон немцев понес потери, но командир дивизии генерал фон Ферст быстро приказал одному батальону обойти англичан с фланга, на другой фланг выдвинул батарею ужасных 88-мм зениток, и на том бой завершился. А тут еще подошел второй полк бригады, который натолкнулся на развернутые порядки немцев и был уничтожен раньше, чем успел понять, что происходит. Такова была координация действий английских частей. Разгром бригады довершило уничтожение третьего полка, столкнувшегося с 21-й танковой дивизией немцев. Остатки бригады сумели остановиться, лишь пробежав 32 километра. 7-я бронетанковая дивизия англичан фактически перестала существовать, потеряв 3 бригады из 4. Вдобавок штабная колонна дивизии налетела на авангард 90-й легкой дивизии, и весь штаб в полном составе попал в плен.

Единственным светлым пятном было то, что итальянская танковая дивизия «Ариете», попытавшаяся было с ходу взять опорный пункт Бир-Хакейм, который обороняла пехотная бригада Свободной Франции, была отброшена. Однако эта заминка не снизила темп наступления немецких дивизий. Перед 8-й армией возникла вполне реальная перспектива попасть в окружение. Следовало действовать, и действовать быстро. Однако британские командиры растерялись. Генерал Норри потерял голову и отправил навстречу немцам очередную бригаду, теперь уже из состава 1-й бронетанковой дивизии. 22-я бронетанковая бригада бодро двинулась вперед, за полчаса потеряла 30 танков и откатилась обратно. Лишь после этого Норри сообразил, что происходит что-то не

то, и приказал 2-й бронетанковой бригаде атаковать правый флаг немцев, выделив для поддержки всю дивизионную артиллерию. Этот удар принес определенный успех, так как немцы остановились. Впрочем, более серьезное значение имела нехватка топлива и боеприпасов после целого дня непрерывных боев.

Наступавшие левее итальянцы после единичного успеха стали действовать в привычной для себя манере. Танковая дивизия «Ариете» столкнулась с 1-й бронетанковой бригадой англичан и тут же остановилась, а моторизованная дивизия «Триесте» из состава того же XX корпуса просто пропала. Она должна была прорвать минные заграждения к северу от Бир-Хакейма и обеспечить путь доставки снабжения Африканскому корпусу, но...

Подведя итоги первого дня операции, Роммель был вынужден приостановить наступление и даже оттянуть назад 90-ю легкую дивизию. 28 мая он бросил вперед 21-ю танковую дивизию, все еще надеясь прорваться к морю и полностью окружить британскую 8-ю армию, но эта попытка была предотвращена разрозненными атаками англичан. Все-таки у них было **слишком** много танков. 29 мая немцы простояли на месте, хотя Роммель лично провел колонну со снабжением вокруг Бир-Хакейма. Но этот путь были слишком длинным и ненадежным. Если кризиса и удалось избежать, то проблемы сохранились.

29 мая произошли два события — хорошее и плохое. Начнем с плохого. Самолет генерала Крювеля, командовавшего северной группой войск, был сбит, и генерал попал в плен. К хорошим событиям можно отнести то, что дивизия «Триесте» сумела-таки проделать проход в необороняемых минных полях и пробилась к полуокруженной группе Роммеля. Проблемы снабжения стали на порядок проще. Но в любом случае наступление немцев застопорилось, и Роммель начал постепенно отводить свои войска на запад. Менее энергичный или, вернее сказать, менее нахальный командир наверняка начал бы рассматривать варианты отступления на исходные позиции, удовлетворившись серьезными потерями, нанесенными противнику, но только не Роммель. Вот чего ему было не занимать — так это оптимизма и здорового нахальства.

В результате создалось оригинальное положение, которое склонные к излишнему драматизму авторы называли Котлом. Именно так, с большой буквы: Cauldron. Формально войска Роммеля ока-

зались в окружении, так как корпус Ритчи прижал их к главной оборонительной позиции 8-й армии. Однако опорные пункты в Бир-Хакейме и Сиди-Муфтахе, занятые англичанами, сами были изолированы. Вдобавок, как мы уже говорили, теперь у Роммеля была если не дорога, то тропинка как раз между этими английскими позициями, по которой он мог организовать доставку снабжения.

День 30 мая не принес каких-то кардинальных изменений в ситуации. Немцы немного отошли на запад и заняли сильные оборонительные позиции на грядах холмов. Командир английской 1-й бронетанковой дивизии генерал Ламсден в очередной раз показал в полном блеске интеллектуальные качества британского генералитета. Имея три бригады, он организовал последовательно три отдельные атаки, позволив немецким зенитчикам в очередной раз поупражняться в безопасной стрельбе по танкам.

И все-таки положение Роммеля оставалось сложным. Ему обязательно нужно было ликвидировать опорный пункт англичан в Сиди-Муфтахе, который занимала 150-я бригада. 20 мая бригада отбила все атаки, и генерал Ритчи передал по радио: «Хорошо сделано!» Но это была единственная помощь, которую оказало командование 8-й армии окруженным. XIII корпус генерала Гота, в который входила злосчастная бригада, занял позицию строгого нейтралитета. Во время повторного штурма 31 мая оборона англичан была прорвана, хотя отдельные узлы сопротивления еще держались. 1 июня Роммель приказал подвергнуть позиции 150-й бригады массированным бомбардировкам, и после ожесточенных боев остатки бригады сдались. Итог: Роммель восстановил связь со своим тылом, взял 3000 пленных и 124 орудия. 8-я армия аплодировала героям, но с места не двигалась.

Однако и теперь Роммелю не удалось спокойно заняться вторым больным зубом — опорным пунктом Бир-Хакейм, который занимали французы. Окинлек, набравшись смелости, решил ликвидировать Котел путем концентрического наступления со всех сторон. Шансы на это были, так как англичане все еще обладали превосходством в силах, нужно было только правильно использовать эти силы. Увы! Северный фас Котла атаковала 32-я танковая бригада, причем практически без артиллерийской поддержки. Результат получился соответственный — уничтожено 50 из 70 танков.

Более драматический характер приняли события на восточном фасе. 5 июня 10-я индийская бригада атаковала позиции итальянской дивизии «Ариете» и прорвала их. Решив, что достигнут успех, генерал Ритчи бросил в прорыв 22-ю бронетанковую бригаду, не подозревая, что главная оборонительная позиция немцев находится дальше. Степень безграмотности британских командиров подчеркивает приказ командира 7-й бронетанковой дивизии, который категорически потребовал, чтобы пехота не мешала действиям танков. Напомним, что сутью тактики блицкрига было взаимодействие разных родов войск, но англичанам так и не удалось понять это до самого конца войны. Результат получился вполне предсказуемый. Танковая бригада потеряла 60 из 156 танков, но сумела удрать, зато две пехотные бригады были разгромлены полностью, причем Роммель захватил всю артиллерию 5-й индийской дивизии. Роммель просто не понимал, что происходит, почему англичане дают бить себя по частям, об этом говорят записи в его журнале. Однако предоставленными возможностями он пользовался очень удачно.

Теперь Роммель занялся Бир-Хакеймом. После трех дней упорных боев и интенсивных бомбардировок потрепанная французская бригада под покровом темноты выскользнула из окружения.

Англичане получили небольшую передышку, пока Роммель возился с Бир-Хакеймом, но использовать ее толком не сумели. Да, они кое-как пополнили потрепанные танковые бригады, но дух офицеров и солдат был надломлен. Все — от генерала Норри, в корпусе которого были объединены все танковые части, до последнего пехотинца — уже не верили в то, что смогут победить Ужасного Роммеля. На бумаге англичане все еще превосходили противника. Несколько неожиданным оказывается вопрос о силах противников. Это легко объяснить: передвижные мастерские вводили в строй подбитые танки, с тыловых баз поступали пополнения, но от этого было не легче. Например, 4-я бронетанковая бригада доукомплектовывалась как минимум дважды, причем чуть ли не с нуля. Считается, что к 11 июня в составе двух танковых дивизий числилось 185 танков, в том числе 77 «Грантов», которые решительно превосходили все, что могли выставить против них немцы. 32-я армейская танковая бригада имела 85 ис-

правных пехотных танков. Еще около 60 танков имелось в 1-й армейской бронетанковой бригаде. У Роммеля после тяжелых боев осталось чуть более 200 танков, но из них 85 были ничтожными итальянскими М13 и немецкими Т-II.

После поражений принято искать виноватых, и британские генералы начали энергично обвинять друг друга, особенно в этом отличились командиры танковых дивизий Ламсден и Мессерви, возненавидевшие друг друга. Вдобавок командиры бригад дивизии Мессерви переругались между собой и с самим Мессерви. Ритчи окончательно выпустил вожжи из рук, позволив командирам корпусов Норри и Готту отвергать любой план штаба армии. В такой обстановке хаоса и разногласий ни о каких успехах нельзя было и мечтать. Южный фланг позиций 8-й армии был смят и загнулся к востоку. Армия оказалась в полуокружении, которое легко могло превратиться в полное, если Роммелю удастся прорваться к морю. Он и намеревался сделать это.

Роммель ожидал, что утром 12 июня англичане атакуют его, но английским командирам, поглощенным склоками и разборками, было не до немцев. Тогда Роммель сам двинул вперед 15-ю танковую дивизию, приказав 21-й танковой дивизии обойти правый фланг англичан. Вдобавок противотанковые орудия немцев, выдвинувшись вперед, начали обстреливать английские танки с другого фланга. Неудивительно, что те покатились назад. Всего за один день англичане потеряли 138 танков. На следующий день наступление немцев на север продолжилось. Попытки остановить его привели только к истреблению новой порции английских танков, но все-таки Роммель немного притормозил, и это позволило Ритчи вывести две пехотные дивизии, бессмысленно проторчавшие на оборонительных позициях у Газалы, причем 1-й южноафриканской дивизии пришлось прорваться сквозь позиции итальянцев. Началось то, что потом ехидно назвали «Газальим галопом».

Когда самолеты-разведчики 15 июня сообщили Роммелю, что англичане поспешно откатываются на восток, он приказал преследовать их, рассчитывая на плечах противника ворваться в Тобрук. Попытки англичан задержать его имели только частичный успех, ненадолго задержавшись, немцы продолжали рваться вперед. 17 июня пополненная (в который уже раз подряд?) 4-я бронетанковая бригада попыталась остановить Роммеля, но встречный

бой с 15-й и 21-й танковыми дивизиями немцев и танковой дивизией «Ариете» завершился ее разгромом (в который раз подряд?).

18 июня произошло одно из тех событий, которые внешне незаметны, но имеют колоссальное значение. Немецкие танковые дивизии захватили в районе Бельхамеда склады 8-й армии, которые англичане не сумели ни эвакуировать, ни уничтожить. Огромное количество продовольствия, топлива и боеприпасов позволило армии Роммеля свободно вести бои еще несколько месяцев. Кстати, учитывая огромное количество захваченных английских орудий, боеприпасы тоже были очень кстати. В тот же день немецкие войска вышли к берегу, отрезав Тобрук. Предстоял последний акт грандиозной трагедии.

На этот раз англичане не собирались удерживать Тобрук до последнего. Прежде всего командующий Средиземноморским флотом адмирал Каннингхэм наотрез отказался снабжать крепость. Британский историк уклончиво сообщает, что адмирал при этом не выбирал выражений. Однако командир XIII корпуса генерал Готт заверил Ритчи, что несколько месяцев крепость продержится свободно. Он даже просил назначить его, Готта, комендантом Тобрука. Однако у Роммеля на сей предмет имелась собственная точка зрения, которая заметно отличалась от английской. Он не собирался возиться с долгой осадой и хотел взять крепость штурмом, чтобы продолжить преследование разгромленной 8-й армии.

Гарнизон крепости состоял из 2-й южноафриканской дивизии генерала Клоппера, который одновременно являлся комендантом крепости, 201-й гвардейской бригады, 32-й армейской бронетанковой бригады, артиллерийских частей — всего 35 000 человек. В общем, достаточно значительные силы, поэтому расчеты Готта можно было бы считать резонными, если бы не надломленный дух англичан, которые оказались неспособны вообще ни к какому сопротивлению.

19 июня немцы производили перегруппировку сил и готовились к штурму. Он начался утром 20 июня с мощного удара авиации. Командовавший авиацией генерал Кессельринг задействовал все имевшиеся у него самолеты. В течение дня они совершили не менее 580 вылетов, к которым следует добавить почти 200 выле-

тов итальянских самолетов. При этом немцы потеряли всего 3 самолета. Начиная с 05.20, немецкая артиллерия подвергла интенсивному обстрелу юго-западный угол оборонительного периметра крепости. Это привело к тому, что занимавший этот участок батальон индийцев не оказал практически никакого сопротивления. Роммель позднее писал: «Я лично могу засвидетельствовать ошеломляющий эффект атаки. Огромные фонтаны пыли поднимались над укреплениями, занятыми индийцами. В воздухе мелькали обломки и оружие. Несколько прямых попаданий просто смели проволочное заграждение». В 06.30 немецкая пехота и саперы начали двигаться вперед, а к 07.03 оборона была уже прорвана.

После этого в прорыв были брошены танки 15-й дивизии. Саперы установили мостки через противотанковый ров в глубине обороны, и немецкие танки рванулись вперед. Предполагалось, что 32-я бригада будет встречать контрударами именно такие прорывы, однако англичане в очередной раз повторили традиционную ошибку, не сумев сосредоточить силы. Батальоны поочередно выходили навстречу немецким танкам и просто испарялись, даже не сумев вступить в бой. И после этого кто-то говорит про национальный чемпионат по наступанию на грабли? Нет, впору проводить чемпионат если не мира, то Европы наверняка.

Если Роммель находился в боевых порядках наступающих и все видел собственными глазами, то генерал Клоппер не имел никакого представления об обстановке. А она уже была катастрофичной. Вся восточная часть оборонительного периметра рухнула, подвижной резерв был уничтожен. К 14.00 немецкие танки прорвались к городу и двинулись дальше на запад, предоставив пехоте зачистку обойденных узлов сопротивления. Около 16.00 они подошли к командному пункту Клоппера, которому пришлось поспешно бежать. Он все еще надеялся удержать западную часть крепости, где находились южноафриканские войска, не вступившие в бой. Однако вскоре генерал изменил точку зрения и приказал войскам под прикрытием темноты прорываться из крепости, однако удалось это очень и очень немногим. Организованно прорвался только один батальон шотландских гвардейцев. «Нам оставалось лишь радоваться, что они захватили так много британской техники, так как никто из немцев не догадался, кто мы. Несколько

раз их колонны даже останавливались, чтобы пропустить нас», — вспоминал один из его офицеров.

21 июня в 09.40 генерал Клоппер сдался командиру XXI итальянского корпуса генералу Наварини. Вот такая ехидная ухмылка судьбы — во время штурма итальянцы спокойно наблюдали за происходящим, блокируя западный участок периметра, однако именно им выпало принять капитуляцию. Сдалось около 33 000 солдат, но хуже было то, что немцы захватили около 2000 исправных автомобилей и более 2 миллионов галлонов бензина. Как всегда, отдельные подразделения продолжали сопротивляться, не веря приказу о капитуляции, поэтому мелкие бои продолжались еще более суток.

Гитлер высоко оценил заслуги Роммеля и вечером 21 июня произвел его в фельдмаршалы. Роммель стал самым известным и самым молодым немецким фельдмаршалом. «Я — фельдмаршал, это как сладкий сон», — писал он позднее. Он отпраздновал новое звание в характерной для себя манере — съел банку консервированных ананасов и выпил маленькую бутылочку виски из захваченных у англичан трофеев. После обеда он стал более мрачным. «Гитлер сделал меня фельдмаршалом. Но я предпочел бы, чтобы он прислал мне дивизию», — писал он жене.

Роммель был уверен, что впереди его ждут новые триумфы и победы. Сначала его уверенность оправдывалась. На волне успеха он продолжил наступление, хотя эти победы подорвали силы его армии. Общая численность немецкой пехоты в **трех** дивизиях составляла всего 2500 человек, еще 6000 человек могли добавить итальянцы. 60 танков составляли всю ударную силу Танковой группы «Африка». Через день после захвата Тобрука войска Роммеля вышли на египетскую границу, присоединившись к 90-й легкой дивизии, которая поддерживала контакт с противником. Попытка задержать немцев силами XIII корпуса провалилась, и войска Гота покатились дальше на восток к остальным силам 8-й армии, занимающим позиции возле Мерса-Матрух.

Но боя в очередной раз не получилось. Учитывая горький опыт предыдущих боев, Окинлек приказал своим танкам вступать в бой только в благоприятной обстановке. Это дало результат, хотя вряд ли тот, на который рассчитывал британский генерал. 90-я легкая дивизия быстро форсировала минные заграждения и 27 июня пе-

перезала пути отхода из Мерса-Матрух. 21-я танковая дивизия провозилась с минными полями чуть дольше, но тоже форсировала их. В результате занимавший позиции свежий X корпус генерала Холмса попал в клещи и после недолгого сопротивления бежал. Некоторую проблему создала только 1-я новозеландская дивизия, которая только что прибыла в Египет и пока еще не знала, что Роммеля надо бояться. Но Роммель лично возглавил атаку 90-й легкой дивизии, и все закончилось, хотя у него просто не хватило солдат, чтобы задержать англичан. И снова в руки немцев попали крупные склады, которые обеспечили им безбедную жизнь еще на некоторое время.

Английская армия покатилась дальше — к Эль-Аламейну. Немцам так и не удалось захватить с ходу эту позицию, потому что африканские расстояния, немногим отличавшиеся от российских, просто съели армию Роммеля. Фельдмаршал ликовал: «До Александрии всего 100 миль!», но преодолеть это расстояние ему не было суждено. Первая и самая главная причина — у него элементарно не хватало сил. Восточный фронт точно гигантский пылесос вытягивал все немецкие резервы, и выкроить войска еще и для Африканского театра было физически невозможно. Самое большее, на что он мог рассчитывать, — это пополнение все тех же самых трех дивизий. Вторая причина заключалась в исключительной природной оборонительной силе этой позиции. Левый фланг англичан упирался в низину Каттара, непроходимую для танков, поэтому Роммель был лишен возможности применить свою излюбленный обход с фланга. Он был вынужден штурмовать английские позиции в лоб, и вот здесь сказался колоссальный перевес англичан в силах. Атаки Роммеля захлебнулись, африканский блицкриг завершился.

Резюме. Африканский театр был просто предназначен для блицкрига, но противники не сумели этим воспользоваться по разным причинам. Хотя многие операции на этом театре действительно разворачивались с потрясающей скоростью, но под определение блицкрига они все-таки не подходят. У Роммеля просто не хватало сил, и его единственная крупная победа при Газале была одержана благодаря многочисленным ошибкам англичан. Но еще

одну такую операцию он уже провести не мог. А для английских генералов слово «блицкриг» было написано, похоже, китайскими иероглифами.

Глава 9

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ ОШИБКИ

Начать рассказ о событиях лета 1942 года на Восточном фронте мне хочется с пространной цитаты из повести братьев Стругацких «Сказка о тройке»: «Годзилла прожег стену между Аукалкой и Уголовницей, ворвался во двор и вышел защитникам в тыл. Однако был он дубина, по слухам — самый здоровенный и самый глупый из четырехглавых драконов. В тактике он не разбирался и не хотел, а потому, вместо того чтобы сосредоточенными ударами сокрушить одну башню за другой, кинулся на все четыре сразу, благо голов хватало... И Годзилла, естественно, пострадал через дурость свою и жадность... Лишившись половины голов, и без того недалекий Годзилла окончательно одурел, пометался по крепости, давя своих и чужих, и, брыкаясь, кинулся в отступ. На том бой и закончился».

Примерно так же вело себя командование и той, и другой стороны. И советские войска, и немецкие бросались на любую цель, какая только подвернется, вместо того чтобы нанести один мощный удар в самом важном направлении. В результате никто так и не сумел добиться решающего успеха, и все наступления завершились катастрофами для наступавших. Противник охотно обрывал Годзилле одну голову за другой, благо тот сам подставлялся. Вся разница заключалась в том, что у немецкого Годзиллы шеи оказались длиннее, и он сумел дотянуться немного дальше, что не избавило его от печального конца.

В ходе зимних операций, в частности во время Битвы под Москвой, немецкая армия потерпела тяжелое поражение. Оно еще не было катастрофическим, однако боеспособность Вермахта была серьезно подорвана. Немцы понесли ощутимые потери в живой силе и колоссальные — в технике и тяжелом вооружении. В осо-

бенно плачевном состоянии находились Панцерваффе — главная ударная сила Вермахта. Согласно данным Томаса Йенца, в январе 1942 года на всем Восточном фронте боеспособными были только 158 танков, поступивших с заводов. Все 1015 танков, числившихся в войсках, имели те или иные неисправности. Фактически в январе 1942 года немецкие танковые войска просто не существовали. К марту месяцу количество исправных танков удалось поднять до 643, но согласитесь, это ничтожно мало. Не лучшим было и состояние пехотных дивизий. Лишь 8 из них сохранили боеспособность, а еще 50 считались «ограниченно боеспособными». Немецкие генералы вынужденно констатировали, что потери в личном составе восполнить не удалось.

Но, несмотря на все это, Гитлер не отказался от идеи нового крупного наступления. Было найдено удобное объяснение всем происшедшим неприятностям — Вермахт был разбит «генералом Мороз», зато с наступлением лета он снова покажет, на что способен. В Ставке фюрера разгорелись тихие склоки. Каждый командующий группой армий стремился перетянуть куцее одеяло на себя и добиться наступления именно на своем участке фронта. То, что германская армия больше не способна наступать везде, стало понятно всем.

После долгих споров 5 апреля 1942 года Гитлер подписал директиву № 41. Она предусматривала серию последовательных операций, переходящих одна в другую. Сначала предполагалось нанести удар в направлении Воронежа, потом танковые дивизии следовало повернуть на юг, чтобы образовать огромные клещи вместе с армиями, наступающими от Харькова. То есть мы снова видим все тот же блицкриг в его гипертрофированном, гигантском виде. Далее немцы собирались устроить еще один огромный котел на Дону, а потом повернуть на Кавказ. Таким образом они собирались подорвать экономическую базу Советского Союза, захватить донецкий уголь, кубанскую пшеницу, кавказскую нефть.

Правда, неясным оставалось одно — какими силами следует проводить эту вторую серию русского блицкрига. Даже после призыва миллиона зеленых новобранцев некомплект составлял более полумиллиона солдат и офицеров. В танковых дивизиях теперь числилось в среднем 130 танков, но среднее — понятие очень растяжимое. Например, 4-я танковая дивизия к началу летнего на-

ступления имела около 50 танков, 16-я — 90 танков, 22-я — 176 танков. В общем, удалось нормально укомплектовать только дивизии Группы армий «Юг», которым предстояло вести главное наступление. Кстати, советская «История Второй мировой войны» указывает, что к маю 1942 года Вермахт имел 3229 танков, а все тот же Томас Йенц дает цифру 1791 танк плюс 536 новых машин. Разница составляет 1000 танков...

Чтобы как-то исправить положение, германское командование решило активнее использовать войска союзников, о чем ему еще пришлось горько пожалеть. Очевидно, немцы забыли опыт использования румынских дивизий на самом южном участке Восточного фронта. Удалось собрать 52 дивизии, что составило четверть общего их количества. Конечно, Кейтель или Йодль не собирались использовать румынские или итальянские дивизии для активных действий, но рассчитывали прикрыть ими северный фланг наступающих немецких войск. Фельдмаршал Рундштедт прямо заявлял: «Румынские офицеры и солдаты не выдерживают никакой критики, итальянцы просто ужасны, а венгры только и мечтают, как бы поскорей убраться домой».

Однако Красная Армия не стала ждать, пока немцы приведут в порядок свои войска, и попыталась перехватить инициативу, проведя несколько наступательных операций. Увы, они чаще завершались неудачами и приводили к серьезным потерям. И самое главное для нас — не имели даже отдаленного подобия с блицкригом. Именно поэтому мы не будем рассматривать Торопецко-Холмскую операцию и Ржевско-Вяземскую. Если хотите, это было полное отрицание принципов блицкрига. Но даже в этих неудачных наступлениях появилось одно серьезное отличие от событий 1941 года, которое немцы не заметили. Иначе ОКВ серьезно задумалось бы, прежде чем готовить свои грандиозные наступательные планы. В 1941 году окружение советских армий приводило к их быстрой и бесславной гибели, они просто рассыпались в пыль. В 1942 году в ходе не слишком удачного наступления под Вязьмой в немецком тылу оказались части 33-й армии генерала Ефремова. Однако армия продолжала сражаться более месяца в полном окружении, после чего сильно потрепанные дивизии все-

таки сумели прорваться к своим. Так же завершилась и попытка немцев окружить 29-ю армию. Сумел вырваться из немецкого тыла кавалерийский корпус генерала Белова. То есть механизм блицкрига откровенно сбоил в тех случаях, когда окруженные войска продолжали упорное сопротивление. Период «оцепления территории» закончился, начались бои «в котлах». Справедливости ради нужно отметить, что с этой же проблемой столкнулись и советские войска в районе Демянска. Как-то неожиданно выяснилось, что мало окружить дивизии противника, их еще требуется уничтожить, что временами сделать гораздо труднее.

Давайте посмотрим на котлы 1941 года, непредвзято, отрешившись от заскорузлых штампов. Что же мы тогда увидим?

Минский котел. Сопротивление — никакого. Результат — полное уничтожение окруженной группировки. Действия немцев — оцепление района, последующее прочесывание.

Киевский котел. Сопротивление — никакого. Результат — полное уничтожение окруженной группировки. Действия немцев — оцепление района, последующее прочесывание.

Смоленский котел. Сопротивление — слабое. Результат — практически полное уничтожение окруженной группировки. Спасение части войск стало результатом ошибок Гудериана. Действия немцев — оцепление района, последующее прочесывание.

Могилевский котел. Сопротивление — ожесточенное. Результат — практически полное уничтожение окруженной группировки. Действия немцев — создание кольца окружения, привлечение крупных сил пехоты и артиллерии, связанных на долгий срок.

Брянский котел. Сопротивление — слабое. Результат — уничтожение большей части окруженной группировки. Спасение части войск стало результатом ошибок Гудериана и нехватки сил. Действия немцев — создание кольца окружения, привлечение крупных сил пехоты и артиллерии, связанных не слишком долго, но в критический момент.

Вяземский котел. Сопротивление — слабое. Результат — уничтожение большей части окруженной группировки. Спасение части войск стало результатом нехватки сил у противника. Действия немцев — создание кольца окружения, привлечение крупных сил пехоты и артиллерии, связанных не слишком долго, но в критический момент.

То есть мы видим, что далеко не всегда даже успешные блицоперации приносили немцам желаемые результаты. А с течением времени эти результаты становились все менее и менее значительными.

Харьковское сражение 1942 года интересно тем, что разведка обоих противников оказалась не на высоте. Немцы готовили наступление на южном участке фронта «Фридрихус-1» с целью уничтожить советские войска в Барвенковском выступе, образовавшемся после зимнего наступления Красной Армии, а Юго-Западный фронт готовил наступление на Харьков как раз с этого выступа. Второй удар предполагалось нанести из района Волчанска, что позволило бы окружить два корпуса 6-й армии Паулюса. Ни та, ни другая разведка подготовку этих операций не вскрыла. Немцы намечали начать свое наступление 16 мая, но советское наступление началось на 4 дня раньше.

Наступление северной группировки из района Волчанска силами 21-й и 28-й армий не заладилось с самого начала. Хотя в некоторых местах тактическая оборона немцев была прорвана, наибольшее продвижение было достигнуто на флангах, а не в центре. В результате ось наступления отклонилась от намеченного направления. Вместо продвижения на юго-запад, на Харьков, 28-я армия фактически повернула на северо-запад. Именно там наши войска продвинулись далее всего, и там были сосредоточены наиболее боеспособные дивизии. Командующие обеими армиями не задумались, зачем они продолжают бессмысленное наступление. Однако уже 13 мая противник нанес контрудар, используя танковые дивизии, приготовленные для собственного наступления, и остановил 28-ю армию, хотя положение немцев было крайне сложным. Резервов у них было мало, приходилось снимать части со спокойных участков фронта. В итоге наши войска продвинулись примерно на 25 километров на фронте протяженностью чуть более 50 километров.

Наступление южной ударной группы — 6-й армии генерала Городнянского — тоже развивалось успешно, но не там, где это требовалось. Нужно было наносить удар на север, но получилось наступление прямо на запад. Нельзя сказать, что обе группировки

совсем не продвигались в намеченном направлении. Но туда, куда требовал план операции, они продвигались на считаные километры, а куда не надо — на десятки километров. В результате план окружения 6-й армии рухнул прямо в первый день наступления, и зачем оно продолжалось — сказать сложно. Вероятно, наше командование хотело измотать и обескровить противостоящие немецкие дивизии. На деле же получилось прямо противоположное. Вдобавок наши генералы упустили благоприятный момент для ввода в бой танковых корпусов. Формально повод имелся — пехота не вышла на намеченные рубежи. Однако ведь именно в таких случаях и должен командующий оценивать обстановку и принимать решение. Венгерская 108-я легкопехотная и немецкая 62-я пехотные дивизии были разбиты, еще одно небольшое усилие — и немецкий фронт просто рухнул бы. Если и не совсем блицкриг, то нечто, его напоминающее, получилось бы. Увы... Впрочем, всему этому удивляться не приходится. Наше командование так тщательно подготовило наступление, что 12 мая пехота 6-й армии действовала без авиационной поддержки. И это при наличии почти 500 самолетов!

Немецкое командование растерялось, оно не ожидало от противника такой прыти. Фон Бок даже усомнился в том, что удастся остановить советское наступление. Он заявил Гальдеру: «Атака Клейста с имеющимися силами вряд ли принесет ожидаемый успех. Клейст, с которым я разговаривал только что, думает, что атака будет удачной, если противник не атакует первым... Я не могу принять на себя это решение». Но эта растерянность быстро прошла. На данном этапе войны если немецкие генералы и выпускали вожжи из рук, то очень ненадолго. Этому помогло советское командование, которое действовало из рук вон плохо. Полная пассивность Южного фронта позволила снять оттуда часть сил 1-й танковой армии Клейста и перебросить их под Харьков. Вот бы где сковывать противника, а не под Вязьмой и Ржевом! И все-таки сейчас был уже не 1941 год, хотя выразилось это прежде всего в слабости немцев.

Проще всего разобраться с действиями немцев против северной ударной группировки, наступавшей в районе Мурома, потому что здесь все свелось к простому выдавливанию советских войск с занятой ими во время наступления территории. Сначала Паулюс

сумел остановить наступление 21-й и 28-й армий, нанеся контрудар. Однако по непонятной причине он поступил именно так, как всегда действовали советские генералы: 3-я и 23-я танковые дивизии ударили прямо в лоб 28-й армии. Когда 19 мая было начато наступление с целью ликвидации вклинения, удары наносились опять-таки прямо по центру вместо попыток срезать клин. Штаб XVII корпуса попытался было сделать что-то в этом плане. Сводный отряд из трех полков, надерганных из разных дивизий, провел вялую атаку под основание северного фаса вклинения и даже продвинулся на пару километров, но на том все и завершилось. Ни на что более серьезное немцы здесь не могли рассчитывать.

Гораздо хуже развивались события на юге. Собственно, виноваты в этом именно советские генералы, которые загнали в ловушку части двух армий. Было понятно, что наше наступление успеха не имело и что армии находятся в опасном положении, так как сами залезли в глубокий мешок. Но никаких выводов не последовало. Генерал Городнянский не мог решиться вообще ни на что, он просто сидел и ждал, что предпримет противник. И дождался.

К 17 мая немецкие войска завершили перегруппировку и на рассвете перешли в наступление. Однако эти действия носили далеко не столь организованный характер, как стремятся сейчас представить наши историки, утверждая, что «все было решено заранее». В первые дни наступление на северном фасе только обозначалось, так как там у Паулюса имелись одни пехотные части. Единственный удар наносился с юга силами III танкового и XLIV армейского корпусов. Все та же проклятая нехватка силы вынудила немцев начать «полблицкрига», но советские генералы не сумели нейтрализовать даже половину. Уже к полудню оборона советской 9-й армии была прорвана, и немецкие танки продвинулись на 20 километров. Вот что пишет по этому поводу А. Исаев:

«Вскоре, сломив сопротивление полка 333-й стрелковой дивизии, 1-я горно-егерская дивизия заняла большую часть Барвенкова. В район Долгенькой наступающие соединения XLIV армейского корпуса вышли уже к 14.00 первого дня наступления. Показательно, что наступление одна из немецких ударных группировок начала из района удержанного немцами зимой 1942 г. Славян-

ска. Город был из тех пунктов, которые требовалось брать «в лоб» и бесполезно обходить. В Долгенькой наступающие немцы разрушили узел связи. В результате связь штаба Южного фронта с 9-й армией отсутствовала до 24.00 17 мая».

Поверим? Я бы предложил несколько усомниться. Опять же, главную роль катализатора сомнений играет карта. 1-ю горно-егерскую дивизию перед началом наступления от Барвенкова отделяли около 15 километров. Единственный разумный вариант объяснить сказанное Исаевым заключается в том, что горные егеря просто подъехали к Барвенкову на автомобилях, спешились и взяли город. 15 километров и 8 часов наступления... Тяжелые бои по прорыву обороны на исходном рубеже и штурм города в этот временной промежуток вписываются плохо.

Хуже всего была полнейшая разобщенность между советскими штабами самых высоких уровней. 6-я армия совершенно не подозревала, что происходит в 9-й, штаб Южного фронта вообще пребывал в состоянии блаженной спячки. И когда мне после этого начинают доказывать, что наши войска были обеспечены рациями полностью, единственное, что хочется спросить: так почему же не было связи?!

Дело в том, что именно 17 мая генерал Городнянский наконец-то решился пустить в дело свои танковые корпуса и нанес новый удар, залезая еще глубже в мешок. Его танки продвинулись на 15 километров в направлении Мерефы, пехота старалась по возможности не отставать. Создавалось впечатление, что немецкие и советские генералы действуют по единому плану.

Наше командование спохватилось лишь к вечеру, когда ситуация приняла критический характер. В этом районе находились значительные резервы, которые тоже почему-то соблюдали нейтралитет в начавшихся боях. Так и остается неизвестным, почему командующий 9-й армией генерал Харитонов не счел нужным доложить о немецком наступлении в штаб Южного фронта и Юго-Западного направления. Он мог попытаться своей властью задействовать резервные дивизии, но это уже за гранью допустимого.

Немцы вели наступление тоже довольно странно. Выйдя к Петровской, III танковый корпус вдруг резко поворачивает влево

и начинает движение параллельно исходному рубежу. Формальное объяснение этому найти можно, ведь во фланг наступающей группировке нанес удар советский 2-й кавалерийский корпус. Но ведь для отражения таких ударов предназначена пехота! Она всегда обеспечивает фланги наступающей танковой группировки. Продвижение немцев на север в период с 19 по 21 мая затормозилось. На северном фасе по-прежнему царило спокойствие. Нашему командованию были подарены два драгоценных дня, однако оно воспользоваться этим подарком не сумело.

22 мая опомнившийся командир III танкового корпуса генерал Брейт возобновляет наступление на север. К этому времени на северный фас прибыли части 3-й и 23-й танковых дивизий, которые ранее действовали против северного вклинения. Заметьте, **части**, но не сами **дивизии**. К вечеру 22 мая немецкие группировки встречаются у Байрака и Глазуновки. Кольцо замкнулось. В окружение попали: 5 стрелковых дивизий 57-й армии (14-я гвардейская, 99, 150, 317 и 351-я), 8 стрелковых дивизий 6-й армии (41, 47, 103, 248, 253, 266, 337 и 411-я), 2 стрелковые дивизии армейской группы Л.В. Бобкина (270-я и 293-я), 6 кавалерийских дивизий 2-го и 6-го кавалерийских корпусов (38, 62, 70, 26, 28 и 49-я), 2 танковых корпуса, 5 отдельных танковых бригад, артиллерийские, инженерные части и различные вспомогательные подразделения.

Только сейчас маршал Тимошенко просыпается. Для прорыва кольца окружения 23 мая спешно создается сводный танковый корпус, который должен действовать совместно с 38-й армией. Однако наступление начинается только 25 мая. Продвижение корпуса измеряется сотнями метров, хорошо еще потери пока не слишком велики. 26 мая корпус попал под совместный удар советской и немецкой авиации и весь день простоял на месте. Однако именно в этот день навстречу корпусу в районе Чепеля прорвалась группа под командованием генерал-майора Кузьмина, командира 21-го танкового корпуса. Этот прорыв возглавляла закаленная в боях 5-я гвардейская танковая бригада. Танки были выстроены «колоколом» (до чего немцы додумались только к Курску). Но из 22 000 солдат прорвались только 5000. Практически все танки этой группы погибли.

В тот же день, 26 мая, прорвалась еще одна группа, построен-

ная вокруг 23-й танковой бригады. Этому можно было бы порадоваться, если бы не одно «но». Из котла вышли все танковые части, и теперь оставшаяся пехота была обречена. Организовать более крупный прорыв наши командиры не сумели.

Тем временем немецкое командование поспешно усиливало кольцо окружения, перебрасывая туда дополнительные силы — 22-ю танковую, 68-ю и 125-ю пехотные дивизии. Последняя успешная попытка выхода из окружения состоялась в ночь с 27 на 28 мая, когда к тому же Чепелю вышли еще около 6000 человек. Общие потери Красной Армии в очередной раз оказались очень высокими. Они составили около 270 000 человек, из которых 207 000 попали в плен. Признается потеря 652 танков, 1646 орудий и 3278 минометов, но при этом следует оговорка, что «установить потери вооружения и техники из-за отсутствия документов по ряду соединений и частей не представляется возможным».

К сожалению, наши командиры, для того чтобы организовать прорыв всеми силами, оставив за собой обреченные арьергарды, предались безудержным фантазиям. Так, «в штабе Юго-Западного направления появлялись и более интересные варианты. Например, была идея пробиться через ослабленный фронт Чугуевского выступа. 21 мая К.С. Москаленко был даже дан приказ перегруппироваться и начать наступление к северу от Чугуева. Однако из-за невозможности в срок сосредоточить ударную группировку от этого плана пришлось отказаться».

Разгром армий Юго-Западного фронта решили свалить на немцев, которые сосредоточили силы в совершенно неожиданном месте. Наше командование и разведка совершенно не предполагали возможности наступления противника на южном направлении. Его ждали, видите ли, в районе Воронежа с последующим обходом Москвы с востока. Впрочем, когда немцы нанесли удар там, отразить его тоже не удалось.

Оправившись от неожиданности и ликвидировав окруженную группировку, немцы все-таки приступили к реализации собственного плана летнего наступления, который получил кодовое название «Блау». Интересно заметить, что сначала этот план носил имя

«Зейдлиц» в честь известного кавалерийского генерала. Однако Гитлер, видимо вспомнив плачевную судьбу «Барбароссы», решил более не рисковать громкими названиями и снова обратился к «цветным». Ведь были уже план «Вайсс», план «Гельб», план «Рот», и все эти «каждый охотник желает знать...» завершались для Вермахта удачно. Наверное, поэтому «Зейдлиц» превратился в синего «Блау». Однако его продолжение так и осталось под громкой фамилией Клаузевица, хотя знаменитый военный теоретик должен был в гробу перевернуться, глядя на то надругательство над основными принципами военной науки, в которое превратился этот план.

28 июня германская армия перешла в наступление силами армейской группы «Вейхс», в которую вошли немецкие 1-я танковая и 2-я армии, а также венгерская 2-я армия. Не от хорошей жизни ненадежные союзники начали появляться на направлениях главных ударов. В связи с этим не вполне убедительными выглядят причитания многих советских историков о том, что наши армии к лету 1942 года были укомплектованы зелеными новобранцами. Положение немцев было ничуть не лучше, если не хуже. Наши генералы пока еще не привлекали себе на помощь «доблестные монгольские дивизии», а вот немецкие были вынуждены полагаться на венгров, итальянцев «и прочих разных шведов».

Удар был нанесен по левому флангу Брянского фронта. В первом эшелоне противника наступали 3 танковые, 1 пехотная и 1 моторизованная дивизии XXIV моторизованного и XLVIII танкового корпусов, им противостояли всего 3 стрелковые дивизии. Поддержку с воздуха оказывал самый мощный и самый опытный в делах взаимодействия с наземными войсками VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгофена. После напряженного боя XLVIII корпусу удалось прорвать советскую оборону в стыке 13-й и 40-й армий, продвинуться на 8—15 км на восток.

Чтобы парировать намечающуюся угрозу, к участку прорыва были направлены резервы Брянского фронта и несколько танковых корпусов Юго-Западного фронта и резерва Ставки. В общей сложности они насчитывали свыше 1000 единиц бронетехники, и их вполне хватило бы не только для отражения наступления, но и для разгрома ударной группировки фон Вейхса. Однако в очередной раз повторилась навязшая в зубах картина. Формально была

создана специальная танковая группа генерал-лейтенанта Федоренко. У немцев танков было вдвое меньше, но наши корпуса атаковали поодиночке. Первым вступил в бой 29 июня 16-й танковый корпус, на следующий день на поле боя появился 1-й танковый корпус. 4-й и 17-й танковые корпуса прибыли еще позднее.

Предполагалось, что удар будет нанесен во фланг и тыл наступающим дивизиям XLVIII танкового корпуса. Если бы это произошло, то немецкое наступление, конечно же, было бы сорвано. Но мало задумать хороший план, нужно еще его реализовать. У наших генералов получился очередной лобовой удар, завершившийся очередным разгромом наших войск. Объяснение было найдено очень быстро, и оно вполне удовлетворяет и современных историков. Немцы использовали новую технику — танки T-IV и самоходки StuG-IIIF, вооруженные длинноствольными 75-мм орудиями. Да, использовали. В составе немецких дивизий первого эшелона числилось ровно 36 таких танков. Для справки: ужасно грозных танков T-II в них оставалось еще 67 единиц. Производство штурмового орудия StuG-IIIF началось в марте 1942 года, и за 3 месяца немцы наштамповали их аж 109 штук. Вы полагаете, что все эти самоходки до последней оказались под Брянском?

Кажется, только бывший начальник штаба Брянского фронта генерал Казаков имел мужество написать: «Истинные же причины неудачи, на мой взгляд, были в другом: в неумении». То же самое, хотя в более завуалированной форме, пишет и маршал Василевский:

«Можно ли после этого говорить, что Ставка обошла своим вниманием Брянский фронт? Тех сил и средств, которыми он располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско-воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогали. Действительно, как показали события, танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в дело по частям, причем не столько для решения активных задач по уничтожению прорвав-

шегося врага, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне наших общевойсковых армий. Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М.Е. Катуков, Н.В. Фекленко, М.И. Павелкин, В.А. Мишулин, В.М. Баданов) еще не имели достаточного опыта, а мы им мало помогали своими указаниями и советами. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей».

Впрочем, о контрударах довольно быстро пришлось забыть. 30 июня перешла в наступление 6-я армия Паулюса. Она нанесла удар из района Волчанска и сразу прорвала оборону на стыке 21-й и 28-й армий. 29-я моторизованная дивизия начала двигаться на север в направлении Старого Оскола, куда уже подходила 16-я моторизованная дивизия фон Вейхса. Намечался очередной котел, в котором могли оказаться 21-я и 40-я армии. Однако командующий 21-й армией генерал Данилов сразу решил отводить войска, приказав 13-му танковому корпусу прикрывать этот отход.

28-я армия также начала отступление, но не на восток, а на юг. Командующий армией генерал Рябышев предполагал остановить немцев встречным (а каким же еще?) ударом 23-й танковой бригады. Мне уже надоело, но приходится снова цитировать:

«6-я и 113-я танковые бригады начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией.

В результате такой неорганизованности танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиацией, что сразу нарушило боевой порядок наших наступающих танков».

Слава богу, ноги унести успели. Однако 40-й армии повезло меньше, чем 21-й и 28-й. Часть дивизий ее левого фланга попала в окружение в районе Старого Оскола и была уничтожена, кольцо

окружения было замкнуто 3 июля 1942 года. Кстати, запомните эту дату. Это был день окончания **последней** успешной попытки немецкого блицкрига в России. Конечно, и позднее случались прорывы танковых частей, и даже возникали котлы (правда, все реже и все более мелкие), но это происходило спонтанно, а не планировалось заранее. Интересно, можно ли считать простым совпадением, что именно в это же время завершилась и последняя немецкая успешная блицоперация в Северной Африке? 21 июня стремительной атакой был взят Тобрук, после чего блицкриг в Северной Африке захлебнулся.

Замкнув кольцо, танки фон Вейхса двинулись к Воронежу. Создалась интересная ситуация: внешне оправдывались опасения Сталина, который боялся, что немцы нанесут удар на юге и предпримут глубокий обход Москвы с востока. И действия фон Вейхса выглядели именно такой операцией, хотя у немцев даже в мыслях не было ничего подобного. В соответствии со своими планами они намеревались повернуть на юг вдоль Дона, чтобы выйти к Сталинграду и двинуться на Кавказ.

Чтобы предотвратить захват Воронежа, Ставка выдвинула на это направление очередные три резервные армии (сила Красной Армии в резервах!) и 5-ю танковую армию генерала Лизюкова. Удар по XLVIII танковому корпусу планировалось нанести 5 июля, но к указанному сроку на исходный рубеж прибыла только 7-я танковая бригада Ротмистрова. Остальные два корпуса задержались, так как их перевозили по железной дороге, хотя расстояние не превышало 100 километров. С одной стороны, решение странное, так как оно вело к большой потере времени. А с другой — если вспомнить, что потери наших танковых корпусов во время маршей слишком часто превышали боевые потери, невольно задумаешься: а странное ли?

В результате наступление началось только утром 6 июля ударом корпуса Ротмистрова. На следующий день в бой вступили 11-й танковый корпус и 19-я отдельная танковая бригада. В ходе ожесточенных боев немцев удалось немного потеснить, и только 10 июля в наступление перешел 2-й танковый корпус. Все как обычно — разрозненные удары растопыренными пальцами. И результат получился обычный: из 641 танка, имевшегося на 6 июля, к 17 июля в армии осталось лишь 142 танка. Правда, 158 машин

еще можно было отремонтировать, но это было слабым утешением. Наши генералы не уставали доказывать, что они в подметки не годятся немецким панцер-генералам, хотя в смелости им не откажешь. 25 июля 1942 года командующий 5-й танковой армией А.И. Лизюков лично возглавил атаку, намереваясь пробить брешь в обороне противника у села Сухая Верейка и вывести из окружения часть, принадлежащую его армии. КВ А.И. Лизюкова был подбит, и командующий одной из первых советских танковых армий погиб. Гудериан тоже любил командовать боем с передовой, но делал это из машины управления, а не из линейного танка. И все-таки, хотя немцы достигли крупных успехов во время операции «Блау», события 1941 года, когда бесследно исчезали целые советские фронты, не повторились.

7 июля немцы начали операцию «Клаузевиц». Судя по всему, Гитлер забыл, если знал вообще, что с 1812 по 1814 год Карл Клаузевиц был полковником русской армии. Двусмысленное, согласитесь, название для операции против русской армии. В этот же день Группа армий «Юг» была разделена надвое: на Группу армий «А» и Группу армий «Б». Одна из них должна была наступать на Сталинград, вторая — на Кавказ.

Цель операции «Клаузевиц» и один из пунктов Директивы № 41 — окружение и уничтожение основных сил Юго-Западного фронта. Выполнение этой задачи противником осуществлялось путем нанесения двух ударов: одного — из района южнее Воронежа силами 4-й танковой и 6-й армий Группы армий «Б» и другого из района Славянска, Артемовска силами 1-й танковой армии Группы армий «А» в общем направлении на Миллерово. Но по ходу дела планы Гитлера изменились. Внезапно он решил попытаться уничтожить вообще все южное крыло советского фронта, отрезав его к северу от Дона общим ударом на Ростов. 11 июля он подписывает Директиву № 43, которая больше всего напоминает фантастический роман из жанра альтернативной истории. Тут были и высадка морских десантов в Анапе и Новороссийске, и захват нефтяных полей Северного Кавказа... Было все, кроме необходимых для этого сил.

Немцы попытались было устроить еще один котел войскам

Юго-Западного фронта, но потерпели неудачу. XL танковый корпус отрезал 9-й и 38-й армиям путь на восток, а III танковый корпус из состава 1-й танковой армии вклинился между 9-й армией тогда еще Юго-Западного фронта и 37-й армией Южного фронта. У хутора Водяной 15 июля 1942 года немецкая 14-я танковая дивизия III танкового корпуса установила контакт с наступавшими ей навстречу соединениями XL танкового корпуса и кольцо окружения вокруг войск 9-й, 38-й и части сил 24-й армий в районе Миллерово. Однако как раз в этот день Ставка отдала приказ на общий отход за Дон, поэтому окруженные армии, не пытаясь особо обороняться, прорвали пока еще слабое кольцо окружения и отступили, хотя и не без потерь. Штаб Группы армий «Б» еще 13 июля грустно доложил ОКХ, что «неприятель прорвался на восток и юго-восток и снова сильными частями двинулся к югу». Фон Бок в неудаче операции прямо обвинил берлинских стратегов, завив, что ударная группировка имела сильный центр и слабые фланги и что в таком случае ни на какие котлы рассчитывать не приходится. Этого ему уже не простили, и 13 июля фельдмаршал фон Бок был снят с поста командующего Группой армий «Б». Его заменил фельдмаршал фон Вейхс. Официальная причина — потеря темпа наступления и слишком долгая задержка в районе Воронежа, но эту отставку можно считать косвенным признанием относительной (только относительной!) неудачи операции «Блау». Позднее Гитлер заявит Кейтелю:

«Он (фон Бок) теряет из-за этого (Воронежа) 4—5 дней. И это в то время, когда дорог каждый день, для того чтобы окружить и уничтожить русских; он продолжает сидеть там, наверху, с четырьмя лучшими дивизиями, в первую очередь с 24-й танковой дивизией и дивизией «Великая Германия», цепляясь за Воронеж. Я еще сказал — не нажимайте, если встретите где-либо сопротивление, идите южнее к Дону. Решающее — продвинуться как можно быстрее на юг, чтобы мы могли действительно захватить противника в клещи. Так нет, этот человек делает совершенно обратное. Затем пришла эта беда — несколько дней плохой погоды, в результате чего русские неожиданно выиграли 8—9 дней, в течение которых они смогли выбраться из петли».

Дальнейшее продвижение немцев на юг, к Ростову, уже мало что дало им. Второй котел они захлопнули, однако он был пуст, так как войска Южного фронта сумели достаточно организованно отступить. Приказ фон Вейхсу «не позволить противнику отступить на восток и уйти на юг через Дон» остался невыполненным.

К 24 июля немецкие армии вышли на берега Нижнего Дона на большом протяжении и захватили несколько плацдармов на левом берегу реки. А 25 июля Вермахт совершил прыжок в пропасть, начав наступление с этих плацдармов. Основой военного искусства всегда считалось сосредоточение сил и создание превосходства на одном участке. Немецкое наступление лета 1942 года шло вразрез с этим принципом. Мало того, что немецкая армия попыталась наступать сразу на двух расходящихся направлениях — на восток и на юг, так еще и второе наступление приняло более чем странный характер. Посмотрите на любую карту военных действий южнее Дона. Вы увидите, что немецкие войска постепенно разворачиваются подобно лепесткам веера, расходясь в разные стороны. То есть не только две группы армий не были сконцентрированы на одном важнейшем направлении, так вдобавок одна из них превратилась в какую-то аморфную массу, начав действовать отдельными дивизиями, если не вообще полками.

Нехватка сил привела к тому, что мобильные танковые соединения перебрасывались с одного направления на другое, создавалась обстановка хаоса и нервозности, потому что немецкие генералы не знали, на какие, собственно, силы они могут рассчитывать в предстоящих операциях. Например, в середине июля на сталинградском направлении не оставалось ни одного танкового корпуса. Но тут 23 июля 1942 года Гитлер подписывает очередную судьбоносную Директиву № 45, которая предписывала изъять два мобильных соединения из состава Группы армий «А» и передать их в Группу армий «Б» для продолжения наступления на Сталинград. Одновременно из состава Группы армий «А» выводилась в резерв моторизованная дивизия «Великая Германия». 11-й армии, которая по Директиве № 43 должна была высаживаться в Тамани и содействовать наступлению на Кавказе, предписывалось отправиться под Ленинград вместе со всей тяжелой артиллерией. Получив Директиву № 45, фельдмаршалы Лист и Вейхс были вынуждены исполнять ее и начали переброску войск с кавказского на-

правления на сталинградское. В период с 23 по 25 июля из состава Группы армий «А» в Группу армий «Б» были переданы управления XXIV и XLVIII танковых корпусов и две танковые дивизии — 23-я и 24-я. Вскоре за ними последовали 14-я и 16-я танковые, 29-я моторизованная дивизии. В Группу армий «Б» также была направлена из Донбасса походным порядком 8-я итальянская армия. Кроме того, XI армейский корпус 17-й армии был выведен в резерв Главного командования и также направлен пешим строем на сталинградское направление. Весь южный фланг немцев трясет, словно в лихорадке.

Группы армий «А» и «Б» наступали под прямым углом друг к другу. Фактически начались две **независимые** операции на различных направлениях, при том, что сил у немцев хватало максимум на одну. Цели этих операций находились на огромном расстоянии. Ни к чему хорошему это привести не могло. Блицкриг, всегда нацеленный на уничтожение войск противника, выродился в захват территории, не имевшей особого значения. Еще больше ухудшала положение немцев неразвитая система коммуникаций в этих бесплодных степях. Если во время наступления в средней полосе России они жаловались на **плохие** дороги, то здесь не было **никаких**.

Резюме. Летом 1942 года немцы на южном направлении добились серьезных успехов опять-таки вследствие крайне неудачных, даже беспомощных действий советского командования. Попытка наступления под Харьковом, первый советский классический блицкриг, провалилась главным образом именно поэтому. Действия немцев по ликвидации Барвенковского выступа тоже были недостаточно умелыми. Все-таки генерал Паулюс привык служить начальником штаба, а не командующим армией. Но наши генералы действовали еще хуже.

В результате немцы не сумели решить **ни одной** из поставленных задач, разбросали свои войска по огромной территории и растянули сверх всякого предела коммуникации. Катастрофа под Сталинградом была подготовлена еще планом операции «Клаузевиц». Лето 1942 года стало и окончанием успешных операций блицкрига в исполнении немецких войск. После этого данный так-

тический прием мы видим только в исполнении Красной Армии, причем их результаты для противника варьируются от серьезного поражения до полного и стремительного разгрома.

Глава 10

ПРОТИВОЯДИЕ

Когда читаешь описания стремительных кампаний панцер-генералов, возникает соблазн объявить блицкриг неким чудо-оружием, мечом-кладенцом в руках новоявленных титанов. На самом деле это оружие давало осечки уже с самых первых дней войны, но Гудериан, Манштейн, Меллентин, Раус и другие очень неохотно вспоминают о своих неудачах. А ведь эти неудачи имелись, причем у каждого из них.

Средства противодействия блицкригу начали искать далеко не сразу. Сначала теорию Гудериана воспринимали как некую отвлеченную логическую конструкцию, слабо связанную с реальными боевыми действиями. Ну, мало ли теорий навыдумывали генералы, оказавшиеся не у дел после окончания мировой войны? К тому же измышления генерала Джулио Дуэ, проповедовавшего религию тяжелых бомбардировщиков, выглядели привлекательней. Победить, «не прикладая рук», казалось заманчивым. Спохватились западные теоретики только после разгрома Польши. Настоящая паника разгорелась после капитуляции Франции. Но выяснилось, что противоядие от блицкрига найти далеко не просто. Во всяком случае, англичанам в Северной Африке это не удалось. Британские генералы менялись один за другим, менялись места боев, но результат все равно оказывался плачевным для англичан.

Если мы более тщательно присмотримся к истории блицкрига, то увидим, что впервые эта тактика начала сбоить на Восточном фронте, хотя и далеко не сразу. Как мы уже писали, большой блицкриг с треском провалился уже к осени 1941 года, молниеносной победы над Советским Союзом немцы не одержали, да и не могли одержать. А вот осенью 1942 года впервые нашла коса на камень и у малого блицкрига. Провал операции «Тайфун» был обусловлен совсем иными факторами, о чем вообще можно говорить, если Гудериан собирался штурмовать Тулу, имея 20 тан-

ков?! Но бои в предгорьях Кавказа продемонстрировали, что даже полнокровные, отлично подготовленные танковые дивизии могут быть остановлены. Хотя для наглядности нам придется упомянуть несколько случаев из более поздних операций.

Первым и самым очевидным способом противодействия блицкригу — глубокий прорыв, окружение, взаимодействие всех родов войск — было использование свойств местности. Нельзя даже думать о стремительном продвижении по болотам, лесам или оврагам. Идеальной для блицкрига местностью является гладкая как стол равнина со множеством дорог, желательно шоссейных. В противном случае танк теряет скорость, а если местность изобилует естественными укрытиями, он становится крайне уязвимым даже для пехоты. Именно это использовали советские войска в боях на Кавказе. В этом случае немцы были просто вынуждены наступать по невыгодной местности — другого пути к бакинской нефти просто не имелось. Однако сразу возникает вопрос: а зачем они погнали вперед танки? Или после успешного наступления на Дону панцер-генералы безоговорочно уверовали во всемогущество этого оружия?

Однако имелись случаи, когда наступающий намеренно выбирал «противотанковую» местность. Мы говорим о двух операциях немецкой армии в Арденнах. Заросшие густыми лесами холмы — ничуть не лучше болот, в которых утонули под Ленинградом первые «Тигры». Танковые колонны могут двигаться только по узким дорогам, которые можно пересчитать по пальцам одной руки. И все-таки в 1940 году немцам сопутствовал успех. Почему? Здесь мы имеем дело с одним из наиболее распространенных мифов Второй мировой войны. Давайте перечитаем повнимательнее воспоминания самих немецких генералов. И тогда мы увидим, что танки **не** прорывались через Арденны. Все было сделано пехотой, а танковые корпуса уже выдвигались вслед за ней, причем сразу начали испытывать проблемы. Не от хорошей жизни Гудериан вводил в бой свои дивизии поочередно, одну за другой, и действовать они начали уже на другом берегу Мааса, после захвата Седана. А там местность была уже совсем другой. Но, похоже, немецкие генералы сами уверовали в миф, который создали. Поэтому в 1944 году они попытались в этом же самом районе нанести удар танковыми дивизиями. Им пришлось на собственном примере

убедиться, что лесные массивы не подходят для действия танковых частей. Прорыв выродился в продвижение двумя «кишками», которые союзники сумели остановить, пусть и не без проблем. О каком развитии успеха может идти речь, если захваченный участок простреливается насквозь даже не из дальнобойных, а из танковых пушек?

Зато образцом умелого выбора маршрутов наступления должна служить Белорусская операция 1944 года, когда Красная Армия наступала по местности, наверное, даже более сложной, чем Арденны. Однако после этого наступления Группа армий «Центр» перестала существовать. Ну а тем, как был обеспечен переход 6-й гвардейской танковой армии через хребты Большого Хингана, можно только восхищаться.

Не менее серьезное значение имеет погодный фактор. Если осенью во время дождей дороги превращаются в непроходимое месиво, то о каком наступлении может идти речь? Кстати, мы все помним прелестный комментарий Суворова-Резуна относительно боевых качеств «грозных» трофейных танков 38(t) и приложенную к нему фотографию. Дескать, немцы ставили их на бревна, чтобы во время ночного заморозка танк не примерз к земле, иначе, мол, оружие блицкрига было неспособно сдвинуться с места. Давайте уточним: все было почти так, только чуточку не так. Немецкие генералы действительно как огня боялись заморозков в период осенней распутицы. Танки тонули в грязи по оси колес, и если ночью ударял мороз, то и сам дьявол не помог бы им двигаться дальше, но не потому, что траки к земле примерзли. Тот же генерал Раус мрачно упоминает, что по этой причине он был вынужден бросить чуть ли не две трети своей техники — танки, самоходки, бронетранспортеры. Вообще-то додуматься до бревна под гусеницами несложно, но, поди ж ты, не у всех получалось. Так что и погодные условия могут очень даже эффективно остановить блицкриг. Кстати, нашим танкам распутица мешала точно в такой же степени, как и немецким, поэтому не следует уж всех собак вешать на Панцерваффе.

Суть тактики блицкрига заключалась во взаимодействии различных родов войск. Самым эффектным, конечно, было содействие пикировщика, ужасного Ju-87, в переводе на русский он назывался «Штука» — аббревиатура от немецкого «Штурцкампф-

флюцойг». Воющий сиренами самолет не заметить просто невозможно. Временами поддержка авиации имела решающее значение, например, во Франции весной 1940 года или при штурме Тобрука в 1942 году. Но со временем немецкая авиация потеряла господство в воздухе, особенно это было заметно на Западном фронте. И тогда панцер-генералам пришлось перейти к ночным атакам или, как во время операции «Вахт ам Рейн», использовать нелетную погоду.

Артиллерийская поддержка для немцев не имела особого значения, так как те же пикировщики получили прозвище «летающей артиллерии». Многодневные обстрелы позиций противника остались в прошлом, их заменили непродолжительные огневые налеты. Но артиллерия имела большое значение на стадии ликвидации котлов.

Именно для того, чтобы взаимодействие было максимально эффективным, немцы начали обеспечивать формирование так называемых боевых групп (Kampfgruppe). Боевая группа представляла собой временное соединение из частей различных родов войск, входящих в дивизию. Ядром боевой группы становился танковый или пехотный полк, которому придавались дивизионы артиллерийского полка, батареи противотанкового дивизиона, роты саперного батальона. Часто боевая группа получала в свое распоряжение средства усиления, приданные дивизии из корпуса. Возглавлял боевую группу командир полка, а в случае танковых частей — командир пехотной бригады или танкового полка. Тем самым автоматически решался вопрос взаимодействия войск, распоряжения артиллеристам и саперам отдавал сам командир боевой группы, без подачи заявок командиру дивизии или корпуса. Никто из союзников до этого не додумался. Неким аналогом могут служить боевые командования американских танковых дивизий, аналогом, но не более того.

Поддержка других родов войск была не столь заметной, однако ничуть не менее важной. Например, одной из причин провала немецкого наступления под Курском в 1943 году стала слабость саперных подразделений. Немцы теряли десятки танков на наших минных полях, и уже не имело никакого значения, что подрыв на мине чаще всего не был для танка смертельным. Перебитую гусеницу или поврежденные катки можно было заменить, и немцы де-

лали это, так как имели отлично налаженную ремонтную службу. Вот только имелось одно маленькое «но» — эти танки требовались здесь и сейчас, а не завтра и где-то в стороне. Кстати, этим умело воспользовались советские командиры под Курском, приказавшие отстреливать немецких саперов, занимавшихся разминированием. Не от хорошей жизни немцы стали использовать для разминирования пикировщики (кстати, вот еще неожиданный пример взаимодействия с авиацией!) и взрывающиеся танкетки «Голиаф». Но ни тот ни другой вариант не мог заменить работу саперов.

Разумеется, союзники пытались найти тактический прием, который развеет проклятие блицкрига, но особо не преуспели в этом до самого конца войны. Первой рухнула идея статичной обороны в стиле Первой мировой войны, ведь, собственно, против нее и было направлено жало блицкрига. Польский генерал Станислав Мачек, командир 10-й мотокавалерийской бригады, на основе собственного плачевного опыта подготовил большой меморандум на тему «Что такое блицкриг и как же с ним бороться». Он передал документ французам, но те не удосужились даже прочитать «измышления какого-то поляка». Вы будете смеяться, но немцы захватили этот меморандум среди прочих документов французского Генштаба в так и **не распечатанном** пакете!

Нет ничего удивительного в том, что французы оказались беспомощны в борьбе с блицкригом. Генерал Вейган выдвинул было предложение о глубоком эшелонировании обороны, состоящей из отдельных опорных пунктов. Но ведь противник мог без труда обходить их, уничтожая поочередно огнем тяжелой артиллерии, что и делала Красная Армия в Маньчжурии в 1945 году, взламывая оборону японцев.

Однако во время боев в той же Франции атаки английской 1-й танковой бригады и французской 4-й танковой дивизии (де Голль) **во фланг** наступающим немцам приводили к серьезному кризису, который разрешали только удары Люфтваффе. В то же время многочисленные удары советских танковых частей **в лоб** наступающим немецким дивизиям приводили только к многочисленным бессмысленным потерям. Самым надежным способом остановить блицоперацию было удерживать фланги прорыва, превращая его в тонкую кишку, которую можно было срезать ударом во фланг, как сделали немцы под Барвенковом. Пример такой обо-

роны продемонстрировали наши войска под Курском, когда немецкий фронт наступления стремительно сужался при продвижении в глубь полосы обороны. Жаль только, что контрудары наносились, мягко говоря, опрометчиво.

Американцы предложили использовать для нейтрализации прорыва большие группы самоходных противотанковых установок. К счастью для себя, они не успели проверить свою теорию на практике. Я бы с удовольствием посмотрел на результаты боя батальоном «Тигров» и, скажем, полком самоходок М-10 «Вулверин». Я думаю, что тигр пришьет росомаху одним ударом...

А теперь приведем пример успешной нейтрализации удара танкового корпуса, руководимого опытным и умелым генералом Панцерваффе. Причем противостояли ему далеко не превосходящие силы.

Как мы уже говорили, немецкое командование летом 1942 года откровенно растерялось. Захватывая совершенно ненужную ему территорию, оно растягивало коммуникации сверх всякого предела. Недаром же Группу армий «Юг» пришлось делить пополам — на Группы армий «А» и «Б», потому что наступление велось по столь широко разошедшимся направлениям, что уже ни о какой координации действий даже мечтать не приходилось. Сил не хватало, и корпуса 4-й танковой армии судорожно метались то на сталинградское направление, то на кавказское, то снова на сталинградское. Германский Годзилла попытался протянуть головы в прямо противоположных направлениях. Попытка рейда 16-й моторизованной дивизии на Астрахань выглядит уже совершенно необъяснимой ни при каких, даже самых фантастических допущениях. И все-таки к предгорьям Кавказа вышли еще достаточно крупные силы.

Нас интересуют события на восточном участке этого нового фронта. То, что немцы стремились захватить Сочи, Гагры, Сухуми, пусть объясняют их историки, потому что особого смысла все это не имело. Полностью захватить Черноморское побережье? Лишить Черноморский флот баз? А зачем? Он немцам сильно мешал? Если перечитать историю действий этого флота, за компанию сделанного Краснознаменным, останется стойкое впечатле-

ние, что он соблюдал нейтралитет в этой войне. Это вам не Балтийский флот, защищавший Ленинград, или Северный, выбивавшийся из сил, чтобы блокировать вывоз никелевой руды из Петсамо. Главной целью немцев на Кавказе была бакинская нефть. Ну и по ходу дела не столь важные месторождения в Майкопе и Грозном. Однако главной целью наступления был Баку. Однако по какой-то непонятной причине главные силы Группы армий «А» пытались прорваться к Черному морю, тогда как на Баку был двинут один XL танковый корпус.

Правда, германское командование привычно считало, что противник вывел на линию фронта все имеющиеся силы и, если их уничтожить, Кавказ сам упадет в руки фельдмаршала Листа. Многочисленные поражения немцев так ничему и не научили, трезвости или хотя бы элементарной осторожности в оценке ситуации у них не прибавилось. Странный вопрос: «А зачем загонять танковые дивизии в Кавказские горы?» мы уже и не задаем.

Чтобы еще больше осложнить себе задачу, немцы перетасовали свои дивизии, как колоду карт. На Моздок (и в перспективе на Баку) наступали 3-я и 13-я танковые дивизии из XL танкового корпуса и 111-я и 370-я пехотные дивизии из LII армейского корпуса. Кстати, когда 9 июля 1942 года XL армейский корпус был переименован в танковый, в его состав включили 3-ю и 23-ю танковые дивизии, но к августовскому наступлению, как мы видим, состав корпуса изменили. Может, эти импровизации повлияли на слаженность действий? Не известно. Однако именно на этом направлении немцам преподали классический урок борьбы против блицкрига, не упустив ни одного пункта из перечисленных выше. Непонятно лишь одно: почему для освоения этой премудрости понадобились полтора года войны и многие миллионы потерь?

23 августа немецкие войска начали наступление на Моздок и после трех дней боев сумели занять город. После этого они попытались захватить переправы через Терек, чтобы обеспечить плацдарм для наступления на Грозный. Атака в направлении побережья Каспия, где открывалась прибрежная дорога на Баку, была довольно вялой. Хотя там наступал корпус «Ф», не нужно заблуждаться относительно его сил. Это было всего лишь диверсионное

соединение, сформированное для действий на территории Ирана и Ирака, по численности и силе не превышающее усиленного полка.

Советское командование всерьез опасалось потери основных нефтяных районов, а потому постаралось сосредоточить здесь как можно больше сил. Однако в начале операции был допущен ряд ошибок, прежде всего в распределении войск, но это мало помогло немцам.

2 сентября немецкие войска начали форсирование Терека и после упорных боев сумели создать плацдарм у Кизляра. На следующий день под прикрытием тумана немцы переправились через реку и создали еще один небольшой плацдарм у Предмостного, однако все попытки расширить плацдармы провалились. На следующий день немцы попытались нанести более сильный удар. Вот как об этом рассказывает маршал Гречко:

«В 5 часов утра 4 сентября началось наступление группы «Блиц» — на три дня раньше, чем намечалось по плану. Очевидно, командир этой группы полковник Либендорф настоял на этом по причине исчезновения немецкого офицера, знавшего о плане наступления. Противник бросил в бой около 100 танков. На большой скорости танки подошли к подножию Терского хребта. Подъем становился **все круче**, и тут-то они были встречены залпами с высоты Крейсер. Первые же выстрелы пушек 47-го гвардейского истребительного дивизиона и стоящих в укрытии танков заставили противника повернуть назад. Но скоро вражеская атака возобновилась. Несколько часов продолжался жестокий бой за высоту Крейсер. Несмотря на ожесточенные атаки врага, советские воины удержали эту важную позицию».

А сейчас попытайтесь вспомнить: часто ли в мемуарах наших генералов и маршалов упоминается умелое использование оборонительных свойств местности? Обычно их рассказы пестрят героическими сержантами и вдохновенными речами политруков. Правда, мемуары Гречко тоже этим грешат.

К вечеру 5 сентября немцам удалось прорваться на стыке между 8-й и 9-й стрелковыми бригадами. Они продвинулись вперед на расстояние около 5 километров, но наша пехота **удержала** фланги прорыва, и немцы были остановлены. Еще несколько дней

немцы пытались прорвать оборону, но безуспешно. А потом советское командование решило нанести контрудар, и произошло то, что мы уже видели десятки раз. Была создана ударная танковая группа в составе 52-й танковой бригады и 75-го отдельного танкового батальона. Лихая атака, без разведки, без поддержки артиллерии, завершилась уничтожением атаковавшего отряда. Командира бригады отдали под трибунал, но сделанного, как говорится, не исправишь. Впрочем, немцев удалось оттеснить обратно на исходный плацдарм.

Командиром XL корпуса был Гейр фон Швеппенбург, который ранее командовал XXIV моторизованным корпусом — главной ударной силой армии Гудериана — и имел огромный опыт успешных блицопераций. Поэтому понятно, что он делал ставку на ударную мощь танков. Он сумел втиснуть на плацдарм главные силы 13-й танковой дивизии и 13 сентября возобновил наступление. Однако Кавказ заметно отличался от средней полосы России, да и противостояли фон Швеппенбургу теперь уже другие солдаты и командиры. Продвижение вперед измерялось сотнями метров, а потери — сотнями солдат. Для немецкого генерала такое было неприемлемо. К тому же 15 сентября советские войска нанесли ответный удар, отодвинув немцев на несколько километров назад. Линия фронта колебалась то в одну, то в другую сторону.

19 сентября немцы наносят новый мощный удар и захватывают клочок земли в излучине Терека. Фон Швеппенбург уже отказался от захвата Грозного, захват Орджоникидзе тоже становится все менее вероятным. Но все попытки прорваться к Эльхотово не удаются. Тяжелые бои обескровили немецкие пехотные дивизии, и механизм блицкрига окончательно нарушился. Однако терять немцам было нечего, и они продолжали бесплодные атаки. Сюда была переброшена 7-я танковая дивизия СС «Викинг», и 24 сентября наступление возобновилось. Немцы пытались прорваться через Эльхотовские ворота (по долине вдоль Терека) в направлении Орджоникидзе.

Но 27 сентября мастер блицкрига фон Швеппенбург получил образцовый урок борьбы против блицкрига. Чтобы более точно представить происходящее, мы расскажем, как эти бои смотрелись по обе стороны линии фронта. Сначала слово предоставляется А.А. Гречко:

«Вход в долину обороняли 52-я танковая бригада майора В.И. Филиппова, артиллеристы майора Ф. Долинского и один мотострелковый батальон. Танкам отводилась в этой обороне главная роль. До наступления темноты Филиппов и Долинский договорились о взаимодействии. Ввиду того что вход в долину в самом узком месте не превышал 7 км, решено было создать ряд противотанковых опорных пунктов, способных к самостоятельной обороне. Эти пункты эшелонировались по долине на достаточную глубину. Каждый из них состоял из танковой засады, усиленной на флангах противотанковыми пушками и автоматчиками.

Первая линия ПТОПов должна была рассечь наступавшие эшелоны вражеских танков на отдельные группы и нанести им тяжелый урон. Поэтому она была наиболее прочной. Эта линия состояла из двух танковых рот, сведенных в три засады, находившиеся в огневой связи между собой. Танки были врыты в землю и стояли в линию под углом 45 градусов к линии наступления врага. Такой боевой порядок позволял им вести одновременный огонь одинаковой силы в нескольких направлениях.

Вторая линия ПТОПов находилась от первой в двух километрах. В нее входило несколько танков КВ и противотанковых орудий.

Третью линию образовывали отдельные танки и противотанковые орудия. На этой линии предстояло добить немецкие танки. КП командира танковой бригады был в центре ПТОПов. Майор Филиппов лично просматривал всю местность. Это помогло ему в дальнейшем четко управлять действиями танков. Поскольку артиллерийский батальон и отдельные орудия располагались вблизи танковых засад, майор Долинский решил находиться вместе с командиром танковой бригады. Это облегчило ему руководство огнем артиллеристов в соответствии с быстро меняющейся обстановкой.

На рассвете, после продолжительного артиллерийского и минометного огня, по нашим боевым порядкам гитлеровцы бросили в атаку 120 танков, сотни автоматчиков-десантников и свыше полка пехоты в пешем строю. Танки двигались на предельной скорости двумя группами в 50 и 70 машин, надеясь с ходу ворваться в долину по скатам, образующим ее. В бинокль было отлично видно, что в 5—7 км от переднего края нашей обороны на дорогах скопилось большое количество артиллерии на тягачах и автомашин с не-

мецкой пехотой. Это был второй ударный эшелон, подготовленный противником для развития успеха в глубину.

Лишь только танки врага приблизились к нашей обороне на 700—800 м, артиллерия и минометы открыли по ним сильный огонь. Первыми очередями наших пулеметчиков с фашистских танков были сметены автоматчики. Тотчас артиллерия перенесла огонь на пехоту, следовавшую в 300 м за танками. Одновременно произвели несколько точных залпов гвардейские минометы. Их снаряды разорвались в гуще фашистской пехоты. Потеряв до половины состава, фашисты стали отходить. Между тем танки продолжали упорно идти вперед, считая, видимо, что пехота их скоро догонит. Но в этот момент вражеские танки, автоматчики и пехота находились на далеком расстоянии друг от друга. При любом физическом напряжении они не могли уже вместе ворваться на наш передний край обороны. Тем самым создалась благоприятная обстановка для разгрома врага по частям.

Когда немецкие танки подошли вплотную к первой линии ПТОПов, весь огонь обрушился на них. Через минуту на поле боя уже пылали шесть немецких танков и около десяти остановились, подбитые снарядами.

Так как левая группа немецких танков (50 машин) оказалась ближе к нашим позициям, главный удар нанесли сначала по ней. Он был настолько мощным, что уцелевшие немецкие машины повернули назад. Тогда засады первой линии сосредоточили свой огонь на правой, более сильной группе (70 машин) фашистских танков. Наши танки и орудия тыловых опорных пунктов пока молчали, не обнаруживая себя.

Немецкие танкисты первой группы, наблюдавшие за разгромом левой группы танков, видимо, решили, что стоит им прорваться через наш передний край, как они выйдут на тактический простор, где отсутствуют огневые средства.

На большой скорости они помчались вперед, несмотря на то что путь их был усеян пылавшими и подбитыми машинами. Около 18 танков прорвались сквозь первую линию нашей обороны. Однако через минуту они попали под огонь новой линии ПТОПов. Поскольку прорвалась лишь группа наступавших танков, плотность огневого воздействия на каждый из них оказалась здесь даже выше, чем перед передним краем. Вскоре запылало еще семь вражеских машин и несколько повернуло назад. Четыре танка попы-

тались проскользнуть дальше в долину. Два из них, наткнувшись на засаду наших танков, были подбиты, остальные повернули назад.

Благодаря согласованным действиям танкистов, артиллеристов и пехотинцев, мужеству и героизму воинов к ночи на поле боя осталось 53 вражеских танка. Было подбито также 10 орудий различного калибра, уничтожено свыше 800 вражеских солдат и офицеров. Наши танкисты потеряли десять машин, пять из которых вскоре снова вступили в строй».

Прошу прощения за столь пространную цитату, но события лучше всего описывают их непосредственные участники. А теперь вот как это видели немцы, описывая атаку 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии. Кстати, обратите внимание, что на сей раз описания не слишком расходятся.

«В 04.00 командир батальона прибыл на наблюдательный пункт. Погода была дождливой и очень облачной, поэтому пехота получила приказ атаковать в 05.00. Вскоре после начала движения она попала под плотный пулеметный огонь с умело расположенных полевых укреплений, особенно с западной оконечности хребта. Поэтому пехота, все еще находящаяся в низине, оказалась в смертельной опасности. Артиллерийская подготовка закончилась, и танки начали выдвигаться на исходный рубеж для атаки. 4-я рота начала подниматься на хребет, обстреливая многочисленные полевые укрепления и противотанковые орудия, как только они проявлялись. 5-я и 6-я роты вышли к реке, но были обстреляны многочисленными противотанковыми орудиями и ружьями, особенно из рощи справа.

Сначала противник стрелял не очень часто. Атакующие шаг за шагом двигались на восток, продираясь сквозь укрепления. 4-я рота на левом фланге получила приказ быстро передвинуться на восток по склону, чтобы атаковать артиллерийские и минометные позиции. В этот момент тяжелая артиллерия начала обстреливать район атаки, сосредоточившись на трех танковых ротах. Артиллерийский огонь был таким плотным, что 4-я рота отошла назад, чтобы укрыться за хребтом.

Противотанковые орудия и ружья все сильнее обстреливали

5-ю и 6-ю роты. Противник был едва виден в густом кустарнике. Хорошо замаскированные танки Mk.III были замечены слишком поздно. Бой с вражескими танками оказался слишком трудным из-за крутого склона и сильного огня.

Несмотря на хорошую работу нашей артиллерии, подавить вражескую артиллерию не удалось, так как она была хорошо замаскирована. Она, как и прежде, стреляла главным образом по нашим танкам. Наша пехота тоже была пришпилена к месту.

...

Как уже показали атаки Вознесенской 6 сентября 1942 года, гористая, пересеченная местность непригодна для танков. Так как танки не могли пройти почти нигде, противник получил возможность перекрыть несколько оставшихся секторов минами и другим противотанковым оружием. Так как у него было много и того и другого, потери в танках оказались относительно высоки и не могли оправдать достигнутые успехи и захваченные территории. Повышенный износ техники в гористой местности вызывал многочисленные поломки».

В результате к 29 сентября после четырех дней упорных боев немецкие войска захватили Терек, Плановское, Эльхотово, Илларионовку, однако дальше продвинуться не смогли и были вынуждены перейти к обороне. Попытка блицкрига в неподходящем месте провалилась. 30 сентября генерал Гейр фон Швеппенбург был отстранен от командования корпусом и надолго отправлен в резерв.

Резюме. Очень простое. Блицкриг — это не мегаоружие. Умелый и решительный противник всегда может нейтрализовать его.

Глава 11

О РОЛИ МЫШЕЙ В РАЗГРОМЕ АРМИИ ПАУЛЮСА

19 ноября 1942 года произошло то, что просто обязано было произойти. Красная Армия перешла в контрнаступление под Сталинградом, а если говорить точнее — нанесла удар по слабым

группировкам, прикрывающим фланги немецкой 6-й армии, безнадежно завязшей среди развалин города. Хваленый германский Генеральный штаб оказался не на высоте в первый, но далеко не в последний раз за годы Великой Отечественной войны. Даже первый беглый взгляд на карту подсказывал, где именно будет нанесен удар, потому что армия Паулюса прямо-таки напрашивалась на окружение. Тем более что советское командование более или менее четко представляло ее крайне сложное положение.

Как мы помним, одной из главных составляющих блицкрига является удар по слабым флангам противника, но эти слабые фланги еще требуется найти. Именно этим занимались разведывательные батальоны в составе немецких танковых дивизий при помощи самолетов-разведчиков. На стратегическом уровне поиск слабого участка обороны превращается в сложную задачу. Но в данном случае немцы сами громогласно объявили: «Оно здесь!» Можно даже сказать, завопили во всю глотку. На Сталинград наступала немецкая 6-я армия генерал-оберста Паулюса, а ее фланги прикрывали слева — румынская 3-я армия, справа — румынская 4-я армия. Догадайтесь с одного раза, где находились слабые фланги?

Впрочем, какие там, к чертовой матери, фланги?! Слева было то, о чем говорил немецкий историк Шейберт:

«Особенно достойна внимания, необычайно большая протяженность линии фронта Группы армий «Б» — почти 1300 км (это протяженность воздушной линии от Женевы до Копенгагена). Если принять во внимание такое большое число подчиненных группе армий объединений, то будет понятно, что имелось очень много даже чисто технических трудностей в управлении войсками. К этому следует присовокупить многочисленные проблемы коалиционного характера, в данном случае речь идет о совместных действиях войск четырех наций. Отношения между ними как раз не исключали трудностей. Так, например, нельзя было поставить рядом враждебно настроенные друг к другу румынские и венгерские войска. Это было основанием для размещения 8-й итальянской армии между 2-й венгерской и 3-й румынской армиями».

Ну, только ленивый по такому участку фронта не ударит. А справа фланга вообще не было, потому что сразу за позициями румынской 4-й армии начинался «бескрайний простор степей». То есть к ноябрю 1942 года 6-й армия Паулюса представляла собой нечто вроде пушечного ядра, подвешенного в вакууме. Кстати, и само ядро было изрядно проржавевшим. С одной стороны, танковые соединения были совершенно бесполезны во время городских боев, но с другой — они могли оказаться очень полезны для отражения возможных ударов противника. А чем мог отражать эти удары Паулюс? Только XIV танковым корпусом фон Витерсгейма, в составе которого числилась одна изрядно поредевшая 16-я танковая дивизия. О каких контрударах из глубины обороны могла идти речь?

Впрочем, даже в этой печальной препозиции немцы показали себя достойным противником. Помните рассказ о событиях на Барвенковском выступе, когда наши штабы узнавали о немецком наступлении только через двое суток, а реагировать начинали вообще через трое?

Обратимся к воспоминаниям адъютанта 6-й армии полковника Адама. Да, они написаны в советском плену и пронизаны восторгом истинного просветления, но мы обратимся к сухим фактам, содержащимся в этих мемуарах:

«Телефон яростно звонил. Я сразу очнулся от сна. Не успел я взять трубку, как услышал далекий гул. Ураганный огонь, подумал я. Дежурный офицер доложил: «Тревога, господин полковник! Немедленно к начальнику штаба!» То было начало советского контрнаступления. На листке календаря значилось: 19 ноября 1942 года».

То есть, когда начинает наступления Паулюс, советский командующий армией узнает об этом через двое суток, зато когда начинается наступление на армию Паулюса, тот узнает об этом через 20 минут. Потрясающая разница, не правда ли?! И еще один нюанс. Как полковник Адам узнает об этом наступлении? **По телефону**. При этом звонок поступает мало того, что из соседней армии, так еще из румынской. То есть у немцев обычная про-

водная связь работает на порядок лучше, чем в Красной Армии. О тонкостях работы радиосвязи в таких случаях говорить просто бессмысленно. Вам не кажется, что эта короткая цитата дает ответ на многие «загадки» 1941 и 1942 годов?

Что же произошло утром 19 ноября? Если сказать коротко — коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Если длинно, то в 8.50 утра после 1 часа 20 минут артиллерийской подготовки атаки войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление с целью окружить и уничтожить немецкую 6-ю армию, застрявшую в Сталинграде. Нет, Гитлер был совершенно прав, когда предостерегал своих генералов от боев в крупных городах и не позволил им штурмовать Киев, Ленинград и Москву. В первый раз немцы изменили этому принципу, и дело кончилось для них катастрофой.

Мы не будем выяснять, кто именно был автором плана «Уран» и когда он был составлен. С моей точки зрения, это просто невозможно. Опираться только на воспоминания Жукова, полагаю, было бы в высшей степени опрометчиво. В то же время рассуждения А. Исаева, который относит выработку плана на конец сентября, тоже можно оспорить, потому что маршал Василевский в своих воспоминаниях пишет, что в конце сентября план был уже утвержден. «Тогда же, в сентябре, основные положения плана наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования и ГКО», — пишет он. Оставим этот вопрос открытым, не стоит заниматься мелочной дележкой сталинградской славы, ее хватит на всех.

Как уже отмечалось, советский план контрнаступления предусматривал нанесение ударов по сходящимся направлениям с целью окружения, а затем и уничтожения действовавшей под Сталинградом крупной группировки войск противника. На северном участке главный удар намечался силами ударной группировки Юго-Западного фронта в составе 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П.Л. Романенко и 21-й армии под командованием генерал-майора И.М. Чистякова. Наступая с плацдармов юго-западнее Серафимовича и из района Клетской, эти войска должны были прорвать оборону румынской 3-й армии

и своими подвижными соединениями стремительно развивать наступление на юго-восток в общем направлении на Калач.

Для оперативного обеспечения действий ударной группировки с запада и юго-запада часть сил Юго-Западного фронта — войска левого фланга 1-й гвардейской и правофланговые соединения 5-й танковой армии имела задачу нанести вспомогательный удар и создать внешний фронт окружения вражеской группировки. На третий день операции эти войска должны были выйти на рубеж от Вешенской до Боковской и далее по реке Чир до Верхне-Чирской с целью предотвращения возможных контрударов противника.

Войска Донского фронта наносили два вспомогательных удара: частью сил 65-й армии — командующий армией генерал-лейтенант П.И. Батов — с плацдарма у Клетской на юго-восток в направлении на Вертячий (Клетская, Венцы, Родионов, Вертячий) и силами правого фланга 24-й армии — командующий армией генерал-майор И.В. Галанин — из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг также в общем направлении на Вертячий. Действия этих армий имели целью окружить войска противника в малой излучине Дона и отсечь их от главной группировки врага в районе Сталинграда. Соединения и части 66-й армии — командующий армией генерал-майор А.С. Жадов, — сражавшиеся севернее Сталинграда, получили задачу активными действиями сковать противостоящего противника.

Войска ударной группировки Сталинградского фронта (51, 57 и 64-я армии) должны были развертывать наступление на фронте Ивановка — озеро Барманцак в северо-западном направлении на Советский, Калач и в ходе наступления соединиться с войсками Юго-Западного фронта. При этом 51-я армия генерал-майора Н.И. Труфанова наносила удар из района озер Сарпа, Цаца и Барманцак, а 64-я армия вместе с правофланговыми соединениями 57-й армии генерал-майора Ф.И. Толбухина из района Ивановки в северо-западном направлении, охватывая вражескую группировку с юга.

62-я армия имела задачу продолжать сковывать силы противника в городе, 28-я армия — командующий армией генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко — прикрывать астраханское направление.

Следует отметить интересную особенность плана «Уран». Кроме большого котла, в который планировалось загнать главные

силы 6-й армии, советское командование собиралось устроить противнику и несколько более мелких котлов. Главная роль отводилась 21-й армии Юго-Западного фронта. Вместе с 5-й танковой армией она должна была окружить 3-ю румынскую армию, после чего взять в кольцо XI корпус немецкой 6-й армии, располагавшийся на правом берегу Дона. В этом ей должны были помочь войска Донского фронта.

Наступление с самого начала развивалось достаточно успешно. Некоторые авторы сожалеют о том, что нелетная погода помешала советской авиации нанести удар по немецким позициям и наши армии были вынуждены ограничиться артиллерийской подготовкой. Но о том же самом с нескрываемой горечью пишет и Вольфрам фон Рихтгофен. Если вспомнить события Курской битвы, когда превосходство советской авиации было еще больше, можно предположить, что у немцев оснований сожалеть было несколько больше.

На участке наступления 5-й танковой армии сопротивление румын было сломлено не сразу, поэтому командующий армией решил ввести в бой эшелон развития успеха. 1-й и 26-й танковые корпуса взломали оборону противника, и во второй половине дня в прорыв был введен 8-й кавалерийской корпус. Продвижение армии в первый день составило около 18 километров. Да, это было меньше, чем предусматривалось планом, однако гораздо успешнее, чем все предыдущие попытки Красной Армии.

Вдобавок 1-й танковый корпус возле Песчаного совершенно неожиданно налетел на немецкую 22-ю танковую дивизию и не смог с ходу разбить ее. Советская разведка не сумела своевременно выявить наличие 22-й танковой дивизии противника (мы этому совершенно не удивляемся), поэтому столкновение с ней в районе Песчаного оказалось неожиданным. Никаких противников, кроме румын, встретить здесь не предполагалось.

Собственно, эта встреча оказалась неожиданной и для немцев. Эта дивизия считалась резервом группы армий, по собственной инициативе не собиралась участвовать ни в каких боях. Контрудары должны были наносить другие. 19 ноября в 09.00 командир XLVIII корпуса Гейм позвонил в штаб Группы армий «Б» и по-

требовал срочно двинуть его танковый корпус в северо-восточном направлении в сторону Клетской. Свое решение Гейм мотивировал тем, что со стороны Клетской возникла реальная опасность для тыла 6-й армии. Начальник штаба группы армий фон Зондерштерн согласился с командиром корпуса. В 09.30 корпус начал марш к Клетской, на направление вспомогательного удара Юго-Западного фронта. Однако в 10.45 корпус Гейма получает новый приказ, на этот раз от командования сухопутных войск: «Наступление должно осуществляться не на северо-восток, а на северо-запад». XLVIII корпус должен был двигаться к плацдарму у Серафимовича. Командование группы армий приняло правильное решение и направило свой самый сильный резерв на направление главного удара советских войск. Впрочем, «сильный» — это сказано слишком смело. Ударная группа корпуса состояла из одной-единственной танковой дивизии — 13-й. 22-я была передана ему только в декабре. То есть немцы в растерянности совершили то же самое, что многократно делали наши генералы, — контратаковали разрозненными, слабыми группами. Результат, естественно, получился точно таким же. Вот как об этом рассказывает Фридрих фон Меллентин:

«После беседы с Цейтцлером я получил более подробные данные об обстановке в так называемой «оперативной комнате». 19 ноября русские войска в составе трех танковых корпусов, двух кавалерийских корпусов и двадцати одной стрелковой дивизии перешли в наступление с плацдарма в районе Кременской. Они прорвали позиции румын и создали брешь шириной около тридцати километров. 48-й танковый корпус, расположенный за 3-й румынской армией, контратаковал силами 13-й танковой дивизии и находившимися в его подчинении румынскими танками, но был отброшен лавиной русских войск. Командир корпуса генерал Гейм и его начальник штаба полковник Фрибе были отстранены от должностей за нерешительность. Несколько дней спустя я узнал от полковника фон Оппельна из 13-й танковой дивизии, что его танковый полк не смог своевременно выступить из-за того, что мыши перегрызли провода наружного освещения на танках. Однако в любом случае штаб корпуса нес ответственность за задержку, и этим объясняется мое назначение».

Вот так проклятые мыши погубили армию Паулюса!

Но первыми пострадали все-таки румыны. На третий день наступления войска 5-й танковой и 21-й армий сомкнулись и окружили главные силы 3-й румынской армии. Общее руководство окруженными войсками было возложено на командира 6-й дивизии генерала Ласкара. Командующий 3-й румынской армией запросил Антонеску о дальнейших действиях, но получил ответ: подчиняться приказам Группы армий «Б». Заметьте, и у румын связь работает вполне нормально — от линии фронта до самого Бухареста.

Первое предложение капитулировать румыны получили 22 ноября в 22.30, но сразу его отвергли. Далее последовал спектакль «куда конь с копытом, туда и рак с клешней». Румыны попытались организовать свой собственный воздушный мост, и в расположении окруженных войск приземлились целых 5 румынских Ju-52, которые доставили боеприпасы, продовольствие и вывезли 60 раненых. На этом комедия в одно действие закончилась под бурные аплодисменты советской артиллерии. У окруженных румын оставалось не более 40 выстрелов на орудие, многие солдаты не ели по три дня. Командиры окруженных румынских соединений генералы Ласкар, Мазарини и Сион на совещании в Головском приняли решение прорываться на запад.

Однако румынские планы были исправлены наступающими советскими войсками. Вскоре был захвачен штаб 6-й дивизии, генерал Ласкар попал в плен, и организованное сопротивление завершилось. Конечно, отдельные отряды продолжали драться до 25 ноября, но это уже не имело никакого значения. Первый котел, который Красная Армия устроила противнику, был ликвидирован практически без задержки. В плен попали 27 000 человек.

Не очень уверенно, но советские командиры постепенно овладевали искусством блицкрига. Первым дерзкую и успешную операцию такого плана осуществил командир 26-го танкового корпуса генерал Родин. Он решил стремительным броском овладеть важной переправой через Дон у Калача. Для этого был создан специальный отряд подполковника Филиппова, в состав которого входило всего пять танков. Но! Наглость — второе счастье.

Этот отряд двигался в глубь расположения противника на машинах с включенными фарами. Немцы приняли танки за свои, и

они беспрепятственно подошла к переправе. Перебив охрану переправы, отряд захватил ее и организовал оборону. Ганс Дерр пытается объяснить легкость, с которой была захвачена переправа: «Другая танковая часть русских подошла к мосту и с ходу захватила его без боя, так как охрана моста приняла ее за немецкую учебную часть, оснащенную трофейными русскими танками, которая часто пользовалась этим мостом». Да, такие подразделения были, но почти наверняка охрана моста просто растерялась и разбежалась, не утруждая себя такими сложными рассуждениями. Спустя полтора года войны нам удалось отплатить немцам их же монетой. Надо ведь и Красной Армии когда-нибудь начать внезапно захватывать мосты.

Движение южной половины клещей (51-я и 57-я армии) началось сутки спустя после начала наступления на севере. Причина была совершенно тривиальной — густой туман помешал действиям не только авиации, но даже танковых частей. Интересно, что в соответствии с довоенными доктринами часть танковых подразделений 4-го и 13-го мехкорпусов была использована для поддержки пехоты. Прием оказался удачным, хотя, может быть, 4-я румынская армия оказалась не такой стойкой, как 3-я. Во всяком случае, на юге оборона противника рухнула практически моментально, и 4-й мехкорпус был введен в прорыв, после чего маховик наступления начал раскручиваться автоматически. Попытка немецкой 29-й моторизованной дивизии остановить продвижение советских танков имела лишь временный успех. Вдобавок эта дивизия так и не попала к месту северного прорыва, куда ее намеревалось перебросить немецкое командование.

В связи с этим хочется сказать, что рассуждения о том, что немцы-де могли организовать надежную оборону в районе озера Барманцак, который мог стать кладбищем советских танковых частей, являются чистой воды спекуляциями. Еще раз напомним протяженность немецкого фронта под Сталинградом — 1300 километров. Какими силами вы намерены держать здесь «надежную оборону»? Или Господь Бог подскажет, что именно в этом месте и в это время следует ждать удара советских армий?! Увы, адмирал Канарис на роль Господа явно не потянул, даже со всем своим абверовским воинством. Немецкая разведка не в первый и далеко не в последний раз не сумела даже приблизительно вскрыть планы

советского командования. Да и Генштаб, как мы говорили, оказался не на высоте, потому что предугадать такой удар было не слишком сложно. И в моих словах нет противоречия, потому что одно дело — сдедуктировать вывод, но совсем другое — знать точно. Впрочем, единственным способом решения немецкой проблемы было спешное отступление от Сталинграда и сокращение протяженности линии фронта. Но на такое не мог пойти Гитлер.

22 ноября наступающие советские войска захватили станцию Советская, где располагались крупные склады и ремонтные мастерские немецкой 6-й армии. Кроме того, была перерезана железная дорога, связывающая 6-ю армию с тылом.

Хотя Паулюс был информирован о начале советского наступления практически сразу после его начала, он не сразу оценил размеры надвигающейся опасности. 19 ноября он сообщает в штаб группы армий, что 6-я армия намеревается по-прежнему вести разведку боем в черте города. Но немецкая связь работает отлично даже в таких обстоятельствах, и к вечеру Паулюс вынужден изменить план действий.

Он сразу начинает действовать, судя по всему, готовясь к тому самому отступлению на запад, о котором мы говорили. Паулюс снимает свое единственное мобильное соединение — XIV танковый корпус — с фронта к северу от Сталинграда и отводит его на запад, приказывая сформировать западный фронт армии. Одновременно XI корпус отходит к югу, занимая позиции XIV танкового. Таким образом, Паулюс на какое-то время оттягивает гибель этого корпуса, который советское командование намеревалось окружить и уничтожить севернее Сталинграда.

Однако внешне разумный план Паулюса тоже страдает отсутствием чувства реальности. Перечисленные в нем населенные пункты Суханов, Скворин, Еруслановский находятся на западном берегу Дона к северо-востоку от Калача. Паулюс собирался сохранить максимально большой периметр, включая область за Доном, не отдавая себе отчета о том, что сил для этого у него уже нет. Он менял один очень растянутый фронт на другой, такой же растянутый. Сам Калач становился важным перевалочным пунктом для выдвигавшихся на новый фронт соединений. Но сохранить пози-

ции, перечисленные в приказе от 20 ноября, он мог лишь в одном случае — немедленно оставив Сталинград.

Нереальность этого плана подчеркнули безуспешные попытки XLVIII танкового корпуса остановить советское наступление. Он был просто смят и отброшен в сторону. Говорить о судьбе примкнувшей к нему румынской 1-й танковой дивизии не стоит.

В общем, решения немецкого командования **на всех** уровнях относительно планов будущих действий были неудовлетворительными. Гитлер намеревался из политических соображений удерживать Сталинград и, кажется, искренне надеялся на успех. Паулюс хотел отойти на запад, **но попозднее**. Фон Вейхс поддержал Паулюса. Вечером 22 ноября Паулюс отправляет в штаб группы армий следующую радиограмму:

«Армия окружена. Несмотря на героическое сопротивление, в руках русских оказались вся Царицынская долина, железная дорога от Советского до Калача, находящиеся в этом районе мосты через Дон, высоты на западном берегу Дона вплоть до Голубинской и Крайнего.

Войска продолжают подходить с юго-востока через Бузиновку и особенно с запада.

Ситуация под Суровикино и Чиром неизвестна.

Под Сталинградом и на северном фронте — активная деятельность разведгрупп. Атаки на 4-й армейский корпус и 76-ю пехотную дивизию отражены. На этом участке противник прорвал оборону в нескольких местах. Армия надеется открыть западный фронт восточнее Дона. Южный фронт восточнее Дона еще открыт. Кажется сомнительным, что он может простреливаться из-за значительного ослабления северного фронта и узких линий обороны под Карповкой, Мариновкой и Голубинкой.

Дон покрыт толстым слоем льда, через него можно переходить. Горючее скоро закончится, после чего танки и тяжелые машины встанут, положение с боеприпасами напряженное, продовольствия хватит на шесть дней.

Армия намеревается удерживать оставшийся участок от Сталинграда до Дона и все для этого подготовила.

Надеемся, что южный фронт удастся закрыть, после чего продовольствие может быть доставлено по воздуху.

Прошу свободы действия в том случае, если не удастся создать круговую оборону на юге. В этом случае вынуждены будем сдать Сталинград и северный фронт, чтобы со всеми силами ударить по противнику на южном фронте между Доном и Волгой и соединиться с 4-й танковой армией. Наступление на запад из-за находящихся там мощных сил противника и сложных условий местности может оказаться безуспешным».

Извините, но я в очередной раз вынужден указать на то, что немецкая связь работала на два порядка лучше нашей. Во многом именно этим объясняются успешные действия немцев в наступлениях 1941 и 1942 годов и наша крайне неудачная оборона. Просто в данном случае спасти Паулюса могли исправные танки, а не исправные радиостанции. Но вторые он имел, а первые — нет.

Паулюс несколько поторопился со своей радиограммой, кольцо окружения еще не было замкнуто, но уже на следующий день радиограмма стала чистой правдой. 23 ноября в 16.00 части 4-го механизированного корпуса соединились с 26-м танковым корпусом в районе Калача и Советского. Вскоре после этого к Советскому вышли бригады 4-го танкового корпуса. Юго-Западный и Сталинградский фронты прочно соединились друг с другом, замкнув кольцо окружения. Теперь все коммуникации, связывавшие 6-ю армию с главными силами Группы армий «Б», были перерезаны. Свершилось!

В кольце оказались штаб 6-й армии, штабы IV, VIII, XI, LI армейских корпусов и XIV танкового корпуса. Чаще всего в списке окруженных частей упоминаются 22 дивизии: 14, 16 и 24-я танковые, 3, 29 и 60-я моторизованные, 44, 71, 76, 79, 94, 100, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384 и 389-я пехотные дивизии, а также румынские 20-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизия. Я, кстати, прекрасно помню плакат военных времен: «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии». Но дело в том, что дивизий было **23**! Скорее всего, не попавшую в общий счет 9-ю зенитную дивизию пропускают из-за ее подчиненности Люфтваффе. Дескать, какие летчики в кольце? Все они давно улетели. А вот не все уле-

тели. Ну и, разумеется, плюс множество частей и подразделений армейского подчинения: инженерные и строительные батальоны, полки реактивных минометов, госпиталя и так далее, всего 284 000 человек. Извините за нудное перечисление дивизий, но в данном случае оно необходимо.

А дальше началась затяжная и мучительная агония окруженной группировки. Гитлер пообещал выручить окруженную армию, но выручать ее было совершенно нечем. Задачу по деблокированию армии Паулюса вручили фельдмаршалу Манштейну. Однако помимо задачи нужно было дать ему войска, а с этим обстояло гораздо хуже. Помните, в самом начале рассказа об операции «Барбаросса» мы говорили, что у немцев не было резервов, заслуживающих этого наименования. В очередной раз особенно четко это проявилось во время операции «Зимняя гроза». В связи с легкостью переключения клавиатуры с русского шрифта на латинский, довольно часто сейчас ее именуют также «*Wintergewitter*».

На основе штаба 11-й армии была создана Группа армий «Дон». Как всегда в отчаянных случаях, громкое название скрывало слабость. К 4 декабря в распоряжение Манштейна прибыли три свежие дивизии: 336-я пехотная дивизия из Группы армий «Б», 7-я авиаполевая дивизия и 11-я танковая дивизия из Группы армий «Центр». Но если говорить честно, то авиаполевую дивизию следовало в лучшем случае считать за половину: эти дивизии, спешно сформированные из наземного состава Люфтваффе, никогда не отличались особой боеспособностью. Три дивизии — это типичная группа армий. Их объединили в XLVIII танковый корпус.

Главный удар наносила 4-я Танковая армия Гота силами еще одной спешно созданной пожарной команды. Из района Котельниково по восточному берегу Дона должен был наступать LVII корпус генерала Кирхнера. Корпусу подчинялись 6-я и 23-я танковые дивизии, 5-я и 8-я румынские кавалерийские дивизии.

История контрудара Манштейна характерна прежде всего очередными обоюдными ошибками разведки. Советская разведка неточно оценила направление немецкого удара, немецкая разведка не сумела вскрыть противостоящую группировку сил, вследствие чего Манштейна ожидали многочисленные сюрпризы, причем исключительно неприятные.

Немецкое наступление началось утром 12 декабря, разумеется внезапно. Манштейн полагал, что освобождение 6-й армии возможно, хотя сам он рассказывает об этой операции довольно смутно. И его можно понять. Еще в первых числах декабря Паулюс сообщает, что продовольствие и боеприпасы у него кончатся примерно через две недели. Воздушный мост, обещанный Герингом, оказался фикцией. Единственным результатом попыток наладить снабжение 6-й армии по воздуху стало истребление немецкой транспортной авиации.

«Зато теперь самой срочной задачей становится наступление XLVII танкового корпуса. Обеспечив себе в тяжелых боях с крупными силами противника, пытавшимися сорвать его подготовку к наступлению, возможность произвести выгрузку и занять исходное положение в районе Котельниково и нанеся серьезное поражение этим силам противника, корпус 12 декабря начал наступление на Сталинград. Его фланги прикрывали: на востоке, со стороны Волги, — 7-й румынский корпус; на западе, со стороны Дона, — 6-й румынский корпус. Наступление по всем признакам явилось неожиданностью для противника, во всяком случае, он не ожидал наступления так скоро. Вначале корпус успешно продвигается. Но противник срочно перебрасывает сюда новые силы из района Сталинграда. Он отнюдь не ограничивается оборонительными действиями, но постоянно пытается с помощью контратак вновь захватить занятую нашими танковыми дивизиями местность или окружить части этих дивизий превосходящими силами танков. XLVII танковому корпусу неоднократно удается разбить крупные силы противника. Но к 17 декабря, когда в бой восточнее реки Дон может, наконец, вступить 17-я танковая дивизия, исход этих боев, шедших до сих пор с переменным успехом, еще не решен. ОКХ, уступая постоянным настойчивым требованиям командования группы армий, наконец передало ему эту дивизию, находившуюся в районе своей выгрузки позади левого фланга группы армий. Но дивизии сначала пришлось совершить продолжительный марш до моста через Дон у Потемкинской и перейти по этому мосту, прежде чем она смогла принять участие в боевых действиях восточнее реки Дон».

В очередной раз словно из-под земли появляются свежие советские резервы, и группа Манштейна остановлена. А сейчас зададим интересный вопрос: а что могло произойти, если бы ее остановить не удалось? Да практически то же самое. Вывести 6-ю армию из Сталинграда не удалось бы! Ослабленные люди, солдаты, утомленные длительными боями, почти не имеющие боеприпасов, сумеют совершить бросок в несколько сотен километров? Извините, чушь! Я категорически заявляю: единственной возможностью спасти армию Паулюса был **немедленный** отвод сразу после начала советского наступления. А еще лучше смотрелся заблаговременный отвод, когда стало понятно, что штурм Сталинграда завершился неудачей. Операция «Зимняя гроза» была бессмысленной. Не обреченной на провал, а именно бессмысленной, так как вывести никого он не сумел бы. При определенном стечении обстоятельств XLVII танковый корпус мог дойти до внутреннего кольца окружения, которое к этому времени уползло далеко на восток. Например, интересна последняя попытка 24 декабря бросить 3 танковые дивизии напролом. Хорошо, что она не состоялась. Немцам здорово повезло в том плане, что ударная группировка не увеличила собой численность окруженных войск.

Однако имелось еще одно обстоятельство, которое ставило под сомнение операцию «Зимняя гроза». Дело в том, что советское наступление продолжалось. Ранее предполагалось провести операцию «Сатурн» — ударом на Ростов отрезать и уничтожить всю Группу армий «А» на Кавказе. Правда, наше командование спохватилось и решило ограничиться операцией «Малый Сатурн», не столь грандиозной по масштабам. Для этого имелись вполне серьезные основания. Операция глубиной более 1000 километров — предприятие исключительной сложности. Даже немцам, при их налаженных тыловых службах, в летнее время такие операции не удавались. После каждого рывка в 300—400 километров следовала обязательная пауза. Так и сейчас, если бы наши танковые корпуса попытались безостановочно двинуться на Ростов, это привело бы к бессмысленной и бесполезной их гибели.

И все-таки продолжение наступления на запад подвешивало в воздухе ударные группировки Манштейна. Разгром итальянской 8-й армии не только обнажил фланг Манштейна, но и привел к разгрому главной немецкой авиабазы, с которой велось снабжение

армии Паулюса. Смелый 150-километровый бросок 24-го танкового корпуса генерала Баданова вынудил немцев поспешно эвакуировать оттуда самолеты. Да, танки Баданова израсходовали топливо и значительную часть боеприпасов, после чего корпус оказался в исключительно сложном положении. Однако критики забывают одну простую вещь: иногда даже тяжелые потери бывают оправданны. Данный случай относится именно к таким.

Зато совершенно иной оценки заслуживает операция «Кольцо», затеянная советским командованием с целью ликвидации окруженной армии. Теперь уже наши генералы затеяли операцию, не имевшую никакого смысла. Объяснение было тем же самым, что и у немецких: там давил Гитлер, здесь Сталин, которому не терпелось как можно быстрее ликвидировать окруженную группировку. Хотя к началу января 1943 года перед Паулюсом стоял лишь один вопрос: когда? Кстати, именно благодаря операции «Кольцо» немецкая 6-я армия сумела выполнить свою последнюю задачу — приковать к Сталинграду как можно больше советских дивизий на как можно более долгий срок. Самым разумным было блокировать окончательно потерявшие подвижность (ни о какой мобильности и говорить уже не стоило) немецкие войска какими-нибудь резервными соединениями и предоставить немцам самим подохнуть в своих норах. Можно было ускорить этот процесс артиллерийским обстрелом. Именно так наши командиры поступали, поднабравшись опыта. Впрочем, при ликвидации последующих котлов уже никто их не торопил.

Несколькими ударами советских войск котел был раздроблен на более мелкие куски. Началась массовая сдача в плен, несмотря на отчаянные призывы командования продолжать сопротивление. 31 января Паулюс получил звание фельдмаршала и в тот же день сдался. После этого Рокоссовский сделал то, что нужно было сделать с самого начала: обрушил огонь всей своей артиллерии на так называемый северный котел. Он сосредоточил более 300 орудий на километр фронта. XI корпус выдерживал этот обстрел всего сутки, а 2 февраля генерал Штреккер капитулировал. Сталинградская битва завершилась.

Итогом первой успешной блицоперации Красной Армии стало уничтожение целой немецкой армии в составе 23 дивизий и крах южного фланга немецкого фронта. В плен попало около 90 000

человек, в том числе (не могу отказать себе в удовольствии перечислить): генерал-фельдмаршал — 1 шт., генерал-оберст — 1 шт., полный генерал — 3 шт., генерал-лейтенант — 9 шт., генерал-майор — 9 шт. Еще трое немецких генералов погибли в ходе боев.

Резюме. Операция «Уран», проведенная Красной Армией, могла бы считаться эталонным блицкригом, если бы не ошибки, допущенные на ее заключительной стадии. Они не повлияли на общий успех операции, однако не позволили в полной мере использовать прорыв немецкого фронта. И еще эта операция подчеркнула разницу между состоянием связи в Вермахте и в Красной Армии. Помните историю получения Паулюсом звания фельдмаршала? Буквально за час до капитуляции он из подвала универмага свободно общается с Берлином. А вот советские генералы не могут связаться друг с другом из заранее оборудованных штабов, за что расплачиваться приходилось их солдатам.

Глава 12

НЕ ЗА ТО ОТЕЦ СЫНА БИЛ, ЧТО ИГРАЛ, А ЗА ТО, ЧТО ОТЫГРЫВАЛСЯ

Летом 1943 года над всем Восточным фронтом нависло тяжелое, напряженное ожидание. Точно так же перед грозой в воздухе витает нечто тяжелое и душное. Когда ты твердо уверен, что вот-вот ударит молния, но пока еще не знаешь точно, где именно и когда это случится. Впрочем, вопрос о том «где» в данном случае не стоял. После весеннего контрудара немцев под Харьковом линия Восточного фронта приняла весьма специфические очертания, и при первом же взгляде на карту становилось понятно: именно здесь! Мы говорим, разумеется, о так называемом Курском выступе, или Курской дуге. Поэтому все рассказы многозначительным полушепотом о великой советской разведке, которая добыла планы немецкого наступления, определила его время и место, должны восприниматься с изрядной долей скепсиса. Уж очень напрашивающимся был ответ. Для решения задачи будет ли подбро-

шенный камень падать вниз, совсем не обязательно задействовать всю мощь ГРУ.

Поэтому прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о том, насколько действия немцев в этой операции соответствовали вожделенном идеалу блицкрига, от которых Вермахт уже отошел летом прошлого года, постараемся более детально проанализировать сложившуюся ситуацию.

Зимой 1942/43 года немцы потерпели крупное поражение под Сталинградом, были вышвырнуты с Северного Кавказа и Кубани, сохранив за собой небольшой пятачок на Таманском полуострове. В общем, линия фронта передвинулась на запад на 600—700 километров. Но главными были не территориальные потери, а потери в живой силе и технике. К лету 1943 года Германия на Восточном фронте потеряла почти 700 тысяч человек, причем восполнить эти потери не удалось даже наполовину. Столь же тяжелыми были потери в танках и самолетах, которые также не удалось возместить в полном объеме. Войска союзников Германии на Восточном фронте были разгромлены наголову и окончательно потеряли боеспособность.

Собственно, уже весной 1943 года стало очевидно: Германия **проиграла** войну, полностью и бесповоротно, причем на всех театрах. Перелом в Битве за Атлантику наступил в мае 1943 года, и после этого «волчьи стаи» адмирала Деница могли только огрызаться. Союзники начали наступления в Ливии и Тунисе, после чего вопрос о судьбе немецко-итальянской Группы армий «Африка» мог формулироваться только так: когда именно она капитулирует? Но главным был и оставался Восточный фронт. Именно от исхода этих сражений зависел срок конечного разгрома Германии.

Но я не буду пытаться выглядеть самым умным, вот, мол, нашелся такой, пришел и сразу все до корней прозрел и провидел. Нет, все это прекрасно видели и понимали генералы по обе стороны фронта. Другое дело, что слишком часто они не были вольны в своих решениях и поступках и были вынуждены подчиняться решениям политического руководства, которое имело свое собственное видение проблемы.

Штаб ОКВ предложил перейти к стратегической обороне на Восточном фронте, чтобы постараться вымотать Красную Армию и нанести ей максимальные потери при попытках очистить от за-

хватчиков территорию страны. Однако этот вариант вел к неминуемому поражению Германии, так как сразу отдавал инициативу Красной Армии и позволял ей сосредотачивать превосходящие силы на избранном участке фронта и наступать там без особых помех. Один из лучших немецких генералов Манштейн (конечно, следовало более точно — фон Манштейн, но в нашей литературе как-то устоялась привычка писать его без «фона») предложил даже несколько вариантов крупных стратегических наступлений, которые могли привести к самым тяжелым последствиям для Вермахта. Это был удар на южном фланге Группы армий «Север», после чего она оказывалась в котле на берегу Балтийского моря. Еще более благоприятные возможности открывались перед советскими войсками на южных участках фронта, где крупное наступление в направлении на Днепр ниже Киева могло привести к окружению главной части сил Группы армий «Юг», изоляции Крыма и Тамани.

Поэтому Манштейн предлагал проводить локальные наступления, но уже не с целью захвата территории, как это было в 1941 и 1942 годах, а лишь для того, чтобы нанести противнику максимальные потери и сорвать его генеральное наступление. Таким образом фельдмаршал надеялся свести войну на Востоке к ничьей. Если он писал это искренне, то мы в очередной раз можем лишь посмеяться политической наивности генералов. Однако Манштейн был достаточно умен, чтобы сделать оговорку:

«Сейчас говорят, что мысль о ничейном результате на Востоке уже в 1943 году была только мечтой. Мы не будем теперь говорить о том, было ли это действительно так. Мы, солдаты, не могли судить, существовала ли с политической точки зрения весной 1943 года возможность достичь соглашения с Советским Союзом. Если бы Гитлер был на это готов, то такая возможность, вероятно, полностью не была бы исключена».

Однако Гитлера не привлекала вся эта мышиная возня в виде «местных наступлений», «эластичной обороны», «изматывания противника». Ему требовалась ни более ни менее, как очередная грандиозная победа. По его приказу немцы начали готовить решительный контрудар под Курском, чтобы расквитаться за Ста-

линград, нанести очередное крупное поражение Красной Армии и доказать, что летнее наступление было, есть и навсегда останется прерогативой Вермахта. Они рассчитывали снова перехватить стратегическую инициативу. Предполагалось одновременными ударами с севера и юга срезать Курский выступ и загнать в котел полтора миллиона бойцов Красной Армии. Операция «Цитадель» должна была стать факелом для всего мира, как высокопарно объявил Гитлер. Впрочем, мы уже не раз имели возможность убедиться, что трескучие фразы и громкие названия слабо повышают боевую эффективность частей и подразделений.

Сами немецкие генералы более трезво оценивали положение. Многие из будущих командиров операции «Цитадель» откровенно не верили в ее успех по самой простой причине — недостаток сил. Это были все тот же фон Манштейн, Модель, Раус, Гот, Гудериан. Между прочим, именно Модель должен был командовать одной из главных ударных группировок, а Раус — обеспечивать действия второй. И можно ли в таком положении рассчитывать на успех операции? Но приказ есть приказ, и немецкие генералы начали готовиться.

Вероятно, определенные шансы на какой-то частичный успех немцы получили бы, если бы начали наступления сразу после окончания Харьковской операции, разумеется, с паузой для отдыха и восполнения потерь. Однако Гитлером к этому времени завладела безумная идея о некоем «чудо-оружии», которое решит исход войны. И он несколько раз приказывал отложить наступление, чтобы войска получили новые танки и самолеты. Не знаю, как назвать слепую веру в том, что 140 «Тигров» и 200 «Пантер» (хотя танки были действительно **очень** сильными) сумеют выиграть войну...

Советское командование сполна использовало предоставленную ему передышку. В начале марта — апреле неоднократно обсуждался вопрос: переходить в наступление немедленно или занять оборону, обескровить немецкие армии и только потом нанести ответный удар. Все советские генералы сходились в одном — немцы попытаются срезать Курский выступ, поэтому именно здесь следует подготовить эшелонированную оборону и сосредоточить резервы. Между прочим, именно эти высказывания ставят под сомнение заявления о «великолепной работе стратегической разведки».

Именно стратегическая разведка ошиблась грубейшим образом, утверждая, что главный удар немцы будут наносить с севера. Впрочем, немецкая разведка, как обычно, сработала гораздо хуже. Немцы даже отдаленно не представляли противостоящих сил. С другой стороны, это была их проблема. Одно из главных качеств военачальника — сосредотачивать в нужном месте и в нужное время превосходящие силы. А потом разгромленный пусть себе причитает: «А их было больше». Советское командование к лету 1943 года этим компонентом полководческого искусства овладело в полной мере.

Зато немецким генералам чувство реальности начало отказывать все чаще. Мы уже говорили о том, что при составлении плана «Блау» были отброшены в сторону не только идеи блицкрига, но и основные принципы военного искусства. При подготовке операции «Цитадель» произошло то же самое. Да, на какое-то мгновение блеснул свежий луч неординарной идеи, когда Манштейн предложил вместо ударов под основание Курского выступа нанести один мощный удар прямо по его центру и расколоть этот «пень» пополам, прижать советские войска к их собственным минным полям и уничтожить. Но Гитлер отверг это предложение, как и все остальные. Было решено силой проломить советскую оборону в самом ее прочном месте, уповая на качество новых танков. А ведь мы помним, что основой тактики блицкрига был поиск самого уязвимого места во вражеской линии, чтобы прорваться именно там. Но все течет, все изменяется.

Кстати, а так ли была оправданна ставка на «Тигры» и «Пантеры»? Есть такое парадоксальное мнение: «Тигр» был лучшей противотанковой самоходкой Второй мировой войны. Свои незаурядные боевые качества наилучшим образом эта машина могла реализовать в обороне. А вот во время наступления на первый план могли выйти минусы: слишком большой вес, недостаточная маневренность этого тяжелого танка. Может быть, даже **слишком** тяжелого танка. Хотя официально такого класса не существовало, многие немецкие машины можно было отнести к нему.

Был нарушен и еще один принцип блицкрига — взаимодействие разных родов войск, а потому операция «Цитадель» в конечном счете вылилась в чисто танковый удар. Для этого были веские причины. Как писал историк Мюллер-Гиллебранд:

«Возможности поддержки наступающих войск авиацией, тяжелой артиллерией из резерва ОКХ, специальными инженерно-саперными частями и так далее никогда еще с момента начала войны не доходили до столь низкого уровня».

Вам это ничего не напоминает? Мы ведь уже рассматривали одну такую операцию, назвав ее хрестоматийным примером антиблицкрига. Правильно, речь идет об атаке бригады Яковлева на гору Баин-Цаган при Халхин-Голе. Только здесь все ошибки были повторены в стократ большем масштабе. Как ни странно, германское командование, имея за плечами опыт четырех лет войны, вдруг решило использовать советскую доктрину глубокой операции. С тем же самым успехом.

Немецкое наступление началось 5 июля, причем началось совсем не так, как ожидали оба противника. Советские войска нанесли упреждающий артиллерийский удар, чтобы ослабить выдвигаемые к линии фронта ударные силы немцев. Для немцев это стало неприятным сюрпризом, однако серьезно им не помешало, так как обстрел был начат слишком рано. Хотя многие, наверное, помнят красивую сцену из фильма «Освобождение», показывающую, как Манштейн едет к линии фронта и видит сожженные танки, валяющиеся повсюду трупы. Ах, если бы это было действительно так!

Наступление на северном фасе вела 9-я армия генерала Моделя. Уже одно это вызвало массу вопросов. Наступление задумывалось как мощный танковый удар, так почему вести его должна была общевойсковая армия? Да, ее усилили танковыми корпусами, но штаб армии не имел опыта руководства танковыми частями, и многие его решения в ходе битвы вызывали сомнения. Можно было перевести сюда штаб любой из танковых армий, не задействованных в наступлении, но этого не было сделано. Выбор командующего тоже озадачивает. Разумеется, Модель был одним из самых способных немецких генералов, однако он в первую очередь был известен как пехотный командир, большой специалист оборонительных операций. Может, на решение Гитлера повлияло то, что Модель был одним из немногих высших офицеров, безого-

ворочно преданных ему? Но еще никогда в военной истории выбор командира по принципу личной преданности вождю не приносил успеха в боях.

Модель располагал крупными силами: 460 тысяч человек, около 6000 орудий и минометов, 1014 танков и самоходных орудий, в том числе 45 «Тигров» и все 90 «Фердинандов», 730 самолетов. Но эти цифры выглядят внушительными лишь до того момента, как начинаешь сравнивать их с противостоящими силами Центрального фронта генерала Рокоссовского. Рокоссовский имел 711 тысяч человек, около 12,5 тысячи орудий и минометов, 1785 танков и самоходных артиллерийских установок. С воздуха его войска прикрывала 16-я Воздушная армия генерала Руденко, имевшая 1218 самолетов. Это неравенство сил было еще более увеличено умным решением Рокоссовского, который в очередной раз доказал, что является, пожалуй, самым талантливым советским военачальником Великой Отечественной войны. Правильно предположив, что немцы будут наносить удар под самое основание выступа, он сосредоточил на направлении главного удара противника бóльшую часть своих войск — 58% стрелковых дивизий, 87% танков, 70% артиллерии. У Моделя не осталось даже тени шанса прорвать оборону Центрального фронта.

Сыграли свою роль и пессимистические настроения Моделя. По данным фоторазведки он достаточно точно представлял себе глубину и насыщенность обороны советских войск, которую ему предстояло прорывать, и поэтому не верил ни в какой блиц. Модель решил прорвать оборону Рокоссовского силами пехоты, поддержанной тяжелыми танками, артиллерией и авиацией, и лишь потом ввести в прорыв свои танковые дивизии — классическое сражение прошлого: прорыв фронта силами пехоты и ввод в прорыв подвижных частей. Блицкригом здесь и не пахло. Это окончательно сводило его шансы на успех к абсолютному нулю. Как могли несчастные 40 «Тигров» поддержать 7 пехотных дивизий на 40-километровом фронте? Это начинало напоминать самое первое применение английских танков в 1916 году. Но если даже тогда немцы сумели справиться с незнакомым оружием, не имея специальных противотанковых средств, то теперь Модель обрекал 505-й тяжелый танковый батальон на серьезные потери.

Еще более странным выглядит решение Моделя использовать

для поддержки пехоты «Фердинанды». Если многочисленные StuG III прямо для этого предназначались и создавались, то «Фердинанды» оказались явно не на месте. Все историки пишут, что крупным недостатком «Фердинанда» являлось отсутствие оборонительного пулемета. Этот недостаток особенно ясно проявился во время боев на Курской дуге, когда бедные самоходчики были вынуждены стрелять из орудия по промелькнувшим на прицеле отдельным пехотинцам. После сражения все уцелевшие машины были спешно переоборудованы, и на них появился курсовой пулемет. Машину даже переименовали на всякий случай, и «Фердинанд» превратился в «Элефанта». Так оно и было. Но никто не задался вопросом: а зачем, собственно, этой машине пулемет? Официально «Фердинанд» назывался «Jagdpanzer», то есть истребитель танков. И практически ни одно самоходное противотанковое орудие пулеметов не имело за ненадобностью. Они должны были издали расстреливать танки противника, используя отличную баллистику своих орудий, а не прикрывать броней пехоту. Между прочим, ни одно из советских самоходных орудий пулемета не имеет, даже знаменитые «Зверобои», столь успешно проявившие себя на Курской дуге. И все они считаются отличными боевыми машинами. Нужно уметь использовать сильные стороны военной техники. Впрочем, как мы уже говорили, Модель не был танкистом.

Интересно отметить, что видный российский историк М. Свирин назвал свою книгу, посвященную «Фердинандам», в полном соответствии с этим неправильным использованием самоходки — «Тяжелое штурмовое орудие «Фердинанд». Действительно, когда начались проектные работы, машина именовалась Schwere Panzer-Selbstfahrlafette — тяжелая бронированная самоходная артиллерийская система. В сентябре 1942 года название изменили на Sturmgeschьtz, что совсем близко к классификации Свирина. Увы, на этом дело не закончилось, появился новый вариант: 8,8 cm Pak 43/2 Sfl L/71 Panzerjдger «Tiger» (P). И с этих пор «Фердинанд» уже проходил только как «панцерягер» или «ягдпанцер». Вообще, кажется, по количеству переименований эта машина поставила рекорд в Вермахте, ведь потом появился собственно «Фердинанд», «Элефант»...

Первый удар должен был обрушиться на 13-ю армию генерала

Пухова. Можно лишь удивляться интуиции Рокоссовского, потому что именно здесь была построена самая глубокая оборона, именно здесь было сосредоточено максимальное количество противотанковой артиллерии, именно здесь было выставлено более 80 000 мин. Именно эти минные поля с самого начала поставили под сомнение график наступления. Немецкие саперы не справлялись с расчисткой проходов в минных заграждениях, и тяжелые танки и самоходки начали подрываться. Не слишком помогло даже использование радиоуправляемых танкеток «Боргвард», которые использовались именно для уничтожения заграждений. Каждая такая танкетка несла заряд в 500 кг, и его подрыв уничтожал все мины в радиусе до 50 метров.

Между прочим, многие авторы довольно пишут, что у немцев была отлично налажена ремонтно-эвакуационная служба, которая позволяла такие мелкие повреждения, как перебитый трак или разрушенный каток, исправлять в считаные минуты. Служба была действительно хорошая, но против немцев начал работать тот фактор, о котором мы упоминали, — слишком большой вес новой техники. Если эвакуация с поля боя поврежденного T-III или T-IV действительно не представляла проблем, то иначе обстояло дело с «Тиграми» и «Фердинандами». Существует ряд фотографий, на которых запечатлен этот процесс. Чтобы утащить одну самоходку, требовались сразу **три** стандартных 18-тонных Sd.Kfz.9. Организовать такую колонну и управлять ею — дело достаточно хлопотное, и, появившись на поле боя, она сразу попадала под обстрел. Поэтому с ремонтом поврежденных **слишком** тяжелых танков возникала масса проблем, что следует учитывать, когда речь идет о безвозвратных потерях. Например, из 274 «Тигров», выведенных из строя в 1943 году, отремонтировать удалось только 19. Разумеется, безвозвратные потери были гораздо меньше, речь может идти именно о сложностях эвакуации этих стальных глыб.

Войска Моделя начали наступление в 05.30, но к 10.30 после первых небольших успехов наступление застопорилось. Если какие-то части и форсировали минные поля, то подвести подкрепления не получалось. На участке главного удара 6-я пехотная дивизия при поддержке самоходок «Фердинанд» и многочисленных самолетов Люфтваффе сумела форсировать Оку и закрепиться на противоположном берегу. Кстати, злосчастным «Фердинандам»

этот успех обошелся очень дорого. Наступавший здесь 653-й батальон в первый же день потерял выведенными из строя 33 из 45 самоходок. Правда, в основном это были подрывы на минах, после которых машины удавалось достаточно быстро отремонтировать, но все-таки подобный уровень потерь впечатляет. К тому же Моделю пришлось принять очень любопытное решение. Он приказал придать каждой роте «Фердинандов» по взводу танков T-III, которые имели пулеметы для прикрытия тяжелых самоходок.

Но 20-я танковая дивизия, входившая в тот же XLVII танковый корпус, безнадежно завязла в минных полях. На участке XLI танкового корпуса 292-я пехотная дивизия точно так же после первого успеха вылетела на неизвестное минное поле и остановилась. Вспомогательное наступление XXIII пехотного и XLVI танкового корпусов провалилось полностью. Модель был вынужден снять всю артиллерию армейского подчинения с этих участков и перевести ее в полосу главного удара, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение.

В этот момент появилась советская авиация. Кажется, это был первый случай массового применения противотанковых авиабомб — ПТАБов. Авиационные командиры бодро отрапортовали об уничтожении 106 вражеских самолетов и 65 танков, что даже отдаленно не походило на правду. Вот примерно из таких рапортов и появились полторы тысячи уничтоженных немецких танков. Но вся помощь авиации так и ограничилась одним налетом, потому что вскоре немецкие истребители захватили господство над полем боя. Это позволило немецкой бомбардировочной авиации обрабатывать оборону советских войск на всю ее глубину.

Здесь начинаются разночтения между источниками. Одни историки пишут, что к 10.30 немцам удалось овладеть высотой 254, Озерками и Ясной Поляной. Другие утверждают, что в 16.30 командир XLI танкового корпуса генерал Гарпе сообщил Моделю, что ввел в дело 101-й танковый полк 18-й танковой дивизии (а это было грубым нарушением плана Моделя как можно дольше беречь танковые части) и **сумел продвинуться в направлении** Озерков. Однако Гарпе не рассчитывал выйти к этому населенному пункту ранее сумерек. Как всегда, когда план трещит, начинаются импровизации, и Гарпе предложил использовать остальные подразделения 18-й дивизии, распределив их между 6-й и 292-й

дивизиями. В результате 18-я дивизия была бы раздергана на ниточки.

Вскоре после этого Модель побывал в штабе XLVII танкового корпуса. Его командир генерал Лемельсен также начал ломать первоначальный план. Он сообщил командующему армией, что намерен на следующий день ввести в бой 2-ю и 9-ю танковые дивизии, которые сам Модель предполагал использовать для броска на Курск уже после прорыва обороны.

Итогом первого дня пехотного наступления немецкой 9-й армии стало вклинение в советскую оборону на глубину до 5 километров. Наибольших успехов добились 6-я и 292-я пехотные дивизии, однако даже они сумели создать лишь узенькие коридорчики в наших оборонительных позициях, которые не позволяли двинуть далее танковые дивизии. Поэтому более чем странно выглядит утверждение В. Бешанова о том, что «на острие немецкого тарана главная полоса была вскрыта». Красивая игра слов, позволяющая думать, будто немцы вспороли оборону 13-й армии, хотя им еще предстояло прорвать вторую и третью линии обороны, не менее мощные, чем первая. Да и первую линию они не прорвали, а только прокололи в двух местах, причем с огромным напряжением сил, ослабив давление на других участках фронта и преждевременно задействовав часть резервов.

Моделя позднее часто обвиняли в том, что он не использовал больше танков для прорыва обороны Красной Армии. Например, генерал Вальтер Неринг писал: «Из 6 механизированных дивизий на северном фасе 5 находились в резерве. Уже одно это дало решающее преимущество Красной Армии. Было бы гораздо разумнее бросить пару танковых дивизий вперед».

Но дело в том, что Модель использовал **все, что мог**. Уже в первый день наступления он ввел в бой 58 процентов своей бронетехники, в том числе все «Тигры». И даже это не принесло ему успеха. Наверное, он мог использовать вообще все танки, которые имел, но даже это не гарантировало полного прорыва обороны, а вот для развития гипотетического успеха у него совершенно точно не осталось бы сил.

Знаете, здесь можно сделать парадоксальный и, наверное, спорный вывод. Операция «Цитадель» провалилась, едва успев начаться. Вспомним, что даже успешное наступление на южном

фасе ничего не дало немцам, так как северная половина «клешней» к этому времени была сломана. А план наступления Моделя рухнул уже в первый день, более того, он начал трещать буквально через несколько часов после начала наступления. А поскольку северная группировка немцев была заметно слабее южной, то никакого усиления удара или маневра силами у Моделя не получилось. Так что мы имеем основания заявить, что битва на Курской дуге была выиграна Красной Армией уже 5 июля около 16.00. Немцы еще могли рассчитывать на какие-то локальные успехи, но операция «Цитадель» **уже** завершилась неудачей.

Примерно так же расценивал обстановку и генерал Рокоссовский, который намеревался 6 июня нанести встречный удар по выдохшимся немцам и перейти в наступление. Здесь он немножко поторопился. Прежде всего потому, что немцы далеко еще не выдохлись, но имелась и вторая причина: на южном фасе события разворачивались далеко не лучшим образом, и Ставка даже предложила Рокоссовскому рассмотреть вариант защиты Курска после прорыва линий Воронежского фронта. Это уже смешало все планы Рокоссовского, и подготовка контрудара оказалась скомканной.

В силу этого бои 6 июля на северном фасе носили очень запутанный и сложный характер, а их главной чертой были сиюминутные импровизации с обеих сторон. Модель окончательно отказался от идеи прорыва русской обороны силами пехоты и ввел в действие почти все свои танковые части.

В 03.30 XLVII танковый корпус Лемельсена возобновил наступление. Но теперь 6-ю пехотную дивизию поддерживали 18-я и 9-я танковые, а справа наступала 2-я танковая дивизия, и всего Лемельсен имел более 600 единиц бронетехники. Левее наступал XLI танковый корпус силами 292-й и 86-й пехотных дивизий (интересно смотрится), а справа — XLVI танковый корпус силами 20-й танковой и 31-й пехотной дивизий. Все вспомогательные удары справа и слева превратились в сущую фикцию, так как вся артиллерия и авиация были сосредоточены в полосе главного удара. Модель еще больше сузил и без того недостаточно широкую полосу наступления и бросил в бой дополнительные танковые части. Однако Лемельсен решил, что ему все равно не хватает сил, и потребовал передать ему «Фердинанды». Модель согласился, но его штаб сработал крайне неаккуратно, распоряжения были пере-

даны поздно, а в результате самоходки полдня бесцельно бродили по тылам.

Едва начались бои, как уже в 05.30 пересмотренные планы полетели кувырком. Из штаба XLI танкового корпуса по телефону сообщили, что самолеты-разведчики обнаружили признаки готовящейся контратаки 13-й армии. Генерал Гарпе просил оставить ему 18-ю танковую дивизию, чтобы прочно прикрыть фланг. И тут Модель, судя по всему, запаниковал. Резервы израсходованы, планы рушатся с той скоростью, с какой создаются. В 05.40 он звонит в штаб Группы армий «Центр» и сообщает Клюге, что к вечеру захватит Поныри, Ольховатку, Кашары и Теплое. Но тут же заявляет, что сил у него недостаточно, и просит фельдмаршала прислать из резерва 10-ю панцер-гренадерскую и 12-ю танковую дивизии. Клюге согласился, хотя это оставляло 2-ю танковую армию, державшую фронт на Курском выступе, без резервов. Но взамен он потребовал, чтобы в случае наступления Красной Армии Модель принял на себя командование обеими армиями. Модель поспешно согласился.

Некоторое время спустя Моделю сообщили хорошую новость: 20-я танковая дивизия штурмом взяла Гнилец. На самом же деле он был очищен частями Красной Армии. И тут в очередной раз плохо сработали хваленые немецкие штабы. Немцы обнаружили выдвижение к линии фронта 2-й танковой армии генерала Родина, которая готовилась нанести встречный удар, но никто не удосужился сообщить об этом Моделю. Тот отправился проинспектировать штабы наступающих дивизий и в штабе 20-й танковой лично увидел многочисленные Т-34, шедшие в наступление. Перепуганный командир дивизии потребовал у Моделя прислать «Фердинанды», но, как мы помним, они пропали без вести. В результате наступление дивизии застопорилось, она не сумела прорваться к Ольховатке, и все ее достижения ограничились отражением русской контратаки.

С описанием этого контрудара далеко не все ясно. Здесь начинается та самая путаница, о которой мы говорили. Наши историки утверждают, что 107-я танковая бригада, наступая на Бутырки, натолкнулась на вкопанные в землю «Тигры». Когда **наступающие** немцы успели это сделать и зачем? Так или иначе, но после небольшого первичного успеха контрудар был отбит, и советские

войска начали пятиться. Рокоссовский, видя это, приказал резервной 60-й армии генерала Черняховского начать выдвигаться к линии фронта.

Весь день немцы проводили одну атаку за другой, пытаясь прорваться к Ольховатке и Понырям, но мало преуспели. Рокоссовский, учтя неудачу контратаки, приказал своим танковым частям перейти к обороне и наносить контрудары лишь там, где наступают немецкая пехота и легкие танки. Обе стороны в этот день понесли тяжелые потери, но достижения немцев 6 июля оказались еще меньшими, чем накануне. Они сумели продвинуться только на пару километров.

Ночь обе стороны использовали для подтягивания резервов. Но если Рокоссовский эти резервы имел, то Моделю пришлось проявить незаурядную фантазию. Кроме выпрошенных у Клюге дивизий, он решил использовать в наступлении 12-ю зенитную дивизию, обеспечивавшую ПВО района. Конечно, немцы не раз применяли грозные 88-мм орудия для отражения танковых атак, но для поддержки наступления эти тяжелые зенитки использовались только в самых крайних случаях. 7 июля после перегруппировки немецкие войска попытались возобновить наступление. Но Модель сразу совершил очередную ошибку — он нанес удар по расходящимся направлениям. XLI танковый корпус Гарпе попытался захватить Поныри, а XLVII танковый корпус Лемельсена наступал в направлении Ольховатки. Кстати, нехватку сил у немцев подчеркивает и план авиационной поддержки наступления. С 5 до 7 утра авиация должна была поддерживать корпус Лемельсена, с 7 до 12 часов — корпус Гарпе, а потом до вечера — XXIII пехотный корпус генерала Фриснера, который наступал на Малоархангельское. Мимоходом — третье направление, пусть и считавшееся второстепенным!

Наиболее ожесточенные бои развернулись вокруг станции Поныри, которую обе стороны считали ключом позиции. На нее наступали 9-я и 18-я танковые, 86-я и 292-я пехотные дивизии, 654-й батальон «Фердинандов». Здесь оборонялась 307-я пехотная дивизия генерала Еншина, которой было придано огромное количество артиллерии. Но при этом немцы полагали, что более удобная местность для введения танков в прорыв находится за-

паднее, и наносили второй удар в направлении Ольховатка — Молотычи. Такая раздвоенность к добру привести не могла.

В ходе боев 7 июля немцам удалось захватить только северную часть Понырей, хотя они понесли огромные потери. Наступление на Ольховатку не дало вообще ничего. Кстати, Рокоссовский тоже считал более танкоопасным именно это направление, потому что туда были переведены мобильные резервы, а оборону Понырей он усиливал только артиллерией. Как мы видим, теперь продвижение немцев измерялось уже не километрами, а считаными метрами. Ни о каком блицкриге, ни о каком прорыве уже не приходилось и мечтать. Перед глазами немецких генералов все более отчетливо проступал кошмар позиционной мясорубки.

Судя по всему, Модель охотно прекратил бы наступление. Его дивизии (особенно XLI танковый корпус) понесли большие потери, солдаты и офицеры были измучены. Советская авиация, несмотря на неумелое руководство, постепенно перехватила господство в воздухе, что еще больше осложнило ведение наступления.

8 июля немцы еще раз попытались наступать, и снова на двух направлениях сразу, причем теперь главные усилия они прилагали в секторе Ольховатки. Но здесь им помешал очередной сбой в работе немецких штабов. Генерал Лемельсен самовольно перекроил весь состав своего корпуса, отобрав у 4-й танковой дивизии (она, по мысли Моделя, наносила удар на этом направлении) ее танковый полк, и сформировал боевую группу «Бурмейстер» на основе 2-й танковой дивизии, но при этом подчинил ее непосредственно себе. В результате 4-я танковая дивизия, фактически превратившаяся в пехотный полк, пыталась штурмовать позиции советских войск, в то время как сводная танковая группа, усиленная к тому же «Тиграми» 505-го батальона, спокойно стояла на месте и наблюдала за этим. Немцам удалось захватить село Теплое, но Рокоссовский и Пухов немедленно перебросили туда резервы, и немцы были остановлены. Пробиться на Ольховатку они тоже не сумели. Кстати, этот эпизод тоже прекрасно характеризует путаницу в описаниях боев, потому что часть историков утверждает: «4-я танковая дивизия генерала Дитриха фон Заукена силами 101 танка поддержала 20-ю танковую дивизию в бою за Самодуровку». Хотя, как мы видим, на самом деле эти танки действовали в другом месте. Кстати, именно после боев 8 июля впервые прозвучало

прозвище самоходок СУ-152 — «Зверобой». Все попытки немцев наступать на Поныри провалились с треском.

Модель был вынужден отменить атаки, назначенные на 9 июля, чтобы дать своим войскам хоть какой-то отдых, хотя это было фактическим признанием краха плана «Цитадель». Понял это и фельдмаршал Клюге, но доложить наверх не рискнул ни он, ни Модель. Генерал Лемельсен попытался было имитировать наступление, но его поредевшие дивизии ничего не добились. На совещании командиров утром 10 июля генерал Гарпе прямо заявил, что если к Понырям будет переброшена новая артиллерия русских, то его пехота будет перебита еще на подступах к станции. Модель официально заявил Клюге, что не сумеет прорвать оборону русских, даже если получит обещанные подкрепления из состава 2-й танковой армии. Кстати, эти подкрепления прибыли очень вовремя. 12 июля перешли в наступление войска Западного фронта, нанося удар по левому флангу армии Моделя, именно в этот день и появилась 10-я панцер-гренадерская дивизия. Немецкому наступлению она помочь не успела, отразить советское не помогла.

Что же мы имеем в итоге? Немецкое наступление на северном фасе Курской дуги велось силами пехоты при поддержке танков, то есть в стиле глубокой операции, а не блицкрига. После первых незначительных успехов 5 и 6 июля немцы были остановлены, 7 и 8 июля шли позиционные бои, 9 июля наступление было прекращено. Встречный контрудар советской 2-й танковой армии успеха не имел, но был вовремя приостановлен, поэтому слишком тяжелых потерь армия не понесла.

На южном фасе события развивались по совершенно иному сценарию. Прежде всего отметим мелкую деталь. Все описания боев на северном фасе Курской дуги упоминают в качестве командира генерал-оберста Вальтера Моделя, командующего 9-й армией, которая непосредственно вела наступление. Командующий Группой армий «Центр» фельдмаршал Гюнтер фон Клюге остается в тени. Зато все описания боев на южном фасе пестрят фамилией командующего Группой армий «Юг» фельдмаршала Манштейна. А вот генерал-оберст Герман Гот, командующий 4-й танковой армией, непосредственно ведущей наступление, словно

бы отсутствует в районе боев. Впрочем, этому может быть и другое объяснение. Кроме армии Гота наступала также армейская группа «Кемпф», не подчиненная ему.

Манштейн имел больше сил, чем Модель, поэтому он решил избрать иную тактику. Он собирался проломить оборону советских войск массированным танковым ударом, не обращая внимания на потери, предполагая, что у Группы армий «Юг» останется достаточно резервов для развития успеха. Собственно, это можно даже назвать неким суперблицкригом. Вероятно, Манштейн полагал, что для собранных им сил любая советская оборона окажется «слабым местом». Увы, немецкая разведка в очередной раз подставила своих генералов. Ни Модель, ни Манштейн не подозревали, с **какой именно** обороной им придется столкнуться.

Для прорыва обороны немцы решили применить новое, но вполне логичное построение «колокол» — *Panzerglцcke*. А сейчас я позволю себе довольно пространную цитату, из которой я впервые узнал об этом новом построении, причем 40 лет назад:

«Когда Володин и Пашенцев вышли из щели и поднялись на КП, маленький легкий танк был уже недалеко от гречишного поля. Сначала они и увидели только этот нырявший в пыли маленький танк, и Пашенцев, предполагавший худшее и уже успевший свыкнуться со своей мыслью и теперь вдруг увидевший совсем другое, незначительное, пустяковое в сравнении с тем, что ожидал, — Пашенцев даже весело присвистнул; но уже через секунду сквозь еще редкие в оседавшей пыли просветы показались тяжелые танки, а еще через секунду отчетливо стала видна вся громыхавшая сотнями гусениц наступающая колонна. Пашенцев снова присвистнул, но уже без той веселой нотки, как минуту назад; теперь, как и Володин, он тоже во все глаза смотрел на мчавшуюся по пшеничной осыпи колонну, но в то время как Володин, впервые наблюдавший танковую атаку, поражался грандиозностью зрелища, Пашенцев, который сразу заметил и необычное, ромбовое построение, и необычную для атаки стройность и слаженность, старался понять замысел противника. В центре ромба двигались легкие танки, самоходные пушки и гусеничные тягачи с автоматчиками-десантниками, а по бокам — тяжелые танки. Они как бы прикрывали своей

броней всю громадную железную лавину. Для Пашенцева это было не просто необычным, как для новичка Володина; Пашенцев имел вполне определенное представление о танковых атаках: танки движутся рассыпным строем, и также врассыпную бежит за ними пехота, — именно к отражению такой атаки он и готовился и потому чувствовал себя уверенно; но сейчас все было не так, как в хорошо знакомых ему предыдущих боях, и его охватывало беспокойство; он знал, что и солдаты, глядя сейчас на этот наползавший черный ромб, чувствуют ту же растерянность, что и он, и ждут от него нужную команду; он искал эту «нужную команду» и не находил и еще больше терялся, понимая, что его нерешительность может оказаться гибельной для роты».

И еще одна цитата, наглядно показывающая отлично отлаженное взаимодействие разнородных сил немецкой армии, которое было залогом успеха во многих операциях, и благодаря которому стало возможно само существование тактики блицкрига:

«Первое, о чем он сразу же подумал, — под бомбовым прикрытием немцы начнут разминировать проход! Но «юнкерсы» не долетели до позиций батальона, а обрушились на гречишное поле как раз перед самой колонной. Володин тут же высказал восторженное предположение: «Бьют по своим!» — но Пашенцев, хотя и у него возникла такая же мысль, отнесся к этому предположению недоверчиво. Немцы не могли не видеть траншею сверху, а главное, они бомбили совершенно определенно, прицельно, сбрасывая свой смертоносный груз в одно место — впереди колонны. «Разминируют! Бомбами разминируют! Вызвали по рации самолеты и разминируют!» — наконец догадался Пашенцев. Теперь для него было все ясно, теперь он знал, как вести бой».

Как вы думаете, откуда взяты цитаты? Сухой научный труд Генштаба? Нет, это понятно сразу. Чьи-то мемуары? Скажем, генерала Попеля, что можно было бы заподозрить. Тоже нет. Перед нами всего лишь художественное произведение, повесть Анатолия Ананьева «Танки идут ромбом». Конечно, изучать историю

Курской битвы по ней не рекомендуется, но прочитать ее я бы вам всем очень посоветовал. Хотя она и была написана в советские времена, но вещь получилась достаточно жесткая, хотя повестям Василия Гроссмана и уступает.

Отражать наступление на южном фасе предстояло Воронежскому фронту генерала Ватутина, который имел 625 тысяч человек, 8700 орудий и 1704 танка. Наступавшая немецкая группировка имела 332 тысячи человек, 2850 орудий и минометов, 1500 танков. Соотношение сил и здесь было в пользу Красной Армии, вот только руководство здесь оказалось далеко не на высоте.

В качестве экзотической диковины на южном фасе выступали новые танки T-V «Пантера». Однако на тот момент это была совершенно сырая, недоведенная машина, которой даже не требовалось воздействие противника, чтобы выйти из строя. Очень много «Пантер» застряли на месте из-за поломок ходовой части, воспламенения двигателей и других поломок. Вдобавок эта бригада, насчитывавшая 200 танков и **теоретически** являвшаяся грозной силой, напоролась на плотное минное поле, на чем ее участие в операции «Цитадель» и завершилось. Вот вам еще один наглядный пример, когда нельзя полагаться на одни только книжные рассуждения и подсчеты. Жизнь оказывается гораздо сложнее, опрокидывая мнение, стоящее только на сравнении толщины брони и веса снаряда. Если о «Тиграх» и «Фердинандах» в Курской битве говорят буквально все, то «Пантеры» там словно бы и не были.

На южном фасе бои начались уже вечером 4 июля с пробных ударов. Немцы прощупывали оборону советских войск и старались ликвидировать передовые опорные пункты. В отличие от Рокоссовского, командующий Воронежским фронтом Ватутин распределил свои войска равномерно вдоль линии фронта, не сумев угадать направление главного удара. Впрочем, это было сложно, так как Манштейн имел больше сил, чем Модель. 4-я танковая армия генерала Гота обрушилась на 6-ю гвардейскую армию генерала Чистякова, а Армейская группа «Кемпф» — на стоящую левее 7-ю гвардейскую армию генерала Шумилова.

Немцы перешли в наступление утром 5 июля. На обоянском направлении XLVIII танковый корпус генерала Кнобельсдорфа силами 3-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Гросс-

дойчланд» атаковал 67-ю гвардейскую стрелковую дивизию. II танковый корпус СС нанес удар по 52-й гвардейской стрелковой дивизии. Атаке предшествовал мощный удар немецкой авиации. Немцы имели слишком большое превосходство в силах, поэтому позиции обеих дивизий были прорваны. Наши солдаты сражались до последнего, однако остановить противника не сумели. Противник понес ощутимые потери, но свою задачу выполнил — к началу вечера II танковый корпус СС продвинулся уже на 12 километров, однако налетел на густые минные поля перед второй полосой обороны и был вынужден остановиться. Утверждения ряда историков, например В. Бешанова, о том, что срыв графика наступления в полосе армии Гота привел к крушению плана «Цитадели», следует считать преувеличением. Судьба битвы решилась не на юге.

Попытка контратаки на фронте 67-й дивизии успеха не принесла. Две роты 245-го танкового полка налетели на немецкие «Пантеры», и выяснилось, что ленд-лизовские «Генералы Ли» этим кошкам, что называется, на один зубок. К счастью, сами «Пантеры» страдали от детских болезней, и 45 танков из 200 вышли из строя без всякой помощи противника. А к 8 июля в строю **осталось** всего 40 «Пантер».

На корочанском направлении III танковый корпус генерала Брейта сразу начал испытывать трудности. 6-я танковая дивизия потеряла много времени при переправе через Северский Донец, а 19-я танковая попала на плотные минные поля и потеряла много танков. 503-й тяжелый танковый батальон, поддерживавший дивизию, потерял на минных полях девять «Тигров». Они застряли в первой полосе обороны. Больше повезло 7-й танковой дивизии, которая прорвала оборону 78-й гвардейской дивизии.

Видя, что ситуация начинает приобретать серьезный оборот, генерал Ватутин выдвинул на вторую полосу обороны 1-ю танковую армию Катукова и два гвардейских стрелковых корпуса. Но при этом он бодро рапортует в Ставку об уничтожении более чем 500 немецких танков. Непонятно только, почему же советские войска все-таки отходят назад?

Но на этом загадки южного фаса не кончаются. В своих мемуарах командующий 1-й танковой армией генерал Катуков утверждает, что утром 6 июля его войска нанесли встречный контрудар по наступающему XLVIII танковому корпусу немцев. Красочно рассказывает:

«К этому времени в 1-й танковой сложилось общее мнение, что наносить танковым бригадам и корпусам контрудар при сложившейся обстановке просто нецелесообразно.

Ну, хорошо, мы двинемся на немцев... Но что из этого получится? Ведь их танковые силы не только превосходят наши численно, но и по вооружению обладают значительным преимуществом! Этого никак не сбросишь со счетов. Вражеские «Тигры» могут бить из своих 88-мм орудий по нашим машинам на расстоянии до 2 километров, находясь в зоне недосягаемости огня 76,2-мм пушек наших «тридцатьчетверок». Словом, гитлеровцы в силах и с дальних рубежей вести с нами успешный огневой бой. Так следует ли давать им в руки такой сильный козырь? Не лучше ли в этих условиях повременить с контрударом, делать по-прежнему ставку на нашу тщательно подготовленную глубоко эшелонированную оборону?

Пусть фашисты лезут вперед в надежде, что вот-вот им удастся вырваться на оперативный простор. Пусть гитлеровцы вязнут, гибнут в нашей обороне. А мы тем временем будем перемалывать вражескую технику и живую силу. А когда мы обескровим их части, разобьем фашистский бронированный кулак, тогда и созреет выгодный момент для нанесения могучего контрудара. Но пока такой момент не наступил.

Эти соображения мы доложили командующему фронтом. Ждали ответа, но не получили его и к исходу ночи. А между тем срок выполнения пункта приказа о контрударе наступил, и нам ничего не оставалось, как выдвинуть танки».

Далее следует захватывающее душу повествование о горящих «тридцатьчетверках» и звонке Сталина, который отменил самоубийственную контратаку. Но почему ни один из немецких источников не подтверждает факт контратаки? Ладно, это еще полбеды. Мы прекрасно знаем, какие сказки сочинял Главпур спустя 40 лет после окончания войны. Мы не удивляемся тому, что XLVIII танковый корпус с его 250 танками «заметно превосходит» армию Катукова, имевшую более 600 танков. Но вот чего я решительно не могу понять, так это выпущенной в 2002 году книги Е.С. Катуковой «Памятное», в которой мимоходом рассказывается о боях

на «так называемой Курской дуге». Можно было бы с бóльшим уважением отнестись к памяти наших воинов...

Но вернемся на «так называемую». Танки Кнобельсдорфа упрямо пытались прорвать линию Завидовка — Шепелевка — Яковлево, но так и не сумели. 6-я гвардейская армия при поддержке танкистов Катукова удержала позиции. Но наступавший левее II танковый корпус СС мощным ударом прорвал оборону 51-й гвардейской дивизии, не поддержанной танками, и двинулся дальше. Попытка 22-й гвардейской танковой бригады остановить дивизию «Дас Райх» встречным ударом провалилась. Однако тут на помощь войскам Чистякова пришла сама природа. Немцы обнаружили, что их танки не могут форсировать не слишком глубокую реку Пена, и Кнобельсдорф был вынужден повернуть свой корпус восточнее, вдоль дороги Томаровка — Обоянь. Главная же неприятность заключалась в том, что остановить эсэсовцев никак не удавалось. К тому же армейская группа «Кемпф» наконец сумела вырваться с плацдарма на реке Северский Донец, хотя ее продвижение не было таким успешным. В целом, хотя танки Хауссера и прорвали оборону Ватутина, прорыв был слишком узким, чтобы ввести в него значительные силы, да и впереди еще оставались оборонительные позиции.

7 июля немецкое наступление продолжалось. При поддержке пикировщиков танковые клинья постепенно прогрызали советскую оборону. На блицкриг это, конечно, походило очень мало, но немецкие командиры полагали, что они вот-вот окончательно сломят сопротивление 6-й гвардейской армии и вырвутся на оперативный простор. Катуков объяснял происходящее очередной сказкой про 700 немецких танков, атаковавших его несчастные корпуса. Поэтому неудивительно, что наши штурмовики претендовали на уничтожение только из состава дивизии «Тотенкопф» 270 единиц бронетехники.

Требовалось что-то предпринять, и командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин, который только что получил очередные подкрепления из резерва Ставки, решил разгромить ударную группировку 4-й танковой армии Гота. Пять танковых корпусов и несколько стрелковых дивизий должны были расчленить, окружить и уничтожить корпуса Кнобельсдорфа и Хауссера. Но почему-то для этого предусматривался лобовой удар по самым сильным немецким дивизиям — «Лейбштандарт» и «Гроссдойч-

ланд». Ватутина ничему не научили безуспешные контратаки 6 июля. Его даже не соблазнила возможность срезать под основание немецкий клин, нанеся удар по позициям LII пехотного корпуса. Только в лоб!

Встречный бой 8 июля завершился поражением советских танковых корпусов. Атаки проводились хаотично и нескоординированно. Если кто и отличился, так это немецкая штурмовая авиация. Эскадрилья штурмовиков Hs-129B-2 атаковала 4-ю гвардейскую танковую бригаду. Немецкие пилоты показали себя мастерами своего дела и большими фантазерами. По разным заявлениям, они уничтожили не то 80, не то даже 105 советских танков. Непонятно, с кем после этого вела бои дивизия «Тотенкопф» и чем, если учесть якобы понесенные накануне потери. Так что к донесениям летчиков следует относиться с **очень** большой осторожностью. К генеральским тоже, потому что Ватутин сообщил в Ставку об уничтожении 1674 танков. Танковая армия Гота больше не существовала, хотя сам генерал Гот об этом не подозревал.

Вообще, как нетрудно заметить, в период Курской битвы наибольшие неприятности советским войскам доставляли именно попытки контратак. Когда наши войска стояли в обороне, немецкие танковые части несли огромные потери и продвигались крайне медленно. Но лишь советскими генералами овладевал зуд активности, как это сразу облегчало задачу противника. Именно после провалившегося контрудара 9 июля немцы добились заметных успехов и вплотную подошли к Прохоровке. Но окончательно прорвать оборону советских войск не удалось ни Кнобельсдорфу, ни Хауссеру, поэтому приказ Гота двигаться на Обоянь и Курск не был выполнен.

После панических заявлений Ватутина и прибывшего к нему представителя Ставки генерала Василевского Сталин передал Воронежскому фронту из состава Степного еще две армии — 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую, которые начинали выдвигаться в район Прохоровки. Назревали крупные события, которым советская историография придает особое значение.

Совершенно отдельного рассмотрения заслуживает сражение под Прохоровкой, хотя выделять его из общей картины Курской битвы неправомерно. Оно является неотъемлемой составляющей

боев на южном фасе и выделяется разве что своими масштабами. Кстати, это был уже третий по счету контрудар советских танковых частей по наступающим немцам. До него были контратаки танковых армий Родина и Катукова.

Знаете, в свое время мне пришлось по служебным делам побывать в Курске, и я просто не мог, понимаете, не мог не побывать в знаменитом мемориале. В воскресенье мы с товарищем отправились на экскурсию. Впечатление осталось очень сложное. Больше всего меня поразили тишина и запустение в музее. Я прекрасно помнил суету и толкотню на Мамаевом кургане, и вот такое... Конечно, мемориал расположен не в центре города-миллионера, но если на весь музей оказывается ровно двое посетителей, невольно задумаешься. Смотритель даже, кажется, слегка испугался, когда вдруг объявились гости. Но это так, к слову.

Вообще, ситуация с боем под Прохоровкой гораздо более сложна и многогранна, чем ее представляют даже наши историки. Нельзя все сводить к одной только контратаке Ротмистрова 12 июля. Следует рассмотреть события предыдущих дней, и бои на других участках Восточного фронта, потому что они имели самое прямое влияние на ход боев под Курском.

К 10 июля темп наступления южной группировки значительно снизился, однако она продолжала двигаться вперед. За пять дней боев она продвинулась на 25 километров, хотя планом операции предусматривалось, что это расстояние будет пройдено в первый же день. Немцы понесли большие потери — более 40 процентов танков и штурмовых орудий вышли из строя. Многие из них удалось отремонтировать, однако ведь требовались они здесь и сейчас, а не через пару дней, и уж подавно не через неделю.

Генерал Гот был вынужден разделить свои силы. II танковый корпус СС продолжал наступление на Прохоровку, но XLVIII танковый корпус фон Кнобельсдорфа был вынужден повернуть на север, чтобы обеспечить его левый фланг от угрозы со стороны войск Катукова. На юге III танковый корпус армейской группы «Кемпф» завяз в советской обороне и с огромным трудом обеспечивал фланг ударной группировки Гота. Находящийся еще южнее XI корпус генерала Рауса опасно растягивал свои позиции. Две пехотные дивизии обеспечивали все основание танкового клина Манштейна. Но нанести удар именно здесь Ватутину даже в голову не пришло.

10 июля союзники высадились в Сицилии. Однако, несмотря на это, Гитлер приказал не приостанавливать операцию «Цитадель», так как Манштейн продолжал наступать. В связи с этим возникает интересный вопрос: сообщили или нет Модель и Клюге о том, что наступление на северном фасе прекращено? Знали об этом Манштейн и Гитлер? Создается впечатление, что нет.

В ночь на 10 июля противники подтянули к линии фронта резервы, но у Ватутина их было больше. Получив две свежие стрелковые дивизии, Катуков должен был остановить попытки XLVIII танкового корпуса прорваться на Обоянь. Кроме того, Ватутин передал ему из своего резерва 5-й гвардейский танковый и 10-й танковый корпуса.

Фон Кнобельсдорф оптимистично смотрел в будущее, хотя к этому дню численность танков в его корпусе упала до 173 машин. Дивизия «Гроссдойчланд» начала атаку в 03.30 и довольно быстро прорвала оборону, но развить успех не сумела. За день ожесточенных боев она сумела продвинуться только на 5 километров к северу от Верхопенья. Это вынудило фон Кнобельсдорфа обратиться к генералу Готу с просьбой о помощи, но Гот сумел выделить ему лишь горстку пехотинцев.

Все это время III танковый корпус армейской группы «Кемпф» пытался сломить сопротивление 7-й гвардейской армии, так как должен был прикрывать южный фланг армии Гота. К вечеру 10 июля 6-я танковая дивизия потеряла более половины своих танков. Вообще, сам XI корпус оказался в опасном положении, оголив оба своих фланга, потому что XI корпус Рауса просто не имел достаточно сил, чтобы прикрыть растянувшуюся линию фронта. 19-я танковая дивизия немцев добилась определенного успеха, но лишь потому, что командующий 69-й армией генерал Крюченкин сам отвел войска, чтобы сократить линию фронта и создать резервы. Во второй половине дня, получив нагоняй от Манштейна, Кемпф приказал 6-й и 19-й танковым дивизиям при поддержке «Тигров» наступать вдоль реки Северский Донец на Сабынино. В результате на этом участке немцы сумели продвинуться за день на 12 километров, но все равно отставали от корпусов Гота.

II танковый корпус СС обергруппенфюрера Хауссера 10 июля наступал по обоим берегам реки Псел силами дивизий «Лейб-

штандарт» и «Тотенкопф», однако серьезного успеха не добилась ни одна из них. Дивизия «Дас Райх» весь день вела ожесточенные бои, но практически не сдвинулась с места. Этот день стал для немцев одним из самых неудачных.

Как ни странно, обе стороны смотрели на ситуацию довольно оптимистично, хотя основания для беспокойства имелись и у русских, и у немцев. Кнобельсдорф и Хауссер готовились продолжить наступление на Прохоровку, а Ватутин собирался встретить их контрударом. Он отдал приказ Катукову прочно удерживать фронт, но одновременно собрать силы для контрудара. Главной задачей Катукова становилось не допустить участия дивизии «Гроссдойчланд» в наступлении.

Однако оснований для оптимизма у Ватутина было больше, чем у Манштейна. Немцы располагали в качестве резерва только XXIV танковым корпусом, тогда как в распоряжении Ставки Верховного командования находился целый Степной фронт. Именно оттуда 9 июля началось выдвижение 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова в район Прохоровки. При этом Ватутин на всякий случай еще больше усилил ее.

11 июля наступление немцев на южном фасе Курской дуги свелось фактически к продвижению одной только дивизии «Лейбштандарт» на Прохоровку. Ни «Дас Райх», ни «Тотенкопф» в этот день успеха не добились. Да и «Лейбштандарт» лишь медленно теснил 9-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, но прорвать ее фронт не сумел. В общем, наступление и на южном фасе находилось уже, что называется, на последнем издыхании. Фронт наступления сузился до полосы одной дивизии. Тем не менее в историографии дивизий СС можно встретить фразы типа: «11 июля «Тотенкопф» и ее две братские дивизии из войск СС смели остатки советского сопротивления». Как видите, врать умеют все.

Но Манштейн решил совершить-таки последнюю попытку. II танковый корпус СС должен был попытаться прорваться к Прохоровке, III танковый корпус при поддержке дивизии «Дас Райх» должен был поддержать его ударом с юга, а XLVIII танковый корпус получил приказ форсировать реку Псел к югу от Обояни.

Смысл решения Ватутина нанести удар в лоб ударной группировке немцев понять очень сложно, ведь встречные танковые бои

6 июля на северном фасе и 8 июля на южном фасе завершились плачевно для нас. Впрочем, имеется одно простое объяснение: этого требовал Сталин. Однако Ватутин и Ротмистров могли бы повнимательнее оценить и рассмотреть ситуацию. Проблемы противника с прорывом глубоко эшелонированной советской обороны быстро нарастали, и, как мы уже отмечали, южный фланг группировки был откровенно слаб. Армия Ротмистрова смяла бы XI корпус Рауса в считаные часы, после чего могла выйти в тыл корпусам Кнобельсдорфа и Хауссера. Это был бы классический блицкриг — удар по слабому месту и окружение. Вряд ли это привело бы к уничтожению всей немецкой 4-й танковой армии, но уже ни о каком наступлении после этого генерал Гот не мог бы и мечтать. Однако Ватутин с Ротмистровым выбрали самый неудачный вариант действий, позволив немецким танкам в полном блеске продемонстрировать свои достоинства в обороне. Впрочем, Ватутина не раз упрекали в том, что он ставит задачи войскам, не пытаясь оценить их реальные возможности.

В контрударе должны были участвовать дивизии 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий, в составе которых имелось около 850 исправных танков и самоходок. Сосредоточив около 60 танков на километр фронта (розовая мечта творцов теории глубокой операции), советское командование рассчитывало стальным катком просто смять все на своем пути.

Самое скверное, что немцы по данным авиаразведки прекрасно знали о сосредоточении советских войск и готовились встретить контратаку. Но отражать удар танковой армии предстояло всего лишь одной дивизии «Лейбштандарт», то есть ни о каких полутора тысячах танков речи идти не могло. В составе дивизии к этому времени осталось менее сотни танков. Однако немцы умело развернули свои силы, перебросили на танкоопасное направление между совхозом «Октябрьский» и высотой 252,2 самоходные орудия и приготовились к отражению атаки.

Артподготовка началась в 08.00, причем огонь велся вслепую, эффективность подготовки оказалась очень низкой. Через полчаса танкисты Ротмистрова двинулись вперед. Справа наступал 18-й танковый корпус, выстроенный в три эшелона, а левее — 29-й танковый корпус. Их поддерживали несколько батарей самоходной артиллерии. Генерал Ротмистров очень красочно описал эту атаку, повествуя о том, как его танки «буквально пронзили боевой

порядок противника». В результате чего «его «Тигры»... успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций». Жаль, что эти мемуары вышли в 1984 году, иначе этой фантазии можно было бы найти простое объяснение. Ротмистров чуточку переиграл в компьютерную игру «Панцер-генерал», где можно видеть такие же потрясающие картины, только с американским уклоном. Грозные М-3 «Стюарт» лихо жгут беспомощные «Королевские тигры»...

В действительности все обстояло иначе. Развернутые на гребнях холмов немецкие танки хладнокровно жгли советские танки. Вам это ничего не напоминает? Правильно, мы уже писали об этом. Бездарные и беспомощные попытки англичан атаковать корпус Роммеля во время сражения у Газалы. Точно так же там горела одна танковая бригада за другой.

Ценой чудовищных потерь нашим войскам удалось ворваться в совхоз «Октябрьский» и выбить оттуда эсэсовцев. Хотя бы в этом наша атака оказалась эффективнее английской, которая вообще ничего не принесла. Но чего это стоило... Например, 25-я танковая бригада потеряла 55 танков из 69.

В последнее время стало модным отрицать подвиги бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Во многом это происходит благодаря запредельной глупости и слоновьей неуклюжести пропаганды главпуровского розлива, которая сначала изобретает фантастические подвиги в стиле казака Козьмы Крючкова, который семь австрияков на одну пику насадил, а потом насмерть стоит, защищая подобный бред. Вплоть до обвинений в «распространении заведомо ложных измышлений», что не так давно грозило более чем серьезными сроками. Например, ставятся под сомнение танковые тараны в ходе Курской битвы. Ну что ж, обратимся к заведомо пристрастному свидетелю, у которого не было никаких оснований восхищаться действиями бойцов Красной Армии. Перед вами запись рассказа Михаэля Виттмана о событиях 12 июля:

«Большая группа русских танков продолжала на высокой скорости идти навстречу взводу Виттмана. Он сразу приказал Воллю: Целься по головному танку, Бобби!

Волль навел пушку и выстрелил.

«Прямое попадание!» — закричал Меллер, который с места водителя увидел гибель очередного танка противника в свои смотровые приборы.

Они увидели, как снаряд с грохотом врезался в левый борт Т-34. Однако вражеская машина еще немного прокатилась дальше и лишь потом взорвалась с ужасным грохотом. Виттман приказал водителю подать танк немного вперед, чтобы было лучше целиться. Как только танк остановился, Волль снова выстрелил и уничтожил еще один русский танк прежде, чем тот сам успел выстрелить...

«Внимание, они прямо перед нами!» — закричал Виттман по радио своему взводу. К «Тигру», который находился слева от Виттмана, мчался горящий Т-34. Виттман опасался, что водитель этой машины намерен совершить самоубийство и протаранить танк Летцша, после чего русские наверняка вознесутся на небеса, но при этом захватят с собой Летцша и его экипаж.

«Черт, черт! — завопил Летцш. — Водитель! Вперед, или они протаранят нас и подожгут!»

Водитель «Тигра» Летцш бросил танк вперед, пытаясь уклониться от горящей вражеской машины. Наводчик в это время тщательно прицелился и выстрелил по движущейся цели с дистанции всего 80 метров. Снаряд ударил в башню Т-34 и с визгом срикошетировал в небо! Экипаж Летцша ждал, что русский танк взорвется в любой момент, но этот клубок пламени продолжал нестись вперед. Времени выстрелить второй раз наводчик «Тигра» не получил. Т-34 подлетел вплотную и протаранил «Тигр», прежде чем Летцш успел приказать водителю отвернуть. Пламя с горящей русской машины быстро охватило «Тигр». Половина немецкого экипажа запаниковала и попыталась выскочить из танка».

Вот вам свидетельство непосредственного участника событий. Может быть, Виттман рассказывал о таране, который совершил экипаж командира 2-го батальона 181-й танковой бригады капитана Скрипкина? Да, танковый таран был явлением исключительным, однако и такие случаи имели место быть. Поэтому нельзя считать, что вопрос о событиях 12 июля окончательно закрыт.

Единственный относительный успех наметился было на пра-

вом фланге, где атаковала 181-я танковая бригада. Ей удалось смять разведывательный батальон дивизии «Лейбштандарт», однако командир дивизии бригадефюрер Виш оперативно перебросил на этот участок свой скудный резерв, и атака была остановлена. Хуже того, занимавшая позиции левее танковая дивизия СС «Тотенкопф» перешла в наступление и начала теснить 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. На левом фланге Ротмистрова начала движение вперед дивизия «Дас Райх». К 17.00 все завершилось. 5-я гвардейская танковая армия продвинулась на пару километров, потеряв при этом 340 танков и 17 самоходных установок.

Как ни странно, наибольшего успеха 12 июля добилась потрепанная армия Катукова. Его 1-я танковая армия должна была нанести удар на юго-восток и отрезать немецкую ударную группировку. Хотя успехом этот удар не увенчался и продвижение советских войск было минимальным, Катукову удалось связать боем дивизии фон Кнобельсдорфа. Угроза левому флангу заставила немецкого генерала отказаться от намеченного наступления и даже перебросить на угрожаемый участок 3-ю танковую дивизию. Если бы не это, положение Ротмистрова могло стать совсем скверным.

Тем временем начала надвигаться еще одна неприятность. Мы уже говорили, что командующий 69-й армией генерал Крюченкин, мягко говоря, не вполне адекватно реагировал на ситуацию. А тут еще немецкий III танковый корпус, откровенно буксовавший на месте последние дни, вдруг добился успеха. Утром части 6-й танковой дивизии сумели форсировать Северский Донец и стали теснить войска 48-го стрелкового корпуса. Одновременно перешла в наступление 7-я танковая дивизия, в которой осталось всего 39 танков. На помощь Крюченкину было переброшено несколько бригад резерва, но командиры потеряли управление войсками. Штаб корпуса подвергался постоянным ударам с воздуха, причем самое активное участие в них приняла советская авиация. 48-й стрелковый корпус оказался в мешке между III танковым корпусом и II танковым корпусом СС, но позиции пока удержал, хотя и с огромным трудом.

Впрочем, стремительно меняющаяся и крайне запутанная обстановка позволила группе Не-111 нанести точный бомбовый удар по штабу собственной 6-й танковой дивизии. Не остались в долгу и наземные войска. Зенитчики II танкового корпуса СС

ухитрились подбить корректировщик FW-189, знаменитую «Раму», хотя советская авиация ничего похожего на этот самолет не имела.

Но главным событием 12 июля стал переход в наступление войск Брянского и Западного фронтов на северном фасе против немецких 9-й и 2-й армий. В такой ситуации продолжение наступления на юге было предельной глупостью, и 13 июля Гитлер останавливает его. Заметьте: не 11 июля, на следующий день после высадки союзников в Сицилии, а на следующий день после перехода в наступление советских войск. Операция «Цитадель», апофеоз немецкого антиблицкрига, завершилась.

Но не завершились бои. Манштейн решил попытаться одержать хотя бы местную победу, отрезав и уничтожив 48-й стрелковый корпус. 13 июля обе стороны потратили в основном на перегруппировку войск, хотя бои местного значения шли почти по всему фронту. Утром 14 июля дивизия «Дас Райх» начала наступление в направлении на юго-восток. Навстречу ей наступала 7-я танковая дивизия. Однако сопротивление советских войск с каждым днем становилось все упорнее, а немецкие дивизии уже были изрядно вымотаны. Большего успеха добилась 7-я танковая, но и ее прорыв пока удалось локализовать.

Мы уже не раз говорили о том, что во многом успех немцам приносило налаженное взаимодействие войск, которое требовало безупречной работы систем связи. У нас, к сожалению, все обстояло иначе. Штаб 69-й армии потерял связь со штабом 48-го корпуса, хотя расстояние не превышало 50 километров. Заметьте, это штабы высокого уровня. И как можно в таких условиях рассчитывать, скажем, на оперативное управление по радио, скажем, танковым полком? Говорить об этом можно, а вот наладить связь — вряд ли. А ведь позади были уже два года войны, но ничего так и не изменилось. В результате генерал Крюченкин отправил для руководства выводом войск корпуса из мешка своего заместителя, генерал-майора Труфанова. К 15 июля это было сделано, и сильно потрепанные дивизии выскочили из намечающегося котла. Вечером 15 июля части дивизий «Дас Райх» и 7-й танковой дивизии встретились, но котел был уже пуст. И все это происходит после якобы сверхуспешного контрудара 5-й гвардейской танковой армии, который полностью обескровил и измотал противника! Поэтому совершенно не удивляет приказ, отданный Ватутиным

16 июля. «С целью окончательного истощения сил наступающей группировки противника армиям Воронежского фронта перейти к упорной обороне на занимаемых рубежах с задачей не допустить прорыва противником нашей обороны».

Итогом боев в районе Прохоровки стало тяжелое поражение Воронежского фронта, во многом обусловленное ошибочными действиями командования фронта и ряда армий. Впрочем, говорить о том, что советские войска оказались на грани катастрофы, тоже неправильно. У немцев уже не оставалось сил для более решительных действий.

Резюме. Операция «Цитадель» проводилась в полном противоречии с постулатами блицкрига, хотя оба немецких командующих нарушали их по-своему. Модель вернулся к старым принципам наступления пехотой при некоторой поддержке танков, что было резонно при попытке прорвать глубокую оборону. Манштейн, наоборот, попытался нанести удар танковыми дивизиями практически без поддержки пехоты, то есть вернулся к тактике Первой мировой войны. Однако немецкое наступление с самого начала было обречено на неудачу по причине простой нехватки сил. В этом советским войскам повезло, потому что генерал Ватутин пытался остановить немецкое наступление, также нарушая все постулаты. С маниакальным упорством он наносил один лобовой контрудар за другим вместо удара во фланг.

Поражение под Курском действительно знаменовало окончательный перелом в ходе Великой Отечественной войны, но в несколько ином смысле, чем обычно говорят. После него Вермахт окончательно потерял возможность вести успешные операции стратегического масштаба, как наступательные, так и оборонительные.

Глава 13

БЛИЦКРИГ ПОКАТИЛСЯ НА ЗАПАД

Как мы уже говорили, Курская битва была не только последней попыткой Германии вырвать стратегическую инициативу у Красной Армии. Она стала переломным пунктом войны в том

плане, что после нее Вермахт окончательно потерял способность к успешным действиям стратегического масштаба. Если ранее он еще мог хотя бы вести крупные оборонительные операции типа Ржевско-Вяземской, то к 1944 году пределом мечтаний панцергенералов стали локальные действия оперативного масштаба. Да, немецкие дивизии еще могли успешно удержать город N в течение недели-другой. Да, в ходе контратаки они еще могли отбросить советские войска на 20—30 километров. Но **не больше**! Удержать тот же самый город N еще два месяца немцы уже не могли, разве только Красная Армия по **своим** стратегическим соображениям перенесет тяжесть удара на другой участок фронта. И отбросить советские войска на 50 километров немцам уже не удалось до самого конца войны. Может возникнуть резонный вопрос: так почему борьба затянулась так долго? Первый напрашивающийся ответ: Вермахт был слишком огромной конструкцией и сработала обычная сила инерции, присущая столь большой массе. Остановить ее в один момент просто невозможно. Вторая, не менее важная причина заключалась в том, что советское командование еще не в полной мере освоилось с изменившейся обстановкой и пока не научилось действовать, как полный хозяин положения. Еще были памятны уроки 1941—1942 годов, воспитание победного инстинкта — процесс долгий и болезненный. Но вот когда он появляется, тогда сопротивляться такой армии становится бесполезно, что и доказала Красная Армия в 1945 году. Но в 1944 году дело обстояло немного иначе. Мы рассмотрим лишь три операции, которые можно считать наиболее показательными в плане соответствия идеям большого и малого блицкрига.

Первой хронологически была Корсунь-Шевченковская операция, кстати, самая противоречивая по результатам. Впрочем, если вспомнить, как во время Курской битвы командовал генерал Ватутин, ныне командующий 1-м Украинским фронтом, особо удивляться этому не приходится.

Общая стратегическая ситуация к январю 1944 года сложилась так, что на южном участке фронта образовался так называемый Каневский выступ. Немцы упорно цеплялись за побережье Днепра в районе Канева, хотя к этому времени войска 1-го Укра-

инского фронта далеко обошли их с запада. На выступе находились 11 немецких дивизий, и их положение внушало серьезные опасения, однако отводить их Гитлер не собирался. Дело даже не в пропагандистском лозунге «Немецкие повара продолжают черпать воду из Днепра». Имелись и какие-то военные соображения. Манштейн, разумеется, во всем обвиняет фюрера. Но, похоже, и ОКХ, утратив чувство реальности, все еще грезило о возможном ударе во фланг 1-му Украинскому в направлении Белой Церкви, хотя сил для этого у немцев уже не было.

Интересная особенность этой операции заключается в том, что советское командование решило начать ее, не имея серьезного превосходства в силах. Войска 1-го и 2-го Украинских фронтов имели в общей сложности около 250 000 человек, 5300 орудий и 670 танков против 170 000 человек, 2600 орудий и 250 танков немцев. Однако недалеко от района намеченного котла у немцев в резерве находилось несколько танковых дивизий, имевших около 600 танков.

2-й Украинский фронт начал наступление 24 января, и в первый же день тактическая оборона немцев была почти прорвана. Но генерал Конев действовал слишком вяло и не воспользовался благоприятной ситуацией. Лишь на следующий день в бой была введена 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова, которая прорвала немецкие позиции. Но промедление сказалось, так как противник подтянул резервы и сумел затормозить наступление. Более того, наши 20-й и 29-й танковые корпуса сами оказались отрезанными. И тут командующий фронтом генерал Конев показал, что мы уже научились не бояться немцев. Он принимает решение, совершенно немыслимое буквально год назад. 20-й корпус продолжает наступление навстречу частям 1-го Украинского фронта, 29-й корпус занимает оборону фронтом на юг, а резервные части перерубают тонкий немецкий рукав. Так и вышло! 28 января танки 20-го корпуса в поселке Звенигородка встретились с авангардом 6-й танковой армии. А немецкие заслоны в полосе наступления были опрокинуты и уничтожены, началось формирование внешнего и внутреннего фронтов окружения.

Наступление 1-го Украинского фронта началось на два дня позднее и сначала проходило не так гладко. На намеченном участке прорыва завязались тяжелые бои, и продвижение было мини-

мальным. Командовавшему фронтом генералу Ватутину пришлось сместить точку приложения сил, но в итоге после ввода в бой 6-й танковой армии оборона немцев и здесь была прорвана. Зато после прорыва наступление шло беспрепятственно, и до встречи с 20-м танковым корпусом Конева никаких проблем не возникало.

Итак, перед нами вроде классическая операция блицкрига. Прорыв фронта, в окружение попадают крупные силы противника, танковые части выходят на оперативный простор, наступает период развития успеха... А вот и нет! Так бы поступил Гудериан. Так бы поступил Манштейн. Но так **не** поступили советские генералы. **Пока** не так. Да, одна причина лежала буквально на поверхности. Танковые дивизии в ходе наступления понесли потери, вдобавок началась распутица, и в грязи вязли не только автомобили, но и танки. Однако, скорее всего, сказалось то самое отсутствие победного инстинкта, которое уже помешало нам развить успех прорыва под Сталинградом и уничтожить немецкие войска на Северном Кавказе. Точно так же и сейчас все-таки следовало попытаться ударить дальше. Ведь перед соединенными силами двух фронтов появилась отличная перспектива отсечь всю никопольскую группировку, более того, все немецкие силы западнее Днепра.

Судя по всему, второй раз, когда успех операции превзошел все ожидания, советское командование растерялось и не проявило гибкости, реагируя сообразно изменившейся обстановке. С другой стороны, если посмотреть на привлеченные силы, становится понятно, что большие задачи перед наступающими армиями не ставились изначально. Разгромить целую группу армий силами 700 танков более чем сложно.

Вдобавок была допущена ошибка, которую немцы в своих блицоперациях не допустили ни разу. Перед началом прорыва значительные силы снова были использованы для «сковывания» противника. Ох уж это сковывание! Оно становится подлинным бичом советских наступлений, отвлекая от четверти до трети сил, которые можно было использовать для развития успеха. Дело в том, что даже если бы — даже если бы! — немцы и решили попытаться перебросить в район боев войска с неатакованных участков фронта, это потребовало бы времени. А советские дивизии находились бы там с первого же дня.

В общем, Корсуньский блицкриг длился ровно четыре дня, после чего началось уничтожение окруженной группировки. Группировка капитулировать или гибнуть не собиралась, и солдаты генерала Штеммермана оказывали ожесточенное сопротивление. Предъявленный советским командованием ультиматум был отвергнут. Кстати, снова отметим: именно такие попытки сражаться до конца ставят под вопрос ключевую идею блицкрига — наращивание темпа операций. Одновременно немецкое командование начало готовить деблокирующий удар. Спасителем отечества в масштабах 8-й армии снова был назначен Манштейн.

Как всегда, советские историки затягивают привычную песню о превосходстве немцев в силах, особенно в танках. «В составе некоторых немецких танковых дивизий (в основном в дивизиях СС) имелись тяжелые танковые батальоны танков «Тигр», штурмовые орудия «Фердинанд». Танки «Тигр» состояли также на вооружении 503-го и 506-го отдельных танковых батальонов», — пишет А.Н. Грылев. А всего Манштейн, дескать, насобирал около 1000 танков, при том, что на внешнем кольце окружения им противостояло всего 307 советских. Честно говоря, эти рассказы о вездесущих «Фердинандах» навязли в зубах. Да и вообще, каков был бы результат удара 1000 немецких танков, представить несложно.

Сначала немцы попытались прорвать окружение в полосе 2-го Украинского фронта, потому что расстояние до так называемого Городищенского выступа здесь было минимальным. Но минимальными же оказались и успехи четырех танковых дивизий, которые сумели продвинуться всего на 5 километров. Штеммерман тем временем стягивал свои войска к Корсунь-Шевченковскому выступу, постепенно сокращая линию обороны и готовясь к прорыву навстречу деблокирующим группировкам.

В результате основные усилия были перенесены в полосу 1-го Украинского фронта. Здесь появилась танковая дивизия «Лейбштандарт», которая столько крови испортила нашим солдатам под Курском. Командующий 1-й танковой армией генерал Хубе отправил оптимистическую радиограмму окруженным с призывом держаться и твердым обещанием выручить их. Он действительно сосредоточил три танковые дивизии при поддержке двух батальонов «Тигров» и 4 февраля перешел в наступление. 6 февраля в его распоряжение прибыла еще одна танковая дивизия. Чтобы пари-

ровать немецкий удар, Ватутин ввел в бой 2-ю танковую армию, до сих пор находившуюся в резерве. Здесь сразу возникает резонный вопрос: а почему ранее она не была использована для развития успеха? Временно наступление немцев удалось приостановить, и они взяли паузу для перегруппировки сил.

Утром 11 февраля ударная группировка Хубе (III танковый корпус) снова пошла в наступление в направлении Ризино — Лысянка. Одновременно окруженные войска Штеммермана попытались ударить навстречу им из района Стеблева. После жестоких боев им удалось прорваться к Шендеровке, и расстояние до авангардов Хубе составляло всего около 10 километров. Но эти километры еще предстояло пройти. Кое-кто из современных российских историков пытается оправдать откровенную неуклюжесть действий Ватутина тем, что якобы немцы старались прорваться на стыке двух фронтов. Полно вам! Ну посмотрите на карты, которые вы публикуете в собственных книгах! Все события происходили в полосе 1-го Украинского фронта, стык фронтов находился в нескольких десятках километров восточнее.

И все-таки ситуация действительно сложилась запутанная, причем запутало ее советское командование. Внешнее кольцо окружения держал фронт Ватутина, а внутреннее — фронт Конева. И координировать их действия действительно было сложно, хотя имелся особый представитель Ставки, который должен был этим заниматься. Кто? Правильно, маршал Жуков. Только кончилось это тем, что «координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов Маршал Советского Союза Жуков не сумел организовать четкого взаимодействия войск, отражавших натиск врага, и был отозван Ставкой в Москву».

В общем, положение сложилось странное — недовольны были обе стороны. Немцам никак не удавалось прорваться, Красная Армия никак не могла уничтожить котел, хотя к 16 февраля он сократился до мизерных размеров. Штаб немецкой 8-й армии радировал Штеммерману, что наступление III танкового корпуса захлебнулось и что он сам должен прорываться навстречу ему. Штеммерман предпочел остаться с арьергардом прикрывать прорыв, командовать которым было поручено генерал-лейтенанту Теобальду Либу. К этому времени котел сократился буквально до пятачка диаметром в 5 километров вокруг Шендеровки. На прорыв требовалось разрешение Гитлера, однако Манштейн понял,

что промедление смерти подобно, и отправил Штеммерману краткую телеграмму: «Stichwort Freiheit. Zielort Lysyanka. 23.00» — «Пароль «Свобода». Цель — Лысянка».

И в 23.00 немцы тремя колоннами пошли на прорыв с примкнутыми штыками наперевес. После ожесточенной рукопашной схватки часть их сумела прорваться. Однако левая колонна налетела на танки 5-й гвардейской танковой и была практически уничтожена. Рассвело, но бои еще продолжались. Конев, понимая, что появилась опасность упустить немцев, бросил в атаку бригаду 20-го танкового корпуса, вооруженную новыми танками ИС-2. Обнаружив, что противотанковой артиллерии немцы не имеют, танки просто давили повозки и машины гусеницами.

К полудню дезорганизованная толпа добралась до реки Гнилой Тикич. Переправа весьма напоминала все, происходившее на Березине в 1812 году, и никакие заявления немецких историков не заставят меня поверить в «организованность и порядок». Тем более что сами немецкие офицеры в своих воспоминаниях признаются: впервые среди немецких солдат появляются признаки *Kesselfurcht* — котлобоязни. Снимки поля боя ясно доказывают, что ни порядка, ни организованности в помине не было.

Командир дивизии танковой дивизии СС «Викинг» Гилле переправился через реку вплавь, хотя позднее в своих мемуарах маршал Конев писал: «Генерал Гилле, видимо, вылетел на самолете до начала схватки либо пролез через линию фронта, переодетый в гражданскую одежду. Я исключаю, чтобы он пробился на танке или транспортере через наши позиции и опорные пункты». Слава богу, не появилось «женское платье», хотя на танке действительно никто не пробился.

Итог сражения был неудовлетворительным для обеих сторон. Отлично начавшийся советский блицкриг был остановлен **собственным командованием**, что дало возможность спастись части окруженной группировки, хотя советская историография долгое время настаивала на полном уничтожении войск, попавших в котел. В то же время окруженные дивизии перестали существовать как боевые единицы, их требовалось формировать заново. Немцы упрямо настаивают на том, что прорвалось 35 000 человек из 60 000 попавших в окружение, однако это вызывает самые серьезные сомнения. Скорее всего, как это обычно бывает в таких сомнительных эпизодах, истина находится где-то посередине.

Следующей операцией, заслуживающей, кстати, особого внимания, является операция «Багратион». С моей точки зрения, которую каждый волен оспорить, это самая блестящая операция Красной Армии за весь период Великой Отечественной войны. По своему совершенству с ней могут сравниться разве что прорыв Гудериана под Седаном и удар Роммеля у Газалы. Но масштабы этих операций во много раз меньше, а как мы прекрасно помним, сложности управления войсками возрастают пропорционально квадрату численности, поэтому достижения генерала Рокоссовского заслуживают гораздо более высоких оценок, чем действия панцер-генералов. Особенно если учесть упорство и опыт противника, который ему противостоял.

План операции, который предусматривал одновременный разгром двух группировок противника, удерживавших «белорусский балкон», принадлежал генералу Рокоссовскому. Жуков утверждал, что план был подготовлен в Москве еще до совещания, в котором приняли участие представители Ставки и командующие фронтами. Это сущая правда. Но правда и то, что разработки штаба Рокоссовского были направлены в Москву еще раньше. Это подтверждает абсолютно незаинтересованный свидетель — С.М. Штеменко. Кстати, с книгой его воспоминаний «Генеральный штаб в годы войны» связан один любопытный эпизод.

Некий популярный ныне историк решил посверкать остроумием и высмеять одно из предложений Генштаба. Предложение было действительно не самое разумное. Но метод, который он выбрал, еще хуже — столь любимое советской исторической школой обрывочное цитирование. Сравните сами.

«Идиотизм этой «новой идеи» был настолько очевиден, что, как вспоминает Штеменко, «нас поправили». Решили — окружать, куда уж тут деваться». Это пишет г-н N в своем труде «Десять сталинских ударов». А сейчас посмотрим, что на самом деле говорил Штеменко: «В течение этих двух дней была окончательно сформулирована цель Белорусской операции — окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий «Центр». Генеральный штаб, как уже отмечалось, не хотел употреблять слово «окружение», но нас поправили. Окружению должен был предшествовать одновременный разгром фланговых группировок противника — витебской и бобруйской, а также его сил, сосредо-

точенных под Могилевом. Тем самым сразу открывался путь на столицу Белоруссии по сходящимся направлениям». Вы чувствуете разницу? Тем более что этот абзац находится уже на совсем иной странице мемуаров и посвящен иному эпизоду. Но — выхвачены два слова, и бульон готов. Нет, опасайтесь кратких цитат!

Операция началась 22 июня 1944 года. Наверное, в этом есть какая-то высшая справедливость — ровно через три года после начала Великой Отечественной войны Красная Армия начала свою самую блестящую операцию. Наступление велось на широком фронте, однако главные удары были нанесены в районах Витебска и Бобруйска. Изящество плана Рокоссовского заключалось в том, что не планировался один исполинский суперкотел, образованный сходящимися ударами на Минск, после чего пришлось бы возиться с уничтожением двух или трех армий, хотя, скорее всего, окружить их было можно. Нет, планировались небольшие котлы со стремительным уничтожением окруженных небольших группировок. Злосчастный пример Сталинграда был еще свеж в памяти.

Сначала немецкая оборона затрещала под Витебском в полосе наступления 3-го Белорусского фронта. 6-я гвардейская армия в первый же день наступления прорвала оборону и расширила прорыв до 50 километров. Возник разрыв между IX и LIII корпусами. Командующий 3-й танковой армией генерал Рейнхардт запросил разрешение на отход. Но тут во многом Красной Армии помог, как ни странно, Адольф Гитлер. К этому времени он потерял всякое чувство реальности и занялся крупномасштабным сооружением песчаных замков. Многие города и поселки, разбросанные по всему Восточному фронту, были объявлены «крепостями», хотя на самом деле представляли собой несколько примитивных полевых укреплений, наскоро построенных на окраинах населенных пунктов. Подразделения этих «крепостей» получили приказ не отступать и сражаться до последнего патрона. 8 марта 1944 года Гитлер разъяснил свое определение крепости, когда издал Приказ № 11:

«Будет проведено различие между «укрепленными районами» *(Feste Platze)*, каждый из которых будет подчиняться «коменданту укрепленного района», и «локальными опорными пунктами»

(Ortzstutzpunkte), находящимися под командованием «боевого коменданта».

«Укрепленные районы» будут выполнять роль крепостей... Они будут препятствовать занятию противником районов, имеющих решающее тактическое значение. Они будут позволять противнику окружить себя, сковывая таким образом наибольшее количество его сил и создавая условия, благоприятные для успешных контратак.

«Местные опорные пункты» представляют собой опорные пункты, расположенные глубоко в зоне боевых действий, которая будет прочно защищена в случае проникновения противника. Будучи включенными в основную схему боевых действий, они будут служить резервом обороны, а в случае прорыва противника — краеугольным камнем фронта, образуя позиции, с которых можно будет осуществлять контратаки».

Эта директива разъясняла полномочия комендантов укрепленных районов и ставила их в непосредственное подчинение командующему соответствующей группы армий. Каждый человек в укрепленном районе, независимо от воинского звания или гражданского положения, подчинялся коменданту. Гарнизон должен был постоянно находиться в укрепленном районе и готовить оборонительные сооружения. Гитлер, как правило, настолько поздно объявлял о придании району статуса укрепленного, что уже не было времени возвести какие-либо значительные укрепления до подхода советских войск. Он приказывал гарнизону являться в распоряжение коменданта тогда, когда времени хватало лишь на то, чтобы занять позиции. По определению Гитлера, сложно выявить различие между укрепленным районом и крепостью, за исключением того момента, когда укрепленные районы находились главным образом на Восточном фронте и, как правило, не имели фортификационных сооружений. В общем, фюрер собственноручно загонял свои войска в котлы, что особенно ярко проявилось во время операции «Багратион».

Гитлер отказался разрешить LIII корпусу отход, но генерал Рейнхардт и командующий Группой армий «Центр» фельдмаршал Буш видели, что происходит. Они приказали командиру корпуса

генералу Голльвитцеру готовиться к прорыву. Поздно! 24 июня 4-я авиаполевая дивизия была окружена юго-западнее города, а остальные 3 дивизии корпуса оказались в мышеловке в самом Витебске. Обратите внимание на важный момент: все котлы оказались совсем небольшими, не те, о которых Совинформбюро рапортует под грохот артиллерийского салюта. Но и возиться с ними не пришлось. Уже 25 июля 4-я авиаполевая дивизия прекратила существование под ударами 39-й армии, а сам Витебский котел распался еще на два. 246-я пехотная и 6-я авиаполевая дивизии были окружены в 10 километрах от Витебска, а 206-я пехотная застряла в городе. Под ударами советской авиации их силы таяли буквально на глазах. К вечеру 26 июня положение окруженных стало безнадежным, и генерал Голльвитцер решил попытаться прорваться, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. На рассвете 27 июня немцы пошли на прорыв мелкими группами. Результат таких попыток нам прекрасно известен по событиям лета 1941 года. LIII корпус был уничтожен **полностью**. Правда, немцы до сих пор продолжают спорить о том, что именно с ним случилось. По одним данным, 20 000 солдат погибло, а 10 000 попали в плен. Другие историки утверждают, что погибли 5000 солдат, а в плен попали 22 000. Я думаю, когда они выяснят все досконально, можно будет внести поправки в новое издание этой книги.

Здесь нам придется сделать небольшое отступление. Как мы уже видели, в 1941 году немцы очень часто ухитрялись вести блицкриг и без участия танков. Почти то же самое произошло и сейчас. В операции «Багратион» участвовала только одна танковая армия — 5-я гвардейская. Причина была вполне понятная: леса и болота Белоруссии — это не самая лучшая местность для танков, они могли действовать только вдоль шоссе Минск — Москва. Именно там и была прорвана немецкая оборона. Что самое важное, советские танки не стали задерживаться, «образуя внешнее кольцо окружения», а двинулись дальше, на Борисов, как это и предписывалось всеми канонами блицкрига. Параллельно танковой армии наступала конно-механизированная группа генерала Осликовского. Очень быстро немцы на своей шкуре испытали действенность собственной тактики. Остатки XXVII корпуса, попытавшиеся спастись из Орши, налетели на прорвавшиеся танки с вполне предсказуемым результатом.

Перед немцами встала тяжелая задача: попытаться остановить стремительное наступление советских танков, в котором теперь участвовал еще и 2-й гвардейский танковый корпус, действовавший южнее армии Ротмистрова. В качестве оборонительного рубежа была выбрана река Березина. Эта неблагодарная задача была возложена на 5-ю танковую дивизию, спешно переброшенную в Минск с Украины. Ей также был придан 505-й батальон тяжелых танков. Именно его «Тигры» 28 июня первыми столкнулись с 3-м гвардейским танковым корпусом у станции Крупки, но были вынуждены отступить.

Советское командование освоило хитрую науку блицкрига, и танкам Ротмистрова не пришлось в одиночку драться с прибывающими немецкими резервами. 29 июня на помощь танкам уже были подтянуты 5 стрелковых дивизий 11-й гвардейской армии. Комбинированным ударом пехоты и танков (!) оборона немцев была прорвана чуть севернее Борисова, в более слабом месте (!), и после недолгих боев 30 июня оборона немцев на Березине рухнула. Гудериан мог бы порадоваться столь умелому применению своих теорий, но что-то мне подсказывает, что известия об этих событиях не сделали счастливым генерал-инспектора Панцерваффе.

Наступление на Минск с юга, которое вел 1-й Белорусский фронт генерала Рокоссовского, в первые дни развивалось не столь успешно из-за болотистой местности. Но 24 июня в бой вступили главные силы фронта, и немецкая оборона была прорвана и здесь. Командующий 9-й армией генерал Йордан решил бросить в бой свой единственный резерв — 20-ю танковую дивизию. Кстати, обратите внимание на скудость немецких резервов. Дивизия там, дивизия тут — не больше. Но это были проблемы ОКХ. Война не шахматная партия, где оба игрока перед началом получают по 16 совершенно одинаковых фигур. Каждый имеет то, что сумел собрать. А не сумел...

20-я танковая дивизия столкнулась с наступающими советскими войсками южнее Бобруйска и была уничтожена. К 26 июня 1-й гвардейский танковый корпус вышел к городу с юга, а 9-й танковый корпус — с востока. Уже на следующий день 9-й танковый корпус захватил переправы через Березину, и еще несколько немецких дивизий оказались в окружении. Рокоссовский не стал тратить время на создание «железного кольца», справедливо по-

лагая, что никуда они и так не денутся, а бросил свои резервы — 1-й гвардейский кавалерийский и 1-й механизированный корпуса — дальше на запад, на Барановичи. Оборона немецкой 9-й армии рухнула по всему фронту. Правда, не очень понятно, почему немцы не любят признавать, что дела 4-й Танковой армии на севере обстояли ничуть не лучше.

Фельдмаршал Буш понимал, что перед его группой армий замаячила угроза полного уничтожения. Вместе с генералом Йорданом 26 июня он вылетел в Ставку Гитлера, но втолковать фюреру ничего не сумел. Единственным результатом визита стало то, что Гитлер снял и Буша, и Йордана. Спасать положение было доверено «пожарнику Гитлера» фельдмаршалу Моделю.

В районе Бобруйска было окружено около 40 000 немецких солдат. Рокоссовский доказал, что прекрасно понимает, как следует действовать в подобной ситуации. Советские артиллерия и авиация успешно перемалывали один немецкий полк за другим, в то время как танки продолжали наступление. Окруженный XXXI танковый корпус совершил несколько попыток вырваться из города, но был расчленен, разгромлен и уничтожен. Всего менее чем за неделю в ходе боев погибло около 50 000 немецких солдат, а еще 20 000 попали в плен.

После того как немецкий фронт рухнул севернее и южнее Минска, можно было приступать к решению более масштабных задач. Советские войска начали наступление на столицу Белоруссии, угрожая поймать в ловушку остатки сил Группы армий «Центр». Намечавшийся котел был гораздо крупнее, чем все предыдущие, но здесь было выполнено самое главное успешное условие блицкрига: воля противника к сопротивлению была сломлена полностью.

Здесь нам придется немного поспорить с очень авторитетным историком Стивеном Залогой. Он утверждает, что германское командование в отчаянии прибегло к последней мере и попыталось использовать стратегическую авиацию для того, чтобы остановить советское наступление. В общем, правильно утверждает, но **очень** сильно ошибается в деталях. Дело в том, что последнее крупное бомбардировочное наступление Люфтваффе на Восточном фронте началось задолго до операции «Багратион» силами IV авиакорпуса, и имело оно совершенно иные цели. Операция «Цаункениг»

началась 27 марта налетами на железнодорожный узел Сарны с целью помешать нашему наступлению на Ковель, то есть никакого отношения к боям в Белоруссии все это не имело. Налеты продолжались до июля 1944 года. Во время этих операций были практически израсходованы и без того невеликие запасы авиабензина. Поэтому участие бомбардировщиков Не-177 в июльских боях было крайне ограниченным, хотя они и нанесли один или два удара по советским танкам под Минском. Более того, немецкие источники подчеркивают, что, хотя атаки проводились днем, потери были очень незначительными, так как советские летчики просто не имели опыта борьбы со столь крупными самолетами.

Однако спустимся с небес на грешную землю. Красная Армия продолжала наступать на Минск с севера и с юга, и попытки остановить их ни к чему не приводили. 1 и 2 июля северо-восточнее Минска проходили ожесточенные танковые бои — 5-я танковая дивизия и 505-й батальон тяжелых танков попытались остановить 5-ю гвардейскую танковую армию. Ротмистрову опять не повезло, хотя, может быть, он просто был никудышным генералом. А маршалом — тем более. Недаром ведь он заработал выговор от Сталина, тогда как Черняховский и Рокоссовский — новые звезды на погоны. Кстати, Золотую Звезду Ротмистров ухитрился получить только в 1965 году, в период знаменитых брежневских раздач. В годы войны ни с Катуковым, ни с Лелюшенко ему было не сравняться. Армия Ротмистрова снова понесла заметные потери, но немецкая танковая группировка просто исчезла. В 5-й танковой дивизии осталось всего 18 машин, а «Тигры» были перебиты до последнего.

В Минске воцарилась паника, весьма похожая на то, что сами немцы видели во Франции летом 1940 года. Город переполняли толпы безоружных беглецов и штабистов, которые совсем не пылали желанием пасть смертью героя, защищая «Фестер Платц Минск», каковая была создана приказом Гитлера. Наоборот, они штурмом брали поезда, уходящие на Запад. Вот здесь можно бросить серьезный упрек советской авиации, которая так и не сумела блокировать железные дороги.

Первыми рано утром 3 июля на окраины Минска ворвались части 2-го танкового корпуса. Днем с юго-востока в Минск вошел 1-й гвардейский танковый корпус. 3-й и 1-й Белорусские фронты

соединились. Сопротивление немцев в самом городе было подавлено очень быстро, потому что, как мы уже говорили, оборонять его было некому. Кольцо окружения сомкнулось, а внутри оказались 5 немецких корпусов, или 25 дивизий. 9-я и 4-я танковая армии перестали существовать, как и вся Группа армий «Центр» в целом. Это было крупнейшее сражение Вермахта за всю Вторую мировую войну, гораздо более страшное, чем Сталинград. Можно рассказывать о дальнейших операциях Красной Армии — Вильнюсской, Львовско-Сандомирской, Каунасской, да и вообще написать огромный том, посвященный Белорусской операции. Но это уже лишнее, и рассказывать о преследовании разгромленного противника мы не будем.

Всего за время операции «Багратион» немцы потеряли около 400 000 солдат, погибли 10 генералов, а 22 попали в плен. Генералов хотя бы пересчитать можно, но точных цифр своих общих потерь не знают даже сами немцы. Когда-то бравые вояки мечтали пройти парадным строем по Москве, и 17 июля 1944 года их мечта исполнилась. Правда, не совсем так, как представлялось когда-то всем этим «мечтателям». Но 56 000 немецких солдат и офицеров во главе с 19 генералами пришлось пройти по улицам советской столицы.

Наверное, следует отметить некое малозаметное внешне, но существенное изменение, происшедшее в психологии советских командиров где-то в начале лета 1944 года. Они перестали бояться противника, они выработали у себя ту самую психологию победителя, которой им так недоставало во время наступлений 1942 и 1943 годов. Немцы, кстати, это уловили очень быстро. Они стремительно теряют уверенность в себе, на дальнейших действиях немецких генералов лежит печать растерянности, их охватывает паника. Словом, летом 1944 года мы видим ситуацию лета 1941 года, только в зеркальном отражении.

Последней операцией, которую нам хотелось бы рассмотреть, будет Ясско-Кишиневская. В некоторых отношениях она была даже более чистым блицкригом, чем «Багратион», так как в этом случае советские танки были введены в чистый прорыв. Однако давайте обо всем по порядку.

Летом 1944 года немецкий Восточный фронт разваливался

буквально на всех участках — от Баренцева моря до Черного. Немецкие генералы еще грезили об организации жесткой обороны, о переводе военных действий в позиционное русло, как это было в годы Первой мировой. Гитлер что-то бормотал о крепостях и несокрушимой стене. Да, стену Вермахт попытался выстроить. Только получилось в соответствии со знаменитой фразой: «Стена, да гнилая. Ткни — и развалится». Ткнули на северном участке — Группа армий «Центр» разлетелась в пыль. Ткнули на южном — Группе армий «Южная Украина» пришлось ничуть не лучше.

К середине августа в Молдавии сложилась ситуация, поразительно напоминающая Сталинград. Немецкая 6-я армия (опять она!) занимала выступ, глубоко вдающийся в линию фронта, а ее фланги прикрывали румынские войска — 3-я и 4-я армии (опять они!). Наверное, немцам следовало хотя бы из суеверия присвоить злосчастной армии другой номер, а то она просто напрашивалась на неприятности, хотя теперь ею командовал генерал Фреттер-Пико, а вовсе не Паулюс.

Замысел операции был прост — нанести удары на двух далеко отстоящих участках фронта: северо-западнее Ясс и южнее Бендер, там, где оборону держали румынские войска. В случае успеха 6-я армия в полном составе оказывалась в котле и могла разделить судьбу своей предшественницы. Советское командование сосредоточило значительные силы и на участках прорыва создало многократное превосходство в живой силе, танках и артиллерии. Например, удалось довести плотность артиллерии до 280 стволов на километр фронта, о чем ранее не рисковали даже думать. Главным же отличием от Белорусской операции было то, что на южном участке фронта местность была гораздо более благоприятной для использования танков, поэтому здесь было собрано 1870 танков и САУ.

Наступление обоих фронтов началось 20 августа после мощной артиллерийской подготовки. Артиллерийский удар был настолько силен, что местами первая полоса немецкой обороны была сметена. Вот воспоминания одного из участников наступления:

«Когда мы двинулись вперед, то на глубину примерно десять километров местность была черной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный

рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступала от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья».

Войска 2-го Украинского фронта генерала Малиновского в первый же день прорвали главную линию обороны, а 27-я армия — и вторую тоже. За один день наши войска продвинулись на 16 километров. Командующий Группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер позднее писал, что в расположении его армий начался хаос. Чтобы хоть как-то приостановить стремительно развивающееся наступление, он бросил в контратаку под Яссами 3 пехотные и 1 танковую дивизии. Но успеха эта атака не имела. В середине дня Малиновский ввел в прорыв 6-ю танковую армию, которая нанесла удар по третьей и последней линии обороны немцев.

Совершенно непонятно из каких соображений, но Советская военная энциклопедия вдруг начинает нести полную чушь, рассказывая о втором дне операции. Дескать, «противник подтянул к району прорыва 2-го Украинского фронта части 12 дивизий, в том числе двух танковых, и контратаками попытался остановить его наступление». Да не было у Фриснера в помине таких сил. Он ни единым словом не упоминает ни о каких контратаках 21 августа. Наоборот, все его помыслы были сосредоточены на одном — как бы организовать более или менее упорядоченный отход войск за Прут или даже Дунай. Фриснеру совсем не хотелось, чтобы его дивизии разделили судьбу войск фельдмаршала Буша, поэтому он плюнул на хваленую немецкую дисциплину, плюнул на приказы фюрера и распорядился начать отвод войск. Но было уже поздно. Советские танки оказались глубоко в немецком тылу, отрезав штабы корпусов от штаба 6-й армии. Генерал Фреттер-Пико не захотел присоединиться к командующему **первой** 6-й армией и поспешно перевел свой штаб подальше в тыл. Настолько поспешно, что потом ему пришлось долго отмываться от обвинений в бегстве с поля боя. Фриснер пытается его оправдать, но сам тут же пишет,

что штаб группы армий был вынужден взять командование дивизиями на себя. Такое делают не от хорошей жизни.

На фронте румынской 3-й армии наше наступление также развивалось успешно. 22 августа 3-й Украинский фронт окончательно отсек немецкую 6-ю армию от румынской 3-й армии. Генерал армии Толбухин правильно оценивал потенциал той и другой, а потому решил предоставить румын самим себе, сосредоточив основные усилия на действиях против правого фланга немецкой армии. В прорыв были брошены 4-й гвардейский и 7-й механизированный корпуса, которые начали быстрое продвижение на запад, немного отклоняясь к северу, чтобы на берегах Прута встретиться с частями Малиновского. Уже 23 августа 18-й танковый корпус Малиновского захватил Хуши, а механизированные корпуса Толбухина захватили переправы в Леушени и Леово. На третий день операции окружение немецкой 6-й армии было завершено! А темпам продвижения советских танков позавидовал бы сам Гудериан.

Кстати, после войны полыхнула еще одна битва под Яссами — сражение мемуаров, в которых Гудериан и Фриснер усиленно старались спихнуть вину за эту катастрофу друг на друга. Впрочем, будем снисходительны к панцер-генералам. Положение не смог бы спасти никто из них, да и вообще следовало бы рассуждать не о немецких ошибках (а кто их не допускает?), а о правильных решениях Малиновского и Толбухина. Дело в том, что на этот раз не повторились промахи Корсунь-Шевченковской операции. 6-я танковая армия, не задерживаясь и не отвлекаясь ни на какие «фронты окружения», продолжала развивать наступление на юг, в направлении Бухареста. Вы хотели блицкрига? Вы его получили!

Тем временем войска советской 46-й армии форсировали Днестр и начали наступать в юго-восточном направлении. 23 августа, когда было замкнуто кольцо вокруг основного котла, 46-я армия, что называется мимоходом, прихлопнула румынскую 3-ю армию, которая капитулировала, практически не оказав сопротивления. Толбухин как в воду глядел, когда не пожелал выделять для борьбы с ней крупные силы. 3 дивизии и 1 бригада сдались. Это оказалось последней каплей, которая сломила решимость правящих кругов Румынии продолжать борьбу. Вечером 23 августа в Бухаресте произошел «государственный переворот», как иногда

пишут наши историки. Хотя какой это был переворот? Король Михай сместил премьер-министра Антонеску и назначил на его место другого генерала — К. Санатеску. В 23.30 по радио была передана декларация короля о прекращении военных действий против союзников. На такой результат операции советское командование не рассчитывало — Германия потеряла еще одного союзника. Хотя и здесь СВЭ не удержалась от того, чтобы не рассказать еще одну сказку об «антифашистском восстании под руководством Коммунистической партии». Самое смешное, что современные историки эту сказку повторяют, хотя буквально через пару страниц абсолютно серьезно пишут, что Коммунистическая партия Румынии насчитывала менее 1000 человек и никаким влиянием не обладала.

В общем, к 23 августа был сформирован внутренний фронт окружения, в котором находилось 18 немецких дивизий. О том, как они были разгромлены, генерал Фриснер скромно умалчивает. Он вообще сваливает всю вину за разгром 6-й армии на румын и... Гудериана. Сам он совершенно не виноват, а советские войска как бы при сем присутствовали, не более.

Большой котел сразу развалился на два меньших, ликвидация которых была завершена 27 и 29 августа. После чего операцию можно было считать завершенной. Ясско-Кишиневская операция характерна очень небольшими потерями советских войск — всего около 67 000 убитых и раненых, тогда как немцы потеряли около 250 000 человек. Это наступление имело и более отдаленные последствия — оно открыло советским войскам путь к границам Болгарии. В результате 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии, однако уже 9 сентября эта «война без выстрелов» завершилась.

Осенью 1944 года ОКХ пришлось во второй раз заняться неблагодарным делом — заново формировать 6-ю армию. Кстати, мало кто знает, но в последние дни боев в Сталинграде Гитлер приказал собрать по одному солдату из каждой из окруженных дивизий, чтобы они стали «ядром» новой 6-й армии «мстителей». Теперь заниматься подобными глупостями уже было некогда, и армию формировали вокруг успевшего бежать штаба Фреттер-

Пико. Любопытно будет сравнить состав этой злосчастной армии в различные периоды ее существования.

19 ноября 1942 года в день начала советского наступления под Сталинградом: XIV танковый корпус (60-я и 3-я моторизованные, 16-я танковая, 94-я пехотная дивизии); LI корпус (389, 295, 71, 79-я пехотные, 100-я егерская, 24-я танковая дивизии); VIII корпус (113-я, 76-я пехотные дивизии); XI корпус (44-я, 384-я пехотные дивизии), 14-я танковая дивизия напрямую подчинена штабу армии.

Воссозданная армия на **9 апреля 1943 года**: XVII корпус (302, 306, 294-я пехотные дивизии); XXIX корпус (336-я, 16-я моторизованная, 15-я авиаполевая дивизии); XXIV танковый корпус (11-я пехотная, 454-я, 444-я охранные дивизии); корпусная группа «Митш» (335-я, 304-я пехотные, 3-я горно-стрелковая дивизии); штабу армии подчинены 79-я и 17-я пехотные, 23-я танковая дивизии.

15 августа 1944 года:

VII корпус (румынская 14-я пехотная, 370-я, 106-я пехотные дивизии); LII корпус (294, 320, 384, 161-я пехотные дивизии); XXX корпус (384, 257, 15, 306, 302-я пехотные дивизии); XXXIV корпус (258, 282, 335, 62-я пехотные дивизии); 13-я танковая дивизия подчинена непосредственно штабу армии.

16 сентября 1944 года:

LVII танковый корпус (76-я пехотная, 4-я горно-стрелковая, остатки 20-й танковой дивизии), 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер», группа «Винклер». То есть от августовского состава не осталось ничего.

Как мы видим, сразу после разгрома под Сталинградом погибшие дивизии не были восстановлены, несмотря на театральный жест фюрера. Зато приятно отметить, что 384-я пехотная дивизия попала под раздачу дважды — под Сталинградом и под Кишиневом. Ну не везет. Впрочем, мы несколько отвлеклись.

Резюме. Бои 1944 года показали, что советское командование постепенно овладело искусством блицкрига — стремительных рассекающих ударов, окружения вражеских армий противника и их последующего уничтожения **с одновременным** развитием успеха

танковыми частями. Эта деталь особенно важна, поскольку лишь летние наступления продемонстрировали это в полной мере. В ходе зимних операций наше командование по-прежнему слишком большое внимание уделяло окруженным группировкам. Летом 1944 года советскому командованию удались несколько операций в стиле классического блицкрига, которые достойны быть вписаны в любой учебник. Именно в этот период произошел коренной перелом в психологии солдат и командиров, в их мастерстве и выучке.

Глава 14

ДЕШЕВАЯ ПАРОДИЯ

Все английские историки с пеной у рта отвергают гнусные обвинения, будто Монтгомери ничего не понимал в танковой войне. Действительно, ну как может фельдмаршал сэр Бернард Лоу Монтгомери, виконт Аламейн, рыцарь Ордена Подвязки, рыцарь Большого Креста Ордена Бани и прочая, и прочая, и прочая, ничего не понимать в танковой войне? Прозрел он ее насквозь и провидел дотла. Правда, результат для британской армии получался более чем плачевный. Причем неоднократно. Особенно тяжело ей обходились победы фельдмаршала, поражения армия переносила как-то легче.

Первый сокрушительный удар от Монтгомери британская 8-я армия получила под Эль-Аламейном. Когда еще победитель теряет 500 танков, а побежденный вдвое меньше? Далее Монтгомери продолжал совершенствовать свое полководческое искусство. Следующий удобный случай представился ему весной 1943 года во время последних боев в Африке. Конечно, мы ни в коем случае не поверим завистливым американцам, которые утверждали: «Это просто мелкий человечишка, который однажды сорвал крупный куш. Он не будет рисковать неудачей после успеха, никому не станет помогать и думает только о себе». Действительно, только прирожденный полководец решится бросить на прорыв укрепленной линии целых два батальона, пока два корпуса бригады будут ждать, чтобы войти в прорыв...

Впрочем, мы несколько затянули вступление. Так или иначе, но войска Монтгомери сумели добраться до Нормандии. Как это

произошло — история не знает, но только именно в Нормандии союзникам вообще и Монтгомери в частности подвернулась удачная возможность в первый раз за всю войну провести операцию блицкрига. Ведь именно там немцы в 1940 году показывали, как все это делается. И если в Африке у Монтгомери это не получилось, несмотря на убедительные уроки Роммеля, то здесь в качестве учителя должна была выступать тень отца Гам... тьфу, Гудериана.

История эта началась 6 июня 1944 года, когда войска союзников высадились на побережье Нормандии. По плану операции английский 1-й корпус должен был в первый же день операции овладеть городом Кан. И если береговая оборона немцев на английском участке высадки рухнула практически сразу (фильм «Спасение рядового Райана» показывает события на участке «Омаха», а не «Голд» или «Джюно», где высаживались англичане), то с продвижением в глубь полуострова Монтгомери почему-то не спешил. Подчиненные ему генералы правильно понимали своего командующего и тоже не спешили. В итоге англичане проковырялись на берегу чуть ли не до вечера, а когда наконец-то собрались двинуться на Кан, туда успела подтянуться 21-я танковая дивизия немцев. Кстати, единственная на всю Нормандию. Впрочем, будем справедливы: с развитием успеха плохо было не только у англичан, но и у американцев.

Английские историки уверяют нас, что пройти целых 10 километров от берега до Кана британская пехота в течение дня не могла. Ладно, поверим им. Но что делали в это время танки? На побережье были высажены 8-я и 27-я бронетанковые бригады, каждая из которых имела более 200 танков. Небольшая справка: немецкая 21-я танковая дивизия имела всего 160 танков и штурмовых орудий. Самое обидное для английских командиров, что теперь им было крайне трудно придумать оправдание своему слишком медленному продвижению. На вооружении у них давно стояли «Шерманы», а не знаменитые «Матильды», поэтому сослаться на тихоходность и плохую проходимость было нельзя. Еще более сложным положение англичан делало полное и безоговорочное господство в воздухе. И если британская авиация не умела поддерживать свои войска, то охотиться за вражескими колоннами она научилась. В течение дня 21-я танковая дивизия потеряла

70 танков из 124, но город Кан англичане захватить так и не сумели. Этот мелкий эпизод очень характерен для действий Монтгомери — изнуряюще методичных и запредельно осторожных. Я подозреваю, что, если бы в 1940 году в Ливии армией командовал не О'Коннор, а Монтгомери, никакого успеха англичане там не добились бы.

Кстати, по плану операции в первый же день высадки предполагалось занять и маленький городок Виллер-Бокаж. Если бы это было сделано, британская армия избежала бы серьезного конфуза, а один из немецких танковых асов лишился бы фантастической победы. Англичане добрались до Виллер-Бокажа только утром 13 июня, это сделала 7-я бронетанковая дивизия, которую Монтгомери считал своим «лучшим игроком». Чего стоит этот игрок, выяснилось буквально через несколько часов.

Авангард 22-й бронетанковой бригады (кстати, маленькое уточнение: слишком многие источники неправильно называют пострадавшее английское подразделение. Мы уже писали о привычке англичан к пышным названиям. Так вот, это был эскадрон «А» 4-го полка йоменов графства Лондон) решил сделать небольшую остановку в городке, что увидел оберштурмфюрер СС Михаэль Виттман. По его мнению, англичане слишком рано решили, что война выиграна, и он взялся разъяснить англичанам их заблуждение. «Тигр» Виттмана ворвался в городок, стреляя направо и налево. Результатом стало уничтожение 11 танков (5 «Кромвелей», 1 «Шерман-Файрфлай», 3 M5A1 «Хони», 2 командных танка) и 10 бронетранспортеров. За такое достижение Виттман был награжден Мечами к своему Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями и получил звание гауптштурмфюрера. За это же самое достижение подполковник Крэнли не получил ничего. Совершенно ничего. Да разве может такая досадная мелочь отразиться на биографии Артура, виконта Крэнли, считающего свой род поименно с XIII века?!

А сейчас мы сделаем небольшой прыжок во времени и перенесемся в конец июля 1944 года. Все планы и графики операции «Оверлорд» полетели кувырком, но все-таки, провозившись долго и очень долго, союзники начали наступление с пятачка в Нормандии. 25 июля американские войска нанесли удар под Сен-Ло с ру-

бежа, который планировалось достичь на пятый день операции, то есть 11 июня.

Здесь будет уместным обратиться к мемуарам генерала Омара Брэдли, командовавшего американской 12-й Группой армий:

«Как только план операции «Кобра» был готов, я рассказал о нем Паттону, поскольку ему предстояло включиться в боевые действия после того, как они развернутся. 18 июля, за два дня до того, как мы намеревались изложить наш план корреспондентам, находящимся при 1-й армии, Диксон (начальник разведки 1-й армии) явился ко мне, багровый от возмущения.

— Мы узнали от наших корреспондентов, генерал, — сказал он, — что Паттон рассказал об операции «Кобра» представителям прессы при 3-й армии.

— Проклятье! — воскликнул я и бросился к телефону, но Джорджа не было на месте.

Паттон сам позвонил мне и принес свои извинения и объяснения. Да, он рассказал штабу о плане прорыва 1-й армии, но корреспонденты не были допущены на это совещание. План разгласил корреспондентам его офицер по связям с прессой».

Вот такие интересные были представления у американцев о военной тайне. Но еще более удивительно то, что хваленый Абвер так и не сумел воспользоваться подобным беспрецедентным разгильдяйством.

Наступление началось с авиационных налетов. 24 июля стратегические бомбардировщики союзников разбомбили американскую 30-ю пехотную дивизию. 25 июля началась операция «Кобра». Первыми удар нанесли истребители-бомбардировщики Р-47 «Тандерболт». За ним появились 1495 тяжелых бомбардировщиков В-17 и В-24, которые сбросили 3370 тонн бомб. За ними прилетели 380 средних бомбардировщиков В-26. Этот удар был поистине сокрушительным, в полосе 7000 на 2500 ярдов не уцелело ничего. Правда, вот беда — часть этой полосы снова накрыли американские войска. Результат соответствовал усилиям — более 600 убитых, в том числе командующий Сухопутными силами союзников генерал-лейтенант Лесли МакНейр. Самое интересное,

что даже после этого командование британских Королевских ВВС упрямо твердило, что самолет поля боя ему не нужен. Неудивительно, что американский VII корпус сумел продвинуться не более чем на 1,5 километра. Похоже, американцы имели весьма своеобразные представления о темпе операций, потому что командир корпуса генерал Коллинз получил прозвище «Молниеносный».

Особенно удивляться такому развитию событий не приходится. Дело в том, что ни англичане, ни американцы не считали необходимым создавать танковые соединения на уровне корпусов и армий. VII корпус имел 4 пехотные и 2 танковые дивизии, VIII — 4 пехотные и 1 танковую. Да, уровень механизации англо-американских корпусов намного превосходил все, что имели остальные армии, и приставка «механизированный» к их номерам была просто бессмысленной, это само собой подразумевалось. Однако дело в том, что уровень механизации войск повышал их мобильность, но не ударную силу корпусов. Они могли эффективно продвигаться после прорыва вражеской обороны, но, столкнувшись с маломальски серьезным сопротивлением, американский прорыв глох сам собой. Еще больше осложняло положение отсутствие авиации поля боя. Еще не раз и не два американские стратегические бомбардировщики вываливали десятки тонн бомб на головы собственным солдатам, прежде чем командование поняло: штурмовики нужны не только на атоллах Тихого океана, но и на полях Европы. Британские маршалы авиации этого понять не сумели ни в годы войны, ни после.

На следующий день корпус Коллинза снова нанес удар по позициям Учебной танковой дивизии, стоявшей перед ним. Но американская 3-я танковая дивизия была остановлена контратакой **двух рот** 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх». 27 июля американцы продолжили наступление, и немцы уже не могли сдержать его по очень простой причине — против каждого немецкого батальона американцы выставляли свою дивизию. Против 2 корпусов в полосе наступления немцы имели всего 2 дивизии неполного состава. В результате американская 4-я танковая дивизия к вечеру 28 июля вышла к Кутансу, создав угрозу окружения немецкого LXXXIV корпуса. Генерал фон Хольтиц решил отвести свои войска, пока не поздно. Американцы имели все шансы отрезать и прижать к морю 7 дивизий корпуса, но генерал Коллинз не сдал

экзамена по предмету «блицкриг». Вместо того чтобы развивать успех, он остановил танки и при этом даже не попытался подтянуть пехоту, чтобы усилить авангард. Приказ генерала был прост: всем стоять на своем месте. В результате часть немецких сил просочилась сквозь тонкое полукольцо, часть просто отошла на юг. Недаром командовавший американской 1-й армией генерал Омар Брэдли в своих мемуарах рассказывает только о прорыве немецкого фронта, отделываясь невнятной скороговоркой в отношении последующих событий. Степень непонимания американцами природы войны лучше всего показывает сам план операции «Кобра» — после прорыва немецкого фронта был предусмотрен период консолидации своих позиций.

Однако оборона немцев рухнула, и американцам волей-неволей пришлось перейти к фазе преследования. Однако и здесь действия американцев отличались неповторимым своеобразием. Командовавший немецкими войсками на западе фельдмаршал фон Клюге опасался удара на восток, к Майену и Алансону, что привело бы к окружению его сил, но американцы двинулись на юг, где единственным противником могли быть гарнизоны портов на Атлантическом побережье Франции. Но американцы восхищаются этим бесцельным и бессмысленным «бегом на юг». Именно он принес новую славу Джорджу Паттону, который, по мнению американских историков, является одним из трех величайших полководцев: Александр Македонский, Цезарь и Паттон. Как говорится, комментарии излишни.

И все-таки левый фланг Группы армий «Б» оказался висящим в воздухе. Следовало как-то исправлять положение, и Адольф Гитлер нашел выход. Вместо того чтобы отойти на рубеж реки Сена, он решил во что бы то ни стало удержать противника в Нормандии с помощью мощного контрудара. Так родился план операции «Люттих». XLVII танковый корпус в составе 2-й и 116-й танковых дивизий должен был прорваться вдоль реки Вир к побережью Атлантики и отрезать зашедшие далеко на юг дивизии Паттона. Его должны были поддерживать остатки 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх» и только что прибывшая 9-я танковая дивизия. Предполагалось также снять с фронта у Кана 1-ю танковую дивизию СС «Лейбштандарт» и включить в состав ударной груп-

пы. Наступление предполагалось начать 6 августа из района Мортена.

Началась сложная шахматная партия, состоявшая из дебюта, миттельшпиля и эндшпиля. Черные, в смысле немцы, задумали авантюрную атаку прямо из дебюта, не развив фигуры. Гитлер давно уже потерял всякое чувство реальности, поэтому никого не удивляет его приказ: «Исход битвы за Францию зависит от успеха наступления. Верховное командование «Запад» получило уникальную возможность, которая больше не повторится, прорвать слишком растянутый фронт противника и таким образом полностью изменить ситуацию». Блицкриг, понимаешь. Напомним, что в это самое время на Восточном фронте завершалась Белорусская операция и начиналась Ясско-Кишиневская. В такой обстановке только и мечтать о решающих наступлениях. Поэтому Клюге смотрел на вещи более реально и полагал, что этот удар позволит ему более спокойно отвести войска за Сену. В телефонном разговоре с фельдмаршалом Гитлер пообещал передать ему 60 «Пантер», находившихся в резерве около Парижа, и 80 T-IV из состава 11-й танковой дивизии, дислоцированной в Южной Франции. Уже из этих цифр становится понятно, какими ничтожными силами располагали немцы во Франции.

Американское командование предвидело возможность этого контрудара, но не знало деталей. В последний момент поздно вечером 6 августа командир XLVII танкового корпуса генерал фон Функ по телефону потребовал от командующего 7-й армией генерала Хауссера отложить атаку, так как 1-я танковая дивизии СС не успела прибыть к Мортену. Одновременно он потребовал снять командира 116-й танковой дивизии графа фон Шверина, который отказался передать танковый батальон 2-й дивизии. Операция еще не началась, а среди германских генералов уже заполыхали склоки. Хауссер отказался переносить начало наступления, так как знал, какое значение придает ему фюрер, но разрешил Функу задержку на 2 часа. Для атаки немцы сумели наскрести всего 120 танков и 32 штурмовых орудия. Атаку планировалось начать ночью, чтобы избежать ударов авиации союзников. Немецкий блицкриг получался каким-то одноногим.

Сразу после полуночи немцы пошли в наступление без предварительной артподготовки. На юге 2-я танковая дивизия СС «Дас

Райх» сумела ворваться в Мортен и двинулась дальше. Наносившая главный удар 2-я танковая дивизия сумела продвинуться на 8 километров, но была остановлена 119-й пехотной дивизией. Наступавшая на севере 116-я танковая дивизия просто не сумела начать атаку. Ее участок фронта должна была занять 84-я пехотная дивизия, но граф фон Шверин вдруг засомневался: а сумеет ли пехота, в случае чего, выдержать давление американцев? И в результате наступление отменил. Раньше ничего подобного в немецкой армии просто не могло произойти. В результате операция «Люттих» провалилась, фактически не начавшись. Из 6 боевых групп в намеченное время атаковали только 3, а четвертая перешла в наступление с опозданием на 5 часов.

Сначала американцы восприняли происходящее довольно спокойно. Сообщение штаба VII корпуса в штаб армии было чистой правдой: «Нескоординированные атаки отдельных подразделений». Лишь после того как рассвело, стали ясны истинные масштабы немецкого наступления, и тогда Коллинз запаниковал. Особенно его встревожило продвижение танков 2-й дивизии, которое угрожало прорывом фронта. Коллинз бросил навстречу ей сначала 3-ю танковую, а потом еще и 2-ю танковую дивизии. Одновременно он начал выдвигать к линии фронта резервы, сосредоточив вблизи Мортена все свои 5 пехотных и 2 танковые дивизии.

С наступлением рассвета немцы остановились и стали ждать неизбежных воздушных атак. В дело вступили вооруженные ракетами английские «Тайфуны» и американские «Тандерболты». Летчики совершили около 500 вылетов и радостно сообщили об уничтожении 120 немецких танков, то есть они как бы полностью уничтожили немецкую ударную группу, хотя сами немцы этого не заметили. Однако авиация союзников все-таки сыграла свою роль, остановив противника. В результате немецкое наступление вылилось в серию столкновений местного значения.

Гитлер пришел в бешенство, поскольку операция «Люттих», на которую он возлагал такие большие надежды, провалилась. Виновником неудачи он назначил фельдмаршала Клюге. Под горячую руку попал и граф фон Шверин, которого отстранили от командования. Все еще лелея надежды на гр-рандиозный успех, фюрер приказал двинуть к Мортену 9, 10 и 12-ю танковые диви-

зии СС, сняв их с фронта английской армии. Так постепенно начал формироваться пресловутый Фалезский мешок.

Следующий ход в этом сложном дебюте сделали союзники. 8 августа в наступление перешла 1-я канадская армия, ее целью был как раз Фалез. Клюге пришлось принимать спешные меры, так как Гитлер оставил этот участок фронта без танковых частей. 10-я танковая дивизии СС «Фрундсберг» уже убыла к Мортену, но остальные две дивизии Клюге успел остановить. Немцы планировали возобновить наступление на Мортен вечером 9 августа (опять же под покровом темноты, чтобы укрыться от истребителей-бомбардировщиков союзников), но им пришлось делать выжидательный ход, отложив его на сутки. Хотя канадцев удалось остановить, имелись все основания подозревать, что наступление будет продолжено. А тут еще американцы сделали ход на противоположном фланге. Армия Паттона заняла Ле Ман, в результате чего начал вырисовываться глубокий охват немецких сил в Нормандии, хотя американцы к этому совсем не стремились. Клюге был вынужден задержать 9-ю танковую дивизию в Алансоне.

Тем временем Гитлер затеял сложную перестройку фигур. По-русски это называется «сделать оргвыводы и принять меры». Для начала был отстранен генерал Функ, командовавший наступлением, и руководство взял на себя командующий Танковой группой «Запад» генерал Эбербах. Но Эбербах решил отложить новое наступление до 20 августа. Первая попытка немецкого блицкрига на Западном фронте провалилась с треском, слишком уж велико было неравенство сил. Впрочем, она дала определенные результаты. Части 5-й танковой и 7-й армий сами залезли в мешок в районе Фалеза.

Однако ставшему командующим 12-й Группой армий генералу Брэдли понадобилось много времени, чтобы осознать это. До командующего 3-й армией «гениального полководца» Паттона смысл происходящего вообще не дошел. Он продолжал гнать свои войска в самых различных направлениях, стремясь занять как можно большую территорию, и постоянно требовал у Брэдли подкреплений, «чтобы обеспечить свои фланги». Вместо нанесения одного мощного удара он двинул свои войска, что называется, по всему горизонту. XV корпус наступал на воток, XX корпус — на юго-восток, VIII корпус двигался на юг, не очень понятно зачем.

В своей книге генерал Брэдли приводит карту, изображающую положение во Франции на 14 августа, где положение армии Паттона гордо названо «линией фронта». Но ведь у линии фронта просто обязаны быть две стороны, а в данном случае вторая сторона, немецкая, отсутствовала. Дивизии Паттона катились по территории Франции в прогулочном режиме. А с учетом вспыхивающих тут и там восстаний французского Сопротивления можно сказать, что Паттон сумел реализовать розовую мечту советских довоенных теоретиков — глубокую операцию в ее кристально чистом виде. Это был глубокий прорыв механизированных сил, который немедленно приводил к **политическим** результатам — свержению «ненавистного антинародного режима». Вот такая странная ирония судьбы получается.

Иногда на карте театра военных действий складывается такая картина, которую способен понять даже американский генерал. И вот во время совещания Брэдли с Эйзенхауэром было решено попытаться захлопнуть ловушку, в которую немцы сами залезли. На всякий случай американцы проконсультировались по телефону с Монтгомери, и тот согласился с изменением планов. Однако, не желая упускать свой кусочек лавров, Монти потребовал, чтобы канадцы продолжали наступление, и котел был образован совместным ударом на Фалез с севера и юга. Оставалась сущая мелочь — найти силы для решающего удара. В советской или немецкой армиях с этим не возникло бы никаких проблем. Наши командиры могли выделить танковую армию, немцы — примерно равный ей по силам танковый корпус, но для западных союзников это была трудноразрешимая задача, потому что у них не было ни того, ни другого.

Как мы уже говорили, генерал Паттон ничего не понимал в происходящем, поэтому, даже получив недвусмысленный приказ Эйзенхауэра, попытался наступать в две стороны одновременно. Часть сил XV корпуса (но только часть!) он направил на Алансон, чтобы оттуда выйти к Аржантану. В результате к Алансону вышли только американская 5-я танковая и французская 2-я танковая дивизии. Завязались упорные бои, так как немцы совсем не были расположены отдавать город. Бои шли двое суток, после чего союзникам удалось-таки прорваться к Аржантану. Бои вокруг этого города отличались не меньшим упорством, но когда французы

13 августа все-таки вошли в Аржантан, немецкие танковые резервы почти сразу выбили их оттуда.

Действия Брэдли и Монтгомери в это время отмечены большим глубокомыслием. Немцы в результате своего неудачного наступления глубоко увязли на фронте Вир — Мортен — Барантон. Худо ли, хорошо ли, но 3-я армия Паттона наступала на Аржантан, поэтому мощный удар от Кана на Фалез и далее на Аржантан отрезал две немецкие армии. Вместо этого общими силами двух групп армий 10 августа было начато **фронтальное** наступление, которое, наоборот, выжимало немцев из намечающегося котла.

И все-таки положение немцев продолжало ухудшаться. Гитлер упрямо цеплялся за идею контрудара и не позволял отвести войска на линию Сены, хотя этот контрудар окончательно потерял всякий смысл. Модель и Эбербах были поставлены перед тяжелой задачей спасти то, что еще можно спасти, но при этом не слишком рассердить фюрера. Поэтому Эбербах перебросил к Аржантану 116-ю танковую дивизию и в очередной раз отложил начало наступления, теперь до 14 августа. Что на самом деле думал генерал — остается загадкой. Я не хочу огульно обвинять всех германских генералов, но если уж начальник ОКВ носит ласковое прозвище Лакейтель, это тоже кое о чем говорит. Эбербах хотел нанести удар с востока, отрезать и уничтожить прорвавшиеся две танковые дивизии союзников. Но, собрав под Аржантаном 1-ю танковую СС, 2-ю и 116-ю танковые дивизии, Эбербах обнаружил, что имеет всего 70 танков, в то время как каждая из дивизий союзников имела более 200 танков.

Но 13 августа все встало с ног на голову. Высшее командование союзников еще раз показало, что законы войны для него остаются тайной за семью печатями. Никакие попытки найти маломальски удовлетворительное объяснение произошедшему далее не приносят успеха, а объяснения многозвездных генералов US Army звучат как детский лепет. Впрочем, приведем ставшую знаменитой телефонограмму Паттона: «Наши части в Аржантане. Позвольте мне двинуться на Фалез, и мы сбросим англичан в море, устроив им второй Дюнкерк». Когда о ней стало известно, Эйзенхауэру пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы замять вспыхнувший скандал.

К 13 августа между канадскими и американскими войсками,

находящимися в Фалезе и Аржантане, оставалось около 30 километров. Оставалось сделать последнее небольшое усилие, и в мешке оказались бы 2 штаба армий, 4 штаба корпусов и 15 немецких дивизий. В то, что двигающиеся со скоростью улитки войска Монтгомери сумеют закрыть горло мешка, верилось с трудом, но ведь это могли сделать американцы.

Что же говорит обо всем этом одно из главных действующих лиц — генерал Омар Брэдли?

«Пока мы нетерпеливо ожидали Монти в Аржантане, противник усилил оборону коридора. Авангарды танковых войск и частей СС уже отходили через коридор, направляясь к Сене. Но вместо того, чтобы удвоить усилия и отрезать немцам путь отхода, Монти увеличил давление на противника, оставшегося в западной части котла. Он не закрыл брешь у Фалеза, а продолжал оттеснять противника к Сене. Если тактика Монти озадачивала меня, то Эйзенхауэра она просто пугала. А на командном пункте 3-й армии, где пораженные офицеры беспомощно наблюдали, как ускользает от них добыча, Паттон проклинал Монтгомери за грубую ошибку. Джордж был раздражен вдвойне, потому что ему самому не разрешили закрыть проход. Но Монти никогда не возражал, а я никогда не предлагал закрыть проход между Аржантаном и Фалезом силами только американских войск. Я вполне довольствовался нашей первоначальной задачей и не хотел брать на себя другую.

Хотя Паттон мог закрыть эту узкую горловину, я сомневался, что он сможет удержать ее. Девятнадцать немецких дивизий панически стремились вырваться из ловушки, а Джордж с четырьмя дивизиями и без того блокировал три главных пути отхода через Алансон, Се и Аржантан. Если бы он продвинул свои войска до Фалеза, ему пришлось бы охватить дополнительный участок в 65 километров. Стремительно отходящий противник мог не только прорваться, но и смять Паттона. Я, конечно, предпочитал прочно удерживаться на рубеже у Аржантана, вместо того чтобы идти на Фалез, рискуя сломать шею.

Кроме того, я не хотел рисковать столкновением двух армий, что могло случиться, если бы Паттон двинулся на Фалез. Всякое встречное движение становится опасным и не поддающимся кон-

тролю маневром, если каждая из сторон не будет остановлена на определенном рубеже в соответствии с заранее согласованным планом. Беспорядочное вклинение американцев в боевые порядки наступающих войск Монтгомери легко могло привести к опасной путанице, так как англичане могли принять нас за немцев. Однако, задержав Паттона в Аржантане, я не поставил об этом в известность Монтгомери. Это решение было только моим. Оно никогда не выходило за пределы моего командного пункта».

Судить я предоставляю вам. Блестящая возможность уничтожить две немецкие армии была упущена. Впрочем, фанфарон и хвастун Паттон не нуждался в лишних приглашениях и охотно повернул XV корпус на восток. Ведь там его ожидали лавры освободителя Парижа. Но самое обидное для него — этих лавров он так и не получил. Нарушив все приказы, в Париж первой вошла французская танковая дивизия генерала Леклерка.

Впрочем, у союзников нашелся очень влиятельный союзник, если позволить себе такую тавтологию. Гитлер отказался от мысли отрезать всю армию Паттона, но упорно продолжал требовать отрезать, окружить и уничтожить XV корпус. Как это мог сделать Эбербах, силы которого сократились уже до 60 танков, никому не приходило в голову. При этом фюрер в очередной раз запретил отводить войска из Фалезского мешка. Создалась совершенно безумная, невероятная ситуация: немцы по самые уши залезли в окружение и упрямо отказывались спасать свои армии, но союзники с еще большей настойчивостью и упрямством отказывались эти армии окружать и уничтожать. Шахматная партия, сначала развивавшаяся более или менее нормально, превратилась в настоящие поддавки.

16 августа канадцы доползли до Фалеза и заняли его. Горловина мешка сузилась до 20 километров. Командующий Группой армий «Б» фельдмаршал Клюге крутился, как на горячей сковородке. Он радировал ОКВ, что его танковые части не имеют ни танков, ни топлива, поэтому ни о каких наступательных действиях не может идти речи, следует думать только о спасении. Не дождавшись разрешения командования, Клюге своей властью приказал начать отвод войск из Фалезского мешка. При этом немцы су-

мели огрызнуться в последний раз. Остатки 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх» и 116-й танковой дивизии отчаянным ударом отбросили американскую 90-ю пехотную дивизию, немного расширив горловину.

Поздно вечером 16 августа немцы начали отвод войск из мешка. Там находились 9 пехотных и 6 танковых дивизий. К этому времени ширина Фалезского мешка сократилась до 25 километров, и он насквозь простреливался артиллерией союзников. Однако Гитлер решил еще более осложнить положение своих генералов и в самый напряженный момент снял командующего Группой армий «Б» фельдмаршала фон Клюге, заменив его фельдмаршалом Моделем, причем сделано это было в самой бесцеремонной манере. Вечером 17 августа Модель прибыл в штаб группы армий, привезя приказ о смещении Клюге. Тот правильно понял намек и на следующий день покончил с собой.

Модель, прозванный «львом обороны», должен был в очередной раз совершить невозможное. Он разрешил своим дивизиям бросить тяжелое вооружение и технику и бежать. Артиллерия союзников расстреливала немецкие колонны, истребители-бомбардировщики охотились за каждой замеченной машиной, но пехота и танкисты по совершенно непонятной причине хладнокровно следили за этим бегством. Робкая попытка 1-й польской танковой дивизии перекрыть горловину привела к тому, что в результате контрудара частей II парашютного корпуса генерала Менделя поляки сами оказались в окружении.

Точные цифры немецких потерь до сих пор остаются неизвестными. Предположительно немцы потеряли около 10 000 человек убитыми и 40 000 пленными. Самое любопытное, что потери союзников оказались лишь немногим меньше, если вообще меньше. Дело в том, что «победители» свои потери скрывали гораздо более усердно, чем побежденные. Известно только, что на одном северном фасе мешка союзники потеряли около 7000 человек убитыми. Потери армии Паттона, действовавшей на южном фасе, остались неизвестными.

Резюме. Во время боев в Нормандии трижды возникала ситуация, когда та или иная сторона могла попытаться провести операцию блицкрига. И все три раза эта возможность была упу-

щена, хотя всякий раз причина была иной. В начале операции «Кобра» после прорыва американских войск на юг никто из американских генералов просто не подумал о возможности окружить и уничтожить немецкие войска, имевшие совершенно открытый фланг и тыл. Паттона слишком соблазнила возможность занять как можно большую территорию. Попытка немцев провести операцию «Люттих» с целью отрезать прорвавшуюся 3-ю армию Паттона сорвалась по самой банальной причине — нехватке сил. Вдобавок немецкое командование, что было для него совершенно нехарактерно, не сумело реализовать свои планы из-за путаницы и хаоса в системе управления. Третья, самая блестящая возможность окружить и уничтожить целых две немецкие армии представилась союзникам в результате слишком упрямого желания Гитлера провести операцию «Люттих». Это был первый и единственный случай на Западном фронте, когда союзники могли устроить настоящий котел, но по совершенно непонятным и необъяснимым причинам это не было сделано. В пору заподозрить прямую измену со стороны этих генералов, но ведь не могли же оказаться изменниками два командующих группами армий, три командующих армиями да еще Верховный Главнокомандующий в придачу?!

Глава 15

БЛИЦКРИГ УЩЕРБНЫЙ

Интересно, заметил кто-нибудь, что за весь 1944 год Вермахт на Восточном фронте ни одного раза не попытался провести крупную операцию? Немцы лишь оборонялись, практически всегда безуспешно, что мы уже отмечали, а все их активные действия сводились к тактическим контрударам. Именно тактическим, потому что даже оперативную обстановку эти выпады исправить не могли. На Западе, впрочем, их действия тоже носили вынужденно пассивный характер, Германия все острее ощущала нехватку сил. Однако даже в такой обстановке немцы (если уж говорить совсем точно — Гитлер) дважды попытались переломить ход военных действий, более того — сбросить союзников в море. Первой была совершенно неудачная операция «Люттих», которая провалилась, фактически не начавшись. Второй стала операция «Вахт ам Рейн» —

зимнее наступление в Арденнах, которое изрядно потрепало нервы американцам и сильно подпортило отношения между ними и англичанами. Но давайте обо всем по порядку.

Еще 6 сентября 1944 года начальник штаба ОКХ генерал Йодль, всегда тонко чувствовавший настроения Гитлера, излагает фюреру свои соображения касательно «решающего крупного наступления на Западе». Однако Йодль изложил условия, при которых операция могла быть успешной, и сразу стало понятно, что планируемое наступление имеет очень немного шансов на успех, ведь самым главным было любым способом исключить противодействие союзной авиации. И все-таки немедленно началось формирование специальной армии для этого наступления, она получила название 6-й танковой. Небольшое уточнение: 6-й танковой армией СС она стала только в январе 1945 года, хотя ее чаще всего называют именно так. Немецкие генералы рассмотрели несколько вариантов наступления и выбрали некий средний: ударом из района Аахена и Северного Люксембурга прорвать фронт союзников и стремительным броском танковых частей выйти к Антверпену. Это позволило бы отсечь английскую 21-ю группу армий и устроить ей второй Дюнкерк. Да, мелочиться немецкие генералы не собирались.

11 ноября в ОКВ была создана специальная группа во главе с тем же Йодлем, которая занялась уже детальной разработкой плана операции «Вахта на Рейне». План операции был прост. Предполагалось, что ударная группировка на второй день наступления выйдет к реке Маас и создаст два плацдарма на ее западном берегу — между Льежем и Намюром. После этого танковые дивизии в течение последующих пяти дней выйдут к Амстердаму и разрежут армии союзников надвое. Задача облегчалась тем, что на 130-километровом фронте в Арденнах оборонялись всего четыре американские дивизии 1-й армии генерала Ходжеса. Впрочем, и у немцев положение тоже было далеко не блестящим. Скорее даже скверным оно было.

Формально ОКВ намеревалось собрать 9 танковых и 13 пехотных дивизий. Но что это были за дивизии! Большую часть пехоты составляли так называемые фольксгренадерские дивизии, которые по всем статьям уступали обычным пехотным. В то же время не следует путать их с фольксштурмом, который являлся

попросту ополчением. Фольксгренадерские дивизии немцы начали формировать осенью 1944 года после операции «Багратион», когда была уничтожена Группа армий «Центр». Главным их отличием было то, что они составляют всего шесть пехотных батальонов вместо девяти в нормальных дивизиях, а основным вооружением было легкое стрелковое. Вдобавок значительная часть личного состава не имела боевого опыта.

Только 22 октября с планом операции знакомят командующего Западным фронтом фельдмаршала Рундштедта и командующего Группой армий «Б» фельдмаршала Моделя, которым и предстояло заниматься его реализацией. Каждый из них предложил свой вариант плана операции, которые Йодль, разумеется, зарубил. По его плану главный удар наносила 6-я танковая армия, которая и должна была форсировать Маас под Льежем. Основу ее ударной мощи составлял 1-й танковый корпус СС, но, увы, он даже отдаленно не напоминал танковый кулак, наступавший под Курском. В него вошли 1-я и 12-я танковые дивизии СС, 12-я и 277-я фольксгренадерские дивизии и уж совершенно непонятно зачем 3-я парашютно-десантная дивизия. То есть его пехотные дивизии были откровенно слабыми, и рассчитывать на них всерьез группенфюрер Герман Присс не мог. 5-я Танковая армия наступала левее и имела задачу прикрывать 6-ю танковую от удара союзников с запада. О состоянии 5-й Танковой лучше всего говорит тот факт, что в его LXVI танковый корпус входили всего две фольксгренадерские дивизии, и ни одной танковой! Самая слабая 7-я армия действовала еще левее и имела задачу прикрывать фланги ударной группировки с юга. При этом генерал Йодль с прямотой отчаяния писал, что цели операции «не соответствуют имеющимся силам». Ведь, по расчетам ОКВ, в наступлении подобного масштаба должны были участвовать 15 танковых и 23 пехотные дивизии. У немцев не было и половины этого количества.

Гитлер подписал директиву о контрнаступлении 10 ноября. Буквально накануне генералы Брэдли (командующий 12-й Группой армий) и Эйзенхауэр (главнокомандующий союзников на Европейском ТВД) посетили штаб командира VIII корпуса генерала Миддлтона. Именно его корпус занимал позиции в Арденнах. Во время совещания все трое признали, что фронт американских дивизий слишком растянут, но это не представляет особого риска,

так как фольксгренадерские дивизии немцев неспособны ни к каким наступательным действиям. Более того, никто из американских генералов вообще не верил в немецкое наступление в Арденнах. В лучшем случае допускалась возможность отвлекающей атаки. После войны Миддлтон на вопрос о том, почему не были подготовлены оборонительные позиции, с наивностью младенца ответил: «А вы представляете, сколько людей и сил потребуется, чтобы отрыть траншею длиной 48 миль?»

Особое значение немецкое командование придавало диверсионной операции «Грейф». Командовать операцией должен был оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени. Ему же было поручено формирование отдельной 150-й бригады СС из солдат и офицеров, владеющих английским языком. Их предполагалось нарядить в американскую форму, вооружить трофейным оружием и посадить на американские бронетранспортеры. Бригада должна была войти в прорыв в полосе 6-й Танковой армии, обогнать ее и, не вступая в бои с американцами, выйти к мостам через Маас между Льежем и Намюром. Захватив мосты, бригада должна была удержать их до подхода главных сил.

Утром 16 декабря, перед самым наступлением, войскам был зачитан приказ Рундштедта: «Солдаты Западного фронта, пробил ваш великий час! Вы все сами чувствуете: все поставлено на карту! Выполняйте же свой долг, отдайте все силы и совершите сверхчеловеческое во имя нашего фатерланда и нашего фюрера!» Такие трескучие приказы, как правило, отдают командиры, оказавшиеся в отчаянной ситуации и переставшие верить в успех. И все-таки на участке наступления немцы сумели создать превосходство в силах, хотя это было не слишком сложно, учитывая откровенную слабость корпуса Миддлтона. Они имели в 2,5 раза больше танков и солдат и в 4 раза больше артиллерии. Последнее было важно, так как наступление началось в плохую погоду, мешавшую действиям авиации. Одно из условий Йодля оказалось выполненным! Однако метель мешала не только американцам, но и немцам.

На рассвете немецкая артиллерия открыла бешеный огонь по американским позициям, после чего в атаку пошли специально сформированные пехотные штурмовые батальоны. И в очередной

раз оправдалась старая шутка: «Любой план существует только до первого выстрела». Наступление на правом фланге 1-го танкового корпуса СС застопорилось, потому что именно в этот момент на позиции американской 99-й пехотной дивизии выдвинулась 2-я пехотная дивизия, чтобы сменить ее, и в результате 12-я и 277-я фольксгренадерские дивизии застряли практически на исходных позициях. Лишь на левом фланге парашютисты успешно двигались вперед, практически не встречая сопротивления. Начался процесс, смертельный для блицкрига, — сужение фронта наступления, однако им еще нужно было уметь воспользоваться. Впрочем, у наступающих проблемы возникают совершенно автоматически, в чем немцы убедились очень скоро.

Командующий 6-й танковой армией оберстгруппенфюрер Дитрих решил бросить в бой свои танковые дивизии уже в первый день наступления, так как темп наступления был слишком малым. Однако 12-я танковая дивизия СС тоже застряла, так как ей пришлось ждать восстановления взорванного американцами виадука. 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» вошла в прорыв в полосе 3-й парашютно-десантной дивизии и устремилась к Маасу. Но в результате наступление велось тонкой кишкой, которую американцы могли в любой момент перерезать. 5-я танковая армия также добилась успеха не на всем фронте наступления, а только на отдельных участках. 116-я, 2-я и Учебная танковые дивизии успешно двигались вперед, тогда как фольксгренадерские заметно отстали, что никого особенно не удивило. Командующий 7-й Армией генерал Бранденбергер умело воспользовался успехом дивизий фона Мантейфеля, и его 5-я парашютно-десантная дивизия, смяв американские заслоны, двигалась вровень с Учебной танковой дивизией. Однако в целом немецкое наступление с первого же дня развивалось не так, как хотели Дитрих и фон Мантейфель. Прорыв оказался заметно у́же, чем планировалось, единый фронт наступления немцы тоже не сумели выстроить. Он имел какие-то странные волнообразные очертания.

Американское командование узнало о начале немецкого наступления лишь через несколько часов. На спешно созванном совещании Эйзенхауэр решил бросить к участку прорыва две танковые дивизии: по одной с севера и юга. Порядок их использования должен был определить командующий 12-й Группой армий гене-

рал Брэдли. Это говорит о том, что американские генералы все еще не верили в серьезность происходящего. Они убедили себя, что немцы не способны на крупное наступления, а уж в Арденнах и подавно, и действовали соответственно.

Параллельно развивалась операция «Грейф», которую проводили диверсанты Скорцени. Хотя его батальон так и не сумел добраться до мостов через Маас, шуму в американском тылу он наделал изрядно. Генерал Паттон 17 декабря сообщал Эйзенхауэру: «Фрицы, прекрасно говорящие по-английски, навели шороху, резали провода, снимали дорожные указатели, обманывали целые дивизии и создали впечатление вклинения в нашу оборону». Американцам пришлось спешно заняться наведением порядка в собственном тылу. Кстати, наверное, это был чуть ли не единственный случай, когда немцы действительно использовали диверсионные соединения. Во всяком случае, во время операции «Барбаросса» постоянно звучавший вопль «Диверсанты!» не имел под собой никаких оснований.

Американцам пришлось срочно создавать целую сеть контрольно-пропускных пунктов, военная полиция допрашивала всех и вся, невзирая на погоны. Вопросы задавались такие, ответить на которые мог только настоящий американец, типа имени подружки Микки-Мауса. Правда, генерала Брэдли чуть не поймали, когда он совершенно правильно назвал столицу штата Иллинойс. Полицейский плохо выучил родную географию, и это создало проблемы для командующего группой армий. Кстати, кроме немцев американцы взяли в плен и большое количество англичан, не имевших никакого представления об американских реалиях.

В конце концов большинство диверсантов было уничтожено. Пойманных американцы расстреливали без особых сомнений, так как немцы носили чужую форму. Скорцени предполагал подобное, но не делился своими соображениями с рядовыми участниками операции, однако сам он и его окружение под американской формой носили немецкую на случай попадания в плен.

Как мы уже говорили, метели помешали союзной авиации, однако они же сорвали и высадку немецкого парашютного десанта — операцию «Штоссер». Высадка состоялась лишь 17 декабря в

03.00 в 11 километрах севернее важного опорного пункта Мальмеди. Они должны были перекрыть дорогу, идущую через Мальмеди, и не допустить переброски американских подкреплений с севера. Но десантники оказались разбросанными по большой площади и свою задачу не выполнили. Единственное, что сумел сделать командир отряда подполковник фон дер Хейдте, — это собрать часть своих солдат и организованно сдать их в плен 20 декабря. В общем, все диверсионные операции в американском тылу завершились для немцев неудачей.

17 декабря немецкое наступление продолжилось, и буквально утром этого дня американцам пришлось на собственном опыте убедиться, что зверства эсэсовцев — это не выдумка советской пропаганды. Недалеко от Мальмеди танкисты боевой группы «Пейпер» из состава 1-й танковой дивизии СС в ходе скоротечного боя разгромили 256-й наблюдательный артиллерийский батальон, взяв большое количество пленных. Обер-штурмбаннфюрер Пейпер уже прославился своими зверствами на Восточном фронте и, попав на Западный, своих привычек не изменил. Несколько десятков американцев были расстреляны. После войны Пейпера попытались судить и даже приговорили к пожизненному заключению за этот эпизод. То, что он в Советском Союзе уничтожал целые деревни вместе с жителями, американских судей не интересовало. Впрочем, не заинтересовали их и массовые расстрелы бельгийцев. «Пожизненное» заключение длилось всего 11 лет. В конце концов Пейпер переехал во Францию, где и был в 1976 году убит неизвестными лицами. Предполагается, что это были бывшие бойцы Сопротивления, хотя лично мне очень хотелось бы думать, что это была удачная операция КГБ.

Но мы немного отвлеклись. 17 декабря танки Пейпера продолжали наступление, хотя не так быстро, как ожидалось. Сам Пейпер говорил, что дорога, по которой они двигались, подходила для мотоциклов, но не для танков. В результате к вечеру он остановил свою колонну, растянувшуюся вдоль узкой дороги, так и не повернув на север. Здесь Пейпер допустил грубую ошибку, не захватив Мальмеди. В этом случае он мог прорваться к штабу 1-й армии или выйти к Льежу — крупнейшей базе снабжения союзни-

ков. Однако он предпочел скрупулезно исполнять приказ и двигался на запад, к Маасу. Тем не менее в американских штабах началась тихая паника. Омар Брэдли пишет:

«В ходе Арденнского сражения штаб 1-й армии вынужден был поспешно эвакуироваться из Спа, и, словно желая вознаградить себя за перенесенное унижение, офицеры этого штаба после боев начали рыться в донесениях и подбирать цитаты, «доказывающие», что 1-я армия предвидела опасность немецкого наступления, но ее предупреждения не были приняты во внимание в вышестоящем штабе, то есть в штабе группы армий. Такие утверждения 1-й армии являются чистой бессмыслицей, так как фон Рундштедту удалось ввести в заблуждение командование этой армии так же искусно, как и все остальное союзное командование. Я полностью принимаю на себя ответственность за «разумный риск», допущенный нами в Арденнах, но отвергаю обвинение в том, что я якобы не обратил внимания на какие-то предупредительные сигналы.

11 декабря я посетил Кортни Ходжеса в Спа. Некоторые офицеры штаба 1-й армии любят говорить, что они своевременно предупреждали о грозящей опасности, но штаб группы армии из-за своей беспечности якобы не пожелал прислушаться к их словам. Если эти офицеры действительно предупреждали, то надо сказать, что им не удалось убедить своими доводами не только штаб группы армий, но даже и своего командующего армией. Ходжес не меньше нас был введен в заблуждение демонстративной подготовкой Рундштедта к контрнаступлению в районе реки Рур».

Нужно сказать, что местность в районе, выбранном немцами для наступления, была весьма специфической. Лесистый горный массив не позволял развернуть танковые силы широким фронтом и вынуждал наступать только по дорогам. В связи с этим особое значение приобретали ключевые развилки, такие, как Мальмеди, Сен-Вит, Уффализ и Бастонь. Именно проблемы с захватом этих пунктов предопределили конечный провал немецкого наступления. 17 декабря немцы могли свободно захватить Мальмеди и Сен-Вит, которые никто не защищал, однако Пейпер, действуя

строго по плану, прошел мимо Мальмеди, а на Сен-Вит по непонятным причинам немцы не обратили внимания. В результате немцам пришлось доставлять снабжение 2 танковым и 2 пехотным дивизиям 6-й танковой армии по единственной дороге, так как все остальные проходили через Сен-Вит. Похоже, Дитрих и фон Мантейфель сосредоточили свое внимание на участках, где наступление развивалось более успешно — севернее и южнее города. 18-я и 62-я фольксгренадерские дивизии приближались к нему настолько медленно, что американцы успели подготовиться. И если немецкие танки вбили клин во фронт американского VIII корпуса, то Сен-Вит образовал клин, вбитый во фронт немецкого XLVI танкового корпуса. Однако мы помним, что этот корпус был самым слабым в составе 5-й танковой армии и не имел ни одной танковой дивизии.

В результате, когда немцы 19 декабря добрались до Сен-Вита, американцы подготовились к обороне. В городе оказались окружены части 106-й пехотной и 9-й танковой дивизий, причем американцы, к великому удивлению противника, совсем не собирались сдаваться. На дорогах в немецком тылу образовались такие пробки, что Модель и фон Мантейфель были вынуждены бросить свои машины и идти пешком, чтобы успеть на совещание командования. Модель упрекнул фон Мантейфеля: «Мне кажется, что вы отстаете от графика, особенно в районе Сен-Вита». Тот согласился: «Да, но я захвачу его завтра». «Я жду этого. А чтобы вы захватили его побыстрее, завтра я передам вам бригаду охраны фюрера», — пообещал Модель.

Однако день 20 декабря прошел в секторе Сен-Вита на удивление спокойно. Немцы просто не сумели подготовить атаку, так как артиллерия застряла далеко позади. И в этот же день произошло еще одно событие, которое окончательно поставило крест на блицоперации. Наступавшие до сих пор вполне успешно танковые дивизии Мантейфеля южнее Сен-Вита уперлись в другой ключевой пункт — Бастонь.

Потерявший терпение фон Мантейфель 20 декабря приказал полковнику Ремеру, командиру бригады охраны фюрера, одному штурмовать Сен-Вит. Однако Ремера больше интересовало успешное продвижение на запад и лавры победителя американцев, в успехе штурма опорного пункта он сомневался и потому решил

изобразить атаку, но не более того. После того как американские противотанковые орудия подбили 4 головных танка, Ремер отменил атаку. А 21 декабря он вообще плюнул на Сен-Вит и двинулся дальше, предоставив штурм города фольксгренадерским дивизиям. Такое поведение может показаться странным, но следует помнить, кем был полковник Ремер. Именно он, тогда еще майор, внес главный вклад в подавление мятежа 20 июля, а потому пользовался полным доверием и благоволением фюрера. Это позволяло ему временами игнорировать приказы генералов.

21 декабря XLVI танковый корпус подтянул артиллерию, и после непродолжительного обстрела вечером пехота пошла в атаку. Американцы занимали позиции на невысоком хребте восточнее города. Артподготовка оказалась недостаточно эффективной, и ответный огонь американской артиллерии нанес немцам ощутимые потери. И все-таки они сумели просочиться сквозь американские линии и завязать бой в глубине обороны. А в сумерках появились целых шесть «Тигров», которые, ведя огонь с большой дистанции, уничтожили все американские танки и начали обстреливать окопы. Американская пехота не выдержала и начала отходить. Командовавший отрядом подполковник Фуллер просто сбежал, бросив своих солдат.

Командовавший гарнизоном Сен-Вита генерал Кларк из 7-й танковой дивизии «хладнокровно возглавил отступление и сумел создать новую линию обороны в 1000 ярдах позади города». Во всяком случае, так утверждают американские историки. Правда, они не говорят ни слова о боях за сам Сен-Вит. Зато они с удовольствием сообщают, что ворвавшиеся в город с нескольких сторон немцы занялись грабежом брошенного американцами имущества. В общем, в Сен-Вите возникла очередная дорожная пробка, и примчавшийся туда Модель снова был вынужден идти пешком. Наверное, не самое привычное занятие для фельдмаршала.

Как нетрудно увидеть, история с обороной Сен-Вита, которой время от времени хвастают американцы, выглядит довольно сомнительно. По непонятным причинам немцы долго не обращали внимания на этот город, а когда обратили, американский гарнизон не продержался и одного дня. И все-таки немцы в критический период лишились одного из кратчайших путей к Маасу.

Второй кратчайший путь проходил через город Бастонь. Его

судьба была решена на совещании вечером 19 декабря у Эйзенхауэра. Паттон, в присущей только ему манере, заявил: «На хрен. Соберемся с духом и позволим этим ублюдкам добежать до Парижа. Затем мы просто отрежем их и сожрем». Некоторые резоны в такой идее имелись, она позволяла в полной мере использовать мобильность американских войск, хотя отдавать Париж все-таки не следовало. Однако Эйзенхауэр и Брэдли предпочли более осторожный вариант. Главнокомандующий жестко ответил Паттону: «Противнику ни в коем случае не позволят форсировать Маас». Эйзенхауэр решил прочно удерживать края прорыва, заблокировать важные дорожные развилки в Сен-Вите и Бастони и создать линию обороны на Маасе.

19 декабря части фон Мантейфеля подошли к Бастони, но ее гарнизон уже занял оборону. Отметим, что он был ничуть не сильнее гарнизона Сен-Вита — 101-я парашютно-десантная дивизия генерала МакОлиффа и отдельные подразделения 10-й танковой дивизии. Единственным серьезным отличием стало присутствие в городе четырех батальонов корпусной артиллерии. Впрочем, МакОлифф не испытывал твердой уверенности в исходе боев и пообещал командиру корпуса Миддлтону продержаться двое суток в случае полного окружения. Генерал едва успел вернуться в город из штаба корпуса — немецкие танки перерезали дорогу через полчаса после его возвращения.

Немцы повторили свою ошибку, предпочтя просто окружить Бастонь, вместо того чтобы предпринять решительный штурм. Похоже, генералы, сражавшиеся на Восточном фронте, захватили с собой заработанный там психологический надлом. Вместо решительных действий начинается какой-то странный кордебалет, что ранее немецким командирам было совершенно несвойственно. 21 и 22 декабря они прощупывают оборону, в то время как танки фон Мантейфеля вынуждены пробираться вокруг города лесными тропками. Похоже, немецкий командующий решил взять город малой кровью, потому что 22 декабря он послал парламентеров с предложением сдать город. То, что произошло позднее, стало одним из самых замечательных эпизодов американской военной истории.

Когда МакОлиффу принесли бумагу, он расхохотался и грохнул: «На х...!» Потом генерал поинтересовался у своего штаба,

что думают по этому поводу офицеры. Кто-то дипломатично заметил: «Ваши слова будет трудно перевести». В результате американцы решили ничего не переводить, и немецкий ультиматум вернулся обратно с приписанным единственным словом. Понятно, что никто из культурных немецких офицеров не понял непереводимой игры слов американских бродяг. Поэтому они поинтересовались у американского полковника, передавшего ответ, что же он, собственно, означает. Полковник охотно пояснил, что на литературном английском это единственное слово означает: «Пошли к черту!»

Однако нельзя сказать, что гарнизон не испытывал никаких проблем, пусть даже немцы и не штурмовали город всерьез. Дело в том, что американская артиллерия охотно обстреливала любую замеченную цель, и в результате к полудню 22 декабря начала испытывать нехватку боеприпасов. МакОлифф приказал беречь их на случай штурма. В результате немцы спокойно разъезжали буквально за окраинами, ничего не опасаясь.

Вообще-то судьба Бастони наглядно показывает, что происходит с блицкригом, если в нем недостает одного из компонентов. Под Курском немцам не хватало саперных частей, здесь они наступали без авиационной поддержки и тоже столкнулись с множеством проблем. Если бы в ход пошли пикировщики, судьба Бастони решилась бы так же быстро, как судьба, скажем, Тобрука.

Тем временем 3-я армия генерала Паттона начала контрнаступление с юга. 4-я танковая дивизия получила задание прорваться и деблокировать Бастонь, однако она наступала слишком медленно. Как всегда в подобных случаях, нашлись тридцать три объяснения. Во-первых, танковый парк дивизии был слишком изношен и не выдерживал длительных маршей. Многие экипажи были слишком неопытными... И так далее и тому подобное. Паттон требовал, чтобы дивизия «мчалась, как дьявол», однако она ползла, подобно улитке.

Защитники Бастони начали уставать, хотя немцы по-прежнему проводили только пробные атаки малыми силами. И тут на помощь американцам пришел сам Господь Бог, иначе сказать невозможно. 23 декабря резко улучшилась погода, что позволило вступить в игру самолетам 9-й Воздушной армии. Как мы не раз отмечали, на Европейском ТВД американцы так и не наладили

систему взаимодействия войск и авиации, зато американские летчики занялись любимым делом — принялись охотиться буквально за каждой замеченной немецкой машиной, вынудив противника укрываться по лесам. Такая косвенная поддержка оказалась довольно эффективной, правда, главным образом вследствие большого количества вылетов. За один день 9-я Воздушная армия совершила 1300 вылетов. Но более значительной оказалась помощь транспортной авиации. Американские воздушные мосты работали куда надежнее, чем у Геринга, и гарнизон Бастони получил 95 процентов сброшенных грузов. Однако 24 декабря немцы подготовились лучше, разместив вокруг города большое количество зениток, и сбили довольно много транспортных самолетов.

25 декабря немцы наконец-то решились на общий штурм города. Предполагалось, что его будет вести свежая 25-я панцергренадерская дивизия, но вовремя успели прибыть только 2 батальона мотопехоты, 2 батальона самоходной артиллерии и 18 танков. Этот отряд сразу был брошен на штурм, без разведки и подготовки, ведь Модель потребовал немедленно захватить Бастонь. Ему должна была помочь пехота 26-й фольксгренадерской дивизии. В очередной раз немцы были вынуждены планировать свои действия так, чтобы не попасть под удар авиации американцев, поэтому штурм был назначен на утро. Город должен был пасть к 09.00. Но штурм был отбит, а приказы штаба корпуса привели только к ненужным потерям. А ближе к вечеру этого же дня танки 4-й дивизии добрались-таки до Бастони. Как любопытный исторический факт укажем, что это был боевой дебют штурмового танка («Шерман» с усиленной лобовой броней).

Хотя немецкое командование уже поняло, что операция успехом не завершится, оно продолжало наступление. Вместо нормального прорыва фронта получились две тонкие кишки: на севере в полосе 1-й танковой дивизии СС, на юге — в полосе 2-й танковой дивизии. Американская артиллерия простреливала их насквозь. Ничего хорошего такое развитие событий не обещало. Похоже, Модель решил подстраховаться и уже 18 декабря сообщил по телефону Рундштедту и Йодлю, что план провалился. 24 декабря Модель снова предложил вернуться к одному из первоначаль-

ных вариантов — использовать прорыв 2-й танковой дивизии для окружения и уничтожения американских частей на фронте у Мааса. Рундштедт смотрел на вещи еще более мрачно. 25 декабря он предложил вообще прекратить наступление, так как даже «малый вариант», предложенный фон Мантейфелем, стал невозможен. Однако Гитлер упрямо требовал наступать дальше.

Начиная с 21 декабря немцы в основном старались выровнять фронт. И если «карман» у Сен-Вита они сумели ликвидировать, то «нарыв» в Бастони сохранился до самого конца операции. 5-я Танковая армия с горем пополам, но все-таки двигалась дальше. Несмотря на усиливающееся противодействие авиации союзников, 23 декабря 2-я танковая дивизия подошла на расстояние 27 километров к городку Динан, где была встречена американской танковой дивизией с тем же номером. После трех дней упорных боев дивизия потеряла около 80 танков и была остановлена. По крайней мере, так утверждают американцы. Второе невозможно оспаривать, первое невозможно проверить. 6-я танковая армия действовала крайне неудачно. Она не сумела продвинуться на направлении Льежа, не сумела нормально прикрыть фланг 5-й Танковой. Все полученные резервы Дитрих израсходовал на укрепление северного фаса выступа.

А по другую сторону линии фронта назревала очередная склока между англичанами и американцами. 20 декабря Эйзенхауэр принял совершенно разумное с военной точки зрения решение: разделить опасный участок на два — северный и южный. Оказавшаяся на северном фасе выступа американская 1-я армия была подчинена Монтгомери. Такое решение стало серьезной ошибкой далекого от политики генерала, хотя Брэдли сразу предупреждал его, что это приведет к падению авторитета американцев. Монтгомери сделал все возможное, чтобы не участвовать в сражении, но при этом выглядеть истинным Спасителем. Он развернул свой XXX корпус на рубеже Мааса с единственной целью — прикрыть фланг и тыл 21-й Группы армий, блокировав мосты в Живе, Динане и Намюре. Отдуваться пришлось все той же 1-й армии. Убедительным свидетельством того, как англичане сражались в Арденнах, является цифра их потерь — 200 человек.

Когда Модель понял, что 6-я Танковая армия остановлена, он решил все надежды возложить на армию фон Мантейфеля, пору-

чив Дитриху прикрывать ее фланг. Однако при этом резервный II танковый корпус СС все-таки передал именно Дитриху, так как главные силы 6-й Танковой армии были связаны боями. Этот корпус должен был захватить очередную дорожную развязку у Вербомона, которую прикрывала американская 82-я парашютно-десантная дивизия.

На рассвете 23 декабря, после сильнейшей ночной метели, эсэсовцы попытались прорвать ее позиции, но были отбиты. Однако ближе к вечеру подтянулась 2-я танковая дивизия СС «Дас Райх» и после 20-минутной артподготовки отбросила американских парашютистов. Однако на следующее утро погода улучшилась, и американские истребители-бомбардировщики начали охоту за немецкими танками. Это заставило немцев забыть о наступлении, которое окончательно выдохлось.

Резюме. Наступление в Арденнах стало последней отчаянной попыткой Вермахта нанести поражение союзникам на Западном фронте. Задумывалось оно в стиле классического блицкрига — стремительный танковый удар с окружением и уничтожением крупных сил противника. Однако в ходе его еще более отчетливо, чем во время операции «Люттих», проявилась неспособность немецкой армии к наступательным действиям. Прежде всего немцы не сумели собрать достаточных сил. Например, Учебная танковая дивизия к началу наступления имела всего 57 танков. Превосходство союзников в воздухе вынудило немцев пользоваться плохой погодой, исключающей вмешательство авиации, но такое решение лишало воздушной поддержки и собственные войска, что могло привести к роковым последствиям, как во время боев за Бастонь. Ошибочным оказался и выбор района наступления. Да, немцы нащупали слабое место фронта союзников и еще раз доказали, что танки могут пройти через Арденны даже зимой. Но «пройти» совсем не означает «успешно сражаться». Даже 2-я танковая дивизия, наступавшая успешнее всех остальных, проходила за день не более 10 километров, что для блицкрига мало. Короче, операция «Вахт ам Рейн» была попыткой с негодными средствами, и все успехи немцев объясняются только беспечностью американцев.

Глава 16

АВГУСТОВСКАЯ ГРОЗА

Наверное, кое-кто скажет, что уже видел это название, и будет совершенно прав. Действительно, есть одна книга под этим названием, посвященная августовским боям 1945 года в Маньчжурии. Странно другое. Вы не заметили, что как-то постепенно ведущим историком Великой Отечественной войны в России стал Дэвид Гланц? Вам это не кажется удивительным? Вот когда выходят книги Пауля Кареля — оно понятно, как-никак пострадавшая сторона, очень заинтересованное лицо. Но при чем тут Гланц? Полковник американской армии, преподаватель штабного колледжа в Ливенворте, он какое отношение имеет к этой войне? И чем же занят весь наш монументальный Институт военной истории, засиженный академиками, профессорами и докторами наук, как портрет Франца-Иосифа мухами? Лично мне кажется, что изучать историю Великой Отечественной по американским пересказам по меньшей мере неловко.

К августу 1945 года на дальневосточных границах Советского Союза отчетливо запахло порохом. Советский Союз принял на себя обязательство начать войну против Японии после окончания военных действий в Европе и намеревался выполнить свои обязательства. Здесь следует сказать несколько слов о мифической угрозе японской агрессии, якобы существовавшей в 1941 году.

Представим, что Япония напала на СССР. В результате она могла получить лишь еще одну тяжелую, затяжную войну с неопределенными (это в наилучшем случае!) перспективами, но при этом ни на шаг не приближалась к решению сырьевой проблемы. Наоборот, расходование стратегических запасов пошло бы ускоренными темпами с учетом масштабов такой войны. Даже в случае захвата каких-то территорий (предположим, жалко, что ли) Япония не приобретала бы ни капли нефти, ни грамма олова, свинца, цинка, каучука. Ничего этого в сибирской и якутской тайге не наблюдалось. Про освоение японцами Норильска не будет говорить даже сумасшедший. То есть японская агрессия против

Советского Союза была бы просто бессмысленной. В самом удачном варианте, если допустить простую оккупацию Японией Приморья и Дальнего Востока, Япония приобретала одни проблемы, но никаких выгод. Японцы помнили уроки интервенции 1920-х годов. Трескучие заявления некоторых генералов так и остались пустым сотрясением воздуха. Все это подтверждается событиями, происшедшими после 22 июня.

25 июня 1941 года в Токио состоялось совместное заседание правительства и Императорской ставки. Министр иностранных дел Мацуока требовал начала военных действий и оказался в полном одиночестве. Против него дружно выступили военный и морской министры, а премьер-министр Коноэ высказался в том плане, что появляется возможность расторжения Тройственного пакта. 27 июня на новом заседании Мацуока вновь требует начала войны против СССР, на этот раз против него совместно выступают начальники Генеральных штабов армии и флота. Против оказалось даже командование Квантунской армии. Нападение следовало предпринимать в максимально благоприятных условиях, а для этого оставался отрезок времени менее месяца: с 15 августа по 10 сентября. Ранее японцы не могли сосредоточить превосходящие силы, а позднее начинался период осенних дождей, мешавших любому крупному наступлению. Вопрос был закрыт окончательно.

Советский Союз в августе 1945 года был настроен гораздо более решительно. Западные историки удивляются скромности претензий Сталина: возвращение южной части Сахалина и Курильские острова. Здесь действительно можно удивиться. Однако вспомним, кто больше всего получил в результате разгрома Германии? Польша. Но в странах Восточной Европы были установлены промосковские режимы, так, может, Сталин и здесь рассчитывал на подобный сценарий: ограничиваясь скромными территориальными приобретениями, резко увеличить сферу своего политического влияния? И вдобавок: как вы себе представляете последствия оккупации Хоккайдо?

Исход боев в Маньчжурии был предрешен заранее, достаточно просто сравнить силы противостоящих группировок. После переброски на Дальний Восток дополнительных сил Советский Союз имел там более 1,6 миллиона солдат, более 26 000 орудий, 5500

танков и 3900 самолетов. Хотя общая численность войск противника достигала 1 миллиона человек, имевших на вооружении 6600 орудий, около 1000 танков и 1800 самолетов, в собственно Маньчжурии находилось около 450 000 японских солдат. Боеспособность войск «независимой империи Маньчжоу-Го» была такова, что учитывать их не имело смысла. Впрочем, как и «армию» МНР.

Еще больше ухудшала положение японцев разница в качестве вооружения. Японская армия испытывала острую нехватку тяжелой артиллерии. Противотанковые пушки имелись в ничтожных количествах, вдобавок эти 37-мм «огрызки» были просто бесполезны в борьбе против новых советских танков. Пехота не имела автоматов, да и с пулеметами положение было не лучшим. Несопоставим был и уровень боевой подготовки. За плечами советских солдат было четыре года тяжелых боев с упорным и умелым противником, а Квантунская армия к 1945 году представляла собой жалкое зрелище. В последние два года войны самые боеспособные дивизии были отправлены на Филиппины и в Китай, их заменили неподготовленные резервисты старших возрастов, которые составляли до половины общей численности. Армия испытывала острую нехватку бензина. Самое простое тому доказательство — практически полное отсутствие упоминаний о действиях японской авиации. Да, были какие-то отдельные атаки камикадзе, но две тысячи самолетов словно испарились. Японские танки в боях тоже не были замечены. Словом, нет ничего удивительного в стремительном разгроме японских войск в Маньчжурии.

Японская армия по-прежнему соответствовала уровню начала 1930-х годов. Если против китайцев, которые вообще застряли в начале века, она еще могла сражаться, то против развитых индустриальных держав... Это, кстати, доказала еще Красная Армия на Халхин-Голе. Там ее преимущество было заметным, а сейчас оно стало просто подавляющим.

В апреле 1945 года Советский Союз денонсировал договор о нейтралитете, а 8 августа объявил Японии войну. Вызывает удивление позиция некоторых российских историков, которые пытаются обвинить Сталина в вероломстве или коварстве. Использова-

ли, дескать, разницу во времени, и японский посол даже не успел предупредить свое правительство. Японцы 7 декабря 1941 года пытались сделать то же самое, но из-за технических накладок и глупости посла в Вашингтоне предъявили свою ноту уже **после** нападения на Перл-Харбор. А здесь война была объявлена самым законным образом. Причем **до** начала военных действий. С японцами расплатились их же собственной монетой, но **честно**.

Замысел Маньчжурской стратегической наступательной операции был очень изящным. Если бы все шло так, как задумало командование, главную роль в наступлении предстояло бы сыграть 6-й Гвардейской танковой армии генерала Кравченко. Она была включена в состав Забайкальского фронта, развернутого на том самом Тамцак-Булакском выступе, из-за которого шли бои на Халхин-Голе. Не стоит обвинять автора в непоследовательности, так как в главе, посвященной этим событиям, он писал о совершенной никчемности этого района. В 1939 году он действительно никому не был нужен. Да и сейчас сосредоточить в прокаленной солнцем пустыне целую танковую армию было делом очень нелегким, тем более что помимо личного состава и техники приходилось завозить туда буквально все виды снабжения, включая воду. Но в результате мощная танковая группировка наносила удар с совершенно неожиданного направления, выходя в тыл японским укрепленным районам, построенным вдоль советско-китайской границы. Такой удар подрубал под корень всю систему японской обороны в Маньчжурии. Вот как об этом писал автор плана маршал Василевский:

«Разработанный нами в Генеральном штабе план кампании на Дальнем Востоке был одобрен Ставкой, а затем утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны. В плане предусматривалось нанести основной удар со стороны Забайкалья — территории МНР — в направлении на Чанчунь (Синьцзян) и Шэньян (Мукден). Его цель — вывести главную группировку советских войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь 3-й фронт Квантунской армии на две части. Правда, на пути наступления советских войск этой группы

до выхода их в центральные районы Северо-Восточного Китая находилась безводная пустынная степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Встречный сильный удар предусматривался со стороны Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Цзилинь (Гирин) войсками 1-го Дальневосточного фронта. После соединения здесь войска этого и Забайкальского фронтов должны были развивать наступление в направлении на Мукден, Порт-Артур. Им предстояло прорвать полосу японских укрепленных районов; для этого они должны были иметь все необходимые силы и средства. Указанные направления обеспечивали полное окружение главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Одновременно планом было предусмотрено, что силами этих же двух основных группировок советских войск будет нанесено по два вспомогательных удара. Развернутая в Приамурье группировка должна была наступать на ряде направлений с севера, чтобы сковать противостоящего ей врага и тем способствовать успеху нанесения ударов на главных направлениях».

«А теперь присмотритесь повнимательней, вам этот план ничего не напоминает? Заход правым флангом в тыл вражеским армиям, занимающим укрепленный район. Ведь это же план Шлиффена! Только в отличие от немецкого варианта, план, подготовленный маршалом Василевским, сработал на «отлично». Получился блицкриг в его первозданной чистоте — противник даже не сумел толком подготовиться к обороне. Кстати, очередная ремарка мимоходом. Согласно картам, которые приводит Дэвид Гланц в своей книге, река Халхин-Гол течет по **китайской** территории...

Однако, при всей своей красоте, этот план вызывает определенные сомнения. Судя по всему, советское командование обмануло само себя. Оно всерьез отнеслось к сказкам, которые рассказывали японцы о непреодолимой полосе укреплений на границе, о грозной и непобедимой Квантунской армии, и решило воевать с японцами по-настоящему. Японцы плохо представляли, с каким противником им предстоит сражаться, но и советская разведка тоже оказалась не на высоте. Собственно, есть подозрение, что наше командование не располагало вообще никакими сведениями о Мань-

чжурии, японских войсках, дислоцированных там, дорожной сети и так далее. Наверное, не стоило затевать хитрые обходные маневры и наступать через хребты Большого Хингана. Можно было просто ударить вдоль Южно-Маньчжурской железной дороги, как это было в Русско-японскую войну, и все закончилось бы так же быстро. Нечем японцам было останавливать танковую армию. Но что было сделано, то было сделано.

Забайкальский фронт маршала Р.Я. Малиновского начал наступление 9 августа в 00.10, через 10 минут после официального объявления войны. Никакой артиллерийской подготовки не проводилось за полной ее ненадобностью. Максимум, что могли встретить наши войска в это районе, — конные дозоры баргутов. Конно-механизированная группа генерала Плиева, наступавшая на крайнем правом фланге фронта, за день прошла около 90 километров. 17-я армия генерала Данилова также противника не встретила, и ее авангарды прошли около 70 километров. Главная ударная сила фронта — 6-я Гвардейская танковая — наступала двумя корпусными колоннами. Она прошла больше своих соседей и за день преодолела 150 километров, выйдя к подножию Большого Хингана — своего главного противника, гораздо более серьезного, чем все японские дивизии, вместе взятые. Для снабжения армии были задействованы 2 дивизии транспортной авиации. Лишь наступавшая на левом фланге в районе старых боев 39-я армия генерала Людникова встретила некоторое сопротивление японской 107-й дивизии, занимавшей Халун-Аршанский укрепрайон. Однако авангарды армии обошли его, проделав за сутки около 60 километров, что сразу сделало бессмысленным сопротивление на границе.

Сражаться пришлось и 36-й армии генерала Лучинского, наступавшей еще левее. Лучинский сразу бросил 206-ю танковую бригаду на город Хайлар, который являлся центром одноименного укрепленного района. Здесь, как, впрочем, и в других местах, японцы были захвачены врасплох. Уже к вечеру 9 августа танкисты захватили ключевые мосты к северу от города. Японские войска сумели немного задержать наши танки, но 119-я пехотная ди-

визия, составлявшая основу гарнизона укрепрайона, начала отступать на восток. Чтобы не снижать темп наступления, генерал Лучинский направил танковую бригаду и 2-й стрелковый корпус в обход города. Как видите, теперь все наши генералы понимали, что ключ к успеху операции — высокий темп наступления. Хайлар был занят 11 августа 94-й стрелковой дивизией из второго эшелона армии. А 12 августа организованное отступление японских частей превратилось в паническое бегство.

Это наступление сразу скомкало все планы командующего Квантунской армией генерала Ямады. Японские тыловые части начали в панике откатываться к Чанчуню и Цицикару. Уже вечером 9 августа Ямада решил попытаться организовать оборону в районе Мукдена, фактически бросив на произвол судьбы всю Маньчжурию. Практически все войска или были бы отрезаны на севере, или должны были бы бросить свои позиции и спешно отходить на юг.

10 августа танки генерала Кравченко начали форсирование хребтов Большого Хингана. Если бы японские генералы догадались выставить хоть какие-то дозоры на перевалах, его задача усложнилась бы неимоверно. Однако до сих пор Кравченко так и не встретил ни одного японца. Скорость продвижения танковой армии оказалась выше запланированной. За три дня она прошла около 350 километров по исключительно сложной местности. Единственным ограничением были постоянные проблемы со снабжением. Отметим также умелые действия генерала Людникова, который не стал связывать свои главные силы уничтожением 107-й дивизии, а двинул их дальше. В результате японцы сами бросили свои укрепления и начали отступать.

Лишь 13 августа 6-я Гвардейская танковая армия встретила какое-то подобие сопротивления на подступах к Тунляо и Таонаню. Это были всего лишь разрозненные группки и отдельные смертники, которые бросались под танки. Впрочем, если вы посмотрите на карту, то сразу поймете, что все это уже не имело никакого смысла. Наши войска находились в глубоком тылу Квантунской армии.

15 августа войска фронта наконец-то столкнулись с сопротивлением противника. Самое смешное, что это были не японские войска, а кавалерия баргутов, которая попыталась остановить

продвижение конно-механизированной группы Плиева. Но 27-я мотострелковая бригада просто разогнала три кавалерийские дивизии. Японское командование 18 августа отдало приказ о капитуляции Квантунской армии, но баргуты продолжали изображать сопротивление до 21 августа. Единственной причиной этому можно считать лишь нарушение связи и общий хаос, наступивший в результате стремительного продвижения наших войск, а отнюдь не какой-то особый фанатизм и упорство.

Второй главный удар навстречу 6-й Гвардейской танковой армии наносили войска 1-го Дальневосточного фронта маршала К.А. Мерецкова, образуя гигантские клещи, в которых оказалась бы вся Квантунская армия. Однако здесь ситуация была совершенно иной, чем в полосе наступления Забайкальского фронта. Восточные районы Маньчжурии были укреплены значительно сильнее, чем западные.

Но японцы, которые строили эти укрепления около 10 лет, похоже, оценивали возможности Красной Армии по своим собственным. Конечно, пехота при поддержке 75-мм орудий и горстки жестяных танков эти позиции не прорвала бы. А вот выдержать удар тяжелых танков, поддержанных многочисленной тяжелой артиллерией и реактивными установками, эти позиции не могли. Уже к вечеру 9 августа три корпуса 5-й армии прорвали фронт на протяжении 35 километров, их продвижение в глубь маньчжурской территории составило от 16 до 25 километров. Если мы вспомним описания операций Панцерваффе, именно такими были критерии блицкрига. При этом ударная группировка не стала задерживаться для ликвидации уцелевших опорных пунктов в Суйфынхэ, Дунцине, Мулине. Этим занялись стрелковые корпуса второго эшелона, и сопротивление японцев не затянулось.

10 августа войска 5-й армии продолжали стремительное продвижение на запад и юг, выходя в тыл приграничным укрепленным районам. За этот день советские войска прошли до 30 километров, а ширина прорыва увеличилась до 75 километров. Японская оборона рухнула и на восточной границе. Собственно, именно эта легкость, с которой наши войска проломили японские пози-

ции, и заставляет усомниться в разумности общего стратегического плана. Может, не стоило огород городить?

11 августа авангарды 65-й и 72-й стрелковых дивизий вышли к реке Мулин. Планом операции предусматривалось, что этот рубеж будет достигнут только на **восьмой** день операции. Поэтому совсем неудивительно, что наших командиров охватила победная лихорадка — чувство, которое им нечасто удавалось испытать. Маршал Мерецков приказал еще больше ускорить темп наступления и занять город Муданьцзян на следующий день, хотя по первоначальному плану советские войска должны были занять его только на семнадцатый день. Для выполнения приказа командир 5-й армии генерал Н.И. Крылов сформировал отдельный отряд из танковой бригады, полка САУ и двух стрелковых батальонов и бросил его на Муданьцзян. Наши командиры, опьяненные успехами, решили, что сопротивление японцев закончилось, и двинулись походными колоннами без всякого охранения.

Некоторые наши историки говорят, что утром 12 августа японские войска нанесли сильный контрудар на подходах к Муданьцзяну. На самом деле это была почти символическая контратака, которую предпринял отряд Сасаки (два пехотных батальона 135-й дивизии), приданный 124-й дивизии, защищавшей город. Но если противник окончательно потерял осмотрительность и не ждет никаких неприятностей, даже два батальона могут нанести серьезные потери. Впрочем, японцам удалось лишь немного притормозить наступление армии Крылова, остановить его японцы не могли в принципе. Однако сам Мерецков рассказывает об этом как о драматическом эпизоде:

«Главная группировка японских войск сражалась у Муданьцзяна. Здесь враг потерял около 40 тысяч солдат. Получив известие о том, что краснознаменцы прорвали оборону противника в районе Муданьцзяна, я поехал посмотреть и вот что увидел. Сначала, километров на пять, тянулось предполье, подготовленное для сдерживания наших авангардов. Сравнительно небольшой интервал, и мы уперлись в главную оборонительную полосу с долговременными железобетонными точками. Я стал определять глуби-

ну этой полосы и в том месте, где находился, насчитал четыре километра. Проехали дальше ровно пятнадцать километров, и перед нами открылась новая полоса обороны трехкилометровой глубины. Отъехали еще на пятнадцать километров и обнаружили еще оборонительную полосу такой же глубины. Узлы сопротивления выглядели чрезвычайно внушительно. При осмотре одного из них мы насчитали 17 артиллерийских дотов, 5 артиллерийско-пулеметных точек, свыше 50 пулеметных гнезд и массу различных сооружений полевого типа».

Но даже СВЭ, отличающаяся, скажем так, своеобразным отражением событий, сухо отмечает: «13 августа 26-й стрелковый корпус, обойдя с северо-востока Муданьцзян, ворвался в город. Это позволило командующему фронтом для сохранения высокого темпа наступления повернуть основные силы 5-й армии в обход города для быстрого продвижения на Гирин». То есть укрепления были, а вот боев не было.

13 августа после ряда столкновений растрепанные подразделения японской 124-й дивизии откатились на север, в холмы вдоль шоссе, и протянули с капитуляцией до 22 августа. Впрочем, это уже никого не волновало, так как советскому наступлению они не мешали.

К этому времени левофланговая 25-я армия начала наступление вдоль побережья на порт Расин. Как и во многих других местах, японская система укреплений оказалась совершенно неадекватной. Важный укрепленный пункт и железнодорожный узел Тумынь, на котором держалась оборона всего приморского фланга Квантунской армии, был захвачен уже к полудню 10 августа. Как и практически по всему фронту наступления, здесь главной помехой советским войскам стали проблемы с доставкой топлива. Японцы были настолько растеряны, что не оказывали практически никакого сопротивления. Например, 12 августа 393-я стрелковая дивизия на грузовиках атаковала позиции 113-го укрепрайона, который занимал японский 101-й отдельный полк. Вы представляете это себе? **На грузовиках**! Японцы поспешно отступили, а передовые подразделения дивизии при поддержке морского десан-

та заняли порт Унги. 16 августа десант Тихоокеанского флота занял Сейсин, окончательно лишив Квантунскую армию прямого морского сообщения с Японией.

После падения Муданьцзяна, который являлся важным узлом коммуникаций Северо-Восточной Маньчжурии, вся система обороны японцев рухнула. Теперь советские войска могли свободно двигаться в любом направлении, тогда как японцы эту возможность потеряли и могли лишь цепляться за те позиции, которые они занимали к этому дню. Под угрозой оказались Харбин, Гиринь, Чанчунь, Мукден — все важнейшие населенные пункты Маньчжурии.

Примерно к 16 августа в Маньчжурии сложилась нестандартная ситуация. С одной стороны, организованное сопротивление японских войск завершилось. С другой — отдельные части и соединения продолжали сражаться. В советских газетах появилось заявление о том, что императорский рескрипт от 14 августа не являлся формальным актом о капитуляции. Так оно и было! Как нота японского правительства от 7 декабря 1941 года не являлась актом объявления войны, так и сейчас не последовало заявления о капитуляции и прекращении военных действий. 16 августа последовал новый рескрипт, в котором говорилось о «намерении начать переговоры о мире». Словом, японцы попытались капитулировать не капитулировав.

Перед советским командованием встала задача как можно быстрее взять под контроль всю территорию Маньчжурии. Этого требовали не только военные, но и политические соображения: уже приходилось думать и о послевоенном устройстве Дальнего Востока. А на горизонте замаячили американские корабли, готовившиеся высаживать десанты в порты Китая и Кореи.

Учитывая все это, Василевский принимает оригинальное решение. Он отказывается от организованных, «правильных» военных действий и приказывает сформировать отдельные подвижные отряды, которые получают приказ на стремительное продвижение к указанным пунктам, «не боясь резкого отрыва от своих главных сил». Маньчжурский блицкриг превращается в суперблицкриг.

Подобные отряды (их с полным основанием можно назвать

боевыми группами) создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й Гвардейской танковой армии. Между прочим, изобретатели блицкрига до такого решения не додумались. Даже во время операций «Рот» и «Аттила», когда немцам требовалась максимальная скорость продвижения по французской территории, они не стали использовать воздушные десанты. А приказ «не бояться отрыва от своих главных сил» методичным и правильным немецким мозгам казался форменной крамолой, ересью. Ведь помним титанические усилия, которые прилагало ОКХ, чтобы сдержать Гудериана.

Василевский пошел на риск, но скалькулированный риск. Ведь далеко не везде японские войска безоговорочно складывали оружие. Самый наглядный пример этому — затянувшееся сопротивление на Курильских островах. Хотя еще 17 августа командующий Квантунской армией генерал Ямада отдал приказ начать переговоры с советским командованием, а для удостоверения подлинности императорского рескрипта прилетел брат императора принц Такеда, отдельные соединения Квантунской армии продолжали сопротивление до 26 августа. Речь идет о так называемом Дуннинском укрепрайоне. Однако именно этот эпизод подтверждает правильность тактики советского командования. Поскольку район лежал в стороне от направления главного удара, не было никаких штурмов или атак, не было бессмысленной гибели солдат. Просто, начиная с 9 августа, за работу взялась 223-я отдельная артбригада большой мощности, которая спокойно и методично уничтожала один опорный пункт за другим — всего 82 штуки. В результате 900 человек — все, что осталось от японского гарнизона, — сдались в плен. Вот если бы так же действовали наши войска под Сталинградом, это позволило бы избежать ненужных потерь и добиться значительно более серьезных успехов.

Нет нужды спешить там, где такой нужды нет, но там где нужно спешить — нужно спешить. 18 августа наши десантники заняли Харбин, 19 августа — Чанчунь, Гирин и Мукден, 21 августа — Дальний, 22 августа — Порт-Артур, 24 августа — Пхеньян. Подобной скорости продвижения не показывала еще ни одна армия.

Первый из многочисленных десантов, которые выбрасывались в ходе боев против Японии, был направлен в Харбин лично командующим 1-м Дальневосточным фронтом маршалом Мерецковым. Возглавлял десант заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Шелахов. Передовой группой в 120 человек командовал подполковник Забелин. По военным понятиям, офицеры были слишком высокого ранга для рядовой операции. Из этого видно, какое значение придавалось десантам советским командованием.

Десантом, высадившимся в Мукдене, командовал начальник политотдела Забайкальского фронта генерал-майор А.Д. Притула. Когда самолеты с десантом подходили к аэропорту, всех занимал один вопрос: откроют японцы огонь или нет? С самолетов видели изготовившихся к стрельбе японских зенитчиков, хотя ни одного выстрела все-таки не прозвучало. Но даже после высадки положение десантников нельзя было считать совершенно надежным. Во всяком случае, во время переговоров с командующим 3-м Фронтом совершенно неожиданно командующий гарнизоном Мукдена генерал-лейтенант Хонго вдруг взбунтовался и отказался подчиняться ему. Упрямца сумела убедить только эскадрилья бомбардировщиков, прошедшая на бреющем полете над аэродромом.

Именно с этим десантом связана почти детективная история пленения последнего императора Китая, а в 1945 году — императора государства Маньчжоу-Го Пу И. При всей внешней простоте, в этой истории имеются непонятные и необъяснимые эпизоды.

Когда началось наступление советских войск, император вполне резонно решил, что пора уносить ноги. Перспектива попасть в руки к русским его совсем не радовала. Японцы тоже были согласны с этим, и 11 августа японский посланник Есиока предложил ему покинуть столицу Маньчжоу-Го город Синьцзин (Чаньчун). Император на поезде отправился к корейской границе в городок

Далинцзыгоу, где и остановился 13 августа. Почему? Никто и ничто не мешало императору ехать дальше до Пхеньяна, до Сеула, вообще до самого берега Японского моря. И тем не менее путешествие прервалось.

17 августа Есиока предложил императору выбрать нескольких человек из его свиты и лететь в Японию. Ограничение было поставлено потому, что самолет был слишком маленьким, чтобы забрать всех лакеев, наложниц, евнухов и прочих нужных людей. Император Пу И летит, но почему-то не в Японию, а в прямо противоположном направлении — в Мукден. Опять же, что мешало пусть на маленьком самолете, пусть с промежуточными посадками, но лететь прямо на восток? Совершенно ничего. Однако император полетел на запад.

Дальше — больше. Совершенно понятно, что промедление смертельно, советские войска стремительно катятся по территории Маньчжурии, но император застревает на двое суток в Мукдене. И вот совершенно естественный финал — 19 августа советский десант высаживается на Северном аэродроме Мукдена, где в плен попадает не только командующий японским 3-м Фронтом генерал Усироку Дзюн, но и император Пу И. В связи с этим очень хочется задать вопрос: какие все-таки цели преследовали японцы, передав Пу И в руки советских властей? Кто, где и когда успел об этом договориться?

К счастью, нашим войскам не пришлось в полной мере столкнуться с особенностями японского национального характера, хотя кое-где пришлось хлебнуть горя со слишком упорными офицерами. Например, на Курильских островах бои закончились 10 сентября. Кстати, обратите внимание на эту дату — через неделю после **официального** подписания капитуляции. Но в тропиках все могло обернуться иначе.

Например, только в марте 1974 года на отдаленном филиппинском острове Лубанг вышел из джунглей и сдался местным властям 52-летний лейтенант Хироо Онода. За шесть месяцев до этого Онода и его товарищ Кинсики Козука устроили засаду на филиппинский патруль, приняв его за американский. Козука по-

гиб, а попытки выследить Оноду ни к чему не привели: он скрылся в непроходимых зарослях.

Чтобы убедить Оноду, что война кончилась, пришлось даже вызвать его прежнего командира — никому иному он не верил. Онода попросил разрешения оставить на память священный самурайский меч, который он закопал на острове в 1945 году.

Онода был настолько ошеломлен, попав совсем в иное время, что к нему пришлось применить длительное психотерапевтическое лечение. Он говорил: «Я знаю, что в лесах скрывается еще много моих товарищей, мне известны их позывные и места, где они прячутся. Но они никогда не придут на мой зов. Они решат, что я не выдержал испытаний и сломался, сдавшись врагам. К сожалению, они там так и умрут».

В Японии состоялась трогательная встреча Оноды с его престарелыми родителями. Его отец сказал: «Я горжусь тобой! Ты поступил как настоящий воин, как подсказывало тебе сердце».

Бр-р-р... Представьте что-нибудь подобное на нашей территории.

Соотношение потерь в этой операции до сих пор остается не выясненным. Ясно только одно: учитывая ее скоротечность, количество убитых не может быть слишком большим. Поэтому сложно верить старым советским источникам, которые утверждают, будто Квантунская армия потеряла более 87 000 человек убитыми. Многовато для четырех или пяти дней реальных боев. Наверное, к истине ближе японские источники, которые говорят о 20 000 убитых. С количеством пленных японцев картина и вовсе получается смешная. По советским данным, в плен попало около 640 000 солдат, в том числе маньчжуры и солдаты князя Дэвана. Японцы ухитрились насчитать целых два миллиона пленных, что выглядит совершенной фантастикой — это при численности Квантунской армии, не превышающей одного миллиона человек **со всеми** вспомогательными и союзными частями.

Потери Красной Армии в этой операции, по разным данным, находятся на уровне 8—9 тысяч человек убитыми и около 20 тысяч ранеными. Заявления японцев, будто мы потеряли более 20 тысяч человек убитыми, как бы это сказать поделикатнее, не продиктованы трезвым рассудком.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция завершилась молниеносным разгромом японской Квантунской армии. Реальное сопротивление японцев продолжалось менее недели, то есть операция на все сто процентов отвечает определению блицкрига. Советское командование сумело завершить долгую и кровавую войну, тянувшуюся целых 6 лет, одним коротким, сокрушительным ударом. Конечно, можно было бы ограничиться кратким резюме, как мы делали это в предыдущих главах, но с моей точки зрения, это наступление по целому ряду причин заслуживает более детального рассмотрения.

Дело в том, что слишком многое отличает эту операцию от привычного европейского блицкрига. Первое — это размах операции, наступление велось на фронте общей протяженностью около 4400 километров, на глубину до 900 километров. При этом следует учесть исключительно сложный характер местности, по которой пришлось наступать советским войскам. Множество горных хребтов, реки, непроходимая тайга разделяли этот фронт на несколько независимых участков. В Европе ничего подобного вы не сумеете найти, и от командования требовалось высочайшее мастерство, чтобы скоординировать действия войск на всех уровнях — от фронтов до батальонов. Советские генералы и офицеры справились с этим почти идеально, некоторые мелкие неувязки можно не брать в расчет. Как мы уже отмечали, немцы в 1941 году наладить подобную координацию на стратегическом уровне не сумели, что во многом и предопределило провал операции «Барбаросса». При этом фронт в Европейской России, несмотря на свои «противотанковые» дороги, обладал гораздо более высокой связностью, чем Маньчжурский театр военных действий.

Как было отмечено выше, нашим войскам приходилось действовать в самых различных условиях. Поэтому для поддержания высокого темпа наступления требовался очень тщательный подбор сил и средств обеспечения, причем в каждом конкретном случае они были различными. Конно-механизированная группа генерала Плиева пересекала пустыню Гоби, 6-я Гвардейская танковая армия форсировала горы Большого Хингана, 1-я Краснознаменная армия была вынуждена продираться сквозь Приамурскую тайгу. Сами понимаете, что требования к инженерному и тыловому

обеспечению были совершенно различными. Какие-то дивизии получили дополнительные понтонно-мостовые подразделения для быстрого форсирования водных преград. Какие-то — дополнительные автоколонны. 6-я гвардейская танковая получила дополнительные силы авиации для ведения разведки и обеспечения связи между корпусными колоннами. К сожалению, полагаться на радиосвязь даже в 1945 году были рискованно.

Еще одной особенностью Маньчжурской операции было то, что советскому командованию удалось добиться полнейшей стратегической и тактической внезапности. Принятые меры безопасности представляли собой любопытную смесь изощренных уловок и довольно сомнительных решений. К последним я бы отнес ставшее уже традиционным переименование высших военачальников, ведь пересчитать по пальцам советских маршалов не составляет труда. Другое дело, что японская разведка не сумела раскрыть факт сосредоточения огромных сил на границах Маньчжурии. Иное дело, что и здесь советское командование сумело найти нестандартные решения. Например, 6-я Гвардейская танковая армия начала наступление прямо с марша из глубокого тыла, не останавливаясь в районе сосредоточения. То же самое сделала 2-я Краснознаменная армия.

Внезапность вряд ли могла быть более полной. Разведка Квантунской армии утверждала, что Красная Армия не сумеет начать наступление ранее середины осени или даже весны 1946 года. И все действия японского командования говорят об этом. Штаб 5-й армии собрал совещание командиров частей и соединений, обезглавив их в решающий день. Сам командующий Квантунской армией отсутствовал в штабе, находясь на пути в Дайрен.

Советское командование выбрало совершенно неожиданные места для нанесения ударов. Ни один из японских генералов не сумел предусмотреть прорыва через Большой Хинган и Гоби. Не было даже планов отражения наступления в этих районах. Такое тоже бывает очень редко, обычно штабы готовятся к любым вариантам развития событий, но не в данном случае. Степень неведения японских генералов лучше всего характеризует тот факт, что 1-я танковая дивизия, сформированная в Маньчжурии и находившаяся там почти всю войну, в 1945 году была переброшена в

Японию. В Маньчжурии остались только 1-я и 9-я отдельные танковые бригады в составе Третьего армейского района. Это, кстати, ставит под **очень** большие сомнения сведения о 1000 танков, имевшихся у Квантунской армии. Вдобавок японцы лишились самого эффективного оружия против любого наступления — контрудара мобильного резерва из глубины обороны.

Вообще японцы оказались совершенно неспособны противостоять современной армии, имеющей опыт боевых действий на широком фронте. Советское командование использовало боевые группы, ядром которых были танковые подразделения, вместо того чтобы гнать волны пехоты на японские укрепления, и японцы продемонстрировали откровенную беспомощность в борьбе с ними. Квантунская армия застряла где-то в 1935 году, хотя на дворе стоял уже 1945-й.

Советское командование применило еще одну тактическую новинку. Вместо разведывательных групп вперед выдвигались сильные авангарды, способные подавить сопротивление тыловых частей. Эти авангарды действовали на большом удалении от главных сил, иногда до 50 километров, и пользовались полной свободой действий. Воздушные десанты выбрасывались в японский тыл на еще большее расстояние.

В целом Маньчжурская наступательная операция демонстрирует дальнейшее развитие тактики блицкрига с учетом возросших возможностей войск, их улучшившегося технического оснащения. Принципиальной новинкой стало участие в операции воздушных десантов. Это позволяет назвать наступление в Маньчжурии провозвестником комбинированных операций, которые характерны для современных армий. Так что в некоторых отношениях наши генералы намного опередили свое время, жаль только, что ограниченные технические возможности Красной Армии не позволили в полной мере реализовать новаторские замыслы командования. Но и без того темп наступления 6-й Гвардейской танковой армии составил 82 километра в день. Даже 36-я армия Забайкальского фронта, которой пришлось вести бои в Хайларском укрепрайоне, за день проходила до 45 километров. Несколько ниже была скорость наступления армий 1-го Дальневосточного фронта, однако

и здесь она не опускалась ниже 25 километров в день, что немцы считали прекрасным достижением.

2 сентября 1945 года была подписана капитуляция императорской Японии, завершилась Вторая мировая война. Вместе с ней подошла к концу и история блицкрига. Приятно, что именно Красной Армии было суждено поставить эффектную точку, доказав, что этот тактический прием могли применять не только его изобретатели — немцы. Причем советский блицкриг оказался гораздо более продуманным и тонким, чем немецкий.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Битва за Берлин». М., 1995.
«Война в Корее, 1950—1953». СПб., 2003.
«Вторая мировая война. Сборник статей». М., 1957.
«Гриф секретности снят». М., 1993.
«Курская битва. Хроника, факты, люди». В 2 томах, М., 2003.
«Мировая война, 1939—1945 годы». М., 1957.
«Моторизованная пехота Вермахта». Рига, 1998.
«Операция «Багратион». М., 2004.
«Советские танковые войска 1941—1945». М., 1973.
«Трагедия 1941. Причины катастрофы». М., 2008.
Адам В. «Катастрофа на Волге». Смоленск, 2001.
Ананьев А. «Танки идут ромбом». М., 1975.
Барятинский М. «Немецкие танки в бою». М., 2007.
Барятинский М. «Советские танки в бою. От Т-26 до ИС-2». М., 2007.
Барятинский М. «Т-34 в бою». М., 2008.
Белобородов А. «Прорыв на Харбин». М., 1982.
Бешанов В. «Год 1942 — «учебный». Минск, 2002.
Бешанов В. «Десять сталинских ударов». Минск, 2003.
Бешанов В. «Танковый погром 1941 года». Минск, 2000.
Бивор Э. «Сталинград». Смоленск, 1999.
Бикс Г. «Хирохито». М., 2002.
Бок Ф. фон «Я стоял у ворот Москвы». М., 2006.
Брукс Л. «За кулисами японской капитуляции». М., 1974.
Брэдли О. «Записки солдата». М., 1957.
Былинин С. «Сталинградская битва». М., 2004.
Василевский А. «Дело всей жизни». М., 1978.
Воротников М. «Г.К. Жуков на Халхин-Голе». Омск, 1989.
Горбунов Е. «Схватка с черным драконом». М., 2002.
Гот Г. «Танковые операции». М., 2006.
Гречко А. «Битва за Кавказ». М., 1967.

Гудериан Г. «Внимание — танки! История создания танковых войск». М., 2005.
Гудериан Г. «Воспоминания солдата». Смоленск, 1999.
Даян М., Тевет Ш. «Арабо-израильские войны». М., 2003.
Де Голль Ш. «Воспоминания солдата». М., 2003.
Де Лазари А. «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914—1918 гг.». М., 1935.
Дерр Г. «Поход на Сталинград». М., 1957.
Дэвидсон Ф. «Война во Вьетнаме». М., 2002.
Жуков Г. «Воспоминания и размышления». М., 2002.
Игнатьев А. «Пятьдесят лет в строю». В 2 т. М 1955.
Исаев А. «Берлин 45-го: Сражение в логове зверя». М., 2007.
Исаев А. «Георгий Жуков. Последний довод короля». М., 2006.
Исаев А. «Десять мифов Второй мировой». М., 2004.
Исаев А. «Когда внезапности уже не было». М., 2006.
Исаев А. «Котлы 41-го». М., 2005.
Исаев А. «Краткий курс ВОВ. Наступление маршала Шапошникова». М., 2005.
Исаев А. «Сталинград». М., 2008.
Карвер М. «Битва под Эль-Аламейном». М., 2003.
Катуков М. «На направлении главного удара». М., 1976.
Кондратьев В. «Халхин-Гол. Война в воздухе». М., 2002.
Крюгер В. «От Австралии до Японии». М., 1958.
Кульков Е. «Операция «Вахта на Рейне». М., 1986.
Лавренов С., Попов И. «Крах Третьего рейха». М., 2000.
Лавренов С., Попов И. «Советский Союз в локальных войнах и конфликтах». М., 2003.
Лелюшенко Д. «Москва — Сталинград — Берлин — Прага». М., 1987.
Лиддел Гарт Б. «Вторая мировая война». М., 1976.
Лопуховский Л. «Прохоровка без грифа секретности». М., 2005.
Макдоно Д. «Последний кайзер». М., 2004.
Максей К. «Танк против танка». М., 2004.
Манштейн Э. «Утерянные победы». М., 1999.
Меллентин Ф. «Танковые сражения 1939—1945 гг.». М., 1957.
Мерецков К. «На службе народу». М., 1968.
Моррис А. «Благородство поражения».
Нилланс Р. «Генералы великой войны». М., 2005.
Новиков М. «Победа на Халхин-Голе». М., 1971.
Петэн Ф. «Оборона Вердена». М., 1937.
Проэктор Д. «Германо-польская война». М., 2004.
Раус Э. «Танковые сражения на Восточном фронте». М., 2005.
Рейнгардт К. «Поворот под Москвой». М., 1980.

Рольф Д. «Кровавая дорога в Тунис». М., 2003.
Росадо Х., Бишоп К. «Танковые дивизии Вермахта». М., 2007.
Самсонов А. «Сталинградская битва». М., 1989.
Свирин М. «Броневой щит Сталина». М., 2006.
Свирин М. «Броня крепка». М., 2005.
Смирнов А. «Арабо-израильские войны». М., 2003.
Смирнов А. «Боевая работа советской и германской авиации в Великой Отечественной войне». М., 2006.
Соколов Б. «Правда о Великой Отечественной войне». СПб., 1989.
Солонин М. « 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?». М., 2005.
Суворов В. «Очищение». М., 1998.
Суворов В. «Последняя республика». М., 1995.
Суворов В. «Самоубийство». М., 2000.
Тарас Д. «Операция «Weiss». Минск, 2003.
Типпельскирх К. «История Второй мировой войны». М., 1956.
Тухачевский М. «Избранные произведения». В 2 т. М., 1964
Усов В. «Последний император Китая». М., 2003.
Фаулер У. «План «Барбаросса». Блицкриг на Востоке». М., 2007.
Федюнинский Ф.Ф. «На Востоке». М., 1985.
Хаф Ф. «Война на островах». М., 1960.
Хейгль «Танки». В 2 т. М., 1936.
Чемберлен П. «Полный справочник германских танков и самоходных орудий Второй мировой войны». М., 2008.
Чуйков В. «Конец третьего рейха». М., 1973.
Шишов А. «Россия и Япония. История военных конфликтов». М., 2000.
Шлиффен А. «Канны». М., 1937.
Эйзенхауэр Д. «Крестовый поход в Европу». Смоленск, 2000.

«История Первой мировой войны» в 2 томах, М., 1975.
«Советская военная энциклопедия» в 8 томах.
«История Второй мировой войны» в 12 томах.
«The history of World War II» in 30 parts.

«Encyclopedia of the Persian Gulf War». Santa Barbara, 1995.
«Hitler's War Directives 1939—1945». London, 1964.
«The history of Indo-Pakistan war». New Delhi, 1992.
«The Soviet-Afghan War». Lawrence, 2002.
Agha Humayun Amin «Battle of Chawinda». Karachi, 1998.
Alexander J.H. «Across the reef». Washington, 1993.
Alexander J.H. «Marines in the Victory on Okinawa». Washington, 1996.
Allcorn W. «The Maginot line, 1928—1945». Botley, 2001.

Antill P. «Berlin 1945». Botley, 2005.
Antill P. «Stalingrad 1942». Botley, 2007.
Arnold J.R. «Ardennes 1944». Botley, 1990.
Barbier M.K. «Kursk, the greatest tank battle». St. Paul, 2002.
Battistelli P. «Panzer Divisions — The Eastern Front 1941—43». Botley 2008.
Battistelli P. «Panzer Divisions — The Blitzkrieg Years 1939—40». Botley 2007.
Bean T., Fowler W. «Russian Tanks Of World War II — Stalin's Armoured Might». London, 2002.
Buckley J. «British armour in the Normandy campaign». London, 2004.
Chafian R. «Building Guderian's duck: Germany's response to the Eastern Front antitank crisis». Leavenworth, 2004.
Chapin J.C. «The battle for Saipan». Washington, 1994.
Cole H. «The Lorrain campaign». Washington, 1993.
Daglish I. «Operation Goodwood». Barnsley, 2004.
Drea E.J. «Nomonhan: Japanese-Soviet tactical combat». Leavenworth, 1981.
Dunstan S. «Armour of the Korean war 1950—53». London, 1982.
Dunstan S. «Armour of Vietnam War». London, 1985.
Dunstan S. «The Yom Kippur War 1973 (1), The Golan Heights». Botley, 2003.
Dunstan S. «Yom Kippur War (2), Sinai». Botley, 2003.
Edwards R. «Panzer — A RevolutionInWarfare1939—1945». London, 1998.
Fletcher D. «British tanks 1915—19». Ramsbury, 2001.
Forczyk R. «Moscow 1941 — Hitler's first defeat». Botley, 2006.
Ford K. «El Alamein, 1942». Botley, 2005.
Ford K. «Gazala, 1942». Botley, 2008.
Forty G. «Tank commanders». 1993.
Fowler W. «Balkans and North Africa 19411942». Hersham, 2003.
Fowler W. «France, Holland and Belgium 1940». Hersham, 2002.
Fowler W. «North Africa and Italy 19411942». Hersham, 2003.
Fowler W. «Poland and Scandinavia 1939—1940». Hersham, 2002.
Fowler W. «Russia 1941—1942». Hersham, 2003.
Fowler W. «Russia 1942—1943». Hersham, 2003.
Galuszko A., Kolomijec M. «Charkow 1942». Warszawa, 2004.
Gawrich G.W. «Key to Sinai». Leavenworth, 1990.
Glanz D. «August storm». Leavenworth, 1983.
Glanz D. «Soviet defensive tactics at Kursk». Leavenworth, 1986.
Glanz D. «The battle for Kursk». London, 1999.
Harper K. Tank warfare on Iwo Jima. Carollton, 2008.

Irving D. «The trail of the fox». London, 2001.
Jentz T.L. «Panzertruppen, 1933—1942». Atglen, 1996.
Jentz T.L. «Panzertruppen, 1943—1945». Atglen, 1996.
Karsh E. «Arab-israeli conflict». Botley, 2002.
Katz S.M. «Merkava Main Battle Tank 1977—1996». London, 1997.
Kaufman J., Kaufman K. «Hitler's Blitzkrieg Campaigns». 1993.
Kennedy R. «The German campaign in Poland». Washington, 1956.
Kirchubel R. «Operation Barbarossa 1941 (1)». Botley, 2003.
Kirchubel R. «Operation Barbarossa 1941 (2)». Botley, 2005.
Kirchubel R. «Operation Barbarossa 1941 (3)». Botley, 2007.
Kubiak K. «Indie — Pakistan 1971». Warszawa, 1997.
MacGhee G. «Breaking the Seelow Heights: the Zenith of Combined Arms Warfare». Leavenworth, 2008.
Macksey K. «Guderian. Der Panzer General». Düsseldorf, 1976.
Malkasian K. «The Korean War 1950—1953». Botley, 2001.
Michulec R. «T-34. Mythical weapon». Mississauga, 2006.
Munro B. «The Centurion tank». Whiltshire, 2005.
Neeno T. «Nomonhan: The Second Russo-Japanese War». 2005.
Newton S.H. «Kursk. The German view». Cambridge, 2002.
Oliker O. «Russia's Chechen Wars 1994—2000». Santa Monica, 2001.
Oren M. «Six days of war». Oxford, 2002.
Perrett B. «The Lee-Grant Tanks In British Service». London, 1978.
Porch D. «Path to victory». New York, 2004.
Rottman G. «M3 medium tank against Panzer III». Botley, 2008.
Schubert F., Kraus T. «Whirlwind War. The United States Army in Operations DESERT SHIELD and DESERT STORM». Pittsburgh, 1995.
Shepperd A. «France 1940». Botley, 1990.
Shepperd A. «Blitzkrieg in the West». London, 1990.
Solarz J. «Fall Gelb 1940». Warszawa, 1999.
Solarz J. «Fall Weiss 1939». Warszawa, 1998.
Trew S., Badsey S., «Battle for Caen». Stroud, 2004.
Turner A. «Cambrai 1917». Botley, 2007.
Varble D. «The Suez crisis». Botley, 2003.
Wiest A. «Vietnam war, 1956—1975». Botley, 2002.
Zaloga S.J. «Armour of the Middle East wars 1948—78». London, 1981.
Zaloga S.J. «Armour of the Pacific war». London, 1983.
Zaloga S.J. «Kasserine Pass, 1943». Botley, 2005.
Zaloga S.J. «Lorrain 1944. Patton vs Manteufel». Botley, 2000.
Zaloga S.J. «Operation Cobra 1944». Botley, 2001.
Zaloga S.J. «Poland 1939». Botley, 2002.

Zaloga S.J. «Tank War — NATO vs. Warsaw Pact». London, 1989.
Zaloga S.J. «The M47 & M48 Patton Tanks». London, 1980.
Zaloga S.J. «US Armored Divisions — The European Theater 1944—45». Botley, 2004.

Журналы:
«Фронтовая иллюстрация», «Военная летопись», «Танкомастер», «Броннеколлекция», «After the battle».

Различные сайты Интернета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

XX ВЕК ТАНКОВ

ЕСЛИ ТАНКИ БУДУТ ИМЕТЬ УСПЕХ, ПОСЛЕДУЕТ ПОБЕДА 5
Глава 1
ТАНК, КОТОРЫЙ НЕ ТАНК 9
Глава 2
ЧТО ПОЛУЧИТСЯ,
ЕСЛИ ДВОЕ БУДУТ ДЕЛАТЬ ОДНО И ТО ЖЕ... 30
Глава 3
МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО 50
Глава 4
ШЛИФОВКА МАСТЕРСТВА 69
Глава 5
ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 41-го ГОДА 89
Глава 6
КРАХ 109
Глава 7
ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН 125
Глава 8
В ЖАРКОЙ-ЖАРКОЙ АФРИКЕ... 138
Глава 9
ЕРЕСИ В УЧЕНИИ О ТАНКОВОЙ ВОЙНЕ 153
Глава 10
С ГОЛОВЫ НА НОГИ И ОБРАТНО 169
Глава 11
СКАЗКА О ТОМ, КАК ДОБЛЕСТНЫЙ ПАТТОН ЗЛОГО
МАНТЕЙФЕЛЯ ПОБЕДИЛ 185
Глава 12
ПРОСТО И ЭФФЕКТИВНО 196
Глава 13
АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗЛИШЕСТВА НА ФОНЕ ТРОПИЧЕСКИХ
ПЕЙЗАЖЕЙ 228
Глава 14
МАЛЕНЬКАЯ, НО НЕОБХОДИМАЯ ГЛАВА 241
Глава 15
АПОФЕОЗ ВОЙНЫ 250
Глава 16
ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ 285
Глава 17
МАЛЕНЬКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ВОЙНА 297
Глава 18
МИРНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ТАНКОВ 315
Глава 19
БУРЯ В СТАКАНЕ ПЕСКА 322

«МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА»

БЛИЦКРИГ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА 336
Глава 1
СКАЗКИ ДЕДУШКИ ШЛИФФЕНА,
ИЛИ КИЕВСКАЯ РУСЬ — РОДИНА БЛИЦКРИГА 340
Глава 2
ВЕЛИКИЙ ТАНКОВЫЙ СКАНДАЛ 356
Глава 3
ПЕРВЫЙ БЛИН ХАЛХИН-ГОЛОМ 376
Глава 4
ДАЛЕКИЕ ЗАРНИЦЫ 386
Глава 5
ЭТАЛОН БЛИЦКРИГА 399
Глава 6
МОЛНИЕНОСНАЯ ДОРОГА В НИКУДА 418
Глава 7
ОСЕННИЙ МАРАФОН 441
Глава 8
РОММЕЛЬ ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ 464
Глава 9
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ ОШИБКИ 486
Глава 10
ПРОТИВОЯДИЕ 504
Глава 11
О РОЛИ МЫШЕЙ В РАЗГРОМЕ АРМИИ ПАУЛЮСА 516
Глава 12
НЕ ЗА ТО ОТЕЦ СЫНА БИЛ, ЧТО ИГРАЛ, А ЗА ТО,
ЧТО ОТЫГРЫВАЛСЯ 532
Глава 13
БЛИЦКРИГ ПОКАТИЛСЯ НА ЗАПАД 563
Глава 14
ДЕШЕВАЯ ПАРОДИЯ 583
Глава 15
БЛИЦКРИГ УЩЕРБНЫЙ 597
Глава 16
АВГУСТОВСКАЯ ГРОЗА 612
Библиография 631

Научно-популярное издание

ТАНКОВЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Больных Александр Геннадьевич

ТАНКОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Полное издание обеих книг ведущего военного историка, посвященных танковым войнам XX века, в том числе и легендарному блицкригу.

ТАНКОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

Александр Больных

Минувшее столетие по праву считается **«Веком танков»** – ни один другой род войск не оказал такого влияния на ход боевых действий: танки играли решающую роль в большинстве вооруженных конфликтов, совершив настоящую революцию в военном деле, навсегда изменив характер современной войны. Однако полноценные, по-настоящему эффективные танковые войска удалось создать лишь трем государствам – гитлеровской Германии, Советскому Союзу и Израилю, – только эти страны, пройдя долгий путь кровавых проб и ошибок, смогли разработать и успешно применить на практике теорию танковой войны, вершиной которой стал немецкий **БЛИЦКРИГ**, впоследствии взятый на вооружение советскими и израильскими танкистами. Анализу стратегии и тактики «молниеносной войны» посвящена вся вторая часть книги. Кроме того, особый интерес представляет глава, в которой автор моделирует несостоявшийся конфликт между СССР и НАТО, наглядно демонстрируя, что, вопреки американским прогнозам, на Европейском театре военных действий у Запада фактически не было шансов устоять против советской танковой мощи.

ЭКСМО
ЯУЗА
ISBN 978-5-699-43130-4
9 785699 431304